

DRAGON AGE

Игры Смражени

Игры Смражени

Архидемон продолжает бушевать на Глубинных Тропах. У Стражей остается не так много времени прежде, чем зима окончится и слуги оскверненного дракона вырвутся из-под земли, чтобы уничтожить все сущее в обреченном Тедасе... Новеллизация игры Dragon Age. Origins-Awakening. Задействованы все игровые ГГ (Айдан Кусланд, Дайлен и Солона Амелл Фарен Броска, Нерия Сурана, Дюран Эдукан, Терон Махариэль, Дарриан Табрис), хотя не все становятся Стражами. Соблюдение канона, но с вариациями в деталях.

Глава 1

Кабинет эрла Эамона освещало яркое полуденное солнце. Сам Эамон сидел за большим столом, одна половина которого была завалена скрученными и смятыми свитками. Эрл быстро разбирал скопившиеся за время его болезни бумаги, периодически обращаясь к чудом уцелевшему управителю замка, который почтительно стоял подле хозяина. В стороне у большой растянутой на стене карты, тыкая в нее пальцами и водя ими вдоль линий дорог, негромко переговаривались Айан и Алистер. Время от времени, отметив очередное поселение, Стражи принимались что-то высчитывать, попеременно кивая то на стол эрла Эамона, то за большое окно, по замыслу зодчего обращенное в сторону столицы. На лицах обоих была написана немалая озабоченность. У стены, с ногами забравшись в большое кресло, с книгой в руках притулился Дайлен. Под рукой у мага лежало большое плоское блюдо, с которого Амелл брал мелко нарезанные куски жареного мяса и беспрестанно отправлял в рот.

— Дозвольте, ваша светлость, — в комнату шагнул пожилой и грузный слуга. — Письма. Одно только что прибыло с нарочным из башни Круга. Другое утром принесла птица. Прежний птичник погиб во время... нашествия, а новый слуга по небрежности не проверил насесты сразу.

Эрл принял большой скрученный свиток и, быстро просмотрев заглавие, поднял взгляд. — Командор, это для вас.

Кусланд в последний раз взглянул на карту и, дернув щекой, принял в руки свиток. Некоторое время он вчитывался в написанное. Лицо его прояснилось.

— От капитана Хосека, — зажимая верх свитка между пальцев, вслух сообщил он. — За три с половиной недели он сумел объехать весь северо-запад. Не иначе, на драконах летал. Цифры, которые тут приводятся... впечатляют. Не знал, что в Ферелдене столько воинов Церкви.

— Много, как и везде, — невнятно пробурчал Амелл, пережевывая мясо. — Великая армия дармоедов...

— Эта армия, и пехотинцы Редклифа — пока все, что у нас есть, — напомнил Алистер, отходя от карты. — Рыцари вернулись далеко не все. А от твоих магов проку мало.

— Они такие же мои, как твои, — Дайлен отправил в рот очередную порцию мяса и с огорчением оглянулся на почти пустое блюдо. — А что насчет юга?

— Весь юг уже захвачен и разорен, — за всех ответил эрл, читавший адресованную ему записку. — Порождения тьмы нападают выборочно и бессистемно. Иногда уходят из разоренных мест, по-видимому, опасаясь холодов. Должно быть, возвращаются под землю.

Подступы к Редклифу усиленно охраняются силами двух гарнизонов, но на территории эрлинга твари уже были замечены. Впрочем, чем холоднее, тем их нападения реже. Есть все основания полагать, что зимой нападений будет немного, а основной удар они нанесут весной. Едва только потеплеет.

— Значит, до весны мы должны быть готовы. Если исходить из последних вестей, армии Денерима и Амарантайна сосредоточены каждая возле своего города, но у Логейна и Хоу не хватит сил даже сообща заступить дорогу порождениям тьмы, тем более, если их поведет архидемон. Я видел орду в Остагаре. Их слишком много. И, если верить записям Серых Стражей прошлых лет, будет гораздо больше, — Кусланд еще раз внимательно просмотрел приведенный Хосеком список селений и количество призванных храмовников из каждого, и свернул свиток в рулон, протягивая его Амеллу. — Тут еще кое-что лично для тебя.

Маг поднял взгляд, от удивления забыв рассердиться.

— Для меня? От Хосека? Оторви этот кусок и сожги.

— Не валяй дурака, — Командор действительно оторвал низ письма и положил поверх раскрытой книги мага. — То, что тут написано, касается меня и Алистера, но в большей степени адресовано тебе. Прочти и обдумай. С этим нам рано или поздно тоже предстоит столкнуться.

Заинтригованный Дайлен перевернул обрывок бумаги и пробежал его взглядом. Изменившись в лице, поднес ближе к глазам и перечитал еще раз, более вдумчиво.

— Интересное предложение, — медленно проговорил он. Кусланд пожал плечами.

— Говорил я тебе.

— Что-то важное? — Эамон поднял глаза от записки и бросил ее на стол.

— Хосек предлагает обдумать позиции руководства армии Церкви в Ферелдене относительно ее поддержки политики нового молодого короля, — медленно пояснил Амелл, возвращая свою часть письма Командору. — Проще говоря, если мы поддержим его, он поддержит нас. А лояльность армии Церкви в нашем положении значит очень многое.

— Нового молодого короля? — не понял Алистер, присаживаясь на скамью напротив стола эрла. — Но ведь теперь, когда, хвала Создателю, эрл Эамон здоров, трон по праву принадлежит ему.

— Трон принадлежит Тейринам до тех пор, пока жив последний из них, — в голосе Эамона была усталая непреклонность. — Алистер, мы уже не раз обсуждали это. Я был бы плохим другом короля, если бы позволил случиться иному. Ты похож на своего отца больше, чем был похож твой покойный брат, да примет его Создатель. И занять трон вместо изменников Мак-Тиров — твой священный долг перед родиной. Клянусь, я сделаю все от меня зависящее, чтобы так и произошло. Сам Мэрик просил меня об этом.

Алистер дернул щекой. По нему было видно, что он с радостью увидел бы свой долг перед родиной в чем-то ином.

— Мэрик? Король просил посадить на престол бастарда?

— Король просил сохранить его сына и, в случае, если что-то случится с Кайланом, сделать все возможное, чтобы династия Тейринов по-прежнему управляла Ферелденом, — эрл вздохнул еще раз. — Но пока ты можешь не беспокоиться. Логейн не отдаст корону так просто. Не для того он задумывал убийство твоего брата, семейства Кусландов, мое и... твое.

В комнате повисло молчание. Управитель стоял, ни жив, ни мертв, сделавшись свидетелем таких страшных тайн и молясь, чтобы господа не вспомнили о его присутствии.

Лицо Алистера было хмурым. Перспектива занять трон Ферелдена казалась ему еще более мрачной, чем положить жизнь на служение Церкви.

— Так что предлагает храмовник? — спросил он, чтобы сменить тему. Кусланд, с не менее угрюмым видом вслушивавшийся в беседу, пожал плечами.

— Лояльность воинов Церкви в случае, если удастся сместить Логейна. Рыцарь-командор Грегор может не пережить битвы с порождениями тьмы. Но даже если переживет, в любом случае, он стар. Лириум уже сделал с ним свое дело... как и антивское вино. Хосек полагает, что очень скоро Грегор будет смещен.

— Бывших храмовников не бывает.

— Не бывает, — согласился Алистер, поглядев сперва на пустое блюдо, потом на Амелла. — Но бывают бывшие командоры.

— Если Хосек подсадит Грегора, Вал Руайо может назначить его командовать храмовниками Ферелдена, — заключил Айан, усаживаясь рядом с Алистером. — Но Хосек сам тяжело болен.

— В Вал Руайо об этом не знают, — напомнил Дайлен, обсасывая жирные пальцы. — Если он протянет еще несколько лет, за это время храмовники и маги Ферелдена всегда будут готовы поддержать нас... то есть, короля Алистера. А после... маховик нужно лишь запустить. Представьте, насколько усилится наша армия, если в нее набирать специально обученных боевых магов.

— Ты так говоришь, словно я уже король, и у меня есть армия, — раздраженно пробормотал Алистер. Айана тоже одолевали сомнения.

— Разве Верховная Жрица потерпит такое?

— О состоянии дел в Ферелдене Верховная Жрица будет получать донесения от рыцаря-командора. Я знаком с этой системой. У нас не такая большая и важная страна, чтобы удерживать здесь сотни соглядатаев. Зная Хосека, он сумеет найти доводы для того, чтобы убедить Вал Руайо в полной законности и оправданности таких действий.

— Ты так же уверен в том, что Хосек будет поддерживать любую позицию короля? — с некоторым напряжением переспросил Эамон. — Поддержка всех рыцарей Церкви — слишком хорошо звучит, чтобы оказаться правдой.

— До тех пор, пока действия короля не будут затрагивать его интересов. Но его интересы ограничиваются Кругом магов. Потому он написал именно мне — чтобы я подтвердил его склонность к лояльности... в этом отношении. Все же я знаю его дольше вас, — Амелл вздохнул и в который раз с сожалением покосился в сторону пустого блюда.

— Ты можешь за него поручиться, Страж?

— Я могу поручиться за то, что, в отличие от рыцаря-командора Грегора, капитан Хосек не боится даже малефикарума и не упустит возможности воспользоваться магией... или магами. Если это будет необходимо. Когда его назначили капитаном, он неоднократно пытался заставить Грегора... реформировать режим в башне Круга и снять запрет на использование магии для получения прибыли и в исследовательских целях. Кое-чего он действительно добился. Круг перестал кормиться только за счет труда усмиренных и начал оказывать магические услуги. За те девять лет, что я пробыл в башне, маги сильно продвинулись в целительстве. Хосек — хитрый лис и жестокий волк, который умеет добиваться того, что хочет.

Он некоторое время помолчал.

— Если вы спросите Дайлена Амелла — Хосек — гнусный выродок и я ненавижу эту

тварь, — с некотором усилии продолжил Дайлен. — Но как Серый Страж и сподвижник будущего короля, который, если будет на то воля Создателя, займет принадлежащее ему по право место на троне Ферелдена, я бы не нашел лучшей кандидатуры на пост рыцаря-командора храмовников. Лучшее в Хосеке то, что с ним всегда можно договориться. Мы... если у нас будет для этого возможность, нам следовало бы его поддержать.

Алистер прикрыл лицо рукой, опершись на локоть. Эамон устало вздохнул.

— Капитан уже тем показывает готовность к стовору с нами, что собирает войска для Серых Стражей. Стражи теперь вне закона, и Хосек сознательно втягивает храмовников в конфликт с Логейном и, как следствие, готовит почву для того, чтобы поддержать короля Алистера, о котором ему довелось, как вы говорите, узнать в Круге, — Эамон кивал в такт своим словам. — И хотя не дело Церкви мешаться в политику, благодаря капитану, Церковь уже формально на нашей стороне. Это все хорошие признаки, и говорит в его пользу. Если будет возможность, мы его поддержим. Однако, все сказанное — дело будущего. Поговорим об этом, когда окончится Мор и на троне появится новый, законный правитель.

Алистер издал неподдельный стон и такой громкий, что все в кабинете поневоле вздрогнули.

— Записка, которую принесла птица — от Тегана, — тем временем продолжал Эамон, уже привыкший к самым разным выражениям скорби со стороны своего воспитанника с тех пор, как, очнувшись после долгой болезни и едва не перепутав взрослого Алистера со своим давним другом королем Мэриком, увидел в том знамение и выказал твердое намерение во что бы то ни стало способствовать передаче ему короны Ферелдена. — Он повторяет то, о чем мы уже знаем. Все Стражи Ферелдена объявлены изменниками и поставлены вне закона. Подлежат уничтожению везде, где появятся. Сочувствующие им или оказывающие помощь должны понести соответствующее наказание. Семейство Кусландов было уличено в измене королю и лишено всех титулов, земель и привилегий волей регента тейрна Логейна при правящей королеве Аноре. Единственный изменник, избежавший справедливого возмездия за свои преступления, Айдан Кусланд, спрятавшийся среди Серых Стражей, должен быть немедленно пойман и доставлен для допроса в форт Драгон, живым или мертвым. За его голову назначена хорошая награда.

Айдан поднялся и крупными шагами пересек комнату. Остановившись у окна, он заложил за спину руки.

— От Серых Стражей Орлея, за которыми посылал Кайлан, по-прежнему нет никаких известий, что мне кажется более чем странным, — проводив его глазами, тем временем продолжил высказывать мысли о прочитанном хозяин кабинета. — Теган говорил со многими баннами в столице. Теперь, когда над страной нависла угроза Мора, а король мертв, многие съезжаются в Денерим, который хоть как-то защищен войсками. Банны недовольны тем положением, в которое поставил страну Логейн, как и его бездействием относительно происходящего. Ему не все верят. В особенности те, кто вернулся из-под Остагара.

— Еще бы, — пробормотал Дайлен, оставив, наконец, в покое мясное блюдо и занявшись стеклянной корзиной с фруктами.

— Теган пишет, что Собрание Земель теперь созвать возможно. Но еще лучше было бы сделать это ближе к концу зимы, когда в столице окажется еще больше знати. К тому времени он успеет подготовить почву для нашего заявления. В Денериме у него есть осведомители. Если удастся доказать хотя бы часть преступлений Логейна, у нас гораздо

больше шансов убедить, зная прислушаться к нам. Все же Логейн — регент и герой войны. Королева Анора, которую уважают в народе, также будет поддерживать отца. Мы должны подготовиться очень серьезно. Это можно сделать. Но Тегану нужно время. Не меньше полутора месяцев. Лучше — больше.

— Нам это подходит, — Командор приотвернулся от окна. — У Серых Стражей договора не только с магами, но еще с гномами и долийцами. До конца зимы нужно успеть мобилизовать всех и выставить на пути орды порождений тьмы.

Вновь повисло тягостное молчание.

— Это нереально, — наконец, подсчитал Алистер, прекращая тискать лоб и выпрямляясь на скамье. — Мы и объехать их всех не успеем. Искать долийские кланы даже в зимнем лесу не такая простая задача. А гномий Орзамар — в противоположном конце страны.

— Можно попробовать успеть, если немного раздробить наши силы, — негромко подсказал выход Дайлен, сплевывая в опустевшую корзину последнюю фруктовую кость. — Не обязательно ездить в каждую сторону втроем.

Все взгляды в комнате на несколько мгновений обратились на него.

— А ведь верно, — после паузы согласился Кусланд. — Втроем мы привлечем больше внимания. Кто-то один должен отправиться к долийцам, а кто-то — к гномам. Я думаю...

— Не мое дело тебе указывать, но мы забыли еще кое о чем, — перебил Командора сыто откинувшийся в кресле маг. Второе пустое блюдо он поставил рядом с первым. — Нам нужно больше Серых Стражей. Трое на пути архидемона — это мало, Айан. Я — сильный маг, и сделаю все, что смогу. Мне уже приходилось убивать дракона. Но случиться может что угодно. Маги — так же уязвимы, как и все остальные люди. Иногда даже уязвимее. А мы не умеем делать других Стражей. Этот секрет нам нужно узнать. Да и Право Призыва есть только у Командора. Твои полномочия нужно подтвердить в Вейсхаупте, но достаточно и крупной крепости Стражей, где есть представитель из Андерфелса. Такой, например, крепости, как в Монтсиммаре.

— Но ведь Монтсиммар — в Орлее, — Алистер качнул головой. — Это очень далеко. У нас нет времени!

— Я могу попробовать успеть съездить туда и вернуться за одну зиму, — Амелл пожал плечами. — Заодно и выясню, почему Стражи Орлея не явились под Остагар.

Эамон жестом отпустил управителя. Дождавшись, пока тот уйдет, вздохнул.

— Я догадываюсь, отчего этого не случилось. Скорее всего, орлесианцев просто не пустили в Ферелден по приказу Логейна. Может статься, через границу теперь вообще не пройти.

— Границу можно пересечь не только в одном месте, — подсказал Дайлен. Эрл посмотрел на него с укором.

— Морозные горы проходимы только через перевал Герлена. Говорят, есть еще один перевал, через который можно пройти напрямик в Долю, но искать его, да еще зимой — гиблое дело. Кроме того, может статься, что как раз зимой он не проходим. Так что отсюда путь в Орлей только один — через Герлен, где стоят люди Логейна. Каленхад еще не замерз здесь, на юге, где в него впадают горные реки и подземные горячие источники. Но на севере в это время года он уже покрыт льдом. По морю в Орлей тоже не добраться.

— При всем уважении, эрл, — склонил голову Дайлен. — Я маг. У магов... свои секреты. Если я отправлюсь один, уверен, что сумею пересечь границу. Нужно попытаться

использовать все, что сможем получить. Поддержка Стражей Орлея — это то, чего очень не хватало под Остагаром.

Айан и Алистер переглянулись.

— Ты хочешь отправиться в Орлей один? — хмуро переспросил Командор.

— Так я привлеку гораздо меньше внимания, чем разъезжая с отрядом. И, помимо прочего, я единственный, кто в одиночку сумеет себя защитить лучше других.

Кусланд дернул щекой.

— Похоже, особого выбора у нас нет. Действительно было бы разумнее рассредоточить наши силы. Тем более, что времени становится все меньше. Алистер, — он кивнул напрягшемуся другу. — Собирайся. Завтра ты отправишься к долейцам. С этими тварями договориться будет непросто, поэтому возьми с собой Лелиану и Винн. Они — мастера по части уговоров.

Казалось, Эамон был недоволен таким решением, хотя постарался этого не показать.

— Вы считаете оправданным отправлять Алистера... в такую дальнюю дорогу без охраны, Командор?

— Нет. Но выбора у нас нет тоже. Первоочередная задача Серых Стражей — остановить Мор. А для этого нужны союзники. Кроме Алистера и Дайлена у меня нет больше людей. Надеюсь, Алистер справится.

— Разумеется справлюсь, — вмешался сын Мэрика, тоже крайне недовольный тем, куда повернул разговор. — Но что с теми, кого ты отправляешь со мной? Отчего ты отсылаешь Лелиану? Разве вы... то есть... быть может, мы не увидимся несколько месяцев!

— Постараемся управиться скорее, — жестко пресек Айан, как и его собеседники недовольный вступлением в свои дела. — Лелиана очень складно говорит. Уверен, это должно пригодиться у остроухих. Ваша светлость, — Айан повернулся к эрлу. — Для нас со Стражем Амеллом пусть к утру снарядят корабль. На нем мы доберемся до урочища... как бишь его... откуда расходятся пути к Герлену и Орзамару. Это в одной стороне.

Эамон покачал головой.

— Будет сделано, Командор.

— Тогда разрешите откланяться, — Кусланд поклонился в ответ на склоненную голову эрла. — За сегодня нам нужно уладить все дорожные дела. И да поможет нам Создатель.

Глава 2

Серый рассвет застал покачивающийся у причала легкий быстроходный корабль эрла готовым к отплытию. Доски причала и вымерзшая трава вокруг пирса были покрыты толстым слоем инея. Падавший редкий снег наглядно указывал на приход зимы, которая полновластно вступила в свои права.

Несмотря на ранний час, у причала было многолюдно. Прибывший лично чтобы проводить своих гостей эрл Эамон в последний раз обсуждал с Алистером и Айаном должное к исполнению им до возвращения Стражей. Рядом с Кусландом, крепко держа его за руку и привалившись к плечу головой, стояла Лелиана. Глаза ее были прикрыты, но временами лучница поднимала рыжие ресницы и устремляла взгляд на стоявших в стороне Стража-мага Дайлена Амелла и его невесту, Кейтлин. Держась за руки, влюбленные о чем-то торопливо говорили друг другу, перемежая свою речь стискиванием пальцев и поцелуями.

Временами светловолосая Кейтлин отнимала руку, приотворачиваясь от поклонника, и прикрывая ею глаза, но Дайлен ловил обратно ее узкую, сухую от мороза ладонь и продолжал что-то горячо нашептывать в скрытое выбившимися из-под капюшона меховой накидки прядями волос ухо девушки.

Морриган и Стен уже были на борту. Эти двое ни с кем не прощались. По тому, как они держались, их бы можно было принять за пару, если бы между собой они не разговаривались тоже. Рыжий мабари Йеху, поскуливая, кидал тревожные взгляды на трап. Ему, как и загодя доставленным на борт лошадям, явно было не по нраву сменить спокойную земную твердь под лапами на шаткие и ненадежные доски палубы.

— Значит, до конца зимы, — в который раз повторил Эамон, все еще мрачный из-за перспективы отправить только что вновь обретенного сына Мэрика без охраны к долийцам. — И то при условии, что в Орзаммаре вас задержат дела, Командор.

— Все может пойти не так, как задумывалось, — Айан приобнял Лелиану, ободряюще стискивая пальцы у нее на плече. — Логейн мог догадаться, что мы попросим помощи у гномов. Наверняка догадался, учитывая деятельность капитана Хосека на северо-западе, о которой ему не могли не доложить. И которой он — пока — не смеет воспрепятствовать. Логейн знает о договорах Стражей и, скорее всего, уже отправил гонцов к королю Орзаммара с тем, чтобы загодя нас очернить. Так что, может статься, несмотря на договора, гномы откажут Стражам в помощи. Такого раньше не случалось, но мало ли, чего не случалось раньше. Не обязательно получится так, но мы должны быть готовы к любым неожиданностям. Кто знает, вдруг для достижения нашей цели придется говорить на заседаниях гномских деширов, не единожды ходить на приемы к королю и влиятельным лордам, и уговаривать, настаивать, убеждать... Все знают гномов. Знатность рода и предки для них значат поболее всего остального. Вот почему в Орзаммар ехать мне, — Айан извиняюще пожал плечами. — Стоя перед их советом, я могу назвать имена моих предков со стороны Кусландов и Вортов до седьмого колена... в отличие от Алистера. Кроме того, я больше бывал среди знати, и знаю, с кем говорить и как. Но все это способно отнять много времени. Неплохо было бы добраться до гномьего города, получить заверения в воинской поддержке, и быстро оборотиться назад. Но увы — я уверен, что все обернется не так просто. Помоги Создатель вернуться к весне. И с подкреплением.

— Пора, милорд Командор, — со стороны трапа подошел тот же приземистый и лысоватый капитан, что так легко и уверенно провел судно эрла между рифов острова башни Круга. — Вот-вот поднимется сильный ветер. Нам бы его правильно поймать.

Кусланд положил руку поверх протянутой руки Эамона. Эрл ободряюще кивнул ему и отошел. Его место занял Алистер, с такой силой стиснувший друга в объятиях, что у не надевшего доспех Командора перехватило дыхание.

— Осторожнее там с эльфами. Эти твари стреляют раньше, чем начинают говорить. Алистер усмехнулся.

— Ты тоже будь любезнее с обитателями подземья. Пониже кланяйся, чтоб не причинять им неудобства дышать тебе в пупок.

Кусланд покачал головой и еще раз сам обнял Алистера. Постояв, они выпустили друг друга. Обернувшись к Лелиане, Айан некоторое время в молчании глядел в ее большие синие глаза.

— Я все сделаю, как ты сказал, — через силу выговорила, наконец, девушка. — Присмотрю за будущим королем.

— Да уж, сделай милость, — не сдержался Алистер. Айан улыбнулся.

— Я надеюсь на вас обоих. И на Винн. За делами, — поторопился добавить он, видя ползущую по щеке лучницы слезу, — время пробежит незаметно. А там разобьем порождений тьмы, победим архидемона, посадим на трон нашего Алистера и...

— ... и заживем обычной мирной жизнью Серых Стражей, — негромко подсказал Алистер, как бы про себя. — Будем каждый месяц лазить на Глубинные тропы и воевать там с остатками порождений тьмы, в грязи и скверне...

Кусланд с силой ударил его в бок локтем. Дождавшись, пока выдохнувший, но не могущий вдохнуть Алистер припадет на колено, обнял Лелиану и нежно поцеловал ее. Девушка притиснулась к нему всем телом и судорожно всхлипнула, высвободив губы и прижимая щеку к его шее. Айан зарылся рукой в ее волосы и притиснул к себе. Миг или два они простояли так, обнявшись. Потом, бросив взгляд на мнущегося капитана, Кусланд выпустил Лелиану и обернулся к Амеллу.

— Дайлен! — громче, чем в том была нужда, гаркнул он. — Пора!

Лучница отошла, вытирая глаза и щеки, и остановилась рядом с кривящимся перекобоченным Алистером. Дайлен в последний раз долго и пылко поцеловал свою девушку и, нехотя отпустив ее руки, подошел к трапу. Крепко обняв поморщившегося Алистера и поклонившись эрлу, еще раз обернулся на Кейтлин и взошел на борт, остановившись рядом с Морриган.

Айан поднялся последним. Трап тут же убрали. По-видимому, у капитана все было давно готово. Едва только был забран удерживавший судно канат, корабль, расправляя паруса, отошел от берега и, подгоняемый свежим холодным ветром, устремился по беспокойным темным водам зимнего озера на север, к далекому горному Орзаммару.

Фигуры провожавших, видеть которые мешал усиливавшийся снегопад, все быстрее таяли вдали.

Глава 3

Эрл Эамон оказался прав в большей степени, чем сам предполагал. Озеро Каленхад, не подпитываемое теплыми источниками юга, на севере покрылось льдом. Случилось это задолго до того, как впереди показались темные крыши поселка, что стоял у перепутья между Имперским трактом к далекому перевалу Герлена и добротной, мощенной камнем дорогой южнее до самого гномьего Орзаммара. Стражи и их спутники получили неоспоримую возможность убедиться в мастерстве капитана, сумевшего найти пригодное место для того, чтобы подойти к самому берегу и выгрузить их без потерь вместе с лошадьми. Погода также благоприятствовала походу. После памятного снегопада в день отплытия внезапно резко потеплело, и все последующие дни сияло солнце. Освещаемые его ярким светом предгорья казались гостеприимными и приветливыми и навевали веселые настроения.

Особенно это было заметно по ехавшему рядом с Кусландом Дайлену. Молодой маг то и дело вырывался вперед и тут же приостанавливался, заставляя лошадь гарцевать на месте и чудом удерживаясь в седле, драл шишки со склонявшихся к тракту елей, кидался ими в скачущих по веткам грызунов и беспрестанно зубоскалил. Такие настроения настолько не были свойственны для всегда сдержанного молчаливо-угрюмого Амелла, что Айан долго не

знал, что думать, и понял до конца, только мельком углядев на шее мага крученный многоцветный шнурок. Такие одевали своим возлюбленным незамужние ферелденские девушки в знак принятого жениховства.

— ... ну а он, значит, большой такой муж, солидный. Несёт себя бережно, пузо — вперёд, глаза преисполнены значимости от собственной персоны, и губы — одна на другой, как лепешки. Даже Хосек тогда прибалдел, а этого обычно ничем не проймешь. Все-то думают — по меньшей мере, посланник от короля, по большей — из Вал Руайо инквизитор по их души прибыл, чтоб за нерадение песочить. А этот, пыхтя, в сопровождении двух слуг потощее, но наряженных так же пестро, через весь зал допереваливался до капитана, постоял, поотдувался и гордо так спрашивает свысока — мол, скажи друг храмовник, где тут у вас уборная? А то ему, как проверяльщику уборных, заранее бы там все осмотреть да поправить, чтобы господин его купец, что вот-вот прибудет следом и крайне щепетилен в этом отношении, всем остался доволен. Хосек стоит перед ним красный, и глазами лупает, а сказать ему нечего — впервые за всю жизнь, наверное. Остальные, и храмовники, и маги, тоже замерли, кто где, а этот свин сопит все требовательнее — ответа ждет. Как он смог так разожраться на такой-то должности — ума не приложу.

Кусланд улыбнулся. Представившаяся его мысленному взору величественная фигура капитана храмовников, кланяющаяся проверяльщику уборных для какого-то странного купца, и впрямь показалась забавным зрелищем. Амелл закончил историю, и взялся рассказывать следующую, которых у него, как оказалось, под настроение, было великое множество. Имперский тракт, почти не петляя, вел невеликий отряд из четырех конников в горы, мрачность обступившего дорогу леса из высоких, колючих деревьев развеивалась яркими солнечными лучами, свежий морозный воздух кружил голову, и даже мрачное настроение последних недель начало потихоньку развеиваться. Глядя на непривычно счастливого товарища, Кусланд помимо воли стал думать о Лелиане. Бывшая послушница искренне и беззаветно любила его, и это было понятно даже молодому Айану с его невеликим опытом в подобных делах. Но любил ли ее он — на этот вопрос у Командора не было однозначного ответа. Вне всяких сомнений, внимание настолько красивой девушки ему льстило. Лелиана обладала многими из тех качеств, которые нравились ему в женщинах. Бойкая и веселая, лучница была хорошим товарищем, верным и надежным. Ее большие глаза глядели на него с искренним восхищением, а полные губы словно были созданы для поцелуев. Девушка была неглупа, незлоблива и рассудительна. Ее интересовал он сам, Айан, а не милорд Айдан Кусланд, тем более что стараниями тейрна Логейна, он лишился даже принадлежности к дворянскому сословию. И все же было в Лелиане что-то, что удерживало Айана от того, чтобы полностью отдаться в ее отношении тому самому чувству, которое теперь заставляло неумно улыбаться всегда бывшего неглупым Дайлена. Что-то такое, в чем разобраться до конца Айан толком не умел. Это, а не иное было причиной, по которой Лелиана вместо того, чтобы ехать с ним в Орзаммар, отправилась под командованием Алистера на другой конец Ферелдена. Айану не хотелось заставлять девушку обманываться, тем более, что любовь к нему у подруги была настоящей, в этом он не испытывал ни малейших сомнений. Прежде всего Кусланду нужно было определиться в ее отношении самому.

Занятый своими мыслями и вполуха слушая байки Дайлена, которые вызывали уже усмешки даже на всегда мрачных лицах Морриган и Стена, Айан пропустил момент, когда с одного из многочисленных боковых дорожных ответвлений на Имперский тракт выскочила

всклокоченная девушка в разорванном крестьянском платье. Затравленно заозиравшись, она увидела приближавшихся всадников и бросилась им наперерез, едва не заставив встать на дыбы лошадь Дайлена, вновь неосторожно вырвавшегося вперед.

— Прошу, помогите! На мою семью напала стая волков! Какие-то ужасные звери, милорды! У них из спин растут шипы! Помогите, помогите! Может, маму и сестричек еще можно спасти!

Кусланд и Амелл переглянулись.

— По описанию похоже на моровых волков, — после паузы проговорил маг. — Твари, которые жрут мясо дохлых порождений тьмы. Укус такого животного заражает скверной.

— Клянусь, меня не укусили! Никого еще не укусили, но может уже грызут! Милорды! Да скорее же! Я умоляю! Умоляю!

— Ну ладно, ладно, — спиной чувствуя неодобрение спутников, гаркнул Кусланд, перекрывая отчаянный девичий визг. — Живей показывай дорогу.

— Спасибо! Да благословит вас Создатель, добрый господин! Тут недалеко!

Девушка развернулась и невероятно шустро бросилась обратно в чащу. Стражи, а за ними их спутники пришпорили лошадей, следуя за легконогой крестьянкой. Ее спина мелькала среди густых еловых лап. Всадникам было куда сложнее ехать конными по едва заметной заросшей тропе, постоянно цепляя головами колючие ветви. Кусланд совсем было потерял из виду проводницу, когда внезапно колкие заросли раздвинулись, и конники один за другим выехали на широкую поляну.

Девушка стояла в дальнем ее конце. Рядом с ней поигрывал легкими мечами смуглый светловолосый эльф. Его смазливое лицо кривилось в до того глумливой усмешке, что увидевшему ее первым Кусланду невыносимо захотелось сплюнуть.

— Доблестные Серые Стражи, — несмотря на выражение лица, неожиданно приятным голосом проговорил эльф, протягивая вперед руку с зажатым в ней тонким изогнутым мечом. — Сколько мифов, сколько легенд и небылиц. И как все оказалось просто!

Крестьянка, которая растеряла весь свой наносной испуг, махнула рукой. Тотчас откуда-то сверху на конников обрушилась широкая тяжелая сеть. Морриган и Стена, ближе других оказавшихся к зарослям, накрыло сразу. Айдан мгновенным выверенным движением извернулся из-под пут и, ударив коня, помчался на стоявших у края поляны эльфа и женщину.

Дайлен тоже попытался увернуться, но неудачно. Зацепившись ногой за стремя, он упал наземь, спиной вперед, до хруста вывихнув лодыжку. Откуда над ним появился высокий широкоплечий наемник с обнаженным мечом, заметить он не успел. Уроки Кусланда не прошли даром — приняв удар меча на стальной наруч, Амелл вскрикнул от резкой боли, когда лезвие пропороло одетую в поход для непривлечения внимания плохонькую кольчугу и впилося в живую плоть. Свободной рукой в стальной перчатке вцепившись в лезвие меча, маг дернул нападавшего на себя, одновременно пиная того в пах здоровой ногой. Краем глаза он видел бешено бьющегося в сетке коссита и Морриган, которые, сваленные с лошадей, никак не могли подняться на ноги. Над ними, пытаясь попасть по их дергавшимся фигурам, метались еще трое с обнаженными мечами. Дайлен дернул рукой — и всех троих смело в сторону. Увернувшись от неточно рухнувшего на него клинка кривящегося от боли первого наемника, маг резким движением брызнул кровью тому в лицо, и нападающий закричал, роняя меч. Кожа его задымилась. Дайлен вскочил на ноги и, припадая на увечную, бросился к сети, чтобы помочь выпутаться из нее хотя бы кому-нибудь одному.

Айан не успел достать до говорливого эльфа всего на несколько шагов. Пущенная в галоп лошадь внезапно споткнулась на скаку и с ходу грянулась в пожухлую хвою, издав короткий ржущий крик. В ее шее торчал эльфийский меч. Придавленный павшим животным Кусланд едва успел среагировать на второй клинок, который метнул в него эльф, и красная сталь вонзилась в землю рядом с его головой. Лишившийся своих мечей эльф выхватил длинный нож и в мгновение ока оказался рядом, но ударить не успел. Сомкнувшиеся на запястье собачьи клыки отдернули его в сторону, рывком сбрасывая с Кусланда. Извернувшийся убийца перекинул нож в другую руку и с силой всадил его в бок Иеху — раз, второй, третий. Айан, сумев, наконец, высвободиться из-под трупа лошади, бросился на эльфа, но больше ничего сделать не успел.

Что-то яркое и горячее пронеслось у них над головами и врезалось в фигуру мнимой крестьянки, которая творила между рук стихийное заклятие. Освобожденная из сети Морриган ударила в землю концом своего посоха, и вслед за огненным шаром на заманившую их в ловушку магину из неоткуда обрушился кусок льда. Воспользовавшись тем, что тот отвлекся, Кусланд врезал элфу в скулу. Сила удара командорского кулака была такой, что дернувшийся убийца упал наземь, подняться уже не пытаясь. Айан поднялся сам, тяжело опираясь о колени ладонями, и оглядел место недавней засады.

Четверо наемников были мертвы. Трое — зарублены мечом куннари, еще один валялся рядом со смиренно стоявшей лошадью Дайлена. На месте его лица спекшейся кровью оплывала дыра. Крестьянская девушка, оказавшаяся магинею, еще дышала, но по ее раскроенной до белой жижи голове было видно, что дышать ей оставалось недолго.

Держась за плечи Стена и Морриган, приковылял раненый маг. Айан скользнул по нему взглядом и склонился над трупом Иеху. Несмотря на то, что тело пса давно уже было сильно тронуту скверной и болезнью, Айан продолжал надеяться на выздоровление зверя, что иногда случалось с самыми крупными и сильными собаками. Когда-то, подобно всем щенкам мабари, Иеху сам выбрал служить Айану, и с тех пор Кусланд не расставался с животным, зачастую даже засыпая с ним в одной постели, несмотря на немилосердно кусавших его блох.

В полной мере осознав горечь своей утраты, Айан взялся за ворот куртки бессознательного эльфа и зло встряхнул. Мигом позже из неоткуда на того, забрызгав и доспехи Кусланда, вылилось не меньше ведра холодной воды.

Убийца вскинулся, но, натолкнувшись на выставленный клинок, слепо отпрянул назад, в медленно смерзавшуюся лужу. Холод быстро отрезвил его, заставив прийти в себя. Эльф стрельнул вокруг наглыми зелеными глазами и, убедившись, что его люди мертвы, а пути к бегству отрезаны, показательно принял философско-отвлеченный вид.

— Кто ты такой? — едва сдерживаясь, спросил Командор. — Какого демона вы на нас напали?

Убийца хмыкнул.

— Я так понимаю, что если буду молчать, меня ждет пытка? Все, понял, понял. Сэкономлю вам и себе время, могучие маги. Хотя, о, демоны, меня не предупредили, что вы — маги. Бронтьего дерьма бы в глотку моим осведомителям!

— Давай, я все-таки сделаю ему больно, — попытавшись коснуться носком сапога земли и тут же скривившись, предложил Амелл. — Чтобы все ускорить.

Эльф поспешно мотнул головой.

— Говорю вам, в этом нет необходимости! — он пошевелился, отползая из почти

смерзшейся лужи. — Я все расскажу сам. Меня... меня зовут Зевран! Для друзей — Зев.

— Какого демона ты напал, Зевран? — теряя последнее терпение, зло спросил Кусланд. Меч в его руке едва заметно дрогнул, точно сам по себе дернувшись к горлу эльфа. — Что ты имеешь против нас?

Тот поднял обе руки, ладонью одной из них как бы невзначай отводя клинок от своего горла и умудряясь не порезаться при этом.

— Против вас — ничего, клянусь подштанниками моего папаша. Но вы чем-то крупно досадили мрачному типу из столицы. Логейн, кажется. Да, так. Стоит упомянуть при нем Стражей, чтобы увидеть, как его продирает. До самых костей.

Айан и Дайлен переглянулись.

— Ты хочешь сказать, что Логейн нанял тебя, чтобы нас убить?

Тот, кто назывался Зевраном, кивнул, потом без перехода помотал головой.

— Не совсем. Он поручил это Антиванским Воронам, а уж они — мне.

Стен громко хмыкнул.

— Вороны, — с презрительным пхеканьем, пробасил он. — Сколько мифов, сколько легенд и небылиц. И как все оказалось просто.

Лежа в хвое, незадачливый убийца попытался развести руками. Отчасти ему это удалось.

— Вы имеете право издеваться. Вы ведь победили. Ну, получается, узнали все, что нужно. Отчего бы теперь не прикончить меня?

— Еще не все, — Кусланд присел, не убирая клинка. — Ты упоминал осведомителей. Где? Кто?

Эльф снова торопливо покивал.

— Да-да, разумеется. Логейн дал наводку, где искать уцелевших Стражей. Замок Редклифа, так он сказал. Несколько недель наш... человек следил за воротами замка, но никто из Стражей надолго не выходил. Кроме черноголового, — убийца мотнул головой в сторону потиравшего лодыжку Дайлена, руки которого были окутаны синим целительским светом. — Я больше, чем уверен, что речь шла об этом вот любителе пыток, прекрасном, как самая дорогая из шлюх лучшего антивского борделя.

Творивший целительское действие Дайлен замер, обеими руками удерживая пострадавшую лодыжку и с широко открытыми глазами.

— Не нравится мне многое, — Морриган поправила связку меховых хвостов мелкого зверья у себя на плече. — Явно побудить нас хочет на то, чтобы убить его.

— И слишком охотно говорит, — процедил Стен. Эльф, в который раз за разговор, пожал плечами.

— Мне незачем хранить верность Воронам. Когда они покупали меня мальцом, чтобы пополнить свои ряды, моего мнения никто не спрашивал.

— О, так тебя против воли заставили в убийцы идти? Как это печально!

— Ты права, хасиндская красotka, — Зевран кивнул с шутливым согласием. — Это очень грустная история, которая, впрочем, вряд ли вам интересна.

— Продолжай, — дождавшись, пока они закончат, Кусланд вернул разговор в нужное ему русло. — Ты говорил об осведомителе.

— Ах, об осведомителе, мой суровый рыжий Страж. Да, был такой. Долго за вами следил. И, в результате, едва не проворонил ваш выезд. Впрочем, частично проворонил. В донесении, которое принесла птица, было сказано, что на корабль взошли все трое. Ты, ты и

белоголовый, который чем-то особенно досадил вашему знакомцу Логейну.

— Белоголовый... Алистер?

— Отчего Алистера регент желает убить больше нас всех вместе взятых — понятно, — вполголоса пояснил уже отошедший от комплимента Дайлен. — Непонятно, как их соглядатай не увидел, что наш друг остался в замке. Может, он усыпляет нашу бдительность, а тем временем к Алистеру тоже теперь подбираются убийцы?

Зевран махнул рукой.

— Говорю вам, мой осведомитель — олух. Из-за снегопада он не мог толком разглядеть ваше отплытие. Клянусь Создателем, я был уверен, что поставил ловушку на всех троих.

— Отчего ты взял так мало людей для своей ловушки?

— Оттого, что не знал толком, где вы высадитесь, — эльф еще раз пошевелился, хрустнув наледью на куртке. — Пришлось рассредоточить силы.

— Ты хочешь сказать, что впереди нас ждут еще убийцы?

— Да, — в подтверждение своих слов эльф кивнул.

— И они все подчиняются тебе?

— Нет. У них — другие командиры. Стражи, знаешь ли, в некотором роде знаменитость. Ходят слухи, вас не так-то просто убить. Такое бывает редко, но у Воронов назначена награда — для того, кто убьет вас первым.

Амелл хмыкнул.

— Значит, ты просто пожадничал.

— Да, — эльф обезоруживающе улыбнулся. — Хотя, будь у меня возможность рассмотреть заранее, я бы применил другой способ подобраться к тебе поближе, Страж.

— Способ?

— О, у меня их много. Но такого красавца я бы сперва затащил в постель. Хотя, признаюсь, было бы безмерно жаль после ночи любви перерезать твое прекрасное горло.

Маг поймал насмешливый взгляд Морриган и поморщился.

— С чего ты взял, будто я мужеложец?

— А почему бы нет?

— Так, хватит, — Кусланд выпрямился, не желая более делить общее пространство с убийцей. — Твой осведомитель еще там, у замка?

— Не знаю. Но думается мне — он ушел за другим заданием. После получения птицы я переставал ему платить. Таков был уговор.

Айан переглянулся с Дайленом, а тот — с Морриган.

— Ну, и чего вы тянете, доблестные Стражи? Быть может, вам торопиться некуда, но я тут начинаю мерзнуть. Чья рука даст мне пинок из этого мира? Можно последнее желание? Поцелуйчик на прощание? Прекрасный Страж или госпожа хасиндка — на ваше усмотрение. Мне в любом случае будет приятно. Что, нет? Ну, ладно.

Кусланд страдальчески скривился.

— Вставай, — загоня меч в ножны, приказал он. Пожав плечами, эльф поднялся на ноги и, показательно не обращая внимания на своих пленителей, принялся сбивать наледь с куртки.

— Ты говорил, что нам еще могут попасться убийцы.

— Могут, — поглощенный своим занятием подтвердил Зевран.

— Ты знаешь, как они будут действовать. Сможешь нас предупредить?

Эльф поднял на него глаза и некоторое время стоял в изумлении.

— Ты... хочешь меня... использовать? Но... почему ты просто не убьешь меня??

— Потому что ты с подозрительной готовностью на это напрашиваешься, — мрачно пояснил Айан. — Дайлен, можно как-то поспособствовать..?

Тот некоторое время раздумывал.

— Ты, правда, хочешь взять с собой это... этого вот эльфа? Не думаешь, что вред от его прибавления превысит пользу?

— Я ни в чем не уверен, — Кусланд раздраженно мотнул головой. — Но если на нас охотятся убийцы, нам нужен кто-то, кто знал хотя бы половину их... хитростей. Ты можешь... поспособствовать верности... Зеврана? Есть какой-нибудь способ?

— Способ есть, — припадая на частично исцеленную ногу, Дайлен сходил к своей лошади и вернулся с тонкой тетрадью в берестяном переплете. — Можно завязать его на кровь. На чью-то кровь. Но на себя я завязывать его не буду. Во-первых, наши пути скоро разойдутся. А во-вторых... прибить бы его здесь по-хорошему, а, Айан?

— Слушай своего дружка, Айан, — уже не паясничая, посоветовал Зевран. — Тебе бы лучше убить меня сейчас. Вдруг я снова попытаюсь... заслужить первую награду?

— Не попытаешься, — Дайлен вытащил кинжал. — Айан, дай мне руку ладонью вверх. Эльф, ты тоже.

Кусланд снял перчатку и протянул руку. Зевран, напротив, не горел желанием участвовать в этой церемонии.

— Слушайте, я соглашался на то, чтобы вы меня убили. А не на языческий обряд бракосочетания...

Он не договорил. Подступивший сзади Стен обхватил его поперек груди, прижимая руку к туловищу. Другую косит держал вытянутой вперед.

— Эй, Стражи, бабушек ваших... не чхать и не парить. Говорю же — я не согласен!

— Да кто тебя спрашивает? — Дайлен, быстро поворачивая лезвие ножа, вырезал на коже эльфа три кровавых знака. Сверившись с тетрадкой, на этот раз гораздо аккуратнее сделал такие же на ладони Айана. Под его взглядом частицы крови обоих поднялись над их вытянутыми ладонями и, смешавшись в единое красноватое марево, сгинули.

— Все, — вырвав из тетради чистый лист, Дайлен в несколько движений вымазанным в собственной крови пальцем нарисовал нужные знаки и, свернув, протянул Кусланду. — Если захочешь оборвать связь, сделаешь то же самое. Это малефикарум с твоей кровью. Творить его легче, чем с чужой. Зная общий принцип, не нужно особо учиться.

Морриган подняла брови. Айан кивнул, пряча лист.

— Надеюсь, у меня получится. Не хотелось бы на всю жизнь быть привязанным к этому ушлему эльфу.

— Да тебе-то что? — Дайлен пожал плечами, вытирая кинжал. — Это он привязан к тебе, а не ты к нему.

— То есть как привязан? Что вы сделали?

Вместо ответа Дайлен поднял руку Кусланда и без предупреждения полоснул по ней кинжалом. Зевран схватился за свою. На его коже расцвела алая полоса.

— Если ты попытаешься навредить Айану — ты будешь мучиться вдвое острее, — буднично объяснил малефикар, вновь вытирая кинжал и пряча его в ножны. — Сбежать не сможешь тоже. Если уйдешь дальше, чем на меру пути, зачахнешь здоровьем. До смерти. Но не сразу. О, далеко не сразу. Мучения беглеца описывались в книжке, из которой я переписал этот рецепт, описывались отдельной главой. Составитель заклития предусмотрел

все. Свободу тебе сможет дать только маг крови, который проведет тот же ритуал наоборот. Или смерть. И все.

Зевран подернул плечами. Невозможно было угадать, какое впечатление оказали на него слова мага.

— Ну что же, в конце концов, почему бы нет. Выбора-то по сути никакого. Правда, теперь Воронов нужно опасаться не только вам, но и мне. Но им я ничем особо не обязан. Так что если будете кормить меня и поить, я ваш. То есть, разумеется, не ваш, а твой, мой рыжий Страж, — он прокашлялся. — Сим клянусь я в преданности вам, покуда не угодно будет вам освободить меня от всего бремени. Безоговорочно отдаю себя в ваше распоряжение, — эльф склонил светловолосую голову. — Клянусь.

Коссит громко хмыкнул. Морриган покачала головой.

— Все же на твоём месте я бы теперь внимательнее следила за едой и питьем.

Зевран ухмыльнулся, указав подбородком в сторону леса.

— Там, дальше наши лошади. Если их привести, никому не придется идти пешком.

— Стен, — Командор поймал хмурый взгляд коссита. — Иди с ним. Приведите лошадей. И... не торопитесь. Мне... нужно похоронить собаку.

Глава 4

Несмотря на более чем удачное расположение, всегда способствовавшее наплыву посетителей, по утреннему времени в таверне было малоллюдно. Занимавшая длинный дальний стол компания из нескольких наемников, да те двое, что прибыли перед самым рассветом — вот и весь сегодняшний навар. Впрочем, до полудня было далеко, и хозяин не волновался. Кроме его заведения, больше остановиться странникам было негде. А на распутье больших дорог между Редклифом, Орзаммаром и Орлеем люди ходили каждый день, и часто.

Словно в подтверждение мыслей харчевника дверь отворилась, вместе с клубами мороза пропуская внутрь укутанные в меха фигуры. Две из них были высокими и плечистыми, третья же — пониже и щуплее, но недостаточно, чтобы ее можно было перепутать с женской. Заняв ближайший к выходу стол и подозвав служанку, новые посетители сделали более чем щедрый заказ. После чего, наконец, двое из них откинули капюшоны, высвобождая медно-рыжую и иссиня-черную шевелюры.

— ... никогда, — явно продолжая начатый ранее разговор, негромко подтвердил темноволосый посетитель, чье побледневшее на морозе светлокожее лицо в тепле постепенно возвращало румянец. — Но чем дальше, тем скорее хочется побыстрее разобраться со всем этим Мором и... мы с Кейтлин уговорились пожениться, когда все будет кончено. Не поверишь, я готов сразить двух архидемонов сразу, если это приблизит день моей свадьбы!

Его невысокий спутник, единственный, кто не откинул своего капюшона, издал смешок.

— Ой, да уймись ты, — даже не обернувшись в ту сторону, сдержанно попросил темноволосый. — Что ты понимаешь?

— В желании поскорее оказаться в постели? Разумеется, ничего. Наверняка юноша с таким прекрасным лицом и телом, словно созданным, чтобы притягивать женские взгляды... да и мужские тоже, гораздо опытнее меня во всех подобных делах.

Его собеседник с силой зажмурился, сжав лицо в ладони. Обладатель рыжей шевелюры кашлянул.

— Мне интересно, когда ты говоришь то, что думаешь, а когда кривишь душой, чтобы позлить Дайлена, — негромко проговорил он.

Тот, который так и не выбрался из-под плаща, обезоруживающе пожал плечами.

— Можете мне не верить, мои Стражи, но вам я не соврал еще ни разу. Разумеется, раскрывать душу мне незачем. Но врать... тоже не вижу причины. Пока.

Вернувшаяся служанка подала кувшин с горячим элем и три кружки. Стащив перчатки, рыжий, судя по многим признакам, бывший старшим среди товарищей, разлил согревающий напиток по кружкам и стал греть об свою ладони. Тот, кого звали Дайленом, тоже не спешил пить, подперев голову и неосознанно вычерчивая пальцем узоры на столе. Мысли его, не смущаемые более ехидными репликами со стороны товарищей, блуждали далеко. Щуплый несколько раз провел кружкой под носом, внюхиваясь в содержимое. Сунув палец в эль, облизнул, после чего отставил кружку с тяжелым вздохом и на всякий случай отодвинул ее подальше от себя.

— Добрый эль, — громче, чем это было необходимо для того, чтобы достичь слуха только его собеседников, сообщил он в душный жар харчевни. — Если бы его не портил настой на корне смерти с... э... примесью невызревших цветков белладонны. М... да, точно.

Взгляд темноволосого Дайлена вмиг сфокусировался, сделавшись сосредоточенным и цепким. Что-то мелькнуло в воздухе — и мгновенно выбросивший руку щуплый успел поймать брошенный чьей-то рукой кинжал у самого лица рыжего предводителя. От резкого движения капюшон упал с его головы, открывая светлые волосы и острые уши.

— Зевран? — забыв обо всем, наемник за дальним столом приподнялся в изумлении. — Какого демона? Что ты себе позволяешь?

Его люди повскакивали со скамьи, выхватывая оружие. Но как бы ни быстры были наемники из Воронов, Стражи оказались на ногах за несколько мгновений до них.

— Я путешествую с Серыми Стражами, неужели не видно? — Зевран неопределенно дернул плечом. — А вот что себе позволяешь ты, Тальезен? Подсовываешь в питье дурно пахнущую дрянь? Фу, какой примитивизм. Не стыдно?

— Тальезен, — вмешался Кусланд, предчувствуя долгую и бессодержательную перебранку. — Забирай своих людей и уходи. Серым Стражам не нужна ваша кровь. Эльф убеждал меня, что уйти, не выполнив задания, вы не сможете. Но я все равно предлагаю вам это. Его, — Айан коротко кивнул в сторону Зеврана, — я пощадил. Тебя не помилую. Уходи сейчас. Пока еще есть возможность.

— Так ты предатель, — предводитель наемников хмыкнул Зеврану, делая знак своим людям. — Несложно догадаться, как ты заставил их пощадить твою дрянную шкуру.

Эльф криво усмехнулся.

— Догадливость никогда не была твоей сильной стороной, друг мой. С чего вдруг ты решил, что теперь это переменялось?

— Зев, не дури, — небрежно скользнув взглядом по умоляющему лицу харчевника, бросил предводитель Воронов. — Помоги мне теперь убить этих мальчишек. Награду разделим пополам. О твоём позоре так и быть, никто ничего не узнает.

— Моем позоре? — выделяя оба слова, ухмыльнулся эльф. Оружия, впрочем, из рук он не выпускал. — Ты, как всегда, понадеялся на яд и взял с собой слишком мало людей. Эти мальчишки — Серые Стражи. Ты знал, что все Серые Стражи — сильнейшие маги и

малефикары? Нет? Я тоже. К слову, мои люди были куда опытнее того сброда, что сейчас топчется за твоей спиной.

— Ты лжешь, — напряженно вглядываясь в мрачные, словно высеченные из камня черты молчаливо прислушивавшегося к разговору Кусланда, несколько неуверенно предположил Тальезен. — Никакие они не...

Дайлен, рисуясь, резко дернул рукой. Почти подобравшегося к ним сбоку наемника отбросило через два стола на третий, который с грохотом обрушился под его весом.

— Хватит! — Тальезен мотнул головой. — Убить их! И эльфа тоже!

Раздавшийся вслед за этим грохот заставил всех в харчевне испуганно пригнуться. Высокий, крупный путник, что пришел незадолго до рассвета и с тех пор не уходил из общей комнаты, просиживая у очага с кувшином кваса, резко поднялся, опрокидывая стол. В его больших серых руках покачивалась крепкая скамья. Миг — и она обрушилась на застывших в изумлении Воронов.

Опомнившийся первым Зевран, бросился вперед, и схлестнулся с главарем Воронов, который, один из немногих, сумел избежать удара. Вскочившая на стол с другой стороны от наемников красивая темноволосая женщина выхватила из-за спины длинный крепкий шест и с размаху обрушила на плечи ближайшего к ней Ворона.

Однако больше никто ничего сделать не успел. Дверь в харчевню внезапно распахнулась, и в заведение ввалилось около полутора десятков стражников — вся охрана поселка. Выступивший вперед капитан бросил взгляд на оплывавшего в луже крови Тальезена, потом — на стоявшего на нем эльфа, лезвия обоих мечей которого были вымараны красным.

Стен поставил лавку на пол. Морриган спрыгнула со стола и подошла, остановившись за плечом Айана.

— Кто зачинщик??

Рука харчевника дрожала так, что ответа на свой вопрос капитан так и не разобрал.

— Словами скажи! Кто?

— Мы все повздорили, добрый господин, — подал голос Кусланд, покаянно глядя в пол, но при том не выпуская из поля зрения никого из наемников. — Чего в дороге не бывает. Дозволь заплатить виру.

Взгляд старшего стражника скользнул по стоявшим друг напротив друга головорезам. Мысленно произведя подсчет тем и другим применительно к числу своих людей, капитан, не особо раздумывая, принял правильное решение.

— Вы не в дороге, наемник. Здесь, в Весте, действуют королевские указы и законы Ферелдена. Вира за причиненные властям беспокойства — пятьдесят серебряков. За урон харчевнику уплачивайте пополам.

Вороны и Стражи, поглядывая друг на друга, развязали кошельки. Спустя короткое время, за которое деньги перекочевали в карманы харчевника и охранников порядка, капитан отдал приказ — и Стражи и их спутники под конвоем были выведены из поселка.

— Проваливайте, милорды, убивайте кого-то подальше отсюда, в другом месте, — напоследок напутствовал их старший стражник, оставаясь со своими людьми у входа на главную улицу и явно всем видом давая понять, что не уйдет, пока фигуры «милордов» не скроются с глаз долой. — Нам здесь беды не нужны.

Глупо было не последовать доброму совету. Не оглядываясь, нарушители спокойствия поселка отъехали до самой развилки. На первый взгляд обе открывавшиеся перед путниками

дороги вели в горы. Однако одна из них, на Орлей, проходила чуть севернее другой и по-прежнему сохраняла остатки каменного величия Имперского тракта. Другая, к Орзаммару, хотя и не могла похвастаться обилием плит из белого мраморного гранита и красивыми арками, все же смотрелась ухоженнее и тоже была вымощена — пусть и не таким изысканным, зато крепким камнем.

Путники остановили лошадей. Долгую минуту Амелл и Кусланд смотрели друг на друга, потом Айан протянул руку, и его товарищ положил поверх нее свою.

— Заклинаю Создателем, будь там осторожнее, Дайлен. Ты же видишь...

— Вороны не будут преследовать Стражей в Орлее, — вмешался Зевран, сочтя своим долгом сделать рабочее предупреждение. — Договор был с Логейном только на Стражей Ферелдена. Истреблять Стражей Орлея — такого уговора не было.

— Добро, — кивнул Айан, не отпуская друга. — Постарайся... скорее добраться до Герлена. И... пересечь его... без бед.

— Не волнуйся, — Дайлен стиснул пальцы на руке Кусланда. — Я уже все продумал. Беды не случится.

Они крепко обнялись.

— Панахедан, саирабаз, — Стен склонил крупную беловолосую голову. — Атааш варин ката, коли достигнешь ты задуманного.

— Прощай, маг, — уста Морриган усмехались, но уже привычно глядевший в глаза Дайлен видел печаль. — Прости... за резкие слова мои. Досада мною двигала. Нравилося мне общество твое.

Амелл кивнул. Взгляд его невзначай скользнул по Зеврану, который сложил на груди руки, одна из которых по-прежнему была вымарана в крови.

— Ну, раз все прощаются, то дозвожь и мне. Будь осторожен на дороге, мой прекрасный друг. В Орлее будь осторожен втройне.

— Благодарю, — маг склонил голову перед оставляемыми товарищами. — Ждите меня к весне. И не с пустыми руками.

— Помни, — Кусланд кивком указал на высившиеся вдалеке горы. — Выше, где снега, водятся большие хищники. Их называют сумеречными котами. Не сворачивай с Имперского тракта.

— Буду помнить, друг. Храни Андрасте всех вас.

— Да прибудет с тобой благословение Создателя.

Дайлен улыбнулся одними губами и, поправив плащ, тронул лошадь. Его бывшие спутники долго провожали глазами постепенно уменьшавшуюся фигуру всадника, мелкой рысью удалявшегося по Имперскому тракту на северо-запад.

— Все-таки зря ты отпустил его одного, мой рыжий Страж, — Зевран снял со склоненной к нему еловой лапы горсть снега и принялся оттирать собственную испачканную кровью руку.

— Договаривай, — велел Айан, не отрывая глаз от сделавшейся уже едва заметной темной точки вдали.

— Я сказал правду — Вороны в Орлее ему не грозят. Они даже в Орзаммаре тебе не грозят, мой Страж, — эльф выкинул снег, снимая новый. — Но, помимо Воронов, мало ли бед может приключиться с таким славным... и красивым юношей? В Орлее куда больше ценителей совершенства, нежели в вашей суровой стране грубых сапог и блохастых псов. Можешь мне поверить.

— Что ты имеешь в виду? — гораздо угрюмее, чем раньше поторопил Кусланд. Нехорошее предчувствие, холодным комом застывшее где-то в требухе, подзуживаемое ассасином, стало постепенно подниматься выше, к горлу. — Расскажи, что знаешь.

— Отчего ж, скажу. В Орлее, мой рыжий друг, теперь полно беженцев из Ферелдена. Вроде бы как у вас тут Мор, нет? А ферелденский беженец — отличная мишень для грабителей... и работорговцев.

— Работорговцев?

— Да, работорговцев, мой Страж. Везде, кроме Тевинтера, работорговля официально запрещена. Однако это не мешает многим орлейским вельможам держать у себя... особых слуг. Ты ведь понимаешь.

Кусланд промолчал. Однако, к его удивлению, не промолчала Морриган.

— Плохо ты узнать успел этого мага, — опершись на луку седла локтем, лесная ведьма оправила выбившиеся из-под капюшона волосы. — В обиду он себя не даст.

Зевран пожал плечами.

— Хорошо, если так. Просто хотел предупредить. Ферелденцев в Орлее теперь немало. И время от времени они пропадают. Все.

— А раньше ты не мог сказать? — тяжело поинтересовался Кусланд, тщетно борясь с охватившей его разум тревогой.

— Вы ведь не спрашивали.

Командор бросил еще один взгляд на Имперскую дорогу. Темной точки на ней уже не было видно.

— Едем, — он натянул поводья, заставляя коня повернуть на мощенную каменную дорогу. — До Орзаммара путь неблизкий.

Все это время наблюдавший издаലെка за опасными гостями капитан стражи облегченно перевел дух. Для чего-то разделившиеся, изгнанные из его поселка головорезы покидали Вест и, хвала Создателю, возвращаться не собирались. В поселке еще оставались наемники, те самые, кто в компании с первыми причиняли ущерб харчевне. Но, во всяком случае, оставшиеся никого не убивали. Хотя, разумеется, стоило за ними присмотреть.

Обещавшая с утра быть ясной погода тем временем испортилась. На дорогу вновь ложился снег, который чем дальше, тем усиливался все больше, постепенно заматывая следы лошадиных копыт...

Глава 5

— Создатель, до чего же снег метет!

— Да, погодка та еще. В такую хорошо сидеть дома у огня с кружечкой чего-то горячего. И в приятной компании.

Собеседница высокого, плечистого храмовника, крепкая женщина в таких же доспехах воина Церкви, сделала невольный жест, чтобы убрать волосы с лица, но закованная в сталь рука лишь со стуком мазнула по закрытому шлему.

— Вот проклятье! То есть я хотела сказать — помоги Создатель! Как же мне надоел этот доспех!

Ее собеседник пожал плечами, поправляя собственный шлем.

— Ты в нем всего три дня. Я вот не думал, что вообще когда-нибудь его надену. Так

надеялся, что это — в прошлом!

— Ну, а чья это была затея? Неужели нельзя было переодеться кем-то другим?

Мужчина хмыкнул.

— Кем же? Менестрелями, как предлагала ты? Так ведь зимой они не разъезжают. И к тому же не носят меховых плащей.

— Зато и этих ужасных тяжелых латных нагрудников не носят тоже. Я чувствую себя так, словно по мне промаршировала рота солдат. Ехать еще не меньше недели. А эти ужасные шлемы! Лиц в них, конечно, не видно. Но они такие неудобные! Доспехи храмовников — жуткая вещь. И не спорь со мной. Не знаю, отчего я согласилась... надеюсь, оно того стоит!

— Грех вам жаловаться, дети мои. Подумайте об удобных нижних мантиях ваших доспехов. Без них было бы холоднее.

— И то верно, — мужчина-храмовник потер прикрытое мантией колено и, судя по звуку, добродушно хмыкнул. — В особенности мне нравится то, что теплые мантии можно носить вместе с шерстяными подштанниками. Шерстяные подштанники — это вещь! Представляю, каково теперь Айану в горах. Когда носишь на себе столько железа, никакая шерсть не...

Он умолк, остановленный в своих речах подозрительным звуком, раздавшимся из-под шлема собеседницы.

— Будь здорова.

— Спасибо, Винн, — спустя какое-то время поблагодарила храмовница. — То есть... Преподобная.

— Надеюсь, мы не совершаем большого греха перед Создателем, устраивая это лицедейство с переодеванием, — едущая впереди на смиренной гнедой кобыле старая магиня тяжело вздохнула, поглубже кутаясь в отороченный мехом плащ.

— Но ведь это — самый верный способ добраться до леса Бресириан без приключений, — храмовник пожал плечами, подгоняя свою лошадь. — Никто не смеет лезть в дела воинов Церкви.

— Ох, Алистер, — Винн покачала головой и смахнула с лица налипший снег. — Твоя идея, безусловно, хороша. Я только надеюсь, что она не вызовет гнева Создателя...

— Не вызовет, — преувеличенно уверенно отозвался сын Мэрика. Из-под его шлема раздался глухой кашель. — Больше следует бояться того, что нас, Стражей, разыскивают по всему Ферелдену. Любой крестьянин может безнаказанно убить Стража и получить за это награду. Не то, чтобы я сильно дорожил своей жизнью, но и до срока отправляться к архидемону тоже не хочется. Жить мне нравится.

— К архидемону? — отвлекаясь от созерцания медленно проплывавших мимо заносимых снегом полей, удивилась Лелиана. Впервые за долгое время вместо жалоб в голосе ее послышалась тень интереса. — Что ты такое говоришь?

Сын Мэрика дернул плечами, стряхивая налипший на них снег. Подумал, и смахнул конус снега с плоского верха шлема, словно созданного для того, чтобы на нем удобно уместилось что угодно.

— Об этом не принято говорить, — совершив все эти действия, беспечнее, чем это бы показалось убедительным, проговорил он. — Но скверна поражает не только тело, но и разум Стража. А значит — и его душу. Даже если поражение незначительно, предположим, если Стража убить сразу после посвящения — малая толика скверны все равно содержится в

душе. Допустит ли Создатель в свои чертоги окверненную душу? При том, что скверна — заразна?

Женщины переглянулись. Некоторое время между едущими царило молчание, прерываемое лишь свистом ветра.

— Я никогда не думала об этом... с такой стороны, — наконец, медленно выговорила Винн. — Это... кажется неправильным... Но... такое может быть.

— Тогда куда же попадают Стражи? — наличник Лелианы был обращен к Алистеру все время, пока он говорил. — Есть же у вас посмертие!

— Вообще-то, это секрет, — тот пожал плечами. — Но при посвящении... и потом... в снах... Мы видим Город. Нечеткий и темный, словно стоящий в зыби Тени. Нас... тянет туда со страшной силой. Чем ближе к смерти, тем сильнее. Дайлен полагает, что это Черный Город. Тот самый, откуда пришла скверна.

— Разве вас зовет не архидемон?

— Архидемон, — не стал спорить Алистер. — Но как я сказал? Чем ближе к смерти — тем сильнее не драконий зов, а... оттуда. Должно быть, скверна как-то позволяет древним драконам управлять порождениями тьмы... и нами. Но ее источник — не они сами. Не архидемоны. Упомянув архидемона как посмертие, мы имеем в виду все же Город. Ибо в нем источник скверны, куда нас всех так тянет. Мы... говорили между собой об этом. Я, Айан и Дайлен. Амелл полагает, что Думат, первый дракон, злонамеренно обманул тевинтерских магистров, направив их путь туда. И что Город никогда не был Золотым Городом Создателя. А сосредоточением скверны.

Он помолчал.

— После Остагара Айан был смертельно ранен. Его спасла мать Морриган, Флемет. Вы знаете об этом. Но, пока умирало его тело, он почти не слышал архидемона. Не так, как теперь, когда здоров. Зато Город, и тысячи тварей в нем, — слышал и ощущал отчетливо. Я могу подтвердить — это правда. Я сам видел... что-то похожее. Тогда, после этой жаровни... Правда, мне казалось, что эти смертные сны — отголоски переживаний, которые мы все перенесли в Тени. Я не придавал этому значения, до нашего разговора.

— И все же до конца вы не уверены, — Лелиана отвернулась, привставая на стременах, и вглядываясь в даль Имперского тракта, сквозь метущий снег. — Видимо, вам все три недели у эрла и вправду нечем было себя занять, если вы столько времени проводили взаперти за подобными разговорами!

— Это неправда, — обиделся Алистер, тоже приглядываясь к чему-то, темневшему в стороне от дороги, что было издали похоже на человеческое жилье. — Мы помогали эрлу со сбором войск и заготовкой провианта, тебе ли не знать. Ведь ты всюду ездила с Айаном. А запирались мы не для разговоров. Дайлен пытался учить Айана магии. Им... просто не хотелось оповещать об этом.

Лелиана недоверчиво хмыкнула. Винн покровительственно покачала головой.

— Алистер, если ты не хочешь открывать причину ваших уединений — мы уважим это, ведь ваш орден всегда был закрытым для большинства. Но не нужно обманывать, утверждая, что Дайлен, маг, пытался научить вас тому, чему научить невозможно. Что дается только с рождением. Или не дается вообще.

— Да, Алистер, — Лелиана привстала еще раз. — Как-то ты совсем неуклюже врешь. Лучше помолчи, если не умеешь делать этого складно.

Некоторое время все ехали молча.

— Нет, ну вы... вы вообще, — когда сын Мэрика заговорил опять, выяснилось, что он попросту подбирал слова. — Я не лгу. В башне Круга демон праздности затянул нас в Тень. Нас троих и храмовника. Айан вернулся из нее... другим. Он как будто бы стал чувствовать Тень. Дайлен пытался помочь ему. Научить, как управляться с этим... что бы оно ни было. Они оба старались. Очень. Но...

— погоди, Алистер, — Винн придержала лошадь, поехав вровень со Стражем. — Ты не шутишь? Не ошибаешься? Айан вернулся из Тени магом? Не имеющий дара магии человек, побывав в Тени, может сделаться магом? Это... это удивительно! Никогда не слышала ни о чем подобном.

Алистер помялся. Точно он пытался рассказать своими словами о том, что было выше его понимания

— Я бы не назвал его магом. Все-таки маги хоть что-то умеют. Но он слышит Тень. Дайлен... после долгих занятий... пришел к выводу, что дар магии в нем проснется либо... после какого-нибудь особого сильного побудительного толчка, либо... Либо во всем, что касается магии и Тени Айан полный бездарь и учить его бесполезно. Сам Айан склоняется ко второму. Да и Дайлен... признаться... пришел к такому выводу.

— Ну, что-то у них все же вышло? С чего вы вообще решили, что он... мог бы сделаться магом?

Алистер вновь струсил снег сперва с одного, потом другого плеча. Было видно, что он уже сам не был рад своему признанию.

— У Айана немного получается магия крови, — нехотя сообщил он. — Не всегда и не сразу, самое простое. А больше... почти ничего. Хотя изначально Дайлен был уверен, что «обучит Командора всему, что знает сам».

Винн поджала губы. Очевидно, рассказанное Алистером до сих пор вызывало сомнения и вопросы. Ей требовалось все обдумать. Меж тем Лелиане удивление не мешало все пристальнее вглядываться в дорогу.

— Постоялый двор, — наконец с радостью сообщила она, переставая давить на стремяна. — Давайте остановимся до завтра. Судя по погоде вот-вот поднимется метель.

Глава 6

Глава 6

— А может, Алистер был не так уж неправ, когда предлагал нарядиться храмовниками, — спустя какое-то время, признала Лелиана. Стащив с себя ненавистные шлем и нагрудник, девушка во весь рост вытянулась на кровати, разглядывая деревянный потолок. Потрескивавший в камине огонь распространял приятное тепло по всей небольшой, но чисто выметенной, уютной комнате. — Нам дали лучшее помещение, что у них было. И ужин сейчас будет готов, — она потянула носом воздух. — Слышу чудный аромат. Все-таки служителей Церкви уважают!

— Как бы Алистер не натворил там беды, — Винн покачала головой, как всегда обуреваемая мрачными предчувствиями, не всякий, впрочем, раз, имевшими под собой реальное основание. — Он ведь вышел без шлема. Мы не так далеко от Редклифа. Вдруг там, в общем зале, есть соглядатаи?

— В общем зале много людей... Преподобная. Да и Алистера теперь... трудно узнать.

Разве нет?

Винн не ответила. Порывшись в своем мешке, она вытащила швейные принадлежности, и, забрав брошенный плащ Алистера, приступила к работе над отпоротым куском меха, который мнимый храмовник нечаянно оборвал еще утром. Спустя какое-то время Лелиана села на кровати и, поджав ноги, устремила взгляд своих прекрасных синих глаз в огонь.

— Выкладывай уж, — после нескольких десятков стежков разрешила старая магиня, отставляя и оценивающе оглядывая свою работу.

— Выкладывать нечего, — Лелиана вздохнула, опираясь подбородком о кисти рук. — Он... не любит меня.

Винн подняла брови, не отрывая глаз от иголки, в которую как раз продевала нитку.

— Поэтому он меня отослал, — рыжая девушка колебалась, видимо, желая поговорить, и не желая. — Но... наверное, это я во всем виновата. Я все испортила, Винн!

— Вот. А ты говоришь — тебе нечем поделиться.

Лелиана обезоруживающе пожала плечами.

— Расскажи с самого начала, — попросила Винн, переворачивая плащ и изучая изнанку. — Мне сложно дать тебе свое суждение или совет. Я почти ничего о вас не знаю. Только собственные домыслы.

Лелиана провела ладонями вниз от коленей к ступням, и вернулась обратно, скукоживая широкие шерстяные штанины.

— Я... сама не знаю, с чего начать, — она стиснула колени тонкими сильными пальцами. — Наверное, стоит начать с начала. Родилась я в Орлее. В Ферелден меня привела случайность.

— Даже так.

— Да, так, — с некоторым вызовом подтвердила девушка, поглаживая ткань штанов на коленях. — Моя мать была ферелденкой, но это ничего не значит. Мне довелось расти в Орлее и жизнь в этой стране...

— Догадываюсь. Мой ученик направился туда. Из того, что я помню про Дайлена — несмотря на свой характер, он всегда был набожным и... почтительным юношей. Я беспокоюсь, как бы он не нахватался там... Ох, прости, пожалуйста, девочка. Продолжай.

Лелиана невесело усмехнулась.

— В Ферелдене не любят орлесианцев. Считают их нравы чересчур простыми и распутными...

— ... а характеры — самовлюбленными, надменными и скандальными.

— Угу, — не стала спорить Лелиана. — Но я там родилась, и мне нравилась такая жизнь. Здесь, в Ферелдене, все... как-то скучнее и проще. Поэтому, когда пришла пора мне решить, чем заниматься, я не колебалась ни секунды. Ну, и... сделалась бардом.

— Бардом? — старая магиня подняла от шитья глаза, в которых стояло настоящее изумление. — Это те самые распутные песнетворцы и сказители, что усыпляют бдительность своих высокородных жертв сладкими речами, а после без жалости убивают, зачастую не выбираясь из постели?

— Айан спросил о том же, когда я призналась ему, — девушка уныло вздохнула и положила голову на локти. — После этого он и... сделался холоден ко мне.

Винн покачала головой, вновь склоняясь над плащом.

— Барды славятся знатоками человеческих душ, в особенности, что касается обольщения. Неужто не знаешь ты, девочка, что мужчинам никогда нельзя рассказывать о

себе всего? Или хотя бы того, что может навредить вашим отношениям?

Лелиана вздохнула еще горестнее.

— На самом деле, я никогда особо не интересовалась мужчинами. Если только этого не требовалось... по работе. Они... меня не привлекали. Ну, знаешь, они такие шумные... всегда думают только о себе, никогда не обращают внимания на мое настроение, не понимают... ничего они не понимают. Никакой утонченности. А запах... О, даже орлесианские вельможи пахнут хуже дам, а уж ферелденцы... Ты не поверишь, Винн, первое, что я поняла про Ферелден, когда впервые тут очутилась — это всюду вьевшийся запах мокрой псины. Он везде, и в постели тоже... Мне кажется, он даже в волосах. Даже Айан берет в постель этого своего Йеху, и спит с ним в обнимку, а наутро...

Магиня кашлянула.

— В общем, я знаю достаточно, чтобы обольстить любого мужчину и завлечь его на одну-две ночи, — девушка махнула рукой, отвлекаясь от беды с запахами Ферелдена. — Но никогда не задумывалась о большем. У меня была... подруга. Марджолайн. Пока она была со мной, мужчин для меня не существовало.

Винн вновь ненадолго вскинула глаза на свою юную собеседницу.

— Надеюсь, хотя бы об этом ты не говорила с Командором?

Лелиана отрицательно качнула головой.

— Нет, но ему и... всего другого оказалось достаточно. Ну, то есть, мне так показалось.

— А как так получилось, что вы вместе? — Винн разгладила мех над подшитым краем плаща так, чтобы не было видно свежих ниток. — Я пока все равно не...

— Ты поймешь, если прекратишь меня перебивать, — рыжая девушка поджала губы. — Быть бардом — весело и опасно. Это как ходить по веревке над площадью. Внизу толпа людей. Они все смотрят на тебя. Смотрят со страхом, восхищением, завистью... А ты отделена от них — высотой, чистым воздухом, свежим ветром, и — тонкой веревкой каната под ногами. Так можно ходить вечность. Ходить... и чувствовать себя на высоте. Тут главное — не оступиться.

— Складно излагаешь, — не сдержалась Винн. — И вправду — орлесианский бард.

— Я оступилась, — словно не слыша слов старой магини, продолжала Лелиана. — Меня схватили, обвинив... во многом. Пытали. Им ничего не нужно было знать. Просто пытали. Мне удалось вырваться чудом.

Она помолчала. К удивлению, на этот раз Винн не стала ничего добавлять или переспрашивать.

— Мне нельзя было показываться в Орлее, — Лелиана вздохнула. — Не спрашивай почему, просто нельзя. Но и в Ферелдене было опасно. В это трудное для меня время я... мне вдруг показалось правильным обратиться к церкви.

Она переменяла положение на кровати.

— Я попросилась в послушницы и меня приняли. Долгое время я провела в лоне церкви. Постепенно на меня снисходил все больший покой. Я... осознала весь ужас и... мерзость многого, что творила когда-то. Мне казалось, что я нашла свое призвание. Что только в служении Создателю и людям я смогу найти искупление тому, что когда-то совершала. Надвигался Мор. В деревеньке Лотеринг, куда меня направили для оправления моего обета, появлялось все больше беженцев. Нужно было им помогать в их бедах, возиться с больными, подсоблять в добывании пищи. Мне было непросто, но все же я чувствовала себя при деле. И уверенность в правильности избранного мною пути не покидала меня.

Винн досадливо дернула щекой. О продолжении она уже догадывалась.

— А потом в Лотеринг пришли они, — не стала разочаровывать ее Лелиана. — Серые Стражи. И среди них — Айан. Мне довелось проходить неподалеку с делом от Преподобной матери из нашей церкви, когда они с торговцем ставили полог, чтобы разместиться под ним до утра. О, Винн, когда Айан откинул капюшон, и я увидела его лицо...

— Ты поняла, что вот он — мужчина всей твоей жизни, — помогла ей магиня. Лелиана бросила еще один вызывающий взгляд.

— Да. Странно, что ты смеешься. Там с ним были Алистер и Дайлен. У Алистера благородное лицо, а Дайлен — такой красавчик, но...

— Но суровая личина Командора произвела на тебя наибольшее впечатление.

— Да, — устало согласилась Лелиана, обнимая себя за плечи. — Может, расскажешь вместо меня?

Винн усмехнулась.

— Прости, девочка. Порой у меня бывают такие настроения, что роль старшей и многоопытной наставницы дается с трудом. Когда передо мной нет зеркала, а кости перестают напоминать о возрасте пострелами в поясице, я вижу себя девчонкой, не старше тебя или той чернявой ведьмы. Трудно дать вам, дети, какой-то совет.

— Ну, а просто выслушать ты можешь? — не дожидаясь ответа, Лелиана продолжала. Впрочем, она ощущала, что подколки Винн то раздражали, то развлекали ее, не давая полностью предаться состоянию уныния и тоски. — В общем, я сделала все, чтобы напроситься в отряд. Даже показала им куст возле церкви. Он цветет зимой. Вроде бы его по пьяни проклял долийский малефикар, но никто толком не помнит. Как знак от Создателя. Не знаю, поверили они или нет, но взять меня взяли.

Она помолчала, перебирая складки постели.

— Айан с самого начала был со мной добрее, чем прочие. Это по его приказу меня приняли в отряд. Потом... мы часто сидели вместе у костра, сторожили в нашу очередь, пока все другие спали. Мы говорили... то есть, я говорила, а он слушал. В какой-то момент он вдруг взял и... поцеловал меня, и... что?

Винн тихонько рассмеялась.

— Ох, девочка моя, а не кажется тебе, что он нашел единственно верный способ заставить тебя хоть ненадолго помолчать?

Лелиана обиделась.

— Ты говоришь, как Морриган!

Улыбаясь, старая магиня собрала шитье и отложила его в сторону.

— Продолжай. Обещаю, дальше я буду слушать внимательно, и ни разу тебя не перебыю.

— А больше не о чем рассказывать, — девушка-бард махнула рукой, видимо, сильно разочарованная беседой. — С Дайленом и Алистером он проводит гораздо больше времени, чем со мной. Конечно, Мор, а Айан — Командор Стражей. Я все понимаю. Но... Видимся мы почти всегда только по вечерам и... кроме поцелуев больше ничем не занимаемся. Он не говорит со мной... даже о том, что его тревожит. А его тревожит многое, я же вижу. Говорить приходится мне. Сказки Айан слушает с удовольствием. Хвала Создателю, что я знаю их много!

Винн глубоко вздохнула. Ей все было понятно. Впрочем, она подозревала, что Лелиане это понятно было тоже.

— Я знаю, что когда доходит до собственных чувств, то мы становимся слепыми,

глухими и очень глупыми, как бы умны и проницательны ни были раньше, — старая магиня стиснула сморщенную ладонь на крепком плече рыжей девушки. — Но ты, Лелиана, бард, и должна знать мужчин. Они далеко не всегда могут быть с женщиной и испытывать при этом какие-нибудь чувства, кроме... А иные из них просто настолько толстокожи, что не замечают усилий, что женщина прилагает, чтобы быть рядом с ними. Или того хуже — замечают, но их это не трогает. Тебе наверняка не понравится то, что я сейчас скажу...

Договорить она все же не успела. В коридоре послышались топающие шаги и в комнату, спиной вперед, протиснулся высокий лысый храмовник с начавшей отрастать светлой бородой. Обеими руками он удерживал широкий поднос со стоящими на нем плотно накрытыми блюдами.

— Мясо нынче получилось на славу, — аккуратно поставив поднос на круглый деревянный стол у стены, многообещающе похвалил он. — Еще я вытребовал у хозяина его особой подливы со свежей зеленью. Зелень он выращивает в подвале. Представляете — зима на дворе, а у него к столу — свежая пряная травка! И каша — это ж перина, а не каша! Отведайте, дамы! Стыдно не отдать должное такой... — тут только он заметил припухшие глаза Лелианы и полупустое лицо старой магини. — А что случилось?

— Вот, — шмыгнув носом, девушка простерла в его сторону руку. — Еще один наглядный пример мужской толстокожести.

Философски подняв брови, Винн пожала плечами с самым с согласным видом.

— Да что такое-то? Руки я мыл — честно. Там, внизу...

Женщины переглянулись. Лелиана еще раз шмыгнула носом и вытерла лицо рукавом.

— Не понимаю, — Алистер расстроено опустил на стул перед накрытым столом, теребя ремни своего нагрудника с выбитым на нем символом Андрасте. — Я не вовремя? Вы скажите — я уйду. Подожду внизу. Там доска объявлений — шибко занятная штука. Пока ждал ужина, успел дочитать ее только до середины. Не потому, что плохо умею читать, а потому что те, кто оставлял там свои объявления — плохо пишут...

— Нет, все в порядке. Прости, пожалуйста, — Лелиана еще раз вытерла щеки, на этот раз насухо. — Это я в сердцах. Ты — самый хороший! Давай посмотрим, что ты там принес...

Глава 7

Глава 7

Снег летел в лицо, залепляя глаза, лез даже в нос, мешая дышать. С каждым мигмом будто делалось все холоднее. Серое небо, почти невидимое из-за летевшего с него крупного злого снега, надвинулось вплотную, готовое раздавить его, оказавшегося в самом центре зимней бури.

Приникая к шее своего едва бредущего коня, Дайлен в отчаянии оглядывался в поисках укрытия, но видимость была настолько плохой, что он не различал даже редких полуразрушенных колонн, время от времени знаменовавших вежи Имперского тракта. Поминая демонов, порождений тьмы, и ведущего их древнего дракона, Дайлен пытался усмирить разбушевавшиеся стихии магией, но усилий его надолго не хватало. Разгоняемые облака натягивало вновь, и метель продолжала бушевать с неменьшей силой. Единожды вызвав огненный круг для того, чтобы согреться, и едва не вылетев из седла, когда

перепуганный конь встал на дыбы, несчастный маг отказался и от этих попыток, и теперь все его надежды были связаны с появлением где-нибудь у тракта селения или хотя бы одиночного постоялого двора.

Но людское жильё не показывалось, а погода становилась все хуже, словно ею двигала чья-то злая воля, вознамерившаяся не дать Стражу достигнуть намеченного, и покончить с ним прямо тут, на дороге, в самом начале пути. Дайлен начинал отчаиваться. Отгораживаясь от косивших лошадиных глаз, он несколько раз вызывал огонь так близко от себя, что едва не поджег меховые перчатки. Однако облегчения такая магия не приносила. Порывы холодного ветра бились в лицо, забирались под меха и доспех, сковывали тело непривычного к морозам Амелла. Отчаяние его стало переходить в настоящий страх, когда Дайлен, закончив в сердцах костерить всех приходивших ему на ум демонов, дозрел до того, чтобы немеющими губами обратиться в молитве к самому Создателю. Снег по-прежнему летел в лицо, затруднял обзор, заносил дорогу под конскими копытами. Порой магу казалось, будто он движется в живом морозном и колючем коконе, что желал только одного — за какие-то грехи из всех людей наиболее мучительной смертью убить именно его, Дайлена.

Спустя какое-то время дорога повела круто в горы. Дайлен не мог достать карты без опасений потерять ее в порывистом, стылom ветру. Но и без карты он помнил, что на этом участке пути тракт хоть и поднимался выше, но плавно и незначительно.

Меж тем, его конь, коротко всхрапывая и фыркая смерзавшимися ноздрями, упорно шел куда-то в гору. Натянув поводья, встревоженный Дайлен придержал шапку и поднял голову к летевшему сверху снежному бурану. Короткая злая молния расколола небо пополам, разрывая плотную пелену облаков. Стиснув зубы, Дайлен с усилием разодрал их больше, раскидывая в стороны и, пользуясь кратковременным затишьем, рывками огляделся. А оглядевшись, мысленно застонал.

То, что он сослепу принимал за развалины колонн Имперского тракта, оказалось подступавшими к тропе могучими стволами колючих деревьев и даже невысокими кручами, на которых они произрастали. Сама тропа была достаточно широкой для того, чтобы принять ее за тракт. Торопясь, чтобы успеть до того, как опять завоет метель, Дайлен спрыгнул с коня на одеревеневшие ноги и, увязнув выше колен, с обеих рук выжег снег до самой почвы.

Земли, впрочем, под снегом не оказалось. Вместо нее заблудившийся маг наткнулся на стертый потемневший гранит. Похоже, незаметно для себя сойдя с Имперского тракта на какое-то из боковых ответвлений, он все же двигался по наезженной дороге. А если эта дорога была одета в камень — она наверняка вела к чему-то важному или, во всяком случае, недалекому. На Амелла вновь налетел порыв ветра, и он, вскинув глаза к небу, сотворил еще одну молнию. С трудом взгромоздившись обратно на коня, маг привстал на стременах, вглядываясь вдаль. За росшими на кручах и склонах высоких холмов деревьями было почти ничего не различить, но, изо всех сил напрягавшему глаза Дайлену показалось, что он видит впереди что-то темневшее иначе, чем окружавшие его предгорья.

Маг тронул своего усталого коня. Высвобожденный ветер налетал еще злее, мешая двигаться вперед, и грозясь до каменной твердости сморозить тела беспомощных перед ним путника и его животного. Но теперь, когда Дайлен увидел перед собой цель, пронзительный ветер и метель могли только замедлить его движение, но не остановить. Он не мог бы сказать в точности, сколько прошло времени, но когда в очередной раз остановился, чтобы, на несколько мгновений разогнав бурю, оглядеться, внезапно совсем близко от себя впереди

Амелл увидел высокую каменную арку, что служила воротами для крепких гранитных стен. Башни и бастионы были расположены в обычном боевом порядке для оборонительной крепости. Ворота крепости были подняты, а в кое-где видневшихся окнах не было заметно никакого движения. Лишь подняв глаза выше, сквозь вновь поваливший снег Дайлен успел различить едва приметный слабый огонек, мелькнувший как будто на самом верху одного из внутренних строений твердыни.

Дорога оканчивалась прямо здесь, у ворот. Больше, во всяком случае, свернуть было некуда. Это в немалой степени порадовало незадачливого путника, означая, что чтобы вновь оказаться на Имперском тракте, необходимо было просто вернуться обратно этим же путем. А значит, ничего страшного не произошло. Даже наоборот — переждав здесь метель, он без потерь вернется на главную дорогу и впредь будет внимательнее следить за направлениями и непогодой.

Возблагодарив Создателя за посланное убежище, Дайлен направил коня в сторону крепости. Проехав под аркой, он оказался в обширном внутреннем дворе. Однако, подтверждая изначальные догадки путника, тот оказался по-зимнему пуст и наглядно являл все следы запустения, несмотря на успевший занести их снег.

Беспомощно оглядевшись на полуразрушенные постройки, маг решительно направил коня вверх по крутым высоким ступеням к главному зданию цитадели, как казалось на первый взгляд с внешней стороны, совмещавшему общий зал, склады и казармы. Кроме того, Дайлен бы мог поклясться, что видел огонь в окне, и в окне именно этой постройки. Если в крепости кто-то обитал, обитал он именно здесь.

Добравшись до каменной площадки перед главным входом, Дайлен спешился и, попрыгав на негнущихся ногах, что было силы постучал в крепкие деревянные двери. Выждав, постучал еще раз. Близость жилья, где можно было бы укрыться от летевшего снега, сделала его нетерпеливым. Дайлен задрал голову, отыскивая взглядом то самое окно, где ранее заметил свет. Но из-за хлопьев летевшего сверху снега, опять ничего не увидел.

Отчаявшись дожидаться ответа хозяев и уже не будучи ни в чем уверен, Амелл налег на дверь. Та, однако, не поддавалась. Порывисто обернувшись, и удостоверившись в полном отсутствии рядом кого-либо кроме верного коня, Дайлен отвел руку, а затем стремительно выбросил ее вперед.

Одну из створок дверей с хрустом дернуло из петель, и рывком распахнуло вовнутрь. На всякий случай, выждав несколько мгновений, Дайлен осторожно шагнул в небольшой, но гулкий и холодный зал, углы которого были затянуты колыхавшейся паутиной, а пол — частично укрыт снегом, должно быть, наметенным из-под двери. Заведя коня вовнутрь, маг снял со стены торчавший тут потухший факел и тот ярко полыхнул в его руках, снопом выбрасывая искры.

Помогая себе спиной и задом, Дайлен задвинул дверь на место, из-за чего в зале сразу же сделалось темнее и, подняв факел повыше, еще раз внимательно оглядел, куда его забросили судьба, метель и собственное небрежение. Помещение, в котором он оказался, казалось нежилым, в этом не было сомнений. Амелл откинул меховой капюшон, не снимая, впрочем, шапки, и, подсвечивая факелом, прошелся по залу из конца в конец. Обломки скамей, обрывки гобеленов по стенам, разнообразный мусор на полу — все это указывало на то, что он стоял в бывшей приемной. Несмотря на щели под дверью и холод, находиться здесь было гораздо приятнее, чем снаружи. Однако Дайлену хотелось отдохнуть возле огня, который не нужно было поддерживать самому. Если неизвестная ему крепость была

заброшенной, стоило, все же, поискать и растопить здешний камин. Амелл даже примерно представлял, где искать. Вдобавок, располагаться на ночлег раньше, чем выяснит источник виденного им огня, Дайлен не хотел. Заброшенная крепость, отстоявшая не так далеко от Имперского тракта, могла сделаться приютом для отшельника, а могла и для разбойничьей шайки, которых из-за Мора развелось в стране больше обычного. Проснуться связанным и обобраным до нитки или не проснуться вообще в намерения мага не входило.

Осмотрев коня и убедившись, что помочь расположиться поудобнее ему теперь не сможет, Дайлен собрался с духом и направился в сторону двери, которая располагалась на противоположной от входа стороне. Амелл мог себе в этом признаться без стеснения — ему было боязно в одиночку осматривать пустые и гулкие залы, судя по ее виду — давно заброшенной крепости. Твердыни этой не было на карте — он помнил твердо каждое ответвление от Имперского тракта данной местности. О причинах, по которым такое мощное и стратегически немаловажное сооружение не включили в довольно подробный план окрестностей Каленхада, думать не хотелось. Однако, упорно думалось. Догадки в голову Дайлена стучались самые разные — от чумного места, о котором предпочли забыть, до крепости-призрака, появлявшейся в метели и пленявшей души случайных путников.

Решив, что навоображал себе достаточно, Страж-маг глубоко вздохнул и приоткрыл дверь, отделявшую комнату от внутренних помещений. Первым, что он увидел за ней в неровном свете факелов, был большой камин в углу. Возле, на прибитых к стенам полках и полу, стояли различной формы горшки, кувшины и плоски, а над самим камином висел портрет какого-то бородача, то ли гнома, то ли просто плотного и дородного человеческого мужа.

В противоположной стороне комнаты у стены тулились несколько столов и лавок, выглядевших так, словно сперва они сделались участниками сражения, но потом были аккуратно собраны и убраны из-под ног. Вокруг столов кое-где валялись черепки от битой посуды, но в целом таких следов запустения, как в приемной зале, тут не наблюдалось.

Выбрав лавку поплотнее, которая вряд ли бы уже выдержала вес хотя бы одного человека, Дайлен в несколько движений сломал ее и бросил в камин. Под его взглядом ветхие обломки ярко вспыхнули, освещая комнату, и сразу придавая ей иной вид. Маг не отказал себе в удовольствии стащить перчатки и некоторое время просто постоять у огня, грея окоченевшие руки. У светившего и гревшего камина, его дурное настроение и страхи начинали постепенно развеиваться.

Почувствовав, что согрелся достаточно, и на ходу растирая покальывавшие пальцы, Дайлен заглянул в одну из дверей, ведущих из зала. За ней обнаружилась казарма квадратной формы, с несколькими рядами кроватей. Несмотря на заброшенный вид комнаты, по которому трудно было что-то понять, у мага продолжало оставаться впечатление, словно тут тоже происходила битва, а потом ее следы наскоро убрали.

Как бы то ни было, некоторые кровати до сих пор выглядели достаточно прочными, чтобы послужить ночью. Дайлен еще раз внимательно осмотрел комнату и, не найдя в ней ничего опасного или полезного, да и не особенно разыскивая, вернулся в зал с камином. Из него во внутренние помещения вела еще одна дверь.

Выглянув за которую, Дайлен оказался в недлинном, но широком коридоре с рядом дверей по одну сторону от него. Заглянув во все, Страж-маг обнаружил кухню, кладовую и арсенальную, оружие из которой, впрочем, исчезло, ровно как и припасы из кладовой. Везде по-прежнему не было ни души, ни каких-либо признаков того, что тут жили или проходили

хотя бы единожды за весь предыдущий год.

Завернув за угол, Амелл оказался в полукруглой проходной комнате. Вдоль ее стен тянулись книжные шкафы, в которых, однако, маг не увидел ни одной книги. За исключением шкафов, комната была пустой, если не считать все тех же вездесущих сора и паутины. В дальнем конце комнаты располагалась лестница на второй этаж. Перед ней лежал большой, неопределенного цвета, коврик.

У Дайлена возникло какое-то смутное и неприятное ощущение. До сих пор, бродя по первому этажу цитадели, ничего, кроме волнения, вызванного темнотой и неизвестностью, он не испытывал. Однако теперь к этим опасениям прибавилось что-то еще. Несмотря на царившее тут запустение, он по-прежнему был уверен, что видел отблески света в окне на верхнем этаже этой постройки. А значит, там, наверху, кто-то был. Кто-то, не обративший никакого внимания на вторжение незваного гостя даже после того, как гость этот порядочно на шумел, натоптал, и даже развел огонь хозяйской мебелью.

Кто мог быть настолько равнодушен?

подавив боязливость, Дайлен поднял факел повыше и, борясь с желанием сотворить один или два световых огненных шара, направился к лестнице.

Перед самыми ступеньками он замешкался. Помимо страха перед неведомым, было что-то еще. Что-то, цеплявшееся за его сознание, и явно пытавшееся пробиться к рассудку. Что-то очевидное, и, одновременно, таившее в себе опасность.

Амелл тяжело вздохнул. Он стал уже уставать бояться. Дав себе зарок быть еще осторожнее, Страж сделал шаг.

Уже когда он опускал руку на перила, сознание Дайлена пронзило внезапной догадкой — все вокруг, пол, кое-где даже стены комнаты были покрыты толстым слоем пыли. Лишь ковер, на который он наступал, хоть и старый, был относительно чистым, словно им часто пользовались, и сюда положили только что...

Эта мысль промелькнула последней, когда прикрывавший провал перед лестницей ковер под его тяжестью ухнул вниз, и Дайлен, мазнув мимо перил рукой, полетел куда-то в темноту.

Глава 8

Глава 8

Пробуждение было таким же резким, как и удар, швырнувший его в небытие. Вокруг по-прежнему было темно, и отчего-то — крайне неудобно. Несмотря на быстрый переход от забытья к яви, ощущения просыпались постепенно — от покалывавшей в горячем сухом воздухе обнаженной кожи, до болезненных толчков крови там, куда пришелся удар. Почувствовав острую боль, охватившую всю правую половину головы, Дайлен дернулся, чтобы наощупь определить, с чем ему придется иметь дело — шишкой, или открытой раной. Однако рука его не послушалась.

Вынужденно разлепив веки, молодой маг снова их зажмурил, не выдерживая бьющего в глаза яркого света. Только спустя какое-то время, вновь приоткрыв один заслезившийся глаз, Дайлен понял, что свет, лившийся сбоку из большого окна, на самом деле не был так уж ярким. С трудом повернув голову, он увидел продолжавшую бушевать метель, порывы ветра которой сотрясали старое немытое стекло.

Амелл попытался повернуть голову в другую сторону, чтобы рассмотреть комнату, в которой проснулся. Подбородок сильно царапнуло и, поведя головой, он нащупал врезавшийся в кожу металл. Руки вновь не послушались хозяина, закинутые куда-то выше головы. Подняв глаза и сильно вывернув шею, Дайлен сумел разглядеть свои запястья притянутыми кандалами к неструганному столбу.

Проснувшись окончательно, маг дернулся, громыхнув короткой цепью. Теперь только он понял, что стоял на коленях, прислонившись спиной к круглому деревянному столбу, и будучи притянут к нему за руки, ноги, грудь и шею. Вся его одежда, даже символ Андрасте и шнурок от Кейтлин исчезли. Исчез и перстень с левой руки, что особенно беспокоило Дайлена. Подергав цепь, и убедившись, что тот, кто его поймал, знал толк в удержании пленников от лишних движений, маг выругался. Похоже, его предположения о разбойниках оказались справедливы.

— Эй! — не особо рассчитывая на результат, крикнул он, чувствуя, как каждое громкое слово отдается в его раненой голове. — Эй, кто там? Какого демона?

Как и следовало ожидать, ответа на свои вопросы он не получил. Мучаясь от головной боли, Амелл вновь дернул руками. Толку от этого было еще меньше, чем от криков. Цепи такой толщины мог бы порвать разве что боевой тевинтерский слон.

Прикидывая, как половчее использовать магию, чтобы избавиться от оков, Дайлен огляделся. Несмотря на то, что на нем не было ни нитки, холод не ощущался. Прислушавшись, маг различил где-то позади себя потрескивание огня, в, по-видимому, очаге. В двух-трех шагах перед Стражем у стены стоял широкий длинный стол. Стол этот с одной стороны был завален бумагами, книгами и писчими принадлежностями. С другой широкая столешница почти скрывалась под уставившими ее колбами, плоскими и алхимическими реагентами, живо напомнимшими Амеллу о занятиях в Круге магов. Скопив глаза в сторону, Дайлен увидел еще один стол — гораздо меньше первого. На нем в идеальном порядке были разложены инструменты настолько странного вида, что они как-то вдруг и очень сильно напугали Амелла, несмотря на то, что мало походили на пыточные.

— Да что тут происходит? — больше для себя пробормотал Дайлен, сглатывая под стиснутым шеем куском металла. — Во имя Создателя!

Виски сдавило, а к горлу подступила тошнота. Привычная настолько, что в присутствии Айана и Алистера он почти перестал обращать на нее внимание. Но теперь никого из Стражей рядом не было. Дайлен вновь дернулся, испытывая самый настоящий страх. Липкие воспоминания о заключении в кокон из мяса порождений тьмы вновь поднялись из самых глубин его кошмаров.

Однако шло время, а порождения тьмы не показывались. Вместо них откуда-то из-за спины Дайлена послышались шаркающие шаги, затем скрип отворяемой двери. Извернувшись, Амелл попытался оглянуться через плечо, но не сумел. Цепи и крепкие зажимы на груди и у горла не давали сдвинуться больше, чем на полпальца.

Шаги приостановились у самого столба. Затем медленно двинулись вокруг. Постепенно взору Дайлена предстал невысокий сморщенный старик в сером балахоне, абсолютно лысый и с пугающе торчавшими ушами.

Увидев пленителя, напряженный, как струна, Амелл испустил вздох неподдельного облегчения.

— Какого демона, дед? Я от страха чуть не умер. Нельзя так пугать людей!

Старик пододвинул себе скамью, но не сел, а подошел к Дайлену. Сморщенные пальцы

пробежались по лицу, груди и плечам скованного мага.

— Ты ожидал вместо меня увидеть кого-то еще? — неожиданно молодым голосом спросил старик. Амелл поднял брови.

— Стаю порождений тьмы. А ты... не похоже, чтобы болел скверной. Страж?

— Стало быть, почуял меня, — старик попытался оттянуть губу мага, с явным намерением заглянуть в рот, но Амелл дернул головой, отстраняясь. — А я знал, еще когда ты стоял за воротами, — ничуть не смущаясь, поведал он. — Мое имя — Авернус. Ты, наверняка, слышал о Пике Солдата. Я — последний из выживших здесь Серых Стражей.

Дайлен сглотнул. Отступившая перед удивлением боль вернулась, затерзав его голову с еще большей силой.

— Ни о каком Пике Солдата я никогда не слышал, — звякнув цепью, медленно проговорил он, взвешивая слова. — Что до Серых Стражей, в Ферелдене их осталось всего трое. Я, и двое моих товарищей. Значит, послушать тебя, не трое, а четверо. Пусть. Объясни тогда, какого нагъего помета я связан? Ты всех гостей так встречаешь? Развяжи, а то уже колени затекли на них стоять. И голова... болит.

Тот, кто называл себя Авернусом, придвинулся, стискивая виски Амелла длинными узловатыми пальцами. Кисти его рук окутались целительским светом, быстро перетекшим в голову Дайлена. Несколько мгновений спустя Страж-маг почувствовал сильное облегчение. Закончив творить магию, Авернус отступил на шаг, словно любуясь. Но сказал не то, чего ждал от него Амелл.

— У тебя такая чистая, гладкая кожа, — промолвил старик, какое-то время разглядывая своего пленника. — Ты не ешь мяса?

Амелл кашлянул. Настроение его, и без того невысокое, испортилось еще больше.

— Вот мне не нравятся твои вопросы, дед, — молодой и красивый маг привык к скабрёзным выкрикам и нескромным взглядам, но взгляд этого старика его пугал. Так полоумные ученые из магов глядели на жуков прежде, чем нанизать их на булавки для своих непонятных простым, нормальным людям, собраний. — Какая тебе, к демону, разница, ем ли я мясо? Ем. Может, теперь ты освободишь меня, наконец?

— Мои вопросы вызваны не праздным любопытством, — Авернус усмехнулся, продолжая оглядывать выставленного, как на показ, Амелла. — Узнав больше о твоём теле и составе протекающих в нём соков, я буду больше уверен, в какую сторону следует вести эксперимент.

Дайлен невольно посмотрел в сторону разложенных железяк. Проследив за его взглядом, Авернус покачал головой.

— Тебе нечего опасаться. Инструменты нужны мне уже для конечной стадии эксперимента. Когда требуется вскрытие для уточнения...

— Так, дед, — Амелл сжал и разжал кулаки, начиная злиться и одновременно пугаясь еще сильнее. — Не знаю, кто ты и зачем сидишь в этой Создателем забытой крепости. Но я пришел сюда просто потому, что заблудился в метели. Как только она утихнет — уйду, и о тебе больше не вспомню. Меня не интересуют твои эксперименты. Все, что мне нужно — поскорее вернуться на Имперский тракт. Отпусти... пока прошу добром.

— Ты упоминал, что Серых в Ферелдене трое, — словно не услышав его тирады, переспросил старик. На скамейку он, все же, сел, продолжая разглядывать Амелла, однако трогать уже не пытаясь. — Но разве Стражи не были изгнаны из Ферелдена королем Арландом?

Амелл тяжело вздохнул. Его нагота, неудобная поза, металл под подбородком и колени, на которые приходился весь вес его тела, напрягали с каждым мигом все больше.

— Ты из какой норы выполз, А...вернус? Стражи вернулись в Ферелден еще при Мэрике Тейрине, отце недавно умершего Кайлана. Теперь в Ферелдене безвластие, но, если Создатель будет к нам милостив, долго оно не продлится. Ты что-нибудь слышал об этом?

Старик отрицательно качнул головой.

— В последний раз я покидал Пик Солдата еще до восстания Софии Драйден Командора Ордена при короле Арланде. После ее... смерти, я и еще несколько Стражей остались здесь. Я не знаю, что происходило в мире все это время.

Слова Стража Авернуса пробудили в голове Амелла какие-то смутные вехи. В памяти всплыли уроки по истории Ферелдена. С трудом восстановив их для себя, Дайлен с сомнением воззрелся на сидевшего перед ним старика.

— Ты хочешь, чтобы я поверил, что тебе — двести лет?

— Немного больше, мальчик, — Авернус улыбнулся, являя взору Амелла абсолютно здоровые, ровные зубы. — Когда Арланд, наконец, убрался отсюда со своей солдатней, я собрал уцелевших братьев, и, затворил Пик Солдата от посторонних, открыв путь к нему только для Серых Стражей.

— Так ты не только маг, — догадался Дайлен, перенося свой вес с одного колена, на другое. — Ты — малефикар.

Лицо Авернуса прочертила кривая усмешка.

— Я внимательно осмотрел тебя, пока ты был без сознания. Судя по виду ладоней, кое-кто сам не брезгует магией крови. Хотя знания твои оставляют желать лучшего. Иначе не потребовалось бы высвободить кровь всякий раз для любого магического действия.

— Я научился обходиться без порезов, — счел нужным предупредить Амелл. Его вывернутые руки начинали болеть не меньше коленей. — Так что лучше давай, развяжи меня, дед. Продолжим беседу мирно. Я не собираюсь на тебя нападать. Но если вынудишь — сгоришь.

— Попробуй, — Авернус сложил руки на груди, откидываясь спиной на край стоявшего тут же стола. — Попробуй меня сжечь. Или хотя бы что-нибудь.

Тон его был подозрительно спокойным. Исполненный самых мрачных предчувствий, Дайлен пожал вывернутыми плечами.

— Ты сам попросил меня об этом.

Он скользнул взглядом по разложенным на столе бумагам. Удивившись, скользнул еще раз. Уже с заметным волнением, насколько это было возможно, вытянул ладони, попытавшись вызвать с них огонь. Тень молчала. Молчали и внутренние токи крови. Амелл дернулся, стиснув кулаки до боли и вновь попытался вызвать огонь, воду, порывы ветра. Авернус терпеливо ждал, сложив на груди руки. Лысая ушастая голова покачивалась в такт каким-то его мыслям.

— Можешь не стараться, — спустя какое-то время глядя в полные отчаяния и непонимания темные глаза Амелла, проговорил он. Молодой голос никак не вязался со сморщенной, покрытой старческими пятнами кожей. — Увидев твои руки, я понял, что ты маг. Неужели ты думаешь, что по этому я не принял мер?

Приподнявшись, он оттянул металлическое кольцо, притягивавшее шею Дайлена к столбу, и подцепил пальцем тонкий ошейник под ним, плотно охватывавший горло смятенного мага.

— Тевинтерская игрушка, — равнодушно пояснил он. — Прерывает любую связь с Тенью и силой крови внутри мага. Снять можно только поочередно применив магию на каждую из рун, значения которых тебе не видны. В Тевинтере немало рабов-магов. Не все из них довольны своим положением. Тамошние магистры научились выходить из этого положения без потерь еще несколько столетий назад.

Дайлен опустил голову. Выступившая на лбу испарина щекотала кожу, но стереть ее он не мог.

— Зачем я тебе, дед? — уже тише прежнего спросил он. — Что тебе от меня нужно?

Авернус присел обратно на скамью. Лицо его сделалось почти участливым.

— Мне нужны твои плоть и кровь, — он усмехнулся, когда закусивший губу Амелл поднял на него глаза, тщетно гася в них испуг. — Я не солгал тебе, мальчик. Мне больше двухсот лет. Я был посвящен так же, как ты. Так же, как любой из Стражей. Но с самого начала, с самого первого мига, обряд посвящения, ровно как и то, что произошло со мной... что происходило со временем, не могло не тревожить меня. Ты похож на человека, который умеет думать. Неужели ты сам никогда не размышлял о скверне?

Дайлен отвел глаза.

— Размышлял, — вынужденно буркнул он. — Но что толку размышлять впустую? У меня не было возможности для исследований. Все время, что я пробыл Стражем, у меня не было возможности даже нормально поспать, пусть и видя во снах архидемона. А на одних домыслах многого не сделаешь.

Авернус удовлетворенно кивнул. Ответ Амелла ему, видимо, понравился.

— Мне же времени и возможностей судьба подкинула предостаточно. Запершись здесь с отринутыми королем и самой этой страной соратниками, я занялся исследованиями скверны в их крови. Ведь не можешь же ты не согласиться, что ритуал Посвящения примитивен. Мы просто пьем кровь порождений тьмы. Большинство мгновенно умирает от порчи — это же, в конце концов, яд. Что за варварство! Но Посвящение можно изменить. Выделить могущество, которое содержится в крови порождении тьмы, и отторгнуть зло, которое убивает нас. Только представь, сколь многое бы сделалось по-другому, будь это возможно!

Амелл поднял бровь. В словах древнего Стража-мага был смысл. Но окончательно проникнуться величием его идеи мешали болющие колени и сильно натянутые связки рук.

— Стражи используют получаемые способности, чтобы чуют порождений тьмы. И только! И никто не задумывается о прочих возможностях скверны. Ведь что мы знаем о ней? Ничего! А меж тем это — неисчерпаемый источник загадок! Могущества! Чем дольше мы живем со скверной в крови, тем сильнее она становится. К несчастью, эта порча рано или поздно овладевает Стражем, пожирает бесследно его душу и тело. Но что, думал я, если распространение порчи можно остановить или каким-то образом сдержать? Что, если можно было бы выделить из нее новые, неведомые Стражам компоненты?

— Как вижу, ты эти компоненты выделил, — окидывая старца взглядом, процедил маг. — Я понял правильно? Ты проводил свои эксперименты на остававшихся в крепости Стражах?

Авернус склонил голову.

— Верно. Они были добровольцами... почти все. Терять им было нечего. Я сумел победить Зов, и продлить жизнь Стража на долгое, очень долгое количество лет. Но... процесс поражения скверной, хотя и сильно замедлен, полностью остановить не удалось.

Мои эксперименты еще не закончены. Мне не хватило подопытных. Еще трех-четырех Стражей...

— Слушай, дед, — Амелл сумел, наконец, вытереть лоб о заломленную руку. — Я один — это все равно меньше, чем тебе нужно. И, пока ты тут сидел, там, в Ферелдене, кое-что произошло. Начался Пятый Мор, — он дернул головой, встряхивая мокрые волосы. — Стражей теперь — мало. А те, что остались — молоды и неопытны. Мы даже не знаем рецепта обработки крови порождений тьмы для ритуала Посвящения. И нам нужна помощь Стражей Орлея. Я тут мир пытаюсь спасти, дед. Если не привести помощь — Ферелден падет. Ты в своих горах даже за магическими заслонами не отсидишься.

Старик некоторое время сидел молча, сверля взглядом лицо Амелла. Маг без труда выдерживал взор его бесцветных блеклых глаз.

— Что за чудо проснулось на этот раз? — спустя какое-то время спросил Авернус. Дайлен снова сглотнул.

— Уртемиэль, — угрюмо сообщил он. — Дракон, демон его забери, Красоты.

— Откуда вы знаете, что это Уртемиэль?

— А сам-то ты не чувствуешь? — изумился Амелл, на несколько мгновений даже перестав пытаться справиться со своим пережатым горлом.

Авернус поднялся на ноги. Еще раз оглядев Дайлена с ног до головы, он неподдельно вздохнул.

— Жаль, что я так и не научился переносу сознания из тела в тело, — с искренним огорчением сообщил он своему пленнику. — Я слишком был занят исследованиями скверны...

— Ты это брось, дед, — Дайлен тщательно загасил лириумный взблеск своих глаз. — Думать забудь.

— Я не могу отпустить тебя, мальчик, — Авернус подошел к столу и раскрыл одну из тетрадей. — Я слишком близок к разгадке одной из величайших тайн мироздания. Когда мне будут доступны ответы на все вопросы, никакой Мор не будет важен. Мы победим древних драконов, не убивая их. Отберем их силу. Сами сделаемся всемогущи..!

Дайлен посмотрел в сторону. Он уже все понял.

— Дай хоть прикрыться чем-то, нелюдь, — негромко попросил он, вновь поднимая глаза и с ненавистью глядя на перебиравшего реагенты, и складывавшего некоторые из них в большую плоску старика. — Какого... дерьма ты меня раздел?

— Одежда и металл... На определенной стадии эксперимента... под воздействием сильных температур могут прикипать к коже, доставляя тебе дополнительные ненужные повреждения, — соизволил ответить старик, с силой растирая что-то пестиком по плоске. — Я постараюсь... как можно надольше растянуть потенциал твоего организма. Надеюсь, ты достаточно здоров, чтобы пройти все шесть этапов и добраться до седьмого. Мы с тобой, парень, изменим этот мир!

Дайлен сжал зубы, давя готовые вырваться ругательства. Старик залил получившееся от растирания месиво из двух колб и получившуюся массу принялся наносить на отдельные части тела ежившегося пленника.

— Болевые точки, — попутно объясняюще бормотал он, размазывая свое снадобье по злему и смертельно перепуганному Амеллу, который в смятении по-прежнему пытался вызвать огонь — на этот раз на самого старика. — Воздействие непосредственно на них катализирует процессы эксперимента при переходе от одной стадии к другой, в особенности

на начальном этапе...

Закончив, он отложил плоску. Руки его окутались синевато-белыми шаровыми молниями.

— Постарайся несколько раз глубоко вздохнуть, — посоветовал он, делая шаг к Дайлену. — Для чистоты начала процесса необходимо спокойное, почти статичное состояние организма, а твои дыхание и сердцебиение явно учащены.

— Не подходи, старый хрен, — почти прошипел Амелл, не отрывая взгляда от потрескивавших разрядов на ладонях пленителя. — Только тронь меня, и клянусь Создателем, я тебя убью. Я убью тебя, слышишь ты? Не прикасайся ко мне, тварь! Не подходи!

— Сожалею, но практическая — это неотъемлемая часть моих экспериментов, — Авернус шагнул ближе, оказавшись перед бешено дергающимся Дайленом. — Будет быстрее и проще, если ты мне поможешь. Возьми себя в руки и давай приступим. Я очень долго этого ждал...

Глава 9

Глава 9

— Это точно последние? — сталкивая ногой в пропасть тело мертвого ассасина, мрачно поинтересовался Кусланд. Зевран передернул плечами, глядя на свой клинок, с которого счищал тряпицей кровь.

— На пока — да, точно, — с некоторой отстраненностью ответил он. — Балгаруд всегда был недалеким. Но наемникам платил щедро и набирал их для засад помногу. На том и выезжал так долго.

— Ты хочешь сказать, что те, кто был с тобой, и люди этого... Телезена...

— Тальезена, мой Страж.

— Тальезена. Это — простые наемники? Я думал — все они были Воронами.

Зевран усмехнулся, не отвлекаясь от своего занятия.

— Ну что ты, друг мой. Воронов, на самом деле, не так много. Не мало, конечно, но толпами мы... то есть они, Вороны, не бегают. Те, кто были со мной, все, кроме Далары, магини, прими ее Создатель, были наемниками. И те, кто с Тальезеном — тоже.

— А я все гадал, отчего они не стали преследовать нас, — пробасил Стен. Свой огромный двуручник он закинул за спину. И, взявшись за луку, вскочил в седло.

— Да, они лишились своего нанимателя, и убивать вас стало незачем, — Зевран в последний раз осмотрел идеально чистое лезвие своего короткого меча и выкинул окровавленную тряпку. — Всего нас, Воронов, было отправлено за вами четверо. Трех вы отправили к... м... к Создателю. Остаюсь только я. У вас по-прежнему все шансы отделаться от навязчивого внимания Воронов надолго.

— Меня больше волнует, как они узнали, что мы едем этой дорогой, — Кусланд, вытянув шею, проследил полет на дно пропасти последнего из подосланных к нему убийц. — До Орзаммара — всего несколько часов пути.

— Птицы, друг мой. Похоже, либо в Редклифе за вами следили больше одного осведомителя, либо, что вероятнее, мой осведомитель работал не только на меня. Нужно будет не забыть навестить его и... наказать за жадность.

— Ну что же. Бедой одной меньше.

Зевран легко взлетел в седло своего коня и одарил заговорившую магиню ослепительно белозубой улыбкой.

— Ты, как всегда, права, чаровница моих очей. Я вот все думаю — как так вышло, что уже четвертый день пути, а мы с тобой еще не переспали?

Морриган усмехнулась, трогая свою лошадь.

— Забыл ты, что за Стражем прекрасным меня не замечал?

Зевран покаянно хлопнул себя по лбу. Звук получился неожиданно громким.

— Я был слепцом. Слепым, глухим, безмозглым. Надеюсь, когда пройдет твоя обида...

— Поехали уже, — Кусланд тяжело опустился в седло, придерживая локоть. Последняя схватка с наемниками Воронов едва не стоила увечья. Подаренный ведьмой доспех в очередной раз выручил его, но Айан чувствовал, что доспех доживал свои последние битвы. Иззубрившаяся и измятая, с многочисленными отметинами, боевая броня еще держала удар, но с каждым разом все слабее — это Командор ощущал всей кожей. Он не знал, в чем было дело — в том, что доспех не мог подпитываться силой его крови, или в чем-то ином. Но оставшийся в живых лучший кузнец Редклифа наотрез отказался латать, а долго рассматривавший доспехи Кусланда Амелл лишь пожал плечами. Направляясь в Орзаммар, Айан был готов к тому, чтобы в городе облачиться в другой доспех, выкованный гномами — лучшими мастерами Тедаса. Пусть даже это застояло бы всех денег, что он вез с собой из Редклифа.

Широкая, мощенная гранитом тропа, что начиналась от самого Веста и уже второй день вела их в горы, не сужалась, а, казалось, напротив — расширялась, делаясь все более ухоженной с каждой мерой пути. По обеим сторонам от дороги стали попадаться искусно выделанные каменные статуи гномов и выбитые в скале пещеры с каменными скамьями, очевидно, для защиты путников от непогоды. В одной из таких пещер отряду пришлось переждать снежную бурю, что пронеслась над Морозными горами и ушла бушевать ниже, в долину. Временами на тропе попадались повозки гномьих торговцев и мастеровых. Впрочем, встречавшиеся гномы казались хмурыми, и старались держаться подальше от людей и бесед. Кусланд не настаивал. Все его мысли были заняты тревогой об оставленных товарищах и грядущими переговорами с гномьей знатью. Настолько, что он замешкался, когда на дорогу из-за произраставших вдоль нее колючих деревьев выскочили сразу около двух десятков вооруженных людей, и выпущенный из пращи камень вдребезги разбился об наплечник его доспеха...

— Мост, — терпеливо прощупав пострадавшую руку целый час, в течение которого он тщетно пытался вызвать на нее переплетения целительской магии, прервал собственные размышления Айан. Через глубокую канаву посреди дороги и впрямь был перекинут величественный мост из камня. По обе стороны от моста, как почетный караул, стояли огромные статуи гномов в полном боевом облачении, опирающиеся на топоры. — За этим мостом — закрепленные за гномьими королями земли Орзаммара. Теперь мы на их территории.

Он бросил взгляд на откинувшего капюшон Зеврана, заостренные уши которого давно уже покраснели от мороза, а теперь начали белеть.

— Что, мой Страж?

— Никаких шуток. Даже невинных. Даже если ты знаешь такие, которые не оскорбили бы гномов.

Антиванский Ворон пожал плечами.

— Если ты настаиваешь, друг мой. Я буду хмур и сосредоточен, как гномий посол на орлесианском званом обеде, где к одной тарелке подают по двенадцать разных вилок с каждой стороны.

Кусланд неслышно вздохнул.

— Морриган, — разобравшись с одним проблемным членом отряда, он обернулся к другой. — Ради Создателя... улыбайся, хотя бы изредка. Но при том смотри не на гномов, а между ними. Иное будет воспринято, как оскорбление.

К его удивлению, лесная ведьма, не споря, склонила голову.

— Как тебе будет угодно.

— Стен...

— Меравас, кадан, — коссит обратил на него взгляд нечеловеческих глаз. — Я ни на кого не буду смотреть, не буду шутить, улыбаться и ни с кем не заговорю без нужды.

— Добро, — Кусланд отпустил локоть и взялся за поводья. — Да поможет нам Создатель.

Под цоканье конских копыт, они пересекли мост и оказались на обширном плато, с трех сторон стиснутом скалами. С четвертой плато обрывалось в пропасть, которая всю дорогу по левую руку сопровождала путников, поднимавшихся по наезженному тракту к Орзаммару.

Место за мостом оказалось неожиданно многолюдным. Многочисленные повозки, шатры, натянутые пологи, поставленные прилавки и всюду набросанные ящики и тюки с товарами в первый миг поразили своей пестротой даже привычного ко всему Зеврана. Большинство торговцев были гномами. Их крики, ругань и зазывные вопли разносились далеко вокруг, своим звучанием напоминая не то шум водопада, не то подземный гул. Придерживая лошадей, чтобы нечаянно не стоптать чьего-то товара или не налететь на кого-то, Кусланд и его спутники медленно продвигались к огромным каменным воротам, украшенным резьбой. Возле этих ворот несли караул с полтора десятка облаченных в доспех, вооруженных гномов.

— Присмотрись, мой рыжий Страж, — Зевран подъехал поближе к в очередной раз придерживавшему коня Айану. Обеими руками он растирал онемевшие уши. — Кто это там стоит?

Несмотря на то, что глаза эльфа были, несомненно, острее человеческих, слова ассасина были скорее размышлением вслух, нежели предупреждением. Кусланд и сам прекрасно видел на мощеной площадке перед воротами четыре фигуры, ростом и статью явно не походивших на гномы. Из четверых людей трое были закованы в доспех. Полы богатой мантии четвертого развивались на ветру под отороченным мехом плащом.

— Герб Мак-Тиров, — издали определил Кусланд, взглядевшись в висевшие на спинах гномьих гостей щиты. — Люди тейрна Логейна. Будьте готовы ко всему.

Не спуская глаз с торчавших перед воротами посланников регента, Командор и его невеликий отряд добрались до пристроенной неподалеку от входа в гномий город длинной деревянной конюшни. Переговорив с конюхом, и вручив ему более, чем щедрую плату, Кусланд вышел к поджидавшим его соратникам. Поймав его вопросительный взгляд, Морриган дернула плечами.

— Стоят они там с тех пор, как их мы увидели. Пока не заходили.

— Не просто стоят, мой Страж, — шурясь, счел нужным добавить Зевран. — А о чем-то довольно горячо спорят вон с тем бородачом. Кажется, это начальник стражи.

Командор оправил плащ, проследив, чтобы тот был застегнут на правильном расстоянии ниже нужного плеча. Бросил критичный взгляд на спутников и, придя к справедливому выводу, что достойнее им все равно не смотреться, твердым шагом направился к широким ступеням, ведущим к воротам Орзаммара.

Их приближение не осталось незамеченным. Следуя за взглядами своих воинов, бородатый начальник стражи прервал свою успокоительную речь в сторону одних человеческих гостей и обратился к другим. Вид его, против ожиданий, был не надменным, а таким, словно он чрезвычайно устал.

— Вето, — раньше, чем подошедший Кусланд успел открыть рот, сообщил ему бородатый. — Это — земля суверенных гномьих королей. Орзаммар теперь закрыт от посещений. Любых посещений, будь то торговцы или... королевские послы.

Командор сложил руки в знаке почтительного приветствия.

— Здравый будь, достойный сын Орзаммара. У меня, сэр гном, срочное дело к вашему королю.

— А у кого не срочное? — вмешался один из людей тейрна Логейна. По тому, как он себя держал, даже малоопытный в таких делах Стен с ходу определил главного посла. — Если уж меня не пускают, никого не пропустят.

— В Орзаммаре нет теперь короля, достойный сын людей, — дернув щекой в сторону, как видно, смертельно надоевшего ему посла, ответил любезностью на любезность начальник стражи, обращаясь к Кусланду. — Трех недель не прошло, как Эндрин Эдукан отправился к предкам. В Совете уже дюжину раз голосовали, но преемник его власти до сих пор не назначен.

Командор коротко вдохнул.

— Все же, мне необходимо пройти. Надвигается Пятый Мор. Серым Стражам нужна помощь их исконных союзников-гномов. Вот бумаги, обязывающие Орзаммар помочь нам.

По рядам охранявших ворота гномов пробежал едва слышный шепоток. Начальник стражи, с видимым усилием опустив повывлезшие брови, взял из рук Командора заранее приготовленные договора и, не читая, принялся рассматривать скреплявшие их печати.

— Что? — посол Логейна обернулся к внешне невозмутимому Кусланду. — Вы — Серые Стражи? Но... Стражи убили короля Кайлана. Они заклятые враги короля Логейна! Именем короля требую казнить на месте это... это позорное пятно на чести Ферелдена!

Взгляды начальника гномов и Командора Серых Стражей встретились. Бородатый почтительно свернул бумаги и протянул их спокойно глядевшему на него Кусланду.

— Что ж, похоже, это и в самом деле королевская печать, — он сделал знак своим воинам открыть ворота. — Тут только Совету решать. Ты можешь проходить, Серый Страж.

Было видно, что такое решение гнома сделалось настоящим потрясением для людей регента. Рука предводителя посольства дернулась к мечу. Однако, обнажать его в присутствии гномьих воинов он не посмел, невероятным усилием сумев сдержать себя.

— Т...ебе это так с рук не сойдет, — едва сумел выдать посол, глядя на проходивших мимо него Стража и его разношерстных спутников. — Король тебя четвертует!

На миг по лицу заходившего в открывшийся проход последним эльфа проскользнула насмешливая улыбка. Зеврану явно было, что ответить. Но, повинувшись предусмотрительно высказанному заранее приказу Командора, он сдержал себя.

Тяжелые ворота Орзаммара захлопнулись за их спинами.

Глава 10

Глава 10

— Создатель благоволит к нам, — вполголоса проговорил Айан, когда приоткрытая створка ворот встала на место, вновь отделяя гномий город от поверхности. — По крайней мере, мы можем быть уверены, что...

Он умолк, не договорив. Молчали и его спутники. Остановившись на широкой площадке за воротами Орзаммара, они в безмолвии пораженно взирали на открывшийся перед ними вид.

В огромном зале горели всего несколько врезанных в стену светильников. Однако большего их числа и не требовалось. Свет и тепло исходили от проистекавших повсюду потоков из расплавленной плоти земли. Множество глубоких каменных желобов направляли потоки в красивом, правильном порядке, создавая целые фонтаны из лавы. Однако, против ожидания, должная тут быть чудовищная жара не ощущалась. Умело составленные и скрытые воздушные отверстия вытягивали излишнюю гарь, и непрерывно поставляли в зал свежий воздух.

Кусланд огляделся. Помимо величественных арок и колонн, отстоявших вдоль стен, в зале были большие фигуры гномов, вытесанные из камня с, казалось, особым тщанием. В отличие от других ранее виденных ими гномьих статуй, у каждой из здешних было старательно выделанное лицо с собственными, неповторимыми чертами.

— Суровая это красота, — разглядывая каменные своды и огромные лавовые светильники, медленно проговорил коссит. Зевран негромко кашлянул.

— Я до сих пор не уверен, благодарить или проклинать судьбу за то, что она свела меня с тобой, мой рыжий Страж. Но одно я знаю точно. Если бы не ты, мне никогда не увидеть бы такого... такого величия. И...

— Разума торжества, — подняв голову, Морриган созерцала свешивавшиеся с потолка флаги, затем перевела взгляд на каменную тумбу, отгораживавшую любого от слишком близкого, опасного приближения к протекавшему тут же лавовому ручью. — Лишь гномам великолепие такое построить под силу было.

Кусланд, а за ним его спутники сошли по ступеням от ворот к каменной дорожке, ведущей через весь огромный зал к другой двери в его противоположном конце. Через каждую вторую колонну в зале стояла почётная стража из гномов в парадных доспехах.

— Интересно, что это за статуи, — вполголоса проговорил Айан, стараясь запечатлеть в памяти каждый шаг по восхитившему его залу. — Наверняка короли... или герои.

Морриган усмехнулась и, проходя мимо богато одетого гнома, что-то чиркавшего по бумаге рядом с одной из статуй, тронула того за плечо.

— Здравствуй, любезный. Будь так добр, просветить нас. Мой друг узнать желает, кого изображают статуи сии.

Гном оторвался от своего занятия. Оглядев их, просмотром остался, видимо, недоволен, но все же нехотя ответил, поводя головой вокруг себя.

— Добро пожаловать, наземники. Хоть и не в добрый час явились вы в Орзаммар. Статуи эти, что вы видите здесь, представляют каждого из Совершенных, в точности повторяя присущие им черты и величие. Мы стремимся приблизиться к безупречности. Так их деяния направляют нашу жизнь.

— Прошу простить мне мою неосведомленность, почтенный гном, — Кусланд как мог почтительно устремил свой взор на лицо статуи, рядом с которой они стояли. Это была большая каменная женщина с резкими, словно тронутыми печатью вечной раздражительности чертами. — Кто это — Совершенные? Это великие герои вашего народа?

Гном покачал головой.

— Разве у вас, людей, нет Совершенных? Но это ведь такая дикость и невежество! Мы, гномы, почитаем предков, что ушли к камню. Совершенные же — это те предки, что живут среди нас. Живые предки!

И, видя, что никто из гостей не понимает, о чем он ведет речь, вынужденно пояснил.

— Когда гном совершает нечто поистине великое, он объявляется Совершенным, он и весь его дом. Пусть даже он происходит из касты неприкасаемых, Совершенный получает почет и уважение среди всех гномов, а дом его становится основоположником благородного имени до конца дней последнего своего славного отпрыска, — он обернулся к статуе. — Это — Совершенная Бранка. Она получила такое звание за величайшее изобретение, изменившее жизнь всех гномов.

— Что же изобрела эта женщина? — с искренним интересом переспросил Айан, видя, что гном ждет проявлений любопытства со стороны слушателей.

— О, она сделала то, чего не под силу ни одному из кузнецов, будь они из людей, эльфов или даже... — гном покосился в сторону Стена и сам для себя неожиданно кашлянул. — Она придумала бездымный уголь. Это сильно облегчило жизнь каждого из мастеровых! Каждого!

Кусланд еще раз уважительно покосился на статую Совершенной. Не вполне понимая, как бездымный уголь мог облегчить чью-то жизнь, он все же преисполнился уважения к той, которая совершила достижение, для него самого невозможное.

— Благодарю тебя, — видя, что гном собирается вернуться к работе, Айан поспешил задать еще вопрос. — Послушай, добрый гном. Я вижу, ты из ученых. Не расскажешь, что теперь творится в вашем королевстве? Отчего после кончины короля новый еще не был избран? Ведь у Эндрина Эдукана, да примет его Соз... камень, насколько мне известно, несколько сыновей. Совет не может решить, кто из них достойнее править Орзаммаром?

Гном смерил его взглядом. Всем своим видом Командор постарался изобразить благожелательную кротость чужеземного гостя, испытывающего уважение к традициям чужого дома.

— Не дело наземников мешаться в политику гномьего народа, — ввернув ученое слово, назидательно и хмуро проговорил суровый гномий муж. — Сперва явились в пору разброда и шатаний, а после будете думать о нас камень знает что.

— И все же?

Ученый помолчал. Некоторое время неприязнь к чужакам боролась в нем с неудержимой словоохотливостью, и, в конце концов, победило второе. Очевидно, слушателей, да еще внимавших с таким интересом, судьба посылала ему нечасто.

— У нас — несчастье, наземник, — он отложил свои бумаги и вздохнул, приготовившись изливать потоки мудрости на невежество и освещать светом учености дремучие дебри сознания незваных длинноногих гостей. — Да что там, раз тебя впустили в город, ты все равно дознаешься. Пусть это будет из моих уст, чем наслушаться рассказней торговцев или неприкасаемых. Я-то ведаю, что к чему. В семействе Эдуканов случилось то, что иногда случается даже в среде таких достойных гномов. Триан Эдукан, старший сын

Эндрин, был предательски убит одним из его братьев.

— Дай-ка я угадаю. Триан был наследником престола королевства, — негромко проговорил Зевран.

Ученый гном неприязненно покосился на него.

— Все верно, наземник. После его смерти король Эндрин тяжело заболел и ушел к предкам раньше, чем успел назначить преемника. Но бывший с ним в последние часы его жизни лорд Харроумонт утверждает, что король завещал ему проследить за тем, чтобы убийца брата никогда не занял престола Орзаммара.

Гости из наземья переглянулись. Они понимали и не понимали.

— Ну что тут неясного, чужеземцы? — гном досадливо ударил себя по колену, покосившись в сторону невозмутимой стражи. — Принц Белен, младший сын короля Эндрин, обвинил своего брата, Дюрана, в убийстве их старшего брата, наследника трона Эдуканов, Триана. Доказательства у него были, на первый взгляд, неопровержимые. Совет проголосовал за изгнание Дюрана на Глубинные тропы, что было приведено в исполнение с поспешностью, вызвавшей вопросы у слишком многих. Лорд Харроумонт провел собственное расследование, из которого выяснилось, что якобы главные свидетели, показывавшие против Дюрана, были подкуплены, а многие члены Совета, голосовавшие за вынесение обвинительного приговора, действовали по чьему-то наущению, либо были попросту запуганы.

— Так, — не без труда продравшись сквозь дебри гномьей политики, рискнул подытожить Кусланд, делая глубокий вдох. — Если говорить проще, предположительно, принц Белен избавился от обоих своих братьев, чтобы занять трон, но Совет не дает ему этого сделать.

Гном еще раз пугливо дернулся в сторону стражи и кашлянул.

— Вечно вы, наземники, со своими домыслами и упрощениями. Я не изрекал вам своих мыслей. Я просто пересказывал факты.

— Разумеется, почтенный гном, — спорить Айану было вовсе ни к чему. Настроение, приподнятое от легкого и быстрого попадания в Орзаммар раньше, чем это получилось у послов тейрна Логейна, опять резко испортилось. — Но если его братья и отец мертвы, отчего Белен до сих пор не провозглашен королем? Разве Совет решает о назначении королей?

— Именно, — гном горделиво вздернул бороду, но тут же сник. — Правителя выбирает Совет, если король сам не назначает наследника. Эндрин Эдукан умер, так и не назвав имени того, кто должен править Орзаммаром. Оттого теперь выборы короля — дело именно Совета. Пока же этого не произошло. Слишком многие все больше называют Белена, — гном сильно понизил голос, — братоубийцей. Лорд Харроумонт особенно льет воду на мельницу пересудов.

— А нельзя предположить, что этот ваш лорд Харроумонт хочет сам занять трон, и из-за этого плетет небылицы про принца, покупая и запугивая членов Совета? — вмешался Зевран, с интересом прислушивавшийся к беседе. Ученый гном поморщился, точно раскусив что-то очень кислое, и промолчал.

— Получается, в Совете теперь противостояние между принцем Беленом и лордом Харроумонтом, — Айан потер лоб, отчаиваясь все больше. — Оба они, как я полагаю, претендуют на трон. У кого из них больше прав?

— Формально — у принца Белена, — гном пожал плечами. — Он — сын Эндриана, и...

все! — внезапно он отвернулся, подхватывая с пола разложенные там записи. — Я слишком заболтался с вами! Я ничего вам не говорил! Меня ждут дела!

Придерживая у груди листы рукописей и писчие принадлежности только что бывший чрезвычайно словоохотливым ученый гном довольно резво ушел куда-то за колонны, скрывшись с глаз в причудливых переплетениях теней и сумрака. Четверо наземных гостей переглянулись.

— Похоже, этот тоже чего-то испугался. Ха, дошло, что мы можем быть чьими-то шпионами?

Командор еще раз взглянул в ту сторону, где скрылся гном.

— Пусть думает, что хочет. Я... предполагал, что все будет непросто, — как их давешний собеседник, Кусланд покосился на стоявшего невдалеке гномьего стража и невольно понизил голос. — Но не настолько.

Они снова шли по величественному залу, мимо стоявших между колонн фигур Совершенных. Временами Командор оглядывался, но ученый гном так и не показывался вновь. Похоже, он и впрямь был напуган, что наболтал много лишнего.

— Что думаешь теперь ты делать?

— Для начала — попробуем добиться аудиенции у Белена, — Кусланд не был уверен, в действительности ли принял верное решение обратиться к обвиняемому в тяжелых преступлениях сыну умершего короля. Вид его был довольно безрадостным. — Все же этот бородатый прав, он — Эдукан. Надеюсь, принц сможет сообщить нам хоть что-то, что сможет нам помочь.

— А если нет?

Айан недовольно поморщился. Было видно, что он толком не представлял пока, как отвечать на этот вопрос.

— Там будет видно. Сделаем все, что от нас потребуется. Если будет нужно — вмешаемся в их... политику. Серых Стражей уважают не только на поверхности. Попробуем сыграть на этом. Но, да простит меня Создатель, без армии гномов я отсюда не уйду.

Глава 11

Глава 11

— Св-ветлые бороды основателей Антивы, — то и дело слышалось восхищенное бормотание слева. — Вы только взгляните на это! И на это! А туда!

Кусланд шел молча, но глядел во все глаза. Смотреть действительно было на что. Зал Героев, как окрестили гномы вместилище статуй своих Совершенных, произвел на наземников неизгладимое впечатление. Но ждавшее их за следующими дверьми зрелище, оставляло даже на всегда хмуром лице коссита печать пораженного удивления и восхищения от того, что доводилось видеть собственными глазами.

Покинув Зал Героев, они оказались в пещере, настолько огромной, что край ее терялся в полумраке дали, ровно как и потолок, который можно было бы разглядеть, только сильно напрягая глаза. От просторной, выложенной шлифованным камнем площадки прямо перед воротами, во многие стороны вели мощенные тем же камнем дороги, широкие настолько, что на них без труда могли бы разъехаться несколько человеческих телег. По одну сторону от дорог теснились выстроенные дома и выбитые входы в прочие пещерные ответвления, по

другую зиял обрыв, за которым где-то далеко внизу кипела и бурлила лава. По всей длине обрыва вдоль дороги стояли фигурно выделанные решетки, предохранявшие от падения. Каждая из решеток казалась отдельным произведением искусства, показывая свой, неповторимый, рисунок из переплетения вылитых из металла узоров и завитков, точно ковавшие ее мастера соревновались между собой каждый в большей искусности своей работы. И, одновременно, вместе такие разные части составляли единое гармоничное целое, чем нельзя было не любоваться, в особенности созерцая такое в первый раз. Части решетки были скреплены между собой каменными столбами с вытесанными на них узорами. То тут, то там под решетками стояли прилавки, на которых торговцы выставляли самое разнообразное — от искуснейших ювелирных поделок, до горячей снеди. Стены каменных домов, мимо которых довелось проходить гостям Орзаммара, также поражали странной, грубоватой, но проникавшей глубоко в сознание красотой их обтески. Даже не разбираясь в этом, можно было понять и оценить все мастерство строителей и мудрость зодчих. Весь простиравшийся на многие меры во все стороны город напоминал более огромное жилище зажиточного хозяина, разбравшегося в умении выстроить добрый, крепкий дом, и украсить его так, чтобы всегда вызывать восхищение и безграничное уважение у любого гостя.

Переговорив со стражниками возле входа, и дознавшись, что принц Белен по-прежнему занимал дворец Эдуканов, гости направлялись в Алмазный Зал — по описаниям, меньшую пещеру, находившуюся выше главной части Орзаммара. По мере того, как они поднимались к этому месту обитания гномьей знати, город вокруг менялся. В отделке домов появились элементы изящества и причудливой фантазии, решетки, отгораживающие улицы от обрыва, покрылись позолотой. Вместо шлифованного, но неблагородного камня, под ногами негромким стуком в такт шагам отзывался мрамор — в зависимости от вида улицы менявший цвет от желтого и коричневого до почти черного. Навстречу все чаще стали попадаться тумбы из литого стекла, с змеившимися в странном внутреннем узорном переплетении огнями. Лишь спустя какое-то время, в очередной раз бросив взгляд на такую тумбу, Кусланд понял, что смотрит на огненные часы.

Не меньше, чем они смотрели по сторонам, на пришельцев из наземья косились обитатели Орзаммара. Попадавшиеся на пути гномы — торговцы, мастеровые, рабочие и праздничношатавшиеся — все они без стеснения обзревали длинноногих гостей с таким же недоумением и интересом, с которым те разглядывали все вокруг себя. И если взрослые не торопились приближаться, и, тем более, задавать вопросы, предпочитая негромко переговариваться издали, явно обсуждая причины и версии о прибытии наземников в Орзаммар, то детей отряд Командора набрал вышагивающими за собой больше десятка. Низкорослым коротконогим малышам не приходилось бежать вслед за гостями — Кусланд и его спутники шли медленно, стараясь не пропустить нужных поворотов и продолжая насыщать свои впечатления от видов города гномов.

В верхней части Алмазного зала, впрочем, ребягня отвязалась сама. В этой части города Орзаммар представлял из себя единую длинную улицу, мощеную изжелта-изумрудным мрамором, с вкраплениями прекрасно обработанных кристаллов и часто встречавшихся изваяний из многоцветного дутого стекла. Кое-где, окруженные изразцовыми решетками, в зале произрастали кусты и деревца с поверхности, и, судя по тому, как они были отгорожены от любого рода порчи, эти участки зелени казались едва не самым ценным, из того, чем могла похвастаться улица.

Занятые разглядыванием всего, что было вокруг, наземники едва не прошли мимо своей

цели. Из-за того, что на этой улице не было отдельно стоявших домов, а изразцовые входы во внутренние помещения, которые скрывались за массивными позолоченными дверьми, были просто выбиты в скале, вход во дворец королей Орзаммара нашелся не сразу. Командору пришлось вновь обратиться за помощью к местным жителям. В большинстве своем, судя по их одежаниям, бывшим знатными аристократами и членами благородных домов, которым, в отличие от словоохотливых обитателей среднего города, указать дорогу мешала спесь. Но, в конце концов, дом Белена был найден.

— Момент истины, мой рыжий Страж, — эльф казался утомленным от долгого блуждания по улицам города гномов в поисках нужной дороги, но не слишком. Нагловатые зеленые глаза взблескивали в свете горевших повсюду светильников. — Но знаешь, у меня такое ощущение, что нас туда могут и не пустить.

Кусланд молча смотрел на охранявших вход во дворец многочисленных воинов Белена. В словах Зеврана была большая доля правды. Их вид казался еще неприступнее, чем у стражи внешних ворот.

К счастью, в тот самый момент, когда Командор, набрав побольше воздуха, решился, наконец, пробиваться во дворец, ворота распахнулись сами, выпуская богато одетого гнома, сопровождаемого четырьмя стражами. Гном этот казался довольно молод, и, что было редкостью в Орзаммаре — безбород, с едва пробивавшейся щетиной. Грубое, точно вытесанное из камня лицо, выдавало волевой, решительный характер. Под расшитой золотыми узорами накидкой тускло взблескивала кольчуга.

Заметив отстоявших в отдалении наземников, гном заметно удивился и решительно двинулся в их сторону. Подойдя, несколько мгновений созерцал лицо Кусланда, после чего сделал руками жест радушного приветствия.

— Атраст вала, Серый Страж. До нас уже дошла весть о твоём скором прибытии, — он бросил несколько быстрых взглядов на спутников Айана, но с речи не сбился. — Ваш благородный орден давно не посещал наш город. Большая честь мне поприветствовать тебя здесь. Орзаммар открывает тебе свои объятия!

Стараясь не выдать удивления, Командор склонился, как это было принято у наземников, потом тщательно скопировал гномий жест.

— И тебе привет, достойный сын Орзаммара. Прости мне мою неосведомленность, но я не знаю, с кем имею честь...

— Мое имя — Вартаг Гаворн, — бритый гном вновь приветливо кивнул, и у Айана внезапно возникло ощущение, что ему действительно искренне рады. Так радуется паук угодившей к нему в сеть большой и жирной мухе. — Я — первый советник благородного принца Белена. Дозволь мне сделать предположение — ты здесь, чтобы увидеться с будущим королем?

— Да, — не стал разочаровывать его Командор. — Я, многоуважаемый советник, привез договора, обязующие гномов оказать военную помощь Серым Стражам в борьбе с Мором.

Вартаг Гаворн изменился в лице. Впрочем, ненадолго.

— Так значит, Мор, — только и сказал он. — Ко мне приходили донесения, что порождений тьмы на Глубинных тропах значительно поубавилось. Но я и помыслить не мог, чтобы это случилось из-за того, что они полезли на поверхность!

Он вздохнул. Кусланд вздохнул тоже. Ему принесенные им же самим вести нравились не больше, чем слушавшему их гному. Но, похоже, хоть и потрясенный, советник не умел

долго предаваться горестным настроениям.

— Я читал о тех договорах, что ты привез, Страж, — заговорил он деловито и жестко, видимо, решившись на что-то. Такой тон нравился Айану больше невнятно-радушных приветствий. — И согласен с тем, что перед грядущей тьмой нашим народам должно выступить вместе, иначе гибель ждет всех. Но есть сложность, и не знать о ней ты не мог. Она заключается в том, что выполнять обязательства по договору должен король, а трон Орзаммара, к сожалению, сейчас пустует. Ты, должно быть, уже наслышан обо всех... обстоятельствах наших дел.

— Мне нужно встретиться с принцем Беленом, — Кусланд кивнул, отлично понимая, куда клонит советник. — Если он даст обещание предоставить воинов для борьбы с порождениями тьмы на поверхности, я со своей стороны могу предложить все влияние Серых Стражей для помощи ему в скорейшем занятии трона Орзаммара.

Советник улыбнулся. Улыбка не смягчила его жесткого лица, но в нем Кусланд увидел первые признаки, которые могли бы поспособствовать благоприятному разрешению того дела, с которым он явился в город гномов.

— В таком случае, не стоит нам более говорить тут, на улице, где каждый может нас услышать, — Вартаг Гаворн мотнул головой в сторону дворца. — К сожалению, принц Белен еще с утра отправился на очередное заседание Совета. Харроумонт знает, как ему не по душе многочасовые споры и переливания из пустого в порожнее. Видимо, он решил взять нас измором. К сожалению, это надолго. Вам пока стоит отправиться отдохнуть. Возвращайтесь через несколько часов. Уверен, к этому времени мы успеем разобраться. Отдохните, пообедайте, — советник кивнул. — Принцу после этого лицедейства, что устраивают наши почтенные деширы в Совете, тоже нужно будет чего-нибудь перекусить. Я, к сожалению, не смогу прямо сейчас перепроводить вас во дворец, ни дать соответствующих распоряжений. Мне необходимо было догнать принца и поддержать его на собрании, а я и так задержался. Надеюсь, вы не сочтете этот жест неуважением к вашему ордену или к тебе лично, Серый Страж.

— Я понимаю вашу занятость, советник, — Кусланд кивнул. — Мы вернемся через несколько часов. Тогда и обсудим... все наши дела.

Проводив глазами Вартага Гаворна и его свиту, Командор мотнул головой. Он и его спутники отошли к самым перилам, в этом месте ограждавшим улицу от обрыва к озеру лавы. Поблизости не наблюдалось никого, кто мог бы их подслушать.

— Думается мне, обрадовался он больно, — не дожидаясь Кусланда, проговорила Морриган, облакачиваясь спиной о перила. — Что с тобою раньше этого... Харроумонта встретился.

— Ага, мне тоже так показалось. Уверен, принц тоже будет очень рад нас видеть. В особенности, если он не дурак, и поймет все выгоды... сотрудничества с тобой, мой Страж, — Зевран хмыкнул. — Советник, должно быть, и вправду очень торопился. Иначе бы он постарался запереть тебя во дворце, чтобы не дать тебе встретиться с их конкурентами наверняка. Ну, я бы постарался на его месте.

— Будет у него еще время.

Стен промолчал. Он исподлобья поглядывал то на дворец и его стражу, то на лавовое озеро далеко внизу, откуда к самому верху поднимались клубы обжигающего пара.

— Принц — не дурак, — медленно проговорил Айан, обдумывая разговор с советником. — Он нас примет. Я не сомневаюсь в том, что если мы сговоримся, он даст

войска. Не дать с его стороны будет большой глупостью. Ведь порождения тьмы тревожат в первую очередь гномов. Вопрос в том, чего он потребует от меня взамен для поддержки перед Советом и... как на это отреагируют сторонники Харроумонта.

Они помолчали. Прогуливавшиеся неподалеку богато одетые гномы поглядывали на наземников с неослабевавшим интересом. Наконец Зевран, который не мог долго находиться без движения, нарочито потянулся и кашлянул, прерывая размышления Командора.

— Я вот тут подумал, мой Страж. Что толку нам все время ждать на одном этом месте? Суровый советник предупредил, что орать и ругаться гномы будут долго, а иначе эти носатые и бородатые коротышки попросту не нагуляют себе аппетита. Ну, а в отличие от них, я свой аппетит уже нагулял. В общем, у меня предложение.

— Пообедать пойти?

— Да, чаровница моих очей, — Зевран улыбнулся, делая шутовский поклон в сторону Морриган. — Дозволь пригласить тебя в лучшее заведение, что найдется в этом обиталище отменных строителей, но ужасных варщиков пива и эля. Ходят слухи, что гномий эль — самый мерзкий на вкус во всем Тедасе. Быть может, проверим? Вдвоем, только я и ты.

Командор покачал головой. Однако, к его удивлению, вместо едкого и хлесткого ответа, к каким с ее стороны привык Зевран, лесная ведьма только усмехнулась.

— Ну что же, согласная я. Если ты согласишься в ответ по торговцам пройтись и жалобами не докучать мне при том. Видала я пока мы шли сюда такое зеркало отменное. Шкатулку. Цепочку тонкую на шею и прекрасные браслеты к ней... Кошель, камнями изукрашенный, расческу из шлифованной кости. И ткань расцветки изумительной с вкраплениями кожи. Всего не описать, где побывать мне нужно. Ну что, не передумал ты еще? Не дорого обед со мною обойдется?

Зевран снова улыбнулся, сверкнув белыми зубами на смуглом лице.

— Для того чтобы остаться с тобой наедине хоть на немного, я готов исходить всех этих торговцев из конца в конец три раза. И даже, помочь тебе с выбором, если понадобится, — он подмигнул, но не Морриган, а слушавшему их Айану.

Ведьма с сомнением покачала головой.

— Ни один мужчина не выдержит такого, — она поправила посох на плече, все же изготовившись идти. — Ах, я и забыла. Ведь ты и не...

— Я уверяю тебя, ты ошибаешься, — эльф ухмыльнулся, закладывая руки за спину. — Я бы мигом доказал тебе обратное, только позволь.

— Не торопись. Торговцы сперва, затем обед...

— О, так у меня есть шансы?

— Ради Создателя, — Айан, не любивший сговоров на людях, указал в сторону дороги на средний Орзаммар. — Идите. Возвращайтесь к воротам в Алмазный зал через три часа. Огненные часы здесь везде, не ошибетесь.

Зевран и Морриган переглянулись. Эльф сделал приглашающий жест рукой.

— После тебя, моя прекрасная и жестокая чародейка.

Не ответив, Морриган все же пошла вперед. Не отставая, Зевран держался рядом, сверкая зубами и на ходу рассказывая что-то в меру скабрёзное. Некоторое время оставшиеся в одиночестве воины в молчании смотрели им вслед.

— Ложиться с ним она не желает, — неожиданно для Командора пророкотал коссит. Он не спускал глаз с Морриган, пока, сопровождаемая эльфом, она не завернула за угол. — Только раздразнит. Не понимаю таких игр.

Айан философски поднял брови, одновременно пожимая плечами. Занятый размышлениями о будущих переговорах с Беленом, о любовных играх Морриган он думал теперь в последнюю очередь.

— Пойду я тоже, — Стен еще раз взглянул вслед уже невидимым спутникам и шумно вздохнул. — Оружие поищу достойное. Взамен того, что у меня теперь.

— Через три часа, у ворот, — напомнил Командор, чувствуя немалое облегчение от того, что оставался в одиночестве. Ему тоже требовалось поразмышлять без выслушивания беспрерывных непристойных шуток эльфа или ощущения спиной тяжелого взгляда красных глаз куннари. — Не опаздывай.

Глава 12

Глава 12

Айан вертел в руках большой щит, и так и эдак примеривая его по руке. Величина предмета повергала его в недоумение. Эта броня ковалась явно не для гнома, если гном не был хотя бы с эльфа ростом. Просунув руку в крепления, Айан напряг мускулы, чувствуя спокойную тяжесть, и вновь предался медленным и ленивым размышлениям о том, для кого ковался этот идеально круглый щит из странного тускло-желтого металла, который если и был легче свинца, то не намного.

— Если господин наземник ищет действительно стоящую вещь, я бы посоветовал вот это, — незаметно подошедший сзади торговец вытащил откуда-то из-за выставочного прилавка средних размеров беловато-серый щит, довольно скромной отделки, и, удерживая его одной рукой, протянул удивленному Кусланду. — Это древний сплав, настолько трудный дляковки, что вещи из него крайне редки и ценятся... не на вес золота, конечно, но, поверь, они ценятся! По меньшей мере, впятеро против красной стали.

Айан принял в руки щит, оказавшийся еще более легким, чем он предполагал. Повертев, примерил по плечу, по руке. Слишком легкий вес и тонкая кромка не вызывали доверия. Но смысла лгать ему у торговца не было.

— Не сомневайся, наземник, — гном добродушно кивнул. — Фигор своих покупателей не обманет. К тому же, нужно быть истинным глупцом для того, чтобы ввести в заблуждение такого... видного господина. Древний сплав, клянусь. Не ржавеет, не закисает, выдерживает удар даже осадного тарана...

Дверь в лавку разнообразных товаров, которую почтил своим визитом коротавший время в ожидании встречи с принцем Командор, отворилась, впуская новых посетителей. Изменившись в лице, гном отошел к ним. Кусланд продолжал рассматривать со всех сторон предложенный ему щит, веря и не веря в приписываемые ему торговцем чудесные свойства. Наконец, так ни на что и не решившись, он оставил его прислоненным к прилавку, и перешел к крепкому кожаному поясу с вышитыми на нем узорами, привлекавшему внимание обилием заклепок из металла, о назначении которых в таком количестве Айан крепко призадумался. Настолько крепко, что почти перестал обращать внимание на происходившее в лавке. Перебирая разложенные для продажи вещи, он почти полностью ушел в себя, в десятый раз прокручивая в голове все возможные ходы беседы с принцем Беленом, и понимая, что, скорее всего, разговор пройдет в том ключе, которого он все равно не ждет.

Временами до него доносились голоса — один просительный, принадлежавший

торговцу, и другие — толи грозные, толи просто грубые, но Командор не смотрел в ту сторону — в дела местных гномов ему мешаться не пристало. Потому, когда, разобравшись, наконец, с поясом, Айан положил его на место и обернулся, чтобы перейти к прилавкам у другой стены, он был очень удивлен столкнуться с тремя крепкими вооруженными гномами, оставившими торговца и с решительным видом направлявшимися в его сторону.

— Атраст вала, наземник, — Айан много раз слышал это приветствие в городе гномов, но на его памяти ни разу оно не звучало с такой неприкрытой глумливостью. — Вижу, тебе хватило смелости забрести в Орзаммар нынче, когда он переживает такие тяжелые времена. Наверное, пришлось отвалить страже немалый куш, чтобы она пропустила тебя?

Кусланд промолчал. Физиономии всех трех гномов были откровенно разбойничьими, а тот, кто с ним говорил — оказался еще и зверски татуирован через всю нижнюю часть лица. По тому, как нахально и самоуверенно держались гномы, Айан понял, что имеет дело с вымогателями, обнаглевшими в пору безвластия. Говорить с таким отребьем он считал ниже собственного достоинства.

— Отчего ж ты молчишь, наземник? Платил, спрашиваю, страже у ворот? Наверняка платил. Отчего бы не пойти дальше, и не оплатить услуги по охране твоей персоны на то время, пока гуляешь по Орзаммару? А то знаешь, всякое может случиться. Перила-то над обрывом не везде высокие. В особенности для такого дылды, как ты. Запросто можно перевалиться — случайно, рука соскользнет и — поминай, как звали.

Айан молчал. Руки его казались расслабленными, однако, любой понимавший в этом толк мог бы заметить, что из такого положения удобнее всего было бы выхватить меч.

Похоже, его молчания здесь не ждали. Руки татуированного сжались в крепкие кулаки — едва ли крепче тех, что мог продемонстрировать сам Айан, но при том однозначно больше. К мясистому лицу гнома прилила кровь.

— Оглох, наземник? Ты знаешь, кто мы такие? Хартия не потерпит небрежения к себе в залах Орзаммара!

Не отвечая, Кусланд вздернул подбородок и, смерив надменным взглядом обращавшегося к нему вымогателя, приотвернулся к витрине. Чем дальше, тем менее он был склонен разговаривать с набивавшимися ему в собеседники посланниками загадочной Хартии, справедливо полагая, что если он желал сохранить свой кошель в целости, драться все равно придется, а потому и любые разговоры — не к месту. Протиснуться мимо них к выходу без того, чтобы отодвинуть или гномов, или прилавков, не представлялось возможным, а потому он держал пришлых в поле зрения, готовый в любой момент отразить нападение.

— С-скотина, — с чувством сплюнув на пол, татуированный шагнул вперед, выхватывая нож. — Ишь, как морду воротит. Благородная сволочь, не иначе. Ему гонор не позволяет говорить с такими, как мы, плебеями.

— Кажись, язык он в задницу засунул, — предположил гном слева — безбородый, с малой татуировкой на щеке и гривой длинных черных волос, щегольски заплетенных во множество косиц, скрепленных узлом на затылке. — Держу пари, у Джарвии бы запел лучше самой голосистой наземной птахи!

Правый гном промолчал. Его неглупое лицо с небольшим, для гнома, носом и черной отметиной татуировки, в отличие от лиц его товарищей, было довольно спокойным, а взгляд — сосредоточенным и цепким. Встретившись с ним глазами, Кусланд ощутил словно бы царапнувшее его ощущение неправильности — словно этому было не место у тех, среди

которых он стоял. Но, тем не менее, гном был среди вымогателей, и его присутствие делало грядущую схватку еще опаснее.

— Ну, ты, наземник, — татуированный, бывший, по-видимому, главарем, шагнул ближе, поигрывая ножом. Вторая рука его лежала на рукояти короткого меча. — В последний раз спрашиваю, будешь платить? Уже двадцать золотых — за защиту и твою поганую молчанку. Или — мотай, прыгай за перила прямо сейчас. Сам. Это будет не так больно, как если тебя заставят это сделать мои мальчишки...

Он еще говорил, когда Айан, мгновенно нагнувшись и, подхватив с пола оставленный там легкий серо-белый щит, что было силы врезал им по мясистому лицу, сломав гномий нос. Захлебываясь кровью, тот отлетел на несколько шагов, выронив нож и обеими руками прикрывая пострадавшее место. Не сговариваясь, его подручные бросились на Командора молча, являя внезапную воинскую сноровку. Приняв на уже окровавленный щит удар топора правого гнома, Кусланд, используя толчок от удара, отпрыгнул в сторону, обходя противников и оказываясь спиной к выходу. Безбородый и его товарищ вновь слажено атаковали Айана, который раз за разом отбивал удары тем самым невзрачным щитом из загадочного сплава, постепенно отступая к дверям. Между тем, главарь опомнился от слепящей боли и, харкнув кровью на многострадальный пол, стремительно и страшно бросился на человека со спины, в мгновенном стремлении насадить того на свой короткий меч. Уловив движение сзади, и понимая, что обернуться означало подставиться двум другим нападающим, Кусланд угадал момент, когда острие клинка в полете уже почти его коснулось и, увернувшись, сделал резкий бросок в сторону. Чиркнув по доспеху, меч встретил пустоту, и потерявшего равновесие главаря занесло на его же подчиненных. Снесенный татуированным, безбородый гном растянулся на полу. Воспользовавшись тем, что внимание третьего на миг было отвлечено его опрокинутыми соратниками, Айан прыгнул вперед, нанося удар непробиваемым щитом. Топор гнома, выбитый из его руки, улетел куда-то за прилавок, сбив что-то гремящее по дороге. Командор мгновенно выхватил свой меч, направляя его на обезоруженного противника. Клубок из отпихивавшихся друг от друга на полу гномов, наконец, распался, но, удерживаемые острием длинного меча Стража, подняться вымогатели не пытались. Лицо Кусланда вполне явно выражало его намерения в одно движение крепкой руки проткнуть любого из трех напавших на него членов Хартии вместе с доспехом.

— Сейчас вы уйдете, — глядя в глаза тому гному, что оставался на ногах, тихо и твердо проговорил Айан, перемещая острие клинка от горла угрюмого собеседника к лицу застывшего на полу главаря, из переломленного носа которого вздувались кровавые пузыри. — И впредь не будете мешаться в дела Серой Стражи. Я не желаю вас больше видеть. Никогда. Проваливайте.

Он убрал меч. Остававшийся на ногах гном с пронизательным взглядом помог главарю подняться. Сопровождаемые Кусландом, не опускавшим руку с обнаженным мечом, они добрались до выхода.

— Чтоб тебе подохнуть, как пережравшему дерьма нагу, мохоед! — отхромав на несколько шагов по мощеной улице, раненый главарь обернулся к стоявшему на пороге лавки и терпеливо ждущему их ухода Айану, который едва не подпирал головой притолоку. — Аристократишка вонючий! Ты не знаешь, с кем связался! Джарвия этого так не оставит! Я еще оттопчу твой поганый язык, когда будешь им вылизывать мне сапоги, отрыжка поганки! Наземная мразь!

Командор выпрямился и шагнул наружу. Лишившийся топора гном молча подцепил главаря под локоть, словно желая помочь тому идти, и ненавязчиво потянул прочь от входа, не обращая внимания на взгляды оказавшихся свидетелями сцены обывателей. Его носивший щегольскую прическу напарник понял без слов, подхватывая татуированного с другой стороны.

— Мы еще встретимся, благородная морда! Готовься, ублюдок! Я отстригу тебе твои долбанные ходули!

Глубоко вздохнув, Айан вернулся в лавку. Из-за прикрытой двери, затихая, продолжали доноситься вопли взбешенного главаря банды Хартии. Однако, в помещении теперь все было спокойно. О недавнем присутствии незваных гостей напоминали лишь несколько невеликих кровавых пятен на полу, да сбитые товары на одном из прилавков.

Торговец горестно покачал головой. Вид у него был потерянный.

— О, славные предки. Ты поступил очень неразумно, господин Страж! Верь мне, они этого так не оставят. Они никому не спустят за малейшее неповиновение, а ты жутко испозорил их сегодня. На твоём месте я бы бежал немедленно, прямо теперь, не сходя с этого места, и покинул Орзаммар так быстро, как только вынесут тебя твои длинные ноги. Послушай доброго совета, Страж. Уходи. Только так ты сможешь спастись. На поверхности они тебя не достанут! О, великий камень. Надеюсь, они не станут мстить мне за то, что их избili в моей лавке!

Кусланд вложил меч в ножны.

— Кто это был? — кивая на дверь, спросил он. Торговец вздрогнул.

— Бандиты из Хартии, — он бросил взгляд на щит в руках Айана, который во время драки сослужил ему такую хорошую службу. — Это все мерзавцы из Пыльного города. Неприкасаемые ублюдки. Раньше они носа не смели показать из своих трущоб, а теперь разгуливают по Орзаммару, как по собственным крысиным норам. Того и гляди, сунутся в Алмазный зал. Стремятся выжать из творящегося здесь безвластия все, что успеют.

— А стража? — Айан тоже посмотрел на щит, и еще раз примеривающе подвигал плечом.

Торговец махнул рукой.

— Пока нет короля, везде беспорядки. Стражники не следят даже за тем, что происходит у них под носом. Предки, скорее бы это прекратилось!

— Хартия — это что-то вроде гильдии воров?

— Воров, вымогателей, бандитов и убийц, господин Страж. Поговаривают, у них сменился главарь, как раз одновременно с тем, как король Эндрин, да примут его предки, ушел к камню. Теперь Хартией правит Джарвия, провозгласившая себя некоронованной королевой всего Орзаммара. Житья не стало ни торговцам, ни ремесленникам, ни мастерам — все должны ей платить просто за то, что мы живем! Гномы стали... пропадать гораздо чаще. Наши женщины боятся выходить из домов в сонные часы. Пропадают даже аристократы, прямо из Алмазных залов. Джарвия ненавидит высокородных господ. Ходят слухи, что тех, кто попадает к ней в руки, ждет долгая и мучительная смерть под пытками. Родственники не могут найти даже останки... Да и как искать что-то в лаве?

Кусланд тряхнул головой. Убежденность гнома во всепроникновенности загадочной Хартии, начинала его беспокоить, хотя пока еще не всерьез. Переговоры с принцем — вот, что действительно могло послужить поводом для тревоги, и занимало все его мысли. Бояться воров и разбойников Айан считал прерогативой исключительно тех, кто ни разу не

держал в руках меча.

— Ладно, добрый торговец, — Командор взял с главного прилавка лежавшую тут тряпицу и принялся с некоторой брезгливостью оттирать кровь с тусклого металла щита. — С вашей Хартией, если придется, разберемся позже. А пока скажи — сколько ты просишь за эту броню?

Глава 13

Глава 13

К удивлению наземников, внутреннее убранство дворца Эдуканов было выдержано в простом, неизящном стиле, с отсутствием какой-либо вычурности. Следуя за советником во внутренние покои принца, они проходили коридоры и комнаты, единственными украшениями которых была искусная резьба на стенах и потолке, да еще фрески из мозаики на полу, как правило, изображавшие маловразумительные узоры, а не картины, как это было принято у людей. Мебель была почти сплошь каменная, и в таком числе, что временами гостям казалось, что они шествуют через красивые, но пустые залы. Напротив, стражи было много — так много, что дворец Эдуканов более походил на военный лагерь, нежели на жилище монархов. Вооруженные гномы стояли перед каждой дверью, сидели на каменных скамьях, негромко переговаривались у стен. Каждый был экипирован так, словно в любой миг ожидал нужды отразить нападение.

— Принц не желает войны и разброда для своего народа, — поймав взгляд Командора, правильно его понял Вартаг Гаворн, останавливаясь перед большой двустворчатой дверью из тяжелых древесных пород с наземья. — Однако он не может рисковать, и обязан думать о защите своей жизни — последнего из Эдуканов. Прошу вас, — он сделал приглашающий жест рукой. — Принц вас ждет. Не в моем праве вам указывать, но все же будьте добры не забывать, что будете говорить с будущим королем Орзаммара.

Кусланд шагнул вперед, толкая дверь. Створки поддались неожиданно легко, пропуская гостей вовнутрь просторного и светлого кабинета. Здесь деревянной мебели было едва ли не более, чем во всем остальном дворце. Вдоль одной из стен тянулся ряд шкафов, уставленный книгами, заваленный картами, моделями земель Тедаса, и многими другими предметами, гадать о назначении которых у гостей не оставалось времени. Впрочем, все лежало в правильном, даже строгом порядке, ровно как и на широком деревянном столе царил полный порядок, несмотря на то, что за ним явно работали, и — недавно. Сам принц Белен обнаружился стоящим у стола, в полном боевом облачении, но без оружия. Он оказался высоким и довольно крепким гномом, с широким носом таких впечатляющих размеров, что кончик его едва был виден, скрытый под пепельными усами, плавно переходившими в холеную бороду. У принца оказалось умное молодое лицо с маленькими хитрыми глазками, которые, впрочем, теперь выражали одно только благородное спокойствие и радушие. Встретившись с ним взглядом, Айану внезапно подумалось о том, о чем раньше он мыслил мало и недолго — что этот гном вполне мог оказаться тем, кем его считали в народе столь многие — братоубийцей, хладнокровным и решительным. Не желая загодя думать о принце дурно, Кусланд все же не мог отделаться от ощущения готовности будущего короля в своих стремлениях идти на все, даже на преступление, пусть и такое страшное.

Впрочем, борьба за трон в любом королевстве, будь оно гномье или человечесь, редко

велась законными и благородными путями. Айан отогнал все лишние мысли, делая легкий почтительный поклон хозяину кабинета. Принц едва заметно, но склонился в ответ, что само по себе было очень хорошим признаком. Сделав приглашающий жест, Белен предложил спутникам Стража широкую деревянную скамью, самому же Командору указал на обитое тканью кресло у своего стола, безошибочно угадав в нем главного.

— Приветствую, Страж, — после того, как все возможные в их деле формальности были соблюдены, принц опустил в такое же кресло напротив Айана. — Прости, что не могу принять тебя, как подобает, но сам видишь — у нас все непросто. Мой добрый Вартаг поведал мне, с чем ты прибыл в Орзаммар. И о трудностях, с которыми сопряжено твое дело.

— Да, ваше величество, — не стал чиниться Айан, несмотря на то, что его собеседник еще не был королем. — Вартаг Гаворн предупреждал, что договоры Стражей не могут быть выполнены до тех пор, пока на троне Орзаммара нет короля. Уверен, — он чуть подался вперед, положив одну руку на стол Белена, — он также передал вам намерения Стражей поддержать притязания законного претендента на трон, при условии, что будущий король все же исполнит древние соглашения, как должно.

На лице Белена появилась кривая улыбка.

— Мне нравится твоя прямота, Страж. Она не всегда уместна в дворцовых интригах и делах, потому, как правило, в политике с нею почти не сталкиваешься. Тем более твой визит теперь — как поток свежего воздуха. Действительно, к чему ходить вокруг да около. Ты знаешь, что нужно мне. Я знаю, что нужно тебе. Тем более, интересы моего народа совпадают с твоими, Страж. Мы не понаслышке знаем, что такое порождения тьмы, и насколько они опасны. Ведь на поверхность они вылезают только во время Мора, а к нам под стены с Глубинных троп приходят постоянно. У нас тут свои маленькие Моры, день за днем, и пока мы справлялись. Но если тварей делается больше — Орзаммар падет. А больше их делается непременно, если они победят наверху.

Айан кивнул и, убрав руку, откинулся на невысокую спинку своего кресла.

— Это значит, что ваше величество дает обещание после восхождения на трон предоставить войска в армию Серых Стражей?

— Безусловно, — Белен серьезно кивнул, и у Командора не возникло сомнений в искренности его этих слов. — Но и вы, Стражи, должны мне теперь помочь. Чем дальше, тем сильнее Орзаммар погружается в пучину хаоса и беззакония. Нарушилась система сбора податей, потому что мастеровые, ремесленники и загонщики не знают, кому платить, а казна тем временем пустеет. Защитники города, что стоят у рубежей Глубинных троп и на подступах к Орзаммару, разведчики, и сам Легион Мертвых не могут получить припасы и амуницию, потому что складчики выдают все с распоряжения королевской администрации, а она распущена, из-за происков сторонников Харроумонта! Из Пыльного города вылезла разбойничья Хартия, которая, пользуясь тем, что я не могу приказывать страже и навести порядок, совсем обнаглела и творит с моими подданными, что хочет. Я намереваюсь все это прекратить. Орзаммару нужен сильный и решительный король. И перемены, — Белен качнул бородой, сцепляя руки в замок. — Ежемесячно десятки гномов гибнут на Глубинных тропах, потому что моим предшественникам — и даже батюшке, да примут его предки, — гонор мешал обратиться за помощью к наземникам, и, в частности, к Серым Стражам. В среде гномов, даже из среднего Орзаммара, цветут болезни оттого, что нам не хватает здоровой пищи, которую мы тоже могли бы выторговывать у наземников, взамен на наши гномьи товары, что ценятся по всему Тедасу, но продаются втридорога из-за своей редкости.

А все почему? Орзаммар длительное время был затворен от любого наземного влияния. Короли и знать боялись... повторения того, что было с Арлатаном. Ведь если браки между гномами и людьми сделаются обыденностью, от этих союзов будут рождаться только люди, и численность гномов сократится, так, как это случилось с эльфами, которых уже много столетий люди подмяли под себя. Но Орзаммар и так вымирает, — принц скользнул взглядом по притулившимся с обеих сторон от коссита ведьме и эльфу, и неслышно вздохнул. — Нам нужна свежая кровь... даже если это будет кровь гномов с поверхности. Что до браков между гномами и людьми — тут я не склонен волноваться, — Белен усмехнулся. — Пусть в глазах многих гномов длинноногие люди и эльфы могут показаться достойными партнерами для... создания семьи, люди же далеко не всегда считают гномов... привлекательными.

— Ну, отчего же, — воспользовавшись паузой в речи принца, не согласился Айан, с интересом вникавший во все проблемы гномьего королевства, предчувствуя, что все это необходимо для запоминания и может потребоваться в будущем для чего угодно. — Ваши женщины... достаточно... милостивы... на мой взгляд.

Белен усмехнулся.

— Простите меня, доблестные Стражи. Должно быть, проблемы Орзаммара не слишком интересны для вас, наземников. И... я знаю, что прогуливаясь по его улицам, вы... многого могли наслушаться лично обо мне. Но поверьте — не было еще короля, который так бы радел за свое отечество, как я. Орзаммару нужны перемены. И все это должно происходить от меня. Харроумонт не станет ничего реформировать. Допусти его к власти — он наверняка закроет город, обрекая Орзаммар вариться в своем соку, пока все мы тут окончательно не задохнемся от безысходности и бедности, если раньше нас не вырежут твари с Глубинных троп.

— Я вас понял, ваше величество, — принц действительно был убедителен, но, несмотря на то, что Айан тщательно впитал и запомнил каждое его слово, ему не терпелось перейти к сути. — Вы имеете нашу полную поддержку. Но что требуется непосредственно от Серых Стражей? Участвовать в заседаниях Совета деширов и высказываться там в вашу пользу?

— Пожалуй, да, — Белен также откинулся на спинку кресла, складывая на груди длинные руки. — Но не совсем так. Для того, чтобы завоевать всеобщее расположение, одной поддержки Серых Стражей мало. Хочется спросить, что ты знаешь о наших Совершенных, Страж?

Командор пожал плечами. Вопрос его явно удивил.

— Только то, что на слуху. Совершенные почитаемы у вашего народа, ваше величество.

— Не просто почитаемы, — принц вновь гулко вздохнул куда-то в бороду. — Они считаются живыми предками. Их голосу внимают так, как... как бы вы, наземники, внимали голосам ваших богов.

Айан медленно кивнул.

— Вам нужен такой Совершенный, чтобы он отдал голос за вас в Совете.

— Да, — принц склонил голову в подтверждение догадки гостя. — Однако, устроить это будет непросто. Единственная Совершенная, что известна в наше время — это Совершенная Бранка. Если бы ты, Страж, мог убедить ее говорить за меня в Совете, никто не осмелится выступить против.

Командор переглянулся со своими спутниками, для чего ему пришлось на несколько мгновений отвернуться от принца Белена.

— А что думает о вашем назначении сама Бранка? — осторожно поинтересовался он. К удивлению, принц не рассердился, махнув рукой.

— Мне и самому это было бы интересно узнать. Но спросить ее, к сожалению, теперь не возможно. Два года назад она ушла с экспедицией на Глубинные тропы, предположительно — к тейгу Ортан. Тейг — что-то вроде гномьего поселения на Глубинных тропах, — пояснил он, видя, что не все гости его понимают. — Большие тейги ранее были большими городами... до тех пор, пока гномов из них не выжили порождения тьмы. Теперь Орзаммар — последний оплот нашего королевства, которое ранее простиралось на многие меры пути подо всем Тедасом.

Усилием воли Кусланд сохранил лицо спокойным.

— Два года на Глубинных тропах? Ваше величество, при всем уважении...

— Разумеется, я понимаю, что на Глубинных тропах, во многих местах так пропитанных скверной, что там без вреда пройдут только Серые Стражи, и которые кишмя кишат порождениями тьмы, и прочими... самыми разнообразными тварями, за два года даже Совершенная... едва ли выжила. Но мои разведчики доносили, что, идя по стопам ее экспедиции, встречали многочисленные следы ее пребывания в тех тейгах, что находятся ближе к Орзаммару. Бранка для чего-то помечала свой путь. И я прошу тебя, Страж. Если не саму Совершенную — отыщи то, что осталось от ее экспедиции. Если ты принесешь хотя бы ее тело... Или то, что от него осталось... либо какую-то вещь, что принадлежала Бранке — ты окажешь мне великую услугу. Это докажет мое равнодушие к традициям предков, в чем меня обвиняют поболее иного и поможет деширам принять... правильное решение.

— Я правильно понял вас, ваше величество? Вы предлагаете мне и моим людям отправиться в экспедицию на Глубинные тропы и узнать, что случилось с вашей Совершенной?

— Верно, Страж, — Белен опустил руки, потеряв их одну об другую. — Это то, что мне нужно теперь более всего. Следовало бы давно отправить гномов на Глубинные тропы, но я очень ограничен в средствах... пока я принц. Я не могу отсылать своих воинов, потому что... потому что в любой момент ожидаю чего угодно от сторонников Харроумонта, а без охраны экспедиция пройдет не дальше первого-второго тейга.

Кусланд бросил еще один взгляд на своих спутников.

— Не могу не признать разумность вашего плана, ваше величество. Но на Глубинных тропах мне потребуется проводник и снаряжение...

Белен открыто улыбнулся — впервые за всю беседу.

— У тебя будет все необходимое, Страж, и — подробная карта Глубинных троп до самого Перекрестка Каридина. Оттуда, если верить давним рукописям, не так далеко до тейга Ортан, который являлся целью экспедиции Совершенной. Что до проводника...

Принц сбился, и кашлянул.

— Когда два года назад Совершенная ушла на Глубинные тропы, она взяла с собой весь свой дом. Всех, кроме, — Белен усмехнулся, — своего мужа. Не знаю, в чем там было дело. Должно быть, семейная перебранка. Но, так или иначе, он остался в городе. Когда выяснилось, что к назначенному сроку никто не вернулся, муж Бранки неоднократно обращался к администрации за организацией спасательной экспедиции, но увы — уже тогда у нас были проблемы посерьезнее, как нам казалось, таких дел. Но этот гном по-прежнему жив и находится в Орзаммаре. Он наверняка знает о планах Бранки больше, чем кто-либо из ныне живущих в городе. Говорят, — будущий король передернул плечами, — что после

потери жены он сильно запил, и почти не вылезает из таверн и кабаков. Разыщи его. Если получится уговорить показать тебе дорогу на Глубинных тропах, лучшего проводника не сыскать. К тому же он — из касты воинов. Такой спутник сделается большим подспорьем при столкновении с порождениями тьмы.

Кусланд глубоко вздохнул.

— Я обещал оказать вам любую поддержку, ваше величество. Вы имеете мое слово — я сделаю все, чтобы найти Совершенную Бранку. Но мне нужно время.

— Разумеется, — Белен поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. Вслед за принцем со своих мест поднялись его гости. — Деширы в Совете еще не скоро придут к какому-то одному мнению. Харроумонт затягивает заседания, но теперь это будет работать против него. Ты же... делай то, что нужно, Страж. Я распорядюсь, чтобы тебе и твоим спутникам подготовили покои в моем дворце, и предупрежу, чтобы вход для вас был свободным в любое время.

— Благодарю, ваше величество, — Айан вновь поклонился — с достоинством, приличествующим Серому Стражу. — Я немедленно займусь оговоренными нами делом и отправлюсь в город на поиски проводника. Могу я только лишь... узнать его приметы?

Глава 14

Глава 14

— Да, задал принц нам задачку, верно, мой Страж? — Зевран без стеснения устроился на кровати Командора, поджав ногу. Сам Кусланд, наскоро обтершийся влажным полотенцем, и сменив рубашку и штаны на свежие, затягивал на себе ремни порядком поднадоевшего за долгое время непрерывного ношения доспеха. В стороне на деревянной скамье, опершись на посох, сидела лесная ведьма. Ее взгляд задумчиво блуждал по комнате, время от времени поочередно останавливаясь на каждом из мужчин, включая стоявшего в дверях коссита.

— Особенно мне понравилась вот эта часть, — не унимался бывший ассасин. — Настолько, что я запомнил ее почти дословно. Погоди, как там было? Ага, вот: «... многие места так пропитаны скверной, что там пройдут только Серые Стражи». А еще они, то есть, места, конечно, а не Стражи, «кишмя кишат порождениями тьмы, и прочими самыми разнообразными тварями». Каково, а, мой славный Командор? Право же, я начинаю скучать о своем рабстве у Воронов. Конечно, я не был полностью свободен в своих решениях и действиях, но, можно подумать, я свободен теперь! Зато приключения выпадали... Не в пример менее... самоубийственные. В каждом задании от Воронов имелся шанс выжить — пусть совсем небольшой, но он такой там был всегда.

Айан натянул подроспешную кольчугу, которая облегла его тело, как вторая кожа, и со вздохом взялся за тяжелый нагрудник.

— Не пойму, чем ты не доволен, — отстраненно проговорил он, полностью отданный облачению. — Ты ведь хотел умереть?

Зевран усмехнулся, опершись рукой о покрывало.

— Смерть смерти рознь, мой Страж. Но согласись, нечестно тащить на Глубинные тропы нас всех, когда защита от скверны — только у тебя. К слову, не поделишься секретом? Что это за защита? Может, стоит и нам добыть такую же?

— Я иду со Стражем добровольно, — тщательно выговаривая сложные слова, пророкотал коссит, наблюдая, как, прогнувшись в спине, Кусланд ловит заплечный ремень. — У нас был уговор.

Морриган усмехнулась, но промолчала. Айан поймал и приладил ускользавший ремень, и поднял наплечник, чувствуя, как постепенно его вес возрастает на много мер.

— Если ты не желаешь идти на Глубинные тропы, то я не буду брать тебя с собой, — оправляя воротник из металла, пообещал он эльфу. — Сегодня уже поздно, приближаются их... сонные часы. Это значит, снаружи — вечер. Я ухожу искать этого... Огрена. Завтра утром обещаю сопроводить тебя к самым воротам Орзаммара и дать свободу. Возьмешь коня и уезжай. С одним только условием — ты не будешь больше злоумышлять против меня. Или...

— О-о, подожди, мой быстрый Страж, — Зевран мгновенно выпрямился, поднимая обе руки в успокаивающем жесте. — С чего ты взял, будто я хочу покинуть твою теплую компанию? Даже если отбросить мою... привязанность к тебе лично, если хочешь знать, твое общество — хоть какая-то защита от Воронов. Которые не преминут расправиться со мной за провал задания. И за... то, что я помог провалить его остальным. К тому же, теперь я уже меньше, чем раньше, желаю оставить этот бранный мир, а Вороны, наверняка, изыщут наименее приятный для меня способ это сделать. Так что если ты не против — я еще задержусь у тебя.

— Я не против, Зевран, — Кусланд приладил второй наплечник, и теперь воевал со своенравным правым наручем. — Но если ты остаешься, к чему было это все?

Эльф хмыкнул и, потянувшись, разлегся на кровати, подперев голову рукой.

— Ты слушал меня, мой великодушный Командор? Мне лишь было интересно узнать о защите от скверны. Вы, Стражи...

— Стражи сильно меняются, чтобы получить эту защиту, — полностью одетый, Айан посмотрел сперва на смявшего покрывало ассасина, затем на его ноги в сапогах, свисавшие с кровати, и сжал зубы. — Но что именно для этого нужно — я толком не знаю. И никто не знает, ни Алистер, ни Дайлен. За этим знанием маг и отправился в Орлей. Но даже если бы знал — поверь мне, для вас этот способ не годится. Он опасен и... не всегда помогает. Ну, все, — проверив оружие, Айан несколько раз сжал и разжал пальцы, добиваясь совершенного прилегания наручей верного ему доспеха. — Вернусь к сонным часам. Как мне объяснили, к этому времени все огни в городе притухают. Если не найду — завтра пойдем искать этого пропойцу вместе.

Зевран покачал головой, что было не так просто, учитывая, что он по-прежнему подпирал ее ладонью.

— Лучше бы тебе отправиться отдыхать, как всем нам, мой Страж. Мы, конечно, торопимся, но один вечер ничего не решит. А завтра, в самом деле, отправимся вместе. К чему такая спешка?

— Тоже не разумею, — подпиривший косяк Стен выпрямился и вновь оперся на дверь — уже другим плечом. — Я бы пошел с тобой, кадан. Если позволишь...

— Нет, — кошель в руках Кусланда негромко звякнул, скрываясь под его доспехом. — Друзья, я действительно ненадолго. Мне... — некоторое время он колебался, потом махнул рукой, видимо, решившись признаться в том, в чем долгое время признаваться не решался. — Да, что там. Говоря по правде, мне нужно побродить — не по делу, а просто... просто побродить. С того самого дня, как... как меня призвали Стражи, все, что помню —

это бесконечную череду битв, скачек, спешки, грязи и смертей. Даже три недели в Редклифе, что мы не покидали замок, приходилось разбираться с поставщиками провианта, амуницией, новобранцами, принимать донесения с застав на границах эрлинга, и заниматься прочими подобными делами. А я ведь... с той самой ночи, когда была вырезана моя семья, я не имел возможности подумать о них. Даже наедине, сам с собой, в постели, потому что не было никакого наедине. Как выяснилось, до кровати Серый Страж добирался полумертвым от усталости, чтобы иметь возможность тут же провалиться в сон, где его уже поджидает архидемон.

Он помолчал. Остальные молчали тоже, дожидаясь продолжения.

— Я не собираюсь долго искать этого пьяницу. Сперва зайду к нему домой, и, если его там не окажется — сегодня для поисков мне хватит и одной таверны. Ближайшей к Алмазным залам. Дальше идти даже опасно — Белен говорил о какой-то Хартии, что бесчинствует в темное время в Орзаммаре.

Морриган подняла брови, при том опуская голову и плечи. Зевран с шумом втянул воздух.

— Тебе точно не нужна компания?

Айан покачал головой.

— Не сегодня.

— Тогда желаю тебе удачи, мой добрый Страж, — эльф бросил быстрый взгляд на по-прежнему ни на кого не глядевшую ведьму. — М... не хотелось бы напоминать, но не уходи далеко. Ты же помнишь — не больше меры пути.

— И не пей хмельного много, — не поднимая глаз, предупредила Морриган, лицо которой скрывали упавшие на него темные волосы. — Малефикар неумелый во хмелю — то тварь страшнее архидемона.

— Я вернусь к ночи, — Айан обвел глазами своих соратников и, кивнув так ничего и не сказавшему косситу, исчез за дверью. Бросив тяжелый взгляд сперва на ведьму, потом — на развалившегося в чужом ложе эльфа, Стен последовал его примеру несколько мгновений спустя.

От ленивой расслабленности Зеврана не осталось следа. Он резко сел, а после вовсе поднялся на ноги и, подойдя к Морриган, опустился перед ней в жесте восхищения, принятом в Антиве — на полусогнутое колено, с разведенными в стороны руками и опущенной головой.

Ведьма подняла лицо, на котором играла усмешка. Эльф поднял свое, и взгляды их встретились.

— Ну, вот я весь, моя прекрасная, жестокая магиня. Покорный раб, исполнивший веления твои. Пускай не весь принадлежал тебе поныне — забудь про то и в свое ложе позови.

Морриган расхохоталась. Никто и никогда из спутников не слышал от лесной ведьмы такого чистого, искреннего смеха.

— Сам ты придумал только что? Иль раньше знал?

— Рядом с такой прекрасной женщиной на ум приходят лишь стихи.

— Лжец и льстец, — ведьма вновь помрачнела. Зевран склонил голову набок, придав своему красивому лицу выражение комичной печали.

— Так что же, даже пользуясь тем, что мы одни... Я разумею, ничего такого сегодня ночью здесь не случится?

Оттолкнув его, Морриган поднялась на ноги. Дойдя до двери, приобернулась к сидевшему на полу эльфу, грусть в облике которого из шутливой сделалась самой настоящей.

— Здесь — ничего, — надменно произнесла она, кладя руку на одну из створок. — Это — Кусланда комната. Но пожелай — в мою прийти ты можешь. Перестанешь если пахнуть потом лошадиным... и своим.

Зевран мгновенно вскочил на ноги. На его смуглом лице сверкнули белые зубы.

— Смотри, чтобы тебя дожидаясь, не уснула я.

— Ну что ты, моя чародейка, — Зевран уже спешно распутывал ремни доспеха, стоя над полным воды тазом, оставшимся от Командора. — Не в моих правилах заставлять даму ждать. Обещаю, скучно не будет. Только не со мной.

Глава 15

Глава 15

Как и предполагалось Айану, жилище искомого проводника он нашел довольно скоро. Каждый попадавшийся ему навстречу гном мог внятно и подробно описать направление к дому единственной, из ныне живущих — либо, что было вероятнее, живших — Совершенных. Дом Совершенной Бранки стоял в Алмазных же залах, неподалеку от королевского дворца, так что путь до него занял у Кусланда куда меньше времени, чем облачение в собственный доспех. Однако сам дом встретил его глухо запертыми дверьми. Лишь спустя долгое время после громкого и энергичного стука, одна из высоких створок со скрипом отворилась. Выползший из глубины дома заспанный и сильно помятый смотритель, ароматно дыша перегаром, заплетавшимся языком кое-как сумел пояснить Командору, что хозяин не появлялся уже несколько суток, и когда появится — неизвестно. Айан был к такому готов, потому слова смотрителя его не особо огорчили. Лишь уточнив расположение наиболее часто посещаемой мужем Бранки таверны, он безропотно направился туда.

Видимо, в Орзаммаре удача прочно взялась благоприятствовать его планам. Искомая таверна обнаружилась тоже довольно скоро в нескольких десятках шагов от входа в Алмазные залы. Это было добротное заведение, не выбитое в скале, а выстроенное из цветного гранита у самой стены пещеры. Вокруг шаталось несколько гномов, в уже явном подпитии. На Айана косились, но без особого интереса. То ли завсегдатаи таверны не знали, кого видят перед собой, то ли у них были иные, не менее важные дела, чем глазеть на настоящего, живого Стража поблизости от себя.

Войдя вовнутрь таверны, Кусланд почувствовал, как постепенно отпускает давившая на него снаружи величественная красота Орзаммара. Заведение оказалось просторным, светлым из-за множества горевших здесь светильников и плашек, и уставленным деревянными и каменными столами, за которыми сидели, ели и пили несколько десятков самых разнообразных гномов — от одетых бедно, до тех, кто мог щеголять золотой вышивкой на богатой рубахе. В лицо наземника ударило духом хмеля, жары и спешно приготовляемой пищи. Витавшие в таверне запахи были настолько разнообразными, что угадать их происхождение, да еще в причудливых смешениях, на раз было невозможно. Обозрев гостей таверны, находившихся в самой разной степени подпития, стучавшие об столы глиняные, деревянные и металлические кружки, пучки высушенных трав под потолком, Айану подумалось, что если и было что-то похожее в быту и жизни множества рас

и народов, населявших мир под небесами — так это такие вот заведения. В них было привычно и понятно. И сделать что-то не так было попросту немислимо.

Занятый подобными размышлениями, Айан прошел к хозяйке таверны — миловидной гномке средних лет, и, заказав выпить и поесть. Облокотившись о стойку в ожидании своего заказа, Командор стал лениво наблюдать за тем, как лежавший под открытым краном винной бочки гном ловил текущую струю хмельного распахнутым ртом, а с полдюжину других сопровождали это то подбадривающими криками — когда вино попадало, куда нужно, то горестными — когда проливалось мимо цели. В стороне два захмелевших жителя подземья, отодвинув столы, пытались плясать под брэнчавшую лютню откуда-то взявшегося здесь тощего и лохматого эльфа, который, судя по его отсутствующему виду, абсолютно не обращал внимания на то, что кто-то вздумал воспользоваться его музыкой в собственных целях. За прочими столами раздавались говор, всхрапывающий смех, и глухие звуки то ли похлопываний по плечу, то ли тумачков. От запахов жареных пирожков и мяса потроха Айана, ничего не евшего целый день, начинало сильно подводить. Он совсем было собрался позвать хозяйку и поторопить ее, когда внезапно уловил иной, новый запах рядом с собой. От шибанувшей в голову вони многодневного перегара, отхожего места и старых, ношенных сапогов, у Командора мгновенно закружилась голова, а в горле появился ком.

Понимая, что сделался соседом наверняка давнишнего завсегдатая таверны, и краем глаза различая слева от себя рыжую шевелюру какого-то гнома, Айан поспешил отодвинуться, потому что остатки пищи внутри него упорно возмущались против такого соседства и предупреждения их делались все серьезнее. Однако так просто избавиться от неприятного соседства ему было не суждено. Внезапно Айан услышал крепкий хлопок, и лишь мигом позже осознал, что чья-то тяжелая рука, быть может, даже, в боевой перчатке, довольно чувствительно шлепнула его по заду.

— Эй т-ты, д-дылда! Д-д-да, т-ты!!

Обернувшись через плечо, Кусланд увидел все того же завсегдатая, от которого так сильно разило помесью перебродившего внутри хмельного и помойки. Это был крепкий, рыжий гном с невесть когда в последний раз чесаной бородой, в которой тряслись остатки пищи. В целом вид у него был соловельный, и собранные в кучу глаза вряд ли зрели дальше собственного широкого мясистого носа. Но, в отличие от другой пьяни, этот неожиданно был одет в кольчугу и недешевый боевой нагрудник.

— Т-ты м-ни-е гл-н-лась, д-а! Г-де бы вз-т-ть с-с-соу-са д-д-л эт-того с-с-сочн-ыго р-р-р... р-р... р-ростб-ифа?

Кусланд посмотрел в расплывшееся во хмелю красно-белое лицо гнома, поочередно мигавшее пьяными глазками, ухмылявшиеся мокрые губы, потом опустил взгляд ниже — на его длинную толстую руку в боевой стальной перчатке, по-прежнему лежавшую на отклянченном от облокочения о стойку заду наземника, и — дал обидчику такого тумачка, что тот едва не кубарем отлетел на десяток шагов и врезался в наблюдавших за напивавшимся прямо из бочки гномом.

Спиной вперед налетев на толпу нетвердых на ногах выпивох, гном сбил двух из них, свалившись сверху. Некоторое время пестрая куча из трех гномов копошилась на полу, пытаясь подняться. Что было довольно непросто из-за того, что лежавший на двух других обидчик Айана оказался одет в тяжелые кольчугу и нагрудник, а все три гнома были изрядно пьяны. Но, наконец, им это удалось. Кое-как поднявшийся сперва на четвереньки, затем, придерживаясь за кстатид стоявший тут стол, и на ноги бронированный гном, утвердившись в

стоячем положении, несколько раз энергично мотнул головой. Взгляд его неожиданно прояснился.

— Клян-нусь с-сосками м-моей п-прабабки, отл-личный удар! — почти избавив речь от пьяных заиканий, в сравнении с тем, что было, на всю таверну заявил он. — Я д-даже протрезвел! Демоны з-забери тот к-кулак, что з-за ставил меня впустую выхлеб-бать ст-только эля! Кто это сделал?

Задрав голову, он вперился теперь уже моргавшими в унисон глазами, под одним из которых наливался свежий большой синяк, на Кусланда, подходившего к нему с явными намерениями поставить синяк и под вторым глазом и останавливающее поднял ладонь.

— П-погоди! Чт-то, м-мать т-твою, случилось? Я не пр-ротив д-доброй д-драки, н-но хоть скажи, чего такого я натворил?

Занесший было еще раз кулак Айан сдержал руку.

— Ты, в самом деле, ничего не помнишь? — без тени доверия переспросил он. Однако в лице гнома присутствовало столько просветленной хитрости, что было видно невооруженным взглядом — на такую сложную вещь, как говорить одно, а на уме держать другое, ее бы явно не хватило.

— К-лянусь всем н-наговым дерьмом, что в-валяется в окрестностях Орзаммара! А т-ты, мать т-твою за ногу, вообще к-кто такой?

— Не твое дело, — определив один синяк вполне достаточной компенсацией за свое оскорбление, Командор выпрямился, и разжал руку. — Благодарю предков за свою короткую память, гном. Иначе я бы с тобой еще посчитался.

Рыжий воин тряхнул бородой, из которой на пол сыпанулось что-то давнешнее.

— Ха! Т-ты впрямь решил, чт-то я побоюсь сопляка, которого т-только вчера от-торвали от титьки? Я т-тебе не какая-нибудь долбанная эльфийская дева! Я, мать твою, воин! Х-чешь др-раки? Хочешь? Ну, давай! Ну?!

— Говорил я, не нужно было идти в кабак, где гуляет этот жирный вонючий пьяница Огрен, — один из сбитых рыжим посетителей громко хмыкнул. Впрочем, и без того внимание почти всех завсегдатаев заведения было приковано к на удивление быстро трезвевшему гному-воину и все больше раздражавшемуся Командору. К счастью, последние слова стороннего гнома переключили внимание того, кого называли Огреном, на его персону.

— Ж-жирный вонючий п-пьяница, а? — рыжий Огрен шагнул ближе, сжимая руку в кулак. — И кто это г-говорит? Червяк из к-касты полемойщиков? А зн-наешь кто ты? Нагговый паплет с п-приправой из к-крысиных м-мозгов, вот кто!

С двух сторон к рыжему шагнули товарищи оскорбленного им гнома — те самые, что ранее следили за распитием вина прямо из бочки.

— Никто не смеет оскорблять нашу касту! В особенности вонючий, ни на что не годный навозный жук, которого не выгнали из воинов только потому, что предки по ошибке пустили ему быть мужем...

— Да ты п-пьян и бр-редишь! — рыжий всхрапнул, рассмеявшись, с точки зрения Айана, вовсе некстати. — Хочешь со мной подраться? А? Или вы все трое? Ну? Показывайте, на что способны!

Он сделал угрожающий выпад кулаком в сторону спорщиков. Несмотря на то, что гномий воин был сильно навеселе, Кусланд отметил про себя, что даже в таком состоянии он крепко держался на ногах, а движения рук сохраняли стремительность и точность.

Попадись вместо воздуха под этот удар чей-то нос, его бы расквасило без сомнений.

— Да я тя... — самый молодой из гномов, у которого даже еще не росла борода, шагнул навстречу Огрону, поднимая кулак. — Я тя тресну так сильно... так сильно, что ты просто... просто... в общем, я тя сильно тресну, так и знай..!

В следующий миг он отлетел далеко назад, хватаясь за разбитое лицо. Рыжий Огрен выдернул из-под чьего-то зада стул, и мгновенно обрушил его на голову другого нападавшего. Третий стал замахиваться, но вдруг повалился навзничь, сбитый точным ударом по затылку. Над ним, почти вдвое возвышаясь над всеми посетителями заведения, стоял Командор.

— Спасибо, к-конечно, — рыжий воин поставил стул на место, и поваленный с него несколькими мгновениями ранее на пол полупьяный гном, как ни в чем не бывало, влез обратно, не пытаясь возмущаться о нанесенном его заду уроне. — Ток с этими нагыми мальками я б справился сам. А ты... че те от меня надо? Надумал все ж таки подраться?

— Нет, — Айан выразительно посмотрел по сторонам, но гномы уже вернулись к своим делам. Видимо, такие происшествия, как это, были здесь в порядке вещей. На двоих валявшихся на полу побитых никто, даже хозяйка заведения, не обращали внимания. Третий молодой гном, держась за лицо, и не пытаясь вновь лезть в драку, пошатываясь, и придерживаясь за столы и стены, выбрался за дверь. — Правильно я расслышал? Твое имя — Огрен? Огрен, из касты воинов?

Рыжий бросил на него недоверчивый взгляд из-под мясистого лба.

— А эт зависит от того, кто спрашивает. Зачем какому-то наземнику п-потребовался Огрен?

— У меня дело к Огрону, из дома Бранки, — Айан пожал плечами, оглядываясь. Хозяйка выставила мисы на край стойки и делала ему приглашающие жесты рукой. — Но к тебе оно не имеет никакого отношения, если ты — не он.

Отвернувшись от почти уже протрезвевшего рыжего воина, Кусланд прошествовал к стойке, и, забрав свои мисы и кувшин, перебрался за незанятый дальний стол. Однако он еще не успел расставить всего, как послышавшийся топот и обдавшая его волна зловония возвестили о появлении давешнего знакомца. Бухнувшись напротив, рыжий гномий воин всхрапнул, затем хрюкнул и, смачно харкнув на пол, без стеснения взял из миски Кусланда один из его мясных пирожков. Айан не возражал. Купаясь в одуряющих волнах исходившего от пришельца запаха, он напрочь и сразу потерял так давно пестованный аппетит.

— Стало быть, я Огрен, — жуя с открытым ртом и чавкая, признался гном. Айан смотрел на куски перемалываемой в его рту своей пищи, и терпеливо ждал, пока тот наестся. Сам он есть уже не хотел. — Что у тебя ко мне за дело?

— погоди, — Кусланд в очередной раз подавил дурноту, чувствуя, что нашел того, кто ему был нужен. Но необходимо было убедиться в этом наверняка. — Ты — Огрен из дома Бранки? Муж Совершенной?

Жевание напротив прекратилось. Рыжий Огрен приподнялся и через стол поманил к себе Командора. Дождавшись, пока долговязый наземник, сдерживая дыхание, приблизит лицо, с маху врезал в человеческую скулу раньше, чем тот успел увидеть мелькнувший кулак. Голову Айана мотнуло назад, однако Огрен успел поймать его за плечо.

— Я, мать твою, Огрен из касты воинов. Я — Огрен-воин, ты, красноголовая наземная жердина! Хватит говорить обо мне так, как будто я только прикладка к этой... к этой поганой мохоедке!

Айан чудовищным усилием воли сдержался, чтобы не зарядить вонючему гному в ответ, слишком хорошо понимая, к чему это может привести. Драка должна была получиться воистину доброй, после чего пришлось бы платить хозяйке за разбитое заведение, а тем временем нужный разговор отложится на долгое время. Прижав перчатку к опухавшему глазу — с той же стороны, что и у отмеченного его рукой гнома, он взялся за кружку и, невзирая на по-прежнему докучавший ему запах, залпом опрокинул в себя эль.

— Еще раз поднимешь на меня руку — зарублю мечом, — счел все же нужным предупредить он. Но сидевший напротив гном, с аппетитом взявшийся за куски жареного мяса из другой тарелки, уже явно не питал намерений снова лезть в драку, всецело занятый свалившимся на него дармовым ужином. — Дело к тебе такое. Через три дня я и мои люди уходим в экспедицию на Глубинные тропы. Принц Белен нанял нас, чтобы мы отыскиали Совершенную Бранку... или то, что осталось от нее и ее дома. Но нам в подземельях потребуется проводник. Тот, кто бы хорошо знал Бранку и помог мне найти ее следы. Хочешь пойти туда со мной?

Гном снова прекратил жевать. На всякий случай Айан приготовился отразить еще один тумак, но Огрэн не собирался больше драться. Он глубоко вдохнул и с шумом выпустил воздух, обдав Айана, помимо старых, новым запахом съеденной теплой жареной пищи.

— Два года, — едва протолкнув в горло недожеванное, он закашлялся, и стукнул кулаком себя по груди. — Два долбанных года я ждал, чтобы кто-то сказал мне эти слова!

Огрэн всхлипнул, глубоко прочистил горло, решительно харкнул на пол, потом коротко выпустил газы, и снова всхлипнул. Скривившись в его сторону на один глаз, Айан наполнил элем из кувшина вторую кружку и одним духом выпил и ее. В голове слегка зашумело.

— Но... п-почему теперь? После стольких месяцев? — голос гнома сделался тверже. Он шнергнул носом и крепко протер его кожаной вставкой своей перчатки. — А-а-а! Белен хочет, чтобы моя двинутая на всю голову наггова кузнечиха сделала его королем?

— Да, — не нашел причины скрывать это Кусланд. Он посмотрел на последний оставшийся в мисе пирожок, и, после раздумья, взял его. — Ему нужен трон Орзаммара, мне — отряд гномов в армию Серых Стражей, чтобы остановить Мор. Тебе — найти твою жену. Так отчего б... не объединить наши нужды? Пойдешь со мной на Глубинные тропы? Да — добро пожаловать к нам в отряд. Нет — не морочь мне голову, и проваливай, я буду искать другого проводника.

Он налил себе третью кружку. Мелькнула и пропала мысль о том, что гномий эль — действительно до отвращения мерзкий на вкус, был еще и куда крепче наземного. И еще одна — что-то о предупреждении лесной ведьмы. Третья мысль была о каком-то неудобстве, какой-то занозе, предостерегающе нывшей в его сознании. Но, перебивая тошноту, поднимавшуюся к горлу из-за отвратительного запаха мужа Бранки, Айан вновь глотнул из кружки, и все его мысли смешались.

Огрэн хмыкнул и забрал кувшин целиком. Эль плескался там уже на самом дне.

— Да не вставай ты в позу. Мы повздорили слегка, ну так чего не бывает в кабаке. Ты хошь найти Бранку, ну так я тебе скажу — без меня вы ее не найдете. Бранка, конечно, гений. Да только дважды два у нее всегда равнялось пятидесяти. Я буду не я, если не отправлюсь с вами, и не приведу обратно мою лапушку... мохоедку демонову, бросившую меня из-за дурацкой... э, да что там. Готовь место в своем отряде, наземник, и... погоди, ты сказал, ты — Серый Страж?

Не дожидаясь ответа, он опрокинул в себя все то, что было в кувшине. Не отрываясь,

допил эль до последней капли, и стукнул посудой о стол. Его помокревшие усы воинственно встопорщились.

Кусланд кивнул, точно ему подрубили голову. Три кружки гномьего эля подействовали на него опьяняюще. Настолько, что пришлось поставить локти на стол, чтобы подпереть потяжелевшую голову.

— Не думал, что своими глазами увижу кого-то из ваших. А там, наверху, опять начался Мор? Долго ж я пил, — Огрэн добродушно всхапнул и потянулся к остаткам жареного мяса. — Ну, тогда тем более пишите меня к себе. Никогда б не пропустил такого веселья!

Айан вновь кивнул, в который раз за вечер, и опустил голову на руки. Уже абсолютно трезвый Огрэн, сходил куда-то, вернувшись с другим кувшином. В кувшине была чистая вода.

— Стало быть, если идти через три дня, мне тоже надо бы собраться. Ну знаешь... управить все дела. Через три дня у ворот на Глубинные тропы. Я иду с вами, слышишь, Страж? Не уходите без меня. Без меня вы не дойдете, это как два пальца...

Айан с удовольствием присосался к кружке. Чистая прохладная вода прояснила голову, словно смыв пелену, затянувшую его глаза от хмельного.

— Ну, бывай, Страж, — рыжий Огрэн поднялся, и шагнул было прочь от стола, но в последнюю минуту, словно что-то вспомнив, вернулся. — Слушай... ты не злился, но я ведь и вправду не помню. Отчего мы чуть не сцепились-то при встрече?

Проводив плевавшегося в ужасе рыжего гнома, напрочь отказывавшегося верить в рассказ нового наземного знакомца о своем поведении, Айан некоторое время сидел за столом, отхлебывая воду из кружки и приходя в себя. После ухода Огрэна, на него совсем перестали обращать внимание, позволяя погрузиться в собственные мысли. Обидным было то, что никаких особых мыслей в голову не лезло. Командор доел все, что оставалось ему после ужина с гномом, допил воду и теперь попросту лениво ждал, когда ноги перестанут дрожать, слушая треньканье лютни все того же лохматого эльфа, говор, смех и крики напивавшихся гномов. В какой-то миг, поймав себя на мысли о том, что неплохо было бы расслабить завязки нагрудника, в особенности в том месте, где он давил на живот, Айан понял, что пора возвращаться во дворец и ложиться спать. И вдруг, подняв глаза, встретился взглядом с неотрывно глядевшей на него молодой гномкой.

Гномку эту трудно было бы посчитать красавицей, или хотя бы миловидной. Но во всем ее облике было что-то вызывающе-дерзкое, жесткое и страстное одновременно. То, что обычно так нравилось в женщинах Командору. Она стояла, опершись на чей-то стол длинной рукой. Выступавшее из-под платья плечо было оголено. Гномка смотрела прямо на Айана, смотрела едва не в упор именно на него, в том не было сомнений. Убедившись, что он заметил ее взгляд, гномка едва заметно улыбнулась коричневатыми губами и, поведя плечом, развернулась, и пошла к двери. По дороге она приостановилась и приобернулась в его сторону.

Бросив деньги на стол, Кусланд поднялся. Вновь поймав поощрительный взгляд гномки, он слотнул и сделал шаг за ней к выходу. По пути через зал, молодая женщина еще раз обернулась на наземника, и, только убедившись, что он следует за ней, выскользнула из заведения. Выйдя наружу, Айан увидел заинтересовавшую его незнакомку на несколько десятков шагов впереди. Гномка оглянулась вновь и, словно невзначай проведя по губам, закончила росчерк кончиков пальцев на груди. Молодой Кусланд глубоко вздохнул и, преодолев легкую дрожь в коленях, вызванную остатками хмеля, ускорил шаги.

В молчании они пересекли улицу. Гномка остановилась у невзрачной двери, выбитой в скале. У двери этой не было ни навешника, ни крыльца. Должно быть, она вела в вовсе уж не зажиточный дом. Однако ни о чем из этого не думалось теперь Айану. Ведущая его женщина оглянулась в последний раз и исчезла за дверью, оставив ее приоткрытой. Приглашения очевиднее она сделать попросту не могла.

Перед самой дверью Айан задержался. Он не был уверен в правильности того, что делает. Вероятнее всего было то, что гномка бедна, и заинтересовал ее не сам наземник, а его бесценный доспех, оружие из красной стали и более чем щедрый ужин, которым он с такой легкостью поделился с первым попавшимся выпивохой, не особо раздумывая о потраченных впустую монетах. Уверенность в том, что после ночи придется оставить этому дому денег, была почти полной. И потому Айан колебался. Меньше всего он желал сделаться похожим на своего старшего брата, а в том, чего ему теперь хотелось, был весь Фергюс. Но, после раздумья, он толкнул приоткрытую дверь, и все же сделал шаг в отчего-то кромешную тьму.

Глава 16

Глава 16

— ... очередь твоя, остроухий. Слово, или дело?

Зевран подобрал вытянутую ногу. Убедившись в правоте слов ведьмы, поднял глаза вверх, задумчиво покусывая красиво очерченную губу.

— Давай лучше слово. Я не против опять пробежаться, но там, в коридоре, гномья стража. Они еще в прошлый раз предупредили меня, что наши покои находятся недалеко от покоев принца, и если я и дальше буду завывать, как «мабари пришибленный, право потомство которого делать только что отобрали», они свяжут и заткнут мне рот, каким бы почетным гостем я ни был.

Морриган рассмеялась.

— Ну что же, выбор ты свой сделал. О любвеобилии твоим спросить тебя хочу. Неужто правда удовольствие способен ты не только с женами срывать? Сама помыслить не могу, чтоб можно было с женщиной возлечь. Какой красивой ни была она бы.

Зевран улыбнулся и дернул бровью.

— Так и знал, что придет время — и ты меня об этом спросишь. Ответ простой — ну, разумеется, способен. В особенности, если муж, с кем можно лечь, красив... ну вот, как тот прекрасный Страж, что ускакал в Орлей. Какая разница, от чьих прелестей обретать усладу? Красота — она притягивает, моя прекрасная чародейка. Ее не так много на свете, чтобы пренебрегать той, которую можно просто взять. Ну — а в целом, способность ровно получать удовольствие и с теми, и с теми, увеличивает шансы приятно провести вечер, разве нет?

— О, так красоты ты ценитель, оказалось как. Тогда скажи мне, ты когда с мужами...

Эльф предостерегающе поднял руку.

— А это уже следующий вопрос, моя госпожа. Играй, если хочешь дознаться.

Лесная ведьма двумя пальцами крутанула лежавший между ними нож Зеврана. К ее неудовольствию, заточенное острие, описав несколько оборотов вокруг оси, остановилось, указывая на нее. Ворон усмехнулся, проводя пальцем по узкому лезвию.

— Слово или дело?

Морриган прокрутила один из браслетов на своем тонком запястье.

— Пожалуй, слово.

— Слово, — ассасин убрал волосы, упавшие на его лоб, когда он наклонялся вперед. Его глядевшие на лесную ведьму зеленые глаза затуманились, и их не портил даже большой свежий синяк, растекшийся под одним из них. — Скажи, Морриган, ты когда-нибудь любила? Я имею в виду, не просто удовольствие. А по-настоящему.

Лесная ведьма выпрямилась. Лицо ее окаменело.

— Любовь — для дураков. И слабаков. Нет, не любила я... что рожу ты строишь?

— Если ты не готова говорить правду, моя чародейка, нужно выбирать «дело».

Морриган посмотрела в сторону. Ее черты сделались еще надменнее, напоминая уже орлесианскую маску.

— Зачем тебе это, эльф? Что хочешь знать ты?

Бывший ассасин приопустил голову и взглянул исподлобья и с большим лукавством.

— Признаться, обо всем, что мне нужно, я уже догадался сам.

— Даже так?

— Да, моя прекрасная чародейка. Но не спросить не мог. Когда ты сердисься, у тебя между бровями появляется такая восхитительная морщинка...

Его собеседница хмыкнула.

— К тому же, изумительные глаза. Правда, твое прекрасное лицо всегда угрюмо. Но когда улыбаешься... о, улыбка тебе очень идет.

Ведьма раздраженно цыкнула щекой.

— Скажи, а женщины другие поддаются на это?

Эльф ответил улыбкой и, нагнувшись, коснулся губами ее обнаженной ноги. Не встретив сопротивления, осторожно провел щекой по гладкой коже женщины до колена и поцеловал его. Бессознательно подчиняясь его давлению, Морриган опустилась на набросанную прямо на пол постель с несколькими подушками, половину из которых эльф загодя принес из своей комнаты. Зевран склонился над ней и, несколько мгновений вглядываясь в желтые глаза ведьмы, прикрыл собственные, и припал к ее устам.

Ведьма обвила его шею руками, и некоторое время они просто целовались, потягивая удовольствие друг из друга. Меж тем руки Зеврана так ладно и ненавязчиво освобождали их обоих от одежды, что в какой-то миг Морриган пришла в себя абсолютно обнаженной, лежащей под смуглым телом ассасина. Оторвавшись от уст, Зевран одарил ее еще одной мягкой улыбкой и змеей скользнул куда-то ниже, оставляя на груди и животе ведьмы дорожку из легких поцелуев. Еще через миг она почувствовала прикосновения его губ на внутренней стороне бедра.

Морриган запрокинула голову, не сумев подавить короткого вздоха. Пальцы эльфа несильно сжались на ее бедре. Под его успокаивающе поглаживавшей ладонью и умелыми прикосновениями к нежной коже там, где это было нужно, чародейка расслабилась, едва не впервые в жизни себя к этому не принуждая. Некоторое время спустя она уже не могла сдержать отрывистых тяжелых вздохов, срывавшихся с ее полных губ. Временами ведьма ловила на себе взгляд Зеврана, не умея рассмотреть выражения его лица — казалось оно насмешливым, или просто довольным из-за того, что он добился желаемого. Да это было теперь и неважно. Все было неважно. Мир надвигался и удалялся вновь, то делаясь ослепительно-белым, то взрываясь россыпью ярких красок. Временами казалось, что он

пропадает вовсе, оставляя от себя одни лишь ощущения — пронзающие тело, будто молния, но вместо боли дарившие лишь чувственную усладу. То было ненавистное бессилие — бессилие плоти перед чем-то иным, более могучим, чем воля, сильнее разума. Такому можно было сопротивляться, и раньше сопротивление не составляло для ведьмы труда — но не теперь. И, она сдалась — сдалась окончательно и бесповоротно, отдавая себя на милость любострастного и порочного эльфа с наглыми глазами. Но когда Морриган уже не в силах была давить в себе пока еще коротких стонов удовольствия, Зевран вдруг поднял голову и, демонстративно облизнув красивые губы, стремительно и плавно приподнялся на руках, скользнув вперед и всем своим смуглым гибким телом прижимаясь к молочной коже лесной ведьмы...

— ... валяться долго ты решил тут? Ну, просыпайся, говорят кому!

Открывать глаза не хотелось, но пришлось. Некоторое время Зевран моргал в пространство, пытаясь помочь своему взгляду собраться. Удалось это ему привычно быстро, и он тут же пожалел об этой стремительности — его голова будто взорвалась сильной болью, идущей от затылка. С трудом подтянувшись, он сел, осторожно проведя рукой по волосам. Ладонь окрасилась кровью.

— М... илая моя чародейка, я сделал что-то не то? За что ты меня, и, главное, как? Расскажи, я всегда рад поучиться новому...

— Что болтаешь ты? Не от меня то исходило. Готовилась тебя принять я, а ты вдруг как мешок свалился. Больной ты иль припадочный?

В голосе Морриган слышалось понятное раздражение. Зевран еще раз притронулся к — в этом не было сомнений — ране на голове, и невесомо пробежался пальцами по ее краям.

— Как будто от дубины, — поделился он, спустя какое-то время. — Сзади, снизу вверх, и с большой силой. Тут, в гномьем дворце, призраков не водится? Помнится, когда я собирался к тебе, со мной случилось что-то похожее. Тогда, в комнате, кроме меня не было никого — я в том готов поклясться. Но, тем не менее, этот никого наподдал в лицо, да с такой силой, будто я в таверне сцепился со здоровенным пьяным гномом, и пропустил удар...

Он запнулся, схватившись за грудь, и скрючившись в три погибели. Некоторое время простоял так под раздраженным взглядом ведьмы, взиравшей на него с недоумением. Потом медленно и осторожно разогнулся, несколько раз сжав и расслабив кулаки.

— А это... не знаю. Никогда раньше со мной такого не... ох.

Он скрючился снова. Некоторое время Морриган продолжала следить за его корчами, видимо, размышляя, выставить незадачливого любовника вон или помочь ему с внезапно поразившей хворью. Наконец, заставив разогнуться, приложила ладонь к груди. Зевран терпел молча, кусая губы. Рука Морриган уже окуталась синим сиянием, но, внезапно, она вскрикнула, отдергивая пальцы, словно обжегшись.

— Здоров ты телом, — растирая ладонь, ведьма поморщилась — раздраженно и зло. — То магия изнутри тебя съедает. Магия, что сильнее моей. Мне недоступная. Магия, что знатный наложил малефикар. Снять не могу. Взывать я к крови не умею.

Зевран закусил губу и согнулся вновь, прижимая руки к груди. Когда он выпрямился, на смуглом лбу блестели бисеринки пота.

— Командор не внял моей просьбе, — с трудом выговорил ассасин, жестоко страдая. — Интересно, куда он мог направиться так далеко, да на ночь глядя?

Морриган вновь подняла руку, касаясь его лица. Под тонкими пальцами синяк под

глазом эльфа растаял. Заставив его наклонить голову, ведьма мимолетным прикосновением излечила и рану от дубины.

— А остальное? Моя прекрасная чародейка, умоляю! Мне на колени встать? Внутренности... словно под кузнечным прессом... давит. Если ты хоть чем-то... ох...

— Ничем я тебе не могу помочь, — Морриган подхватила с пола свою одежду. — Облачайся. Те раны, что я излечила — не от проклятия. И не твои. То раны...

— Командора? — на миг Зевран забыл даже о боли, стукнув кулаком по колену. — Браска! А ведь верно! Ух, давета брутто! Дефисьенте! Санквиноза кулло!

— Уймись, — ведьма была уже одета и протягивала Зеврану, то, в чем он к ней пришел. — Облачайся, быстрее. Найти его должны мы. Покуда не стряслось беды.

— Если верить моему затылку — она уже стряслась.

— Поторопиться тогда следует, пока беда не сделалась побольше, — Морриган сходила за своим посохом, наблюдая, как ее несостоявшийся любовник, кривясь, натягивает штаны. — А то ведь первым пострадает он — а следом ты.

Зевран не ответил. Но, и без того спорое, его облачение сделалось еще быстрее.

Глава 17

Глава 17

— Это точно та тропа?

Алистер пожал плечами, вновь зарывшись в карту так глубоко, что елозил по ней носом, если бы не железо наличника.

— Не знаю. Может, и не та. Но другой-то здесь вообще нет!

Лелиана заглянула к нему через плечо, но ничего вразумительного в изрисованном куске кожи не углядела.

— Какой-то дурак рисовал эту карту, — спустя долгое время разглядывания, решила она, наконец. — Ничего не разобрать. Та, которая у Дайлена, гораздо лучше. Я видела.

— Так ведь она — на Орлей, — подняв шлем, опальный бастард и Серый Страж почесал нос. Надвинув ведрообразную часть доспеха обратно, он вновь с отчаянием взгляделся в испещрявшие жёлтую кожу обозначения и пометки. — О, Создатель, тут вообще ничего не отмечено, и не понятно!

— Вот тебе и съездили в разведку, — Лелиана уныло вздохнула, и, уложив перчатки перед собой между лукой и конской шеей, принялась тереть одну об другую и дышать на свои руки. — Далеко еще не отъехали — смотри, как хорошо виден дым от лагерного костра за тем холмом. А уже чуть не заблудились. И почему из всех именно нам выпало разыскивать дорогу к этим эльфам, вместо того, чтобы спокойно доехать до цели по Имперскому тракту! Конечно, он не везде проходим, и обвалился, но, по крайней мере, придерживаясь его, заблудиться невозможно!

Алистер вздохнул в ответ. С тех пор, как, в стремлении добраться до Южных Холмов, они сошли с Имперского тракта и углубились в череду занесенных снегом возвышенностей и зажатых между ними выбеленных зимой равнин, поиск правильной тропы превращался для них в каждодневную пытку.

— Ладно, — решил он, вовсе не уверенный в своем решении. — Давай сделаем так. Сейчас поедем в эту сторону. Мне, все же, кажется, что тут под снегом — дорога. Ну, или

широкая тропа. Посмотрим, куда она ведет. Нам нужно на восток. Если она сильно отклонится к югу или северу, вернёмся обратно и поищем другой путь. В конце концов, прямоезжей дороги к лагерю долийцев все равно нет, потому что никто не знает, где их лагерь. Да и они постоянно кочуют. Нам в любом случае разыскивать их прямо по цельному снегу.

Мнимые храмовники тронули коней, медленно продвигаясь вперед между холмов. Как ни вглядывалась Лелиана, предположенной Алистером тропы она не разглядела. Впрочем, в словах сына Мэрика имелся резон. Они слишком уклонились к югу от населенных мест, и в окружавшем их уже второй день безлюдье едва ли была надежда найти хотя бы натоптанную стежку.

Мера от меры их путь делался труднее. В особо коварных яминах кони по брюхо увязали в снегу, а перегораживавшие путь павшие деревья или заросли кустарника приходилось объезжать куда менее удобными путями. И, хотя они продолжали двигаться на восток, скорость их передвижения оставляла желать лучшего.

— ... Интересно, если долийцы все же не нашьпигуют нас стрелами сразу, и даже согласятся выслушать, — пыхтя, Лелиана тянула коня за повод, пытаясь заставить его идти вперед. Предполагалось, что животное должно было помочь Алистеру отодвинуть с дороги большой древесный ствол, который иначе было не объехать. — Как они, мать их, выберутся из своего леса, если дорога к нему — вот такая?

Конь всхрапнул, мотая головой. Рукавица девушки-барда спрыснула, в неловком движении едва не вывихнув ей кисть. Уже сдвинувший бревно Алистер уронил его на ногу.

Выругавшись, Страж резко выдернул ступню, переждал короткую боль и неслышно выдохнул сквозь зубы.

— Давай, попробуем еще. Тут везде бурелом, — даже не следуя взглядом за перчаткой сына Мэрика, Лелиана не могла не знать о его правоте. — Нам этого места не обойти — еще увязнем.

Его спутница молча взялась за повод коня. Спустя некоторое время, ценой невероятных усилий, им удалось сдвинуть бревно настолько, чтобы лошади могли там пройти, не ободрав бока о торчащие ветки.

— Тьфу ты, Создатель милосердный, — с трудом взбираясь в седло, Лелиана в сердцах сплюнула на только что отодвинутую корягу. Некогда казавшаяся изящной, почти воздушной, орлесианская бардесса и бывшая послушница уже второй восход ругалась, как сапожница. — Если так дело пойдет дальше, я... я... просто лягу в снег, и не встану!

Алистер промолчал. Выносливое тело молодого рыцаря было привычно к ношению тяжелого доспеха, и муки Лелианы он понимал не до конца. Куда больше Стража тревожило то, что путь, по которому им приходилось добираться до цели, оказывался таким тяжелым, как и одолевавшие сомнения всякий раз, когда приходилось изыскивать новые тропы. Непривычная роль командира тяготила его.

Лес Бресилян, бывший целью невеликого отряда сына Мэрика, по праву считался одним из самых гиблых мест во всем Ферелдене. Все прямые дороги, что когда-либо были проложены туда, давно пришли в запустение и негодность. Во всей стране не было желающих соваться в непролазные чащобы, где непосвященного под каждым кустом подстерегала гибель. Происходившие под сенью его деревьев магические войны древнего эльфийского Арлатана с Империей Тевинтер исказили саму сущность Великого Леса, истончив Завесу, закрывающую мир смертных от безвременной Тени. Изуродованные

постоянным влиянием мира духов деревья переставали быть деревьями, такими, как ранее, уродливо видоизменяя свою сущность и все вокруг. Ядовитые туманы, появлявшиеся внезапно, и так же внезапно уходившие в никуда, голодные кусты, пожиравшие мясо, и одержимые твари, которыми делались большинство зверей — все это на долгие годы отвратило людей от проклятого леса, и только кланы долийцев прятались на его окраинах, будучи твердо уверенными в том, что туда людские солдаты за ними не сунутся.

Солдаты действительно не совались, и за цепью холмов, безлюдья и бездорожья уцелевшие эльфы обитали бы в относительной безопасности. Обитали бы, если бы не сам лес, который собирал с них жатву, быть может, чуть менее щедрую, чем собирал бы с людей — только потому, что за долгие поколения они научились если не жить с ним в мире, то угадывать угрозы и даже избегать их. Претерпевая травлю со стороны некогда одолевших их в войне людей, и расплачиваясь жизнями за защиту леса, почти полностью растеряв остатки своей былой культуры и величия, жившие хуже полудиких хасиндов и от поколения к поколению все более вырождавшиеся эльфы, или, как они называли себя, долийцы, уже неисчислимое множество десятилетий были озлоблены на людей, гномов, весь проклявший их мир, и даже на самих себя.

Таких союзников Алистера отправил добывать Айан. Если бы Тейрин не был уверен в том, что Серым Стражам действительно нужна была любая помощь, откуда бы и от кого она ни происходила, он бы мог подумать, что Кусланд попросту замыслил его убить особо изощренным способом.

Впрочем, еще до отъезда Айан не скрывал, что многого от похода Алистера не ждет. По планам Командора, основу армии Стражей должны были составить храмовники капитана Хосека и гномы Орзаммара. Он едва ли брал в расчет тех магов, которым удалось уцелеть в башне Круга. И вовсе не надеялся на долийцев. «Согласятся — добро. Откажутся — не уговаривай. Пусть их порождения тьмы, к демонам, пожрут, не жалко. Вернуться ты должен живым». Так сказал Айан, и Алистер тогда с ним согласился. Необходимость похода среди зимы по бездорожью в проклятый лес в компании двух женщин, одна из которых была сильно стара, приводила его в отчаяние. А надобность самому принимать решения нагоняла настоящую тоску.

Теперь же, исподволь испытав на себе радости бездорожья и похода с бывшей ферелденской послушницей из Орлея, Алистер все чаще ловил себя на мысли, что такие усилия не должны были сделаться напрасными. Что бы ни говорил Кусланд, безвестный потомок Тейринов прочно вознамерился привести под начало Командора всех долийцев, с которыми сведет его судьба. Дело было за малым — оставалось их только найти.

Стискивавшие узкий заснеженный проход между ними холмы, меж тем, делались все лесистее. Стоявшие на склонах деревья, голые и в снегу, частый бурелом и свешивавшиеся с обрушенных откосов косматые корни, почти полное отсутствие зверья и птиц, и холодное безмолвие этих мест оказывали гнетущее впечатление на настроения и так безрадостных путников. Лелиана поживалась под тяжелым доспехом, и постепенно ее нервозность стала передаваться Алистеру. Чем дальше они отъезжали от лагеря, где оставили Винн и вьючных лошадей, тем сильнее у Стража складывалось впечатление, что за их передвижением следят. Следят скрытно и недоброжелательно, но безусловно. Некстати вспомнилось напутствие отправляемому в Бресириан путнику, вычитанное еще в бытность послушником при Церкви «... если в лесу вам покажется, что за вами следят — это так и есть...». Но до Бресириана было еще далеко. А шестое чувство Алистера, всегда предупреждавшее его об

опасности, чем дальше, тем громче советовало быть начеку. Спустя какое-то время оно буквально вопило, заставляя Стража бросать настороженные взгляды по сторонам из-под глухого наличника шлема. Однако вокруг по-прежнему все было тихо. Никаких звуков, кроме тех, которые издавали их лошади, да шума ветра, перекатывавшего снег, слышно не было.

— Хотя, с другой стороны, может, из Бресиана в обжитые места можно добраться и более удобной дорогой, — Лелиана заговорила так, словно начатый давно, и несколько мер пути назад брошенный, разговор не прерывался. — Я уверена, такая дорога есть. Мы просто о ней не знаем.

— Может и есть, — напряженно согласился Алистер, разглядывая ближайšie к ним заросли. — Да только открывается она наверняка поздней весной, когда снег сойдет, и высохнет грязь. А к тому времени порождения тьмы от нас и памяти не оставят. Или, с помощью Создателя, мы от них...

Его конь, идущий первым по тропе, внезапно провалился передними ногами во что-то невидимое под снегом по самую морду. От неожиданного сильного толчка Алистер перелетел через голову и упал в снег, уйдя в него на глубину в половину человеческого роста.

— Лелиана! — от его крика лошадь лучницы заплясала на месте, встревоженная еще и видом коня Алистера, скользившего задними ногами, и пытавшегося не провалиться куда-то окончательно передними. — Тут вода! Под снегом! Быстрее, брось мне что-нибудь! Быстрее!

Попытавшись прыгнуть на землю, Лелиана в спешке зацепилась полкой мантии и мешком свалилась в глубокий снег. Вскочив, заозиралась, но ничего похожего на веревку в их снаряжении не было. Крики Алистера становились все отчаяннее — девушке была видна только его рука, отчего-то уже без перчатки, отчаянно цеплявшаяся скрюченными пальцами за сваленный снег, пока ее хозяина тянуло на дно, под холодную воду, тяжестью его же доспеха. Провалившийся в тот же коварный источник огромный черный иноходец Стража оглашал окрестности залиvistым ржанием и бил копытами в опасной близости от растерянно замершей девушки. Лошадь Лелианы, обычно смирная, взволнованно переступала ногами, грозясь наскочить на свою же хозяйку.

— Лелиана! — Алистер, видимо, сделал попытку подтянуться, нащупав ногами какую-то опору. — Плащ! Прошу...

Снег схрупул под его пальцами, и Тейрин с плеском скрылся в огромной, черной, колыхавшейся кусками плававшего в ней снега, полынье. Отчаянно и надсадно вскрикнув, девушка сорвала с плеч отороченный мехом плащ, разодрал серебряные застежки. Выхватив меч, она с силой воткнула его в мех, пропоров подкладку, и, упав животом на край полыньи едва не прямо под копыта жеребцу, с маху зашвырнула утяжеленный мечом край плаща в стылую воду.

Меч скрылся под колыхавшимися кусками льда и снега, камнем уйдя под воду вслед за рыцарем. Некоторое время Лелиана прождала, дергаясь всякий раз, как ржавший конь ступал задними ногами в непосредственной близости от нее, но за меч никто не хватался. Девушка была уверена, что не ошиблась с местом — Алистер скрылся именно там. Но вода молчала. В отчаянии, Лелиана вытащила плащ за край, и закинул его снова. Оружие плеснуло о воду, но безрезультатно. Пойманный в ловушку коварного источника жеребец, меж тем, сумел выбраться, обрушив в полынью добрую половину большого сугроба, стоявшего у ее края, и теперь топтался рядом, не убегая, но и не стоя на одном месте, волнуя и без того встревоженную кобылу.

Лучница выбрала мокрый плащ. Звякнул протащившийся следом меч. Подтянувшись, девушка села на край полыньи. Ее мокрые лицо и руки тут же схватило морозом, и Лелиана мимовольно содрала сперва одну перчатку, затем другую. Сбитое дыхание не грело побелевшие пальцы, на глазах покрывавшиеся коркой льда. Девушка неловко поднялась на ноги, не отрывая взгляда от полыньи. Бледность ее лица могла бы поспорить со снегом растянувшегося вокруг белого безмолвия.

Снег в том месте, где только что бился за свою лошадиную жизнь жеребец Алистера, едва заметно вздрогнул. Лелиана медленно перевела взгляд огромных, наполненных слезами синих глаз туда и, не веря себе, снова бухнулась на колени.

Потерявшие чувствительность пальцы отчаянно разгребали мокрый снег, царапая оказавшийся под ним лед. Кое-как расчистив крохотный пяточок, Лелиана наткнулась словно бы на стекло, из-за которого на нее смотрело искаженное ужасом и удушьем лицо сына Мэрика. Алистер медленно, словно во сне, отвел руку, и вновь ударил по толстой кромке льда — снизу, из воды. Лед дрогнул, но не поддался. На глазах у Лелианы мотавший головой от нехватки воздуха Страж пытался хвататься за лед руками, видимо, пытаясь удержаться на месте, но течение неумолимо сносило его дальше, в черноту.

Обернувшись, Лелиана схватила валявшийся тут же меч, и что было силы всадила его в лед рядом с собой. Острие совсем ненамного пробило его толщу, но Алистеру достало и этого, чтобы ухватиться за острие и, в последнем отчаянном движении, рвануть оружие на себя. Сил у него не хватило, но надавившая всем весом на рукоять Лелиана протолкнула меч к задышавшемуся Стражу.

Лед треснул, и от неожиданности Лелиана головой и грудью шлепнулась в воду, оцарапавшись о брызнувшие во все стороны надломанные куски льда. Стылые руки сына Мэрика вцепились в нее мертвой хваткой, в одном сильном рывке едва не утянув на дно. Напрягая все силы, Лелиана дернулась вверх, и мигом позже над водой показалось лицо Алистера, видимо, оттолкнувшегося от дна ногами. Судорожно втянув в себя воздух, Страж закашлялся, и ухнул обратно, но Лелиана держала крепко. Медленно, пядь за пядью, они выползали из ледяной каши, окоченевшие, мокрые, и в любой миг рисковавшие вновь оказаться в коварном подледном источнике, едва не сделавшемся их общей могилой.

Наконец, выдравшись из цепких смертельных объятий полыньи, задышавшись и кашляя, они на четвереньках отползли подальше, увязая в снегу. Лошади бестолково топтались рядом. Лелиана сотрясалась так, словно решила встряхнуть долину. Алистер, не попадая руками по земле, и кашляя все сильнее, кое-как заставил себя встать сперва на колени, затем на ноги. Одной рукой цепляясь за сбрую своего иноходца, а другой придерживая горевшую огнем грудь, он полез в переметную сумку и, пошарив там, выудил на свет плотно закупоренную флягу. С третьего раза вытащив пробку зубами, упал на колени рядом с Лелианой и влил в ее посиневшие кривящиеся губы столько, сколько смог.

Девушка схватилась за грудь, как до этого Алистер, по-прежнему заходясь в отчаянном, бьющем все тело кашле. Страж помог ей сесть, и, привалив к себе, сам сделал несколько больших глотков из фляги. От густого, сладкого лечебного зелья по телам в единый миг пробежало тепло, но оба знали, что если не развести костра, то очень скоро на таком морозе они лишатся рук, ног, и всего прочего. У полыньи разводить костер было не из чего.

— Вставай, — Алистер попытался проговорить это ободряюще, но обожженное морозом горло его не послушалось, сорвавшись на хрип. — Вставай, нужно вернуться в лагерь. Там Винн. Она поможет...

Лелиана мотала головой. Алистер вновь кое-как поднялся на окоченевшие, тяжелые, словно они в одночасье сделались каменными, ноги, и, утвердившись на них, рванул подмышки не прекращавшую трястись лучницу. Однако помочь ей встать ему не удалось. Колени девушки подогнулись, и Алистер, не удержавшись, завалился обратно в снег вслед за ней.

— Лелиана!

Он перевалился набок, затем приподнялся на дрожащих руках. Холод обволакивал все его естество, подбирался к сердцу. Дыхание вырывалось из груди с хрипом и кровью. Кашель kloкотал где-то в горле, но усилием воли Алистер загонял его обратно. Медленно, он подтянул одну ногу, затем вторую, встав на четвереньки. Однако, совершив этот подвиг, отчего-то понял, что больше ни на что не способен. Вода на нем уже давно сделалась льдом, утяжелив нагрудник, кольчугу и сковав стылой коркой все его мышцы и связки. Алистер почувствовал, что умирает, и тут же вслед за тем ощутил обиду — что умирает так, после того, как удалось не умереть от удушья на дне проклятого ручья...

— А неплохо он смотрится, — вдруг раздался за спиной голос. Обыкновенный, человеческий, даже чересчур обиденный, он казался нереальным и неправильным в этом мире снега и безмолвия. — Я бы с удовольствием всех их ставил в такую позу. И любовался.

— Ссслуги, мать их, святой Церкви, — поддержал другой голос. Более низкий и густой, он, как и первый, принадлежал мужчине, бывшему, по-видимому, постарше первого. — И чагой ты не утоп в той полынье, храмовник? Совсем никакого житья от вас. Тапереча надо трудиться, и гнать тебя в нее обратно. Оно нам надо, заснова брать на душу такой грех из-за твоей поганой рожи?

Сделав над собой нечеловеческое усилие, Алистер выпрямился, поднявшись на колени. Меч он утопил во время вынужденного купания, как и Лелиана — свой, и теперь был полностью безоружен. С трудом обернувшись, он увидел три с ног до головы закутанные в меха фигуры, принадлежавшие, по-видимому, все же мужчинам. В отличие от двух мнимых храмовников и их лошадей, фигуры эти не проваливались в снег, а стояли поверх него на широких и длинных берестяных вырезках. В каждой руке неизвестные держали по длинной тонкой палке. Со склона ближайшего холма до самых незнакомцев тянулись следы от бересты — длинные и тонкие. Должно быть, такая береста позволяла им передвигаться с очень большой стремительностью, потому что Алистер был готов поклясться — еще некоторое время назад позади него никто не стоял.

— Если вы люди, заклинаю именем Создателя, помогите нам, — он развернулся весь, и снова рухнул в снег. — Нам нужен огонь.

Старший из незнакомцев, обладатель густого голоса, оттолкнулся палками, подъехав к самому копошившемуся в снегу Алистеру. Подцепив того за наплечник, рванул вверх, и внимательно взгляделся в обмороженное породистое лицо Стража. Его собственное лицо было заматано несколькими слоями тряпок, оставляя на свободе только пронзительные синие глаза.

— Огоньку тебе, храмовник? — встрял другой, помоложе. — На тебе огоньку!

Снег вокруг Алистера на мгновение вспыхнул. Сын Мэрика с криком отпрянул, бухнувшись на зад. Старший обернулся к своему спутнику.

— Чевой ты творишь, Луи? Совсем ума нет? Чуть бересту мне не поджег!

— Вы — отступники, — Алистер скосил глаза на не подававшую признаков жизни девушку. — Мне... все равно. Прощу, помогите нам. Во имя Создателя...

— Слушай, а может, погодим их убивать? — молодой обернулся к старшему, потом покосился на стоявшего поодаль третьего, который до сих пор не подавал голоса. Слов Алистера он словно и не слышал. — Девчонка — красавица. Да и этот... для чего-нибудь, да сгодится. Навоз в обоих хлевах давно бы уже выгрести не мешало. Дрова в поленнице переложить — падают на голову. Очаг у Вивьен замазать, а то все недосуг. Белья не стирального много, из-за тройнят Аиэллы. Не все ж этим бездельникам задницы в седле просиживать, — он шагнул к Алистеру, и, протянув руку, погладил Стража по голове, как пса. — Посадим этого на цепь. А девчонку его...

— Мерзавец! — обрел голос сын Мэрика, дергаясь из-под чужой руки. — Да как ты смеешь!

— А храмовницу отдайте мне, — Луи попытался вновь поймать за едва пробивавшиеся волосы мнимого храмовника. — Или, даже, обоих. Под мою ответственность...

Алистер вскочил. Гнев придал ему стремительности и сил. Охнув, отступник согнулся в три погибели, когда поймавший его руку Страж заломил ее, заставив мага зарыться носом в собственное колено.

— Отпусти его, — напряженнее, чем раньше, потребовал старший. Алистер зло встряхнул вскрикнувшим от боли отступником.

— Сначала помогите мне развести огонь, — он мотнул головой назад. — И исцелите ее. Есть среди вас целители? — Видя, что собеседник колеблется, Тейрин сдвинул локоть, заставляя молодого Луи выгибаться в его руках. — Или ты хочешь, чтобы я высосал его досуха? У тебя на глазах?

— Ну, чего вы ждете? — неожиданный пленник вновь попытался дернуться, но резкая боль мигом его отрезвила. — Убейте его! Сожгите! Подчините, сильванны вас зажуй!

— Стойте, подождите. Может, я ошибаюсь, но... — голос третьего пришельца, молчавшего до сих пор, показался промерзшему и злому, как архидемон, Алистеру смутно знакомым. Помогая себе палками, закутанный в меха маг-отступник подъехал ближе и, стянув скрывавший нижнюю часть лица шарф, поднял повыше меховую шапку. — Я видел тебя мельком и в темноте, а ты с той нашей единственной встречи отрастил бороду. Оттого я не сразу признал тебя. А ты признаешь меня, Страж?

— Йован! — от неожиданности Алистер вздрогнул, и молодого Луи в его руках скрючило от боли. Малефикара из подвала замка Редклиф он узнал тотчас же и сразу. Бросив взгляд на ничего не понимавшего старшего отступника с густым голосом, он, после короткого колебания, выпустил руку своего пленника. — Что, прах побери, ты делаешь здесь?

Глава 18

Глава 18

Несмотря на целительную магию, что в несколько долгих мгновений, пока беглый малефикар творил лечебное действие, вернула уже готовую было отлететь душу Лелианы обратно в тело, девушка так до конца и не пришла в себя. Завернутая в сухой и теплый плащ Йована, она сидела в седле, нахохлившись, и почти не обращая внимания на происходившее вокруг. Очевидно, опалившая морозным дыханием, близость смерти подействовала на нее удручающе. Зато Алистера и Винн, за которой съездил все тот же Йован, и которая с его

помощью сумела добраться до места быстрее по уже проложенной своими молодыми спутниками дороге, живо интересовало все то, на что им довелось смотреть. Потому что поселок, куда привели их отступники, был такой один из немногих, а быть может — и единственный во всем Ферелдене.

Место, всего на два холма в сторону юга отстоявшее от полыньи, что едва не поглотила жизни Алистера и Лелианы, поселком назвать все же было бы трудно. Широкая вырубка в плотных непроходимых зарослях больше напоминала обширное крестьянское хозяйство на десяток дворов. Отличие заключалось лишь в том, что быт здешних жителей был налажен не в пример ладнее и чище — словно магия помогала им в работе. Гости с одобрением разглядывали длинные дома из толстых бревен, два добротных хлева и несколько крепких загонов, в которых флегматично прохаживались коровы и козы. Нигде не было видно неизменно сопутствовавших людскому поселению мусора или нечистот. Единственная обширная площадь, вокруг которой стояли дома, была тщательно вычищена от снега до самой земли. Неизбежных куч сора у низких заборов здесь не лежало.

У самой границы поселка прокладывавшие дорогу отступники сняли бересту. На въезжавшую процессию из трех всадников, двое из которых носили доспехи храмовников, и двух груженных поклажей выючных лошадей, сбегались посмотреть все, кто могли бегать, или хотя бы просто таскать ноги. Проживавших в домах отступников оказалось неожиданно много. Должно быть, под каждой крышей обитало больше одной семьи. Немало было взрослых и стариков, но больше всего поразило гостей обилие детворы. Казалось, каждую взрослую замужнюю женщину окружало по три-четыре ребенка.

— Здесь дети не умирают от болезней, — заметив изумленные взгляды пришлых, почтительно пояснил Йован в сторону бывшей наставницы. — Целитель, пусть и не самый умелый, имеется под каждой крышей. Прокормить их непросто, но падежа скота у нас тоже нет — любой маг в состоянии излечить захворавшую тварь. А если... использовать малефикарум с умом, зверь сам бежит на ловца. У нас посева, там, дальше, в вырубках. С магией можно следить за орошением полей, отгонять вредителей, даже отводить град. Тут множество съедобных кореньев, некоторые очень вкусны в вареном виде, и способны пролежать в погребе всю зиму. Больше, кроме нас и грызунов, их копать некому, потому одну деревню прокормить они могут. Жить обособленно от поселений на севере трудно... но возможно.

— Вы совсем не встречаетесь с другими людьми? — Алистер опасливо оглядывался на молча и недоброжелательно глядевших на его нагрудник отступников. — Никогда?

— Мы изыскиваем и приводим к нам беглых магов и отступников, — оставшийся без плаща Йован кашлянул и погрозил пальцем юному магу, поднявшему руку с камнем, которым он целил в светлоголового Стража. — Торгуем с хасиндами и долийцами, правда, редко. Иногда, на праздники, выбираемся в ближайшие деревни на ярмарку. Но по одному, ну или не больше трех человек. Решаем между собой по жребию. Больше — опасно...

Идущий впереди синеглазый старший маг, звавшийся Ортесом, поднял руку, делая знак остановиться. Спешившись, гости подошли к поджидавшему их у дверей самого большого дома высокому, но худому мужу средних лет. В его облике не было ничего особо примечательного, кроме, разве что, того, что это был эльф. Длинные, хрящеватые уши, торчавшие из-под гривы седых волос, явно указывали на принадлежность к этой расе. Весь вид этого пожилого и довольно статного, для эльфа, мага, поневоле вызывал почтение.

— Здравствуй, Ортес, — худой эльф, должно быть, староста деревни, слегка склонил

голову. — Объясни мне, что видят мои глаза. Зачем ты притащил в деревню храмовников? И, во имя Создателя, если ты все ж их притащил, какого демона не на веревке?

— Прости, Вилфред, — синеглазый Ортес пожал широкими плечами. — Я сам не до конца понимаю. Но Йован утверждает, что это — не храмовники, а Серые Стражи. И с ними магиня, почтенная Винн. Йован знает ее по башне Круга.

Алистер шагнул вперед, сложив руки в жесте приветствия.

— День добрый, многоуважаемый Вилфред. Твой человек говорит правду. Я — Серый Страж. Пусть доспех не вводит тебя в заблуждение. Регент объявил Стражей вне закона, и мы вынуждены... пускаться на хитрость, чтобы нам не чинили препятствий заниматься нашим делом.

Вилфред скрестил руки на груди.

— Приветствую в нашей деревне, Страж, — он кивнул, отдавая дань уважения имени почитаемого Ордена. — Какие вести ты нам принес?

Алистер обернулся на обращенные на него взгляды. Несколько десятков людей, от малых, до самых старых, взирали на него со смесью недоброжелательности, изумления и любопытства. Мелькнула и утвердилась внезапная мысль — не просто людей, а магов. Магов, что не применяли Усмирения среди тех своих, кто рождался с даром, достаточно сильным, чтобы даже в одиночку расправиться, быть может, с небольшим отрядом порождений тьмы. А может, и с большим...

— На земли Ферелдена надвигается Пятый Мор, — он возвысил голос, стараясь, чтобы тот звучал громко, в меру скорбно и достаточно убедительно, чтобы каждый из стоявших вокруг магов прочувствовал всю серьезность и тяжесть сложившегося положения. — Ведет его пятый архидемон — проклятый Уртемиэль. Мы, Стражи, загодя дознались об этой угрозе и успели предупредить короля. Король Кайлан, да примет его Создатель, пытался бороться с тварями, и преуспел. Но, когда победа была близка, наш добрый король пал на поле боя. Убили его не твари — Кайлан был убит своим ближайшим другом и советником — тейрном Логейном. Я сам был при Остагаре, и видел это собственными глазами!

Он сделал паузу, чувствуя, как постепенно из недоверчивых и неблагоприятных, взгляды магов, в особенности тех, что помоложе, делаются изумленными и даже исполняются восхищения. В их глазах он был легендой — живой легендой, которой привыкли восторгаться все — знать и чернь, нищие и богачи, воины, церковники и короли. В его глазах они были людьми, встреча с которыми нежданно сулила подмогу тому делу, исполнение которого теперь было смыслом самого существования Ордена Серых Стражей. Чувствуя это, и действуя по наитию, Алистер говорил просто и с искренней горечью. И эта искренность чувствовалась каждым и оказывала наибольшее внушение на слушавших его магов.

— Все мы знаем тейрна Логейна, как героя и освободителя, — выждав, по его мнению, достаточно, чтобы запечатлеть в сердцах слушателей свой гнев и свою скорбь, продолжил сын Мэрика. — Но воистину Создатель покарал его безумием! Он предал своего короля и Серых Стражей и — бросил их на растерзание порождениям тьмы! Тейрн Логейн попросту бежал с поля битвы — битвы, в которой мы могли победить и остановить этот проклятый Мор! Но теперь король мертв, и мертвы все Стражи, а орда тварей все растет! Те из нас, кто уцелел, спешно собирают союзников для противостояния ей, так как Логейн скорее погубит страну, чем даст войска. Это, — он высоко поднял заранее приготовленный договор, который, сверкая золочеными магическими печатями, развернулся в его руке, — соглашение

с долийскими эльфами о предоставлении ими помощи Стражам в борьбе против порождений тьмы. Стражи зовут всех неравнодушных к судьбам нашей родины с тем, чтобы совместными усилиями выступить и переломить хребет Мору раньше, чем он сделает это с нами. Мор, — с радостью видя, что ему внимают, и внимают с волнением и страхом, Алистер вдохнул, чувствуя, что еще немного, и его голос, полный убедительности и благородного вдохновения, сорвется, испортив все дело, — должен быть остановлен здесь и теперь! Его нужно подавить в зародыше до того, как он распространится до самых берегов Недремлющего моря, покрывая весь Ферелден! Ибо, если это случится, наши земли будут напоминать иссушенные, разоренные и мертвые земли Андерфелса, где любая жизнь невозможна на омертвевшей от скверны почве! Стражи уже заручились поддержкой магов и храмовников Круга, — Алистер свернул договор, чувствуя непреодолимое желание как следует откашляться. — Но из-за несчастья, что стряслось с Кругом, он не может предоставить полноценной помощи, а той, что дает, недостаточно для победы. Потому Стражам нужен и важен каждый патриот, что встанет на защиту Ферелдена и всего Тедаса!

Зычный голос потомка Тейринов еще звенел в сухом морозном воздухе. Несмотря на множество обступивших площадь людей, вокруг было очень тихо. В этой тишине всхрапывания лошадей мнимых храмовников слышны были на другом конце деревни.

— Именно затем мы едем через Южные холмы, — как ни в чем не бывало, громко, но уже не так возвышенно, даже буднично, закончил сын Мэрика, и выражение его открытого и благородного лица было до невозможности честным. — Мой отряд разыскивает долийцев с тем, чтобы получить помощь от этого народа. Быть может, найдется кто из жителей доброго поселка с тем, чтобы он указал нам верную и скорую дорогу в Бресилянский лес?

Он уже открыто бросил еще несколько взглядов по сторонам. Маги взирали на него, как, должно быть, взирали рабы Империи на посланников Андрасте, возвещавших о начале великого похода против порабовавших их магистров — с почтением и некоторой долей благоговейного испуга. Запнувшись о расширенные глаза Лелианы, которая во время его речи вышла из состояния отстраненности, и теперь глядела на него со смесью безграничного изумления и восторга, Алистер посмотрел в другую сторону и, поймав прищуренный понимающий взгляд старой Винн, уверился, что все сделал правильно. Никто из его товарищей не справился бы лучше.

Староста кашлянул. Это словно послужило сигналом для остальных. Люди вокруг опомнились и загомонели, обсуждая услышанное. Вилфред покачал головой. Было видно, что, в отличие от большинства своих людей, он прекрасно понял, что только что сделал неожиданный и не самый желанный гость его селения.

— Ну, что же, Страж, — подняв руку и тем самым призвав своих людей к тишине, негромко и довольно мрачно проговорил он. — Приглашаю тебя и этих почтенных женщин в мой дом. Под крышей наши дела обсудить будет куда сподручнее.

Глава 19

Глава 19

— Все действительно так, как рассказал Страж?

— Все хуже, Вилфред, — Винн задумчиво грела огнем с ладоней железную кружку, не позволяя напитку остыть. Она и староста деревни магов сидели под навесом большого дома

эльфа, потягивая густой горячий навар из болотных ягод. Горевшие по обеим сторонам от скамьи жаровни грели воздух, не давая мерзнуть. Чуть поодаль, на площади за воротами, Алистер и заметно оживившаяся Лелиана собрали вокруг себя всех молодых магов деревни и почти всех детей, кроме грудных младенцев. Смотревшийся внушительно в доспехах храмовника Страж показывал заинтересованно и с восхищением взиравшим на него подросткам и юношам приемы боя с мечом и щитом, которые ему с готовностью доставили из деревенских запасов, время от времени пополнявшихся за счет исчезающих поблизости от Южных Холмов рыцарей Церкви. Временами он отвлекался на объяснения, или просто на то, чтобы перевести дух, и тогда эти промежутки заполняла собой Лелиана. Орлесианская бардесса, казалось, не делала ничего особенного, лишь о чем-то вдохновенно рассказывая стайкой окружавшим ее девушкам, но ее манера держаться, движения лица и тела, жесты и голос — все это оказывало завораживавшее действие на жителей деревни, как молодых, так и тех, кто постарше. В конце концов, когда Алистер утомился, присев на принесенную кем-то скамью, бывшая послушница устроилась рядом, и в руках ее появилась лютня. При первых звуках песни, полившейся под чарующую струнную мелодию, число слушавших и внимавших гостям резко увеличилось.

— Все хуже, — повторила Винн, проследив мрачный взгляд старосты, который он не отрывал от ее молодых спутников. — Я своими глазами видела битву при Остагаре. Тварей пришло столько, что за их проклятыми телами не было видно горизонта. Мы отбили две атаки, но третья снесла армию короля, как пыль. Даже если бы Логейн не предал Кайлана и не увел войска — я не думаю, что мы бы выиграли в тот, третий раз.

— Похоже на то, — угрюмо согласился старый эльф, щелчком поджигая не желавшее заниматься полено в левой жаровне. — Этой осенью тварей сделалось действительно много в здешних холмах. Мы едва успевали обороняться от их разрозненных отрядов. Я даже высылал разведчиков на поиски хода на Глубинные тропы, потому что был уверен, что где-то вскрылся такой древний лаз, и они приходят оттуда. Так, Мор, значит, — он покачал ушастой головой и, опершись на подлокотник скамейки, подпер щеку кулаком. — Создатель, ну отчего все так не складывается? Со дня основания нашей деревни не отошло еще и одного поколения. Я сам закладывал бревна для первого дома! После того, как... как мне и моей дочери удалось бежать сюда от преследовавших нас храмовников.

Винн отпила из кружки. Когда это действительно было нужно, она умела ждать. И в самом деле, помолчав, старый эльф заговорил вновь.

— Долгие годы, много долгих лет мы выживали, строили, отыскивали и с невероятными трудностями переправляли отверженных магов сюда, в нашу деревню. Нельзя описать словами тот демонов труд, и те лишения, которыми был отмечен наш путь. Только несколько последних лет дела, наконец, пошли на лад. Храмовники даже не подозревают о нашем существовании. Те, которые подозревали — давно мертвы. У нас — хорошие дома и обилие пищи. Хасиндские племена и долильцы согласились торговать с нами. Дети рождаются каждый год. Я думал... что сделал все, что мог для того, чтобы моя дочь, по воле судьбы родившаяся с даром магии, жила в покое и безопасности. И со спокойным сердцем могу предстать перед Создателем, когда придет мое время. А это время, увы, уже близко. И вот теперь — Мор.

Винн сняла стоявший над жаровней медный кувшин, и долила себе еще полкружки наvara.

— Демоны привели вас в мою деревню. Ты думаешь, я не вижу, что намеренно творят

эти двое, что пришли с тобой? И двух четвертин времени не пройдет, как весь молодняк заявится ко мне за разрешением уйти, чтобы примкнуть к армии Серых Стражей! И вести их будет моя собственная дочь, — проследив за взглядом старосты, Винн увидела в толпе молодую, необычайно высокую для ее народа эльфийку, крепкую и статную, одетую в светлый лисий полушубок, отороченный множеством свисавших мелких белых хвостов. Она стояла среди молодых магов, обступивших игравшую уже третью песню гостью деревни, и холодный зимний ветер теребил густые, темные волосы на ее непокрытой голове. — И что прикажешь мне делать, почтенная чародейка? Как мне удержать этих молодых безумцев от столь... столь опасного и необдуманного шага?

Старая магиня отставила кружку. Ее собеседник отвел взгляд от происходящего на площади, и теперь рассматривал собственные руки. Руки его были узловатыми и иссушенными, покрытыми старческими пятнами, с большими выпуклыми ногтями, характерной чертой магов, часто и неумно использовавших комбинированные заклятия силы природы и стихий.

— Если ты запретишь им идти за Стражами и даже если они, из почтения, послушают тебя, — Винн говорила спокойно и с достоинством, как делала это всегда. — В случае поражения в битве с архидемоном, твоей деревне все равно не устоять, когда здесь камню будет не упасть от этих тварей. Но, пусть, ты отстоишь свою деревню, или спрячешь ее так, что ни одно порождение тьмы вас не почувет. От тварей спрятаться можно. От скверны — нет. Твои люди... и эльфы заболеют и будут умирать в муках — один за одним...

Эльф не ответил. Он продолжал глядеть на свои руки и молчал. Винн понимающе кивнула.

— Знаю, каково, когда это происходит так неожиданно и резко. Когда Стражи пришли в башню Круга, она кишела демонами и одержимыми. Я, и еще несколько магов и храмовников укрылись в одной из комнат, по очереди поддерживая защитный барьер и молясь Создателю о наших душах, потому что были уверены, что каждый прожитый час мог сделаться последним. Со мной было несколько детей. Все, чего хотелось мне — защитить их. Защитить любой ценой.

Магиня непритворно вздохнула.

— А потом... явились они. Эти мальчишки. И с порога заявили о том, что даруют Кругу... тому, что от него осталось, спасение в обмен на помощь против Мора. Так они сказали, или как-то иначе, но тогда я услышала именно это. Я смотрела в лицо их Командора, который пришел за магами для своей армии, и которого интересовало только то, что мы могли ему дать. А за моей спиной в испуге дрожали дети. Я... была очень зла тогда. Чудом мне удалось справиться с собой и не показать этого.

Староста поднял голову.

— Стражи действительно спасли Круг. Была тяжелая битва. И вот, когда после боя они попались мне на глаза — стоящие рядом, плечом к плечу, израненные и взъерошенные, внезапно я прозрела, Вилфред. Ведь надвигается конец. Страшный конец, конец всему. И заступают ему путь не мудрые мужи и не могучие воины. Мальчишки. Три неопытных, неискушенных мальчишки, у которых нет ничего, кроме скверны в крови и их священного долга, за исполнение которого они теперь объявлены вне закона. И, хотя я стара, и свой конец жду со дня на день, я не смогла отказать им в помощи. Ведь не для себя же они ее испрашивают, эльф. Стараются они для всех нас. Для всех. Помогая им, мы помогаем себе. Детям, и внукам...

Песня, что лилась над деревней, смолкла. На площади вновь заговорили — на этот раз куда громче и возбужденнее. Толпа сельчан приумолкала только, когда слышался голос Алистера или Лелианы — и вновь раздражалась шумом и спорами о чем-то, казалось, очень важном. Прислушавшись, можно было разобрать, что одни маги в чем-то убеждали других, а те, в свою очередь, отстаивали противное мнение. Вилфред кивнул на эльфийку, потеснившую гостей, и с ногами забравшуюся на скамью, и горько хмыкнул.

— Нерия. Дочь. Если она взяла слово — она убедит кого угодно в чем угодно. Вопрос только — о чем же она говорит теперь?

Действительно, вид остроухой девушки был вдохновенным. Тяжелые пряди волос трепало на ветру, речь ее звучала убежденно. Староста вздел глаза к небу.

— Пора брать ситуацию в свои руки, — пояснил он поднявшей брови гостье.

Вилфред встал, и с достоинством направился в сторону молодых гостей. Толпа почтительно расступалась перед ним. Заметив приближение отца, эльфийка Нерия умолкла и спрыгнула с лавки. Вид ее был смущенным и вызывающим одновременно.

— Друзья мои, — не стал ходить вокруг да около староста. Впрочем, и так всем было понятно, о чем собирался говорить старый эльф. — Стражи принесли нам тревожную весть. Проснулся древний дракон, имя которому — Уртемиэль. Дракон, что был проклят самим Создателем! И пока он не будет убит, слуги его не оставят в покое ни нас, ни кого из живущих под солнцем Тедаса! Я говорю верно, Страж?

Алистер, к которому был обращен этот вопрос, дернулся, моргнув.

— Да, это верно. Мы как раз говорили об этом...

— Посему, наш долг, как и всех сущих в мире, помочь защитникам побороть проклятого дракона. Пусть мы отступники, — не дослушав Стража, эльф продолжил говорить, поводя вокруг себя большими раскосыми глазами, — но это по людским суждениям. В глазах Создателя мы все равны! Сами Стражи теперь вне закона, это ли не подтверждает истинность моих слов! А потому помочь им — наш долг, перед ними, нашей землей, и самими нами.

Лелиана и Алистер переглянулись, и в глазах бардессы мелькнуло торжество.

— Страж, — староста Вилфред обернулся к поднявшемуся со скамьи сыну Мэрика. — Не ведаю, удастся ли тебе получить помощи долийцев. Они с большой неохотой встречаются с теми, кто не из их кланов. Но когда придет надобность — маги этой деревни присоединятся к твоей армии.

Слова благодарности Алистера утонули в восторженных и одобрительных выкриках молодых чародеев. Эльф слушал их молча, с понимающей горькой улыбкой на губах, которую не сумел сдержать. Во что выльется его деревне поддержка Стражей, он представлял себе лучше всех прочих своих односельчан.

Глава 20

Глава 20

Протяжное время, душное и тяжелое, не бежало, и не тянулось — оно застыло в неизменном стоячем одуряющем мареве. В этом мареве, словно царстве сна и тени, было лишь единое нечто, не дававшее погрузиться окончательно в пучину наведенного тупого равнодушия, и державшее в сознании — это нечто было раздражающим, выматывающим

естество и саму душу детским плачем. Казалось, весь мир состоял из вечной зыбкой пелены и вечного плача, и это было единственным, что всегда составляло суть его существования. Это, да еще боль в сведенных судорогой мышцах рук, на которых копошилось, извивалось и норовило выскользнуть это самое, заходившееся криками нечто, которое он, во избежание уронить, крепко прижимал к себе, покачиваясь всем телом и непрерывно бормоча что-то, смысл чего утратил и забыл целую вечность назад.

— Баю-баюшки баю, плакать прекрати, молю, а то демоны придут — нас с тобою тут найдут...

Реальность кренилась и плыла, и в этом крене даже боль в затекшем, словно окаменелом теле делалась все глуше и тупее. Появившееся ощущение облегчения и полета лишь совсем немного приостановил какой-то глухой стук и еще несколько стуков — потише. Внезапно, реальность дернулась, и еще, несколько проясняясь. Следующее прояснение сделалось ощущаемым из-за еще одного звука — вне всякого сомнения, это был голос. Голос, другой чем... чем незамеченные в полете прекратившиеся копошения и плач.

— Сын! Вставай! Тебе нельзя сейчас спать! Ты слышишь?

Кто-то встряхнул за плечо — раз, другой. Он с трудом поднял тяжелую, как горы, голову — и уперся взглядом в нечто темное и бесформенное. Бесформенное склонилось — и руки его внезапно делаются свободными, а голова — безмерно легкой и пустой. Беспредельное чувство счастливого полета прервалось ударом обо что-то твердое — быть может, даже пол. На некоторое время безмерное исчезло из поля зрения, но потом появилось вновь, и снова резкий рывок не дает соскользнуть в пучину тихого и темного счастья.

— Вставай, я сказал! Хочешь притащить мне демона на хвосте?

Крепкие руки подхватывают его подмышки, вздергивая на ноги. Реальность вновь делается душной и вязкой. Но в ней появилось понимание. Бесформенное — кажется, отец, и это он забрал из рук укачанную сестру. Он успел вернуться вовремя, чтобы не дать уснуть — уснуть с тем, чтобы никогда не проснуться. Не в этом мире. Заснуть, как люди, и не бояться проснуться — это не к нему. Только не с этим проклятием. Он не забыл. Он никогда не забывает. Просто иногда сны и Тень оказываются сильнее.

— Я принес меду и болиголова. Выпьешь отвар, и этой ночью посторожу, а ты поспишь. Точно. Но не теперь. Пойдем, умоешься. До ночи далеко.

Реальность опять уплывает куда-то в сторону, но усилием неизвестно откуда оставшихся сил он, пошатываясь и едва переставляя заплетающиеся ноги, идет, стараясь не выпускать из виду широкую спину бесформенного пятна. Сменяющий душное марево стылый ветер на какое-то время делает голову почти ясной, и даже зрение почти возвращается. Но, кроме того — ничего больше. Тело по-прежнему словно налито свинцом, а натруженные многочасовым укачиванием младенца руки не в силах поднять и кружки с водой.

— Э! Я тоже с удовольствием завалился бы в койку! Не спать, сказал!

Что-то с болью ударяет в лицо. Кажется, ему швырнули длинный шест, что он, конечно, пропустил, из-за чего и получил по лбу. Ватные пальцы с трудом сжимаются на гладком дереве, а веки по-прежнему вовсе отказываются не опускаться, заставляя пропускать новый удар. Как будто бы, уже направленный.

— Защищайся!

Удар. Еще, и еще. Каждое место прикосновения шеста вспыхивает налитой и внезапно очень яркой болью. Но, несмотря на все усилия, руки не справляются даже поднять свой шест, не то, чтобы орудовать им.

— Й...а... н...могу!

Удары прекращаются. Бесформенное уже многоцветное пятно надвигается и превращается в исхудалого издерганного мужчину, чьи перехваченные на затылке темные волосы выбиваются из-под повязки, создавая отчего-то не неряшливый, а беспокойный и крайне утомлённый вид. Красивое сухое лицо, на котором все больше выступает орлиный нос, покрыто грязью, а запавшие черные глаза смотрят с раздражением и болью. Отчего-то кажется, что пройдет день, два, год, и десяток годов, но этот образ останется в памяти навечно, и это так нелепо, что хочется иссушливо и бессмысленно смеяться — ведь, несмотря на все потуги отца, он обречен, и впереди — не год, и не десять, а, быть может, не больше нескольких десятков дней...

Лицо отодвигается, и отец вновь превращается в бесформенное пятно. Новый удар обжигает плечо.

— Не можешь? Валяй, ложись прямо тут, и спи. Тебя унесет в Тень, глаз сомкнуть не успеешь. А там — будет так же. И что ты скажешь демонам, которые почувствуют тебя там? Как ты будешь обороняться, если уже здесь не можешь? Они будут тебя мучить, ты уже знаешь это. Вечность! И что? Что ты сделаешь? Будешь просить? Умолять их будешь? Заплачешь? Предложишь откупиться от мучений своим телом? Душой? Они и так возьмут твои тело и душу, и тебя не спросят! Сопляк!

Слова отца падают отрывисто и резко. Кажется, у него даже заплетается язык — отец, в отличие от него, не спал гораздо дольше. Судя по движению впереди, он снова поднимает палку — и Дайлен, сделав над собой нечеловеческое усилие, поднимает свою.

Где-то вдалеке, должно быть, в оставленном доме, слышится детский плач. Отец мотает головой, точно у него занули зубы. Дайлен издает протяжный, громкий стон.

— Ладно, — в голосе отца — обреченная усталость. — Пойду я. Нельзя оставлять ее одну. Вдруг она... как ты. Иди, подои коз. Может, голодна.

Реальность, почти обретшая четкость, вновь подергивается дымкой, и все стремится завалиться куда-то вбок, пока он, захватив что-то с собой, идет в загон, к блеющим тварям. Мелкие сосцы не даются, ускользают из болющих каждым сочленением пальцев. Чувствуя нетвёрдую руку, козы подергивают ногами, перебегая с места на место. Наконец, каким-то чудом дело сделано, и Дайлен, обеими руками приподняв тяжелый кувшин с молоком, как может скорее спешит обратно.

Отец стоит на пороге. Сверток в его руках уже не плачет — противно ноет, сучит торчащими из вороха несвежих простыней кривыми ножками с розовыми пятками. Отец нетерпеливо подергивает зажатой между пальцев стеклянной бутылкой со свисающим с нее примотанным сосцом из мытой бараньей требухи.

— Ну, скоро?

Дайлен послушно ускоряет шаг. Но коварную выбоину на дороге, которую всегда обходит в трезвой памяти, в плывущем мареве не замечает вовсе. Нога подламывается, и полупьяный от бессонницы, он падает на землю, расплескивая драгоценное молоко.

— Ну что ты за косорукая бестолочь! — отец опять срывается на крик. Сверток в его руках вздрагивает и раздражается громким плачем. — На что ты вообще годеи? Никакого толка от тебя! Никакого толка!

Голос, всегда бывший низким и властным, делается все выше и как-то странно дребезжит. На несколько тягучих мгновений отец, заходящаяся у него на руках сестра и мир вокруг опять делаются расплывчатыми, едва различимыми. И вдруг ослепительно

вспыхивают, ударив по глазам невысказанно ярким светом.

— Толку от тебя никакого! — в сильнейшем раздражении, даже ярости, повторил чей-то молодой, но дребезжащий голос. — Я посчитал тебя подарком судьбы, а ты оказался настоящим гнильем!

Авернус отвернулся от своего никчемного подопытного и в сильном волнении заходил по комнате. Он и раньше замечал признаки повышенной чувствительности к воздействию скверны у объекта его исследования, но, по недопустимому небрежению, принимал их за особенности ее восприятия именно этим телом, игнорируя тревожные знаки, и продолжая опыты в обычном режиме. И теперь он поплатился за это. Свидетельством тому были многочисленные области поражения скверной кожных покровов, проникавшие глубоко в ткани, и видоизменявшие их изнутри, деформация скелета конечностей, и свойственная большинству получивших иммунитет от скверны почти полная потеря интеллекта.

Ранее, в процессе экспериментов, подопытный кричал и так скверно и забавно ругался, сопровождая свои проклятия замысловатыми угрозами и настолько интересными предположениями о происхождении своего мучителя, его родителей, дедов и прадедов, что отвыкший от человеческого общения Авернус ни разу не заткнул ему рта, наслаждаясь плодами чужой и очень яркой фантазии. Теперь же пораженная скверной тварь, в которую превратился пойманный всего неделю назад молодой Страж, не говорила ничего, по-видимому, окончательно и бесповоротно утратив навыки речи, и только рычала и выла, разбрызгивая слюну, при любых попытках Авернуса продолжить опыты.

Впрочем, особого смысла в их продолжении не было. При нормальном течении эксперимента здоровый и крепкий Страж возраста подопытного должен был без вреда для себя достигнуть третьей стадии преобразования скверной и, после проведения ряда укрепляющих мероприятий, готовиться к дальнейшему воплощению. Авернус проделывал это с подопытными такое количество раз, что ошибиться в чем-то было невозможно. Исключение могли составить случаи проведения процедуры над пожилыми Стражами, теми, кто носил в себе скверну не один десяток лет, и, вследствие чего, в чьих организмах из-за понижения сопротивляемости к повреждениям, преобразования шли бы совсем другим, губительным путем, не видоизменяя скверну, а способствуя усилению ее свойств. Но, еще до начала практических исследований, его подопытному на вид было не больше двадцати зим, что позволило взяться за дело с чистым сердцем и непоколебимой уверенностью в успехе. В то время как тело юноши восприняло преобразование так, словно на деле ему было больше сорока. Прошел ли он Посвящение ребенком? Был ли рожден женщиной из Стражей, получив скверну еще в утробе, или его тело было попросту восприимчивее прочих к болезням? Огорченный провалом и такой быстрой порчей подопытного материала, Авернус готов был рассматривать любые, самые нелепые версии произошедшего, во избежание повторения таких ошибок в будущем. Однако пока что настоящее, непрерывно тряся головой и подвывая, щерилось в пол оскаленными зубами, а исследователь по-прежнему ни на шаг не продвинулся в своих опытах, да еще получил на руки свежего, и абсолютно безумного вурдалака, как назывались те, кто смог пережить поражение скверной, но при том навсегда утратил разум и человеческий облик.

— Ну, и что мне с тобой теперь делать, скотина? — вслух подумал Авернус, прервав стремительное хождение из угла в угол, и вперившись раздраженным взглядом в бесполезный кусок почерневшего мяса, еще живого, но, увы, уже бездушного.

Вурдалак поднял некогда красивое лицо и издал ворчащее рычание. Авернус еще днем

ранее освободил его от кольца под горлом, иначе безмозглая тварь попросту бы задушилась под тяжестью собственной башки. Теперь хозяину крепости Стражей думалось уже о том, стоило ли провести серию дополнительных исследований, или необходимо было, во избежание дальнейшей трансформации, поскорее взяться за вскрытие и утилизацию бракованного объекта.

— Демонова пожива, — старик едва удержался, чтобы не швырнуть в подопытного первым, что попало под руку. — Отчего ты так меня подвел? Ты же на вид был таким крепким! Таким здоровым! А по ходу эксперимента можно подумать, ты специально неделями принимал ванны из скверны, уменьшая отведенное тебе время!

Его горькие слова и невеселые размышления прервали тяжелые, гулкие шаги. Грохнувшая дверь впустила в комнату высокую, коротко стриженную темноволосую женщину, мертвое лицо которой было изъедено скверной так, что черных пятен на нем было куда больше, чем участков нетронутой кожи. Женщина была одета в очень давно нечищенный, тусклый доспех, на котором, однако, не было ни крупицы ржавчины. Авернус бросил на нее вопросительный взгляд, опираясь задом о стол и скрепя руки на груди.

— Ну? — нетерпеливо поинтересовался он. — Что? Нашла что-то?

Женщина дернула головой, словно могла ее уронить. Ее голос был глухим и низким, на женский не похожим вовсе.

— Вот эта... добралась до самой дороги. Большой дороги. Вот эта проверила все вокруг. Бродила три дня. Потом еще три. Вот эта не нашла... не нашла следов тех, что... — не договорив, она мотнула на поднявшего лицо вурдалака. — Что несут в себе. Никого. Но.

— Что — но? — хмуро поторопил Авернус. Он не надеялся на такую удачу — поймать еще хотя бы одного Стража, быть может, бывшего с его подопытным в одном отряде, но, в свете полного провала исследований, донесения о неудаче рассердили его, отобрав последнюю, хоть и зыбкую, надежду. — Что там еще?

— Вот эта нашла... увидела... других. Которые не несут. Но живых. На большой дороге. Вот этой... было интересно. Вот эта принесла... живых... сюда. Но они... больше не живые. Вот эта просит хозяина починить их. Чтобы жили опять.

Старый маг выпрямился, на несколько мгновений позабыв о своем гневе.

— Ты что сделала, безмозглая курица? Я не велел тебе никого трогать! Никого, кроме Стражей!

— Вот эта хочет показать хозяину. Там, внизу...

Авернус в сердцах сплюнул на пол и стремительно вышел вслед за своей бестолковой помощницей.

Вурдалак вздрогнул от громкого звука хлопнувшей двери и медленно повернул тяжелую голову в ту сторону. Постояв некоторое время, так же медленно поднял глаза вверх, на свои искореженные скверной, перекрученные запястья, покрытые язвами из-за трения о кандалы наручи. В его лице неспешно, словно вода в стоячем болоте, бродила какая-то мысль. Так, видимо, и не сумев ее поймать, он раздраженно гуркнул и, вдавив его в железное основание наруча, медленно и с видимым наслаждением, с хрустом сломал большой палец на правой руке.

Глава 21

— Тьма тебя забери, демон! Зачем ты это сделала?

Если раньше, в лаборатории, им владело раздражение, то теперь Авернус был вне себя от ярости. Демон, которую он по крайней необходимости отправил на розыски возможных спутников своего молодого пленника, нарушив его запрет, притащила в крепость свежие трупы двух крестьян — и ногу лошади. Крестьяне выглядели так, словно попали под нож обезумевшего мясника. Скотья нога тоже была вырвана с мясом. Демон бестолково топталась рядом, шумно сопя и погмыкивая. Пытаясь успокоиться, Авернус глубоко вдохнул.

— Зачем? — повторил он тише. Демон дернула рукой в сторону тел.

— Вот этой было интересно. Хозяин никуда не отпускает вот эту. Вот эта впервые увидела смертных, других, чем хозяин. Вот эта подошла ближе. Но они...

— Ладно, — Авернус мысленно махнул рукой. В конце концов, немалая доля вины за случившееся лежала на нем самом. Раньше он никогда не отпускал своего ручного демона дальше двора крепости. — Иди к себе. Я позову, когда понадобится.

Он простер руки над телами. С его сморщенных ладоней сошла мощная струя огня, в единый миг поглотившая несчастных мертвецов. Когда он закончил, в горелых пятнах на полу оставались лишь неровные кучки праха. Под взглядом Авернуса, ставни близкого окна распахнулись, и стылый ветер вынес этот мусор прочь.

Однако, обернувшись, старый маг обнаружил, что демон не ушла, а по-прежнему стоит напротив него с написанной на лице тупой нерешительностью. Неповиновение со стороны заключенной внутри смертного тела сущности Тени было доселе явлением до того неслыханным, что в первый миг Авернус опешил.

— Что еще? — недовольно спросил он, чувствуя, что день определенно не задался. — Я же велел тебе уйти.

Демон переступила с ноги на ногу. Было видно, что многолетнее заключение в пораженном скверное теле не прошло бесследно даже для нее — ясно и осмысленно выражать мысли стоило ей большого труда.

— Хозяин пусть послушает вот эту. Вот этой плохо сидеть в крепости столько лет. Вот эта покинула крепость, посмотрела мир и смертных. Вот этой интересно. Очень интересно. Столько новых, соблазнительных мест! Вот эта желает увидеть много, много больше. Хозяин должен отпустить вот эту.

Авернус хмыкнул, качнув головой.

— Я догадывался, что когда-нибудь ты потребуешь этого от меня. Неблагодарная! Знаешь, скольких усилий стоило мне обработать это тело, чтобы оно не разлагалось? Я выбрал для тебя лучшее, тело самой Страж-Командора Софии Драйден, восставшей в мое время против короля Арланда. Ты должна гордиться тем, что тесно привязана к одной из величайших человеческих героев, чье имя оставило след в истории Ферелдена!

Демон моргнула.

— Вот эта просит хозяина отпустить, — повторила она, словно не услышав последних слов старого мага. — Вот эта обещает не докучать больше смертным. Раньше вот эта не знала. Мир смертных прекрасен. Вот эта желает принять и разделить эту красоту.

Авернус тяжело вздохнул. Нельзя было бы сказать, что от призванного когда-то демона Тени было много прока, но за время добровольного затворничества он успел к ней привыкнуть. Кое-как, но она скрашивала его одиночество. Расставаться со своим домашним питомцем после стольких лет было откровенно жаль.

— Не следовало отпускать тебя за ворота, — с искренней подавленностью проговорил старый маг. Ему не хотелось делать того, что он собирался. Но вышедший из повиновения и почуявший волю демон не мог больше быть полноценным помощником. — Придется вернуть обратно в Тень.

Он поднял руку. Демон в ответ подняла свои, отступив на шаг.

— Не надо! Вот эта просит прощения! Вот эта не будет больше...

Тело женщины, бывшей некогда Софией Драйден, скрутило в корчах. Колени демона подломились, и она, хрипя, упала на пол. Воздух в комнате сгустился, разрываясь короткими молниями. Авернус медленно отвел руку от руки — и реальность, корежась, поползла за его сухой ладонью.

— Нееет! Только не в Тень! Только не за Завесу! Хозяин..!

По-видимому, близость изгнания придала демону сил. Извернувшись, она вскочила на ноги и с обеих рук запустила в старого мага клубами рассеянного огня. Авернус без труда отклонил направленное на него заклятие, но для этого ему пришлось прекратить поднимать Завесу, и края ее сомкнулись.

Воспользовавшись тем, что мощь Тени уменьшилась, и уже не засасывала ее с такой силой, демон выхватила меч и бросилась вперед.

— Пусть хозяин умрет! Вот эта не отправится в Тень одна. Она заберет с собой его душу!

Авернус вновь вскинул руку. Тело Командора Софии Драйден отбросило к стене направленным заклятием из высшей магии крови. Потом еще, и еще. Взбешенный маг швырял посмевшегося поднять на него руку низшего демона о стены и пол комнаты, без труда уворачиваясь от огненных заклятий, что полуголушенная демон пыталась бросать в него, даже не делая попыток их отклонить. Потуги демона навредить своему бывшему хозяину не имели успеха, и, вероятно, не были для него сколько-нибудь опасны.

Увлеченный расправой, Авернус не услышал раздавшихся позади едва различимых шлепков по полу. Короткий свист за спиной утонул в реве пламени, взблесках молний и взрывах крови, которыми он осыпал полуживую, но еще сопротивляющуюся демона, а в следующий миг в его груди, от спины к ребрам, словно бы пахнуло холодком.

Невозможная, режущая боль пришла мгновением позже. Уже падая, Авернус успел обернуться, и с силой швырнуть направленным конусом холода в сумевшего подобраться к нему так близко, но еще неведомого врага. Перед его тускнеющим взором мелькнуло перекошенное животной злобой и скверной лицо с оскаленными зубами, и, увернувшись, немислимым образом сбежавший подопытный вновь обрушил на своего мучителя уже умытый его кровью клинок. Меч он держал двумя руками и так, словно у него были сломаны все пальцы.

Старый маг вскрикнул, и тут же захрипел, когда покинувший его тело меч вонзился снова — в горло. Насевший подопытный в тупой ярости еще несколько раз всадил меч в сморщенную шею старика, почти откромсав голову от туловища. Потом скатился с распростертого трупа, размазывая кровь по лицу. И — замер, на четвереньках, тяжело дыша. Мешаясь с кровью, с его кривящихся губ слетала тягучая слюна.

Лежавшее у стены тело шевельнулось. Вурдалак медленно повернул голову туда. Избитая и обожженная демон попыталась приподняться на локтях. Она бросила взгляд на мертвого хозяина, и на лице ее появилось выражение радостного удовлетворения.

— Ты убил его! Убил старого Авернуса и освободил... вот эту. Вот эта благодарит тебя!

Я...

Вурдалак издал рычание, перешедшее в громкий рев, и стремительно кинулся вперед. Меч он бросил у тела мага. Налетев на скованного оскверненной плотью демона, он вцепился скрюченными пальцами в ее глотку и зубами вырвал кусок мяса из горла. Демон визжаще взвыл, вызывая огонь на рвущую ее голыми руками и зубами тварь, но после поединка с магом, сил у нее оставалось немного. Разорвав хрипящее горло, вурдалак метнулся к оставленному мечу и, звеня по полу, притащил к подергивавшемуся демону. Обеими руками приподняв за рукоять, подопытный Авернуса что было силы всадил измаранный в крови клинок в изъеденный скверной лоб бывшей Командора.

На миг тело демона выгнулось — и обмякло. Вурдалак выпрямился, присев на пятки. Он тяжело и хрипло дышал, уже не вытирая потоков спеченной скверны, крови и плотских соков, в которых были вымазаны его лицо, грудь и руки. Потом медленно поднялся и, спотыкаясь, пошел прочь, шатаясь и придерживаясь за стены.

Реальность смазывалась перед глазами, то вытягиваясь, словно слюна, то сжимаясь до едва заметной точки. Ноги несли его — куда, он не знал, и думать об этом было гораздо тяжелее, чем идти. Он и так очень много думал в последнее время, и это отнимало все внимание и выпивало силы. Поэтому, он просто шел — он точно помнил, что ему нужно куда-то идти, и это — очень важно для чего-то. Для чего-то...

Комната, в которую он пришел, оказалась последней — дальше идти было попросту некуда. Однако ощущение, что он не дошел, и идти по-прежнему нужно, все равно не давало покоя, беспощадно мучая его и без того истерзанное сознание. Истерзанное чем? Он не помнил. Он ничего не помнил, кроме того, что нужно идти, и что если он не дойдет, случится что-то очень, очень страшное. Страшнее чем то, что только что произошло где-то там, позади, за пределами этой комнаты.

Тяжесть, давившая куда-то и чему-то мешавшая, усугублялась сильной болью во всем теле, и в особенности — в руках и зубах. Подняв руки так, чтобы их видеть, он тоскливо завыл — кто-то перекрутил его кисти, заставив их потемнеть, и зачем-то сломал почти все пальцы, скрюченные и черные.

Нужно было еще посмотреть рот. Оглядевшись, он увидел у стены круглое и блестящее так, что в нем можно было бы даже немного увидеть отражение. С трудом, он поднял это перед собой и, в лившемся из окна тусклом зимнем свете, взгляделся в то, что показала ему круглая поверхность.

Щит со звяком упал на пол. Вурдалак замычал, прижимая стиснутые черные кулаки ко лбу. Боль навалилась с новой силой, но теперь в этой боли было что-то еще. Что-то, что не давало покоя больше, чем предыдущее чувство невыполненного долга. Это что-то было сильнее, много сильнее, чем его почти погасшее сознание, оно могучим потоком вливалось в измененное тело, вытесняя остатки разума, заменяя его собой. Подопытный чувствовал, что его неудержимо влечет куда-то, влечет ласково и сладко, упорно и неизмеримо властно. Этот зов был сильнее, чем что-либо, когда-то слышанное им, сильнее всего на свете... Зов?

Зарывав испуганно и яростно, он пнул лежавший перед ним щит, ушиб пальцы и разозлился еще больше. В ярости сбросил стоящие у стены изъеденные ржавчиной доспехи, опрокинул полку, ссыпав на пол что-то мелкое и бряцавшее, и, не найдя больше ничего, на чем можно было бы выместить свои бешенство и страх, бросился к стоявшему у дальней стены столу, на котором лежал чей-то походный мешок.

Тесемки поддались неожиданно легко, и от удара о стену отброшенный мешок вывалил

сразу половину разлетевшихся по комнате вещей. Подвывая, вурдалак вцепился в него, желая разметать остальное, и вдруг запнулся взглядом о едва приметный в истоптанной пыли крученный многоцветный шнурок.

Он вновь вцепился в голову, едва не оборвав истонченные почерневшие уши. Зов, то, что только что заполняло все его естество, заставляя яриться в невозможном бессилии, не пропал, но притих, затаившись на задворках сознания. В нечеловеческом усилии выдернув из небытия часть остававшегося ему соображения, он подхватил с пола шнурок и, зажав его в кулаке, выбежал вон, торопясь добраться, куда нужно, раньше, чем пелена безмыслия вновь накроет его — на сей раз окончательно.

Перед глазами вновь мелькали комнаты, коридоры и переходы, лестницы и деревянные двери. Он торопился. И он успел. Лаборатория Авернуса встретила его запахами реагентов, огня и — едва заметно — крови. Кинувшись к столу, он на некоторое время застыл, подергивая головой, и борясь со стремлением, рыча, разметать все, что на нем стояло. Отступивший было Зов надвинулся снова, путая понимание, отзывая, отвлекая, требуя двинуться прочь, прочь от спасительного стола, прочь из этой комнаты, из крепости... куда? Зачем? К кому?

Рыкнув, вурдалак дернул руками, сбросив часть колб и кувшинов на пол. На несколько мгновений они вспыхнули, окутав его удушающим дымом. Отпрянув, он стукнулся спиной о грубо сколоченный деревянный шкаф. И, обернувшись, внезапно вспомнил.

Кусая то, что оставалось от его губ, он медленно, почти бережно отворил скрипучую дверцу. В шкафу стояло множество склянок, заполненных на вид одинаковой жидкостью. Скрученная, почерневшая культия приняла в переломанные пальцы одну из них, и вдруг не удержала, выронив с плеском и звоном. Вурдалак прикрыл глаза. Потом потянулся вновь — обеими руками. Вытащив склянку, донес до скамьи, и присел, уместив ее на коленях. Затем, придерживая, вытащил пробку зубами и, поднеся узкое горлышко ко рту, сделал большой глоток. Подождал, и сделал еще один.

Возникшие из неоткуда тысячи крюков вцепились в его многострадальную плоть, разрывая ее снаружи и — внутри, давя внутренности, разрывая требуху. Хрипяще взвыв, вурдалак вскочил на ноги для того, чтобы тут же согнуться в поясе, прижимая руки к животу с такой силой, точно желая выскрести себе нутро. Ему казалось, точно с него медленно, растягивая страдание, стаскивали, подцепив за крючья, его постылую почерневшую шкуру.

Еще миг спустя время его вышло, и пропавшее сознание накрыла чернота.

Глава 22

Глава 22

Дайлен пришел в себя лежащим на полу в той самой страшной лаборатории, где его много дней подряд пытал долгоживущий полоумный старик. Руки были свободны, мучившее его кольцо под горлом исчезло, и впервые за долгое время колени не кричали о пощаде. Вопреки устоявшимся за последние дни ощущениям, у него ничего не болело, кроме неестественно вывернутых больших пальцев обеих рук, по виду которых Дайлен догадался, что они сломаны. Старика нигде не было видно, а сама комната выглядела так, словно пьяный в ней искал еще бутылку.

Вправлять он умел. Это было то небольшое, чему удалось научиться на занятиях от

отличавшейся долготерпением Винн. Справившись с этим малоприятным делом, и убедившись, что кости были не сломаны, а просто вывихнуты из суставов, Амелл заметно воспрянул духом. Приподнявшись, он подцепил с пола отчего-то валявшийся тут же шнурок Кейтлин, и одел обратно на шею. Под пальцы попался металл, и Страж досадливо поморщился — ошейник Авернуса оставался по-прежнему на месте. Попытка на всякий случай вызвать простое колебание воздуха ожидаемо провалилась вместе с робкой надеждой на возвращение его магического дара.

Коротко вздохнув, он выпрямился и, не выдержав, потянулся, как после сна, разминая затекшее от долгого лежания на жестком полу тело. Его лицо и руки были вымазаны в какой-то засохшей дряни, настолько противной на вид и запах, что Дайлена замутило, что усиливалось неприятным послевкусием чего-то во рту. Однако, следов пыток, или каких-либо других увечий, он на себе не обнаружил. Молодой Страж помнил, что под воздействием опытов Авернуса, тело постепенно покрывалось язвами, ожогами, порезами, и коричнево-черными пятнами скверны. Но, если они и были, то все пропали. Его кожа была такой же чистой, как до начала знакомства с проклятым стариком. Похоже было даже, что еще чище.

В лаборатории не было холодно, но знакомый камин погас, и тепло постепенно уходило из комнаты. Оглядевшись, Дайлен добыл укрывавшую второй свободный стол простыню и, завернувшись в нее, крадучись подошел к приоткрытой двери, и выглянул в коридор. Вокруг по-прежнему было тихо. Дайлен в последний раз обернулся на разгромленную лабораторию, заметил валявшуюся у лавки Авернуса полупустую склянку с его демоновым зельем, появившимся из мучений десятков Серых Стражей, мотнул головой и выскользнул наружу.

Сразу сделалось заметно холоднее. Кутаясь в простыню и переступая босыми ногами по стылому каменному полу, Дайлен, одну за другой, обошел все комнаты, благо, на втором этаже их было не так много, и спустился на первый. Перепрыгнув через кое-как прикрытую досками дыру перед лестницей, он заглянул в кладовую, выглядевшую так, словно в ней тоже происходила добрая драка, и нашел почти все свои вещи — отчего-то раскиданными по полу, вперемешку с какими-то железными цацками и частями от старых ржавых лат. Смутно припомнилось, что как будто бы при его первом посещении комнаты этих лат в ней он не видел. Пошарив по стоявшим тут же шкафам, Дайлен обнаружил свои одежду и доспех, что в немалой степени его порадовало.

Тем не менее, дело еще не было закончено. Амелл покинул комнату очень быстро, даже не став одеваться, лишь вооружившись ножом. Отчего-то его меча нигде не было видно, и это огорчало. Меч — работы тех же гномов, средней длины и весом в точности по его руке, вместе с доспехом преподнесла спасителю своего города эрлесса Редклифа. Терять благородное оружие было откровенно жаль.

Долго, однако, жалеть не пришлось. Меч он нашел почти тут же, миновав коридор, и оказавшись в зале с камином, где в первый вечер жег скамейку. Оружие работы лучших гномьих мастеров торчало из головы какой-то немойтой женщины с изъеденным скверной лицом. Ее горло было разорвано так безобразно, словно его терзал какой-то дикий зверь. В стороне на полу в луже смерзшейся крови лежало искромсанное тело Авернуса. Вся комната хранила следы великого побоища, что явно велось преимущественно при помощи магии.

Подоткнув простыню и стараясь не вступать в подозрительного вида затвердевшие на полу пятна, Дайлен добрался до тела женщины и взялся за рукоять меча, выдернуть который получилось только с пятой попытки. Кто-то чудовищно сильный вогнал клинок в голову

несчастной, едва не намертво угнездив его в расщелине между камнями пола. Видимо, этот же кто-то нарезал ломтями тело старого мага и вырвал кусок мяса из шеи неведомой женщины — когтями или зубами, понять было невозможно, настолько безобразно выглядела рана. И этот кто-то мог по-прежнему находиться поблизости.

Перехватив меч одной, и зажав кинжал в другой руке, Дайлен не без дрожи поочередно заглянул в каждую из оставшихся комнат. В приемном зале, перед самой дверью, он обнаружил труп своей лошади с отчего-то вырванной ногой. Однако, следов того, кто мог расправиться с каждой живой или мертвой тварью в этой крепости, кроме, разве что, него, не обнаружил.

Озарение пришло неожиданно, как вспышка света. Дайлен поднял собственные руки на уровень глаз, после чего, выронив оружие, схватился за грудь, лицо, сплошь вымаранные в крови и скверне. Вслед за пониманием пришла память и Амелл, отрицательно подергивая головой, вновь склонился над телом сперва демона, потом от нее перешел к Авернусу. Сомнений не оставалось. Безумной тварью, бесновавшейся в крепости, был он сам.

Прошло не так мало времени прежде, чем натаскавший со двора снега, растопивший его в большой медной бадье, и тщательно смывший с себя всю память о многодневной пытке и собственном безумии Дайлен вновь вернулся в лабораторию. Он вспомнил — все, с самого первого мига пребывания в крепости и до последнего, когда, засыпая, чувствовал исцеление от разносимого по жилам живительного зелья Авернуса. Помнил он и все то, что происходило в этой комнате — и все разговоры, что вел с ним старый маг.

Авернус не был таким полоумным, каким на первый взгляд показался обозленному пленнику, и прожитые годы приписывал себе не для красного словца. В этом Дайлен имел возможность убедиться очень скоро — в промежутках между опытами, когда старик записывал ход своих экспериментов и наблюдения в толстую кожаную тетрадь. Старый Страж был умен, проницателен, и имел обширный опыт во всякого рода магических действиях. Он действительно верил в то, что близок к открытию, способному перевернуть историю всего Тедаса.

— Скверна — это не просто яд или болезнь, мальчик, — растирая очередные демоновы снадобья, объяснял стосковавшийся по способному внимать с умом собеседнику Авернус Дайлену, который во время последнего введения через тончайшую металлическую трубку в его кровь какого-то отвара, из-за которого он вмиг ощутил каждую кровяную нитку под шкурой, сильно прикусил язык, и теперь временно не имел возможности цветисто и внятно ругаться. — Скверна это отмычка. Отмычка ко всем нашим дверям. Дверям в тело, и в душу. Создатель запер нас на ключ, а драконы... О, древние драконы были не дураки, мальчик. Раз проиграв ему силой, они стали действовать хитростью. И тут... тут им многое удалось.

Он умолк, отставив плошку, и, отойдя к дальнему шкафу, зашуршал чем-то там. Дайлен слушал, наслаждаясь передышкой между пытками. Впрочем, слушать или нет, выбора у него не было тоже.

— Да, — обращаясь словно бы сам к себе, медленно проговорил Авернус, капая из одного стакана в другой какую-то синеватую жижу и тщательно отсчитывая каждую каплю. — Отмычка. А ведь как все хитро задумано, парень. Ведь никто, в сущности, не знает, что такое — человек. А все потому, что вся наша сущность, каждый из нас заперт за такой вот дверью, и наружу просачивается лишь малая часть того, что заперто — какие-то ничтожные капли, через щель между дверьми и косяком, через замочную скважину... У кого-то такая щель шире. А у кого-то — совсем крохотная. Вижу, ты не понимаешь, — он

вернул большую склянку на место, с другой возвращаясь к своему столу. — Давай, я объясню.

Дайлен поднял на него глаза и несколько раз мучительно дернул стиснутым горлом. Слушать объяснения было гораздо приятнее, чем выламывать суставы в корчах от лютой боли, которой, почему-то, сопровождалась все опыты Авернуса, и потому он послушно заглядывал в лицо своему мучителю, изображая интерес, такой сильный, насколько вообще мог.

— Ты никогда не задумывался о том, отчего одним людям дано так много, а другим так мало? Отчего ты вышел неглупым и наделённым магическим даром, а кто-то не умен, и ни на что не способен? Это все дверь, мой мальчик. У тебя она — тоньше и с отверстиями, а у кого-то глухая, как стена. И в двери этой очень много сегментов. У кого-то приоткрыт тот, что отвечает за здоровье, у кого-то — за магию, у кого-то — за умение лепить горшки или создавать прекрасные статуи. Сохранность двери закладывается при рождении и с этим ничего сделать нельзя. Но что, если отворить один из сегментов самостоятельно? Не спрашивая Создателя? Это считалось невозможным. Пока Драконы не подарили нам скверну.

Он поставил стакан на стол и, повернувшись к нему спиной, а к пленнику лицом, оперся ладонями о столешницу.

— В войне против Древних богов победил Создатель — и заточил под землю, — заговорил он, поймав взгляд Амелла. — Закрыл их. Чтобы выбраться, им были нужны ключ или отмычки. Ключ не достать, говорят, он висит на шее у самого Создателя. Но, помимо ключа, замок можно свернуть многими другими способами. И, как знаешь, они этот способ нашли... ты хочешь что-то сказать?

Дайлен пошевелился, перенося вес своего тела на другое колено.

— Я подозревал, что скверна происходила не от магистров, — стремясь как можно на дольше затянуть беседу, просипел он, не смея ругаться. — Не от Создателя, и не из Золотого города.

— От магистров? — Авернус молодо рассмеялся. — Разумеется, нет. Это — байки, выдуманные Церковью для тысяч и тысяч бездумных фанатиков, дабы те видели перед собой единственное зло в Тедасе — Империю Тевинтер, перед которым все прочее, творимое церковниками и знатью, показалось бы пустым и неважным. А чтобы зло было страшнее и убедительнее — обвинили магистров в осквернении города Создателя. На самом деле — многое на это указывает — до Золотого города они не добрались. Где они были — теперь мы уже не узнаем. Но это место указали им Драконы. И это они воспользовались этой отмычкой так, как нужно было им.

Пленник сделал над собой усилие, и поднял бровь.

— Опять не понимаешь? Я ведь уже объяснил тебе, что скверна — это отмычка к человеческому телу. Разуму, душе. Многие считают ее проклятием, некоторые болезнью. Но все они ошибаются. Скверна — инструмент, пойми это, неразумный. Древние с ее помощью попытались привернуть поклонение смертных к себе. Проще говоря — Драконы соблазнили магистров высшей благодатью, и они почти не врали. Ведь в их понимании высшая благодать заключалась в поклонении им, а не выскочке, который самозвано провозгласил себя Создателем. Древние призвали к себе одурманенных магистров, отомкнули их разумы, привернув к себе, и каким-то образом поспособствовали тому, чтобы каждый, с кем бы они делили пространство — проникался высшей благодатью служения истинным богам. По-

нашему — заражался скверной. Когда почитателей набралось бы достаточно много, по плану Древних, сила их веры — а может, острота лопат — освободила бы Драконов, вызволив из-под земли, и вновь вернула бы им былое великолепие и всеобщее поклонение.

Пленник качнул головой. В словах Авернуса был определенный смысл. Многое, о чем он говорил, приходило в голову самому Дайлену и раньше.

— Вот только что-то у них пошло не так.

— Верно, — старый маг благостно кивнул, радуясь сообразительности своего подопытного. — Скверна распространяется быстро, но убивает, или корежит умы и души соприкоснувшихся с ней. Пораженные скверной слышат Зов богов, но теряют разум, и не могут следовать ему. А вот их извращённые потомки — еще тупее, но при помощи Зова ими можно управлять.

— Извращенные потомки... порождения тьмы?

— Я говорил — ты умный мальчик, — Авернус снова кивнул, благожелательно поглядывая на Дайлена сверху вниз. — Жаль, что... не получится взять тебя в ученики. Хотя, кто знает? Я слишком близок к разгадке, слишком близок. Древние воспользовались отмычкой... неправильно. Их способ что-то повреждает в механизме двери. Конечно, дверь, замки, отмычки, механизмы — я называю их так, чтобы было понятнее, а на деле, те материи, о которых идет речь...

— Я понял.

— Я не сомневался, — старый маг вздохнул. — Ну, что, у меня все готово. Быть может, теперь, когда ты узнал о сути, ты будешь более...

— Погоди, — Дайлен заторопился, видя, что его мучитель выпрямляется, явно с намерениями продолжить опыты, а значит — доставить больше боли. — Ты не объяснил мне главного. Чего добиваешься именно ты? Тебе ведь не нужны орды почитателей тебя, как живого бога.

— Разумеется, нет, — Авернус усмехнулся. — Во всяком случае, пока. На данном этапе я исследую пути правильного проворота отмычки в правильной замке. Ведь скверна — источник самых настоящих чудес, мой умный мальчик. При помощи скверны любую женщину можно обратить в матку, чудовище, рожаящую порождений тьмы — одно за одним. Или любого мужчину сделать вурдалаком, рабом этих тварей, служащим им верно, как пес. Ходят слухи, что они специально выбирают крепких молодых мужчин для обращения именно в вурдалаков — зачем-то им это нужно. А ведь нужно еще знать, как именно это можно сделать. Ведь пораженная скверной женщина без нужной обработки делается простым вурдалаком, как и мужчина. Только лишь от поражения скверной матки не получаются. А если обработать скверну — из яда она делается зельем, перерождающим человека в Серого Стража. Или кого-то еще — поле для предположения не просто обширно — оно бесконечно обширно. С ее помощью можно не просто заражать — а перерождать, и перерождать прекрасно! Провернув эту отмычку в правильной замке можно помогать нашим, смертным телам восстанавливать те мельчайшие мясные частицы, из которых они состоят, продлевать их жизнь, делать тело бессмертным! А дух — возвышенным и могучим, очень могучим. Ведь изначальное предназначение скверны было в благости и святости. Лишь неумелое с ней обращение... а может, какая-то досадная оплошность сделали скверну скверной. Я более чем уверен, что задумывалась она — как благодать.

В задумчивости Дайлен поднял обе брови. Сказанное Авернусом на некоторое время заставило даже забыть о том положении, в котором он находился.

— Серые Стражи — лучший материал для опытов, — не дал ему надолго отвлекаться вдохновленный собственными идеями старый маг, вторгаясь в размышления об открывающихся перед человечеством перспективах. — Образно выражаясь, в них уже вставлена отмычка, и вставлена правильно, и остается ее лишь повернуть. Вопрос — как. Кое-чего я достиг. При определенной обработке... обработке отдельных участков плоти Стража, и соответствующей ее подготовке, которая проходит в несколько этапов — можно добиться почти полного заглушения Зова и большей продолжительности жизни мелких мясных частей. Однако, опыты по самовосстановлению плотского мяса еще не завершены. Если я смогу добиться его самовосстановления — это же шаг в бессмертие. Бессмертие и вечную молодость, парень! Подумай, если у меня получится сейчас, первым бессмертным будешь ты! Ты наверняка нравишься женщинам, — старик ухмыльнулся и потер ладонью об ладонь. — Представь, твое прекрасное лицо останется тебе навсегда. Молодость, здоровье. Едва только мы достигнем нужной стадии, я проведу несколько дополнительных экспериментов, и тогда... О, что может случиться тогда. Бессмертие, мой мальчик. Разве ради этого не стоит немного потерпеть? А? Что скажешь?

— Дай воды, — Дайлен тяжело вздохнул, сообразив, что время для разговоров закончено. Руки старика возбужденно подрагивали, желая поскорее вцепиться в колбы и пробирки, а после добраться и до его подопытной плоти.

— Не больше нескольких глотков, — Авернус поднес к пересохшим губам пленника большую глиняную кружку. — Быстрее! Нам еще так многое предстоит сделать!

... Записи Авернуса Дайлен читал до глубокой ночи. Он отыскал в кладовой по соседству с лабораторией несколько бочек с мукой, кореньями и вяленным мясом, но из всех припасов вынес только малый ящик засушенных в меду лесных орехов, которые сгрыз, стараясь не сорить на пожелтелые — и совсем свежие, серые страницы. Наступившие сумерки застали его врасплох, но, примерно помнивший, где Авернус хранил свечи, Дайлен зажег сразу с десятков, и оторвался от дневников, только почувствовав, что у него вот-вот лопнут глаза. Теперь, когда он уже не был связанной и беспомощной жертвой, принуждаемой терпеть непереносимые мучения, идеи старого мага увлекли его с головой. И, хотя он далеко не все из написанного мог понять до конца, не владея в должной степени нужными знаниями, Дайлен уразумел главное. Авернус сумел отодвинуть срок жизни Стража на долгие десятки лет, и во многом приглушил проклятый Зов. Но для того, чтобы этого достичь, необходимо было должным образом обработать плоть Серого Стража. И — пить полученное магом зелье, как только действие его ослабевало. Случалось это не так быстро, но рано или поздно, требовалась следующая порция. А там — еще и еще. Авернус пытался добиться постоянного эффекта, но не преуспел в этом, намереваясь продолжить работу при помощи своего пленника. Однако, благодаря стараниям порождения тьмы еще при Остагаре, должным образом подготовить подопытного не получилось. Дайлен напрягал все свое понимание, но без должной подготовки мага-целителя, бывшего бы еще и малефикаром, он мало что уразумел. По всему выходило, что выпитое зелье могло подарить ему от нескольких лет — до нескольких десятков. Однако, потом его все едино ожидала участь Серых Стражей.

— Ладно, — делая над собой усилие, и закрывая разложенный на столе дневник, больше похожий на книжный том, сам себе приказал Дайлен. Глаза его горели и слипались, рот не порвался в зевках только чудом. — Мы всем этим еще займемся. Точно займемся. Но не теперь. Все мое время. Впереди по плану — Орлей. И это сейчас будет очень

непросто.

Оттянув плотно охватывавший горло ошейник, он досадливо потер зудевшую под ним кожу.

Глава 23

Глава 23

Сосновый лес, которым поросли горные пороги, и через который уже третий день на северо-запад пробирался Дайлен, не был так труднопроходим, как ожидалось. Насколько хватало глаз, стволы колючих деревьев стояли стеной, однако поваленные между ними встречались редко, а если встречались, перебраться через них не составляло труда даже в промерзшем кожаном доспехе и с тяжелым походным мешком за плечами. Кусты тоже выбрали для произрастания иные места, а потому путник двигался довольно быстро, несмотря на тяжесть своей ноши, и неудобье широких снегоступов.

Перед тем, как покинуть Пик Солдата, Дайлен долго и уже привычно сидел над найденными среди бумаг Авернуса старыми картами этих мест. По всему выходило, что крепость все же значительно отстояла от Имперского тракта, и возвращение на большую дорогу, да еще пешком, отняло бы хорошую меру времени. Далее тракт огибал подступавшую к нему вплотную гряду холмов, что переходили в Морозные горы, и, чтобы попасть к Герлену, нужно было идти по большому полукругу. Без лошади, да еще потеряв более недели в вынужденном гощении у старого мага, Дайлен рисковал надолго увязнуть в снегах дороги на Орлей, оставаясь еще в Ферелдене. По его же расчетам выходило, что он уже должен был миновать опасный перевал и, через Долы, спускаться к старому Галамаширалу, древнему городу, некогда принадлежавшему эльфам. С учетом того, что каждый день промедления грозил поражением армии Стражей в неизбежной весенней схватке с порождениями тьмы, терять даже лишний час виделось преступным. Не глядя на то, чем была бы вызвана такая потеря.

Выход, однако, подсказали те же карты. Найдя ту, которая была ближе всех, хотя и самой древней, Амелл обнаружил на ней не помеченную на других дорогу. Дорога эта начиналась чуть ниже Пика Солдата и пересекала Морозные предгорья по прямой — от крепости почти до самого Герлена. Не смея поверить в такую удачу, Дайлен вглядывался в порыжелую кожу вновь и вновь. Постепенно его сомнения пропадали. Если составитель карты не был изрядным шутником, долго и изнурительно вымарывавшим здоровенный кусок кожи ради потехи, прямая дорога на Герлен существовала — пусть и много лет назад. А значит, предгорья были проходимы. И, если подготовиться к походу основательно, вместо долгих полутора-двух недель, он мог сократить свой путь до нескольких дней.

Подготовка к дороге заняла почти еще целый день. Амелл тщательно прибрал лабораторию и нижние комнаты, полностью уничтожив следы своего здесь пребывания, и пребывания Авернуса. Соорудив тайник в каменной кладке дальней комнаты, он перенес туда все книги и записи старого мага, и все бутылки с зельем Стражей. Он не был уверен, держалась ли защитная магия крови на крепости после смерти ее хозяина, и не хотел, чтобы достояние и работа Авернуса сделались добычей бродяг либо разбойников. Остаток дня он посвятил сбору припасов и плетению снегоступов. Проведя еще в юности несколько зим в горах, он догадывался, чего можно было ждать от грядущего похода, и готовился знающе и

споро.

Указанную на карте дорогу искать пришлось долго, но, в конце концов, что-то похожее на нее он нашел — в том месте, что и предполагалось. Назвать найденное дорогой не поворачивался язык, но если приглядываться, различить, где она проходила много лет назад, было можно. Деревья здесь росли молодые, и гораздо реже, чем во всем прочем лесу. Под снегом этого было не видно, но Дайлену казалось, что земля здесь также должна быть утоптаннее. Оставалось только гадать, отчего такой удобный и близкий путь до граничного перевала оказался так надежно забыт. Связанно это было с приказом Арланда, пожелавшего вытеснить из самой людской памяти упоминание о Серых Стражах, или отказаться от прекрасной прямой дороги ферелденцев заставила магия Авернуса — теперь сказать было бы сложно. Важно было только то, что дорога все-таки существовала, и теперь она, как и прежде, должна была вновь послужить подспорьем в осуществлении планов Серой Стражи.

Хотя и с трудом, Дайлен не терял нужного пути, высматривая направление между растущих молодых деревьев. Идти было непросто. Амелл, за долгие годы в башне Круга отвыкший от сильных холодов мерз, как бритый наг в гнезде вороны, а вызвать огонь он не мог, несмотря на беспрестанно предпринимаемые многочисленные попытки. Еще в крепости Стражей, глядясь во все тот же медный щит, он сумел прочесть руны на своем ошейнике. Словно в насмешку, старик замкнул его на знаки огня, воды, земли и воздуха, а также — магии крови. Однако мага, способного открыть их, не было поблизости на многие меры пути. Дайлен попытался скovyрнуть ошейник найденными в крепостной кузнице инструментами, но на его поверхности не осталось и царапины, а незадачливый пленник после почти полного дня и ночи маялся от сильной боли в голове и звоне в ушах. Как видно, Авернус забыл рассказать ему обо всех свойствах тевинтерской игрушки. А может, не знал о них и сам. Во всяком случае, единственное, чего добился отчаявшийся снять ее в одиночку Дайлен — сумел уразуметь, что от невольного своего хозяина ошейник способен был защитить себя сам.

Помимо холода и непривычной неспособности в любой миг сотворить какое-нибудь магическое действие, Дайлена донимал кожаный доспех, не могущий его защитить так же хорошо, как гномий, зато, казалось, примерзавший к самой шкуре изнутри, несмотря на плотную рубаху и шерстяной ватник, мехом вовнутрь. Кусланд самолично выбирал его для товарища, и, стоило признать, выбрал лучшее из того, что не привлекало бы излишнего внимания в дороге. Но непривычный носить даже такое по морозному заснеженному лесу Дайлен, плечи которого отягощали еще и походный мешок, лежавший поверх привешенных тут же меча и щита, маялся, в сердцах все чаще попеременно вспоминая демонов и Создателя, в особенности, когда иногда все же приходилось огибать лежавшие поперек дороги стволы деревьев, или продираться сквозь кусты, высоко задирая ноги в снегоступах. Мучений добавляло шнырявшее повсюду зверье, то обкидывавшее с ветвей шишками, то нападавшее с явным намерением набить брюхо его мясом. Притерпевшись к скакавшим по верхушкам сосен грызунам, и дважды отбив волчьих наскоки, Дайлен за три дня утомился больше, чем за неделю, проведенную в лаборатории Авернуса, и только время от времени встречавшиеся ему ориентиры, которые совпадали с указанными на карте, не давали вовсе пасть духом, и признать решение идти через горы — самым неумным из всех, что когда-либо доводилось ему принимать.

Солнце третьего дня клонилось к закату, однако, если расчеты Дайлена были верны, уже на завтра в полдень он должен был вновь увидеть Имперский тракт, а там, всего

несколько меры пути на запад должны были привести его к воротам крепости Борнэ, проводившей границу между Ферелденом и великолепным Орлеем. Исполненный самых радужных ожиданий увидеть нечто, ранее им невиданное, Дайлен, несмотря на сильную усталость, с каждым шагом приходил все в лучшее настроение взволнованного ожидания.

Он остановился на ночлег, когда уже начало смеркаться. Выбрав укромину среди снежных заносов, Дайлен тщательно струсил снег с колючих ветвей дерева, под которым собрался провести ночь и, натаскав веток, после длительных и уже привычных мучений, развел костер. Вяленое мясо из запасов старого Авернуса, поджаренное над огнем, сохраняло нежный вкус и хорошо утоляло голод вприкуску с пресными лепешками, которых потерявший способность творить магию Страж наделал для похода сам. Утолив голод, Дайлен с ногами забрался в меховой спальный мешок и, сунув туда же меч, предался мечтам о будущем. В этом будущем он был ближайшим советником доброго короля Алистера, сопровождавшим молодого монарха ко дворам всех прочих правителей Тедаса, облеченным почетом, уважением и нешуточной властью. В большом же, добротном доме, под защитой крепких стен Денерима, жила его собственная, Дайлена, семья. Вспомнилось лицо Кейтлин, ее глаза, в которых он тонул раз за разом, руки, казавшиеся такими хрупкими в его ладонях, и теплые губы — робкие и поощрявшие одновременно. Размечтавшись, Дайлен оперся спиной о ствол сосны и, поплотнее запахнувшись в плащ, с шумом вздохнул. Постепенно мысли его сворачивали на вовсе уж вдохновляющие тропы, и молодой Страж сполз ниже, надвигая шапку на лоб. Хорошо накормленный ветвями костер в ближайшее время гаснуть не собирался и, спасаясь от смущавших его упорно встававших перед мысленным взором видений, Дайлен позволил себе ослабить бдительность, проваливаясь в легкую дрему.

... В первый миг он не понял, что заставило его проснуться, резко открыв глаза. Рука уже привычно стиснула рукоять меча, и на мгновение тревога отступила, но тут же надвинулась опять. Костер почти прогорел, и в отсветах тлевших углей тени за ближайшими деревьями шевелились в причудливых изломах, словно живые. Дайлен медленно повел взглядом вокруг. Он по-прежнему еще не понимал, что же побуждало в нем такое острое чувство опасности, но уже был уверен, что появилось оно не без причины.

Продолжая тискать оружие и при том не делать резких движений, Дайлен выбрался из спального мешка. Выпрямился, прижимаясь спиной к стволу, и мысленно выругал себя за то, что заснул так надолго, позволив огню потухнуть. Он совсем было решился сделать шаг к костру и попытаться его раздуть, но не успел.

Прямо напротив еще не прогоревшего кострища в полумраке под деревьями зажглись два зеленых огня. Некоторое время спустя к этим присоединились два — чуть в стороне, и еще два, вовсе с противоположного конца поляны. Дайлен ощутил, как его сердце стало биться реже, скованное, словно льдом, смертельным ужасом. Еще до того, как первый незванный гость, не чуя со стороны намеченной жертвы никакой опасности, без страха мягко шагнул из тьмы на едва освещенную тлевшими углями утоптанную поляну, Серый Страж уже знал, кого видит перед собой.

А ведь Айан предупреждал, с запоздавшим покаянием пронеслось в голове. Айан предупреждал, а Дайлен прекрасно помнил об этом предостережении. Но, уповая на Создателя, и важности его пути для всего мира под жарким светилом Тедаса, надеялся, что пронесет, и, вдоволь потрепавшая его судьба, не попустит ему этой страшной встречи.

Не пронесло. Огромный, на свету должный быть сине-белым, но во тьме казавшийся почти черным, зубастый хищник, ровно дыша и пропуская пар от горячего дыхания сквозь

длинные передние клыки, появлялся из переплетения теней уверенно и неспешно. Впрочем, нет, появлялась. Самки сумеречных котов, как звали их немногочисленные жители предгорий, были куда крупнее самцов, а наступавшее на Дайлена чудище было объемнее морового медведя. Вслед за тварью показалась еще одна, и боковым зрением Амелл увидел выпрыгнувшего из кустов третьего зверя, самца, величиной поболее взрослого мабари, но гораздо мельче самки. Два самца и самка самых опасных и свирепых хищников Ферелдена медленно и уверенно брали застывшего под колючим деревом человека в кольцо. Из клыкастых пастей на снег падала тягучая слюна, вызванная, должно быть, представлениями о мясе намеченной жертвы.

Огибая костер, что единственный оставался рубежом между обреченным человеком и тремя клыкастыми смертями, самка негромко рыкнула. Это рычание, не шумное и не свирепое, однако, будто пробудило Дайлена ото сна, помогая стряхнуть овладевшее им оцепенение.

Могучая кошка прыгнула. Она успела внимательно рассмотреть человека, и даже длинный блестящий коготь в его руке. Она знала, что многие люди хорошо умели пускать такие когти, во много раз превосходившие по длине и крепости ее собственные, в ход. Но такие когти у людей были страшны только, когда людей было куда больше, чем один, и эти люди хорошо умели ими пользоваться. Теперь же это был не тот случай. Самка чуяла это всем естеством, тем самым могучим древним даром охотника, доставшимся ей в кровь от многих и многих предков. Этот мог разве что подарить царापину на шкуру — а потом вдоволь кормил бы своим вкусным мясом ее саму и оголодавших за несколько дней зимней бескормицы мужей. Главное было — успеть сшибить, вцепиться в тонкое, не защищенное даже одеждой, горло. И — человек делается не опасен. Раз и насовсем. Все, что нужно — просто прыгнуть.

И самка прыгнула.

Дайлен смотрел расширенными глазами на стремительно падавшее на него с неба звериное тело, а разум, не дожидаясь воли скованного ужасом сознания, уже бросал его собственное тело на колени. Вбитым в него до глубокой памяти движением, он вскинул руки, до боли стиснутые на рукояти меча, и наскочивший на него зверь всей тушей насадился на выставленный клинок. От огласившего округу рева, казалось, дрогнуло само ночное светило, низко висевшее над скованными морозом горами.

В последний миг Дайлен попытался увернуться, но налетевшая туша подмяла под себя, выворачивая меч из рук, царапаясь и рыча. Двое других котов огласили окрестности мяукающим воем, кружа в нескольких шагах от барахтавшихся человека и зверя. Несмотря на то, что гномий меч, пропоров ее поджарое брюхо, раскроил там часть требухи, самка все еще оставалась жива, и в ярости, не в силах уже подняться, все же пыталась пастью и когтями добраться до огрызавшейся жертвы, опасность которой она недооценила. Дайлена спасло лишь то, что, рванувшись из-под падавшей смерти, он все же успел отпрыгнуть настолько, чтобы оказаться лежащим под зверем не вдоль, а поперек ее брюха, и страшные когти только зря взрывали снег, щедро обагрив его и задыхавшегося, выпихивавшегося из-под раскрытой утробы человека, темной кровью.

Между тем, несмотря на гибель самки-вожака, самцы, похоже, все еще не теряли надежды вкусить вожделенного мяса. Меч оставался где-то глубоко под зверем, когда один из самцов решился, наконец, на бросок. Уловив движение слева, но, не имея возможности даже увернуться, Дайлен выхватил из костра едва тлевшую головню и успел ткнуть ее в

оскаленную морду зверя.

Самец отскочил, и по ушам вновь ударил обиженный воющий мяв. Сделав чудовищное усилие, от которого потемнело в глазах, и едва не развязался узел на брюхе, Дайлен спихнул с себя еще подергивавшуюся кошку, и, задыхаясь, поднялся на ноги.

Доспех висел на нем лохмотьями. Все же кое-где когти твари дотягивались до него, пусть и по касательной, напрочь располасывая кожу нагрудника и кожу человека под ним. Живот и грудь, казалось, были раздавлены упавшей скалой, или чем-то еще тяжелее, и боль, пронзавшая тело при вдохах, явно указывала на сломанные ребра, не одно и не два, а сразу много. Ощущая металлический привкус во рту, Дайлен отстраненно надеялся, что отшибленное нутро, все же, не имело никакого отношения к надорванным дыхательным мешкам. Отстраненно, потому что его вырвавшее меч из дохлой кошки тело продолжало следить залитыми кровью и потом глазами за двумя оставшимися хищниками, вовсе не собиравшимися покидать поляну. Напротив, гибель подруги и вид и запах крови подзуживал их, доводя до исступления. Сжимая в одной руке меч, а в другой — головню, и поверхностно дыша под сломанными ребрами, Амелл сделал шаг в сторону от издохшей звериной туши, чтобы ненароком не поскользнуться на еще не успевшей смерзнуться крови. С неба падали мелкие снежинки, оседая в волосах человека, и на шкурах неслышно круживших вокруг него клыкастых котов, и вновь каким-то отстраненным чувством подумалось о невероятной красоте Морозных гор, воздух которых был словно наполнен летучим серебром.

Раздавшееся совсем близко рычание вновь привело его в чувство. Дайлен вдохнул раздавленной грудью и, нащупав спиной толстый ствол произраставшей тут сосны, с кривой усмешкой поднял меч.

— Сюда, сюда, подлые твари, — почти призывно прохрипел он, сдерживая кашель. Правый кот, еще доселе не вступавший в битву, казалось, уже решил, на мягких лапах приближаясь к ошестинившемуся когтем человеку. Его движения были мягкими и плавными, в любую минуту, однако, готовыми окончиться внезапным прыжком. Одновременно с ним левый, зализав обожженный нос, явно собирался попробовать еще раз — на этот раз наверняка. Дайлен закусил губу и стиснул липкие от крови пальцы на рукояти меча. Мельком подумалось о том, что Айан — и его изнурительная воинская наука, все же, не прошли даром, и сумели продлить жизнь, пусть даже на несколько минут, ибо если б не они, тело незадачливого Стража уже рвали бы на части голодные хищники, насыщаясь мясом и скверной. А потом они понесли бы скверну по округе, и в этой части гор все больше появлялось бы морового зверья...

Это сделалось его последней здоровой мыслью перед тем как, утомленные нетерпением коты почти одновременно и беззвучно бросились вперед.

Глава 24

Глава 24

Прикрыв за собой дверь в жаркий и разнообразно пахнущий коридор, лесная ведьма обернулась на снятую в харчевне комнату и подняла брови.

— Что произошло тут, остроухий? Убить тебя пытались?

Зевран с трудом выпрямился, бросая мокрую губку в таз с красной водой. Стена возле его постели, сама постель, и пол оказались забрызганы свежей кровью. Кожа на животе и

грудь эльфа была испещрена надорванными проколами, половина из которых сильно кровоточила, другая — запеклась горелыми кровью и сукровицей. Потерев чей-то свежий, до мяса, укус на шее, он возвел глаза к потолку комнаты и вздохнул, кривя распухшие губы.

— Командор довольно... оригинален в своих развлечениях, — неожиданно сиплым голосом пояснил Зевран, поднимаясь на дрожащие ноги. Доковыляв до сделанного в углу комнаты отверстия, ассасин слил туда таз и, вернувшись к лежанке, из кувшина налил себе чистой воды. Движения его были рваными и, похоже, каждый шаг причинял сильную боль. — Обычно, я и сам не против... самых разнообразных экспериментов, но если так пойдет дальше — боюсь, этот эксперимент станет последним в его жизни... да и моей тоже.

Поморщившись, он неловко присел на край лежанки. Морриган подошла ближе к возившемуся на матрасе элфу, который, по-видимому, искал и не мог найти лежачего положения, которое не причиняло бы ему неудобства.

— Откуда крови столько? Следы эти на шкуре — единственное, что тревожит тебя?

Тот усмехнулся, и отрицательно покачал головой.

— Боюсь, что нет, моя чародейка. Но если я признаюсь тебе, где еще болит — боюсь, по возвращению Командор сам меня убьет. Таким суровым мужам, как мой молодой Страж, присуща особая стыдливость. В особенности, с м... малым опытом в... эм... определенного рода делах.

Он закусил губу, прикрывая глаза и, по-видимому, переживая очередную вспышку боли.

— И теперь пытка длится?

— Нет, теперь уже нет. Уже две четверти меры времени, как его оставили в покое. Это... последствия.

Морриган досадливо поморщилась, присаживаясь рядом с эльфом на каменную кровать.

— А болезнь, малефикарумом вызываемая? Не появлялась вновь она?

— Нет. С тех пор, как мы сняли комнату здесь, в Пыльном городе, от магии я больше не страдаю. Командор рядом... то есть, меньше, чем в мере пути.

— Все равно, много, — окутанные синим целительским светом пальцы лесной ведьмы легко пробежались ото лба Зеврана, почти до его ступней. Затуманенный болью взгляд эльфа прояснился и он сел, убирая от лица слипшиеся в поту и крови светлые волосы.

— О, благодарю, моя прекрасная ведьма. Так легче. А... шрамы ты сможешь свести?

Морриган фыркнула.

— Уцелеть сперва попробуй. Куннари наш с Беленом добился встречи. Тот вне себя от ярости. О происках Харроумонта все твердит. Дескать, специально тот похитил Командора, узнав, что принца поддержал он.

— Глупости, — Зевран поднялся на ноги и неверяще сделал шаг, затем подпрыгнул, возвращая грацию и ловкость исцеленному от боли телу. — Будь это Харроумонт, о котором мы так много слышали, но еще ни разу не видали, ему уместнее всего было бы убить нашего общего... гм... друга. Или, если он перестраховщик, что не свойственно большинству здешних коротконогих бородачей, держать его под замком до срока. Но пытаться? Зачем? Да еще так... — он не договорил, вновь растирая след от заживленного укуса. — Весь город гудит о планах принца и новой экспедиции на Глубинные тропы, в которой участвуют Стражи. Рыжий рыцарь не может знать ничего, что могло бы заинтересовать этого гнома. Ну, или это я не знаю всего. Но что-то мне подсказывает — все же я прав.

Лесная ведьма пожала плечами, поднимаясь с лежанки.

— Проверить трудно нам. Где угодно может быть Командор. Принц Белен четырех

своих охранников нам дал. С тем, чтобы рыжего найти. Пойду я, остроухий. Срок экспедиции — на завтра. Не состоится ежели, посмешищем окажется для Орзаммара будущий король. И что-то мне подсказывает — нам этого не спустит.

— Будь осторожнее, — Зевран собрал пропитанную его кровью постель, скомкал и зашвырнул ее в угол. — Кто бы ни был, он и на нас может охотиться. Даже, скорее всего. И... это. Пришли кого-то, чтобы все здесь прибрал, моя чародейка. Будь добра.

Морриган ушла. Некоторое время Зевран постоял, осматривая урон, нанесенный ему кровной связью с Командором Серых Стражей, потом подошел к разложенному на столе доспеху. Пробежав пальцами по вшитым в дубленую кожу пластинам, он взял в руки свой короткий меч и, выудив из сумки тряпицу, принялся задумчиво натирать его лезвие.

В дверь постучали. Зевран повернул голову — вовремя, чтобы увидеть шагнувшего в комнату тонконосого широкогрудого гнома. Никаких принадлежностей для уборки с ним не было, зато ладони лежали на рукоятках длинных кинжалов. На миг взгляды гнома и эльфа встретились, но, вместо того, чтобы наброситься на свою предполагаемую жертву, убийца, не спуская глаз с наземника, быстро прикрыл дверь и приложил палец к губам.

— Вот только поори мне тут, эльфенок, — счел нужным предупредить он. — И так рискую, что приперся сюда. Помоги мне предки не ошибиться!

Зевран поднял брови. Станный пришелец задвинул дверной засов. Оружия он по-прежнему не вынимал.

— Что у тебя тут за погром? — обозревая потеки крови на стене и полу, негромко удивился гном. Антиванский ворон хмыкнул, держа, однако, свой меч по-прежнему наготове.

— Ты уверен, что не ошибся комнатой, любезный?

Гном, в свою очередь, хмыкнул в ответ.

— Теперь уж не знаю. Может, и ошибся. Или все-таки это твои друзья ищут рыжего наземника, который два дня орал в пыточной у Джарвии, что он — Серый Страж, и кровь ему пускать нельзя, а теперь уж тоже орет, но просто?

Зевран кашлянул бывшим только недавно сиплым горлом.

— Ты, собственно, кто? — спокойно поинтересовался он. Гость неопределенно кивнул куда-то вбок.

— Я из Хартии, — и, видя, что наземник не понимает, скорчил недовольную мину. — Что, неужто не слышал? Хартия крепко держит Пыльный город, а с тех пор, как власть взяла Джарвия — и весь Средний Орзаммар. Самые отчаянные из наших уже и в Алмазные заль зачастили, так что властям бы пора начать чесаться, пока оно не зашло слишком далеко.

— Я понял, — медленно, взвешивая каждое слово, проговорил ассасин. Меч он опустил острием вниз, готовый, однако, в любой момент его снова вскинуть. — А зачем вашей Хартии потребовался Серый Страж?

Гном нетерпеливо гмыкнул.

— Да низачем. Когда его брали, никто, кроме меня и Леске не был в курсе, что он — Страж. Но кто ж нас спрашивает. А уж потом... этот рыжий разозлил Джарвию. Всерьез. Видать, из благородных, и перед мохоедами, вроде всех нас, нос дерет, хоть кишки ему через задницу на крючья наматывай. Ну, а Джарвии такое — как нагу кипятик. Плевать ей, кто он, своими ногами от нее он не уйдет. Берган, гарлоково дерьмо, так и вообще уж три раза подваливал к Джарвии с тем, чтобы эти ноги ему отпилить, а она пока запретила калечить — но это пока. Страж — он не зря Страж, я видел сам, когда она над ним работала. Крепче

только камень, а так он плевать хотел. Орать — орет, нельзя там не орать. Но сапоги лизать не будет, или я — не я, а нагова отрыжка. Ну, и Джарвия такое долго терпеть не будет. Она любит, чтоб ее слушались. Вам он целым нужен, чтобы сам ходил? Тогда лучше поторопиться, эта баба — не дура, но с благородными — бешенная, как самка бронто после случки. Оторвет все, что не гладко, а остатки живьем еще сбросит в лаву. Не раз уж такое было.

— Погоди, — несмотря на тяжелый язык обитателя Пыльного города, сказанное Зевран понял быстро, и слова гостя не внушили ему никакого доверия. — А ко мне ты для чего пришел? Ты хочешь помочь мне вызволить Ком... Стража? Тебе это зачем?

Гном опустил глаза на меч в руках эльфа, и поморщился.

— Да не тискай ты свою железку. Не в ловушку веду. У меня свой интерес, Хочу уйти из Хартии. С тех пор, как заправляет Джарвия, жизни не стало. Даже корешам. Да что за жизнь, когда баба — сверху? А никто не пустит. Или ты в Хартии, или в лаве, по-третьему никак. Мы тут говорили с друганом Леске. Он тоже не прочь уйти. Денег таких, как раньше, не зашибешь, зато топор в башку — так запросто. И выход у нас один. Ежели главиху мочкануть, да тех, кто к верхушке поближе, остальные перегрызутся, кому быть в верхах, и можно будет вывалить незаметно. Сеструха моя, Рика, ну, ты знаешь, она из охотниц, тех, что перед знатью из Алмазного задами вертят. Умудрилась подцепить самого Белена, и уже покувыркаться с ним раз пять. Он к себе ее забрал, и в тряпки нарядил поярче. Уж не меньше месяца во дворце живет и с золотых блюдев ест. Короч, по всему видно, что задержится она у него. Но семью не забыла, спасибо предкам. И уже обо мне с ним говорила. Белен — правильный мужик, и на то, что я — клеймленный, из неприкасаемых, ему положить. Обещал взять меня в охрану, ежели докажу, что на что-то годен. Принести ему голову Джарвии — так поверит, как считаешь, наземник?

Зевран вложил меч в ножны. Взгляда, впрочем, от гостя из Хартии он по-прежнему не отрывал, в каждый момент готовый к любому выпад с его стороны.

— И тебе нужна моя помощь, чтобы убить эту вашу Джарвию?

Тот удовлетворенно кивнул.

— Точно, эльфенок. Сейчас очень удачное время. Еще четвертина-другая, и она снова уединится с вашим Стражем. Чем-то ей по нраву его длинные ходули, и то, что между ними. С тех пор, как доставили рыжего, после пары раз она теперь в пыточной одна. Все время. Коридор охраняют четверо из гвардии преданных ей лично, но с ними можно справиться — ты, да я, да Леске. Я смогу тя провести до самого коридора, но там главно — шума не поднять. И — бери ее тепленькой, и Стража своего бери. Ну как, эльф? Справишься?

Зевран коротко вздохнул. Если тонконосый гость все же имел намерением вести его в ловушку, особого выбора, следовать или нет, не было тоже. Его не оставляла кровная магия Серых Стражей.

— Ко мне, а не к отряду Белена ты подошел, чтобы внимания не привлекать? — только и спросил он. Гном кивнул еще раз.

— А то. Фарена Броску каждый наг в округе знает, и на кого я работаю — тоже. Ну, а в Пыльном все работают на Хартию. Тут же доложили бы Джарвии, пернуть не успеешь. Ну идешь, наземник? Времени мало. Она в последний раз была злая, как тоннельник, которому передавали яйца. Если Страж не поумнеет — а гонор ему не позволит поумнеть, я на таких насмотрелся — то она ему тоже что-то передавит, чего никак уж не залечишь. Уж я торопился, как мог. Топать надо теперь, или вообще не топать. Экспедиция-то на завтра

назначена? Без него пойдете?

— Не бухти, — в тон ему оборвал ассасин, переходя на говор гнома и забирая доспех со стола. — Дай штаны натянуть, и я — твой. Только гном, — красивое лицо эльфа было спокойным, даже равнодушным, но что-то заставило гостя прислушиваться внимательнее прежнего. — Если ты все-таки предашь меня или Стража... Плодами твоих трудов будут наслаждаться другие. Но не ты.

Зевран откинул за спину прядь мокрых от пота светлых волос. Некоторое время Фарен стоял неподвижно, потом стиснул кулак, единым движением унимая запоздалую дрожь, и с усилием вытащил из дверного косяка на уровне своего горла остро отточенный антиванский кинжал.

Глава 25

Глава 25

Улица встретила вынужденных союзников теми же грязью и духотой, которые запомнил наземник, явившийся сюда два дня назад. Пыльный город, в отличие от Алмазных залов, расположенный ниже среднего Орзаммара, являл собой трущобы настолько бедные, что, казалось, большинство домов тут были не домами, а выбитыми в скале пещерами, без окон и дверей. Стены же тех жилищ, которые отстояли отдельно и могли хоть сколько-нибудь именоваться строениями, снизу были покрыты таким слоем жирной грязи или сажи, что измараться об них было можно, даже просто запнувшись взглядом. То и дело приходилось перебираться через груды мусора или лужи нечистот.

Обитатели Пыльного города также являли собой зрелище, разительно отличавшееся от прочих жителей Орзаммара. Большинство носили тряпье, которое лишь с натяжкой можно было бы назвать одеждой. Из всех, кто бродил, сидел или, даже, лежал на узкой, полутемной улице, по которой вел наземника гном, целые рубахи были только на нем и на самом элфе.

— Воистину, странно вы живете, — успевая увернуться от брызг из помойной лужи, которыми его чуть не обдал пробегавший мимо худой ребенок, заметил Зевран, сворачивая куда-то за проводником. — Можно подумать, что даже у клопов здесь блохи.

— Можно подумать, выбор у нас есть, — в тон ему проворчал Броска, перешагивая через валявшегося в темноте проулка детеныша нага,дохлого и вонючего. — Так уж вышло, что по гномьим, тоннельник их зажуй, традициям, все обитатели Пыльного города не имеют касты. А если не имеешь касты — не можешь работать. Это запрещено. Вообще. Работу ежели и дают, то она грязь, а не работа. Не жить, а выжить, и то еле-еле. Я знаю, я вкалывал — выгребные ямы чистил и котлы в коптильнях натирал. В чеканных коптильнях, те, что с кислотами работают, а не там, где жрачка. Надышался, чуть глаза не потерял. До сих пор, бывает, харкаю красным. А толку? Мать пьет, сеструха только что не побирается. Платят столько, что впору лишаи со стен глотать — и то, считай, что милость оказали. Клеймленной морде выдали работку. Гарлокова пожива!

Зевран пригнулся, не желая цеплять головой вывешенное для просушки тряпье, и вслед за гномом свернул в еще один переулок — глуше и грязнее. Отвратительный запах здесь все усиливался, явственно указывая на наличие поблизости клоаки.

— Работать вам запрещают традиции? А убирать дерьмо — они же?

Фарен Броска издал неопределенный звук, больше всего похожий на хмыканье.

— Тутошные порядочно оскотинились, чего уж там. Крыть нечем. Да только и жизнь скотская, наземник. Когда-то Пыльного не было. Так давно, что на Глубинных тропах ничего опаснее тоннельников и диких слизней с пауками тоже не водилось, а служили они для перехода между гномьими поселениями, — Фарен, походя, пнул попробовавшего вцепиться в край плаща Зеврана старого нищего, сидевшего на куче каких-то сальных тряпок и, без перехода, продолжил. — Изгонять преступников туда, как делают теперь, не было резона. Ну, и держали их здесь, в этих ямах. Лишали касты — и отправляли сюда. Навроде того, как наземники держат рабов. Добывали они тут что-то, иль просто скидывали им из работы. То, за что приличный гном бы не взялся, а делать все одно надо. Потом преступников стало много, они ж еще и плодились, да без касты, а куды без касты-то определять, на какие работы? Стражников в ту пору сделалось меньше, тутошних обитателей — больше. Ну и постепенно... не сразу, канеш, появился Пыльный. Оно уж после первого Мора и случилось, Преступников давно перепроваживают в лаву, на Глубинные тропы, либо напрямик в Легион Мертвых, те, что жили тут раньше, померли, и остались мы. Их потомки. И обычай бескастовых клеймленных брезговать и плевать на них — тоже остался. Прочие, которые при кастах, относятся к нам, как к бронтьему помету. Не пускают даже бродить по Орзаммару, не то, что подрабатывать. Разве, если уж совсем грязная или тяжелая работа попадет. Вот так оно, наземник. Гномы чтут предков, а за что мне моих предков чтить? За то дерьмо, в котором мы теперь? Да чей там.

Зевран старался запоминать все переплетения улиц и проулков, через которые он шел за своим тонконосым проводником. Несмотря на то, что ноги Фарена были куда короче и толще эльфьих, перебирал он ими на удивление быстро, легко, словно тень, скользя между домами, наговыми и бронтьими загонами, и громоздившимися то тут, то там горами мусора. Наконец, когда ассасин, как ему казалось, начал путаться всерьез, гном остановился перед толстой ржавой решеткой, перегораживавшей глубокий желоб, до половины наполненный жидкими нечистотами. Такие желоба не раз и не два попадались им на пути, но, в отличие от тех, наглухо забитых всякой дрянью, здешний мусор, хоть и медленно, но куда-то целенаправленно продвигался, должно быть, выводимый прямо к обрыву лавы.

— Логово Джарвии там, в коридорах под Пыльным, — Фарен кивнул в сторону желоба. — Эт, конечно, не парадный вход. Им, по совести, вообще не пользуются, и не уверен, знает ли о нем Джарвия. Мож, держит его на случай, ежели драпать будет надо, роняя сапоги. Сам я его случайно обнаружил, когда по дури девахе одной любовь доказывал — почти цельный рабочий срок в говнище отсидел. С девкой потом все одно не вышло, однак, как видишь, хоть не девку, а пользу свою — но поимел.

Покрутив головой и убедившись, что никого не было поблизости, он скользнул вниз, в дерьмо, без единого всплеска. Подоспевший Зевран помог ему снять и сдвинуть в сторону склизкую решетку.

— Теперь недалече, — дождавшись, чтобы пригнувшийся эльф забрался под каменную арку желоба, Броска приставил решетку на место и, не зажигая огня, двинулся по тьме нечистот. Пригибавшийся Зевран, который не мог распрямиться в длинной низкой каменной трубе в полный рост, и то и дело потиравшийся о склизкий потолок волосами, попеременно стискивая зубы и кусая себя за нижнюю губу, следовал за ним. В молчании они отошли так далеко, что потеряли из виду вход, тусклый свет которого хоть в некоторой степени мог бы послужить ориентиром их пути. Чтобы не двигаться в темноте, Зевран вытащил из-за пазухи амулет на тонкой цепи. Наощупь отколупнув с него крышку, он поднял бывший спрятанным

под ней небольшой янтарный камень, и тот озарил окружившую их тьму внезапно сильным, ярким светом.

— Спрячь, — приказал Броска, налегая на едва приметную арку в стене, слизь на которой была как будто тоньше и свежее, чем везде. — Здесь.

От усилия гнома стена отодвинулась прежде, чем Зевран успел прийти ему на помощь, открывая полутемный, но сухой и чистый, в сравнении с желобной клоакой, проход, освещаемый кое-где торчавшими из стен кристаллами, чем-то похожими на лириум. Здесь эльф смог, наконец, выпрямиться, не опасаясь удариться головой. По его внутренним ощущениям, эта дорога оказалась дольше примерно втрое, против той, которую пришлось преодолеть в желобе с дерьмом. Спустя какое-то время она вывела их к тупику, на первый взгляд, состоявшему из цельной скалы.

— Знач, слушай сюда, эльфенок, — Фарен Броска кивнул на стену. — Там уж целиком схрон Хартии, а потому всех, на кого наткнемся, надобно будет убить. Всех, уразумел, ушастый? Теперь такое время, что народцу много быть не должно, но кто встретится, и запалит — умрет. Мы поняли друг друга?

— Об этом не беспокойся, — Зевран пожал плечами, распуская завязки на плаще, под которым обнаружилась перевязь кинжалов. — Но ты упомянул...

Ассасин умолк, не договорив. На миг его лицо словно бы свело болезненной судорогой. Он тронул свои губы и, скользнув взглядом по крови на пальцах, вытер кистью рот.

— Ты упомянул своего напарника. Кажется, Леске.

— Леске — у входа в пыточную. На случай, если что-то пойдет не так. Ну, и чтоб пересчитать всех тех, кто сунется, и будет там торчать. Готов?

Зевран схватился за шею, словно прихлопывая комара. Он не мог видеть, но хорошо почувствовал расцветший на коже словно огненный цветок горячей боли в том месте, где раньше был залеченный ведьмой укус.

— Готов, — коротко подтвердил ассасин, вытаскивая меч. Короткий изогнутый клинок тускло блеснул в свете редких кристаллов.

За дверью оказался такой же полутемный коридор, из которого они выбрались только что. Разве помимо кристаллов он освещался немилосердно чадившими факелами вдоль стен. Больше всего эти коридоры напоминали Зеврану норы землероющих грызунов, если бы не расставленная утварь и раскиданный мусор, свидетельствовавший о присутствии более разумных обитателей.

Оглянувшись на своего спутника, Броска неслышно прошел до ответвления коридора и, выглянув туда, сделал приглашающий знак Зеврану. Крадучись, они миновали несколько ходов, некоторые из которых вели в небольшие пещеры, заваленные барахлом, ящиками, бочками, либо заставленные бедной мебелью. В некоторых из них занимались своими делами гномы, однако на мелькавшие в коридоре фигуры внимания никто не обращал. Дважды навстречу попадались вооруженные хартийцы, здоровавшиеся с Броской, но Зевран успевал нырять в очень кстати оказывавшиеся поблизости углубления в камне. Без приключений они прошли еще несколько ходов, миновали видимую из коридора большую комнату со множеством скамеек и столов, за которыми ели и пили около десятка вооруженных гномов в доспехах, и оказались перед тяжелой закрытой дверью, единственной из увиденных здесь Зевраном.

От ниши перед дверью отделился приземистый смуглокожий хартиец с забранными на затылке в хвост тугими косицами. Скользнув взглядом по фигуре эльфа, он встретился

глазами с вздрогнувшим от неожиданности Броской и кивнул на закрытую дверь.

— Джарвия там. Подошла где-то с четверть меры назад. Наземник тоже там. Телохранителей трое. Больше никого.

Фарен кивнул, косясь за спину, где, в опасной близости от них в конце коридора помещалась та самая комната с едящими и пьющими в ней хартийцами.

— Почему так мало народу? Где все? — только и спросил он. Смуглый гном пожал плечами и бросил недоуменный взгляд на кусавшего уже порядком распухшие губы Зеврана, который мягко переступал на месте и поочередно щурил глаза, одновременно морща щеку, словно переживая приступы зубной боли.

— Разошлись кто куда. Джарвия надавала указок. Я сам едва успел сбежать до того, как она б и меня нагрузила. Доходы, говорит, на неделе упали. Надо восполнить. А как по мне, так ей просто не шибко охота, чтоб мешали. У ней новая игрушка, так покуда не сломает, не успокоится.

Броска и Зевран переглянулись.

— Трое телохранителей. Прямо за этой дверью, — напомнил Фарен, еще раз обернувшись назад, на комнату, из которой доносился говор и стук утвари по столам. — Я правого, Леске — левого. Тебе, ушастый, тот, что в середине. И помните — все должны сдохнуть без звука. Иначе — можно прямо тут себе глотки резать. Будет не так больно умирать.

Он приоткрыл дверь и, миг спустя, распахнул ее на всю ширь. За ней обнаружился короткий коридор, заставленный разнообразными железками, в котором стояла только одна каменная скамья. На этой скамье, перекатывая в ладонях камни, устроился заросший бородой гном, одетый в железный доспех. Двое других, безбородых и помоложе, стояли у дальней двери, которой заканчивался коридор, и явно прислушивались к чему-то, происходившему за ней.

Кинжалы мелькнули в воздухе до того, как обращенные на пришлых взгляды исполнились понимания, а рты — открылись в крике. Оба молодых гнома беззвучно осели на пол, каждый со своим ножом в горле. Бородатый все же успел крикнуть, но вошедшие по самую рукоять кинжалы Леске превратили его крик в булькающее клокотание. Втолкнув подельников вовнутрь, Броска обернулся через плечо. Бежать и выяснять, в чем было дело, никто не торопился. Непохоже, чтобы кто-либо из хартийцев вообще слышал что-нибудь.

— Все, — негромко разрешил Фарен, плотно прикрывая дверь. — Теперь можно трепаться. Отсюда звук не проникает вовсе. Но все же...

Наземный эльф издал произвольный стон и скрючился в три погибели. Прошло до нескольких ударов сердца до того, как он распрямился вновь.

— Идем быстрее, — отвечая на обращенные на него взгляды, без объяснений предложил он. — Покончим с этим.

Леске вытащил свои кинжалы и вытер их об одежду бородатого. Дождавшись, чтобы прочие подошли ближе, Фарен приоткрыл дверь в пыточную и сунул голову вовнутрь.

Глава 26

Глава 26

— Бей только наверняка, наземник, — прошипел дернувшемуся вслед за Броской эльфу

щеголеватый Леске. — Промазать ежели, Джарвия успеет в свисток свой дунуть. А при ней тоннельника три, прирученных. Здоровых, как зараза. Ушей у них сроду не бывало, и слышать они не слышат, а на свист кидаются, как обученные мабари. Дрожание воздуха чувят. Да и сама Джарвия с кинжалами фору даст и тебе и мне, и Фарену вместе взятым. Слышишь, бей наверняка!

В приоткрытую дверь поверх макушки Фарена, Кусланда Зевран увидел сразу. Командор лежал на столе, притянутый к нему толстыми кожаными ремнями. Ремни охватывали все большое тело Серого Стража так, что, казалось, их было куда больше, чем открытых участков кожи. Тем не менее, открыто было достаточно для того, чтобы дать почувствовать рыжему наземнику любую пытку — от грубой и топорной, до самой утонченной и изощренной. Блестевшие испариной грудь и живот Айана были проколоты во многих, самых чувствительных, местах, и продетые в проколы изломанные фигурки и шипы из тонкого металла создавали причудливый рисунок по всему его телу. Затейливой формы иглы были даже в губах Кусланда, стягивали рот и щеки, надрывали тонкую кожу шеи, выглядывали из-под ногтей. Стоявшая рядом молодая гномка, худая и темногубая, заботливо оттирала кровь, ссохшуюся вокруг него на столе. Глаза рыцаря были широко открыты, но смотрел он не на гномку, а в стену, только вздрагивая, когда влажная тряпка задевала какую-то из продетых глубоко под его шкуру безделушек.

— Ну вот, милорд, теперь все чисто, — отложив в сторону мису с водой, гномка оперлась о край стола, положив на него локти, и приблизив свое лицо к лицу пленника. Волноваться за себя ей не приходилось. Перетягивавший лоб наземника ремень не давал ему и на полпальца сдвинуть головы. — Благородные любят чистоту. Ведь любят, так? Посмотри, как я стараюсь для тебя, милорд. Ты и снаружи чистый, и внутри. Вчера мы целый день работали над этим. Но, может, милорд считает, что не достаточно? Быть может, стоит сделать еще раз?

Рыжий пленник вскинул глаза к свисавшему над столом наполовину полному бурдюку с водой, из которого торчала трубка, изгрызенная зубами, должно быть, не единого десятка пытаемых перед ним, и взгляд его против воли наполнился ужасом. Гномка проследила за выражением страха на лице пленника и удовлетворенно улыбнулась.

— Что, нет? Значит, милорд непритязателен. О, это странно. Странно, потому что, как правило, благородные господа очень щепетильны во всем, что касается чистоты и порядка, которые для них наводят смерды. Разумеется, после того, как благородные вдоволь насвинячат. Я точно помню, как, еще ребенком, бывала с матерью у одной знатной госпожи, у которой мы мыли полы. И если ей мнилось, что оставался сор, госпожа нас била. Вот так.

Тяжелая оплеуха на мгновение ослепила пленника, и лишь мигом позже на него обрушилась резкая колющая боль от вонзившихся глубже в мясо игл. Айан коротко выдохнул, сдерживая вскрик и жалобно, почти по-детски сморщив лицо. На его вспухших изорванных губах выступила кровавая слюна.

— Все, как должно, — гномка провела пальцем вдоль линии губы наземника, стирая кровь и сильнее надавливая на основания игл. Страж стиснул кулаки, зажмуривая глаза и каменя мышцами, сведенными от боли. — Ведь таковы правила игры, милорд? У вас есть право повелевать, бить, издеваться, пытать и калечить, а у нас — помалкивать и подчиняться вам. Только потому, что меня судьба выбросила между ног мохоедки из Пыльного, а тебя — на шелковые простыни жены какого-то благородного ублюдка. Так, или нет? Ну, чего ты все молчишь? Язык поганый проглотил? А хочешь, мы это устроим?

Убедившись, что наверняка метнуть ножи будет непросто из-за того, что Джарвия не стояла на месте, а между проемом и столом громоздились еще несколько пыточных приспособлений, закрывавших обзор, Броска скользнул в приоткрытую дверь, умудрившись беззвучно просочиться сквозь узкую щель своим крупным телом. Зевран протиснулся следом, ныряя за какой-то деревянный механизм со множеством свисающих цепей. Тоннельников, о которых его предупреждал Леске, нигде не было видно, но сосулька свистка на шее гномки висела, в этом не было сомнений.

Тем временем, Джарвия оставила в покое рот Стража и, обойдя стол, остановилась у его согнутых разведенных ног. Почувствовав поглаживающее прикосновение к своему бедру, безволосому, как у эльфов, или косситов, Кусланд задышал чаще, сдерживая страх. Бессознательно он попытался свести колени, но выделанные сыромятные ремни, из шкуры старых бронто, держали крепче железа.

— А, пожалуй, не стоит, — огибающими движениями поглаживая гладкую кожу пленника от низа живота к бедру, решила Джарвия. Она шагнула в сторону и, готовый было уже выбросить кинжал Броска, сдержал руку. — Твоему языку мы еще найдем применение. Берган очень просил его оставить. Что-то он там тебе обещал при вашей первой встрече. Не расскажешь, что?

Гномка вновь нырнула куда-то под стол. Когда она выпрямилась, в ее руке поигрывала новая игла. Длинной всего в полпальца, она была причудливо и удобно изогнута. Непонятная зеленая мазь покрывала ее до середины.

— Может, все ж, заговоришь со мной, твоя светлость? — легко касаясь, пальцы Джарвии нашли нужное место между переплетением кожаных ремней и железных растяжек. Айан вновь зажмурил глаза, не имея возможности сжать губы из-за засевших в них игл. — Если нет, опять придется делать больно. Очень больно, а потом еще и печь сильно будет. Ведь с вами, благородными, иначе никак. Ведь вы такие непослушные! Такие гордые. А, милорд?

Присев, и почти сливаясь с прикрывавшим его механизмом, Зевран зажал между пальцев самый отточенный из своих ножей. Приподнятое на натянутых ремнях колено Командора частично заслоняло от него Джарвию. Подобраться же ближе было нельзя, чтобы не попасться гномке на глаза. Позиция Фарена едва ли была удобнее. Эльф понимал это так же, как и то, что попытка на самом деле будет только одна. Потом Джарвия попросту натравит на них своих покуда невидимых зверей и, в то время как их будут рвать на части, уйдет почти что не спеша. С тем, чтобы потом вернуться, но уже не в одиночку.

— А на самом деле вы — куски дерьма, — хрипловатый, с пришепетыванием, голос Джарвии утратил заботливую ласковость внезапно, делаясь отрывистым и злым. — Куски дерьма, которые мнят о себе невесть что. Да какое право имеешь ты, тварь, так задирать свой нос? Считать, что ты лучше меня? Лучше любого мохоода из этой пыльной клоаки? Что, кровь у тебя голубая? Красная она, такая же, как у всех, как у последнего нищего в этой вонючей яме!

Кусланд взвыл, выгибаясь в ремнях. Воткнувшийся лоб в дерево Зевран что было силы закусил кожу своего наруча, пережидая пронзившую его тело острую боль. Боль эта, впрочем, не думала стихать, расползаясь от паха к животу горячим, пульсирующим жжением.

— Короны, цацки, девизы, гербы, — только что ласково ворковавшая короткорослая женщина злобно сплюнула и, крупными шагами преодолев расстояние до головной части

стола, оперлась ладонями о столешницу и качнулась к Кусланду, по лбу которого, в мокреющие волосы, катились капли крупного пота. — Горы золота, толпы слуг, охрана, дворцы и земли — это все ваше, мразь ходячая, все! А нам только и остается, что ловить объедки с вашего стола! Могли — вы и воздух бы себе забрали, и заставили платить за то, что дышим. Разве не так? Разве нет?

Айан сплотнул. Боль от втиснутой в его мясо иглы из пронзительной сделалась терпимой. Уже успевший изучить характер гномки с ее сменами настроения, он едва слышно постанывал, не скрывая муки. Внешние проявления мучений пленника было тем, что быстро успокаивало Джарвию, принося ей удовлетворение.

Однако, похоже было, что в этот раз королева Пыльного города распалила себя больше обычного. Ее глаза сверкали, а худые темные щеки — пошли пятнами от ярости.

— Для вас жизнь простолюдина — ничто, грязь, — гномка злобно мазнула ногтями по мокрой щеке Командора и закусил губу. — По приказу таких, как ты, наших детей клеймят железом — с рождения! Твари! И убить клеймёного — все равно, что нага растоптать! Но вам ведь мало. Вам всегда мало! Вы любите издевательства. Любите, когда больно! Ты, и такие, как ты, стремитесь отобрать не просто наш труд, наш заработок, наши надежды на хоть что-нибудь, хоть что-нибудь в этом дерьме! Нет, вам еще достоинство наше нужно. Благородство — это ведь только про вас. Простолюдин не может вести себя, как благородный. Он должен оставаться смердом, а иначе ему отрубят руки и ноги, сдерут кожу и вывалят то, что останется, на поживу тоннельникам на Глубинных тропах! Вам нужно рвань. О которое вы ноги бы хотели вытирать, ну так это, ты, светлейший ублюдок? Так. Определенно, так. Я насквозь тебя вижу, благородный. А знаешь, что самое мерзкое?

Избегая ее взгляда, Айан, как мог дальше отодвинулся от покрасневшей Джарвии, но она схватила его за щеки, оборачивая голову к себе, и понуждая заглянуть в глаза.

— Самое мерзкое — то, как далеко вы способны зайти в своих развлечениях и пороках, — ее длинная, длиннее человеческой, рука, пробежалась по груди Айана, цепляя каждый всаженный в нее кусок металла. — Берете, что хотите, и когда хотите. К женщинам относитесь, как к тряпкам — подтереться и выбросить. Да, благородный? Ведь мы — ваша собственность, не так ли? К вашим услугам, для ваших забот, для ваших утех. А есть ли у тряпки душа, и что она чувствует — вовсе неважно. Ну? Это правда? Скольких ты принудил послужить тебе? Наверняка, многих. Ты же такой здоровенный милорд. Сколькие страдали от тебя? Ты хоть раз задумывался о том, что они чувствовали, когда ты, наконец, насыщал их телами свою похоть?

Джарвия отпустила щеки пленника так же резко, как делала все до сих пор, мазнув напоследок по его губам. Звякнула какая-то железяка и лицо гномки сделалось внезапно участливым и спокойным.

— Наверняка, не задумывался, — она ласково отодвинула мокрые медные волосы Айана и, склонившись, поцеловала его в лоб. — Тогда давай, я тебе покажу.

Сообразив, что еще миг-другой, и может случиться что-то, способное за несколько мгновений вновь подарить часы и часы терзающей боли, и, даже, какое-то серьезное увечье, Зевран приготовился выскочить из своего укрытия. Для того, чтобы, наконец, с высоты своего роста получить возможность ударить наверняка. Но сделать так, как задумал, ему не пришлось.

Внезапно раздался громкий стук в дверь. Гномка с досадой бросила что-то, звякнувшее металлической тяжестью, и сделала шаг от стола, открываясь сразу для обоих. Еще

мгновение спустя в воздухе мелькнули кинжалы — один от Антиванского Ворона и два — от хартийца. Округлившая глаза в последнем немом удивлении, и так и не успевшая воспользоваться свистком, Джарвия рухнула на пол. Ее горло было пробито остро отточенной сталью сразу в трех местах.

В пыточную сунул длинноносую голову Леске и, повертев ею, с ходу оценил ситуацию.

— Какого демона вы тут так долго торчите? — недовольно прошипел он, шагая вовнутрь и прикрывая дверь. — Того и гляди Гор объявится со своими головорезами. И что вот тогда делать?

Зевран выпрямился и, придерживая низ живота, дохромал до Командора. Броска пришел ему на помощь и, спустя несколько малых временных мер, они ослабили ремни и крепления настолько, что Айан смог приподняться и сесть, опираясь на руку ассасина. Морщась и кусая исколотые губы, подрагивавшими от напряжения руками, он, медленно и осторожно, вытащил железо из своего тела, и отбросил прочь. Та же участь постигла и несколько игл, воткнутых в самые болезненные места, и могущих помешать ходьбе.

— Сможешь идти, мой Страж? — Зевран поймал взгляд Кусланда, и решил уточнить то, что было немаловажно. — Идти сам?

... Гарнизону, охранявшему главный из немногочисленных выходов на Глубинные тропы, никогда ранее не доводилось наблюдать такого столпотворения, которое образовалось напротив огромных тяжелых ворот, заранее открытых сегодня с самого раннего начала рабочих часов. Обычно к воротам редко приходило больше полутора десятков гномов — при проходах в Легион мертвых, либо уходе отрядов на Тропы еще по каким-то нуждам. Чуть большая толпа собиралась здесь, чтобы проводить в последний путь очередного Серого Стража, который, отжив свой срок, отправлялся искать смерти под клинками порождений тьмы на Глубинные тропы. Но и такие случаи не собирали больше двух-трех десятков зевак. Вот почему то, что происходило теперь на небольшом пустыре перед выходом в тоннели, никак нельзя было назвать чем-то заурядным.

Молва об экспедиции, что уходила на Глубинные тропы на поиски Совершенной, целых три дня и три ночи, наступавших и проходивших в наземье, расходилась по Орзаммару, подобно кругам на воде, будоража умы и вызывая перетолки. Слухи об участии Серых Стражей еще более подогревали интерес. После долгих недель безвластия и бед, эта весть была первой, что не несла в себе напасти, и возвещала о чем-то необычном и благостном. И потому, к моменту, когда экспедиция Стражей собралась перед воротами на Глубинные тропы, ее там уже поджидала толпа не менее, чем из нескольких сотен любопытствующих и вдохновленных обитателей Орзаммара.

— Ты только посмотри, что творится. И представь, что было бы, не найдись вчера Командор, — оглядываясь по сторонам на обступавших их отряд и пошумливавших многочисленных гномов, вполголоса бормотал Антиванский ворон в сторону бледной и усталой ведьмы, которая стояла, не выпуская посоха, и время от времени опираясь на него. — Они съели бы нас с потрохами. Нас, а после — Белена.

— Принц бы нас первым съел. Живьем зажарил после того, как, — Морриган бросила неприязненный взгляд на разглядывавших ее зевак и поморщилась. — Торчать нам долго тут еще?

— Откуда мне знать? — Зевран неподдельно вздохнул, запнувшись взглядом о невозмутимого коссита, который мрачной скалой недвижимо возвышался рядом с погонщиком. Два бронто, огромных, серых зверя, крупнее медведя, и с большим рогом

вместо носа, тяжело груженных провизией и прочим необходимым для дальнего похода, шумно выдыхая и бурча животами, перетаптывались рядом. Впрочем, отряду был выделен только один бронто. Второй предназначался гарнизону в отдаленном тейге Харзар, стоявшему в той же стороне, что и загадочный Ортан. Именно туда направлялся погонщик первого бронто с запасами продовольствия для державшихся там защитников последнего оплота Орзаммара. Предполагалось, что дальше Харзара экспедицию должен был вести их собственный проводник.

— Командор... если я правильно понял его сипение, нашел этого самого проводника Огрена в одной из харчевен, и сговорился встретиться с ним сегодня, на этом вот месте, — эльф еще раз пробежался глазами по толпе. — Может, он там, за спинами, только пробиться не может?

— Тогда ему лучше поторопиться, — неожиданно вмешался по-прежнему хмурый, но почему-то сделавшийся очень разговорчивым коссит, видимо, не менее прочих взбудораженный осознанием того, что, после долгих недель ожидания он, наконец, столкнется с теми, ради которых дал увести себя из клетки — с порождениями тьмы. — Посмотрите туда.

Ведьма и ассасин, а за ними и прочие подняли головы, наблюдая спускавшийся из Алмазных залов отряд воинов в начищенной, церемониальной броне, возглавляемый самим Беленом. Рядом с принцем, возвышаясь над каждым из гномов почти вдвое, даже не прихрамывая, шел крепкий и широкогрудый Серый Страж. Зрелище это поневоле оказывало внушение даже на спутников Айдана Кусланда, не исключая Зеврана, которому только несколько часов назад довелось наблюдать блистательного наземника в совсем ином, куда более жалком положении.

— Белен — показушник, — все же выразил он свое мнение, глядя на не спешное, но и не медлительное продвижение принца, его гостя и воинов к месту поджидавшей их экспедиции. — И пыль пускать в глаза умеет, как никто другой. Нас отправил сюда, интриги ради, чтобы все загодя нагляделись всласть, но когда подойдет — все внимание будет ему и Командору. А вид Стража, нужно сказать, внушает.

— Доспехи новые на нем, — Морриган сощурила глаза, не имея, в отличие от эльфа, возможности разглядеть пока еще слишком далеко находящегося Айана в подробностях. — Спросить забыла ночью. Не до того было с целительством этим. Где подарок матери моей?

Зевран дернул плечами.

— Вроде бы, от него избавились по приказу этой самой Джарвии. После того, как один из ее людей... гномов попытался облачиться, и нагрудник стиснул его, как яичную скорлупу, переломав кости и размозжив мясо. Дохлого гнома вынимать не стали, а сбросили в лаву вместе с доспехом.

— Так и было, — подтвердил прогуливавшийся сбоку, одетый по-походному Фарен Броска. — Сам видал, чтоб мне лопнуть. Лувша, прими его камень, когда наземника, Командора вашего, раздели, для смеха нагрудник его напялил. Дай, грит, и я как благородный похожу хуч чуток. А нагрудник возьми и сожмись. Лувша дергается, орет, Леске и Горат пытаются отодрать от него это дрянное железо... или из чего оно там сделано. Но там все равно, что с одним щитом против камнепада выйти. Сжало Лувшу так, что башка отдельно, и руки с ногами, а тулово... Кароч, избавились от доспеха, по приказу Джарвии. Уж на что она баба крепкая... была, а тож не блеванула едва, как Лувшу увидевши. И, что странно — крови не было совсем. Ну, ни капли. Всю, что вытекла, не иначе,

нагрудник всосал. Мы его уж не трогали, побоялись. Так, на лопатах, к обрыву и снесли. Джарвия еще и тогда на Стража вашего разозлилась. Что не предупредил. Не любит она такие фокусы.

— Надо же, — Морриган ухмыльнулась, несколько раз сжав и разжав на посохе тонкие пальцы, и с все большим интересом поглядывая на тонконосое лицо Броски. — Думалось, лгала мне мать, когда о свойстве их таком предупреждала. Байки сочиняла, чтоб напугать.

— Получается, не байки. И мастера у Белена что надо. За неполную ночь подобрать новый доспех и подогнать его по фигуре Стража — надо быть гномами, не иначе. А твое деяние и вовсе чуду сродни, — поймав брошенный на него взгляд, поторопился добавить Зевран, видя, как омрачается лицо его собеседницы. — За другую половину сонных часов сделать из того куска мяса, которым был наш друг, тело, способное носить доспех.

— Я тож удивляюсь, — Фарен покосился на любезничавшего с кем-то из зевак Леске, и хмыкнул. — Я удивился, еще когда парень ваш своими ногами из Хартии ушел. Грешным делом, думалось, что пробиваться придется, потому как не дойдет он, и надобно будет волочить его на загровке. Все ж Джарвия... Ну да, камень с ней. Однако, дошел наземник, да еще и молча. И шел до самых Алмазных залов. Сроду такого не видывал.

Они помолчали.

— Чего вы вообще привязались к Командору? — вдруг отстраненно поинтересовался Зевран. Взглядом он по-прежнему следил за Кусландом. — Я так и не понял этого из твоих объяснений. Что он сделал вашей Джарвии?

Фарен закатил глаза и сплюнул.

— Надо оно тебе теперь? Ниче он не сделал, ниче, говорю. Разве что Бергану нос расквасил, это было. А уж Берган пожаловался Джарвии. Еще и приукрасил, как водится. Джарвии много поводов на надо, ежели нужно вломить благородному. Чем-то они не догостили ей, ну да теперь уж не узнаешь про то. Но с тех пор, как она Хартию взяла, благородным житья не стало, эт точно. В особенности после того, как Эндрин к камню дунул. А друг ваш сам подставился. Случайность. Эт вы, наземники, глубинный смысл искать привыкли. А оно не так глубоко, как вы копаете.

Он поправил сползавшую с плеча невзрачную и штопанную, но объемную сумку, из которой, прикрывая содержимое, торчал кусок старой холстины.

— Не передумал ты с нами идти? — продолжая наблюдать за приближением процессии Белена, переспросил Зевран. Принц подходил все ближе, и многие гномы в толпе уже приветствовали возможного будущего короля взмахами шапок и потрясанием кулаков. — Хорошо все взвесил?

Фарен шмыгнул необычным для гномов, прямым и тонким носом, и философски поднял брови.

— Ну, а как? Покуда вы Стража бинтовали, я успел перетереть с сеструхой, благо, во дворце она уж хозяйкой себя чувствует. Потом сбегал, не поленился, обратно в логово Хартии нашей. Там Гор, из фаворитов Джарвии, явился, рвет и мечет. Они с Берганом уже успели друг другу в бороды вцепиться. Ежели к ним присоединится Тсуфа, а она присоединится, чтоб мне до конца жизни только мох глодать — будет и вовсе жарко. Нам с Леске надобно залечь на дно. А в Пыльном не отбудешься — обязательно найдут и заставят за кого-то глотки резать. Во дворце тож не пересидеть. Рика хоч и в фаворе, да только честь надо тоже знать. Голову Джарвии, сам помнишь, ваш же Командор брать не разрешил — грит, она откуда-то слизывала кровь у него, а в крови — будто бы скверна, как у всех

Стражей. Так что Джарвии по-любому была бы крышка, не от ножа, так от скверны. Мы ж затем ее и спалили, чтоб заразу не разносить.

— Помню, — Зевран потер щеку. — В пыточной, в камине.

— Да. А стало быть — к Белену я и не ходил, не с чем. И путь что у меня, что у Леске, теперь один — со Стражем, на Глубинные тропы. Дома все одно прибьют, а так вдруг да отыщем Совершенную? Или хотя бы кости ее. Ты видал, за оружие я не вчера в первый раз схватился. И гарлоки эти навряд страшнее Гора с Тсуфой, уж можешь мне поверить. А за вожаком, как ваш Командор, не пойти — это вовсе дурнем остаться. Ни разу до него не встречал такого, кто даже с голым задом уважение к себе бы вызывал.

Эльф ухмыльнулся, приготовившись отвечать, но был прерван довольно неожиданно. Крепкий рыжий гном с зачесанной в две косицы бородой, большим мешком на ляшках за плечами и устрашающего вида секирой за спиной, растолкав толпу, чуть не вывалился на камни под лапы стоявшему тут бронто, но чудом сохранил равновесие и, харкнув на пол, решительно направился к обратившим на него внимание членам будущей экспедиции.

— Стало быть, вот он я, — как будто бы уверенно, но с некоторым напряжением в голосе, грянул он, переводя прищуренный взгляд с лица на лицо и, по-видимому, оставаясь неудовлетворенным от того, что видел. — Стало быть я, Огрэн, из касты воинов. Скажите, хорошие мои, не видали вы тут мужа крупного и статного, с умным лицом и могучей челюстью? А на голове у него... вот, нагов... вый паштет! Не упомяну, толи нимб сверкающий, толи просто пламя так сияет. Было это после полбочонка эля, и, убейте, не скажу точнее.

Стен переглянулся с ассасином, тот — с лесной ведьмой.

— Не было тут такого, — встрял Броска, хотя назвавшийся Огрэном гном обращался как будто бы к Зеврану, безошибочно выделив, самого словоохотливого в отряде. — А с чего ты взял, что он должен быть тут?

Перед тем, как ответить, Огрэн еще раз оглядел каждое лицо в экспедиции, не обходя и погонщика бронто, некоторое время внимательнее прочих разглядывал Стена, после чего шумно вздохнул и махнул рукой, по-видимому, окончательно отчаявшись найти того, кого искал.

— Так ведь сговаривались мы с ним встретиться тут, на этом самом месте.

— С кем? — уточнил Зевран, начиная догадываться.

— Дык, со Стражем, — рыжий обладатель огромной секиры еще раз вздохнул и снова харкнул на пол. — Он меня в проводники зазывал. Оно и верно. Ить во всем Орзаммаре никто, кроме меня, не укажет пути в тейг Ортан...

Не договорив, Огрэн умолк и попятился. Толпа зевак шарахнулась в стороны, открывая путь для вышагивавшего впереди отряда из королевских стражников принца Белена. Принц был одет по-простому, без доспеха, хотя наверняка лёгкая кольчуга под складками просторной рубашки все же имелась. Рядом, в нужное время выдавливая на лицо вполне правдоподобную улыбку, шел Серый Страж с поверхности. Его суровое, точно из камня высеченное, лицо казалось спокойным, а на доспех, с выгравированной на нагруднике эмблемой Серых Стражей — двух благородных грифонов, было больно смотреть.

— Станный сплав, — больше для себя пробормотал коссит, разглядывая Айана. — И не блестит, а глядеть тяжело.

— Эт работа древних, — Фарэн перешел на шепот, хотя нужды в том пока не было — гномы вокруг продолжали шуметь. — Такой даже в лаве не сразу растворится. Придуман

одним из Совершенных. Вот которым — совсем из головы. Не помню.

— О, — Огрэн, о котором временно все забыли, вновь шагнул вперед, дергая за локоть вздрогнувшую Морриган. — Так ведь вон он. Страж. Тот, с которым я договаривался. Он, стало быть...

Поморщившись, ведьма стряхнула лапищу гнома. Меж тем Белен со своими гномами добрался до выжидательно замерших участников невеликой экспедиции. Поприветствовав их царственным кивком, принц обернулся к толпе. Крики смолкли, как по волшебству. Горожане, приветствовавшие младшего из Эдуканов, ровно как и те, кто втайне надеялся на победу дешира Харроумонта, одинаково умолкли, приготовившись внимать. И принц не разочаровал ни тех, ни других.

— Добрые гномы, — голос его, густой и громкий, разносился, казалось, по всему Орзаммару. — Сегодня воистину знаменательный день для каждого из нас. День, когда предки улыбнулись нашему славному городу, и явили нам свое давно утраченное расположение!

По толпе пробежал шепоток и летучий обмен взглядами. Выждав несколько мгновений, Белен продолжил.

— Обида предков была не случайной. Все мы знаем о наших Совершенных и славных деяниях их. Помним и о том, что за множество поколений среди гномов не рождался тот, кто по праву мог бы называться живым предком. И вот, совсем недавно, судьба даровала нам Совершенную. Это случилось в нашу эпоху, при нас с вами, гномы! И как поступили мы? Что сделали, чтобы сберечь этот ценный дар, сохранять и защищать нашу добрую Бранку? Ничего! Вот уж два года, как след ее потерялся на Глубинных тропах. Но разве хоть кто-то сделал что-то для помощи ей? Никто и ничего! Мы забыли о том, забывать о чем нельзя никогда! Мы забыли о нашем долге, гномы!

Слова принца были встречены возгласами, в большей части одобрительными, и даже кое-где исполненными покаяния. Если кто-то в толпе и полагал, что сохранность и защита Совершенной являлась долгом прежде всего тех, кто мог об этом позаботиться, а именно, короля и знати, уточнять этого не решились.

— И теперь пришло время исправить наши ошибки. Быть может, тогда предки сжалятся, и явят больше милости своему народу!

— Командор держится молодцом, — прошелестел Зевран на ухо Морриган, которая, морщась, старалась отодвинуться дальше от стоявшего тут же Огрэна, запах от которого сводил ее с ума. — Я дал ему горошину нуки, это, помимо всего прочего, притупляет боль. Но не уверен, съел ли он. Если б съел... с непривычки улыбался бы теперь гораздо чаще.

— Перевязок на нем много под доспехом, — ведьма пожала плечами, стараясь дышать через рот. — Коссит мне помогал. Стянули туго, пока он на виду, того и хватит. Но отойдем когда подальше, привал устроить надо. Лечить его продолжу. Иначе в пасть соваться тварям толка нет.

— ... в этом любезно вызвались помочь нам Серые Стражи Ферелдена, — меж тем, продолжал Белен и Айан вышел вперед, поднимая руку в жесте приветствия. — Да будет их дело успешным, и да послужит оно к величию и славе Орзаммара!

Последние его слова утонули в дружном реве глоток сотен гномов. Морриган и Зевран понимающе переглянулись. Белен сыграл свою роль, как надо. Теперь дело оставалось за Командором.

Глава 27

Холмы пропали на второй день после отъезда невеликого отряда Алистера Тейрина из гостеприимной деревни отступников. Несмотря на то, что местность оставалась по-прежнему безлюдной и дикой, теперь посланники Командора двигались гораздо увереннее и быстрее. Дочь старосты Вилфреда, Нерия, вызвалась быть их проводником. По торговым делам молодой магине не раз приходилось бывать на зимних стоянках долийских кланов, и ей, одной из немногих, был известен короткий путь к лесным эльфам. Скрепя сердце, староста дал свое благословение на этот поход, справедливо рассудив, что беспокойство за дочь обойдется ему дешевле ее упреков.

По совету отступников, доспехи храмовников пришлось оставить в деревне. Успевший узнать за многие годы долийцев староста сумел убедить гостей, что людей, носивших такую броню, эльфы отстреливали издали, не пытаясь вступить в разговор. Взамен Алистер и Лелиана получили теплые куртки из оленьей кожи с меховой оторочкой. И, хотя в такой одежде было удобнее, без привычной тяжести доспеха бывший храмовник чувствовал себя почти голым.

— В Бресиляне не важно, в броне ты или нет, — непонятно объяснил старый эльф пытавшемуся возразить ему сыну Мэрика. — Если захочет взять жизнь — он ее возьмет.

Впрочем, второй совет старосты Вилфреда — взять с собой в дорогу еще одного мага, который вдобавок бы владел магией крови, показался Алистеру более разумным. Об опасностях леса Бресилян в Ферелдене ходили легенды, и Страж с удовольствием взял бы с собой не одного мага, а десять. Однако готовившимся поддержать армию Командора отступникам требовалось как следует подготовиться перед тем, как покинуть деревню, и потому в спутники отряду достался один только Йован, хорошо владевший магией крови, и не успевший еще обзавестись каким-то ценным имуществом, которое требовалось бы упредить до начала опасного похода.

Едва заметная, дорога от деревни отступников к поросшим лесом холмам все же имелась. Их проводница Нерия, оказавшаяся довольно словоохотливой, объяснила, что торговлю с тремя долийскими кланами удалось наладить около четырех зим назад, и с тех пор с наступлением каждого сезона отступники и эльфы торговцы встречались у опушки леса для обмена товарами и взаимными дарами.

— Шкурки они отдают дешево, и чудесно выделанные, — певуче поведывала молодая остроухая магиня, отпустив поводья. Ее смиренная кобыла, не понукаемая всадницей, шла спокойным шагом, точно сама знала, куда следует держать направление. — Они собирают особый сок, и им натирают шерсть, у которой появляется такой шелковистый блеск! Но какое именно дерево дает этот сок — не признаются, хоть мы не раз их спрашивали. И с нами ведут себя очень... по-своему. Я имею в виду, с нами, эльфами. Не секрет, что долийцы презирают городских... ну тех, кто живет по законам людей и поклоняется Создателю. Но нас, меня, отца... да и всех в деревне, даже людей — они не то, чтобы уважают... Но относятся без заносчивости. Нам хватило духа противостоять тем, кто пытался посадить нас в клетку и заставить жить по своим правилам. Так же, как и самим долийцам. Им это по нраву.

— Ты говоришь, что вы с долийцами встречаетесь на опушке. Откуда же тебе тогда

известен путь до их стоянки?

— Мне и отцу, ровно как и многим прочим эльфам из нашей деревни, приходилось бывать в их лагере, — Нерия улыбнулась Винн, но взгляд ее был прикован к статной фигуре сына Мэрика, который одной рукой держал поводья, а другой — растирал немеющие от мороза щеки. — У долийцев... в последние годы рождается очень мало детей. Магов среди них еще меньше. И маги их... не всегда целители. У них есть обычай обмениваться молодыми эльфами и, в особенности, чародеями, между кланами. Но несколько последних десятилетий даже это уже не помогает. Поэтому нам, магам-отступникам, чем дальше, тем все больше рады. Отец — сильный стихийник, но я... больше чувствую силы природы. Земли и деревьев... И хорошо исцеляю хвори. Хотя умею пока немного. Мне куда больше нравилось ходить на охоту, чем учиться магии у отца. Не могу представить, что бы было, заприменники меня в башне! Жить без воздуха, без неба... я не смогла бы так.

— Смогла бы, — не согласился Йован, оглядывавшийся на скованные морозом и укрытые снегом перелески, чем дальше, тем становившиеся все темнее и гуще. — Привыкнуть можно ко всему. Хотя некоторые... в Круге живут только надеждой на то, что когда-нибудь заключение окончится. Мы с Дайленом Амеллом пять лет планировали побег.

— Да, ты мне рассказывал, — Нерия сочувственно покивала и вновь стрельнула глазами в сторону спешно натягивавшего меховую рукавицу Алистера.

— Значит, есть вероятность, что нас не пристрелят на подходах к лагерю, а сперва все-таки выслушают? — поинтересовался тот, забирая поводья другой рукой. Молодая эльфийка согласно склонила голову, обнажая в улыбке белые зубы.

— Можешь не сомневаться. Только переговоры будешь вести ты. И это, поверь мне, самое трудное. Долийцы... да что там, вы увидите сами. Они живут очень бедно. Очень... но чем хуже у них дела, тем больше они стремятся показать, что все в порядке и никто им не нужен. И еще они злятся... очень злятся на шемленов. Так они называют людей. Хотя отец говорит...

— Что? — Лелиана водила пальцами по гладкой поверхности лежавшей перед ней на лошадиной холке лютни. — Что говорит твой отец?

— Отец говорит, что неправильно называть шемленами только людей, — Нерия пожала плечами. — Шемленами называли людей древние эльфы, те, кто умели жить очень долго. Шемлен — значит быстрый. Тот, кто быстро живет. Ну, то есть, недолго. Но теперь и эльфы живут не дольше людей. Значит, все мы — шемлены. Вот и получается, что слово утратило свой первоначальный смысл и превратилось просто в ругательство. Но это от невежества. Отец говорит... — Нерия опять запнулась. — Только не оброните этого при долийцах, они не простят. В общем, отец не видит смысла в том... том существовании, которое ведут долийцы теперь. Ведь они действительно вырождаются. И умирают... быстрее эльфов, которые живут в городах. Долгое время долийцы считали свой способ жизни оправданным из-за крупиц тех знаний, которые они хранили после падения Арлатана. Но ведь на сегодняшний день они потеряли почти все. Даже арлатанский, язык древних эльфов. Им владеют единицы в кланах. Все говорят на шемленском. Некоторые маги в Кругах по всему Тедасу знают этот язык лучше Хранителей долийцев. Эльфы помнят некоторые слова... часто стараются употреблять их в разговоре при чужаках. Но это все — обман. Пускание пыли в глаза. Все, чем заняты они теперь — выживание. Они все больше осознают это. И все больше озлобляются.

Винн подняла брови, но тон ее был ровным и спокойным.

— Странно слышать такие речи от эльфийки, — только и сказала она. Юная магиня грустно улыбнулась.

— Вы сами увидите, когда вы приедем в их лагерь, как они живут. Это... многое из их быта — попросту ужасно! Отец говорит, им нужно многое менять. Что если они хотят выжить, время для кочевничества уже прошло. Нужно... искать иные пути. Хотя бы перенять оседлый образ жизни, то, что они так презирают, но то, что может их спасти. И попробовать примириться с людьми. Быть может, даже отправить посольство в Денерим, — Нерия развела в стороны узкие ладони. — Я сама понимаю, как это звучит. Вряд ли их пустят дальше первого поселения с гарнизоном стражи. Но все же... Такие настроения уже бродят среди долийцев, в особенности, у молодых. О, если бы можно было поговорить с самим королем! Без всех этих церемоний, без волокиты. Отец... я слышала, как он обсуждал это с уважаемыми магами деревни. Отец считал, что при короле Кайлане у долийцев была надежда... Про Кайлана говорили, что он был справедливый король, и с воодушевлением относился к переменам. Но его супруга, Анора... Кажется, ей не по нраву приходились многие из идей Кайлана. Так говорят старшие мужчины нашей деревни. Я передаю лишь то, что слышала. Теперь, когда Кайлан умер, умерла и надежда для долийцев. Помните об этом, и не задевайте ненужных тем при разговоре.

— Благодарю, — Алистер потер лоб, и все больше исполняясь страха перед грядущей встречей с озлобленными лесными эльфами. Проводница ободряюще улыбнулась.

— Долийцы верят, что когда все эльфы вспомнят древних богов, и обратятся к ним, боги вновь заговорят с народом эльфов, и эльфы возвысятся. Но век проходит за веком, а боги все молчат, — Нерия вздохнула снова. — Отец... да и многие в деревне... нашей деревне, считают, что светлые боги Арлатана, ровно как и темные боги, те, которые теперь раз за разом насылают Моры, уже никогда не вернутся в образе богов. И... надо довольствоваться тем, что имеешь. Отец говорит — Создатель раньше тоже был богом эльфов. Просто немногие об этом помнят. Что не люди навязали нам своего бога, а наоборот, они приняли нашего, и нет ничего страшного в том, чтобы нам поклоняться ему. Но... долийцы не желали слушать его речей. Хотя наши товары и нашу помощь принимали с удовольствием. И вы тоже... не говорите с ними о Создателе или о чем-то таком... Они очень этого не любят.

— Не будем, — пообещал Алистер, внимательно взглядывавшийся в дорогу перед копытами своего коня, в боязни опять пропустить какую-нибудь опасность. — Быть может, ты знаешь что-нибудь еще, что поможет нам в переговорах с ними?

Эльфийка честно задумалась.

— Теперь не припомню, — медленно произнесла она спустя какое-то время. — Разве что, говорить вам нужно с Хранителем. В том клане, куда я вас веду, хранителя зовут Затриан. Ходят слухи, он открыл секрет бессмертия... которым владели древние эльфы. Но отец в это не верит. Иначе бы все долийцы его клана сделались бессмертными, а они — такие же, как и все прочие. Затриан, должно быть, просто очень стар. А может, в его долголетию виновата магия. Мне он... мне не нравится Затриан, — Нерия извиняюще пожала плечами. — Он какой-то... какой-то странный. И неприятный. Но он должен исполнить обязательства перед Стражами. Как и любой Хранитель. Вам нужно заручиться поддержкой только одного клана. Ко всем прочим они отправят посланников, и долийцы вьются под твое начало, Страж, всего за несколько дней.

— Это хорошие известия, — Винн кивнула седой головой. — Что не придется нам разъезжать по зимнему лесу в поисках прочих кланов.

— Бресириан не зимний, — эльфийка несильно сжала коленями бока своей лошади, и та послушно повернула в указанную сторону. — Магия... древняя магия и ее отголоски живут в нем до сих пор. Они очень сильно переродились и извратились, но не собираются уходить с земли. Обычно такое не к добру. Настолько долгие колебания Завесы способны даже самые чистые заклятия превратить в проклятия. А этот лес пережил целые магические войны. Завеса там истончена и колеблется. Из-за этого даже законы природы верно действуют не всегда. Снег если и ложится, то тут же тает. Трава и цветы могут расцвести и отцвести в единый день. Многие деревья... вот от деревьев лучше держаться подальше, а от кустов — тем более. В Бресириане водится множество опасных тварей, которые искусно прячутся, но всегда голодны и готовы напасть. Будьте начеку.

В последнем предостережении не было необходимости. Хотя, по мыслям проводницы, до леса Бресириан нужно было ехать еще не менее нескольких мер времени, мыслями путники давно уже были в проклятом лесу. И беспечных среди этих мыслей не было.

Глава 28

Глава 28

... Второй день пути уже переваливал за середину, когда постепенно укрупнявшиеся и смыкавшиеся меж собой перелески, наконец, подступили вплотную к ненаезженной дороге, по которой, придавливая копытами снег, шагом шли лошади отряда. Нерия ехала впереди, временами поднимая голову, и щурясь на холодное зимнее солнце. И, хотя по мере углубления в лес, теплее не становилось, снега вокруг действительно делалось все меньше. Понемногу из-под снега стали выглядывать листья травы — мертвой и пожухлой, но чем дальше, тем больше их было. Из коричневых и прелых, тянущиеся к солнцу былины делались зеленее. Потянуло духом гниющих трав, сырости и древесных соков — таким запахом, который едва ли можно было бы унюхать в зимнем лесу.

— Мы уже в Бресириане, — негромко доложила эльфийка, поддёргивая на спине колчан, полный стрел. — Все, на всякий случай, приготовьтесь... Приготовьтесь к чему угодно. Йован, при случае, не сомневайся применять магию крови.

Однако лес вокруг, постепенно оживая и наполняясь обычными звуками, от шелеста коричневато-желтой листвы до перещелкивающих голосов то ли птиц, то ли мелких грызунов, казался мирным и тихим. Хотя хмурое небо низко висело над, словно, наполовину облетевшими кронами деревьев, и вокруг по-прежнему было довольно сумрачно, а холод, немного отступивший, продолжал заставлять поплотнее кутаться в меховые накидки, такого умиротворения никому из всадников не приходилось ощущать уже давно.

— А тут не так уж страшно, — чувствуя, как боязливость, навеянная рассказами эльфийки, постепенно отступает, почти весело проговорила Лелиана. — Я-то думала...

Делавшиеся все гуще заросли расступились, и рыжая бардесса умолкла на полуслове. Лесная тропа привела их к большой поляне, словно разъединившей лес на две части — до и после нее. За поляной чаща казалась куда темнее и гуще, являя собой довольно мрачный вид. Но не это заставило замолчать словоохотливую подругу Командора.

На ветвях деревьев, прямо над тропой, висели тела двух мужчин и женщины. Руки у всех

были связаны за спиной, и поэтому сомнений в причине их смерти не возникало. Подъехав поближе, Алистер внимательно осмотрел каждого из несчастных.

— Шеи сломаны, — в ответ на вопросительные взгляды, нехотя пробурчал он. — Умерли они от этого. Но кто мог это сделать? Долийцы?

Нерия бросила на тела короткий взгляд и кивнула, отвернувшись.

— Все — в крестьянской одежде, — Алистер еще раз скользнул глазами по повешенным и обнажил меч. — Не наемники. Что они делали здесь, в лесу?

— Создатель милосердный, за что их убили?

— Скорее, из предосторожности, — Нерия обняла себя за плечи, наблюдая за тем, как сын Мэрика по одному перерубает веревки, и тела со стуком падают на землю. — Они ничего не сделали, просто слишком близко подошли к стоянке долийцев.

Старая магиня покачала головой.

— Бессмысленная жестокость.

— Отчасти она оправдана... в глазах долийцев, — почувствовав на себе взгляды спутников, молодая эльфийка поежилась. — Они устраиваются на стоянку на всю зиму. Если эти люди набрели на лагерь... они могли вернуться и привести королевских солдат. И тогда долийцам бы не поздоровилось. Мы сами убивали или пленяли тех храмовников, которые приходили к нам, или хотя бы проезжали мимо. Благодаря этому мы до сих пор живем спокойно.

Всадники спешили. Алистер и Йован перетащили одеревеневшие от мороза тела подальше от деревьев и положили рядом.

— Нужно бы устроить им огненное погребение, — предположила Лелиана, с сочувствием глядя на убитых крестьян. — Нельзя оставлять их так! Но мы в Бресициане... Не знаю, можно ли тут...

— Лучше не надо, — Нерия сняла шапку и, привычным движением откинув за спину волну тяжелых темных волос, натянула ее обратно. — Только не в этом лесу. На огонь можно приманить... кого угодно. Или... разбудить. Ну, знаете... Поедем, нам нужно добраться к месту до темноты.

Йован встретился глазами с Серым Стражем, бывшей послушницей, потом поймал строгий взгляд старой магини и вздохнул.

— Я бы мог попробовать сжечь их без дыма, — снимая перчатки, и зажимая их подмышкой, предложил он. — Но тепло и... запах все равно будут.

Нерия беспокойно оглянулась по сторонам. Вокруг по-прежнему было тихо.

— Тогда давайте быстрее, — видя, что спутников не переубедить, и не желая тратить время на пустые разговоры, она сняла с плеча свой посох, тонкий, словно сделанный из переплетений травяной лозы. — Я помогу. Но прошу, поскорее! Тут нельзя задерживаться.

Йован, Винн и Нерия встали с трех сторон от лежавших одно подле другого тел и почти одновременно подняли руки. С вытянутых ладоней, переплетаясь, за клубились языки огня, которые, подчиняясь воле рождавших их магов, образовывали пылающий кокон вокруг мертвецов — почти не дававший дыма, но своим жаром быстро уничтожавший их плоть. Лелиана и Алистер отступили, прикрывая руками лица. Жар над телами стоял такой, какого никогда бы не дали обычные уголь или дрова.

Опустившись на колени, Лелиана читала молитву — ту, которая полагалась быть произносимой в подобных случаях. Стоя рядом, сын Мэрика некоторое время вслушивался в слова священной Песни, глядя, как в очистительном пламени трескаются уже кости

неудачливых крестьян, когда его внимание привлёк какой-то звук. Хотя, назвать звуком это было бы неверным. Алистер был готов поклясться, что не услышал ничего странного, или, хотя бы, подозрительного, но мысли о необходимости проверить внезапно охватившую его тревогу, появились вдруг и сразу.

Положив руку на рукоять меча, Страж сделал шаг в сторону темневших поблизости зарослей. Не оставлявшее его беспокойство продолжало настойчиво биться в охваченный неуверенностью рассудок, и Алистер медленно потянул из ножен меч. Ощувив словно несильный толчок под колени, он сделал ещё один шаг, потом ещё один...

— Стой! — внезапно прекратившая творить огонь эльфийка обернулась и, в три прыжка догнав Стража, с силой дернула его за плечо. Очнувшийся Алистер несколько мгновений моргал в пространство, но, под недоуменными взглядами спутников, Нерия уже тянула его обратно, к лошадям. — Все, больше нельзя! Быстрее, убираемся отсюда! Быстрее!

Выражение лица молодой эльфийки отбивало всякую охоту к расспросам. Лелиана первой оказалась в седле. Йован помог взобраться на лошадь старой магине и, спустя короткое время, всадники уже удалялись от открытого места крупной рысью.

Теперь уже тревогу, коснувшуюся разума Серого Стража, чувствовали все. Узость дороги не позволяла ехать рядом, и отряд Алистера растянулся длинной цепью, следуя за Нерией, что скакала впереди. Узловатые ветви, на которых зелёная листва шелестела вперемешку с мертвой и пожухлой, склонялись к самой тропе, задевая головы и плечи, и словно норовя вцепиться в живую плоть. Из глубины леса, все нарастая, доносились шорохи и треск.

— Что происходит? — улучив момент, проорал Алистер в сторону проводницы, уворачиваясь от очередного норовившего сбросить его толстого сука. — Что это?

— Не знаю! — Нерия прижималась к шее своей лошади, обнимая ее руками и по-прежнему не трогая поводьев. — Должно быть, пробудился какой-то дух. Он отвяжется, если успеем уйти! Нужно добраться до граничной полосы, которой долищцы ограждают свои стоянки. Ни один дух не сможет пересечь их защитный барьер!

— Далеко еще до этой полосы?

— Далеко! Пошеве...

Закончить она не успела. На тропу выскочил огромный волк, заставив лошадь эльфийки встать на дыбы. Нерия с криком упала на спину, но не выпустила стремян, рывком вновь выпрямляясь в седле. Мелькнувший в воздухе нож ударил одновременно с короткой молнией, отбросив зверя в кусты, из которых он появился.

По ушам всадников ударил долгий многоголосый вой. Загарцевавшие было на месте лошади ринулись в галоп. Теперь к шуму леса добавились взрыкивания, топот тяжелых лап по прелой листве и звериный рев. Волки преследовали отряд — казалось, они были не только позади, но справа и слева, выскакивали из зарослей и, даже, прыгали по деревьям с немыслимой быстротой. Увернувшись от кинувшейся на него с ветви мохнатой туши, Алистер проводил странного волка быстрым изумленным взглядом и, с ходу приняв на щит другую оскаленную морду, отбросил зверя в сторону. На миг всех ослепила вспышка, и в прыгнувших на тропу волков ударились ярко сверкнувшие шары. Винн взмахнула посохом, чудом не зацепившись им на скаку за низко склоненные ветви деревьев, и швырнула в ошеломленных зверей еще шар.

— На деревьях! Осторожно!

Предупреждающий вскрик молодой эльфийки утонул в стуче копыт, взрывах огненных

шаров, взреывающем лае и, внезапно, — в треске ломавшегося дерева. На лошадь Лелианы, которая неслась последней, с откуда-то сверху упала толстая сломанная ветка. Животное испуганно шарахнулось, и этим тут же воспользовались мохнатые преследователи. В шею и круп кобылы вцепились с двух сторон, повалив ее наземь. Успевшая выдернуть ноги из стремян Лелиана выкатилась на дорогу, но тут же была сбита с ног навалившейся на нее в прыжке косматой тушей. Бардесса полоснула ножом по горевшим дикой злобой желтым глазам, выпихиваясь из-под взревевшей твари и — закричала от боли сама, когда ослепленный ею зверь в иступленной ярости вцепился в прикрытое лишь кожаным наплечником плечо.

Обернувшись на крик Йован резко натянул поводья. Вцепившись в собственную руку, рванул зубами и выбросил окровавленную ладонь в сторону отчаянно бившейся в клыках лесного ужаса Лелианы. Мохнатую тушу снесло с тела девушки, а все прочие отскочили, злобно рыча и влаивая. С каждым мигмом из лесной чащи появлялись все новые твари. Теперь, когда они оставались на месте, можно было разглядеть, что звери только походили на волков. Крупнее самого могучего мабари, по сложению и повадкам они походили на заросших шерстью песиголовых людей, безумных и диких.

Лелиана, отпихиваясь ногами, отползала в сторону тропы, выставив перед собой окровавленный нож. Другая ее рука под разорванным плечом безжизненно обвисла. Лошади бардессы не было видно за обсевшими ее подскакивавшими и перетаптывавшимися лапами косматыми туловами тварей, в любой миг могущих броситься на свою жертву. С трудом справляясь с всхрапывавшим, пятящимся и залиvisto ржавшим конем, Йован подъехал ближе и, свесившись с седла, протянул руку.

Рыжая лучница сделала над собой усилие и, оттолкнув землю, вскочила, хватаясь за окровавленную ладонь малефикара. Удерживая на месте бьющего копытами коня, Йован затащил девушку в седло перед собой. И в тот же миг, словно ждавшие только того, чтобы усаживавший лучницу маг на несколько мгновения отвлек от них свое внимание, твари бросились вперед.

Йован снова выбросил в их сторону руку, но, по-видимому, крови оказалось недостаточно. Зверей откинуло прочь, но несколько наиболее сильных и выносливых продолжали нестись в сторону спешно и неумело разворачивавшего коня мага. Ближайший, большой рыжий волк, был уже близко и, на ходу подпрыгнув, распластался в тянущем прыжке.

Однако сбить обречённых людей со спины обезумевшего коня ему не пришлось. Взвизгивая словно бы неоткуда огромный черный жеребец, вздыбившись со злобным, с привизгами, ржанием, с силой ударил зверя в грудь передними копытами. Сидевший на его спине Серый Страж рванулся в пространство между дергавшим поводья Йованом и кидавшимися тварями. Ударом щита отшвырнув одну, и приняв на меч вторую, Алистер с натугой сбросил зверя под копыта своего жеребца и, перегнувшись, плашмя хлестнул мечом по заду топтавшегося коня отступника.

Потерявшее соображение от боли и страха, животное издало то ли взмык, то ли ржание, и с места рвануло в галоп. Полоснув на прощание по морде клинком еще одну тварь, сын Мэрика поскакал следом. Звери продолжали преследовать их, но уже не так неистово, словно яростное сопротивление людей поубавило их уверенности в собственных силах. Постепенно бешено скачущие всадники все дальше отрывались от бежавших за ними волков, и постепенно шумевший лес и звериный вой затихли вдали. Перестав чувствовать хищников,

усталые лошади перешли на крупную рысь. Спустя какое-то время взглядам мужчин открылась еще одна поляна. Поменьше того, на котором был проведен ритуал погребения, место это было отмечено двумя столбами, вкопанными по обеим сторонам от дороги как будто бы совсем недавно. Столбы покрывала затейливая, хотя, казалось, не искусная резьба. Затески на дереве кое-где были замазаны глиной, древесной смолой, и украшены вечнозелеными ветвями колючих кустов. К верху каждого из столбов было накрепко примотано по пучку птичьих перьев, выкрашенных в яркие цвета.

У столбов, встревоженные и растрепанные, ждали спутников Нерия и Винн. Не сходя с коня, эльфийка поддерживала под локоть старую магину, которая выглядела усталой и больной. Только что пережитое в ее возрасте не могло пойти впрок. Впрочем, увидев залитую кровью рыжую лучницу, Винн мгновенно подняла голову, прогоняя собственную немочь. Спрыгнувший наземь Алистер принял от Йована на руки трясущуюся, как в лихорадке, Лелиану и уложил на спешно расстеленный Нерией плащ. Сошедшая с коня старая целительница присела над девушкой, кончиками пальцев касаясь ее изорванного плеча.

— Где звери, Алистер? Они могут напасть?

— Здесь — уже нет, — молодая эльфийка жалостливо убрала волосы с исходившего липким потом лба Лелианы и, обернувшись, указала на столбы. — Это защита от злых. Духов, зверей, нежити. Не смотрите так, здесь очень сильная магия. Настолько сильная, что она способна удержать даже демонов... почти всех. Древнее эльфийское знание, жалкие остатки наследия Арлатана. Единственно, перед кем оно бессильно — это шемлены, — Нерия извиняюще повела плечом. — Ну, то есть, люди. Эту магию даровали эльфам темные боги, они же даровали способность людям обходить ее.

Подчиняясь взгляду Винн, Нерия осторожно высвободила пострадавшее плечо бардессы. С руки старой магини сошел переливавшийся волокнами шар из синего целительского тумана, окутавший руку Лелианы. Когда он рассеялся, рана выглядела зажившей, точно ее края стянулись много седмиц назад.

Однако, отчего-то ожидаемого облегчения девушке это не принесло. Она по-прежнему тяжело дышала, мокрея лицом и даже руками. Тяжелое дыхание вырывалось у нее из груди с едва слышным клокотанием.

— Не пойму, в чем дело. Она должна быть здорова, — с силой протерев лицо, Винн склонилась над рыжей лучницей и провела тыльной стороной ладони по ее щеке.

— Жжет... — Лелиана резко мотнула головой, сбрасывая руку магини. — Так жжет... Помогите... я... это... это невыносимо! Винн... помоги... умоляю, помоги мне... ну... пожалуйста!

Большие синие глаза бардессы словно подернулись туманной дымкой. Это гляделось так, словно зеницы в единый миг лишились зрачков. Почти одновременно из чащи донесся пока еще далекий волчий вой.

Винн и Нерия переглянулись, а потом вместе поглядели на Алистера. Тот нервно обернулся на лес, более, чем когда-либо ненавидя необходимость отдавать приказы.

— До лагеря долийцев еще далеко? — отрывисто спросил он. Нерия помотала головой.

— Меньше часа шагом. Рысью доберемся быстрее.

— Тогда давайте поторапливаться, — Страж кивнул куда-то вбок. — Если Винн больше не собирается...

— Я не могу, Алистер, — Винн тяжело вздохнула, выпрямляясь. — Я... не совсем

понимаю, почему ей не стало лучше. Раны больше нет. Должно быть... эти звери... — она откинула седую прядь со лба. — Я устала. Мне нужно отдохнуть, и я попробую опять. Нет такой хвори, которую я не могла бы исцелить, верь мне. Если только хворь эта не застарела.

Алистер кивнул и, присев, с усилием поднял на руки застонавшую от прикосновения к своей коже Лелиану.

— Едем к долищам. Они должны знать, как лечить покусыв лесных тварей.

— Наверняка знают, — Нерия подскочила тоже, одергивая плащ. — В лесу им с кем только не приходится встречаться. Но я... честно, таких тварей не видела в жизни! Эта часть леса... почти безопасна! Мы много раз ездили здесь с отцом, и никто на нас не нападал! Тем более, такие... и столько...

При помощи эльфийки и понуро глядевшего Йована, Алистер поднял потяжелевшее тело Лелианы к себе на коня, по примеру малефикара, усадив девушку спереди. Кожа лучницы оказалась неожиданно горячей, точно у нее начинался жар.

— Поторопимся, — резче, чем нужно, бросил Тейрин тяжело взбирающимся на лошадей магам. — И пусть только долищцы попробуют отказаться нам помочь!

Глава 29

Глава 29

Спустя всего одну меру времени, в течение которой всадники не останавливались, и не уклонялись с уже хорошо видной глазу утоптанной тропы, лес начал редеть. Дорога привела их к лежавшей на берегу мутного зеленого озера обширной лощине, которая на несколько первых мгновений показалась удивленным путникам чем-то вроде деревенской ярмарки, из тех, что появлялись у крупных поселений во время праздников. Сходство с ярмаркой придавали стоявшие здесь во множестве аравели — крытые деревянные повозки эльфов, на которых те совершали свои переселения от стоянки к стоянке, разложенные возле них сундуки, мешки и ящики со скарбом, а также натянутые между деревьев веревки, на которых висели ковры, циновки и сушилось белье. Кое-где между повозками, или, как называли их долищцы, «сухопутными кораблями» курились дымки от костров и походных кухонь. Несмотря на полное безветрие, даже на значительном расстоянии от лагеря чувствовались запахи приготовляемой пищи, свежеструганного дерева, животных и прочие, характерные для подобного рода стоянок. Между аравелей ходили множество долищцев — от детей до глубоких стариков. Большая часть занималась какими-то делами, но можно было заметить и праздничношатавшихся эльфов, в особенности из молодых. Кое-где среди кораблей долищцев прохаживались и животные, размером с оленей, но с кручеными рогами. Не понукаемые никем, эти диковинные звери без опаски бродили между своих хозяев, в точности, как мабари чувствовали себя свободно и на равных среди людей.

Появление всадников заметили быстро. Откуда-то сверху коротко свистнули, и задравшие головы гости сумели различить среди коричнево-зеленой листвы прятавшегося там дозорного. Из лагеря им навстречу уже спешили несколько эльфов с оружием в руках. Впереди всех шла невысокая и щуплая долищка, с желчным и некрасивым лицом, изукрашенным узорами татуировки. Она подняла руку, приказывая остановиться, но пришельцы и без того натянули поводья, сдерживая лошадей. Ехавшая сразу вслед за Алистером Нерия спрыгнула первой, и, закинув поводья на спину кобылы, поспешно сделала

в сторону встречавших приветственный жест, принятый у долийцев.

— Анет ара, Митра, — она подняла руки в успокаивающем жесте. — Это я, Нерия. Мы встречались у обоза в прошлый сезон. Пожалуйста, — она поглядела сперва на один, потом другой натянутые луки в руках долийцев. — Опустите оружие. Мои спутники никому не причинят вреда.

— Я помню тебя, Нерия, — та, кого звали Митрой, поочередно оглядела пришельцев, надолго задержав взгляд на трясущейся, как в лихорадке Лелиане, голова которой лежала на плече Алистера, и лицо ее скривилось в брезгливой гримасе. — Мой народ называет тебя Сураной, Целительницей, Говорящей с Духами Леса. Мы уважаем тебя и твоего отца. Не скажи, Сурана, зачем ты привела в наш лагерь шемленов? Ты знаешь, как мы относимся к ним поблизости от наших стоянок.

Молодая проводница кашлянула в смущении.

— Это не... — она покосилась за спину, встретила взглядом с Алистером, и неожиданно это придало ей сил. — Это не простые шемлены, Митра. Это Серые Стражи. Они ищут встречи с Затрианом.

— Проснулся один из древних оскверненных богов, — встрял Тейрин, почувствовав свой черед говорить. — На Ферелден идет новый Мор. Для противостояния порождениям тьмы, и скверне, которую они разносят, нужна армия. Я — Страж Алистер, и у меня с собой договора с долийскими эльфами о помощи. Позвольте нам поговорить с вашим... с Затрианом.

Взгляд долийки, скользнувший по развернутым свиткам с золотыми печатями, остался неприязненным и равнодушным.

— Ты знаешь наши обычаи, Нерия Сурана, — словно не услышав обращенных к ней слов шемлена, проговорила она. — Таким, как они, у нас не место. Хранитель не будет говорить с... этими.

— Это решать не тебе, — сурово сдвинувший брови Алистер поддернул сползавшую в сторону Лелиану и, не глядя, сунул свернувшийся свиток за пазуху. — Проводи нас к нему. Или, хотя бы, доложи о моем приходе.

— Это очень важно, Митра, — рискнула добавить проводница, чувствуя, что взаимное раздражение с обеих сторон нарастает, подобно летящему с горы снежному кому. — Ты ведь знаешь, мы тоже живем обособленно. Но Мор уравнивает всех. Порождения тьмы не помилуют никого — ни людей, ни нас, эльфов, ни гномов, ни этих рогатых варваров с севера. Если мы будем разобщены — нам всем несдобровать. И потому даже мой отец принял решение поддержать Стражей. Хотя, тебе должно быть ведомо, как тщательно и долго мы, отступники, прятались ото всех. Если не остановить порождений тьмы, они будут здесь еще до того, как за лесом сойдет снег. Так что прошу тебя, передай Затриану...

Она запнулась, глядя на предупреждающе вскинутую руку долийки.

— Ты не поняла, Целительница. Это приказ самого Затриана — не пускать в лагерь ни одного шемлена. Убирайтесь, откуда пришли! И ты тоже, Сурана. У нас не рады тем, кто приводит к нам чужаков.

— С нами раненая, — Винн тронула лошадь, выезжая чуть вперед. Старая магиня выглядела еще более усталой, чем после нападения лесных тварей. — Мы уповаем на ваше милосердие. Прошу, позвольте нам побыть в вашем лагере хоть какое-то время, пока девушка не поправится. Ее нельзя теперь везти через лес.

— К тому же, в лесу на нас напали какие-то твари, — дополнил Йован, сжимая и

разжимая кулаки, в которых держал поводья. — Они и теперь там. Мы не можем ехать, пока они не уберутся.

— Твари? — в голосе долийки Митры впервые за весь разговор мелькнула тень интереса. — Какие твари?

— Похожи на волков, — Нерия изобразила руками нечто большое. — Только лохматые и... какие-то согнутые.

Митра перевела взгляд на тяжело дышавшую Лелиану и коротко мотнула головой.

— Это сделали они?

— Да, — молодая эльфийская магиня кивнула. — Мы залечили ее рану, но, похоже, у нее все равно лихорадка. Должно быть, на клыках тварей какой-то яд. Мы... мы надеялись, вы нам поможете. Вы ведь наверняка сталкивались с чем-то подобным, если эти звери бродят поблизости от вашего лагеря.

Долийка мрачно усмехнулась.

— Если одна из этих тварей укусила вашу... эту рыжую шему, ей конец. Прикончите прямо сейчас, чтобы дать ей избежать мучений. От их яда противоядия нет.

Нерия переглянулась с Йованом, а Винн — с Серым Стражем.

— Довольно, — придерживавший трясущееся тело Лелианы Алистер вновь подпернул ее, не давая упасть из седла. — Я в последний раз прошу добром препроводить меня и моих товарищей к Хранителю Затриану. Заклинаю вас... благополучием неба над Тедасом, будьте благоразумны.

Несколько мгновений царило молчание.

— Я полагала, что ты глухой, шем. Но теперь вижу — ты просто глупец, — подчиняясь жесту Митры, долийки вокруг нее ту же натянули луки. — Это я в последний раз предупреждаю — убирайтесь, откуда пришли. Иначе...

— Йован, — Алистер обернулся к малефикару, меланхолично распутывавшему перевязку на ладони. После окрика тот коротко вздохнул и сдернул тряпицу, еще пропитанную его свежей кровью.

— Проводи нас к вашему Хранителю, добрая женщина, — мягко обратился он к Митре, черты которой, по мере того, как он говорил, словно расплывались, из непримиримых и жестких делаясь недоуменными и расслабленными. — Наше дело не требует отлагательств.

Долийка медленно перевела на него затуманенный взор и так же медленно, словно во сне, кивнула головой.

— Я... да... Страж. Ты... прав. Вам... непременно нужно в лагерь. Вы... следуйте за мной. Про... пропустите их, — обращаясь к недоуменно глядевшим на нее соплеменникам, она подняла и уронила руку, подтверждая приказ убрать оружие.

Эльфы переглянулись.

— Я сказала — пропустить, — голос Митры сделался сильнее и, как будто, злее. В нем явственно слышался надрыв. — Исполняйте!

Натянутые луки, наконец, опустились. Неуверенно переглядываясь, эльфы расступились, давая дорогу конным гостям. Митра развернулась и так же медленно, словно преодолевая сопротивление воды и внутреннее сопротивление затуманенного разума, двинулась в сторону лагеря, показывая путь.

Появление гостей, большая часть из которых была шемленами, вызвала еще большие интерес и недоброжелательство, чем те, которых удостоился отряд Серого Стража в деревне отступников. Лица выходявших из-за аравелей долийцев, даже малых детей, были

неприязненными и ожесточенными. Проезжая между разложенным скарбом и предметами быта долийцев, ловя на себе взгляды и слыша обращенные на них слова, люди все более чувствовали идущий отовсюду гнетущий дух презрения и ненависти. Определенно, предупреждения Нерии оказывались не напрасными. Все было похоже на то, что проводница не преувеличила, а преуменьшила глубину плохого отношения к людям лесных эльфов.

Миновав почти половину лагеря, Митра остановилась у большого аравеля, над которым был натянут плотный полог. Рядом с кораблем стоял широкий стол и две скамьи. На столе с одной стороны в беспорядке лежали травы, коренья и даже камни. С другой на деревянных дощечках было разложено нарезанное, словно недавно прокопченное мясо, зелень и вареные корни съедобных трав. Судя по всему, тут как раз собирались воздать должное полуденной трапезе.

Возле ладно приставленных один подле другого ящиков со скарбом хлопотала очень худенькая молодая эльфийка с гладко зачесанными назад волосами. Ее лицо было разрисовано узорами даже более чем у всех прочих членов ее клана. Но, в отличие от других, оно не выражало недоброжелательства или злобы. В первый миг, увидев приближавшихся гостей, она подняла голову от перебираемых ею рубашек и ее огромные серые глаза расширились от испуга. Но она тут же овладела собой. Выпрямившись, эльфийка шагнула навстречу спрыгнувшему из седла Алистеру, который с трудом в одиночку ссадил Лелиану. Затем, взглянув в сторону пошатывавшейся Митры, перевела глаза на побледневшего Йована, который тискал свою окровавленную ладонь и, качнув головой, подняла руку.

Когда рука долийки опустилась, взгляд Митры прояснился. Йован с коротким стоном схватился за голову. Митра с некоторым недоумением повела взглядом вокруг себя и, вместе с возвращавшейся памятью, лицо ее все больше перекашивалось в гримасе ненависти.

— Ученица Ланайя! — долийка резко выбросила руку в обличающем жесте указывая на Алистера, прижимавшего к груди тяжело дышавшую Лелиану. — Этот шемлен мерзким колдовством сковал мою волю. Клянусь, я сопротивлялась, как только могла! Но это было сильнее меня! Они заставили меня отвести их в самое сердце нашего лагеря! Они...

— Прошу, успокойся, Митра, — та, которую называли Ланайей, шагнула к Алистеру и, откинув волосы со лба Лелианы, некоторое время всматривалась в ее лицо. Затем перевела взгляд на разорванную на плече одежду и покачала головой.

— Это сделали оборотни, не так ли?

— Оборотни? — Алистер беспомощно обернулся на Нерию, поймав ее такой же изумленный взгляд. — На нас напала стая волков.

— Это сделали оборотни, — уже утвердительно проговорила Ланайя. — От укуса оборотня нет лекарства.

— Она умрет? — решив про оборотней вызнать потом, спросил то, что, по его мнению, было наиболее важным в этот миг Тейрин.

— Умрет? Нет, — Ланайя поймала яростный взгляд стоявшей тут же Митры и вздохнула, скрешивая руки на груди. — Через три восхода она станет такой же, как они. Как те твари, что на вас напали. А до тех пор... будет меняться. Долго и болезненно. И этому никак не помешать.

На несколько мгновений повисло молчание.

— Неужели ничего нельзя сделать? — уже сошедшая с лошади Винн оперлась на свой посох, как на клюку. — Я занимаюсь целительской магией с тех пор, как... с тех пор, как

себя помню. Излечить можно любую хворь...

Ланайя пожалала плечами.

— Я долгие годы училась у Хранителя Затриана, харен аша. Хранитель живет не один век, и владеет многими тайными знаниями высшей магии эльфов Арлатана, — она повела головой. — Не думаю, что найдется другой Хранитель, который знал бы десятую часть того, что известно Затриану. Но даже он не в силах был исцелить тех из нас, кто был ранен в схватках с оборотнями.

— Долийцы тоже пострадали от тварей?

— Увы, да. Оборотни пришли недавно. Этой осенью. До тех пор мы изредка сталкивались с ними в лесу, но они прятались от нас и не нападали. Редкий оборотень выходил из чащи, где они чувствуют себя хозяевами. Однако недавно что-то словно случилось. Они приходят к самому нашему лагерю, и нападают на охотников. Но не убивают, нет. Чаще оставляют укусы, либо царапины от когтей. Это не приводит к смерти, но... делает нас такими, как они. Такая судьба ждет и вашу подругу, — поймав взгляд Нерии, она покачала головой. — Да нет же, говорю вам. Вы зря пришли в наш лагерь, маги. Мы ничем не можем ей помочь.

Алистер посмотрел на лежащую у него на руках Лелиану, и скрежетнул зубами.

— Мы обязательно разберемся с этим. Но прежде, я должен сказать кое-что еще, — он обернулся к Йовану и, дождавшись, чтобы малефикар принял у него из рук его ношу, второй раз за короткое время вытащил договора Стражей. — Мы пришли не только за помощью... за этой помощью. Начался Мор. Мой орден нуждается в лучниках долийцев.

Ученица Хранителя приняла в руки договора и некоторое время внимательно их изучала. Когда она подняла глаза, взгляд ее сделался совсем другим.

— Привет тебе, Страж, — она склонила голову. — Энансал тебе и твоим спутникам. Прошу прощения за тот неласковый прием, что был оказан. Мы не знали, с кем говорим. Прошу за мной. Такие дела должен разбирать Хранитель, а Хранителя Затриана тут нет. Но я провожу тебя к нему.

— О чем ты, ученица Ланайя? — не выдержала Митра, которая упорно продолжала стоять рядом, в ожидании, когда обидчиков отдадут ей на расправу. — Как ты можешь слушать этого шемлена? Отчего мы вообще должны их слушать? Они применили магию, которая даже у человеческих вырожденков считается презренной и запретной! Боги, вчера только мы казнили трех шемов за убийство галлы! А эти...

— Орден Серых Стражей — самый уважаемый и почитаемый из всех, Митра, — ученица Хранителя шагнула к арavelю и задернула полог над входом. — В его рядах не только шемы, но и долийцы тоже. Они не делают различий и уважают наш народ так же, как шемов или детей камня. Тебе следовало знать, что и Стражи пользуются почетом и уважением везде и у всех, и без их жертвы мир давно бы уже перестал существовать. Долг каждого, кто считает себя истинным долийцем — почитать данное слово, а наши предки дали слово всегда и во всем помогать Стражам в их борьбе с порождениями тьмы, — Ланайя свернула свиток, протягивая его Алистеру. — Идем, Страж. Хранитель теперь у постелей укушенных оборотнями. Несите девушку за мной. Ей... должно быть, место среди них.

Глава 30

Идти пришлось недалеко. За несколькими стоящими один подле другого аравелями обнаружилась небольшая поляна, на которой был разбит крытый звериными шкурами просторный шатер. Поверх шатра вился дымок, находивший путь откуда-то из самой середины полотна и мехов, очевидно, из специально проделанного отверстия. Оказавшись внутри, гости долийцев убедились в правильности этого предположения. Посреди шатра был сложен очаг, дым из которого не собирался внутри, а выходил в оставленную прямо над огнем дыру в потолке. Из-за костра в шатре было тепло. Вокруг очага на постелях из сухих трав, укрытых мехом, лежали около полдюжата эльфов. По их хриплому дыханию, выступавшей на коже испарине и беспрестанным стонам и корчам было видно, что они испытывали немалую муку.

Над одним из несчастных, опустив ладонь на его лоб, сидел долиец. В отличие от соплеменников, у которых татуировки были только на лицах, у этого замысловатые узоры покрывали большую часть гладко выбритой головы, и даже спускались вдоль шеи, за полы широкого одеяния. Эльф этот был необычайно высок и широкогруд, настолько, что если бы не острые уши и чересчур прямой нос, его можно было бы принять за человека.

— Хранитель Затриан, — Ланайя приветственно склонилась перед лысым, поднявшимся навстречу гостям. Его гладкое, розовое лицо казалось почти юным, и поневоле заставляло недоумевать словам Нерии, утверждавшей, что маг этот живет среди лесных эльфов множество веков. — Я привела к тебе шемленов, которые утверждают, что они — Серые Стражи. При них договора, подтверждающие принадлежность к этому великому ордену. Однако в лесу они столкнулись с оборотнями. Один... одна из них укушена.

Статный эльф бросил взгляд на Лелиану, которую держали на руках Алистер и Йован и сделал пригласительный жест. Следуя за его указующей рукой, спутники уложили рыжую лучницу на шкуры рядом с каким-то бессознательным эльфийским юношей. Хранитель подошел ближе и, склонившись, положил руку ей на лоб так, как до того он это делал с соплеменником.

— Все верно, — спустя какое-то время отняв ладонь, проговорил Затриан. Голос его оказался глубоким и приятным. — Девушка поражена ядом оборотничества, — он поднял глаза на Алистера. — Здравствуй, Страж. Прошу простить за такой прием. Но ты видишь сам, что происходит.

— Вы подвергаетесь нападениям? — Алистер кивнул на больных. — Твоя ученица говорила об оборотнях.

— Да, это так. Вы смогли убедиться, что за беды нас преследуют, — он еще раз взглянул на Лелиану и покачал головой. — Ланайя должна была предупредить. Девушке уже не помочь. Я не могу постичь природу хвори, что поражает моих соплеменников и шем... людей после укуса оборотня. Мы можем разрешить вашей спутнице остаться на два дня, в течение которых я сделаю все возможное, чтобы облегчить ее боль. Но после... вы должны будете забрать ее из нашего лагеря. Или... навсегда прекратить мучения.

Хранитель Затриан выпрямился во весь рост, сделавшись почти вровень с хмуро глядевшим на Лелиану Алистером.

— Однако вы, должно быть, пришли не только затем, чтобы принести в мой лагерь раненую. Нужно полагать, у вас дело к долийцам?

Страж с трудом заставил себя оторвать взгляд от искаженного мукой лица бардессы.

— Да, — он в третий раз за сегодня вытащил свитки Стражей, протягивая их

эльфийскому Хранителю. — Вот, взгляни на это.

Эльф принял договора и со всей серьезностью вчитался в содержимое. Добравшись до конца, аккуратно свернул, и протянул обратно владельцу.

— Пойдем, — он мотнул головой в сторону выхода. — Поговорим об этом в более подходящем месте. Ланайя позаботится о вашей спутнице.

Вслед за Затрианом все, кроме ученицы, вернулись к его аравелю и, по приглашению Хранителя, разделили с ним его трапезу. Даже взгляды долийцев, по-прежнему устремленные на Стража и его спутников везде, где бы они ни появлялись, сделались как будто мягче из-за приема, который оказывал им почитаемый здесь Хранитель.

— По этим договорам, долг каждого долийца — помогать Серым Стражам, — когда с едой было покончено, медленно проговорил Затриан. За убраным столом остались сидеть только он и Алистер. Маги вновь ушли в шатер к больным. Несмотря на невозможность помочь, целители были в силах хотя бы ослабить боль, что сопутствовала ужасному превращению, и Страж и Хранитель получили возможность поговорить с глазу на глаз.

— Долийские кланы не любят уживаться друг с другом, — продолжал Затриан, вычерчивая длинным пальцем на столе узоры. Несмотря на внешнее расположение к гостям, он, казалось, тяготился общением с ними, за все время разговора так и не посмотрев Стражу в глаза. Что, впрочем, Алистеру было только на руку. В присутствии Затриана он сам чувствовал себя не в своей тарелке и необходимость вести переговоры сковывала его и без того безынициативную волю. — Мы живем обособленно не только от шем... людей, но и друг от друга. Помимо своего, я знаю еще два клана, что обитают в стране, которую вы зовете Ферелден. Один — на другом конце леса Бресилян. Другой — гораздо южнее, в Диких Землях. Однако, если, как ты утверждаешь, порождения тьмы идут оттуда, вероятно, что... что этот клан уже мог поплатиться жизнями за то, что находился у тварей на пути.

— Вестника нужно все равно послать, — стараясь следить за ходом мыслей долийца, предположил Алистер. Это было тем труднее, что тягостные размышления о судьбе подруги Командора не давали ему покоя. — Быть может, они сумели скрыться?

— Если они перекочевали, найти их будет непросто, — Затриан дернул углом рта, поморщившись каким-то своим мыслям. — Даже на то, чтобы пригласить бресилянский клан, уйдет не меньше недели, а то и больше. Со сборами — думаю, не меньше двух. Но я постараюсь, Страж. Мы, долийцы, останемся верны своему слову... как ни тяжело было бы его держать. Я отправлю вестников прямо сейчас.

Под недоуменным взглядом Алистера, он выудил из кучи сваленного на столе писчие принадлежности и бумагу. Начертав несколько слов, Хранитель поднял лист обеими руками и подул на него. На глазах у изумленного Стража только что написанные буквы слетели с бумаги подобно сорванным листьям и, на несколько мгновений зависнув над столом, смешались в сероватый туман, который внезапно распался на две половины. Еще через миг на ладонях Затриана сидело по маленькой серой птахе.

Хранитель вытянул руки и подбросил птиц вверх. Алистер проводил взглядом вспорхнувших пташек, одна из которых взяла курс на юг, другая — на восток.

— Если долийцы там, они узнают о тебе, Страж, — Затриан кивнул на шатер, куда скрылись маги. — Члены моего клана уже готовятся выступить под твоим началом. Однако, нам нужно время. И, пока мы не получили ответа от соседей, приглашаю тебя и твоих спутников быть гостями в нашем лагере. Располагайтесь рядом с моим аварелем. Так будет удобнее для всех.

Глава 31

Глава 31

Алистер тонкой лозинкой гонял камешек, от одной ноги к другой. Временами он поднимал голову, чтобы бросить взгляд на шатер, в котором принимали муку будущие оборотни, и в такие моменты лицо Стража чернело. Собственный шатер, разбитый в месте, указанном Хранителем, его не интересовал вовсе, несмотря на то, что, уже не одну меру времени просиживая на холодной земле под полуживым бресилианским деревом, сын Мэрика успел изрядно продрогнуть. Его душу разъедали доселе редко претерпеваемые гнев и сильная досада, иногда поднимаясь так высоко к горлу, что делалось трудно дышать. Раскинувшийся в низине взволнованно гудевший лагерь долийцев, косые взгляды, которые бросали на него время от времени появлявшиеся поблизости эльфы — все это не способствовало успокоению, наоборот, наполняя душу мутной волной каких-то новых, неизведанных ранее чувств, сходных, разве что, с теми, которые он испытывал, выслушивая речи о необходимости занять трон монарха Ферелдена. Долгий путь сюда, еще не минувшийся страх от едва не приключившейся нелепой смерти, недоброжелательность долийцев и проклятие, поразившее подругу Командора, приводили его в угнетенное состояние глухой тревоги и раздражения. Настолько сильных, что ему потребовалось все усилие воли, чтобы не сбросить чью-то руку, неожиданно для него коснувшуюся его плеча. Подняв голову, он встретился взглядом с незаметно подошедшей Нерией и глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться.

— Ты... сильно волнуешься из-за Лелианы, Страж? — молодая эльфийка присела рядом, полуобернувшись к вновь занявшемуся пругом и камешками Тейрину. — Я чувствую, ты... прости мне мою дерзость, но сейчас ты не такой, как обычно.

Алистер вздохнул еще раз, проворачивая лозину между пальцев.

— Чтобы спасти мне жизнь, Лелиана и трое других моих... друзей долгую снежную ночь поднимались на самую вершину очень высокой горы, — отрывисто рассказал он, играя желваками. — А наутро, когда они все-таки добрались до цели, им пришлось вступить в схватку с высшим драконом. И победить его. В той схватке она была ранена, — он повел головой в сторону. — Но они достали то, что было нужно для моего спасения, и принесли — все это без отдыха, вниз, по той же горе, после ночного перехода и схватки с драконом. А теперь она уми... нет, не умирает. Превращается в чудовище. По моей вине!

Сурана осторожно сжала тонкими пальцами его крепкое плечо.

— Но в том, что случилось, нет твоей вины.

— Нет, есть! — Алистер ударил себя по колену и в ярости пнул уже сложенную им ранее кучку из камней. — Если бы я не послушал тогда твоего отца, Лелиана была защищена доспехом, и оборотень не смог бы его прокусить, чтобы добраться до нее!

Вздогнувшая эльфийка сдвинула брови.

— В том, что произошло, ты обвиняешь моего отца?

— Я обвиняю себя, — Алистер в третий раз глубоко вздохнул и потер лоб рукой. — Вечно, когда я пытаюсь командовать, что-нибудь случается. Люди гибнут... или вот как Лелиана. Как мне ей помочь? Ведь она страдает! А Командор? Что я скажу Командору? Он поверил мне ее... Конечно, я не он, и он бы справился гораздо лучше. Создатель, да любой на

моем месте справился бы лучше! Я никудышний командир. А они хотят сделать меня королем, представляешь? Королем! Меня! Андрасте, зачем, ну зачем я вообще родился? Будь проклято то ложе, на которое Мэрик завалил мою распутную...

Он не договорил, отвернувшись, и стиснув переносицу. Изумленная услышанным, эльфийская магиня тоже не знала, что сказать.

— Я не должен был говорить такого, — продолжая жмуриться и тереть пространство кожи подо лбом, спустя какое-то время проговорил Алистер. Голос его звучал спокойнее, чем раньше. — Где бы она ни была, надеюсь, моя мать простит меня за эти... эти слова. Но я... я на самом деле вовсе не тот, кто... Когда Дункан... бывший Командор Серых Стражей, уводил меня для посвящения в орден, я подумать не мог, что... так скоро должен буду делать столько... непривычной для меня работы. Принимать решения, водить отряды и командовать. Есть люди, которые рождены повелевать другими. А мне бы... чтобы решения за меня принимал кто-то еще. Кто-то, кто умеет и способен. Не я. Создатель, я знал, что берусь не за свое дело, когда Кусланд отправлял меня к долийцам. Посмотри, что случилось!

— А по-моему, ты слишком требователен к себе, — эльфийская девушка под села ближе и вновь положила руку на его плечо. — В том, что случилось, нет твоей вины. Ты же видишь, даже Затриан не в силах помешать происходящему. А он могущественный маг! Страж Алистер, ты — лучший командир из тех, кого мне довелось увидеть. Тебе попросту не хватает уверенности.

Сын Мэрика не смог подавить горькой усмешки.

— Видно, не так уж много командиров ты знаешь.

Нерия улыбнулась в ответ.

— А это правда? То, что ты говорил о Мэрике?

Алистер виновато застонал, пряча лицо в ладонях.

— Значит, правда, — эльфийка восхищенно выдохнула, чуть отодвинувшись и оглядывая собеседника, точно видела его в первый раз. — Так ты принц!

— Я бастард, — невнятно, сквозь закрывавшую лицо кожу перчаток, попытался оправдаться Тейрин, но его унылый тон еще больше разжег энтузиазм собеседницы.

— Прошу тебя, расскажи мне все. В отличие от тебя, я умею хранить секреты, — она подобралась ближе, дождавшись, чтобы Страж поднял голову, и заглядывая в глаза. — Расскажешь?

Алистер сдержал очередной стон и с чувством укусил себя за язык.

— О, Создатель!

— Да брось ты жаловаться, — Нерия оставила в покое его плечо и обняла себя за колени. — Не хочешь говорить — не нужно. Хотя... может, ты согласишься на обмен?

Нехотя обернувшись, Тейрин поднял бровь.

— Ты раскроешь мне свою тайну, если я поведаю, что надежда для рыжей Лелианы еще не совсем потеряна?

Бывший храмовник дернулся вперед, хватая эльфийку за плечи.

— Ты не шутишь?

— Нет. Я за тем и пришла, — Нерия осторожно убрала причинявшие ей боль руки Алистера и кивнула. — Конечно, до спасения далеко, и оно по-прежнему... нужна вся помощь Создателя и светлых эльфийских богов, чтобы девушка поправилась. Но все не так безнадежно, как говорит Затриан. И как представлялось нам раньше.

Так, как одна бровь была уже поднята, Алистер не пожалел другой.

— Да, — эльфийская магиня оглянулась по сторонам, и, придвинувшись вплотную, перешла на шепот. — Слушай, прин... Страж. Мы с Винн и Йованом обследовали всех укушенных. Их действительно нельзя вылечить травами или заклятьями. Потому что телесно они здоровы. На зубах оборотней — не яд и мучаются они не из-за хвори. Все дело в проклятии.

Алистер молчал, ожидая продолжения.

— В общем, оборотни не больны — они прокляты, — подождав, и не дождавшись вопроса, Нерия повела плечом, как бы невзначай натягивая ткань плотной рубашки на груди, но белобрысый Страж смотрел ей только в лицо, в тревоге ожидая продолжения. — Винн рассказала о похожем случае у них, в башне Круга. Какой-то храмовник был проклят могущественным магом. При здоровой плоти разум его терзало безумие, которое он пытался ослабить лириумным зельем. Никто, даже Первый Чародей не могли ему помочь, потому что не знали природы проклятия. Здесь же наоборот. Разум укушенных остается чист, но оскверняются тела. Винн... и я тоже полагаем, что если найти оборотней и расспросить их, быть может, они смогут помочь узнать больше о том, что их мучит.

Тейрин в возмущении указал рукой на лес.

— Ты забыла, о ком ты говоришь?

— Не забыла, — Нерия терпеливо пригнула вниз руку рыцаря и уже знакомым ему движением откинула назад свои тяжелые волосы. — Но Винн утверждает, что оборотни не утрачивают разум. Сами долийцы признаются, что раньше они не нападали. Значит, что-то заставляет их делать это теперь. Я... говорила с некоторыми охотниками. Один из них припомнил, что перед тем, как начались нападения, оборотни пытались приблизиться к лагерю. Бродили вдоль защиты, начертанной Затрианом, и пробовали ее преодолеть. В тот день этих тварей охотники перебили, и тогда они стали нападать.

Алистер покачал головой.

— Винн предлагает отправиться в лес и искать чудовищ? Пытаться разговаривать с ними? О, Создатель. Ну, пусть даже она не ошибается и они разумны. Пусть даже нас не попытаются разорвать на части, а будут говорить. Что, если они сами не знают этой... природы своего проклятия? Может, если бы они хотели, то давно от него избавились?

Нерия пожала плечами.

— Может, и так. А может, чтобы снять проклятие, им нужна помощь. Мы не можем знать наверняка, пока не поговорим с кем-нибудь из них.

Алистер бессильно уронил руки на колени.

— Нелепица. Я надеялся — вы действительно придумали что-то стоящее.

Нерия поднялась на ноги.

— Мне казалось, ты готов опробовать все, что угодно, чтобы помочь женщине, которая рисковала своей жизнью ради спасения твоей.

Ответить Алистер не успел. Обернувшись на приближающиеся шаги, они увидели группу из долийцев, в которой были только юноши. Вел ее молодой и очень худой эльф в наброшенной на плечи шкуре какого-то зверя. Остановившись в нескольких шагах от гостей, долийцы подождали, пока Страж поднимется на ноги и тогда худой заговорил.

— Я — Лин, охотник клана. До нас дошли вести, что шемлены не могут сами справиться с порождениями тьмы, и требуют нашей помощи. Это правда?

Алистер оглядел обращавшегося к нему охотника с головы до ног, потом, шагнув в сторону, в несколько взглядов оценил и остальных явившихся с ним юношей.

— Правда в том, что идет Мор, и все, кому дороги их жизни и жизни родных, должны встать на пути у тварей, — стараясь подавить волну раздражения, поднявшуюся вновь из-за явно вызывающего тона молодого эльфа, обдумывая каждое слово, медленно проговорил он.

Лин скрестил руки на груди.

— Хранитель велел нам готовиться к походу в земли шемленов. Он говорит, что ты поведешь нас в шемский город Редклиф. Скажи мне, Страж, неужели твои соплеменники настолько никчемны, что не могут справиться с Мором самостоятельно?

Тейрин стиснул зубы. Почувствовавшая грозу Нерия поймала его за руку.

— Прошу тебя, не нужно, — одними губами прошипела она. Алистер дернул плечом, сбрасывая пальцы эльфийки.

— Почему бы тебе не подождать несколько недель? — Страж подавил в себе желание шагнуть вперед и дать затрещину явно нарывавшемуся на нее долийцу. — Весной твари будут здесь, и ты сам сможешь об этом посудить. Оставайся, — он сделал пригласительный жест рукой. — Я никого не заставляю со мной идти.

— Алистер, пожалуйста! — Нерия вновь рискнула прикоснуться к локтю рыцаря, раздражение которого поднялось новой волной. Она уже успела изучить натуру Стража, имевшего достаточно добрый нрав, чтобы долго сносить беды безропотно и с шутками, и вызвать гнев которого было непросто. Но если такое получалось — непросто было и заставить его улечься. — Будь... благоразумен. Хотя бы ты!

Лин дернул глазами в ее сторону, и во взгляде его помимо пренебрежения к шемлену, появилось настоящее презрение.

— Не вмешивайся в разговор, плоскоухая. Судя по твоему поведению, недостойному, как и та жизнь, что ведете вы, отбросы нашего народа, ты не прочь была бы прямо сейчас заделаться его подстилкой! Если еще не...

Как ни быстр был кулак Алистера, Нерия оказалась быстрее, сумев повиснуть на руке Стража и поймать его в полете у самого лица отшатнувшегося охотника. Лин, казалось, только этого и ждал, выхватывая нож. Кое-кто из стоявших у него за спиной молодых эльфов тоже схватился за оружие, впрочем, еще не вынимая его из ножен. Однако, готовая начаться схватка так и не случилась. Выскочивший из толпы другой эльф — не старше Лина, но с юношески пухлыми щеками и простоватым взглядом, шагнул в пространство между готовыми сцепиться гостем и охотником.

— Стойте! Лин, постыдись. Когда ты сказал, что хочешь поговорить со Стражем, мы не думали, что ты начнешь беседу с оскорблений. Хранитель Затриан велел нам относиться к Стражу и его спутникам с уважением. А Сурана — из потомков Говорящих с Духами! Недостойно долийца так разговаривать с женщиной!

Лин раздраженно дернул рукой, с зажатым в ней ножом. Было видно, что неожиданное вмешательство собрата пришлось ему сильно не по нраву. Но настроения прочих юношей, хотя и не дружественные по отношению к шемлену, все же были явно на стороне пухлощекого, вступившегося за честь целительницы.

— Каммен верно говорит, охотник, — хмуро проговорил эльф из толпы, казавшийся старше прочих. — Узлов бы тебе на языке навязать за твои подлые речи. Целительница не раз выручала нас, в особенности, когда Затриан вынужден был отлучаться из лагеря. Зачем ты порочишь ее имя?

Лин стиснул зубы. Глядевший исподлобья Алистер медленно разжал кулаки. Спасая положение, пухлощекый Каммен поспешно обратился к оскорбленному гостю.

— Прошу простить поспешные речи моего соплеменника, Страж, — он даже мотнул головой, слегка поклонившись. — Мы шли к тебе не с обидой. Нечасто в нашем лесу можно увидеть чужака... а тем более, настоящего Серого Стража. Легенды гласят, в ваш орден берут только воинов, смелых и отважных. Скажи, Страж, верно ли, что... что у вас есть место и для долийцев? Принимаете ли вы эльфов?

Извинительный тон пухлощекое сумел погасить его гнев. Алистер глубоко вздохнул.

— Ты желаешь вступить в орден Стражей? — вместо ответа, переспросил он.

Каммен явно смешался.

— Я... ну, в общем... это большая честь, но я... Видишь ли, Страж...

— Легенды не лгут, — так и не дождавшись внятного ответа, Алистер кивнул, искоса поглядывая на Лина, не думавшего прятать нож. — Наш орден принимает любого, кого сочтет достойным звания Стража, будь то человек, гном или эльф. В рядах Ордена... было... много долийцев.

Его слова встретили едва слышными перешептываниями. Глаза Каммена восторженно вспыхнули.

— Есть кое-что еще, о чем мы хотели бы узнать. Не сочти за дерзость... ну, эээ... Говорят, что все Серые Стражи — непревзойдённые воины, и об их искусстве в битвах ходят легенды.

— Все верно, — после паузы отвечивал Алистер, чувствуя подвох. И он не замедлил проявиться.

— Тогда, Страж... ты не мог бы... показать нам свое мастерство? Не секрет, что мы, долийцы, хорошие лучники. Но на мечах... как ни прискорбно это сознавать... мы уступаем шемам в силе и умении.

Удивленный и недовольный просьбой Алистер покачал головой.

— Сразу всему не научишь.

Каммен, а с ним и еще несколько юношей подались вперед. В их взглядах явно читалось нетерпение.

— Не нужно учить. Покажи!

Алистер и Нерия переглянулись, и Страж вновь почувствовал ободряющее пожатие тонких пальцев.

— Что именно вам показать?

Вместо ответа, все, как один, долийцы, отступили на несколько шагов назад, оставляя впереди троих своих соплеменников, и среди них — Лина.

— Побей нас, Страж, — осклабился тот, поигрывая ножом. — Сможешь? Или весь треп о вашей непобедимости — просто хвастливые сказки никчемных шемленов?

Нерия выпустила руку Стража и останавливающе вытянула ладонь вперед.

— Знает ли об этой вашей затее Хранитель?

— Хранитель ушел в лес, за травами. Он теперь часто туда ходит, — Лин умело перебросил нож из ладони в ладонь. — Ну, что скажешь, шемлен? Готов доказать, что тебя не зря называли Стражем?

Алистер мельком оглянулся на попятившуюся магиню и, сделав шаг навстречу подходившим к нему с мечами и ножом в руках эльфам, внезапно резко прыгнул в сторону крайнего, который показался ему младше и неопытнее прочих. Расчет оправдался. Увернувшись от свистнувшего совсем рядом меча, Алистер поймал тонкую руку и вывернул ее, с удовольствием услышав болезненный вскрик. Крутанув долийца, он выставил его тело

перед собой, как щит, но тут же отказался от этой затеи, сообразив, что если второй его противник не казался достаточно умелым, чтобы не нанести увечья соплеменнику, то Лин мог покалечить намеренно, чтобы потом было, в чем обвинить ненавистного Стража. Потому, резко отпихнув кусавшего губы от боли эльфа в толпу наблюдавших за боем товарищей, он подхватил из травы его выроненный меч, и с силой вогнал в землю до половины.

— В чем дело, Страж? Вам что, запрещено брать в руки оружие..?

Лин еще говорил, когда Алистер вновь внезапно и стремительно бросился вперед. На этот раз на ту же легкость, что и с первым противником, рассчитывать не пришлось. Эльф ушел от захвата шемлена и попытался полоснуть его мечом, но промахнулся, и, в запале, кинулся следом, чтобы все-таки достать клинком изворотливого Стража. Этим он поневоле помешал Лину, который увидел для себя благоприятный момент вступить в схватку именно теперь. Под насмешливые крики долийцев, Алистер сделал круг по поляне, а затем, внезапно развернувшись к разгоряченному погоней противнику, поймал его руку с мечом и, сдавив, заставил разжать судорожно стиснутые на рукояти пальцы. Выхватив меч эльфа правой рукой, он принял на него удар ножа Лина и, использовав преимущество в силе, чтобы оттолкнуть того в сторону, всадил в землю и второй меч, одновременно отпуская обезоруженного долийца, и уходя от точного и должного быть болезненным удара кулаком. Теперь против него оставались обезоруженный долиец и Лин, который, выставив перед собой нож, словно бы крадучись, скользил навстречу настороженно следившему именно за ним Алистеру.

— Быть может, довольно? — сделавшийся в битве спокойным и уверенным в себе Тейрин поднял светлые брови. — Я уже голыми руками обезоружил двоих из вас. Захоти я вашей смерти — вы уже были бы мертвы. Или нужно показать именно это?

— Он прав, — ранее поддержавший Каммена старший эльф выступил из толпы, делая сородичам знак остановиться. — Страж дерется лучше, чем любой мечник нашего клана. Остановите схватку, пока дело не дошло до беды.

Пальцы Лина сжались на рукояти меча, а зеленые глаза сверкнули недобрым.

— Я сказал, хватит, леталлин, — старший сделал властное движение рукой. — Спрячь свое оружие. Мы пришли к Стражу с миром. В твоих бедах нет его вины.

Несколько мгновений два десятка пар глаз были устремлены на Лина. С видимым усилием он поднял руку и — вложил оружие в ножны. Затем, не сказав ни слова, развернулся и, растолкав своих соплеменников, не оглядываясь, пошел с поляны прочь.

— Я — мастер Сарел, — старший эльф склонил лохматую голову. — Прошу извинить нас за Лина, Страж. Прошлой весной его невесту увели с собой шемлены и в клане поговаривают, что увели ее не силой, а она пошла добровольно, ослепленная нечестивой страстью к шемскому солдату. С тех пор он ищет, на ком сорвать злобу. Мы, долийцы, не считаем достойной мечь ради мести.

Алистер вспомнил трех повешенных за убийство долийской козы людей, и промолчал.

— Страж, — Каммен шагнул ближе, видимо, чувствуя себя неловко от того, что собирался сказать. — Быть может ты... мог бы показать нам... понятно, что сразу всему научиться не получится, но если бы ты согласился хотя бы попробовать учить нас тактике боя шемов?

Почувствовав устремленные на себя со всех сторон взоры эльфов, Алистер внутренне запротестовал. Внешне, однако, сохраняя благородную невозмутимость.

— За те шесть лет, что я провел в Церкви, обучаясь на храмовника, главное, чему нас научили сразу... при помощи розог, карцера и строгих постов — уважать сэра учителя, и подчиняться ему беспрекословно, — попробовал он, но потерпел поражение.

— Мы будем слушаться тебя Страж, — за всех пообещал Каммен, и его пухлые щеки запунцовели от едва удерживаемого волнения. — Как слушались бы Хранителя!

Алистер еще раз обвел взглядом обступивший его эльфийский молодец и неслышно вздохнул. Похоже было, что и здесь от необходимости командовать и принимать решения ему было не отвертеться.

— Будь по-вашему, — он кивнул, разрешая своим бывшим противникам забрать оружие. — Однако, придется подождать. Прямо сейчас я уйду... по делам Серой Стражи, — поймав понимающий взгляд Нерии, он постарался проигнорировать недоуменные взоры остальных. — Вернемся мы ровно через два восхода. Тогда и начнем... ваше обучение.

Глава 32

Глава 32

Дайлен нехотя разлепил веки. Нащупав пальцами глаза, хорошенько их потер и, проморгавшись, посмотрел на мир уже вполне осознанно. Мир, впрочем, не мог сейчас порадовать его особым разнообразием красок. Взгляд его уперся в высокий каменный потолок, на который отбрасывал блики горевший где-то в стороне огонь. С трудом сместив голову, Амелл углядел большой очаг, в котором потрескивали дрова, бывший единственным источником света в комнате. Возле очага, помешивая в горшке на углях какое-то варево, сидела молодая женщина, почти девушка, в мантии младшего мага. Почувствовав на себе взгляд, она подняла глаза и, улыбнувшись Дайлену, поднялась и прошествовала к нему.

— Ну, как чувствует себя сегодня храбрый путник? — присев на край ложа, она пробежалась пальцами по лбу и щекам Дайлена, потом отогнула края рубахи, трогая его грудь и живот. — Какие-то неудобства? Боли?

Нащупав под собой мягкий соломенный матрац, Амелл подтянулся и сел. В груди что-то натянулось, не болезненно, скорее, предупреждающе. Он опустил взгляд, и некоторое время изучал видимые ему участки тела, покрытые розовыми полосками в тех местах, где мясо было подрано кошачьими когтями.

— Ты это залечила? — он еще раз провел ладонью по абсолютно здоровой коже.

— Я, — магиня усмехнулась, касаясь тыльной стороной ладони его щеки. — Еще убрала все следы обморожения, спасая твое прекрасное лицо. Пришлось потрудиться, знаешь ли. Совсем не бережешь дарованное тебе Создателем. И за то, что до сих пор такой красавчик, нужно благодарить только меня. Иначе носа — и того бы лишился. Думаю, — она дернула бровями, — я заслужила благодарность.

Амелл опомнился.

— Прости меня. Спасибо!

— Спасибо — вещь хорошая, но в карманах она не звенит, — целительница с намеком указала глазами куда-то вниз. Свесившись со своего ложа, Дайлен обнаружил под ним свою дорожную сумку, сплошь в подсохших пятнах его же крови, и тот меч, который он взял с собой еще из замка Редклиф. Щит, однако, отсутствовал.

— Сколько я был без сознания? — спросил он, запуская руку в сумку. К его удивлению, кошель был на месте и, судя по всему, не тронули и других вещей.

— Теперь утро четвертого восхода с того дня, как тебя принесли в крепость, — магиня пожалала плечами. — Я могла пробудить тебя тотчас же, но не хотелось, чтобы ты мучился от болей. Теперь ты исцелен и... о, благодарю тебя. Это... щедро.

— Ты говорила, мы в какой-то крепости? — пряча кошель обратно в сумку, переспросил Дайлен. В который раз обошедшая его смерть воспринималась будто бы отстраненно, словно залитая кровью поляна, оскаленные клыки страшных зверей и долгий, мучительный путь в полубреду через морозный лес были далеко — целую жизнь назад и — не с ним. — Кто меня принес?

Магиня опустила деньги в невидимый в складках мантии карман.

— Ты, в самом деле, ничего не помнишь? Это — Борнэ. Великие врата, разделяющие Герлен на Ферелден и Орлей. А принес тебя сюда патруль воинов Церкви. Мне рассказали, что ты лежал на снегу, в стороне от Имперского тракта и замерзал, пока тебя не спасли. Вообще-то, — она помедлила, — тебе повезло. Патруль вел сэр Октавиан. Это он приказал подобрать, и проследил, чтобы твоих вещей не тронули. Кто-то другой мог и мимо пройти. В обязанности храмовников не входит спасение драных котами замерзающих путников.

Она снова усмехнулась. Теперь только Дайлен обратил внимание на ее говор. Все слова звучали правильно, но с каким-то смягченно-тягучим орлесианским акцентом. Он улыбнулся в ответ и, откинув одеяло, спустил ноги в подштанниках с кровати.

— Видимо, я должен поблагодарить и его?

Магиня качнула головой.

— Только на словах. Да и то... если очень сильно этого желаешь. Он поступает так не ради благодарности. Сэр Октавиан помогает путникам, отдавая дань своему прошлому. Ни для кого не секрет, что... То есть, он сам не раз рассказывал о том, что когда-то по приказу своего капитана вынужден был бросить в горах беспомощного ребенка. Ребенок наверняка давно погиб, а сэр Октавиан до сих пор не может забыть. Это сильно его мучит. Но тебе только на руку. В отличие от моей помощи, он спас бесплатно. Впрочем, проход через Герлен стоит денег, так что будь я тобой — их бы приберегла.

Дайлен потер плечо, смяв несвежую рубаху.

— Я прохожу через Герлен впервые. К кому требуется обратиться, чтобы пропустили в Орлей?

Женщина махнула рукой в сторону выхода.

— Если желаешь на запад — то, разумеется, с начальником смены орлесианцев. Как выйдешь отсюда — направо тебе будет Ферелден, Орлей — налево. Если не перепутаешь, то иди прямо к будке, что у ворот. С тебя должны взять плату за проход, и вычитать свод орлесианских законов. Но поскольку беженцев этой зимой особенно много, а на страже теперь шевалье Дабэрнэ, который толст и ленив, да простит меня Создатель, думаю, отбудешься только деньгами. Судя по кошелю, они у тебя есть.

Амелл благодарно кивнул и заозирался.

— Одежда — под кроватью, — сжалилась магиня, поднимаясь и отходя к огню. — Но на твоём месте я бы зашла к распорядителю и купила себе новую.

Спустя некоторое время Дайлену пришлось убедиться в справедливости этих слов. Верхняя часть брони действительно висела на нем лохмотьями, к тому же была сильно выпачкана кровью. Кое-как прикрыв это не менее драным плащом, Амелл подобрал сумку,

думая простаться, и тут в голову ему пришла еще одна мысль.

— Послушай...

— Камилла, — подсказала целительница, вновь склонившись над горшком.

— Камилла. Ты ведь... магиня?

— Понимаю, к чему ты клонишь, — женщина попробовала варево на конце длинной деревянной ложки и сдвинула крышку на место. — Хочешь спросить меня, как так вышло, что магиня живет не в тюрьме Круга, а в крепости, да еще полной храмовников? Не все, знаешь ли, путник, имеют предубеждения против магов. Заметь, я не спрашиваю тебя, откуда у тебя на лице ожоги от чистого лириума и почему кровь твоя показалась мне такой черной, что я даже побоялась замарать в ней руки. Так не лезь и ты не в свое дело.

Дайлен кашлянул.

— Справедливо. Но не о том я хочу тебя спросить. Если тебе разрешено творить магию, быть может... хочешь заработать еще немного денег? Или много. Если поможешь мне кое с чем.

Назвавшаяся Камиллой магиня оторвала взгляд от огня и взглянула на него уже без вражды, и с немалым интересом.

— Кто же не хочет денег, путник? Что я, целительница, могу еще сделать для тебя? Ведь я залечила все твои видимые раны и... О-ла-ла, это то, о чем я подумала? Что-то с твоим... особым здоровьем? Может ли такое быть, что столь прекрасный юноша не способен...

— Нет! — громче, чем нужно, поспешил прервать цепочку ее лекарственных умозаключений, не отличавшихся стеснением, как и у всех орлесианцев, Амелл. — Прекрасный юноша на все способен. Дело в ином. Вот, погляди на эту вещь.

Распахнув плащ и оттянув ворот выглядывавшей из-под доспеха рубахи, он продемонстрировал Камилле ошейник Авернуса. Магиня скользнула по нему равнодушным взором.

— Ну, и что? Я насмотрелась, пока залечивала следы от когтей на твоей груди. Хочешь знать мое мнение — уж больно простовато это кольцо. Ты глядишься отпрыском шевалье. Ну, или как они там называются у вас, в Ферелдене... одним словом, благородным. Зря ты связался с простолюдином.

— С каким еще простолюдином? — не понял Дайлен, окончательно потеряв нить рассуждений орлесианки. Одновременно он пытался лихорадочно вспомнить всех простолюдинов, с которыми в недавнем времени приходилось иметь дело, и сообразить, каким образом и о чем могло сделаться известным Камилле.

— Как с каким? Который подарил тебе эту вещицу. Руны на ней, может быть, чего-то и стоят, но в целом, вещь предешевейшая. Даже я бы не надела. Конечно, понимаю, такие вещи дарят друг другу возлюбленные, и отказаться ты не мог, чтобы кого-то не обидеть, но едва ли тебе делает честь ношение подобной побрякушки.

Дослушав Камиллу, некоторое время Амелл молчал, глядя в пол и пережевывая губы.

— Хорошая женщина, — решил он на еще один подход, уже начиная в полной мере ощущать себя в Орлее, пусть и стоя в нем всего одной ногой. — Будь добра, не перебивай, иначе я никогда не изложу тебе своего дела. А оно вот в чем. Этот ошей... кольцо в шутку заставил меня надеть один маг. Нет, он не был моим возлюбленным! — поспешив удовлетворить любопытство орлесианки раньше, чем она задала свой вопрос, почти выкрикнул Дайлен, которого смущали и утомляли пустословие и сплетни, которые, по-видимому, любила собирать и разносить словоохотливая целительница. — Но снять это

сразу не получилось, а потом наши с магом дороги разошлись. Я не могу освободиться сам. Нужно применить магию на каждую из рун — огонь, воду, ветер и землю, поочередно. Последней руны стоит коснуться малефикарумом. По крайней мере, так сказал мне маг перед тем, как... уйти. Если сможешь открыть эту штуку — получишь два... нет три... по золотому за каждую руну. Мне надоело его носить — оно натирает шею и мешает удобно улечься на подушке. Ну, что скажешь?

Камилла улыбнулась и, подняв брови, почесала щеку.

— Твое предложение заманчиво, беженец из Ферелдена, щедрый настолько, что готов выложить целых пять золотых почти за пустяк. Однако, как бы мне ни хотелось, я не могу взяться за предлагаемую тобой работу.

Ферелденец огорченно поморщился.

— Из-за магии крови?

Его собеседница покачала головой.

— Не только. Видишь ли, я... я, магиня, живу здесь, пусть в крепости, но не взаперти по одной только причине. Природа моего дара такова, что я могу творить только целительские действия. Только. Я бы правда хотела помочь и получить от тебя больше денег, но увы. Стихии, силы природы, оборотничество, энтропия, малефикарум — все это мне не доступно. И... я не устаю благодарить Создателя за это.

— Благодарить Создателя? — не скрывавший досады Дайлен недоверчиво дернул плечами. — За что? Ты же родилась с даром магии, и при том не можешь простейшего!

— Ты не знаешь о чем говоришь, — Камила махнула рукой, и принялась вновь концом ложки отодвигать крышку с закипавшего горшка. — Магов запирают, лишают права на... на что угодно. Но только не меня, — она втянула носом дух, идущий от горшка, и постепенно наполнявший комнату запахом, от которого у голодного Амелла сводило потроха. — Ведь благодаря тому, что меня считают безвредной, храмовники разрешают жить здесь и лечить захворавших солдат или путников. Постоянно вижу новых людей, высматриваю диковинки у торговцев, имею множество платьев, и даже свою комнату. Могу приготовить что-то вкусненькое. То, что бы мне хотелось сегодня, а не бурду, которую подают за общим столом в Круге. Да, я не устаю благодарить Создателя. А тебе я желаю удачи найти кого другого, кто исполнит твою просьбу. Ну, заболталась я с тобой, — магиня обернулась к мрачно покусывавшему щеку ферелденцу, по-прежнему сильно разочарованному от явившейся ему столь близкой, но оказавшейся опять далекой возможности освободиться от надоевшей игрушки, и махнула на него ложкой. — Давай, выметайся отсюда. Мне еще нужно убрать ложе после тебя.

Глава 33

Глава 33

Покинув лечебницу, несколько мгновений Дайлен стоял в дверях, привыкая к заливавшему внутренний двор крепости яркому солнечному свету. Сам двор был достаточно большим и просторным, более, однако, похожим на коридор между стоящими в ряд по обе его стороны каменными постройками. Повертев головой туда-сюда, Дайлен смог увидеть собственными глазами, из-за чего крепость Борнэ, толковавшаяся со старого орлесианского, как Врата, получила свое название. Вокруг, насколько хватало глаз, поднимались

величественные, покрытые снегом горные хребты. Единственный проход через Морозные горы представлял собой узкую расщелину, зажатую между двух каменных стен. Направо, как и указывала магиня, высились ворота в Ферелден — обшитые листовым металлом, огромные створки в несколько человеческих ростов. По левую сторону лежал путь в Орлей — и врата его были словно зеркальным отражением ферелденских. На пространстве между вратами и размещалась крепость Борнэ. Площадь ее напоминала вытянутую дорогу от одних врат до других. Стоявшие по обеим краям от площади дома во многом отличались по внешнему виду. Вычурный орлесианский стиль давал о себе знать даже в горах. Догадаться, которая сторона принадлежит какой державе, было несложно. Лишь небольшая церковь с пристроенными к ней казармами храмовников, и лечебница, из которой только что выгнали Амелла, похоже, не подлежали разделению и использовались совместно обеими сторонами.

Во дворе былолюдно. Всюду прохаживались воины в форме стражи Ферелдена и Орлея. По мощенной ровным камнем дороге, поскрипывая, двигалась запряженная добротной лошадью груженная телега о двух колесах, на передке которой восседал пузатый человек. Справа и слева, держась за ободы, возок сопровождали двое эльфов, судя по отсутствию узоров на лицах — городских, у одного из которых за спиной был приторочен лук. Чуть поодаль возле горевшего костра, разместилось крестьянское семейство в компании двух коз и собаки, что размерами была вдвое меньше мабари, лохматой, со свитым в кольцо косматым и грязным хвостом. В стороне молодая послушница говорила с долговязым и очень ушастым эльфом, рядом с которым стояла небольшая тележка с каким-то товаром. Откуда-то слышался звон мечей и перестук кузнечных молотков.

Несколько раз с наслаждением и изучающе втянув обжигающе холодный горный воздух носом, Дайлен безошибочно определил нужное ему направление, и отправился на ферелденскую сторону, туда, откуда пахло едой. Добравшись до кухни и потратив там еще несколько медных монет, он на некоторое время задержался в трапезной зале, где вкушали полуденную пищу около полутора десятков солдат и храмовников, столько же слуг и работников крепости и, даже, если судить по одежде, несколько просто остановившихся в ней путников, подобных самому Стражу. Поскольку все угловые места были заняты, Дайлен, после короткого колебания, прошел со своей мисой в середину зала и, спустя короткое время, уже отдавал должное вареной козлятине с луком и хлебом, удобно разместившись между двух воинов Церкви. Покончив с едой и узнав от одного из храмовников, что его спаситель, сэр Октавиан, еще ночью спешно ушел с не успевшим смениться отрядом в какую-то из близлежащих ферелденских деревень, в которой во внезапно сгоревшем сарае староста усматривал вредоносное деяние прятавшегося среди сельчан отступника, быть может, даже ребенка, Амелл, наевшись и повеселев, отправился на поиски распорядителя.

Здесь, однако, ему повезло меньше. Распорядитель ферелденского склада, худой, усатый старик, немногословно и без объяснений, но наотрез отказался продавать доспех, хоть новый, хоть старый, ровно как и плащ. Самое большее, что ему удалось после долгих препирательств, во время которых в основном говорил один только Дайлен — приобрести чью-то старую и не чистую рубаху из мешковины, могущую сойти для ношения дородному человеческому мужу, либо косситу, но на Дайлене провисшую мешком. Выбирать, однако, не приходилось, поскольку собственная рубаха Стража после когтей сумеречного кота гляделась на нем еще более плачевно. Кое-как подпоясавшись купленной веревкой, и натянув обратно драный доспех, Амелл отправился на конюшню, которая, как и церковь, была в крепости одна на два хозяйства двух держав. Здесь его встретили еще более

неласково, и даже вид почти полного кошелька не смягчил настроений конюха, к которому путник обратился за покупкой лошади. Лишь получив монету, говоривший раздраженно и в нос орлесианец соизволил пояснить, что те лошади крепости, что не были приписаны к гарнизонам, держались для почтовых нужд, либо королевских или имперских гонцов, а потому не подлежали продаже. Свободных же лошадей крепость не имела, ввиду непростой доставки в горы корма. Осторожные расспросы младших ферелденских конюхов подтвердили правдивость этих слов, и единственное, что вынес Амелл полезного из конюшен, был совет поискать в деревнях поблизости от Имперского тракта, где лошадь действительно можно было бы найти, пусть и за завышенную плату.

Потерпев неудачу и окончательно убедившись в том, что в крепости больше делать нечего, Дайлен направился в сторону орлесианских врат, по дневному времени, широко раскрытых. Строение, которое целительница именovala будкой, он увидел сразу. Караульное помещение действительно было небольшим, крытым добротной крышей, но имевшим только три стены. Летом это должно было быть удобно, но теперь вокруг для тепла горело несколько костров, у которых прохаживались солдаты в до блеска начищенных орлесианских доспехах. Внутри будки, вмещавшей только стол и скамью, над большой жаровней грел руки низенький и толстый человек, в наброшенном на спину лисьем плаще. При виде подходившего Амелла он выпрямился. Его пухлое, поросшее клочковатой бородой лицо, заметно оживилось.

— Шевалье Дабэрнэ, — переглянувшись со стоявшими по обе стороны от караульного помещения стражниками, Дайлен шагнул вовнутрь, кланяясь, и одновременно протягивая заранее приготовленные документы. — Я — гонец достопочтенного Эамона Геррина, эрла Редклифа. Еду по поручению его светлости в город Монтсиммар.

Поймав еще один взгляд от стражника, он запахнул край плаща, скрывая притягивавший взгляды орлесианцев меч.

— Надо же, гонец, — побряхтывая, шевалье Добэрнэ уселся в стоявшее за столом деревянное кресло, приняв свиток, и со всех сторон оглядел скреплявшие его печати. — А я уж думал — голодранец. Сижу себе тут, понимаешь, и думаю — откуда нынче столько голодранцев-собачников прет? А ты, значит, гонец.

Сломав печать, он вскрыл письмо, вчитываясь в содержимое сопроводительных бумаг Дайлена. Амелл переминался с ноги на ногу, стараясь, чтобы его волнение не отразилось несвоевременной вспышкой лириума в глазах.

Дочитав, орлесианец свернул свиток и, постукивая им по столу, еще раз внимательно оглядел Дайлена, особенно задержав взгляд на, как показалось самому Стражу, шрамах от лириума на коже. Вопреки обещающим заверениям магини, заплывшие глазки смотрели не сонно, а пытливо и проницательно.

— И где же твой конь, гонец? — наконец, нарушил молчание шевалье. — Или ферелденские вельможи обеднели настолько, что не могут как следует одеть своих посланников и выделить им клячу?

Дайлен отвесил еще один поклон.

— На меня напала стая сумеречных котов, месье. Они задрали коня и привели в беспорядок мою одежду.

Договорив, он умолк. Дабэрнэ молчал тоже, продолжая разглядывать ферелденца. Взгляд его из пытливого сделался добродушным так быстро, что от удивления Дайлен моргнул.

— Ну что же, гонец, — шевалье всхрипнул, опираясь о стол локтем, и вновь протянул руки к жаровне. — Ты должен знать, что проход в земли Орлея стоит денег. С беженцев мы берем по серебряку, но раз ты едешь не просто так, а по поручению эрла, это будет... пятьдесят.

Спуск в долину занял у Стража весь остаток дня и большую часть ночи. Чем ниже и севернее продвигался Дайлен, тем теплее становилось вокруг. Снег никуда не делся, но морозы, ранее сковывавшие дыхание, тело и сами мысли, утратили ферелденскую суровость, оставив себе лишь неприятное покалывание кожи путника. Несмотря на недавние раны, Дайлен шел, не останавливаясь и даже не сбавляя шага. На всей протяженности пути, который довелось ему пройти, Имперский тракт имел куда лучший вид, чем где-либо в Ферелдене, и идти было легко даже ночью. Тем не менее, к утру, смертельно утомившись, Амелл был рад увидеть у одного из многочисленных сходов с тракта поселение с отстоявшим в стороне большим постоянным двором, где и провел остаток ночи и все утро. К полудню, хорошо выспавшись, поев и приобретя все-таки вожделенную лошадь, Дайлен отправился дальше по тракту, всерьез начиная полагать, что жизнь налаживается.

Земли, через которые шагом нес его неспешный конь, мало чем отличались от ферелденских. Горы остались позади, напоминая о себе лишь изломанной линией горизонта, но вокруг высились незнакомые, но, по виду, сходные с виденными Дайленом на родине, холмы. Разве что, леса, укрывавшие их склоны, были гуще и в них попадались деревья, которых не росло на юге. Амелл наблюдал стаи крупных ворон, бредущих над землей орлов и время от времени показывавшихся вдали робких тварей, более всего походивших на ферелденских оленей. Иногда по тракту навстречу попадались одинокие всадники или крестьянские телеги, и тогда путник знал, что поблизости вскоре будет съезд с наверняка притулившейся у его основания деревней, где можно было бы пополнить запасы — если бы в том была нужда. Но, приобретя необходимое на постоялом дворе, нужды Амелл пока не испытывал. Орлесианцы, поговору сразу распознававшие в нем чужака, при виде денег добрели, а добрый меч, что из-за сорванной котом перевязи Дайлену теперь приходилось носить в ножнах у бедра, предостерегал местных от попыток познакомиться поближе с содержимым кошелька против воли его хозяина. Чем дальше, тем более обжитым казался путнику тракт, и тем чаще попадались люди. Сбиться с такого пути было невозможно, саму дорогу искать не приходилось тоже — она вела прямо к Монтсиммару. И постепенно Амелл, хотя и оставаясь в настороженности и стараясь не задерживаться долго на каждом новом месте, все же утратил часть своего беспокойства и вновь предался мечтам о будущем. После схватки с высшим драконом у гробницы благой Андрасте, он не сомневался в своих силах, полагая, что, избавившись от ненавистного ошейника, сможет, с помощью союзников, сразить архидемона. Все мысли его были о тех трудностях и радостях, что случатся после Мора, о новой встрече с друзьями, по которым он нежданно для себя самого успел уже порядком соскучиться, и о прекрасной Кейтлин, давшей согласие сделаться его женой — женой мага, отступника и Серого Стража. Несомненно, что даже когда твари будут побеждены, и в людских землях установится мир, трудности его жизни будут далеко не кончены. Но, удобно сидя в седле, вдыхая свежий, морозный воздух под лучами солнца, что севернее светило как будто бы ярче, и грело сильнее, на сытый желудок думалось только о хорошем.

Солнце клонилось уже к горизонту, и утомленный Дайлен все чаще привставал на стременах, чтобы увидеть очередной съезд с тракта, означавший близость людского

поселения. Несмотря на то, что теперь не приходилось идти своими ногами, прошедшая бессонная ночь и целый день в седле сильно утомили бывшего мага. Он мог переночевать в одной из ниш, что специально попадались время от времени на выстроенной древними тевинтерцами дороге, однако холод и боязнь столкнуться с новыми хищниками либо охотниками за чужим добром, заставляли Дайлена двигаться вперед и дальше, тем более что до наступления темноты оставалось еще далеко.

Съезд обнаружился, когда солнце уже скрылось за холмами. Остановившись, некоторое время Дайлен вглядывался в это ответвление главной дороги. Деревни видно не было, но по самой дороге часто ездили, в том не было сомнений. Снег здесь казался хорошо утопанным конскими копытами, тележными колесами и человеческими сапогами. Решив, что по какой-то причине селение размещалось дальше, в холмах за подступавшим к самому Имперскому тракту пролеском, Дайлен еще раз оглянулся на вечернюю зарю на горизонте и решительно свернул на боковую дорогу.

Углубившись в лес, он некоторое время ехал спокойно, ожидая вот-вот увидеть впереди вожделенное селение. Однако чем больше проходило времени, и гуще становились растущие близко к дороге деревья, тем сильнее начинал недоумевать и беспокоиться путник. Темнело на севере быстрее, чем в Ферелдене, дневное светило убралось, а ночное еще не показывалось в небе и, услышав вдалеке первый вой, зверя, вне всяких сомнений, хищного, Дайлен придержал коня. Прослушав некоторое время звуки вечернего леса, он спешился и, кое-как переступая в глубоком снегу, занялся поисками. Спустя какое-то время, так и не найдя того, что нужно, он попросту выломал сук у дерева, показавшийся ему более или менее подходящим и, справив над ним все, что нужно, достал из сумки кремень и огниво.

Теперь предстояло самое сложное. Дайлену уже не раз приходилось убеждаться в том, что ему, чародею, что некогда мог единой только мыслью без натуги сжечь самого сильного демона Тени, без магии едва удавалось добиться от горючих камней хотя бы малой искры. Дело было в малой привычке к таким вещам, ведь до того, как оказаться в ошейнике Авернуса, Амелл успел позабыть, когда ему приходилось добывать пламя подобным образом.

Некоторое время он пытался высечь огонь стоя, и зажимая будущий факел подмышкой. После нескольких неудачных попыток, отошел от коня и, присев на сваленное дерево, которое кто-то заботливо оттащил от края дороги, зажал факел между коленей, и возобновил старания. Спустя какое-то время, в течение которого ни одна из получаемых им редких искр не упала на пропитанную маслом ткань, обмотанную вокруг свежесломанной ветки, Дайлен сдался. Уронив руки с зажатыми в них камнями на колени и набираясь терпения перед новыми попытками, он вглядывался в обступавшую его со всех сторон лесную чащу, что убегала за поворот дороги, огибавшей небольшую земляную насыпь, как вдруг услышал новый звук. Звук этот как будто бы был стремительно приближавшимся конским топотом. Сообразив, что он своей лошадью перегородил суженную наметенным снегом дорогу, и что не видевший его из-за деревьев всадник может наскочить на нее или самого незадачливого путника, Дайлен вскочил и бросился к коню, но сделать ничего не успел.

Всадник вылетел из-за поворота дороги так стремительно, точно все демоны Тени гнались за ним. Увидев перед собой внезапно появившихся коня и человека, который торопливо пытался убраться с дороги, и понимая, что не успевает остановиться, всадник натянул поводья, заставляя своего скакуна встать на дыбы. Копыта животного заскользили, и он с силой грохнулся оземь, подмяв под себя седока.

Опомнившийся Дайлен, бросив камни, подбежал придавленному конем человеку, который громко стонал, время от времени прекращая это делать, но только затем, чтобы перевести дух и выругаться. Его конь пытался подняться, но не мог, по-видимому, сломав или сильно вывихнув переднюю ногу.

— Ты! Вытащи меня, наконец, из-под этой демоновой твари!

Дайлен не заставил пострадавшего по его вине всадника повторять дважды. Оббежав его с другой стороны, Страж подхватил все еще стонущего человека подмышки и дернул, вырвав короткий вскрик боли. С третьего раза удалось освободить даже ноги несчастного, и тот с трудом сел, цепляясь за подставленное плечо виноватого Амелла.

Теперь он и всадник смогли рассмотреть друг друга. Пострадавший орлесианец оказался молод, не более чем на два-три года старше самого Дайлена. Как и было принято здесь, он носил маску, скрывавшую большую часть его лица, однако при падении маска съехала на лоб, и всадник раздраженно сорвал ее еще лежа под конем. Взору ферелденца предстало надменное тяжелое лицо, с большими, но близко посаженными серыми глазами, взгляд которых отчего-то напомнил Амеллу гравюру из книги, что он читал в Круге магов, изображавшую хищного виверна из Виммаркских гор. Тонкие поджатые губы могли говорить об избалованном нраве их обладателя — либо о боли, что до сих пор причиняло ему падение с лошади. Однако, несмотря на беспорядок, который присутствовал теперь в его одежде, во всем облике всадника было нечто, заставившее думать о том, что человек этот привык повелевать — с рождения, как и к тому, чтобы каждый его каприз был исполнен. Чувствуя на плече крепкую и судорожную хватку орлесианских пальцев, Дайлен внутренне томился от догадки, что сделался причиной увечья какого-то местного милорда. И его самые тоскливые предположения не замедлили подтвердиться.

— Какой демон вытолкнул тебя под копыта моего коня, негодяй? Каким местом ты думал, когда перегораживал дорогу?

Дайлен кашлянул.

— Прошу простить меня, месье. Я... остановился совсем ненадолго, и не мог предположить, что кто-то будет ехать так поздно и так быстро. Дорога-то скользкая. Месье мог упасть и без моего вме... моей вины.

На некоторое время повисло молчание.

— Наглец, — выдержав паузу, во время которой, он, сцепив зубы, пытался усесться поудобнее, выдохнул знатный всадник. — Еще и ферелденец, к тому же, если судить поговору. Что забыл ферелденец ночью на дороге, ведущей в мое поместье?

Амелл повел плечом, принимая на себя весь груз тела орлесианца, которому вздумалось попробовать подняться. Попытка эта, впрочем, не увенчалась успехом. Всадник резко присел обратно, кусая губы. В нескольких шагах от них сломавший ногу конь также порывался встать, и не мог, временами издавая тревожное и мучительное ржание.

— Искренне прошу меня простить, месье. Я свернул с Имперского тракта в поисках ночлега. Мне казалось, я еду в деревню.

За то время, что белесые глаза виверна изучали его лицо, оно успело замерзнуть больше, чем при переходе через морозные горы. Потом взгляд знатного всадника, как показалось Дайлену, немного смягчился.

— Никогда не встречал черт, настолько совершенных, — нежданно сменив тему, молвил орлесианец. — Они достойны быть запечатленными для потомков. Поправь меня, если ошибаюсь, однако, судя по твоим манере и речи, ты не из смердов?

Под взглядом собеседника Дайлен почувствовал себя неловко, досадуя, что отодвинуться было нельзя. Пальцы всадника по-прежнему крепко сжимали его плечо.

— Да, ваша светлость. У меня два имени. Семья моя из благородных, но не знатных. Отец мой, да примет его Создатель, состоял на службе у эрла Геррина. В Орлее я с поручением от эрла к родственникам его жены, что проживают в Монтсиммаре. Я... прошу простить меня, месье. То, что вышло — случайность.

Знатный орлесианец поднял брови, одновременно поджимая губы.

— Возможно, ты и прав, ферелденский наглец. Часть вины за случившееся — на мне. Не гони я так сильно, этого не случилось бы.

Дайлен бросил быстрый взгляд на поворот дороги.

— Прошу простить меня за дерзость, но... дело, по которому вы ехали. Оно, должно быть, не терпит отлагательств...

— О, нет, — поморщившись, всадник вновь выразил желание подняться и на этот раз, не без помощи Амелла, ему это удалось. Однако, самому утвердиться на ногах не получалось, и знатный орлесианец вновь вынужден был схватиться за плечо своего невольного спасителя. — Это была прогулка. С некоторых пор я полюбил прогулки такого рода. Впрочем, тебе не должно быть это интересно.

Выпустив плечо ферелденца, он с трудом выпрямился, упираясь обеими руками себе в поясницу.

— Сирил де Монфор, — опустив руки, всадник вскинул подбородок. Амелл, стараясь, чтобы ошалелый рассудок не выдал его не вовремя вспыхнувшими глазами, поспешно отвесил самый глубокий и почтительный поклон, на который был способен. О династии Монфор, потомков великолепного Гастона де Монфора, шевалье, снискавшего славу во время Четвертого Мора, он читал во время совета в кабинете Эамона, когда оговаривалась необходимость его пути в Орлей. Едва ли при дворе императрицы имелось другое семейство, облеченное бы такими же влиянием, доверием и властью, как Монфор. При мысли о том, какое наказание могло ожидать его за содеянное с отпрыском настолько знатной и могущественной фамилии, у Дайлена в страхе скрутило живот. Мелькнула и пропала безумная мысль — убить орлесианца теперь, когда он ослабел, и бежать как можно быстрее и дальше отсюда. Впрочем, к счастью для Стража, одновременно с ней пришло понимание того, что Сирил де Морфор наверняка был лучшим, чем он, фехтовальщиком, и победить такого противника, как бывший маг, мог даже раненым, с одной рукой, привязанной за спину.

Дайлен хотел было представиться в ответ, но вовремя вспомнил о прочитанном в той же книге орлесианском обычае низшему не оскорблять слуха высшего звуками своего имени, если только не спросят, и промолчал.

Меж тем, лорд Монфор, кривясь и прихрамывая, подошел к по-прежнему дергавшемуся в бесплодных попытках подняться коню. Единокого взгляда, брошенного на ногу животного, ему сделалось достаточно. Вытащив собственный меч — с тонким и узким, по меркам ферелденца, лезвием, он сделал неуловимое движение — и жалобно взвизгнув напоследок, животное замерло на снегу. Орлесианец вытер меч о подседельную подушку и вложил его в ножны. Затем обернулся к не знавшему, как ему поступить, Амеллу.

— Я воспользуюсь твоим конем, чтобы вернуться в поместье, — некоторое время он оглядывал ферелденца, неловко мнущегося под его надменным изучающим взглядом. — Ты отправишься со мной и поможешь мне добраться. Не уверен, что смогу сейчас хорошо

держаться в седле.

Глава 34

Глава 34

Поместье, о котором говорил Монфор, показалось впереди, едва только тяжело переступавший под тяжестью двух седоков конь Амелла вынес их из леса. Всю дорогу, должно быть, зашибившийся больше, чем он считал нужным это показать, знатный орлесианец просидел молча, прислонившись к спине Дайлена и лишь коротко постанывая, когда лошадь оступалась или делала иное резкое движение. Чувствуя затылком дыхание де Монфора, а животом и плечами — его руки, которыми тот цеплялся за ферелденца, дабы не упасть, Амелл внутренне томился. Его не оставляло ощущение, что на самом деле могущественный вельможа вовсе не простил ему своего падения, и каждая кочка добавляла монет в копилку счета, который он собирался предъявить Дайлену, как только в его распоряжении вновь будет хотя бы один стражник. Однако, сбросить орлесианца в снег и, завернув коня, убраться как можно дальше по Имперскому тракту, ему не позволяла совесть. К тому же, просчитать последствия подобного поступка было бы сложно, в особенности, когда тот все же добрался бы до своего дома и отправил за ферелденцем погоню.

Меж тем замок, с выкопанным вокруг ныне замерзшим рвом, многочисленными постройками, дополнявшими основное строение, надвинулся почти вплотную. Вычурный орлесианский стиль ощущался повсюду — от выложенных разноцветным камнем стен до вечнозеленых деревьев и кустов, которым искусные руки садовника придавали самые разнообразные формы. Все в поместье Монфоров словно кричало о богатстве и по-орлесиански изысканном вкусе его владельца.

Каменная дорога привела их к высоким воротам, у которых несли стражу не менее двух десятков воинов, одетых в шлемы, словно маской повторявшие контуры лица. Дайлен натянул поводья, однако, подчиняясь взмаху руки хозяина, стражи отступили, так же молча, как дожидались приближения несшего двух наездников коня. Миновав сад сразу за воротами, что показался Амеллу настоящим дивом творения человеческих рук, орлесианец и его гость въехали во вторые ворота, ведущие во внутренний двор. Несмотря на то, что вокруг царил зима, и за пределами поместья лежал снег, двор был чисто выметен, сверкая в свете факелов блестящим мрамором, и являя восхищенному взору ферелденца изящные белые статуи и выстриженные в форме женских фигур вечнозеленые кусты. Большие окна внутреннего дома были ярко освещены, точно внутри горело не менее нескольких сотен свечей.

Однако, как ни велик был интерес Дайлена, долго рассматривать внутренне убранство роскошного орлесианского двора ему не дали. Набежавшие слуги помогли бережно ссадить пострадавшего хозяина на землю. Коня у Амелла забрали, уводя его куда-то в сторону. По знаку орлесианца, Страж проследовал за опиравшимся на плечи слуг Монфором до самых дверей поместья. Уже оказавшись внутри, хозяин соизволил заметить, наконец, ферелденского гостя, который не знал, куда себя девать.

— Несмотря на обстоятельства нашей встречи, я рад приветствовать тебя... вас в моем скромном жилище, месье. Пока вы здесь, считайте мой дом своим домом. Я был бы отвратительным хозяином, не предложи я вам, своему... спасителю провести ночь под

крышей моего дома, — Монфор кивнул в сторону одного из слуг, которому пока не было дела вокруг драгоценного тела хозяина. — Доминик, проводи в комнату для гостей месье...

— Амелл, — правильно истолковав повисшую паузу, ферелденский гость вновь поклонился. — Дайлен Амелл, к вашим услугам.

Де Монфор замер. На несколько мгновений его обращенные к Амеллу глаза расширились, словно орлесианский лорд увидел либо привидение, либо, что точнее, помойного жука в миске с собственным суфле, куда только что намеревался сунуть ложку. Дайлен молчал, не понимая, во что его угораздило влипнуть на этот раз, и делал единственное, что мог в той ситуации — ожидал продолжения. Однако хозяин дома овладел собой так быстро, что заставил Стража засомневаться, действительно ли он видел странное выражение, появившееся на лице де Монфора при звуках его имени, или все же показалось.

— Доминик, проводи в комнату для гостей месье Амелла, — наконец, безразлично повторил де Монфор, и, едва двинув подбородком, кивнул Дайлену. — Сегодня мы с вами уже не увидимся. Не стесняйтесь требовать у слуг все, что сочтете необходимым. Как я уже сказал, почувствуйте себя гостем и позвольте пожелать вам доброй ночи, месье Амелл.

Он удалился. Все еще недоумевая, Дайлен отправился вслед за слугой. Миновав несколько коридоров, убранство которых поражало своей роскошью никогда не видевшего ничего подобного в Ферелдене Амелла, и поднявшись по четырем лестницам, орлесианец Доминик привел гостя в комнату, большую и не менее роскошную, чем все виденные им до этого помещения. Пораженный видом лепнины на высоких потолках, великолепных ковров, прекрасной мебели и вездесущей позолоты, Дайлен не сразу вспомнил о собственных нуждах. Но вспомнив, решил в полной степени воспользоваться непонятно великодушным приглашением де Монфора, и потребовал горячую воду и горячий ужин. Получив и то, и другое, и отдав им должное, Страж забрался, наконец, в вожденную постель и, вопреки своим тревожным ожиданиям, почти сразу же уснул.

Следующий день ожидаемо не задался с самого начала. Поднявшийся рано Амелл обнаружил за окном метель, сродни той, что едва не погубила его в Морозных горах. Метель, видимо, началась ночью, и прекращаться скоро не собиралась. О том, чтобы ехать тотчас же, не было и речи. Одевшись в оставленную у изголовья чистую одежду, Страж поспешил выйти, и в дверях столкнулся с заносившим новый поднос со снедью вчерашним слугой. От прислужника Дайлен узнал, что де Монфор все еще не здоров, но по-прежнему склонен оказывать своему гостю лучшее гостеприимство из того, что только может предложить орлесианец. Он так же почел бы за честь видеть гостя сегодня за ужином в гостиной.

Несмотря на видимые знаки расположения, что оказывались ему, как благородному гостю, пусть и ферелденцу, Дайлен чувствовал себя в доме де Монфора все более неуютно. Слуги были почтительны, комната, в которой его поселили — роскошной, постель — мягкой, а пища, равной которой ему ранее не доводилось пробовать, не содержала яда. Однако, Дайлен не мог забыть того взгляда, который бросил на него орлесианский вельможа, услышав его имя. Взгляд этот был пораженным и — в том не было сомнений — крайне недоброжелательным. Но Дайлен мог поклясться, что до того ни разу не встречался с Сирилом де Монфором. Значит, недоброжелательность орлесианца, в чем бы они ни заключалась, никак не могла быть связана с бывшим магом. Тогда с чем? С его вторым именем? Или ему, все же, показалось? Хозяин поместья мог быть зол просто потому что по милости своего ферелденского гостя упал с коня. В таком случае, волноваться не стоило. Желай Монфор ему зла, Дайлен бы теперь сидел не в удобном кресле за накрытым столом, а,

в лучшем случае, на цепи в каком-нибудь подвале.

Почувствовав, что начинает строить уже вовсе нелепые предположения, Дайлен решил, что ему не помешало бы пройтись, тем более что, кроме слуги, который приносил завтрак, за целое утро к нему больше никто не приходил, и не было похоже, чтобы приходиться собирался. Выглянув за дверь, он обнаружил двух стражников в традиционно закрытых шлемах, напрочь скрывавших их лица. Однако на его появление они не отреагировали никак, вовсе не препятствуя ему покинуть комнату, чем пробудили в Дайлене еще большее недоумение. Оставив стражу сторожить пустую комнату, он, сперва осторожно, потом свободнее, прошелся до конца коридора, ведущего к лестнице. Облокотившись о перила, он взглянул вниз, на что-то вносивших через приемную залу слуг, потом поднял глаза кверху, и крупно вздрогнул. Прямо напротив него этажом выше с ногами на перилах сидел некто. Быть может, даже женщина, этого Амелл так и не понял. Некто был одет странно пестро, как ярмарочный паяц, но одежда его была из дорогой материи и прилегалась к телу плотно, точно кожаный доспех. Лицо по орлесианскому обычаю скрывалось за маской, голова — была покрыта капюшоном. Сидевший чуть сместился, и Дайлен понял, что костюм его был не столь шутовским, как казался ранее. От игры света по многочисленным извилистым цветовым пятнам одеяния, загадочный некто словно сливался с яркой и роскошной обстановкой дома орлесианского вельможи, и захоти он, мог бы оставаться незамеченным.

Но в том-то и дело, что, было похоже, этот некто явно желал показаться на глаза, и показаться именно ферелденскому гостю. Убедившись, что его увидели, он оттолкнулся пятками, и, совершив головокружительный прыжок, мягко и почти без звука приземлился на пол рядом с Амеллом, однако, не задев ни ворсинки на одежде последнего. Дождавшись, чтобы гость ожидаемо отпрянул от неожиданности, пестро одетый некто, чуть покачивая бедрами, отошел к угловой части перил и, опершись о них задом, замер, не отводя пристального взгляда от фигуры ферелденца.

Сумев сохранить лицо, Дайлен развернулся и, оттягивая ошейник, внешне спокойным шагом вернулся в свою комнату. Стражники по-прежнему торчали перед дверьми, глядя перед собой. По невидимым за масками лицам трудно было о чем-то судить, с тем же успехом орлесианцы могли и спать на посту. Только притворив дверь, и прислонившись к ней спиной, Амелл позволил себе на несколько мгновений прикрыть горевшие пронзительным белым цветом глаза, переживая сковавший его испуг. Первой мыслью, пробравшейся в оцепеневший рассудок, сделалось предположение о безумии обитателей поместья. И лишь несколькими мгновениями спустя Дайлен понял — хозяин дома хотел, чтобы гость видел — за ним следят. Следят в открытую и постоянно. Вот зачем это было нужно де Монфору — Амелл придумать уже не смог. Но желание гулять пропало. Оставшееся время до вечера Дайлен провел, тоскуя и вознося молитвы Создателю о том, чтобы бушевавшая весь день метель утихла, и он мог уехать утром, как можно раньше. И, похоже, многократно повторяемые, его молитвы были услышаны. К тому моменту, как за измаявшимся гостем зашел слуга, чтобы сопроводить его к накрытому в гостиной обещанному ужину в обществе хозяина поместья, ветер утих, и только по-прежнему густо валивший снег мешал в полной мере предаться надеждам на скорейший отъезд.

Против ожиданий Дайлена, его провели не в огромную просторную обеденную залу, уже виденную им накануне, а в небольшую комнату, больше походившую на библиотеку, из-за множества стеклянных шкафов с книгами, стоявшими вдоль стен, и перемежавшимися с расставленными тут же небольшими гипсовыми статуями, изображавшими обнаженных

людей и впечатляющих размеров цветочными горшками. Сирил де Монфор сидел с одного края недлинного резного стола, уставленного поразительными, на неискушенный взгляд Амелла, яствами. По мнению гостя, орлесианец был разодет, как на праздник, однако судить об этом для не привыкшего к чужому укладу жизни ферелденца было сложно. При появлении гостя, Монфор приветствовал его с настораживавшей сердечностью. Несмотря ни на что, Дайлен внутренним чутьем осознавал, что чем-то сильно раздражает знатного вельможу, однако в чем была причина этого, постичь не мог. Ровно и почему, несмотря на недоброжелательство, тот продолжал оказывать гостеприимство. Должно быть, дело было в особых хитросплетениях орлесианского этикета. А может, в чем-то ином. Отчаявшись понять, что происходит, Амелл решил просто утроить осторожность, и действовать по обстоятельствам. А пока обстоятельства состояли в том, чтобы отужинать с внешне радушным хозяином этого дома.

Дайлен уселся напротив лорда, и, припоминая давно позабытые правила этикета, что когда-то бегло изучал в Круге наряду с историей Тедаса, неуверенно взялся за нужную вилку — одну из трех, лежавших перед ним. Впрочем, отправив в рот первое, что осмелился положить себе на тарелку, Дайлен едва не забыл обо всем на свете — орлесианские вельможи явно знали толк в яствах и хорошо поесть любили. На фоне того, что довелось уже отведать в таких высоких гостях, жидкие супы, что подавали в Круге, грубые похлебки, которыми кормил Алистер, единственный, кто хоть как-то умел готовить в отряде, и даже жареное мясо из кухонь Эамона — все это показалось блаженствующему Дайлену только подготовкой к тому, что довелось вкусить теперь.

Некоторое время де Монфор, подобно гостю, отдавал должное искусству своего повара. Единственными звуками в комнате был перестук вилок по тарелкам, да неслышные шаги прислужника, временами что-то менявшего на столе, и подливавшего вино в кубок хозяина. Дайлен, несмотря на томящее желание, от вина отказывался, вежливо, но непреклонно, едва пригубляя то, что уже плескалось в его собственном кубке. За всю его жизнь пить хмельного почти не приходилось, и в особенности не приходилось этого делать с тех пор, как явившиеся сны из Тени сделали его магом. Захмелевший маг мог натворить много непоправимого, это понимал каждый, и более всего — понимали это сами маги. Потому трезво оценивавший свои силы Амелл разумел, что с непривычки опьянеет быстро, а допустить этого он не мог. Хотя и догадывался, что такого вина, как за этим столом, ему вряд ли доведется испробовать когда-либо еще.

— Как вам мой дом, месье Амелл? — нарушил, наконец, молчание де Монфор, что-то откусывая с вилки. В обстановке богатого поместья, не зависящий от помощи незнакомца и, по-видимому, больше не испытывавший боли, орлесианец сделался куда увереннее в движениях, и одновременно, манернее. — Надеюсь, вам пришлось по вкусу мое гостеприимство?

Дайлен поднял глаза и с трудом выдержал взгляд белесых глаз виверна.

— Благодарю вас, — стараясь изъясняться как можно изысканнее, отозвался он, внешне оставаясь спокойным. Тем более что и особого повода для беспокойства пока не было. — Ваша светлость оказали мне прием, которого я не достоин. Я уже упоминал при вашей светлости, что, хотя происхожу из благородных, семья моя не носит титулов, и состоит на службе у сюзерена.

Де Монфор приподнял тонкую бровь.

— Разве вы не происходите из знатных кирквольских Амеллов, которые были вхожи в

лучшие аристократические дома Орлея и Вольной Марки? — он дернул узким плечом. — Не думал я, что в Тедасе есть другое такое благородное семейство, носящее имя Амелл. В свое время моя бабушка, да примет ее Создатель, тесно с ними дружила. Но, как я могу услышать по вашемуговору, вы из Ферелдена, не так ли, месье?

Дайлен смущенно кашлянул.

— Мне мало что об этом известно, ваша светлость. Родители мои, да упокоит их Создатель в своих чертогах, мало рассказывали мне о нашей семье. Единственное, что я помню — мой дед, Андреа Амелл, действительно происходил из какого-то знатного семейства Вольной Марки. Быть может, даже из Киркволла. Но он... из-за чего-то сильно поссорился со всей семьей и самовольно бежал в Ферелден, где поступил на службу к батюшке нынешнего эрла Редклифа, сэру Геррину. Это все, что знал о нем отец, так как, подобно моему отцу, дед умер молодым, сорвавшись с крепостной стены замка по недосмотру строителей, плохо укрепивших ее зубцы. Мой отец некоторое время прослужил в замке простым стражником, однако, ввиду благородного происхождения и доблести, эрл Эамон, да благословит его Андрасте, сделал его капитаном своего гарнизона. Теперь его светлости эрлу Геррину служу я. Это все, что мне известно о моей семье.

Сирил де Монфор медленно кивнул. В глазах его на миг промелькнуло то самое выражение, что появлялось в них накануне вечером, когда орлесианский вельможа впервые услышал имя своего гостя.

— Все верно, — проговорил он, снимая губами с вилки еще один кусок. — При дворе до сих пор помнят то происшествие с Амеллами и побегом одного из двух их сыновей. Ваше семейство было вхоже в высшее общество Орлея, и неоднократно пользовалось этой привилегией. Хотя столько времени прошло, но тем не менее. О, это был скандале де туслез диаблес — дикий скандал. После этого, говорят, дела Амеллов и пошли под уклон. В особенности, когда такое повторилось вновь — в следующем поколении этого семейства. Но никто так никогда и не узнал, куда сбежал Андреа Амелл. Ту линию считали потерянной. Вы — удивительная находка, месье Дайлен. И тем удивительнее, что вы ничего не знали о своей семье.

Пришла очередь Стража пожимать плечами.

— Но ведь это все только предположения, ваша светлость. Я по-прежнему не уверен, что происхожу из тех самых...

— Зато уверен я, — лорд Сирил сузил свои блеклые глаза и Дайлену отчего-то расхотелось возражать. — Совсем недавно моя семья... возобновила отношения с кирквольскими Амеллами. Этого не случалось уже давно, так как после побега из семьи Лиандры Амелл... дайте подумать, вашему деду она бы приходилась племянницей, соответственно вам... двоюродной теткой. Так вот, после ее побега в Ферелден, по слухам, с каким-то отступником, Амеллы потеряли всякий вес и положение в обществе. Они потеряли даже дом. Об этом мне мало что известно. Однако в начале этой осени Лиандра Амелл неожиданно вернулась в Кирквол, и с ней... вам ведь интересна эта история, месье Дайлен?

Бывший маг кивнул. То, что ему довелось узнать от орлесианца было ему действительно интересно. Вне всяких сомнений, на дороге с лордом Сирилом его свела судьба. И впервые Дайлену показалось, что судьба эта не была злой. Ведь когда-то за то, чтобы узнать что-то о своих родственниках, он готов был отдать все на свете.

— С ней в Кирквол вернулись ее дети, — между тем продолжал хозяин дома, и его капризное манерное лицо на несколько мгновений сделалось словно жестче. — И хотя они

носили имя не Амелл, а Хоук, по имени отступника, что приходился им отцом, первым, что сделали дети Лиандры — вышвырнули из особняка Амелл в Высшем городе всех, кто его занимал. После чего вновь поселились в нем сами. Жалобы к наместнику на такое самоуправство никто так и не предъявил, из чего можно было бы сделать вывод, что предыдущие владельцы занимали особняк незаконно. Новость о возвращении Амеллов быстро сделалась притчей во языцех везде, в том числе и в Орлее. Мой отец, что ранее бывал в доме Амеллов, решил... решил вновь возобновить отношения с ними. С его точки зрения это был бы забавный оксюморон.

Сирил помолчал, вновь отпивая из кубка. Дайлен терпеливо ожидал продолжения, едва сдерживаясь, чтобы не ерзать на стуле.

— У моей семьи имение в Вимаркских горах. Не так далеко от Кирквола, — орлесианец отпил из кубка опять. — Отец часто устраивал там охоту для своих гостей. Специально ради знакомства с новыми Амеллами... то есть, Хоуками, он передвинул охоту на осень, хотя, с моей точки зрения, это был еще один... оксюморон. После охоты, во время которой ваши кузены Хоук показали себя блестяще, и выиграли состязание, первыми завалив гигантского ящера, что и был предметом охоты, я имел честь быть представленным им. Можете мне поверить, месье Дайлен, ваше фамильное сходство с Хоуками, и в особенности, с младшим Хоуком... Карвером, если не ошибаюсь, поразительно. Я не сразу вспомнил, где мог видеть ваше лицо, при нашей первой встрече, но когда вы назвали свое имя, догадался. Не догадаться было бы трудно. Вы действительно очень похожи на кузена. Вне всяких сомнений, вы тоже Амелл, из той же славной и знатной династии, о которой мы с вами говорим уже столько времени. Даже странно, что обе ветви вашей семьи столько лет жили в Ферелдене — между нами, не такой большой стране — и ничего не знали друг о друге.

Губы де Монфора улыбались, но бесцветные глаза смотрели отстраненно и неприязненно. Дайлен не нашелся, что ответить. То, что он узнал о своей семье, сделалось для него самого полной неожиданностью. Ему необходимо было внимательно обдумать услышанное, и желательно — наедине с собой.

Впрочем, лорд Сирил, похоже, не нуждался в его ответе. Он, наконец, отвел взгляд от лица Амелла и, глядя в сторону, цедил уже третий кубок вина. Несмотря на то, что холеное лицо орлесианца было непроницаемо, у Дайлена сложилось смутное впечатление того, что де Монфор о чем-то напряженно размышлял, словно не решаясь, как ему поступить.

— Позвольте вас кое о чем спросить, месье Амелл — внезапно сменив тему, проговорил де Монфор. Несколько заинтригованный Дайлен кивнул.

— Разумеется, ваша светлость.

Сирил помолчал, видимо, собираясь с мыслями. Гость ждал, перестав жевать, и время от времени почтительно поглядывая в его сторону.

— Скажите мне, месье Амелл, — де Монфор вздохнул, поджимая тонкие губы. — Если бы кто-то из ваших близких был подло убит, и вы желали отомстить убийцам, пощадили ли бы вы членов их семей? — И, видя, что собеседник не понимает, пояснил. — В Орлее есть обычай... по моему мнению, он пришел к нам из Антивы. Если членом одного благородного семейства другому было нанесено тяжелое оскорбление, или совершена подлость... как правило — убийство, и удовлетворение не было получено законным путем... Я имею в виду — обидчик ускользнул от возмездия властей. То пострадавшая сторона вправе разобраться с обидчиком... как пожелает уместным. Если же это невозможно, заплатить за преступление обязаны члены его семьи. Как правило, законы чести касаются только благородных, хотя

иногда простолюдины тоже вовлекают свои семьи в такое, при нанесении крайне тяжелой обиды или оскорбления.

— Если я правильно понял, речь идет о вендетте, ваша светлость?

— Не совсем, — де Монфор вновь приподнял свой кубок, но не отпил, а принялся пальцем обводить по контуру вкрапленный в него камень. — Речь, скорее, идет о справедливом возмездии.

Дайлен кашлянул.

— При всем уважении, ваша светлость. Мне... лично мне не кажется справедливым заставлять отвечать за преступления невиновных в них людей. Даже пусть за... очень жестокие преступления.

Сирил де Монфор дернул углом рта. На его лице появилось какое-то капризное выражение, с оттенком горечи. Однако, как и все прочие проявления чувств, держалось оно не более нескольких мгновений. Когда орлесианец поднял взгляд, на Дайлена вновь глядели глаза виверна — равнодушные, пустые и жестокие.

— Быть может, вы и правы, — приготовившийся к долгой беседе на эту тему и заранее выискивавший выражения, которые бы не обидели его высокого собеседника, Дайлен облегченно вздохнул. Сирил вновь усмехнулся и сделал знак слуге. — Месье Амелл, я вижу, вы вовсе не притронулись к моему вину. А я вам клянусь, этот божественный напиток вовсе не заслуживает подобного пренебрежения. Позвольте... нет, я настаиваю. Отведайте хотя бы несколько глотков. О, прошу вас. Я буду чувствовать себя не до конца исполнившим долг хозяина перед гостем, если вы так и не попробуете этого божественного напитка, что вышло из лучших валборетских винокурен около трех веков назад. Отец мой, добрый Проспер де Монфор, что этой осенью ушел к Создателю, был знатным эстетом и знатоком вин. Поверьте, он бы не стал хранить в наших подвалах, в особом ящике, всякую гадость.

Отказать хозяину после такого приглашения было трудно. Дайлен послушно взял свой кубок, до краев наполненный светло-розовым, почти прозрачным вином.

— В память о моем отце, Проспере де Монфор, — самостоятельно подлив себе вина из стоявшей на столе бутылки, лорд Сирил поднял собственный кубок. — И за справедливое возмездие тем, кто был повинен в его смерти!

— Да примет его Создатель, — Дайлен поднес вино к губам, и, сделав глоток, не удержался, осушив кубок до дна.

Хозяин дома не солгал и не преувеличил. Амеллу показалось, что пьет он нектар, что ранее до него вкушали только боги и богатейшие из орлесианских вельмож. Робко просочившись, в его разум вкралась мысль о том, что теперь, когда он отведал подобного, жизнь его в любом случае прошла не зря.

Внимательно следивший за господами слуга понял ферелденского гостя без слов, беззвучно появляясь рядом и вновь наполняя его кубок тем же напитком. Несколько потерявший свою настороженность Амелл осушил и второй бокал за упокой души неизвестного ему знатного батюшки де Монфора. Совсем незаметно для него он сам и хозяин дома переместились как будто бы в другую комнату, где жарко горел камин, освещая уже порядком сгустившуюся вечернюю темноту. Дайлен ощущал мягкость низкого дивана и утапливал ноги в косматом мехе какой-то шкуры, брошенной на пол. Они с орлесианцем о чем-то жарко разговаривали, быть может, даже спорили. Думать Дайлену было все труднее, как и удерживать отяжелевшие веки открытыми. Последним здравым размышлением его было виноватое покаяние о том, что пить вина, даже так немного, ему не следовало вовсе.

Дайлен в последний раз дернулся из цепких объятий приятного опьянения и — сдался окончательно, проваливаясь в небытие и с неясными уколами тревоги ощущая на себе пустой и совершенно трезвый взгляд белесых глаз виверна.

Глава 35

Глава 35

Дайлен пришел в себя в отведенной ему комнате, лежа на неразобранной кровати. Вокруг царила полутьма, разгоняемая сиянием ночного светила, видимого в приоткрытое окно. Он попытался шевельнуться, и это далось ему неожиданно легко, словно тело лишилось веса взрослого мужчины, и вот-вот могло бы воспарить в поднебесье. Бывший маг вцепился в покрывало и осторожно, задом вперед, спустил с ложа сперва одну, потом другую ногу, и лишь потом осмелился выпрямиться во весь рост, искренне напуганный вероятностью улететь в окно с первым порывом ветра. В окне этом он усматривал для себя немалую опасность, а потому, придерживаясь за стены и мебель, кое-как добрался до него и с грохотом захлопнул.

Развернувшись, чтобы идти обратно на кровать, Дайлен вздрогнул в испуге. Высокая дверь, ведущая в коридор, беззвучно отворилась, и в комнату шагнул де Монфор. Из одежды на нем было только исподнее, и то — в беспорядке. Но не это насмерть напугало словно примерзшего к полу Дайлена. Он сразу запнулся взглядом о глаза хозяина дома — пустые и жестокие, они теперь были размером с блюдца. Не говоря ни слова, Сирил де Монфор начал крадучись приближаться к своему застывшему у окна гостю.

Так же молча Дайлен стал отодвигаться — пока не уперся в стену. Онемев от страха, он наблюдал, как подходивший к нему лорд менялся — вытягивалась голова и руки, отвисало грузное брюхо, отрастали когти и клыки, а кожа утолщалась, делаясь пупырчатой и бугристой. Спустя несколько мгновений на Стража надвигался уже не человек, а виверн. И взгляд его белесых глаз оставался отстраненным и беспощадным.

Завороженный этим взглядом, Дайлен едва не пропустил того мига, когда тварь бросилась на него. Он успел отскочить с пути огромной ящерицы, но странно непослушное его воле тело понесло его в сторону, противоположную прыжку, и спустя несколько мгновений Дайлен, вышибив головой то самое закрытое окно, в осколках и щепе упал на камни...

... пола в хорошо знакомой ему комнате. Реальность сменилась так резко, что Страж даже не успел изумиться. Он абсолютно точно лежал на полу в приемной комнате башни Круга. В большом очаге потрескивал огонь, и возле него, спиной к Дайлену, стоял очень высокий, светловолосый человек. Человек этот был без доспеха, в одной верхней мантии, но широкую спину сэра Бьорна Хосека бывший ученик Круга мог узнать из тысяч.

— А вот и ты, Дайли, — голос храмовника звучал, как обычно — равнодушно и слегка насмешливо. Амелл несмело поднялся, обронив с себя нападавшие сверху осколки и недоумевая, что то, что только что произошло, могло бы значить. — Я ждал тебя, паршивец.

Дайлен сделавшимся уже привычным движением оттянул ошейник, с тоской взывая к Тени — и не слыша ее. Хотя та вялая легкость, что сковывала движения в прошлом сне — ибо то, что происходило с ним, явью не являлось, это было очевидно, — пропала. Меж тем, бытие этого сна оставалось реальным, слишком реальным, чтобы его можно было не

опасаться. Спина Хосека, торчавшая перед ним на расстоянии четырех-пяти шагов, дышала и мелко подрагивала, видимая настолько хорошо, как редко бывает в снах.

— Ну, чего молчишь? — Хосек опустил голову ниже и, судя по движениям спины, одной рукой принялся с силой стирать что-то с кисти другой. — Неужели тебе нечего мне сказать?

Амелл сдвинул брови, хмуро покусывая губу. Хосек молчал, ожидая, видимо, ответа на свой вопрос.

— Прости меня, — наконец, решился бывший ученик, с трудом выдавливая из себя слова. — Прости, я виноват перед тобой. Но... когда я взывал к твоей крови, я понятия не имел о проклятии ведьмы. Мне просто хотелось большей помощи в нашем с Йованом деле. Ведь мы готовились к побегу. Если бы ты сочувствовал мне, и помогал в наших делах, то сбежать нам было бы легче... так мне казалось. Скажи, откуда мне было знать? Я представления не имел, что есть проклятия, удесятеряющие силы чувств! Я... я бы никогда... Неужели ты думаешь, что я... хотел... того, что... вышло? Андрасте свидетель, никогда не хотел! Но и ты виноват, Бьорн. То, что с твоего попустительства творили твои люди... я был уверен, что имею право действовать так, как считаю нужным.

Он умолк, не зная, что сказать еще. Он чувствовал, что говорить нужно, но на ум ничего не приходило. Слишком нереально — и в то же время, реально было все вокруг.

— Действовать, как считаешь нужным, — Хосек опустил руку и качнул волосами, рассыпавшимися по его спине и падавшими на лицо, скрывая его. — Ты действовал так, как считал нужным, и я действовал, как считал нужным. Думаешь, легко было держать в одиночку свору из нескольких сотен молодых головорезов? На острове, где нет ничего, кроме стайки магинь и магов? Про которых мои солдаты знали только, что они — враги рода человеческого, но при том многие из этих врагов так же молоды и... Мог я поступать иначе, чем иногда швырять храмовникам их кость?

Дайлен скривил лицо.

— Безусловно, мог, — Хосек передернул плечам. — Старик, что работал с Грегором до меня, напрочь перекрывал воздух и тем, и иным в той проклятой башне. Да только он не знал и половины того, что в ней происходило. И держать своих псов на такой привязи, как я, он не держал. Насилия было гораздо больше, можешь мне поверить. Когда оно выходило наружу, виновных ждало суровое наказание. Вот только наружу выходил один случай из тридцати. Во всех прочих случаях маги не смели жаловаться, даже если их вынуждали к тому силой. Я... был молод, когда попал в охранители магов башни Круга. И помню, что творилось тогда. При старых, суровых порядках, ты, Дайли, давно бы услаждал своим прекрасным телом всякого, кто бы к тебе подошел, потому что Усмиренные, как правило, относятся к этому проще, и никому не отказывают. А усмирили бы тебя скоро. Почти сразу по прибытию в башню, если вспомнить, какие яркие ты устраивал всем нам... вспышки своего, безусловно, праведного гнева.

Храмовник говорил много, но равнодушно и спокойно — словно сам был усмиренным. Дайлену вдруг пришло на ум, что привычку к такой манере разговора сэр Бьорн вырабатывал в себе годами, вместе с умением держать чувства в узде. И чем дальше длился этот непонятный сон, тем большее раскаяние охватывало его, некогда применившего на капитана заклятие воздействия на разум через кровь, которому долго и мучительно обучался по найденному с попустительства того же сэра Бьорна учебнику. Храмовник не оборачивался, он продолжал стоять лицом к очагу, с низко опущенной головой, покачиваясь и слегка

подрагивая. Не в силах выносить воцарившегося молчания, Амелл опустил голову к полу и тут только увидел лужу, натекающую у сапог капитана. Лужа отливала густо-багровым, и в свете очага казалась поверхностью малого зеркала.

— Все верно, Дайли, — храмовник, наконец, обернулся, и отшатнувшийся Амелл с ужасом уставился на его вытекшие, сочащиеся гноем глаза. Без нагрудника сделалась видна мантия на груди капитана, густо напитанная его кровью. — Долгое время я боролся с демоновым проклятием, иногда... иногда просто потому, что она — она сказала, что я сойду с ума. Назло проклятой ведьме я держался в разуме, и, хотя с годами это делалось не легче, научился тому, чтобы не позволять никому знать, что творится у меня в голове. Как видишь, многого достиг. Даже сделался капитаном, — он сделал шаг вперед, и Дайлен поспешно попятился. — А потом появился ты. Любимец Ирвинга, пример усердия и здоровой мысли. Они все считали, что ты слаб. Что ты — никудышный маг. Сколько же пришлось тебе работать над этим. Ты мог бы обмануть кого угодно, Дайли. Всех обвел вокруг пальца. Кроме меня!

Храмовник со злобой отшвырнул что-то в сторону, и, Дайлен, моргнув, уставился на обнаженный меч, зажатый во все еще крепкой руке капитана. Отлетевшие ножны со звяком упали на пол.

— Долгое время я восхищался тобой, — делая еще шаг к пятившемуся магу, открывался храмовник, до хруста сжимая пальцы на рукояти меча. — Я чувствовал, я знал, что ты держишь в себе Тень, и не даешь ей прорваться наружу. Мы с тобой были похожи — ты и я. Постоянная сдержанность, работа над собой, постоянный страх разоблачения. Я... сопереживал тебе, неблагодарный ты, негодный щенок. Я делал все, чтобы тебе жилось полегче. Никто не зажимал твою смазливую рожу по углам, никто не останавливал тебя, когда вы с дружкой шарились ночными коридорами, и даже на постоянную кражу тобой лириума я смотрел сквозь пальцы. Я во всем потворствовал тебе! И чем ты мне отплатил?

Реакция, что успел привить ему Кусланд, спасла Дайлена, когда, резко прогнувшись в спине, он пропустил над собой свистнувший клинок храмовника и, не удержавшись, упал на пол и перекатился в сторону от нового удара. Вскочив, он отбежал от Хосека на другой конец комнаты, в которой не было ни окон, ни дверей. Безглазый капитан слепо дернулся на звук и развернулся всем телом к затравленному Амеллу.

— Вот именно, — он сделал еще шаг, прокручивая меч в руке. Пропитанные кровью кожаные сапоги оставляли по себе красные следы на полу. — Тебе было мало. И в благодарность за мое к тебе участие ты наложил на меня заклятие крови. Но знаешь, что самое поганое? Самое поганое во всем этом то, что я, капитан Хосек, так до сих пор так и не уразумел, отчего однажды утром проснулся, и понял, что к старым порокам прибавился еще один. Страшный позор мне, как служителю благой Невесты, прости меня Создатель, дикий стыд. Демоново влечение! И не к магине. О Андрасте, к магу!

Добрый клинок, кованный, должно быть, гномами, выбил сноп искр над головой Дайлена. Он отскочил дальше, к самому очагу. Амелл был уверен — несмотря на слепоту, Хосек знает, где он. И действительно — храмовник стоял так, что проскочить мимо него было невозможно. Крепкие зубы Бьорна под мокреющей больной кожей сжались, заставляя желваки играть на худых, заросших щетиной щеках.

— Лириум — удивительная штука, Дайли, — тише прежнего проговорил капитан, смаргивая гной, сочащийся из глазниц. — Он не только дает храмовнику силу справиться с магом. Он еще и подавляет все... все, что может помешать правильно исполнить свой долг.

Однако если пить долго и много — это происходит быстрее, чем... чем обычно. Тело разлагается, а разум тускнеет. И ни одно снадобье ни одного демонового мага не может полностью от этого уберечь. Благодаря тебе я стал пить очень, очень много лириума, Дайли, — он сделал шаг ближе, почти вжимая Амелла в яму, полыхавшую огнем. — Я бичевал свою плоть, пытался избавиться от навязчивых страстей при помощи зелий, постов, молитвы, но помогал мне один только лириум. Мерзкий ты гаденьш!

Спасаясь от меча, Амелл взмахнул руками, которыми ранее удерживался за печную надстройку над камином и, не удержавшись, рухнул в самый огонь. Мелькнуло и пропало перекошенное лицо храмовника, а еще через миг Дайлен свалился — прямо в чью-то широкую, но хлипкую постель.

Потирая обожженную щеку, он завертел головой, с тоской размышляя над тем, когда, наконец, выпитое им не по положению вино, перестанет гонять его по закоулкам собственного разума и отпустит к смертельно надоевшему, но знакомому архидемону и прочим порождениям тьмы, что, как и положено, являлись без исключения всем Стражам во снах, не делая ни для кого поблажки.

Несколько мгновений потребовалось Дайлену, чтобы понять, что комната, и даже постель, на которой он сидел, были ему знакомы. И действительно — низкий потолок хижины Кейтлин, ветхие занавески на стенах, и даже протертый коврик на полу — все это он успел изучить так хорошо, словно уже сделался хозяином этого дома.

— Дайлен!

Кейтлин стояла в дверях. В простом белом платье, как и обычно, в смущении затискивая кисти рук. Дайлен приподнялся, но девушка уже была рядом с ним. Упав на колени, она спрятала лицо в его ладонях, и влюбленный жених с недоумением почувствовал влагу на ее щеках.

— Зачем ты меня оставил, Дайлен? — девушка говорила так невнятно, что Амеллу казалось, он угадывал ее слова лишь по шевелению губ. — Зачем ты ушел? Кто теперь защитит меня?

— Погоди, погоди, Кейт, — ничего не понимающий Амелл попытался приподнять ее лицо, но она только зарылась глубже, плача все горше. — Что ты такое говоришь? Я никогда не оставлял тебя. Мне нужно защитить нашу землю, защитить Ферелден! Я вернусь с подмогой, мы победим архидемона и остановим Мор. И тогда поженимся. Кейтлин! Мы ведь обсуждали это с тобой. Создатель милосердный, что случилось? Что тебя тревожит? Да посмотри ты на меня!

Он силой заставил ее поднять лицо и вздрогнул в испуге. На него смотрела не Кейтлин, а Морриган. На лице ведьмы еще не высохли слезы, но полные губы кривились в насмешливой ухмылке.

— И почему вовсе не удивлен ты? — она повела плечом, сбрасывая платье на пол. — Быть может, потому, что давно уж понял то, что мне с начала самого понятно было?

— Н-нечего тут понимать, — Дайлен дернулся отодвинуться, но вдруг понял, что сам этого не хочет. Более того — вовсе не удивляется произошедшим с Кейтлин переменам. — Мы с тобой уже все... это уже было. Мы ведь поняли, что...

— Не пробуй обмануть меня, о маг великий и могучий, — ведьма подобралась ближе, усаживаясь ему на колени, и обнимая шею тонкими руками, дразня будоражащим запахом и близостью обнаженного тела. — Обмануть можно Кейтлин или Морриган. Но себя ты не обманешь. А я — это ты, Дайлен. Любишь ты простушку деревенскую. Но нужна тебе не она.

И знаешь это ты...

— Стой! — поспешил выкрикнуть он прежде, чем полные губы ведьмы накрыли его уста, понимая, что упустив этот миг, он уже никогда не узнает того, что хотел. — Пусть так. Пусть в любви к своей невесте я желаю Морриган. В конце концов, я — мужчина, и слаб. Но зачем ей я? Зачем она тогда предлагала мне себя? Ведь сама она этого не желала, я же видел! Тогда для чего...

Ведьма — либо часть его разума, воображавшая себя Морриган, отодвинулась. Желтые глаза сощурились — насмешливо и презрительно.

— Не так умен ты, как себя считал. Просто ведь все. Для чего обычно это делают?

Амелл хотел ответить, но не успел. Внезапно зыбкий мир вокруг начал смазываться больше, растягиваясь и истончаясь. Пропала комната, постель, на которой он сидел, и женщина напротив. На несколько мгновений пропало все. А после, во тьме, виски сдавило, а под горло подступила знакомая тошнота.

Длинный, тяжелый и муторный сон кончился. Дайлен вновь смотрел на мир глазами архидемона, и мир этот стремительно сменялся перед его взором целой вереницей пещер и гротов. Уртемиэль буйствовал, носясь под неведомым каменными сводами, где из каждой расщелины выглядывало по порождению тьмы, а то и по многу. Их было столько, что Дайлену сделалось по-настоящему страшно. На несколько мгновений показалось, что такую ораву не остановить даже десяти армиям, какой бы величины они ни были. Внезапно сильный порыв швырнул дракона на какой-то уступ. Страж увидел длинную толпу тварей — они шли из бесконечности в бесконечность, и им не было числа. Архидемон взревел, разбрызгивая жидкое пламя и дым и вдруг...

Ощущение тревоги сильнее сдавило голову, да так, что Дайлен бы взвыл, будь теперь у него глотка. Дракон вскинул морду — и в его темных глазах отразился какой-то верх, на котором стоял...

Враг. Без сомнений, это был он, это был враг. Мелкий человечиска, щуплый и слабый, как и все прочие. Но было в нем что-то, что заставляло дракона испытывать немалую тревогу. Быть может, сверкавшее на голове пламя, зажженное, казалось, самим Создателем? Или неясные тени, обступавшие его со всех сторон?

Уртемиэль тяжело взмахнул крыльями и сорвался в стремительный полет. И человек будто бы ждал его. Они быстро сближались — человек и дракон. Они были врагами, и оба знали это. Как и то, что в этой схватке нужно победить — это было не осознанием, а инстинктом, древним, уходящим в века, века великого предательства и возвращения темных богов...

Зубы дракона кацнули с совершенной точностью, но врага на том месте уже не было. Миг спустя Дайлен почувствовал его на голове. Это было немыслимо — каким-то чудом человек успел угадать миг конечного сближения и вскочить на голову дракона раньше, чем тот — жамкнуть его челюстями. Архидемон взмыл под самый потолок пещеры и с силой ударился об него всем туловищем, рассчитывая, должно быть, раздавить наглухо букашу. Но враг каким-то чудом остался жив и, по-видимому, даже не покалечен. Несмотря на дергания и резкие мотания в воздухе, он прочно держался сверху и, кажется, не просто держался, а подбирался к самой голове...

Вспышка чудовищной боли пронзила тело дракона резко, как молния. Дайлен ощутил эту боль всем естеством, каждой малой мерой своего тела — ровно как и каждое порождение тьмы внизу. Боль ослепила, поглотив все чувства, без остатка, а когда

способность видеть вернулась, архидемон с изумлением и яростью обнаружил, что вернулась она только к одному глазу. В бешенстве тряхнув всем телом в развороте, он сумел все-таки сбросить человека, сжимавшего меч одной рукой и потому не сумевшего удержаться. Последним, что видел Дайлен — видел нечетко, словно через заслонку на глазу — стремительно исчезающего в пропасти огненного врага.

Дайлен вскинулся, очумело глядя перед собой во тьму широко открытыми глазами. Ужас от того, что пришлось узреть архидемону, стоял перед его мысленным взором так, как будто это было наяву — Амелл мог бы поклясться, что видел падавшего с огромной высоты Айдана Кусланда, в незнакомой ему светлой броне и окровавленным мечом в руках. И хотя все до того было ничем иным, как грезами, видения архидемона были реальны — об этом знал каждый Страж, укладываясь спать. Ощущение беды накрыло его с головой, и Дайлен даже не сразу понял, что сидит на полу рядом с кроватью, сверзившись вместе с простынями и одеялом. Камин в комнате не горел и, подобно как до того во сне, окно было открыто настежь. Машинально шмыгнув текущим носом и пощупав горячий лоб, бывший маг ощутил ломоту во всем теле, вызванную то ли потреблением странного давешнего вина, то ли простудой. Содрогаясь и качая зубами, Дайлен кое-как поднялся на трясущиеся ноги и, дотянувшись до висевшей на спинке кровати верхней одежды, натянул меховой плащ и шапку. Этого ему показалось недостаточным для того, чтобы согреться, поэтому, подняв с пола одеяло, он завернулся в него поверх плаща. Таща это на себе, и содрогаясь всем телом, Амелл кое-как добрался до открытого окна с намерением закрыть его. Но, почувствовав сильную дурноту, поднимающуюся из утробы, оперся на подоконник, высунув голову и глотая морозный зимний воздух. Мир вокруг него пришел в движение внезапно, и Дайлен, слепо перегнувшись и взмахнув руками, кувыркнулся через низкий подоконник вниз головой, на далекие камни, коими была вымощена площадка перед рвом.

Утянутое одеяло зацепилось за что-то на стене, не видимое Стражем, и в последний миг ухватившегося за его край Дайлена с силой приложило о стену. Выпустив из вялых пальцев скользкую шерсть, Амелл проехался вниз по холодной каменной кладке, обрывая крепкие побеги укрывавшего ее плюща и, наконец, свалился прямо в сугроб, наметенный за весь прошлый день и ночь на довольно широком и длинном балконе, опоясывавшем часть дома, словно перевязь на парадном одеянии вельможи. Кое-как вытацив лицо, и отплевавшись от забившегося везде, куда только было можно, снега, Дайлен задрал голову. Узрев то, что и должен был увидеть — свисавшее из его окна двумя этажами выше, одеяло, и напрочь ободранный плющ на огромном участке стены, оказавшийся на зрелый взгляд не плющом, а побегими винной ягоды, что годами возвращались на стенах орлесианских домов для красоты, он застонал. Потом, переваливаясь в сугробе, кое-как добрался до перил, благоразумно держась от них подальше, тем более, что, изгнанная испугом, дурнота уже возвращалась в его многострадальное тело. Земля за перилами оказалась довольно близко, но сама стена дома была наружной и, чтобы вернуться в дом, нужно было обойти ее до самых ворот. Бросив последний взгляд на замёрзший ров и занесенную снегом равнину, за которой темнел знакомый лес, Дайлен жалостливо поморщился. Проклиная свою невезучесть, он двинулся через снег вдоль балконных перил, предполагая, что если есть балкон, то на него где-то должен был быть и выход из самого дома. Все, чего хотелось теперь — вернуться в тепло. О том, что скажет хозяин, когда утром увидит испорченную гостем стену своего дома, он предпочел пока не думать.

Выход с балкона обнаружился быстро, стоило завернуть за угол квадратной башенки,

которых, вместе с балконами, на теле дома было пристроено немало. Здесь балкон расширялся, образуя что-то вроде площадки, на которую со стороны дома выводили стеклянные двери и несколько больших окон. Окна эти были освещены и, осторожно заглянув в одно из них, Дайлен увидел стоявшего к нему спиной хозяина поместья. Сирил де Монфор был не один. В столь поздний — если судить по положению в небе ночного светила — час он принимал новых гостей. Точнее, одну гостью. Сидевшая в кресле напротив орлесианского лорда высокая и очень смуглая крутобедрая молодая женщина выглядела так, точно только что прибыла, и надолго задерживаться не собиралась. На ней была куртка из кожи, мужские штаны и высокие морские сапоги. Воротник блестел густым, хотя и несколько потертым мехом. Темные волосы покрывала синяя косынка, повязанная способом, бывшим излюбленным у пиратов. На женщине красовалось несколько больших блестящих украшений и в целом вид ее, хотя не лишенный значительной доли привлекательности, был настолько вульгарен, что появление ее в приемном покое орлесианского вельможи такого ранга казалось явлением в высшей степени удивительным. Дайлен притих у окна, тем более что, по-видимому, из-за жарко натопленного камина, дверь на балкон была приоткрыта, и до него доносились обрывки разговора, прислушавшись к которому, ферелденский гость изо всех сил напряг слух, чтобы не пропустить ни единой подробности.

— Вы прибыли как нельзя более кстати, капитан Изабелла, — говоривший в нос орлесианец будто специально тянул слова, делая свою речь еще манернее. — Очень удачно, что вас задержала метель. Помимо основного дела, мне потребуется ваша помощь в решении еще одного... щекотливого вопроса. Который так или иначе связан с тем, что я собираюсь вам поручить.

Женщина усмехнулась. Зубы у нее оказались ровными и такими белыми, что это было видно даже Дайлену, который лишь время от времени заглядывал в натопленную комнату, больше полагаясь на слух.

— Все что угодно, ваша светлость. Если вы будете платить мне так же щедро, как до сих пор.

Сирил кивнул и присел в кресло напротив, грея в руках ополовиненный кубок с вином.

— Прежде всего то, для чего я вызвал вас, капитан Изабелла. Мы с вами знаем друг друга не первый год, но до того вы имели честь служить только моему отцу. Как знаете, этой осенью его не стало.

Женщина склонила голову.

— Да, ваша светлость. Но мне не известны подробности.

— Я посчитал за благо скрыть их, — лорд Сирил говорил медленно и бесцветно, разглядывая кубок у себя в руках. — Мой отец... был слишком уважаемой и влиятельной фигурой. Я бы не хотел, чтобы его смерть обсуждали больше, чем это в наименьшей степени возможно.

Та, которую называли капитаном Изабеллой, молчала, ожидая продолжения. Де Монфор не стал долго томить ни ее, ни мерзшего под окнами Амелла, ожиданием.

— Хотя я изо всех сил постарался распространить слух, что мой отец, глава самой влиятельной в Орлее династии, герцог и близкий друг императрицы Селины, умер из-за несчастного случая на охоте, как вы можете догадаться, капитан, это ложь. Он был убит. Убит самым подлым и бесчестным образом. Его живьем сбросили в пропасть. Потребовалась помощь десятка лесничих и двух магов, чтобы поднять его тело со дна ущелья

Виммаркских гор.

Он умолк.

— Вы уже знаете, кто убийцы? — негромко и спокойно переспросила гостя. Сирил кивнул, поигрывая кубком между пальцев.

— Я знал об этом даже до того, как они совершили свое дело. На роковую для него охоту отец пригласил двух ферелденских отбросов из некогда знатного семейства Амелл, что с недавнего времени носит имя Хоук. Он посчитал, что это было бы забавно и встряхнуло гостей. Никто не ожидал, что они осмелятся явиться. Однако они появились. Их сопровождала эльфийка. Отец сразу ее узнал, и рассказал мне о своих догадках. Она была наемной убийцей из куннари.

Капитан Изабелла на миг вскинула на него большие блестящие глаза, но промолчала.

— Да, верно. Отец решил выждать, чтобы они проявили себя. Он даже попросил меня подыграть им и отдать ключ от внутренних помещений замка, чтобы вернее заманить в ловушку. Все вышло так, как он предполагал. Эта троица проглотила наживку и попалась. Однако немислимым образом им удалось ускользнуть и выполнить то, за чем они пришли. Ферелденские мерзавцы убили моего отца и похитили из замка драгоценный камень, величиной с кулак взрослого мужчины. Его цена настолько высока, что за нее можно было бы купить шестую часть Вал Руайо... безо всяких преувеличений.

— Ваша светлость желает, чтобы убийцы вашего отца... понесли заслуженную кару?

Де Монфор прикрыл глаза.

— Именно. Однако уточню — это должна быть не смерть. То есть, я хочу сказать — не сразу. О, далеко не сразу. Видите ли, капитан Изабелла. Едва только я узнал о том, что случилось, я отправил за ними погоню. С приказом убить, всех, до единого. Но Хоуки не пожелали вступить в поединок. Предпочли бегство. Когда же они добрались до Кирквола, где у них поместье, действовать в открытую сделалось невозможно.

Он посмотрел в сторону камина, отпивая из кубка. Его гостя сложила руки на коленях.

— Тогда я связался с Антиванскими Воронами, и заказал убийство... этих самых братьев Хоук, — Сирил вздохнул, покусывая губу. — Вороны знают свое дело. Рано или поздно, Хоуки бы попались, как бы осторожны они ни были. Однако им и тут удалось уйти от возмездия. Едва вернувшись в свое поместье, эти мерзавцы исчезли опять. Удалось узнать, что они ушли на Глубинные тропы, в какую-то экспедицию за потерянными сокровищами гномов. А из-под земли их не достать даже Воронам.

Капитан Изабелла подняла тонкую бровь.

— Они не смогут сидеть там вечно. Рано или поздно паршивцам придется вернуться в родное гнездышко.

— Это так, — лорд Сирил кивнул, и лицо его прочертила усмешка. — Тем более что в их поместье осталась мать этих двух, некая Леандра Амелл-Хоук. Они вернутся, я в этом уверен. Но... теперь я не хочу им быстрой смерти, капитан.

Женщина улыбнулась.

— Чем я могу послужить вашей светлости?

Де Монфор в последний раз взглянул на кубок в своих руках, и отставил его в сторону.

— Несмотря на то, что до того вы вели дела только с моим отцом, я немало наслышан о ваших способностях, капитан. Я бы хотел, чтобы вы... внедрились к ним. Войдите в окружение этих самых Хоук. Сделайтесь лучшим другом, любовницей, как сочтете нужным. Узнайте их слабости, секреты, все, что поможет вам в вашем деле. И, как угодно, но делайте

так, чтобы они страдали. Как можно больше, как можно сильнее. Ссорьте братьев между собой, и с матерью, устраивайте мелкие и крупные неприятности. Пусть с ними почаще случаются беды. Пусть не исполняется задуманное. Срываются тщательно продуманные планы. Пусть это семейство достигнет пика отчаяния. Пусть они потеряют все, что нажили. Я не тороплю вас, капитан. У нас говорят — месть — это блюдо, которое подают холодным. Я готов держать вас на жалование годами. На очень неплохом жаловании. Если вы сделаете все, как я сказал, вы станете очень богатой женщиной, Изабелла.

Гостья улыбнулась, складывая руки на объемной груди.

— Все то, о чем говорит ваша светлость, исполнимо, — она откинулась в кресле, бестрепетно выдерживая белесый взгляд виверна. — Но хочется уточнить. Ваша светлость все же не желает смерти братьев?

— Они должны умереть, — Сирил сцепил тонкие пальцы. — Но только тогда, когда выпьют полную чашу всех страданий, которые вы только сможете навлечь на их головы. Целиком и полностью.

Женщина медленно кивнула, продолжая улыбаться, но уже отстраненно. Видимо, уже мысленно прикидывая объемы стоявшей перед ней задачи.

— Пусть ваша светлость не беспокоится. Вы обратились к той, кому нужно. Я сделаю все лучшим образом. Никто из Хоуков ничего не заподозрит. Один только вопрос. Должны ли беды касаться и матери ее недостойных детей?

— Не только матери, но и всех Хоуков... или Амеллов, о которых вы сможете узнать еще. Впрочем, кроме этой семьи, больше, насколько мне известно, ветвей с таким именем не осталось.

Женщина прикрыла ресницами глаза, показывая, что она понимает, что от нее требовалось.

— Только вынужден вас предупредить, — поставив локти на подлокотники кресла, Сирил несколько раз расцепил и сцепил пальцы. — Старший из братьев, Гаррет Хоук, очень сильный маг. Быть может, в их семье маг не один. Я что-то слышал о сестре этих братьев. Но не вполне уверен, что понял, мертва ли она, или проживает в другом месте. Вам и это предстоит выяснить, капитан Изабелла.

— В этом нет никакого препятствия для исполнения задуманного, ваша светлость. Для меня достаточно того, что Хоук — мужчина.

Сирил усмехнулся, и вновь взял в руки кубок.

— Хорошо. Вот бумаги, — он поднял со стола, и передал в руки гостьи большой запечатанный пакет. — Здесь все, что Вороны смогли разузнать о Хоуках. Это должно помочь вам в вашем деле.

Женщина приняла пакет и уложила его на коленях. Взгляд ее сделался вопросительным.

— Да, — де Монфор кивнул, подливая себе вина из графина, стоявшего тут же, на столике. — Есть еще кое-что, о чем я бы хотел с вами... посоветоваться. В моем доме находится еще один Амелл.

Изабелла подняла брови.

— Это так, — орлесианец прервался и, приложившись к кубку, пил, пока не осушил его весь. Впрочем, как уже можно было убедиться, чтобы опьянеть, ему потребовалось бы куда больше вина. Во всяком случае, речь его и, похоже, мысли оставались ясными. — Это их кузен. Но он из той же семьи. Семейное сходство между ним и братьями поразительно.

— И ваша светлость желает...

— Законы кровной мести обязывают меня разобраться с ним, как с каждым из тех, в ком течет кровь Амеллов, — Сирил говорил по-прежнему ровно и бесцветно, но у жевавшего губы Дайлена смёрзлось нутро — не от холода, а от страха. — Однако я успел оказать ему гостеприимство до того, как узнал, кто он такой. Наскочил в лесу, когда, прогуливаясь на лошади, пытался скачкой обуздать... обуздать жажду мести, что до сих пор не дает мне покоя.

По спокойному тону и отрешенному выражению лица не было похоже, чтобы де Монфор испытывал хоть какие-нибудь чувства из тех, про которые говорил своей странной гостье. Но успевший уже сколько-то узнать орлесианца Дайлен уже не обманывался — с детства привыкший к лицемерию орлесианского двора обладатель глаз виверна мог удерживать внутри пожар, скрывая это так мастерски, что этому следовало поучиться.

— Странно, что он осмелился показаться во владениях вашей светлости.

— Он не знал о том, что учинили его братья, — Сирил пожал плечами и глубже уселся в кресле. Можно было догадаться, что блистательный лорд был утомлен длительным днем и еще не до конца здоров после первой встречи с кузеном своих врагов. — Бедный ягненок забрел прямо в пещеру ко льву. Ах, если бы я не пообещал ему покровительство и кров! Я бы мог сбросить его со скалы, как поступили Хоуки с моим отцом. С той же самой скалы. Ради этого я бы не поленился вернуться в Марку. Или, даже, сохранить ему жизнь, но выколоть глаза, отрезать язык и уши — чтобы до конца своих дней он бы мучился так, как мучился мой отец в его последние мгновения.

Дайлен с усилием опустил веки, пригашивая светивший из-под них лириум.

— С другой стороны, он так прекрасен, — украшенный камнями кубок играл в тонких пальцах орлесианского лорда. Сидевшая напротив женщина молчала, отстраненно глядя перед собой, и только по ее приподнятой брови можно было бы понять, что она внимательно слушает. — Я бы мог набить из него чучело... прекрасное чучело. И поставить его в зале моих трофеев. Между антиванским полозом и неваррским камнеколом. Ферелденский собачник. Каково, а?

Женщина уклончиво улыбнулась. Дайлен перевел дух, закусив начавшую неметь на морозе костяшку пальца.

— Если бы знали вы, капитан Изабелла, сколько способов успел я навообразить за эти день и ночь о том, что можно было бы сделать с моим врагом. Но проклятые законы дворянского гостеприимства. Если с его головы упадет хотя бы один волос, пока он мой гость, я покрою себя бесчестьем.

Орлесианец несколько раз разжал и стиснул обратно руку в кулаке. Слушавшая очень внимательно гостя не стала прятать усмешки.

— И ваша светлость хотели бы посоветоваться со мной о судьбе этого несчастного?

— Именно, — де Монфор ответил на усмешку капитана Изабеллы. — Как бы вы поступили на моем месте?

Та слегка расслабила лицо.

— Если ваша светлость позволит... отдайте его мне.

Де Монфор поднял бровь.

— При необходимости непременно извести всех из семейства врагов вашей светлости, — женщина повела плечом, ослабляя петли на куртке. — Да еще так, чтобы они сами считали дни до смерти, лучший способ, — она помедлила — продать в рабство.

Дайлен выпустил костяшку изо рта. Лорд Сирил выпрямился в кресле.

— Если он так красив, как утверждает ваша светлость...

Де Монфор кивнул.

— Тогда эта месть вашей светлости свершится легче, чем все прочие, — капитан Изабелла справилась со всеми петлями и качнулась вперед, укладывая локти на колени. — Даже не нужно будет менять планов. Мне известны места в Киркволе, где перекупщики рабов забирают товар для переправки в Тевинтер. В основном торгуют эльфами, но человеческий молодняк тоже берут очень охотно. На красивом мальчишке можно много заработать.

— Ну что же, похоже, это действительно лучший выход, — де Монфор взял со столика графин, подумал, и поставил его на место. — Сейчас он в своей комнате. Выпил два бокала «Чистой слезы». Говорят, этот дурман может свести с ума... либо подарить просветление, дав ответ на многие мучавшие ранее вопросы. Не знаю, не пробовал. В любом случае, проспит до утра. Утром он покинет мой дом, я об этом позабочусь. И едва его конь окажется за воротами — законы гостеприимства, которые так чтят в нашем орлесианском обществе, перестанут распространяться на него.

— Мои люди возьмут его прямо за воротами, — капитан Изабелла ухмыльнулась, прокручивая на пальце одно из надетых на него колец. — И я тотчас же отправляюсь на пристань, а оттуда — в Вольную Марку. Приказы вашей светлости будут исполнены в точности.

— Что же, чудно, — де Монфор кивнул и прикрыл рукой глаза. — Тогда вы можете идти, капитан. Распоряжения насчет вас и ваших людей уже отданы.

— Доброй ночи, ваша светлость, — гостья отвесила полупочтительный поклон, на который хозяин ответил кивком головы.

— Доброй ночи.

Женщина ушла. Лорд Сирил некоторое время в задумчивости сидел в кресле, затем, поднявшись, дошел до стеклянной двери, ведущей на балкон и, приоткрыв ее, поднял глаза к ночному небу. Однако, Дайлен ничего этого не видел. В тот миг, когда орлесианец только задумывался о том, чтобы подышать свежим воздухом, он, забыв про дурноту, лихорадку и текущий нос, заворачивал за угол дома, туда, где его стену увивали побеги винной ягоды, что уже ранее спасли его жизнь.

Добравшись до этих побегов и, подергав, убедившись в том, что держат они крепко, Дайлен с тоской вспомнил об оставленных кошеле, мешке и коне, что ныне томился на лучшей из конюшен Орлея. Но изыскивать способы, чтобы вернуться в комнату за вещами было не только долго, но и опасно. Встречу со своим стражем Дайлен не забыл, и в том, что странно одетое нечто по-прежнему ждет его у дверей комнаты, не сомневался. А значит, путь у него был только один. Бывший маг догадывался, что времени было мало, но того, что оставалось, он собирался использовать все, без остатка.

Убедившись в том, что стража так и не появлялась у этого участка стены за все то время, пока он подслушивал на балконе, Амелл впервые в жизни не вознес молитвенного воззвания к Создателю, шмыгнул носом и нерешительно взялся за толстую ягодную лозу.

Глава 36

Глава 36

— Стало быть, теперь можно и поговорить.

Проводник с побряхтыванием сел на плоский валун, и откупорил большую флягу. Шибанувший из нее сивушный запах заставил поморщиться присевшего рядом Командора. Однако отойти Айан не мог. С видимым удовольствием сделав несколько крупных глотков, рыжий муж Совершенной Бранки спрятал флягу и, вытащив из своего мешка свернутую в рулон большую карту, развернул ее во всю ширь. Кусланд вынул свою, гораздо новее и с множественными пометками, подаренную принцем Беленом. Некоторое время они сличали помеченные на изображениях многочисленных пещерных ходов пути. Наконец Огрэн ткнул в участок дороги в самом низу карты Командора и довольно крякнул.

— Гляди, Страж, вот от здесь, до там — полное совпадение. Не думал я, что разведчики Белена добирались так далеко. Однако, как вишь, дальше у меня — красота, а у тебя бело и голо. А? Это — точная копия карты, которую рисовала сама Бранка. Ну, есть от Огрэна толк? А ты не хотел меня брать. Эх, ты.

Айан счел за лучшее промолчать. Хорошо было уже то, что проводник вообще начал этот разговор. Это был первый привал после тейга Харзар, куда экспедиция добралась спустя сутки после начала своего похода. Стоявший в тейге гарнизон встретил бронто, тащившего на спине громадные тюки с провизией, с немалым воодушевлением. Однако, Огрэн, что шел с отрядом как проводник и знаток всего, что было связано с Бранкой, всю дорогу отмалчивался, многозначительно косясь в сторону погонщика бронто, и на расспросы Командора почти не реагировал. Раздраженный Кусланд готов был уже отдать ему приказ о возвращении в Орзаммар. Но сдержался. И, как оказалось теперь, не зря.

— Да, твоя карта действительно гораздо подробнее и до самого... — Кусланд вынужден был склониться ближе к Огрэну, который, со времени их последней встречи, пахнуть лучше не стал. — До самого тейга Ортан! Так ведь это то, что мы ищем!

— Мы ищем Бранку, — рыжий проводник с шумом прочистил горло. — А Бранка, мать ее за ногу, может быть где угодно. Пока я не видел никаких опознавательных знаков, которые она обычно любила оставлять, когда шлялась по Глубинным тропам. Но, может, они будут дальше. Все ж таки уходила она в тейг Ортан, эт точно. Тут слишком близко к Орзаммару. Без глаз не заблудишься.

Айан перекатил во рту кусок живого камня, что время от времени попадались на стенах, произраставшие подобно грибам и имевшие кисло-сладкий, довольно приятный привкус. Глубинные тропы оказались вовсе не такими, какими он себе их представлял. Не бывавшему ранее под землей наземнику казалось, что в пещерах должна была царить кромешная тьма, и большую часть дороги придется проделать при свете факелов. Однако гномьи тропы приятно удивили его, и прочих длинноногих гостей подземья. Более чем за сутки полного времени, когда они проделывали путь до последнего оплота владений Орзаммара со стоявшим в нем гарнизоном, места, где нельзя было бы пройти без света, им не попадалось. Глубинные тропы были освещены всегда, пусть даже слабо — светом, отраженным растущими под потолком пещеры кристаллами, многократно преломлявшими лучи дневного светила с поверхности, слабым мерцанием лишайников и гнилушек на стенах, идущим из-под почвы подземным жаром расплавленных пород. Каменные коридоры троп, то сужавшиеся, то расширявшиеся, и переходящие в огромные величественные залы, остатки гномьих поселений, с выбитыми прямо в скале домами и целыми улицами, что поблизости от Орзаммара встречались часто и не успели прийти в окончательное запустение, заросли съедобного мха и грибов на стенах, и шастающие под ногами грызуны — все это путники

уже успели перевидать на пути, хотя шли они пока недолго. Воины Харзара — крепости, представлявшей собой несколько десятков обжитых выбоин в теле пещеры, и большие железные ворота, перекрывавшие пути в два боковых хода, заверили, что все увиденное ранее не будет идти ни в какое сравнение с дальнейшим путем, за воротами этого последнего тейга, где начинались уже совершенно дикие, нехоженые Глубинные тропы. Рассказни о гигантских живых грибах, лавовых реках, огромных пауках и, главное, полчищах порождений тьмы, могли бы смутить любых неопытных в пещерных перемещениях наземных путешественников, но у этих не было выбора.

Тем не менее, несмотря на многочисленность страшных рассказов, обещанные ужасы пока начинаться не торопились. Глазам наземников, покинувших тейг Харзар и продвигавшихся вглубь Троп согласно имевшихся у отряда двух карт, представляли каменные стены древних ходов, что кое-где пересекались жилами неизвестных им пород, произраставшие то тут, то там сухие и жесткие пещерные грибы на длинных ножках, и временами поднимающийся из трещин в почве горячий пар от красневших в глубинах горы раскаленных соков земли. Однако ни обвалов, ни опасных каменных выростов на потолках, ни даже одного тоннельника, что, по словам гномьих воинов, сбивались во тьме в целые стаи, за много часов пути им так и не встретилось. Пещерный зал, выбранный для стоянки, мог бы даже показаться удобным, для не особо притязательного путника. Хотя здесь было темнее, чем на многих иных участках Глубинных троп, однако, потолок подземья уходил вверх и терялся во тьме, давая непривычным к каменной толще наземникам передышку от постоянного давления над головами. Из грота вело всего два хода — тот, из которого они пришли, и тот, что уходил дальше, вглубь диких Троп, уменьшая вероятность того, что при нападении пришлось бы отбиваться от врага сразу со многих сторон.

— Говорят, в тейг Ортан уже пять сотен лет ни одна живая душа не заглядывала, — подал со своего места голос Фарен Броска, который, вместе со своим неразлучным другом Леске где-то накопал древесного камня, и теперь пытался разжечь из него костер. — Где твоя баба-то раздобыла эту карту?

— Нарисовала сама, — Огрэн шумно выдохнул, обдав сидевшего рядом Командора, и даже возившегося с вещами чуть поодаль коссита смесью самых разнообразных запахов. — То я все удивлялся, что она кузню свою драгоценную забросила, и зачастила в библиотеку и архивы. Наташила домой свитков, старых карт, все сидела, смотрела их со своей ненаглядной Геспид... подружкой, значит, мать ее, поэтессой. Сличала, и рисовала — как показалось ей правильнее всего. Ну, и нарисовала... приблизительно, канеш, да только точнее ни у кого тоже нет понятия, где что искать. А парень прав. Где Ортан, никто давно не знает, может, осыпался он к нагговому... свадьбе, тот Ортан. Но карта — вот она. Дс перекрестка Каридина по ней дойдем, а дальше уж, навроде, до Ортана рукой подать. Если угадаем направление, будем там раньше, чем сожрем припасы.

Древесный камень, наконец, вспыхнул. Фарен удовлетворенно хмыкнул и отошел к Леске, который помогал непривычно молчаливому эльфу изготавливать и нанизывать на предусмотрительно захваченные особые палки из тонкого железа небольшие куски мяса вперемешку с корнеплодами и чесноком.

— Перекресток Каридина у тебя отмечен жирными штрихами, — заглядывая к проводнику, отметил Командор. Некоторое время он попеременно смотрел то в одну, то в другую карты, потом досадливо свернул свою и вынужденно придвинулся ближе к Огрэну, поводя пальцем по линии предполагаемого пути. — Что это? Имя тейга?

— Не, — Огрэн отгеснил наземника и указующе поводит собственным толстым крепко пахнувшим пальцем. — Сам, что ль, не видишь? Это перекресток между главными дорогами Троп. Глянь, сколько их, дорог-то. Одна, две, три... Бранка... дай предки вспомнить... ага, Бранка говорила... не мне, мохоедка драная — Геспид! Думали, что раз я выпимши, то и знать мне ничего не надо... — рыжий гном с шумом прочистил горло и сплюнул, едва не угодив в проходившую мимо Морриган. — Что перекресток Каридина был самый большой в старинной империи. Все дороги сходились к нему. И уж оттуда можно было попасть куда угодно. Даже в сам Ортан.

— А что такого в нем, в этом тейге? — Броска нарочито небрежно разрезал очередной кусок мяса, глядя на свои руки. — Какие-то диковинки? Может, сокровища?

Огрэн передернул плечами.

— А х... то его знает, может, и есть там сокровища. Вот только ежели спросите меня, Бранку интересовали не они.

— А что она искала в Ортане? — уже догадавшийся, что рыжий бородач любил, чтобы его спрашивали, и почаше, Командор добросовестно пошел ему навстречу. — Почему она отправилась именно туда?

Рыжий проводник, как всегда, шумно, вздохнул, и свернул свою карту.

— Бранка искала Наковальню Пустоты, — проворачивая рулон карты в кулаках, медленно сообщил он. — Все твердила, что эта Наковальня — самое важное изобретение за всю гномью историю, и что, прямо, важнее его и нету.

Броска переглянулся с Зевраном, а Леске — со справившей свои дела и присевшей по другую сторону от костра Морриган. Со стороны лежащей поодаль от огня огромной туши бронто раздался утробный вздох.

— Чего в гляделки-то играете? — Огрэн поскреб бороду, потом подмышку, задев локтем не сообразившего вовремя отодвинуться Айана. — Как будто не знаете, что только на этой Наковальне можно выковать голема — эдакую махину из камня либо металла ростом выше него, — гном кивнул на потиравшего ушибленную скулу Командора, — или вот его — повторный кивок пришелся на долю Стена, что оттаскивал снятые со спины бронто тюки подальше от тяжело ворочавшегося зверя, который мог по случайности их раздавить. — Когда Совершенный Каридин создал свою Наковальню, Орзаммар получил почти сотню лет мира и передышки — гномы перестали гибнуть в стычках с порождениями тьмы. За них воевали големы. Известно, что Наковальня была построена в тейге Ортан. Ортан — родной тейг Каридина. Даже после того, как он основал свой дом, все время там толочся... и работал тоже там, если верить тому бумажному хламу, что раскопала Геспид, — он помедлил и добавил без перехода, словно в продолжение темы о Совершенном, жившем сотню лет назад. — Дрянная девка, скажу вам. Очаровала мою лапушку своими... своими стишками. А я сразу гниль почувствовал — вот не сойти мне с этого места! Бранка — баба как баба, а вот пообщается с этой нагговой мохоедкой — и как бешенная становилась. Уж я, как мог, пытался отвадить эту гарлокову отрыжку от нашего дома. А только не вышло. Только вдрызг разругались с Бранкой и она ушла. Сгинула на Тропах, и эта с... сопливая паршивка вместе с ней. Вот вам и весь сказ.

На некоторое время повисло молчание, нарушаемое только бурчанием в брюхе гулко дышавшего бронто, треском костра и шуршанием мешков, которые складывал коссит. Айан вздохнул и, по обязанности старшего в отряде, хлопнул, как видно, неожиданно для себя самого разоткровенничавшегося гнома, по плечу.

— Мы их найдем, — он кивнул и, для придания веса своим словам, хлопнул Огрена еще раз. — Так Геспид... и Бранка полагали, что Наковальня Каридина находится в Ортане? Поэтому они искали карты в этот тейг?

— Ты вроде не глухой, — рыжий гном спрятал карту и, вновь достав флягу, на какое-то время приложился к ней. — Я ж говорю. Бранка. Ищет Наковальню. Которая — наверно — в тейге Ортан. По крайней мере, отправлялась она за Наковальней.

— Если бы мы снова научились делать големов, это была бы великая победа Орзаммара, — невнимательно пробормотал Леске, который закончил изготавливать палки с едой, и теперь ловко раскладывал их на камнях над теми участками костра, где угли уже не пылали, а только тлели. — Отвоевали бы обратно с десятков тейгов, да и наземники не драли бы перед нами свои носы.

— Бранка тоже так считала, — ворчание Огрена было невнятным, потому что он опять глотал из фляги, чмокая и дергая заросшим горлом. — Вот и сгинула два года назад. И вспомнили о ней только когда под собственными сидалищами жареным запахло. А может, отвлеклась на что-то. У нее, бывает, что ни день — то начало нового отсчета. Нашла в какой-то заброшенной дыре секрет создания такого сплава, — гном кивнул на доспехи Командора, которые тот не снимал во время похода. — И увлеклась. Надо знать Бранку...

— Добро, — Айан поднялся и, добравшись до своего заблаговременно расстеленного одеяла, присел, снимая перчатки. Шрамы на его руках, наскоро, но не до конца залеченные лесной ведьмой, набухли багровым. По-видимому, так было не только на руках, потому что Кусланд, после недолгого колебания, взялся за ремни, с явным намерением снять нагрудник. — Отыщем Ортан. А дальше — положимся на помощь Создателя. Быть может, дальше Ортана идти и не придется.

Наблюдавшая за возней Командора Морриган поднялась и, обойдя огонь и замолчавших около него мужчин, присела напротив Стража, терпеливо выжидая, когда он справится со своей броней.

— Лечить тебя буду, — поймав вопросительный взгляд Кусланда, ровно пояснила она. — Дикие тропы начинаются. Порождений тьмы будет много. Один у нас Страж. Здоровым должен быть ты.

Глава 37

Глава 37

Тейг, на который набрел отряд Командора после почти недели блужданий под землей, заметно отличался от прочих, виденных ранее. Должно быть, в этом месте Глубинные тропы подходили очень близко к поверхности, потому что света было не в пример больше, чем в других местах подземья, и шел он сверху. Огромная пещера, как почти все, в которых стояли гномьи поселения, пересекалась надвое чистым и сильным ручьем, течение которого было очень умело направлено так, чтобы через отводные желоба вода проходила по многим каменным улицам тейга. На близость к поверхности указывало и обилие плодородной земли. Края отводных желобов скрывались под пышными зелеными растениями. Трава — тусклая, но крепкая и зеленая, как в наземье, выглядывала из трещин в камнях, что устилала улицы, кое-где виднелись даже чахлые, но сильно разросшиеся кустарники. Следуя давно заброшенными улицами древнего поселка, путники настороженно оглядывались, держа

оружие наготове. Уже по опыту они знали, что из темных провалов было удобнее всего кидаться на проходящих. Тоннельники — странные существа, похожие на вставших на длинные крепкие лапы кур, но гораздо крупнее, со змеиной кожей и длинными хоботами на месте голов, были неприхотливы, обитая как в земляных ходах между пещерами, так и в самих пещерах, больше всего, однако, отдавая предпочтение брошенному гномами жилью. Зубы их были длинными и острыми, способными выдирать крупные куски мяса отовсюду, где оно не было прикрыто железом, и отряду приходилось прикладывать немало усилий для того, чтобы оборонить от них тяжеловесного груженого бронто. Несмотря на их усилия, все же дважды Фарену и Зеврану укусы лечить приходилось.

Однако, похоже, что никем, кроме мелких, шнырявших под ногами грызунов, этот тейг более обитаем не был. Добравшись до площади — большой и со всех сторон окруженной богатыми домами, от которой в разные стороны поселения отходили широкие улицы, путники остановились передохнуть. Бывшие хартийцы привычно направились в один из домов, который был больше и видимо богаче остальных. Ведомые им гномы не упускали случая помародерствовать в попадавшихся им на пути заброшенных поселках, но Кусланд не удерживал их от этого. Отчего-то он смутно полагал, что пылившимся вещам было бы куда веселее обрести новых хозяев, пусть и таким способом, нежели веками разрушаться в преданных забвению древних пещерах. В ожидании топавших внутри чужого жилища Фарена и Леске, Айан прислонился к невысокой, как раз чуть ниже его пояса, каменной изгороди, продолжавшей стену одного из домов и в задумчивости оглядывал площадь. За долгие дни блуждания по Глубинным тропам он уже успел насмотреться на самые разные диковинки, как те, что преподносила пещера, так и бывшие творением разума и рук древних гномов.

Однако, этот тейг, казавшийся явно больше остальных, даже после уже увиденного сумел вызвать его интерес и удивление. Диковиннее всего смотрелась площадь. От нее в разные концы тейга вели пять дорог, и по обеим сторонам от каждой стояло по искусно вырезанному каменному гному. Гномы эти держали в руках не традиционно изображавшиеся молоты, а отчего-то посохи, чем-то напоминавшие те, что были обычным оружием у магов. Но удивительнее всего была сама площадь. В ее центре, ровно посередине, на каменном возвышении и в окружении перевивавших и постамент, и даже ее ноги, цветов, стояла каменная статуя. Статуя эта отличалась от тех, что украшали эту площадь, да и вообще ото всех, виденных путниками ранее. Она словно повторяла контуры тела человека — или гнома, из-за ее роста, не уступавшего Кусланду или Стену, понять это было трудно. Само тело статуи смотрелось не вытесанным, а словно бы сложенным из камней, которые, казалось, были посажены на какой-то бывший ранее мягким и клейким, но ко времени застывший материал. Статуя изображала скорее женщину, но не женщину-мать, а воительницу, с широким разворотом плеч, крепкими кулаками и лысой головой. Руки чудовищной каменной женщины были раскинуты над головой, словно висевшие на невидимых цепях.

— Какая прекрасная каменная пленница, — Зевран похлопал по шершавому серому боку гулко хрупнувшего в ответ бронто, с которым в последние дни пути эльф к удивлению нашел общий язык. — Посмотри, сколько живости и страсти в одном только исполненном страдания и силы жесте. Все-таки, что ни говори, мой прекрасный Страж, но гномы — вот, кто настоящие творцы. Видал я великолепные статуи во дворце антиванского принца, но ни в одной не было столько жизни, столько... м...

— Интересно мне, в руках и груди отверстия ей зачем, — Морриган, как оказалось, тоже заинтересовалась странным творением, впрочем, не торопясь подходить ближе. — Не иначе для камней. Но вся она из камня. К чему частично извлекли их?

— О, куда девалось прежнее равнодушие? — бывший ассасин растянул губы в улыбке. — Моя дорогая ведьма снова в настроении?

— Не твоя, эльф. Запомнить должен это, ненароком не заквакать чтобы.

— Нет, ну ты слышал? — покачивая головой в показном возмущении, Зевран шагнул к Командору, который вытаскивал крышку из висевшей у него на боку фляги, и словно ненароком задел того плечом. — У меня почти получилось завладеть ее... ее... сердцем и вниманием. Но теперь она снова груба и холодна со мной. А знаешь, кто в этом виноват?

— Кто? — вытащив, наконец, крышку, и делая глоток, невнятно поинтересовался Кусланд.

— Ты, мой Страж, — эльф скрестил руки на груди, и снова тронул собеседника плечом. — Если бы не твоя... неосторожная прогулка по кабакам, я уверен, что снискал бы полное расположение этой дамы. Не забывай же теперь, что ты мой должник.

Кусланд пожал плечами, наблюдая, как склонившийся над водным желобом Стен отодвигает сор, чтобы затем набрать в ладони чистой воды и умыться.

— Ведь я избавил тебя от оков крови, — напомнил он, кивая подбородком на ладонь явно что-то задумавшего эльфа. — Хотя стоило это немало сил. Разве доверие, что выказываю я тебе, не означает хотя бы частичной расплаты за спасение моей жизни?

— Выказывает, мой прекрасный Страж, но я говорю о другом долге.

— Каком же? — запоздало сообразив, что спрашивать не стоило, Кусланд вновь приложился к фляге.

— Ты должен мне ночь любви, — полностью оправдывая предчувствия Айана, поперхнувшегося лечебным травяным настоем, что Морриган варила для него на каждом большом привале, Зевран сочувственно похлопал его по спине. — И не больше.

Закончив прокашливаться, Кусланд стащил перчатку, и тыльной стороной ладони вытер нос, потом — лоб.

— Я думал, что должен тебе жизнь, — все еще не до конца отдышавшись, медленно проговорил он. Зевран ухмыльнулся, не пряча ровных белых зубов.

— Ну, нет, мой Страж. Жизнь твою я ходил спасать в страхе за собственную шкуру. Тут ты ничего мне не должен. Я от тебя не потребую ничего сверх того, что мне причитается. Тебе ведь не понравилось приключение у гномки? Обещаю, у нас с тобой все будет иначе. Никакой боли, только удовольствие.

Кусланд выпрямился и, шагнув к Зеврану, убрал волосы с его плеча, зажимая ворот рубахи между пальцев.

— А с чего ты взял, что мне не было любо в гостях у Джарвии? — приподняв бровь, спокойно и твердо поинтересовался он. — И почему ты думаешь, что мне не нравится боль?

Ожидавший совсем другого на свои слова ассасин несколько растерялся, ничем, впрочем, этого не показывая.

— А что, нравится? — как можно беспечнее поинтересовался он. — Что-то по тебе этого не было видно там, у гномки.

— У гномки я боялся за свою жизнь, — по-прежнему не выпуская его ворота, Кусланд приблизил лицо, на котором играла обыкновенно не свойственная ему усмешка. — Если бы не это, боль, которую она причиняла мне при... при множестве иных моментов доставляла

ее действиям... я бы сказал... живости и остроты. Мне кажется, ты недооцениваешь роль боли в том, чтобы получать удовольствие, — Айан склонился еще ниже к Зеврану, который пока вполне убедительно прятал свое изумление под нагловатой улыбкой. — Если желаешь — покажу.

Зевран улыбнулся шире, видимо, уже приготовив достойный ответ, но его опередил коссит, выпрямившийся и отошедший от воды. Красные глаза Стена смотрели как всегда — равнодушно и презрительно, но в тоне звучали редкие нотки никогда не бывшего собственным ему участия.

— Если это случится, тебе понадобится железный прут, — обращаясь к Зеврану, с серьезностью посоветовал он. — Только прежде раскали его на огне, а то вряд ли он что-нибудь заметит... Когда внимание его будет отвлечено на иное.

— Взять не могу в толк, — все это время прислушавшаяся к разговору, пробормотала Морриган. — О чем говорите вы?

Стен дернул плечами, словно стряхивая мелкий сор.

— Он — полукровка, — кивнув на посмотревшего в его сторону Айана, невозмутимо пояснил коссит. — Я долго наблюдал. Пусть даже с рождения среди людей, в нем много от нас. Склонности и страсти — это все, пусть он и скрывает их. В словах о боли нет обмана. Предпочтения моего народа... Любовные игры косситов довольно... неприятны.

— Полукровка ты? — ведьма подняла темные брови. — Не тейна сын? Как вышло так?

— Погоди, мой большой друг, — Зевран попытался незаметно высвободить свой ворот из железных пальцев Командора, но Кусланд держал крепко. — Что ты там говорил про любовные игры?

— Все происходит тяжело и жестко, — медленно, но с неожиданной охотой просветил его куннари, распуская хвост грязно-белых, стянутых в неопрятные косицы волос, и вновь крепче стягивая их на затылке. — Потому косситы редко ложатся с женщинами не из нашего племени. Не каждая малявка может выдержать нашу любовь. Тебе же потребуется доспех. И шлем. И что-нибудь для прикуса. У эльфов крепкие зубы?

— Крепкие ли у меня зубы? — Зевран покосился на продолжавшего удерживать его Командора и, не увидев в его лице ничего для себя утешительного, попытался обратить все в шутку. — Для прикуса? Или под конец я все же рискую остаться без зубов, если мне их выбьют?

— Коссит может прокусить насквозь кожу, дерево, даже металл — хоть и не сразу, — Стен вновь кивнул на Айана, который широко и демонстративно улыбнулся, показывая крупные, крупнее, чем у многих, белые клыки. — Ему может прийти в голову попробовать тебя на зубок. Тебе следует быть готовым, если все же добьешься его... любви.

— О любви речи не идет, — Айан кивнул, перебирая ворот эльфа пальцами. — Но быть чьим-то должником я тоже не желаю. Гномка... видишь ли, мой прекрасный эльф, — явно передразнивая манеру речи ассасина, доверительно открылся он. — Гномка не дала мне возможности... действовать в ответ. Мое желание осталось... желание осталось, друг Зев. И если ты мне поможешь высвободить...

— Тебе все же понадобится шлем, — вновь вмешался в разговор коссит, присаживаясь на изгородь рядом с Айаном. — Лучше всего — закрытый. Для первого раза... Прут накали заранее. Потом может быть поздно.

Зевран перевел взгляд с одних точно из камня высеченных черт на другие и на миг на его лице мелькнуло затравленное выражение.

— Тьма с вами, — он дернулся, вырывая, наконец, свой ворот из хватки Айана и махнул рукой. — Я никогда не против попробовать что-то новое, но вам, суровым мужам-варварам, удалось заставить меня сомневаться, действительно ли я хочу этого на сей раз.

— И я тебе ничего не должен, — с нажимом договорил Кусланд, завершая разговор.

— Ничего, мой Страж, — Зевран покачал головой, но через миг весело рассмеялся. — Вот никогда не думал о том, что меня переспорит куннари! Это... это удивительно! Но жизнь — она хитрая тварь, разве нет?

— Антиванцы, — Огрэн, который никак не напоминал о себе за весь разговор, занятый перебиранием чего-то в своем походном мешке, харкнул и смачно сплюнул, после чего ладонью вытер мокрые усы. — Не зря о вас треплются. Нет, не зря.

— Что же о нас говорят, друг гном? — обрадованный возможностью отыграться хоть на ком-то за свое поражение с Кусландом, поинтересовался ассасин.

Огрэн громыхнул мешком.

— То и говорят. Распутники вы все, вот вы кто. Мужскую задницу от женской не отличите.

Зевран качнул головой, невольно с остальными бросив взгляд на обшариваемый гномами дом, где, судя по звуку, упало что-то тяжелое.

— Это ты пытаешься подкатить ко мне, мой вонючий друг? Слушай, если хочешь со мной переспать, так и скажи.

Огрэн в возмущении открыл рот, но ответить не успел. В доме громыхнуло сильнее, а потом из его немногочисленных окон шибануло резким и горячим потоком воздуха, в котором взблескивали языки пламени. Почти сразу же в одном из проемов показалась чумазая голова Фарена со стоящими на ней дыбом волосами. Несколько мгновений потребовалось ему, чтобы сфокусировать взгляд. Потом он пригладил лапицей патлы, и приветственно мотнул головой.

— Эй, Страж. Иди, поглядеть. Ты маг, может, поймешь, что тут за штука?

Дом богатого гнома, куда по приглашению Броски нагрянули путники, оказался пустым настолько, что все время, пока они шли по каменной лестнице в подвал, откуда раздавались возбужденные голоса мародеров, приходилось недоумевать, что именно они тут так долго делали. Однако, открывшееся за отодвигавшейся каменной дверью зрелище, все же дало ответ на этот вопрос. Подвал, должно быть, бывший тщательным образом запечатанным до того, как до него добрались гномы, оказался набит самыми разнообразными вещами, вне всяких сомнений, ранее принадлежавшими магу. Несколько полок с книгами и свитками, большинство из которых были закрыты еще не истлевшими магическими печатями, занимали большую часть комнаты. Дверцы стоявшего в стороне большого шкафа были открыты, являя взорам пришельцев многочисленные стеклянные бутылки и колбы, а также мешочки, образцы минералов, и набросанные в беспорядке пучки трав. Травы, иссохшие и истлевшие, были подвешены и под потолком. Не похоже было, чтобы устроенный здесь мародерами взрыв серьезно повредил что-нибудь в комнате.

Нижний ящик шкафа был выдвинут, и в нем аккуратными рядами лежали камни — зеленые, синие, белые и красные. Один из этих камней держал теперь в руках Броска. На полу валялись красные осколки.

— Леске, жопорукий, уронил, — Фарен кивнул на пол, задумчиво разглядывая камни при свете факела. — Никак не соображу, что это. Не драгоценные точно.

— Другое непонятно мне, — Морриган зажгла наверхье своего посоха, поднимая его

повыше. — Магу наверняка жилище принадлежало. Но среди гномов магов не рождается. Никогда.

— Должно быть, отступник, из людей или эльфов, — Кусланд пожал плечами, поднимая из ящика другой камень. — Прятался здесь, среди гномов, еще в незапамятные времена. Но что это за камни? Они взрываются при расколе?

— Что? — Броска оторвался от замороженного созерцания найденного им. — Не. Страж. Это не камень. Камень умер мирно. Это вот вон та штука.

Следуя взглядами за жестом, его товарищи подошли к широкому столу, содержимое которого валялось теперь под ногами. Стол был необычен тем, что центр его столешницы был не деревянным, а покрыт стеклом. Под стеклом виднелся узкий длинный ящик, в котором лежал короткий, не длиннее локтя взрослого человеческого мужа, жезл из металла, с вкраплениями мелких камней, того же цвета, что и найденные в шкафу. Теперь стеклянный верх был откинут. По-видимому, кто-то из мародерствовавших гномов попытался взять в руки жезл.

— Не вышло у меня, — пояснил Броска, мстительно кивая на жезл и демонстрируя обожженную руку. — Эта зараза не дается. Не вздумайте трогать, а то ведь опять шибанет — не отмоемся.

— Руна тут, — Морриган подошла ближе и поднесла свой посох к столу, освещая его. — Знак Тени. И ловушка стихий. Умно.

— И что это значит? — Зевран вытянул шею, благоразумно не пытаясь приблизиться к жезлу. Морриган кивнула на стол.

— Значит это, что только осененный Тенью взять в руки это может. Маг, и никто больше.

Она протянула руку и кончиками тонких пальцев дотронулась до поверхности металла. Броска инстинктивно пригнулся, однако, ничего не произошло. Оттеснив Морриган, Айан коснулся, а потом взял в руки жезл. Под пальцы попало несколько выпуклостей и, подняв странную вещь на уровень глаз, Кусланд со всех сторон оглядел крошечное кольцо у самой рукояти, в которое было вкраплены два камня — один напротив другого. Подчиняясь странному наитию, он провернул кольцо, установив камни в обратном порядке. Однако ничего не произошло. Отобравшая жезл Морриган некоторое время изучала его поверхность в свете своего посоха, потом дернула плечами и вернула Кусланду.

— Никогда не приходилось видеть вещей таких.

— А мне приходилось, — рыжий проводник качнул бородой, тоже, однако, не пытаясь приблизиться к лежавшему на ладонях Командора жезлу. — У Бранки такая была. Но без руны. Шибко удобная штука, чтоб спину чесать.

— Для чего она? — не отводя глаз от посоха, ровно спросил Кусланд. Огрэн шумно вдохнул, и не менее шумно выпустил воздух.

— Я ж тебе говорю. Спину чесать. И все.

— Ладно, — Айан еще раз осмотрел жезл со всех сторон. — Заканчивайте здесь. Пора двигаться дальше.

Бронто встретил вернувшихся хозяев гулким пофыркиванием, и мотанием куцевого хвоста. Неутомимый гигант, способный прошагать на своих коротких лапах много часов, и чужавший, что разгружать его не стали, а значит, скоро предстоит очередной длинный и непростой переход, за время которого нужно будет карабкаться по ненадежной почве, либо отмахиваться от мелких, но назойливых хищников, явно застоялся. Кусланд подоспел к нему

первым и, на всякий случай, взялся проверять и подтягивать разболтавшиеся ремни. Огрэн, что в походе никогда не расставался со своим мешком, не доверяя его спине зверя, в последний раз перекладывал и утрясал свою поклажу. Забравшись по колени в желоб, коссит наполнял бурдюки и фляги свежей водой. Морриган, Леске и Фарен еще не появлялись из подвала, видимо, в большей степени, чем остальные, заинтересовавшись его содержимым. Присевший в зарослях диких цветов эльф зачем-то рвал и укладывал их на одном месте. Сноп из сорванных цветов рядом с ним рос по мере того, как остальные члены отряда справлялись со своей работой. Наконец, поднявшись, и с трудом подобрав сорванное с земли, эльф прошествовал к бронто, и уложил цветы перед ним.

— Кушай, кушай, мой друг, — привычным жестом он потрепал зверя между передних рогов. — Где еще удастся тебе поесть такую прелесть?

— Я специально не стал снимать с него путы, чтобы он не наелся перед следующим переходом, — Кусланд недовольно поморщился. — Зачем?

— Ему это на один зуб, а такие цветы он любит, — эльф, видимо, уже забыл, или предпочел забыть недавний разговор, и пребывал в своем обычном беззлобно-шутливом настрое. — А вечером неизвестно, удастся ли нам найти, чем...

Не договорив, он замер. На миг по его красивому лицу пробежала тень самого настоящего страха. Рука Айана дернулась к оружию раньше, чем он успел увидеть, что именно так напугало непугливого ассасина. Однако, взглянув туда, куда смотрел Зевран, он не увидел ничего, кроме статуи, и Стена, набиравшего в стороне воду в большие бурдюки, и складывавшего их на краю желоба.

— Ты... я... мой Страж, прости меня, если я спятил, но подскажи... ты сам как помнишь? Ведь руки этой статуи были воздеты над головой?

Кусланд и оказавшийся рядом Огрэн честно вытаращились на каменную женщину. Ту самую, что ранее восхитила антиванского убийцу. Ее чудовищные руки, и впрямь бывшие поднятыми вверх, теперь висели по бокам. У ног, вырванные с корнем, лежали пучки вялых цветов.

— Клянусь сосками моей прабабки, Страж! — Огрэн выронил сумку и, цапнув зубами, взялся за секиру. — Оно на меня пялится. Глянь, говорю, пялится. Чтоб мне лопнуть!

Ощущая предательский холодок где-то в требухе, Айан подошел к беспокойной статуе. Статуя не шевелилась, однако ощущение того, что она следит за ним отлитыми из лириума глазами, не давало ему покоя. Он мог бы поклясться, что раньше ничего такого не было. Зевран и Огрэн осторожно ступали следом, держа оружие наготове. Однако всерьез думать о том, как драться с такой машиной, если бы она вдруг решила напасть, не хотелось.

Встревоженный Стен выбрался из воды и, подхватив с камней свой двуручник, как был, без сапог, поспешил к подкрадывавшимся к статуе товарищам по отряду. Однако, несмотря на то, что все были настороже, то, что произошло дальше, заставило четверых непугливых мужчин в едином движении дернуться от неожиданности и страха. На их глазах рот статуи открылся, и раздался гулкий и скрипучий голос, впрочем, довольно внятно выговаривавший понятные для разумения слова.

— Пусть новый хозяин подойдет поближе. И не боится. Как может бояться тот, кто держит при себе жезл подчинения?

Айан склонил голову и дико взглянул на вынесенный из дома неизвестного мага жезл, что был приторочен у его пояса.

— Ты пробудил меня, маг. Но еще не отдавал приказов. Быть может, теперь самое

время?

— Кто ты? — голос Зеврана не дрожал, в отличие от рук, сжимавших его изогнутые мечи.

Статуя опустила голову, оцениваяюще уставившись на тонкую фигуру эльфа.

— Это будет интересно, — прогудела она, и ее лириумные глаза моргнули. — Мои новые хозяева даже не знают, чем они завладели.

— И все же? — на всякий случай, сняв с пояса то, что каменная женщина называла жезлом подчинения, Айан подошел ближе. — Кто ты? И почему ты называешь нас своими хозяевами?

— У тебя жезл. Значит, ты — хозяин, — статуя повернула голову, посмотрев на босоногого Стена с мечом в руках. Потом перевела взгляд на Огрена, короткие рыжие волосы которого стояли дыбом. — Големов вынуждает подчиняться сила камня, сокрытая в жезле. Однако, тот жезл, что у вас, принадлежал моему прошлому хозяину. Магу. Этот жезл не только подчиняет. Он может убить. Убить камень, — статуя моргнула снова. — Не живую плоть.

Айан снова посмотрел на жезл. Огрена оперся на свой топор и сплюнул.

— Голем! А ведь верно! Камнем мне по башке, вот уж не думал, что увижу кого-нибудь из них. Большую часть этих шукувин раздолбали во время схваток с порождениями тьмы!

— Это их собралась делать для Орзаммара твоя жена? — Зевран с усилием опустил обе брови. — Да... странно, что порождения тьмы вообще смогли взять хотя бы один тейг, если таких штук раньше у гномов были сотни.

— Твое... пробуждение произошло в тот миг, когда коснулись жезла? — Кусланд провел пальцами по ободу с вкрапленными камнями.

— Чтобы оживить меня, нужно повернуть кольцо. То самое, которого сейчас касается мой хозяин. Чтобы заставить замереть — направь на голема навёршье жезла, и вновь поверни кольцо.

Айан провел по телу жезла ладонью. Однако заключенная в нем магическая сила молчала к настолько неумелому и неопытному магу.

— Значит, если я прикажу, ты пойдешь со мной? — Кусланд опустил руку. — И... будешь сражаться с теми, на кого укажет навёршье?

— Не обязательно все время тыкать жезлом, — статуя моргнула, глядя уже только на Командора. — Если хозяин прикажет следовать за ним, и защищать его или его... друзей, голем так и поступит.

Человек понимающе кивнул и в задумчивости в который раз окинул взглядом недвижимо стоящую статую голема.

— А ты желаешь пойти со мной? — спустя какое-то время спросил он, видимо колеблясь. Искушение занять такое мощное оружие было велико. Однако, не зная природы големов и способов управления ими, Айан не хотел ставить под удар весь отряд. — Быть может, тебе бы хотелось, чтобы я вновь повернул это кольцо, и оставил тебя в покое?

Голем моргнул. Помолчав, он моргнул еще раз.

— Никто никогда не спрашивал Шейлу о том, чего она хочет, — статуя моргнула снова и сузила глаза. — Я бы хотела... хотела покинуть это место. Даже если хозяин захочет уничтожить Шейлу в следующей пещере. Но не в этой. Где угодно, лишь бы подальше от этой... этого тейга. Шейла... просит.

Айан переглянулся с Зевраном, потом Стеном. Последний едва заметно пожал плечами.

— Хорошо, Шейла, — Кусланд принял решение, вознеся короткую молитву к Создателю, чтобы оно не было ошибочным. — Ты пойдешь с нами. Но ты должна делать то, что тебе говорят. И... постарайся никого не задеть.

Голем шевельнул головой. Опустив лицо, он, точнее, она, посмотрела на свои перевитые цветами ноги.

— Хозяин разрешает?

— Имя хозяина — Айдан, — Кусланд повесил жезл обратно на пояс. — Идем.

Вырывая оплетавшие ноги стебли, Шейла сделала шаг, и — сошла с постамента. Ожидаемого грохота не случилось. Шаги каменной женщины, несмотря на их тяжесть, оказались достаточно мягкими. Этому, должно быть, способствовала форма ее стопы, с хорошо выделанными гибкими каменными пальцами. Сделав еще один шаг, и оказавшись на мостовой, голем преодолела расстояние, отделявшее ее от хозяина и остановилась перед Айаном.

— Поздравляю, мой Страж, — Зевран с усилием вложил мечи в их гнезда и задрал голову, рассматривая возвышавшуюся над ним, и даже самим Кусландом Шейлу. — Заиметь собственного голема это... большая удача. Я так думаю. Наверно.

Из дверного проема дома мага показался волокущий мешок Леске. Радостно открыв рот в сторону спутников, он сходу поперхнулся. Мешок выпал из ослабевших пальцев и гулко хлопнул об одетую в булыжники землю. Из него выкатилось несколько найденных в подвале разноцветных кристаллов. При виде них глаза Шейлы вспыхнули внезапно и очень жарко.

— Хозяин, — дотопав до замершего в ужасе хартийца, голем с неожиданной ловкостью подхватила один из рассыпавшихся камней. — Ты приказал забрать у старого хозяина кристаллы силы Шейлы. Шейла... польщена. Шейла... может просить тебя... украсить ее ими как можно скорей?

Глава 38

Глава 38

Узкий и темный каменный лаз, освещаемый лишь видневшимися кое-где высоко над головами редкими жилами лириума, и по которому отряд шел уже много часов, постепенно стал расширяться. Поначалу то и дело косившиеся на Шейлу, участники экспедиции Стражей уже давно утратили к ней интерес. Что было не мудрено. Каменная пленница заброшенного тейга размеренно и гулко топала в стороне от своих новых мясных спутников, держась так, чтобы никого не задеть, и не заступать дорогу. Больше она не делала ничего, не выказывая даже интереса к изредка попадавшимся на пути диковинкам Троп, вроде выходов странных, цветных пород, больших иссохших грибов, либо крупных многоногих насекомых, что разбегались из-под сапог идущих, выбрасывая странные оранжевые искры. О том, что ей были не чужды проявления разумности, Шейла показала лишь однажды, когда по приказу Командора в несколько минут расчистила большой каменный завал, лежавший на их пути, и мешавший пройти груженному бронто. Все прочее время голем вела себя молчаливо и отстраненно, односложно отвечая на попытки ее разговорить отчего-то заинтересовавшегося Леске. В конце концов, каменную машину оставили в покое, и она продолжала мерно идти рядом — живая и неживая одновременно.

Зевран уже давно оглядывался на Айдана Кусланда, что еще до бывшего домом Шейлы

тейга предпочитал держаться в хвосте отряда, а последние несколько часов и вовсе приотстал, то и дело морщась и прикладывая руку к лицу. Улучив момент, эльф замедлил шаги так, чтобы, не привлекая лишнего внимания, спустя какое-то время поравняться с замыкавшим шествие Командором.

— Мой дорогой Страж, у тебя опять болит? — исполненным самого искреннего участия голосом негромко поинтересовался он. — Ведь времени-то прошло немало. Конечно, когда тебя пытали, со мной рядом всегда была хасиндская красотка, что зашептывала мои увечья, в то время как ты принял все, что положила тебе та сумасшедшая, по полной. Но, клянусь мохнатым париком последнего ривейнца, которого я зарезал, все же нежная у вас, аристократов, шкура, как ни погляди. Быть может, стоит отбросить излишнюю стеснительность, и снова обратиться к Морриган? Если тебе трудно идти...

— Да не в том дело, — Кусланд приотвернул голову, с силой проводя по щеке тыльной стороной ладони, на которой не было перчатки. То ли от частых протирок, то ли от чего другого, верхняя часть его лица набрякла, что было особо хорошо видно на фоне покрасневших и слезившихся глаз. — Я специально иду позади всех. Здесь запах слабее.

— Запах? — ассасин непонимающе поднял брови. — Он тебя, что ли, так мучает?

Айан еще раз потер ладонью лицо так, словно хотел своротить с него нос.

— Принюхался я давно, как и все. Но, когда вдыхаю, то... я и раньше чувствовал, что тяжело дышать, но со вчера это перешло в настоящее удушье. У матери моей случалось похожее, каждую пору, когда распускается пухоцвет. Но, прости меня Создатель, страдать от запаха цветов все же куда приятнее, чем от...

Он крепко высморкался, сплевывая на ходу. Зерван понял, опустил брови, и кивнул.

— Ах, вот ты о чем, мой бедный Страж. Признаться, ты прав. Моча гнома — ядреная вещь. Это если не брать в расчет всех прочих запахов, которые он источает. Неудивительно, что у тебя заложило нос. Но чем тут поможешь?

Кусланд передернул плечами.

— Разве если приказать ему перестать справлять малую нужду прямо в доспех. Так ведь он не перестанет.

— Эй, Страж, — идущий впереди отряда Броска поднял руку, делая знак остановиться. — Глянь, что тут. Это ж, кажется, по твоей части?

Когда Командор и примолкший эльф подошли к подзывавшему их Фарену, остальные члены отряда, за исключением Шейлы, уже стояли в некотором отдалении, созерцая то, что лежало у них на пути. Бесформенная черная грудa, на первый взгляд, состоявшая из одного только горючего камня, была настолько большой и обширной, что пройти, не касаясь ее краев, можно было только под самой стеной туннеля. Кусланд подошел ближе и, присев, отгреб в сторону золу, являя взорам товарищей сваленные в кучу обгорелые останки.

— Порождения тьмы. Много, — Страж отгреб еще, осматривая тела тварей. — Неделя, не меньше. Их пытались сжечь, но наспех, спустя рукава. Как видно, тот, кто это сделал, очень торопился. А может, попросту не придавал большого значения костру... или не хотел, чтобы костер был заметен. Все... большинство зарублены топорами.

— То-то мне было невдомек, куда они подевались, эти твари, — Фарен несколько раз сжал и разжал кулаки и сплюнул под ноги. — Тропы должны кишмя ими кишеть, а мы за все время ни одного не встретили. Ну, иль пылеглофы из касты воинов о своих подвигах привирают, а на деле порождений тьмы не так уж и много...

— Ты что это, нагова шкура, сейчас просвистел? — молчавший доселе Огрен всем

телом развернулся в сторону бывшего хартийца. Вид рыжего проводника сделался довольно свирепым. — Ты кого это назвал врунами? Да если б не воины, твоя клейменная морда давно бы торчала на пике какой-то твари. Которая бы не брезговала замарать оружие в той гарлоковой моче, что у тебя вместо крови! Навозная тррряпка!

Морриган усмехнулась. Зевран и Кусланд переглянулись, и последний досадливо поморщился, предчувствуя склоку.

— Ты-то какое отношение имеешь к воинам, кабацкий бурдюк? — молодой и крепкий Фарен, бывший даже слишком стремительным и хватким для гнома, на фоне могучего, но из-за постоянной поддатости глядевшегося опухшим и рыхлым Огрена, действительно смотрелся в куда более выгодном свете. — Предки ошиблись, попустив тебе родиться в твоей касте. Ты и топора-то не поднимешь. Какой из тебя воин, пропойца?

— А вот я тебе сейчас покажу, какой!

В какой миг в руках Огрена оказалось его оружие, не успел заметить даже ассасин. Благодаря своей изворотливости, Броска в последний миг отпрыгнул в сторону, выхватывая мечи. Однако следующий удар разъяренного мужа Совершенной принял не он, а Командор. С трудом устояв от толчка упавшего на его подставленный меч острия огромной секиры, он вполсилы грохнул рыжего воина щитом. Опомнившийся Стен перехватил кисть Огрена, заносившего руку для другого удара. Вдвоем с Айаном им не без труда удалось скрутить оглушенного, но яростно рвавшегося в бой рыжего гнома. Фарен нападать не пытался. Убедившись, что больше ему ничего уже не угрожает, он вложил мечи в ножны и отошел подальше от выдиравшегося из рук двух длинноногих великанов проводника, совладать с которым у наземников получалось с немалым трудом.

— Все! — в какой-то миг обозленный случившимся, и вынужденной близостью больше прежнего источавшего ароматы Огрена, гаркнул Командор так, что эхо от его голоса разнеслось по пещере на меру, а то и более, пути. — Прекратить! Еще одна такая ссора — и оба идете назад, в Орзаммар. Без припасов! Все ясно? Ну?

Огрэн перестал барахтаться и рваться из удерживавших его рук. Почувствовав это, его пленители ослабили хватку. Фарен, привычно сплюнув под ноги, подошел и, не поднимая глаз, протянул руку.

— Извиняй, друган, — он вздохнул, видимо, переступая через себя. — Эт я первый свару начал. Обидно, вишь, что в воины берут только из одной касты. Я, мож, и сам не плох с мечами да секирой, а вона как приходится — нужники за такими, как ты, подчищать. Давай будем мириться, раз Стражу того надо. А ежели чего... то после похода... коль предки пособят в живых остаться... стало быть и...

Некоторое время царило молчание. Было слышно как дышит бронто и переступает по вековой потревоженной пыли своими тяжелыми лапами.

— Что-то застоялись мы тут, Страж, — встряхнувшись и расправив плечи, Огрэн шагнул мимо протянутой руки Броски к куче из полусгоревших порождений тьмы. — Ты тут все посмотрел? Дальше пора двигать. Бранка, мать ее, сама не найдется.

Кусланд с нажимом указал глазами на все еще протянутую руку Фарена. Огрэн, тоже после видимых усилий над собой, не глядя, хлопнул по ней, после чего тут же отошел.

— Надеюсь, никто не узнает о том, что я трогался с неприкасаемым, — прочистив горло, пробурчал он. — Эдак потом вовек не отмоешься. Всяк будет пальцем показывать.

— А ты когда-нибудь собирался мыться, мой вонючий друг? — меланхолично поинтересовался Зевран, глядя, как шагнувший в сторону Командор яростно сморкается в

кусок уже насквозь мокрой тряпки.

Огрэн не ответил, не удостоив эльфа даже взглядом. Меж тем Стен, как до него Страж, присел у края кучи, впрочем, предусмотрительно держась от нее подальше.

— Гном прав, — не сразу сделалось понятно, какого именно гнома поддержал он. — Глубинные тропы принадлежат порождениям тьмы. Где они?

— Архидемон, — просморкавшись, и вытерев взмокший лоб рукой, Кусланд спрятал тряпку и попытался глубоко вдохнуть. — Стражи могут через сны видеть его глазами. Он созывает тварей со всех троп, и уводит куда-то. Порождения тьмы выбираются на поверхность на юге Ферелдена, значит, идут они на Редклиф. Но кто убил этих — я не...

— Легион Мертвых, кто ж еще, — Огрэн харкнул на кучу и, подобрав свою секиру, вернул ее в крепление на спине. — Кроме них и некому. Значит, стоят где-то поблизости. Может, если предки подсобят, то и встретимся.

— Легион Мертвых?

— Да, точно, — Огрэн покосился на заговорившую Морриган. — Ведьме понравилось название? И правильно. В Легионе и вправду служат одни мертвецы.

— Как это? — не понял Зевран. Рыжий муж Бранки гмыкнул, вновь прочищая горло.

— Может, пойдём? — он посмотрел на Командора, который, морщась, продолжал тереть лицо. — Рассказывать-то и по дороге можно.

— Пойдем, — с усилием опуская руки, согласился тот. — Только старайтесь не касаться кучи. Твари давно передохли, но скверна могла остаться. А от этой болезни лекарства нет.

Рассказчик Огрэн был из рук вон плохой, но все же наземники сумели дознаться о гномьем Легионе многое. Со слов проводника выходило, что Мертвым Легион назывался не зря — каждый встававший в его ряды гном умирал по-настоящему, со справлениями всех должных обрядов и будучи оплаканным родными. Легион принимал любого — от преступников, желавших уйти от вины, либо искупить ее кровью, должников, не имевших, чем оплатить свои долги, недостойных, опозоривших свой род, до искателей приключений и тех, кто жаждал славы в веках, либо был одержимым идеей очистить Глубинные тропы от заплонивших их тварей. Однако ни один легионер не имел права на возвращение к жизни. Это правило было главным и соблюдалось неукоснительно. Уходивший сражаться с порождениями тьмы гном уходил навсегда.

— Как-то оно вовсе уж нерадостно выходит, — выслушав ароматизированного Огрэна, вслух подумал Зевран, время от времени сопереживающе поглядывая в сторону Командора. — От Воронов тоже просто так не уходят, но радостей в нашей... то есть, в их жизни куда больше. Вино, роскошная еда и тряпки, золото, женщины, мужчины — чего только пожелаешь. Разумеется, если приносишь пользу. Если не приносишь... А, демон меня закуси, все равно у Воронов — лучше.

— Так чеж ты от них ушел? — после не получившейся драки с Огрэном, Броска благоразумно старался держаться от рыжего проводника подальше. — Ежели так все хорошо?

Эльф пожал плечами.

— Перестал приносить пользу и не пожелал из-за этого умирать.

— Ну, у нас в... тьфу ты, туннельникова отрыжка, не у нас, а просто в Хартии что-то навподобе, но не совсем, канеш, так, — начал было Броска, но рассказ его так и остался неоконченным. Тянувшийся очень долго туннельный переход, наконец, кончился, приведя в

огромную пещеру, высоченные своды которой поддерживали колоссальные каменные колонны. Вытянутая пещера тянулась в обе стороны от земляного хода, из которого вышел отряд, и ее концы терялись в полутьме. Вдоль стен в выдолбленных каменных желобах мерно текли потоки лавы. От их пролома через желоб был перекинут каменный мост, шириной ровно настолько, чтобы там можно было разойтись двум гномам.

— Кажется... — Огрэн неверяще вытащил свою карту и, кивком подозвав Кусланда, склонился над ней. — Кажется, мы добрались до самого Перекрестка Каридина! Могучие предки, мне думалось, до него еще дня четыре пути.

Айан спрятал тряпку, в которую высморкался перед тем, как подойти к гному и, отобрав у него карту и отступив на шаг, принялся внимательно изучать нанесенные на нее переплетения ходов и тоннелей, с пометками самого Огрэна, указывавшими пройденный ими путь.

— Если это — действительно одна из дорог Перекрестка, значит, нужно добраться до центра, а там уже искать путь в Ортан, — утвердительно пробормотал он. Огрэн кивнул.

— Ежели верить карте, от Перекрестка до Ортана рукой подать. И пусть я буду не я, а нагговый паштет, если совсем скоро мы не увидим хотя бы какие-то следы экспедиции Бранки.

— Или Легиона Мертвых, — подсказал Леске. Огрэн подумал, и кивнул.

— И их можем. Ну, пошли, пошли. Пока Страж совсем не раскис. Вот уж не думал, что Стражи — что твои эльфы девы. Чуть где сквознячок, и у него уже из носа пузыри.

Довольный своим превосходством в сравнении с Серым Стражем, Огрэн вновь пошел вперед. Чем дальше по облагороженной каменной дороге продвигался отряд, тем больше на пути им попадалось следов того, что некогда было частью величия и славы царства гномов. Огромные колонны с искусной резьбой, стоящие между ними каменные статуи, изображавшие гномов из различных каст, таблицы с полустершимися письменами, все это было выполнено с таким мастерством, что и по прошествии многих веков завораживало внимание и вызывало восхищение наземных гостей.

— Воистину, гномы — великий народ, — проговорил Кусланд, переступая через узор из текущей лавы, что была пущена под слоем толстого стекла на полу, создавая рисунок в виде диковинной огненной птицы с широко раскинутыми крыльями. — Демоны бы унесли всех этих порождений тьмы, что поспособствовали упадку гномьих королевств! Много не дополучил наш мир, когда гномы вместо ремесел занялись просто выживанием.

— Ты прав, мой Страж, — Зевран на ходу пробежался пальцами по изразцовой решетке, что защищала от случайного прикосновения к лавовым часам. — Гномы — великие мастера и мыслители. Я как-то раньше не задумывался ни о чем подобном. Но когда увидишь своими глазами...

Показавшийся из-за поворота пути зал размерами и величием во много раз превосходил все виденное ими ранее. Дорога — одна из восьми, что насчитали путники, привела их на огромную площадь, в центре которой на невысоком постаменте стояла статуя гнома, отлитая из цельного коричневатого материала, чем-то напоминавшего стекло. В высоко вздетой над головой руке гном держал металлический октодиректор — многослойную и раскладную карту всех глубинных троп, имевшей в основе своей восьмикратную систему. Опущенной рукой он крепко сжимал кузнечный молот, а под ногой была изображена низкая наковальня, опоясанная вкраплениями лириума, с выбитыми на ней письменами.

— Это тот, о ком я подумал, друг гном?

— Да, — Огрэн свернул карту, но не стал прятать, а просто смял в руке, упираясь ею в бок. — Это Каридин с его Наковальней. То, что ищет Бранка. Жаль только, штука эта не настоящая. А то бы Бранка давно вернулась с нею в Орзаммар.

Наземники с уважением рассматривали статую великого гнома. Один Айан тер лицо, чувствуя, что его опять покидают силы.

— С чего ты взял, что она вообще здесь была? — спросил он, с усилием вдыхая через рот. Резкий запах, идущий от проводника, делался причиной его все более тяжких мучений.

Огрэн мотнул головой на ближайшую стену.

— Я уж давно заметил. Здесь повсюду ее метки. В новых тоннелях она скалывает со стен кусочки камня на равном расстоянии друг от друга. То ли проверяет состав породы, то ли путь свой помечает — поди ее пойми. Раньше на пути я такого не видел, должно быть, разными дорогами мы сюда шли. Но здесь, в сердце Перекрестка... погляди сам.

Больше для того, чтобы оказаться подальше от Огрэна, чем от неверия, Айан отошел к стене, на которую указывал проводник. На ней действительно оказался ряд сколов, сделанных точно маленькой киркой. Меж тем Огрэн, еще раз сверившись с картой, решительно повел всех к одному из восьми колоссальных коридоров, что отходили от площади. Коридор этот был больше и шире остальных. Света здесь было в избытке — потоки лавы разгоняли темноту, позволяя видеть далеко вперед.

Остановившись перед большой плоской таблицей, с выбитыми на ней непонятными письменами, Огрэн некоторое время, вскинув голову, шевелил губами. Остальные терпеливо ждали. Читал гном так долго, что оставшийся далеко позади Командор давно успел догнать отряд, остановившись и дожидаясь в отдалении.

— Да! Вот оно! — стоявший рядом с Огрэном Леске вздрогнул от его внезапного рева. — Гляньте, написано. Тейг Ортан. Значит, нам — в ту сторону. И совсем недалеко. Если, конечно, туннели не осыпались. Тогда придется в обход. Ух, Страж! Идем скорее. Чую, скоро, скоро найдем мою лапушку.

— Помыться тебе бы перед встречей не мешало, — впервые за время долгого молчания, заговорила лесная ведьма. Огрэн бросил на нее недовольный взгляд и, втянув изнутри себя соки, харкнул на одетый в изразцовые плиты пол.

— О, заговорила прямо, как Бранка. Это словно как от предков знамение, — он ухмыльнулся вытиравшему под носом Кусланду. — Ну, теперь я уверен — мою красавицу мы точно найдем.

Глава 39

Глава 39

— Не нравится это мне, — обходя застывшее в волокнах клейкой паутины высосанное досуха тело гарлока, пробормотал Огрэн. Остальные молчали, но то, что они видели, не нравилось и им тоже.

По утверждению проводника, тейг Ортан некогда был едва ли не частью столицы великой страны гномов. Из-за уверенности в его незыблемости, Наковальню Пустоты не успели забрать при поспешном отступлении от орд проклятых тварей. Наверняка о точном месте ее нахождения Бранка узнать не смогла, про это Огрэн помнил твердо. Как и о том,

что Наковальня должна была находиться непременно в тейге Ортан.

— Он, то есть Ортан, был родным тейгом Каридина, — еще раз напомнил муж Совершенной, оглядываясь на все чаще попадавшиеся на пути сети крепкой и клейкой паутины. — И работал он почти всегда в нем, в Ортане. Хотя по совести, у Каридина был свой город. Город, который он выстроил в честь Легиона Мертвых. Боннамар. Так он его назвал, этот долбанный мавзолей. Тем более что построил он его до того, как создал Наковальню. Но работал в Ортане. Значит, Наковальня должна быть там. Если, конечно, перед самой Великой Эва... куацией он не переправил ее в Боннамар и не припрятал хорошенько. Такое тоже могло случиться.

— А этот Боннамар, он где? — за всех спросил Кусланд, уже привычно бредущий позади, но слушавший проводника очень внимательно.

Огрэн на ходу поскреб бороду, потом поднял лицо к терявшемуся во мгле потолку пещеры, что-то то ли вспоминая, то ли прикидывая.

— Боннамар-то? Ежели верить указателю, Боннамар — следующий за Ортаном, к северо-западу. Кажется... Ух, Страж, ты думаешь, Бранка могла потащиться туда? Хотя... сам знаю, что могла. С нее станется.

— Для начала найдем Ортан, — Айан уже больше по привычке, чем по большой нужде, вытер тряпкой набрякший нос. — Жаль, что та статуя не умеет говорить. Хорошо было бы узнать от самого Каридина, куда он дел свою Наковальню.

Огрэн пожал плечами.

— Про то написано смутно. Ну, то есть, я слышал, как об этом бормотала Бранка, сидя над ворохом своих рукописей. Будто бы перед самой... этой... Эва... ва... короче, перед самым нашествием порождений тьмы Каридин попал в немилость к королю. В чем там было дело, гарлоковы летописцы умалчивали, а может, сами не знали. Но дело было нечисто. Все, что удалось узнать Бранке — сгинул Каридин, и Наковальня его сгинула, а искать надобно в этой стороне. Лет-то прошло немало. Даже не лет, а столетий. Может, в прах она рассыпалась, эта наггова наковальня. Было бы из-за чего гинуть на Тропах. Да и что ты все заладил — Наковальня-Наковальня. Мы ж Бранку ищем, а не наковальню, или как?

Огрэн раздраженно гмыкнул и тут же зацепил локтем свисавшие с полуразрушенной статуи клочья старой паутины. Дернувшись, чтобы выпутаться, впутался еще больше, цепляя все новые волокна заплечным мешком и рукоятью торчащей секиры.

— Откуда здесь вообще так много этой дряни? — поинтересовался Зевран, на пару с Леске помогая проводнику выпутаться из цепких объятий паутины. Прочие, приостановившись, терпеливо ждали.

Ответ пришел с совсем неожиданной стороны. Внезапно голем, которая шла за отрядом молча такое продолжительное время, что участники экспедиции успели отвыкнуть от того, что она вообще может говорить, подала голос.

— Пауки, — низко и гулко пророкотала она. — Много. Плетут свои сети то тут, то там. Приходят и уходят внезапно. Иногда держатся долго на одном месте. Иногда уходят насовсем. Но никогда не уходят, если есть еда.

Договорив, каменная женщина умолкла, вновь делаясь похожей на неживую. Впрочем, отряду хватило и того.

— Пауки, говоришь, — оправившись от удивления, Айан еще раз обвел взглядом нависшую вокруг паутину. — Можно догадаться, что виновники всего этого — не звери и не птицы. Но чего от них ждать?

— Ждать, когда прибегут за вами, — голем равнодушно мигнула светящимися лириумом глазами. — Этот толстый гном, что вечно рыгает и пукает, уже позвал их, когда подцепил сигнальную нить.

Эльф посмотрел на свои руки, на которых еще оставались ошметки паутины, потом медленно поднял глаза кверху. Остальные последовали его примеру. И, хотя, в бесчисленных переплетениях косматых белых нитей разглядеть ничего было нельзя, отчего-то сомневаться в словах Шейлы причины не было тоже.

Они вновь двинулись вперед, осторожнее, чем раньше. Пещера постепенно расширялась, из просто прохода делаясь больше похожей на одно из многочисленных виденных ими ранее преддверий тейга. На пути стали попадаться дома — сплошь перевитые паутиной, в которой кое-где застыли иссушенные коконы такого размера, что могли вместить, по меньшей мере, Зеврана. Хозяева паутины не появлялись, но после предостережения Шейлы обманываться мнимой безопасностью пути не приходилось.

— Пауки эти питаются порождениями тьмы? — вполголоса поинтересовался Кусланд, пригибая голову, чтобы не подцепить волосами очередной клочок клейких белых нитей. — Они должны быть поражены скверной.

— Эти твари появились среди скверны, — голос голема звучал, как и всегда — размеренно и равнодушно. — И скверну едят. Она делает их сильнее.

Спрашивать больше Айан ни о чем не стал. К тому же, сделалось не до разговоров. Каменная дорога привела их к неширокому полуобвалившемуся мосту через заросшую мхом длинную канаву, со дна которой поднималось теплое сырое зловоние. Мост этот, хотя и был построен гномами, но, как видно, очень давно, и кладка по его краям уже успела осыпаться. Требовалось немало усилий и осторожности, чтобы провести здесь груженого бронто без потерь.

Зевран пошел впереди, придерживая веревку, обвязанную вокруг одного из рогов на морде зверя. Отчего-то горбатый пещерный гигант доверял антиванскому убийце куда больше остальных членов отряда, и за эльфом шел безоговорочно. Рядом, притирая зверя к более надежному краю моста, с дубинками в руках двигались Фарен и Леске. Остальные держались позади, не имея возможности помочь и не желая путаться у погонщиков под ногами.

Отряд добрался до середины моста, когда идущий впереди всех эльф насторожился. Походка его не изменилась, выражения лица нельзя было углядеть из-за спины. Но свободная рука Зеврана уверенно легла на рукоять меча, стискивая пальцы и в любую минуту готовясь рвануть его из ножен. Очевидно было, что чуткое ухо эльфа — а быть может, острый глаз — донесли до него то, о чем еще не успели проведать остальные члены экспедиции. Быть может, Зеврану могло и показаться, однако в таком месте, как это, осторожность была не лишней.

В следующий миг сделалось очевидным, что волновался ассасин не напрасно. Что-то свистнуло, и на место стремительно отскочившего в сторону эльфа упала клейкая белая масса. Бронто зафыркал, встревоженный резким движением своего поводыря, мотая головой и пятясь назад. Остальные члены отряда как могли, пытались не дать зверю броситься в сторону, туда, где мост был совсем ненадежным. Свистнуло еще раз, и куннари, что по счастью был в шлеме, сорвал его с головы, едва сумев разорвать мокрую паутину, облепившую его, как жидкое тесто.

— Зевран! — Командор поймал на щит свою порцию мокроты, одновременно

выхватывая меч. — Тащи зверя на ту сторону. Живей!

С отвратительным шлепком с высокого потолка пещеры на мост упал большой, размером с мабари, паук. Опомнившийся от неожиданности ассасин полоснул мечом по его выпуклым черным глазам, каждый размером с детский кулак, и ногой столкнул тварь в канаву. Подхватив веревку, он потянул бронто за собой. Огромный и беспокойный, зверь все же пошел следом, фыркая и дергая мордой. Вслед за первым сверху спускались все новые твари. Их длинные лапы и острые жвала, покрытые поблескивавшим в блеклом свете лириума ядом, представляли значительную угрозу для обоих бывших хартийцев, эльфа и лесной ведьмы, чьи тела не были закованы в броню. Молодые гномы сноровисто работали дубинками, стараясь не подпускать пауков к беспокоившемуся бронто, однако на узком мосту это было непросто. Пауков все прибывало. Как видно, к стычкам подобного рода с порождениями тьмы они были привычны, и теперь стремились, во что бы то ни стало, добраться до вожделенного мяса.

Пробившись вперед через наскакивавших тварей, Айан, орудуя мечом, принялся в помощь элфу расчищать дорогу. Вдвоем с Зевраном им удалось протащить исцарапанного и уже опасно взреывавшего бронто через заступавших путь тварей на другую сторону. Прочие члены отряда по мере сил пытались помочь оградить погонщиков от атаки плотоядных пауков. Помощь голема оказалась наиболее весомой — каждый удар каменного кулака обрывал жизнь одной твари, размазывая ее по земле. Однако, несмотря на то, что большинство пауков размерами едва доставали до колена косситу, их яд по-прежнему был опасен, а число будто бы не убывало. Со стороны уже хорошо видимого тейга в их сторону бежали все новые. Айан ухватил за плечо бледную Морриган, что отбрасывала очередную тварь каким-то необычным отталкивающим действием и несильно встряхнул.

— Сможешь поджечь паутину наверху?

Ведьма вскинула глаза к потолку пещеры, потом посмотрела на Командора, как на безумца.

— Паутину поджечь если, займется все. Заживо сгорим!

— Не сгорим, — Айан отшвырнул от отвлекшейся ведьмы большого брюхатого паука с зеленым узором на спине. — Под мостом — влажно. Давайте все туда. А потом — подожжешь эту демонову паутину. Живей!

Отбиваясь и уворачиваясь от ударов, члены отряда попытались выполнить приказ Командора. Труднее всего было затащить под мост беспокойно-озлобленного бронто. Грузенный зверь никак не хотел заходить в болотную жижу, и гномам пришлось работать дубинками, не только отмахиваясь от пауков, но и для того, чтобы загнать зверя в нужное место. Замыкающей под мост шагнула Шейла, в отмашке размазав напоследок сразу двух настырных тварей.

— Поджигай! — пламя с посоха ведьмы сорвалось еще до того, как отгремел голос Командора. В единый миг оказавшись у потолка, огонь разбежался по свисавшим с него переплетениям серой клейкой нити. Паутина занималась так быстро, словно была пропитана горючим жиром. В несколько мгновений вся огромная пещера, казалось, снизу доверху сделалась охваченной чудовищным, ревушим пожаром, в котором тонули отчаянные визги и скрип сгоравших пауков.

— Плащами накройтесь! — срывая со спины гулко стонавшего бронто бочонок, гаркнул Кусланд. Выбив пробку, он щедро полил водой товарищей, что, не раздумывая, выполнили его приказ.

Быстро бежавшее по пещере пламя так же быстро потухало. Откинувшим плащи участникам экспедиции открылась картина совсем иного тейга чем тот, который они видели несколькими мгновениями до того. Скрытая в удушливой дымной завесе, пещера, все же, показалась теперь гораздо большей, чем ранее. Из дыма и языков пламени, кое-где взблескивавших в догоравшей паутине, проступали дома и целые улицы, несмотря на их теперешний вид, размерами и величию не уступавшие Среднему Орзаммару. От моста в тейг вела дорога, вымощенная, как теперь было видно, разноцветным гранитом, сложенным в бесконечно повторявшийся сложный узор.

— Похоже, это сам Ортан, — Огрэн встряхнул свой дымившийся плащ и, нюхнув его, поморщился. — Вот гарлокова пожива, так можно было и мимо пройти — не заметить. Сколько ж тут было этих тварей!

— Сами по себе эти твари даже полезны, если они так же нападают и на порождений тьмы, — Кусланд пнул еще слабо шевелившегося обгорелого паука и встряхнул бочонком, который все еще удерживал в руках, сиюсь прикинуть, сколько в нем оставалось воды. — Нужно найти родник почище, — вставляя пробку на место, проговорил он. — И пополнить наши запасы.

— Вода это хорошо, это нужно, — обернувшись на голос эльфа и все еще отряхивавшиеся после едва не случившейся огненной смерти, члены отряда застали ассасина стоящим по середине бедра в вязкой стоячей жиже. Обеими руками Зевран удерживал веревку, другой конец которой был привязан к головному рогу бронто. Грузенный поклажей могучий зверь по недосмотру спасавшихся от огня погонщиков, должно быть, ступил в невидимую под жижей яму, и теперь медленно погружался в болото, дергаясь и взрывая. — Но, может, сперва поможете мне его вытащить?

Глава 40

Глава 40

— Клянусь Создателем и подолом Андрасте, нелегкая ж это работа — из болота тащить такого кого-то, кто весит, как бронто, — почти стихами балагурил антиванский убийца, видимо обрадованный улучшением в состоянии своей некогда неудавшейся жертвы. После того, как всем им, даже при помощи Шейлы, пришлось изрядно повозиться, вытаскивая из жижи перегноя под мостом засевшего в ней вьючного зверя, запах мха и болотных трав на время перебил шедший от Огрена дух, и Кусланд мог дышать, как раньше. Однако прочим было хуже. После схватки с пауками и возни с тяжелым зверем, что потребовала сильного напряжения и без того растроченных сил, всем требовался отдых. Айан это понимал, выискивая среди остовов домов и арок подходящее место для стоянки.

Благодаря гномьему способу вытяжки воздуха, что, как сделалось известно наземникам, проходил через все Глубинные тропы, дыма в тейге уже не было. Сильно тянуло гарью, и на недавний пожар указывал кое-где прокопченный камень домов, однако, остановиться для отдыха можно было уже без вреда. Но, несмотря на это, путники, не задерживаясь, прошли через половину Ортана и разбили лагерь на одной из возвышенностей, где казалось просторнее и свежее, чем в иных местах.

— Пожалуй, тут подойдет, — решил, наконец, Командор, поднимая руку. От усталости утративший упругость своей походки, Зевран придержал плетущегося за ним покрытого

жидкой подсыхающей грязью бронто. Вместе с Фареном и Стеном они привычно взялись разгружать зверя, готовясь к длительной стоянке. Огрэн присел на обломок стены рядом с костром, который пытался соорудить Кусланд из остатков угля, и уже привычно стал рыться в своей котомке. Спустя какое-то время Командор, который весь путь от болота дышал более или менее свободно, вновь почувствовал знакомое жжение глубоко внутри носа.

— Какая отвратительная вонь!

Расстилавшая свое одеяло Морриган бросила все, хватаясь за лицо и зажимая нос руками. Айан закашлялся. Распустивший завязки на полном кожаном бурдюке Огрэн хмыкнул.

— А что это вы на меня так уставились? Помните рыбешку, что я нагреб из ручья в тейге, где мы нашли эту каменную глыбу? Времени прошло достаточно, хорошо належалась. Самое то теперь окунуть ее в мочу и еще хорошенько выждать.

Краем уха слышавший разговор Зевран покачал головой.

— О, Создатель, милостивый и великодушный! Так там, оказывается... — прижимая бочонок к животу, он лишь с третьего раза вытащил вбитую Кусландом пробку. — Я думал — ты таскаешь выпивку. Хорошо, что я не успел попросить у тебя попробовать.

Огрэн хмыкнул, развязал бурдюк до конца и стал действительно переключивать вовнутрь что-то, что он попеременно доставал из своего походного мешка.

— Была б у меня выпивка — стал бы я ждать так долго, чтобы ее высосать? — он опустил в бурдюк последнюю рыбину и, взболтнув, вновь связал тесемки. — А рыбкой могу поделиться, когда будет готова. Это такая вкуснятина — пальчики оближешь!

Айан и Морриган переглянулись, и последняя поморщилась сквозь зажимающие нос пальцы — брезгливо и страдальчески.

— Еще просить будете, — не разделил ее скептицизма рыжий гном. Бурдюк вновь переключивал в его мешок. — Вот чтоб мне эльфом стать!

Кусланд, а за ним Морриган поспешили ретироваться к уже висевшему над огнем котелку, куда Зевран и Фарен чистили остатки подъятых за время долгого пути корнеплодов. Время от времени эльф ногой сгребал очистки и пододвигал их к морде лежащего рядом бронто. Стен привычно укладывал в стороне снятые со спины зверя ящики и мешки.

Живо любивший стоянки Леске против обыкновения был тих и задумчив. Настолько, что даже ответил отказом на обычное предложение закончившего свою часть работы побратима пройтись по более или менее уцелевшим домам и поискать оставленные в них ценности.

— Да ты не заболел часом? — Фарен шутливо хлопнул вздрогнувшего товарища по плечу. — Пауков, что ль, боишься? Так мы возьмем с собой Шейлу — она как есть защитит. Иль не так?

— Нет, чего-то и вправду не можется, — Леске закатал штаны, обнажая волосатые ноги, сплошь покрытые царапинами и ссадинами от паучьих когтей. Его раны не кровоточили, однако, хотя и закрытые, вздулись, как от попадания сора. — Твари, как вишь, до меня добрались. Отлежаться б, чтоб шкура заросла. Иди один.

— В одиночку не интересно, — Броска досадливо цыкнул щекой, и с надеждой обратил взор к Морриган, перестелившей свое одеяло подальше от Огрэна. — Может быть, у тебя есть какая-то мазь? Или что у вас, наземных целительниц, за штуки?

— У меня есть, — поискав в сумке, Морриган извлекла и передала Фарену запечатанный глиняный горшочек. — Но осторожнее с этим. Много не наноси. Сыпью

иначе покроется.

— Жаль, что на гномов не действует магия, — наблюдая, как Леске, морщась, протирает мокрой тряпкой порезы, посетовал антиванец. Что не мешало ему одновременно приглядывать за начинавшей закипать похлебкой. — Иначе можно было бы вылечить эти раны быстрее и проще.

Морриган не ответила. Остальные молчали тоже, занимаясь каждый своим делом. Командор, стащив нагрудник, некоторое время разглядывал его в свете костра. Тусклым мерцанием благородного металла он не уставал любоваться никогда. Нагрудник и вправду был очень хорош, впрочем, как и остальные части подаренного Беленом доспеха. Айан слегка сдвинулся, наблюдая за пробегом света по краю и неожиданно для себя поймал отражение Шейлы, которая стояла в нескольких шагах позади. Горевшие лириумом глаза голема были полузакрыты, но их немигающий взор устремлен на Командора. Неловко поведя плечами, Кусланд несколько раз переменял положение, но взгляд каменной женщины словно жег ему затылок, не оставляя в покое.

В конце концов, он отложил нагрудник и сел так, чтобы видеть Шейлу хотя бы боковым зрением. Голем продолжала стоять неподвижно и смотреть прямо на него. По-видимому, прочие члены отряда на этот момент ее не интересовали.

— Шейла, — решил командор, у которого, казалась, онемела вся обращенная к голему часть тела. — Ты... можешь рассказать, каково это — быть големом? Ты... чувствуешь что-то? Помнишь, что было раньше? Как ты оказалась в том заброшенном тейге? Помнишь кого-нибудь из живых... кроме нас?

Каменная женщина будто очнулась ото сна. Двинувшись, она мигнула, уставившись на Кусланда еще более пристально.

— Хозяин задает слишком много вопросов, — пророкотала она, качнув тяжелыми руками. — Но Шейла постарается ответить. Шейла... плохо помнит то, что было раньше. Помнит только пещеру, в которой прежний хозяин бросил Шейлу в наказание.

— Прежний хозяин? В наказание? Как это? — оживился Леске. Голем повернула голову в его сторону.

— Больше вопросов, — она вновь мигнула. — Не нужно. Шейле бы ответить на те, что уже есть.

— Продолжай, — дозволил командор. Последние слова голема заинтриговали и его тоже.

— Продолжать... тяжело, — после затянувшейся паузы, признала каменная женщина. Она несколько раз моргнула, потом тряхнула головой. — Мало что помню кроме пещеры. Помню, что в пещеру Шейлу привел хозяин. Он был маг. Заставлял Шейлу делать многое. Вам оно, должно быть, показалось бы скверным. Он даже... участвовал в войне. Принуждал Шейлу убивать, — глаза голема на мгновение вспыхнули. — Хотя жизни слабых, мокрых существ мало значат для Шейлы, Шейле не нравилось отнимать их. Но пока жезл повиновения в руках хозяина — голем не может не подчиниться приказу.

Она замолчала.

— Нынешний хозяин спрашивал, может ли Шейла что-то чувствовать. Шейла может и чувствует. Шейла не знает, каково это — быть таким мясным куском. Не знает, отличаются ли ее чувства от тех, что у вас. Но когда хозяин заставлял Шейлу убивать, она чувствовала... скорбь. И нежелание. Шейла пыталась говорить со старым хозяином о ее чувствах. Но он приказывал молчать. И в его руках был жезл.

Зевран отошел от котла и, обойдя возлежавшего на его пути живой горой усталого зверя, принялся рыться в уложенных косситом сумках с продовольствием. Фарен, завязав принятый от раненого побратима горшочек с мазью, вернул его ведьме. Сам Леске откинулся на спину, прикрывшись углом одеяла. На его лбу блестели бисерины мелкого пота.

— Шейла стала задавать много вопросов, — тем временем продолжила голем, из стороны в сторону поводя головой. — Потом она пыталась возражать. Это случилось уже в пещерах. Шейла не хотела устрашать проводников и носильщиков, которых нанял хозяин для своей экспедиции. Он что-то искал, Шейла не знает, что именно. Проводникам было страшно. Дальше идти не хотели. Бывший хозяин велел... напугать проводников. Шейла не могла противиться, но он все равно знал, что Шейла против. Он стал опасаться Шейлу. К тому времени экспедиция достигла той пещеры, где потом появились вы. Старый хозяин надолго остановился в ней. Занял дом, и что-то делал. Шейла не знает, что. Все время была снаружи. Старый хозяин наказывал Шейлу обездвиживанием. Однажды он взял с собой только некоторых охранников из тех, что были с ним, и ушел, почти не взяв вещей. Очевидно, он хотел потом вернуться. Но не вернулся. Вместо него пришли твари. Те, что разносят болезнь. Они убили проводников. Всех, кроме двух женщин, которых увели куда-то вглубь пещер. А старый хозяин так и не пришел обратно. Шейла полагает, что он тоже был убит тварями. А может, ушел и не пожелал прерывать наказание Шейлы. Шейла не знает.

Эльф, наконец, нашел, что искал. Взяв щепотку соли, он сложил мешочек на место и вернулся к огню. Взгляд Кусланда задумчиво блуждал по узорам из лириума на теле каменной женщины.

— А что было раньше? — спросил он, заинтересованный ее рассказом. — Как ты попала к своему старому хозяину?

Голем двинулась. Этот жест можно было расценить как пожатие плечами.

— Новый хозяин должен простить. Шейла не помнит. Она даже не помнит, как появился старый хозяин. Может, старый хозяин сделал что-то с памятью Шейлы?

— Такое с живым сделать можно, — внезапно подала голос Морриган. Завернувшись в плащ, она неподвижно сидела на своем одеяле, глядя в огонь. — Мать моя так поступала иногда, с хасиндами развлекаясь. Из тех, кому после игр своих жизнь желала оставить. Но никогда не видела я, чтобы такое с камнями делали. Хотя, таких, как ты, камней не доводилось видеть прежде тоже.

Попробовав варево, Зевран поднял брови, и положил обратно миску, в которую всегда откладывал лучшие куски для Морриган. Изюм всех членов отряда своя посуда была только у лесной ведьмы. Мужчины ели прямо из котла, поочередно черпая оттуда длинными гномьими ложками.

— Еще не готово, — помешивая суп, доложил антиванец. Судя по тому, как он себя держал, всегда неутомимый эльф был явно утомлен больше обычного. Зевран не отпускал шуток и не улыбался. Склонившись над костром, он с равнодушным и отстраненным видом загребал из недр варева куски мяса и овощей, время от времени вытирая смуглый лоб тыльной стороной ладони. Было заметно, что ассасин мечтает об отдыхе не меньше остальных, но доверить приготовление пищи кому-то еще не решается, наученный неоднократно горьким опытом отвеживания неумелой стряпни товарищей.

Айан окинул прочих взглядом и поднялся. Несмотря на воцарившееся у костра молчание, уходить ему не хотелось. Однако в некоторых надобностях он привык к уединению с тех пор, как себя помнил, и долгое время, проведенное в походах, так и не

искоренило эту его привычку. Оставив нагрудник лежать на одеяле, он неспешно отправился в сторону, противоположную той, от которой пришел отряд.

Однако, после того как необходимое было справлено, возвращаться тут же к огню ему расхотелось, несмотря на доносившийся даже до этого места приятный запах приготовляемой пищи. Заложив руки на спину, Айан прошелся по полутемной улице, время от времени оглядываясь на отблески горевшего на возвышенности костра и расположившиеся вокруг него неясные тени. В этой части пещеры потолок проходил очень низко, и горевшие в нем крупные жилы лириума придавали полутьме колдовской, завораживающий вид. Мысли Командора обратились сперва к этим выходам пород, а затем — к хорошо открывавшемуся с возвышенности виду на разрушенный город гномов. Чем дальше он смотрел на эти остатки былого величия и силы мысли подземного народа, тем большая поднималась в его груди волна глухой досады и гнева на проклятых тварей, которые самим существованием своим несли ужас и смерти, причиняли упадок и изничтожали все славное и великое, что было когда-либо создано обитателями мира Айана. Явившиеся из неоткуда порождения тьмы в тупой и им самим ненужной жестокости пядь за пядью, шаг за шагом выживали всех тварей — разумных и неразумных, с земли и подземья, отравляя вокруг себя все, что входило в соприкосновение с ними. Видимой причины, для чего это было нужно, не мог найти сам Командор, уже не понаслышке знакомый с Зовом, тем, что толкало порождений тьмы к творимому ими. Ведь если Мор не будет остановлен, и твари заполнят все земли Тедаса, без тех, на кого они охотились, и кого убивали с такой убежденностью, сами они также обречены на гибель, не имея возможности кормиться либо воспроизводить себе подобных. Этого ли хотели Древние Боги, что, заточенные под землей самим Создателем, один за другим просыпались в облики архидемонов и звали проклятых тварей на войну с людьми? Неужто оскверненная и мертвая земля, подобная той, что лежала теперь в пережившем два Мора Андерфелсе — это то, что было их целью?

Айан покачал головой. Он не раз думал о природе Моров и том, что двигало архидемонами. Слова Дайлена Амелла, о злонамеренно отправленных в Черный город магистрах для того, чтобы они перетасили на себе заразу в мир Тедаса, не давали ему покоя. Но, хотя этими своими помыслами он не делился еще ни с кем, молодого Кусланда не покидало ощущение того, что мысль свою Дайлен додумал не до конца. Помимо злой воли древних богов, было что-то еще, что-то, или кто-то скрывался за нагромождениями лжи и заблуждений о том, что же на самом деле произошло там, за Завесой Тени в тот злосчастный миг времени, что перенес нескольких жаждущих знаний, истины и славы людей к чертогам, как они полагали, принадлежащим самому Создателю. Дайлен мыслил, что Древние боги, томясь под землей, хитростью привели тевинтерцев к тому, что они посчитали своим освобождением. Но многократно зревший мир очами архидемона Уртемиэля и слышавший в своих снах отголоски его мыслей Айан, чем дальше, тем крепче сомневался в том, что бог, некогда бывший покровителем всего прекрасного, по собственной воле мог сделаться чудовищем, в который его превратила природа скверны. Быть может, боги, как и смертные, так же были обмануты и ввергнуты в погань и вырождение? А все, что было, случилось по воле кого-то, еще более могущественного и темного, нежели сами Темные Древние боги? Но кого, всемогущий Создатель?

Ответа на этот вопрос у Кусланда не было. Как не было уверенности в том, что его смутные догадки правдивы. Слишком мало было ему известно. И, как бы то ни было, появление порождений тьмы в мире изменяло сам нормальный порядок вещей, и грозило

бедами всему существу. Потому прежде стоило подумать, как теми силами, что могли располагать Стражи Ферелдена, остановить Орду тварей, что вот-вот собиралась вырваться на поверхность. Обо всем прочем можно помыслить было и потом.

Гулкие удары о землю тяжелых ступней обратили на себя внимание Айана задолго до того, как сама голем оказалась из-за остовов домов. Взблескивая лириумными узорами и вкрапленными кристаллами, каменная женщина остановилась, привычно на несколько шагов не доходя до хозяина.

— Эльф велел Шейле прийти и сказать, что есть уже можно.

Айан кивнул. Поесть теперь было бы кстати. По достоинству оценив заботу своего несостоявшегося убийцы, он шагнул было по направлению к костру, но был внезапно остановлен глухим голосом голема.

— Хозяин...

Кусланд в недоумении остановился. Шейла молчала, отчего-то покачиваясь больше обычного, словно собиралась переминуться с ноги на ногу.

— Ты что-то хотела? — Айан бросил нетерпеливый взгляд в сторону горевшего огня, откуда долетали запахи, один соблазнительнее другого.

— Да, — голем качнула большими руками, и Кусланд на всякий случай сделал шаг назад. — Шейла хотела спросить. Почему хозяин не трогает жезл повиновения? Он бы мог отдавать приказания Шейле через него.

Кусланд покосился на жезл, что по-прежнему висел у его бедра и пожал плечами.

— Мне казалось, достаточно было того самого, первого приказа. Но если тебе будет так удобнее, я могу его использовать.

Голем с шорохом мотнула головой.

— Шейла плохо объяснила. Шейле нравится, когда на каждое слово в нее не тычут жезлом. Прежний хозяин... сковывал движения и речь Шейлы. Нынешний хозяин — нет. Шейла чувствует себя... очень живой, когда она рядом с новым хозяином и его спутниками. Это необычно для Шейлы. Раньше никогда ничего подобного не случалось. И... неудобно было говорить об этом. Ведь Шейла — не живая. Живые бы посмеялись. Но это все сильнее там, внутри. Шейла стала лучше говорить, лучше думать и... даже лучше чувствовать.

— Тебе ведь это нравится? — на всякий случай уточнил Кусланд, оставив жезл в покое. Голем кивнула в ответ.

— Шейле нравится, очень. Шейла слушает, ходит, говорит и чувствует. Иногда Шейле кажется, что и она — живая. Как те мясные, что идут подле нее.

— Если не хочешь, я не буду касаться жезла до тех пор, пока ты меня слушаешься, — пообещал Кусланд. Против воли он бросил еще один взгляд в сторону костра. В животе у него призывно заурчало.

— У Шейлы есть еще одна просьба.

Слова голема удивили настолько, что Айан даже на время забыл, что ему хочется есть.

— Шейла хотела бы... попросить хозяина... коснуться Шейлы.

— Коснуться? — скрывая недоумение, Командор окинул взглядом стоявшую перед ним каменную женщину. — Просто коснуться?

Протянув руку, он дотронулся до плеча голема, который приходился чуть выше его собственного плеча. Проведя ладонью вверх, погладил могучую шею. Шейла ответила на прикосновение чуть прижмурившимися глазами и едва заметным подергиванием рук.

— С тех пор, как идет с новым хозяином и его друзьями, Шейле все по-другому, —

тише, чем раньше, пророкотала каменная женщина, продолжая жмурить глаза. — Чем дальше, тем больше хочется знать. Говорить лучше. Чувствовать то же, что вы все. Твое прикосновение чувствуется. Но не вызывает чувств. Таких, какие Шейла наблюдает в вас, мясных созданиях. Шейле... одиноко.

Айан убрал руку. Он не знал, что ему сказать. Стоявшая рядом с ним женщина была для него загадкой — такой же, как и природа Мора. Если Каридин делал големов своими руками на Наковальне, не прибегая к чему-то еще, то этот Совершенный гном был воистину подобен Создателю. До сих пор Кусланд был уверен, что сделать можно только вещь. Но слова Шейлы, ее убежденность и просьбы явно говорили о том, что вещью она не была.

Внезапно глаза каменной женщины вспыхнули. Она сделала осторожный шаг назад и медленно, чтобы не задеть хозяина, подняла обе тяжелые руки в молитвенном жесте.

— Шейла вспомнила. Ее старый хозяин был магом. Но новый хозяин ведь тоже маг. Не мог бы хозяин... Айан... сделать Шейлу... такой же мясной, как и прочие? Такой же, как он сам?

Глава 41

Глава 41

Большой, в полтора раза выше Шейлы, каменный гном сурово глядел перед собой выпуклыми круглыми глазами. Обеими руками он держал широкую плоскую таблицу. Письмена на ней казались свежими, точно были выбиты совсем недавно, куда позже, чем жил сам тейг Ортан. Столпившиеся вокруг участники экспедиции, задрвав головы, внимали написанному со смесью недоверия и надежды.

«Два месяца непрерывных поисков и раскопок, наконец, принесли свои плоды. Сегодня были найдены доказательства тому, что Наковальня Пустоты создавалась не в тейге Ортан. Если кто-то читает эти строки, пусть знает, что экспедиция Бранки уходит дальше на юг, в Боннамар. Если мы не вернемся, пусть те, кто последует за нами, знают, в каком направлении нужно искать. Быть может, вам удастся то, что не удалось нам — найти творение Совершенного Каридина и спасти от гибели Орзаммар».

— Здесь повсюду их следы, — проговорил Кусланд, имея в виду экспедицию Совершенной. — Они стояли тут долго.

Он посмотрел на Огрена. Все другие взгляды, кроме безотрывно глядевшей на Командора Шейлы, тоже были устремлены на него. Почувствовав это, рыжий гном справился со своим кривившимся лицом и, харкнув мокрее обычного, решительно протер усы рукавицей.

— Ну, и чего мы стоим? — с нарочитой грубостью спросил он. После того, как была прочитана таблица, признаки пребывания на этой улице экспедиции жены, коих было множество, его больше не интересовали. Впрочем, место, некогда бывшее лагерем отряда Совершенной Бранки, все же успели осмотреть. Вне всяких сомнений, несколько расчищенных домов тейга хранили следы нахождения в них гостей, что пришли гораздо позже, чем последний житель тейга Ортан покинул эти места. Однако сколько-нибудь полезной информации найдено не было. Спутники Совершенной все свое унесли с собой, оставив лишь то, что действительно могло сохраниться в неприкосновенности для тех, кто бы пошел по их следу — надпись на каменной таблице, что была на самом виду.

— Чего стоим? — повторил Огрэн, поддериывая на плече мешок. — До Боннамара еще топтать и топтать. Сам он к нам не придет.

Глава 42

Глава 42

— ... ну а Хартию тогда еще Берат держал. Сволочь он был последняя, че уж говорить. А только никто при нем и пернуть не смел без дозволения, даже на другом конце Орзаммара. Ну, мы с Леске тогда и вовсе в нижних были, так, что ниже некуда. Поручения нам давали из рук вон поганые, за какие другим, кто повыше, братья было как-то и зазорно. И, знач, вызывает раз Берат и грит — пойдете, мол, на Арену, дело есть. Арена — эт где нужно драться, чтоб все на тебя пялились, — поймав недоуменный взгляд рыжего наземника, коротко объяснился Фарен, и продолжил. — А там, стал быть, найти поединщика, Эверда. Кажись, так его звали. На которого Берат поставил, ну и... поспособствовать, знач, чтоб удача ему не изменила.

Фарен перевел дух и бросил короткий взгляд на Леске. Его товарищ выглядел неважно, но устроен был едва не удобнее всех, сидя на плечах у Шейлы и придерживаясь за ее большую голову.

— Так и было, — подтвердил тот, вытирая беспрерывно льющийся холодный пот со лба.

— Да, — отвернувшись, чтобы не показать не покидавшего его чувства тревоги, Броска неслышно вздохнул и продолжил нарочито бодро. — Ну, знач, пробрались мы к задним комнатам, там, где поединщики готовятся перед дракой. По дороге пришлось вычистить все плевательницы и мойные корыта, потомуш клеймленных-то к Арене допускают тока для уборки, а стража там повсюду, и бдит. Короч, мы еще загодя решили подлить противнику нашего Эверда в пойло вытяжки из синей плесени — запаха у ней и нет почти, зато в голову шибает — будь здоров. Да только предки подсобили догадаться заглянуть сперва к самому Эверду. Захожу я, знач, а этот нагговый котях валяется посеред комнаты с голым задом, и дух от него, как с королевской брагодельни. Я так мыслю, не мог он сам набраться перед боем. Помогли ему, вот чтоб мне лопнуть. Наверняка не один Берат о своих ставках пекся. Да только делать тож нечего. За провал Эверда нам была яичница всмятку обещана, тока слышь, яицы-то не из-под куры, и даже не с тоннельника будя взяты, про то и так понятно. Кароч, стоим мы, как два кирпича, косяк подпираем. А Леске возьми и скажи...

Кусланд поднял руку. И хотя лицо его, покрытое грязью многодневнеого перехода, оставалось непроницаемым, все, даже маящийся от паучьего яда Леске, мгновенно поняли — случилось что-то серьезное.

Туннель, по которому они шли, все больше светлел и расширялся. Далеко впереди уже виднелся выход из него, ведущий в большую пещеру, освещенную красноватым светом, как от раскаленных горных пород. Зачастую в подобных пещерах стояли гномьи тейги, что вполне могло быть и в этот раз, ведь от оставленного Ортана путников отделял теперь целый переход пути. Эта дорога была похожа на сотни, исхоженные ими раньше, однако отчего-то спутники Командора поняли причину остановки сразу.

— Они? — выдохнул Зевран, нервно тиская рукоять того меча, что носил у пояса. Кусланд медленно кивнул.

— Не могу понять, — продолжая оставаться на месте, проговорил он, пытаюсь

вслушаться в идущий спереди неясный гул. — Это порождения тьмы, вне всяких сомнений. Но... как будто целые орды. Я слышу... их там много. Очень много.

— Может, попробуем обойти? — Фарен поежился, подергивая пальцами перевязь, на которой висели его ножи. — Ежели их там туча, чеж нам соваться?

— Нужно, чтобы кто-то посмотрел, что там происходит, — жестко проговорил Кусланд, заставляя здорового хартийца и антиванца внутренне затосковать. — Я этого сделать не могу. Они могут меня почуять.

— Прости мне сомнения, мой Страж, — Зевран обреченно завязал волосы в хвост, чтобы они не могли ему помешать. — Но если ты уже слышишь их, неужели они не слышат тебя?

— Не знаю, — честно признался Айан. — Я мало в этом понимаю. Но отчего-то уверен, что пока они не знают, что я здесь.

— Ладно, — Фарен поправил перевязь. — Ты, Зев, погодь. Сам схожу. Я буду пониже, чай, не заметят.

Дождавшись разрешительного кивка Командора, хартиец устремился к выходу, с каждым шагом словно все более делаясь похожим на тень. Покрытый пылью, перепачканный в грязи не меньше прочих членов экспедиции, крадущийся Броска делался почти незаметен ближе к стене, в особенности там, где царил полумрак. Спустя короткое время он вовсе исчез с глаз товарищей. После некоторого ожидания его силуэт на мгновение мелькнул на фоне выхода в большую пещеру, и снова пропал.

Томиться в ожидании пришлось недолго. Фарен вернулся раньше, чем даже Леске стал тревожиться о его отсутствии.

— Ты должен сам на это глянуть, Страж, — с силой проводя себя ладонями по лицу, точно стирая ошарашенный испуг, проговорил он. — Тварей там и вправду много, но едва ль они тебя почуют. А как почуют — им не до тебя. Иди, говорю, глянь. Там не опасно, ежели специально не высовываться.

Несколько сотен шагов полностью подтвердили правоту хартийца. Туннельный ход привел экспедицию на большую, широкую площадку колоссальной пещеры. За многие дни пути пещер пришлось переvidать немало, однако то, что открылось их глазам здесь, наполнило сердца путников чувством сосущего страха. Громадная пещера была раз в пять-шесть больше той, в которой помещался Орзаммар, и наверняка могла бы вызвать изумление даже гномьего зодчего, как такие подземные пустоты могли держать тяжесть Наземья, до сих пор не обвалившись под собственным весом.

От площадки, все больше расширяясь, в обе стороны вели дороги с местами сохранившейся кладкой, отгораживавшей эти рукотворные пути от обрыва. Дорога по левую сторону уходила во тьму, зато правая вела к целому каскаду плато, наподобие тех, на которых стоял Орзаммар. Кое-где на этих возвышенностях действительно стояли постройки, однако они не шли ни в какое сравнение с тем, что возвышалось на противоположной стороне.

За огромной пропастью, в которой, по разумению Кусланда, могло уместиться два Хайевера, на другой стороне пещеры поднимались вверх строения настолько величественные и монументальные, что один их вид смог поразить даже внешне равнодушного ко всему коссита. Нельзя было толком уразуметь, что представляли собой эти великие каменные структуры — огромные дома или стены чудовищной крепости, ровно как и для чего они могли служить. Через пропасть вел подвесной мост, такой широкий, что,

казалось, на нем могли без труда разъехаться сразу десять телег.

— Боннамар, — выдохнув, Огрэн обдал кислым запахом пищи Морриган, но та даже не поморщилась, как и прочие замороженная грандиозным зрелищем. — Чтоб у меня зад облез, если это не Город Легиона Мертвых!

— Все эт, канеш, хорошо, — Фарен тронул Кусланда за локоть, указывая в пропасть. — Но ты, Страж, глянь туда!

Айан осторожно подступил к самому краю пропасти и взглянул вниз. Увиденное поразило его больше исполинских стен Боннамара. Вся огромная пропасть была заполнена шевелящейся массой, в которой, приглядевшись, Командор узнал порождений тьмы. От самых мелких, тех, что походили на гномов, до огромных, рогатых тварей, одна из которых чуть не прикончила Айана в башне Остагара. Чудища копошились, переходили с места на место и все порывались идти куда-то, но, словно передумав, всей массой устремлялись в другую сторону. Красное свечение, которое издали можно было принять за отсветы раскаленной плоти земли, на самом деле оказалось заревом от тысяч костров и факелов, что освещали дно пропасти для проклятых тварей.

Перед мысленным взором Кусланда всплыл его давешний страшный сон, где мириады порождений тьмы принимали его в свои объятия, и он, мимо воли, отпрянул от края. Глядевший вниз Стен поднял брови. Его лицо оставалось непроницаемым, в отличие от лица Зеврана, на котором отражались самые разнообразные чувства.

— Да, мой Страж, не пойдя я с тобой, никогда бы не увидел того, что увидел, — он окинул взглядом бесчисленных тварей. — Мой суровый друг, ты, кажется, все жаловался, что тебе не досталось порождений тьмы, — обращаясь на этот раз к Стену, не удержался он. — Гляди, все они здесь. Перед тобой!

— Мне плохо видно, — Леске привстал на плечах голема, вглядываясь в полумрак правой дороги. — Твари — так близко от нас?

Проследив за указующей рукой хартийца, его товарищи с трудом разглядели выходящих откуда-то из сумрака одного из боковых ходов силуэты неясных приземистых теней. Их появление вызывало тем большую тревогу, что тени эти находились на той же стороне, что и отряд Стража, у основания переправы через пропасть.

— Зевран, — Кусланд мотнул головой в сторону моста, явно не зная, какой приказ было бы отдать правильное всего. — Ты можешь их разглядеть?

Эльф прищурился, но во мраке пещеры рассмотреть яснее, чем было видно с того места, где стоял отряд, оказалось непростым делом даже для его острого взгляда.

— Не знаю, мой Страж, — наконец, сдался он, вытирая заслезившиеся от напряжения глаза. — Вроде бы, это и не порождения тьмы вовсе. Ведут себя так, будто им сам Создатель хвосты поджарил. Они явно чем-то встревожены. Порождения тьмы могут испытывать страх?

Кусланд всмотрелся сам. Непонятные приземистые силуэты не стали видны яснее, однако, вслед за Зевраном он тоже сумел понять по их поведению, что те было чем-то сильно обеспокоены. Некоторые простирали вперед руки, точно...

— На кого они указывают?

— Должно быть, на тварей, — пророкотал Стен, в руках которого уже подрагивал его обнаженный меч.

— Тогда кто они? А разве они сами не..?

Договорить эльф не успел. Внезапно мощным потоком воздуха его опрокинуло с ног,

как и всех, даже тяжелую Шейлу. Леске скатился с ее плечей, едва не попав под грянувшую обзём каменную спину. Появившийся словно из неоткуда фиолетово-коричневый дракон со множеством шипов на узкой морде, огромный и необычайно уродливый, вихрем пронесся снизу вверх и, в мгновение ока преодолев расстояние до моста, рухнул на него, разбрасывая из пасти жидкое пламя. Освещенные этим огнем неясные тени шарахнулись прочь, выставив перед собой, вне всяких сомнений, оружие. Однако, не они интересовали дракона. С трудом поднявшийся на ноги Айан успел заметить, как затянутые поволокой глаза чудища полыхнули ярко-зеленым. Морда дракона была обращена прямо к нему, и Страж откуда-то чувствовал — из всех тварей, что были теперь в пещере, дракон видел его, только его, и знал, кто он такой. Дракон видел врага, в том не было сомнений, как не было сомнений в том, что он собирался сделать в следующий миг...

— Это — архидемон, мой Страж? Так он выглядит? Это, в самом деле, он?

— В пещеру возвращаться нужно, — руки Морриган вцепились — одна в плечо Кусланда, другая — Броски. — Или погибнуть вы хотите? Живее! Ну!

Дракон сорвался с места. Айана что-то в последний раз рвануло за плечо, и оставило. Он не видел того, что происходило вокруг, не видел товарищей. Взгляд его был прикован к изумрудным глазам дракона, и только Уртемиэль существовал сейчас для зачарованного его Зовом исконного врага...

Тело дракона с силой грянуло о скалу, отколов от нее здоровенный кусок. Страшенные челюсти жамкнули в волоске от него и, с какой-то отстраненностью Страж отметил, что архидемон промахнулся. Промахнулся всего на какие-то жалкие полпальца, но все же...

Все же положение Кусланда все равно было отчаянным. Почва ушла у него из-под ног, и, вместе с отколовшимся куском камня, он рухнул вниз, в пропасть. Лишь в самый последний миг успев ухватиться за что-то, оказавшееся шипом на шее дракона.

Уртемиэль взвился под самый потолок пещеры. Кусланд вцепился в шипы на его шкуре мертвой хваткой, уже понимая, что ему едва удастся уцелеть, но не собираясь умирать бесцельно. Перед глазами Айана пронеслись перекошенные страхом лица его товарищей, несколько тысяч морд тварей, огромный подвесной мост, свисавшие с полотка пещеры огромные каменные наросты, а затем...

Затем удар страшной силы, с которым не сравнился тот, предыдущий, расколовший скалу, потряс все мощное тело огромного дракона. Уртемиэль грянулся о потолок, снова и снова, сбивая шипы со своей спины и причиняя себе боль. Айан, пригнув голову, мотался между двух наиболее прочных шипов у самого основания шеи чудовища, не успевая поминать Создателя, и думая только о том, как бы...

Резким рывком он перекинул свое тело ближе к голове дракона. Уртемиэль летал под потолком, дергаясь и извиваясь, задевая скалы и пытаясь сбросить нежданного седока. Твари в пропасти вторили своему предводителю яростным воем, оглашая пещеру многократным раскатистым эхо. Понимая, что каждый очередной рывок может сделаться для него последним, улучив момент, Кусланд решительно рванул из ножен меч и с маху всадил его в шкуру дракона.

Раздавшийся вслед за тем рев на несколько мгновений оглушил его. Архидемон дернулся всем телом, и Айана сбросило на самую его голову. Едва успев ухватиться за головной гребень, Командор выдернул меч и снова всадил его — в один из горящих яростным зеленым светом глаз чудовища.

Взревевший так, что с полотка посыпались отколовшиеся каменные глыбы архидемон

вильнул в сторону и Айан, выпустив из ладони скользкую кость, внезапно почувствовал, что живая твердь под ним исчезла. В следующий миг он со страшной скоростью летел в пропасть — к мириадам порождений тьмы, что долго ждали и, наконец, дождались его в свои мерзостные ряды.

Глава 43

Глава 43

В последний миг он почувствовал резкий рывок за оба плеча и его падение сильно замедлилось. В несколько следующих мгновений Айан, у которого перехватило дух, стал понимать, что смерть уже не приключится. Большая черная птица, вцепившись в доспех на его плечах, надрываясь, с хриплым клекотом тащила его к скале, той самой, с которой вниз на них взирали встревоженные лица товарищей.

Из последних сил вбросив его на скалу, птица упала рядом. На ее клюве пузырилась розовая пена. С трудом приподняв голову, Айан успел увидеть перевоплощение спасшей его твари обратно в Морриган, которая без сил лежала на камнях, по-видимому, сильно надорвавшись. Ее тело было покрыто обрывками одежды. Перевоплощение произошло так быстро, что ведьма не имела времени раздеться.

Подскочивший Зевран укрыл ее первым, что попало под руку — рогожей, которую путники расстилали, садясь поесть. Вместе с Кусландом они попытались помочь Морриган приподняться, однако, только что сильно надорвавшаяся молодая женщина была еще слишком слаба.

— Спасибо тебе, — усаживая ее обратно на камни, поблагодарил Айан. Он оглянулся через плечо, но архидемона в пещере уже не было. — Не знаю, как это удалось...

— Тебе... мать мою... благодарить следует, — ведьма морщилась, точно каждое слово причиняло ей боль. — Она... Стражей... хранить велела. Даже жизнью ценой...

Ее взгляд переместился выше. Айан обернулся. Стен, Огрэн и Броска шагнули вперед, одновременно тиская рукояти мечей и топоров. Зевран поднялся, кладя руки на свои мечи.

— Вот тебе раз, — подошедший почти вплотную рослый гном стащил с головы шлем, обнажая лысую голову и очень длинную бороду, заплетенную во множество разноразмерных косиц. Его лоб почти скрывался под широкой татуировкой, а на доспехе был выгравирован непонятный символ. Такие же символы были на доспехах каждого из его сопровождающих, которых оказалось всего двое.

— Я думал, даже Стражи так глубоко на Тропы не заходят, — тем временем продолжал лысый гном, переводя заинтересованный взгляд с почти обнаженной Морриган на поводящую головой Шейлу. — А ежели заходят, то воюют с порождениями тьмы, а не с Легионом Мертвых.

— Легион Мертвых! — Огрэн оставил в покое секиру и подбоченился. — Чтоб у меня чирей на заду вскочил! Все ж таки довелось вас встретить!

— Мы тоже рады приветствовать у врат Боннамара отряд Серых Стражей, — лысый гном кивнул, делая приглашающий жест в сторону моста. — Здесь оставаться неудобно. Приглашаю вас сделаться нашими гостями. Вам, смотрю, не мешает отдых. Идем живей, пока... чем предки не шутят... соседи вновь на приступ не пошли.

— Как вы узнали, что мы — Стражи? — спросил Командор, пока они в сопровождении

гномов шли к мосту. Взоры всех были прикованы к пропасти, однако, архидемон больше не появлялся. Порождения тьмы, без своего поводыря вновь утратив разумность поведения, продолжали заниматься теми же бессмысленными метаниями, что и ранее, не оставаясь, но и не уходя далеко от места.

— Ну, а кто ж из наземников будет бродить по Тропам, если не Стражи? — лысый гном пожал плечами. — Меня удивляет только, что у вас такой маленький отряд. Или вас порождения тьмы так потрепали?

Кусланд отрицательно покачал головой.

— Вот и я думаю — не могли, — легионер мотнул головой в сторону пропасти. — Они ж все тут. Уже почитай, две недели, ежели по наземному времени судить. Сидят, не рыпаются. То бишь, дважды пытались перейти мост, но мы отбили обе атаки. Почти всех ребят своих тут положил. Но тварей мы остановили. Не знаю, с чего, но уже дня четыре не суются. Может, всамделе, передумали идти.

Он кашлянул.

— Мы на всякий случай заложили порошка под мостовые крепления, — лысый гном неопределенно повел головой. — От Легиона мало что осталось, а их тут все больше. Еще один приступ не выстоим. Так что, если сунутся, мост придется того... подорвать. Жаль, конечно, но другой переправы из Боннамара нет. Ежели захотят идти в эту часть Троп, придется им карабкаться по скалам, а тут мы их как орехи перещелкаем. Ну, это если их дракон им не поможет. Как его бишь...

— Уртемиэль, — невольно подсказал Кусланд, оглядывая мост, до которого было уже близко. — Вы... хотите обрушить мост? Вы сможете это сделать?

— Откуда у вас гаатлок? — мрачно пророкотал Стен, в упор глядя на предводителя легионеров. Тот, впрочем, не особо смутился или хоть как-то еще подал вид, что его беспокоит хмурый тон серокожего гиганта.

— Ты что имеешь в виду? — все же спросил он. Коссит поморщился, как от боли.

— Взрывчатый порошок, — угрюмо пояснил куннари. — Где вы его взяли? Он есть только у моих сородичей.

Лысый легионер хмыкнул.

— Вот уж не знал. Всю жизнь живу, а был уверен, что в подрывном порошке давно секрета нет. Конечно, для гномов. Чего проще, перемешать уголь, серу и селитру — вот тебе и порошок. Сам пользовался, пока ходил в шахтерах. Надо только пропорцию соблюсти, а то слабовато всегда выходит, взрывы-то. Легионеры его, понятное дело, доработать не пытались, а из орзаммарских умельцев... не ведаю, может, и взялся кто. Опасное это дело. А гаатлоком никто его не называет. Больше порохом.

Они подошли к мосту и лысый умолк. У основания моста в правильном боевом порядке стояло около двух десятков гномьих воинов — одетых в одинаковый доспех, с эмблемой Легиона на груди. При приближении отряда Стража в сопровождении лысого и его гномов, от выстроенных легионеров отделился один. Этот также был одет в тяжелый доспех, но, в отличие от других, более ношенный, да еще, как казалось, состоявший из разных частей. Эмблемы Легиона на его груди не было.

— Ну, как там эта летающая ящерица, Дюран? — лысый предводитель мотнул бородой в сторону пропасти. — Вы хоть заметили, куда она делась?

Тот, кого называли Дюраном, снял шлем, являя взорам пришельцев неожиданно спокойное благородное лицо с большим орлиным носом и проницательными глазами.

— Не заметили. Тварь как будто растворилась в воздухе, на лету. Так же внезапно, как и появилась.

Голос легионера оказался под стать его лицу — уверенным и спокойным. И пока он говорил, у Айана возникло ощущение чего-то смутно знакомого, точно этот образ уже приходилось лицезреть ранее. Пусть даже не такой, а подобный. Но где и когда — он вспомнить не мог. Впрочем, следующие слова Огрена ответ ему подсказали.

— Лорд Эдукан, — рыжий проводник с удивлением воззрился на благородного гнома, лишь в последний миг удержав себя от того, чтобы отвесить поклон. — Чтоб меня вонючка искусала! В Орзаммаре все считают, что ты погиб!

Дюран Эдукан, средний, что с трудом, но все же сумел припомнить Айан, сын недавно почившего гномьего короля Эндрин Эдукана, и родной брат принца Белена, усмехнулся, беря свой шлем подмышку.

— После моего изгнания на Глубинные тропы почти так и случилось. Я был ранен, и умирал от жажды, когда меня подобрала легионеры. Благодаря Кардолу, — он кивнул лысому предводителю, — остался жив.

— И теперь мы не знаем, что с ним делать, — лысый Кардол хмыкнул. — Вояка он отменный, и знатный стратег, немало жизней сберег моим мертвякам. Вот только обрядов над ним не справляли. Так вытурили на Тропы. А значит, хотя его имя отовсюду и стерто, как Совет постановил, а числится по-прежнему среди живых. Как его примешь в Легион?

Кусланд обернулся на Морриган, которая с трудом удерживалась на спине бронто, усаженная на тюки, потом перевел взгляд на бледного Леске. Кардол понял его без слов.

— Думаю, в ближайшее время они не попрут, — сталкивая сапогом в пропасть мелкий сор, проговорил он, имея в виду порождений тьмы. — А твоему отряду, Страж, нужен отдых. Дюран проводит вас до нашего лагеря. Это рядом. Гостеприимство Легиона Мертвых не абы что, но и выбирать вам не приходится, верно?

Сделав знак неожиданным гостям следовать за собой, лорд Дюран направился к видневшимся невдалеке остаткам каменных построек, по-видимому, ранее бывших пригородом Боннамара. Постройки эти выглядели достаточно обжитыми. Возле и внутри них разместились еще не менее полутора десятков гномьих воинов. Хотя по всему было видно, что совсем недавно здесь их было куда больше. Гномы занимались делами, привычными для воина в походе, которые они не бросали даже при виде проходивших мимо необычных гостей. Миновав нескольких натачивавших мечи и чистивших доспех легионеров, Эдукан прошел между двух костров, с висевшими над ними большими котлами с булькавшей кашей и, наконец, остановился перед длинным каменным домом, в отличие от многих других, остававшимся целым и неразрушенным.

— Сигрун! — крикнул он, глядя, как Страж ссаживает со спины зверя побледневшую наземницу. — Иди сюда! Нужна твоя помощь!

Почти сразу же вслед за этим из дома выскочила очень молодая гномская девушка, остроносая и синеглазая. На ней были кожаная куртка и латные поножи, точно она или облачалась в доспех, или наоборот, застигнутая врасплох окриком Эдукана, не успела разоблачиться. Завидев необычных гостей, гномка замерла в удивлении. Синие прищуренные глаза на миг широко раскрылись.

— Ух ты, — выдохнула она, поочередно и быстро оглядывая каждого. На Айане ее взгляд задержался дольше остальных. Впрочем, при других обстоятельствах он бы сам не прочь был перемигнуться с хорошенькой девушкой, пусть даже и не достававшей макушкой

ему до груди. Однако теперь почти все его внимание было сосредоточено на Морриган, которая, оттолкнув его руку, стояла, опираясь на свой посох и придерживая рогожу. Но по всему было видно, что ей бы не мешало прилечь.

— Сигрун — единственная женщина, которая у нас осталась после того, как мы отбили две атаки тварей, — Дюран махнул рукой. — Она проводит вашу подругу и присмотрит, если что понадобится.

— Задание поняла, — девушка-гномка отвесила шутливый поклон, и шагнула к Морриган. — Ну, идем, сестричка? У нас, конечно, не королевская опочивальня, но...

— Веди уж, — Морриган поморщилась, поправляя рогожу. Сигрун дернула щекой и, бросив лукавый взгляд на Дюрана, потом — на длинноногого рыжего гостя, простерла перед ведьмой руку, указывая нужное направление.

Дождавшись, пока женщины, а за ними и Зевран и Фарен, помогавшие Леске, скроются в доме, Кусланд оставил Шейлу сторожить привычно разгружавших бронто остатки своей команды и вслед за Дюраном направился к одному из костров. Он угадал правильно, что опальный гномий лорд хотел побеседовать с ним без лишних ушей и не мог не уважить эту невысказанную просьбу.

— Милорд Страж, — присев у огня, Эдукан вооружился ложкой с длинной ручкой, такой, какие любили делать гномы, и занялся помешиванием булькавшей каши — как видно, только затем, чтобы держать кашеварившего легионера у второго котла. — Уместно ли будет в нашей беседе такое обращение?

Айан кивнул.

— Да, лорд Эдукан. Я — из семьи титулованных дворян.

Его собеседник поморщился.

— Лорда Эдукана здесь нет. Я был лишен всех титулов, а имя даже вычеркнули из родового древа семьи. Легионеры зовут меня просто Дюран.

— Тогда и ты говори просто — Страж, — вежливо согласился Кусланд, поневоле дивясь схожести судьбы опального гномьего принца с собственной судьбой.

— Хорошо, Страж, — Дюран Эдукан привстал, помешивая кашу и не давая ей пригореть. — Позволь, я сразу перейду к делу. Догадываюсь, отчего встретил тебя здесь, на Тропах, с малым отрядом, наполовину состоящим из обитателей Орзаммара. Очевидно, после моего изгнания, деширы по-прежнему не пришли еще к общему согласию, кто должен сделаться новым королем? И один из претендентов отправил тебя искать что-то, что бы помогло ему одержать верх?

— Принц Белен отправил меня на поиски Совершенной Бранки, что пропала где-то в этих местах около двух лет назад, — не нашел причины скрыть это Командор.

Некоторое время Дюран молчал, помешивая в котле. Айан не торопил разговора, поневоле вспоминая недавний бой с архидемоном и запоздало внутренне ужасаясь тому, что произошло столь явно и мимолетно.

— Белен не дурак, — наконец, заговорил опальный принц, вынимая ложку и постукивая ею о край котла. — Он не мог не догадываться, что Бранка давно мертва. Значит, тебя отправили за ее телом?

Он вновь помолчал.

— Плохое дело, Страж. Легион в этих местах уже больше месяца. Перебили множество тварей. Но нигде никаких следов того, что здесь была Бранка. Хотя нет, постой. Тейг Ортан. Это к северо-востоку отсюда...

Айан вновь кивнул.

— Мы были там.

— Тогда вы должны были прочесть ее послание. Она направлялась в Боннамар. Если сейчас в Боннамаре потише — архидемон собирает тварей со всех Троп, и оттуда тоже, то два года назад там было не пройти силами всего Легиона. Боюсь, вы не разыщите даже костей. Это если удастся остаться в живых. Не уверен, потому что на ту сторону мы не ходили, но порождений тьмы там по-прежнему должно оставаться много. Даже слишком много для отряда численностью, как ваш. Пусть даже с вами магиня и... милосердные предки, откуда у тебя голем?

— Нашел в тейге. На карте моего проводника он помечен, как тейг Кадаш, — несмотря на то, что Кусланд догадывался о подобном, слова гномьего принца, все же, подпортили его и без того не веселое настроение. — Я догадываюсь, что там будет непросто. Но мне нужна армия гномов. А ее может выделить только король. Король Орзаммара.

— Это-то понятно, — с досадой согласился Эдукан, вновь погружая ложку в котел. — Просто то, о чем тебя попросил мой брат, почти невыполнимо. Я даже не знаю, как этому делу подсобить. Только ваших сил попросту не хватит.

Командор оглянулся на занимавшихся своими делами, и время от времени поглядывавших в их сторону легионеров.

— Не надейся, Страж, — понял его опальный принц. — Легион не станет тебе помогать.

— Даже зная о Море?

— Даже зная о Море, — гном пожал плечами. — Это для вас, наземников, Мор начинается, когда порождения тьмы выбираются наружу. А здесь, у нас, каждый день — это Мор. С драконом или без, Легиону все равно. Сейчас Кардол видит свою задачу в том, чтобы не допустить переправы тварей через мост. Подъем со дна пропасти есть только на ту сторону, поэтому единственный прямой путь в Орзаммар лежит через Боннамар. Кардол никуда не пойдет, пока здесь — эти порождения тьмы.

— А почему ты думаешь иначе?

Эдукан усмехнулся.

— Потому что в отличие от моих сородичей из Легиона, что уже умерли, я пока еще жив. И мыслю как живой. Оттого вижу и ставлю перед собой задачи куда обширнее одной-единственной, пусть и важной цели. Страж, хотя и осужденный на смерть, после своего приговора я пробыл в живых достаточно долго, чтобы увидеть больше, чем увидел бы за целую жизнь в стенах Орзаммара. Ты же видел это сам, — он обвел жестом пещеры вокруг. — Десятки и сотни поселений. наших поселений, гномьих! Это все наши земли, а мы вынуждены ютиться и вырождаться в Орзаммаре, где боимся и нос высунуть наружу, за его стены. А ведь все то, что было, можно вернуть. Пусть не сразу. Но постепенно... возможно. Я видел, как сражаются легионеры. Будь у меня два-три таких Легиона... С нашей помощью вы остановите Мор. Но после мы, гномы, тоже можем обратиться за помощью. Если помочь Стражам теперь, неужели Стражи откажутся помочь после, да еще в деле, для которого и существует ваш Орден — в истреблении порождений тьмы?

Кусланд потер лоб, глядя, как вдалеке Кардол перестраивает своих гномов на мосту.

— Я в Стражах очень недолго, — проговорил он. — Но если мы сумеем победить Мор, сделаю все, что будет от меня зависеть для того, чтобы разделаться с тварями.

— Буду помнить об этих словах, — Эдукан одернул рукав выступавшей из-под доспеха

рубахи. — И ты тоже о них не забывай. Но мне нужно от тебя еще кое-что.

Гномий принц пожевал губами.

— Я задумал очень много, Страж. Мы во многом могли бы помочь друг другу. Но для этого я должен возвратиться в Орзаммар. И вернуть себе... хотя бы отчасти мое имя и потерянные привилегии моего положения.

Кусланд его понял.

— В этом тебе потребуется моя помощь, — утвердительно пробормотал он.

— Все верно, — Дюран улыбнулся сквозь усы, и в его облике на несколько мгновений опять проступило что-то от Белена. — Когда вы отправитесь, я пойду с вами. Я — хороший воин, Страж, и помогу вам, чем смогу, на вашем пути.

— А взамен ты хочешь часть заслуг от нахождения останков Совершенной?

— И доставки их в Орзаммар, — с нажимом закончил опальный принц.

Он запнулся.

— Отчего ты улыбаешься, Страж?

Командор хмыкнул.

— Прости мои речи, если они тебя обидят, но вы с твоим братом Беленом очень похожи.

Эдукан махнул рукой.

— Нельзя нам не быть похожими. В отличие от Триана, мы с ним не только от одного отца, но и от одной матери.

Кусланд вытянул поджатую ногу.

— Позволь спросить у тебя еще кое-что, лорд Эду... Дюран.

— О том, что на самом деле произошло тогда в моей семье? — догадался тот. — Могу поспорить, слухи по Орзаммару ходят самые разные. Впрочем, я так часто рассказывал об этом товарищам из Легиона, что сам заучил эту историю почти наизусть.

Кусланд кивнул. Эдукан совсем вынул ложку из котла и положил ее рядом на камни.

— Как тебе, должно быть, известно, Страж, меня изгнали из Орзаммара за убийство моего старшего брата, Триана, при попустительстве батюшки, короля Эндринна и Совета деширов. Что ж, в этом все обвинения абсолютно справедливы. Я действительно убил брата собственной рукой.

Айан удивился. Из того, что он слышал в Орзаммаре, наиболее популярным был слух об оговоре принца Дюрана его братом Беленом и подкупе многих деширов на Совете, выносивших смертный приговор.

— В свое оправдание могу сказать, что у меня не было выбора, — Дюран отодвинулся от почти прогоревшего в уголь костра и взялся заново перевязывать свои пепельные — как у Белена — волосы. Я возвращался из... с Глубинных троп в сопровождении нескольких разведчиков, когда столкнулись с Трианом. Он поджидал нас в засаде. Разгорелся бой, во время которого мне пришлось убить брата. Я пытался разрешить дело миром, но он не слушал меня. Он был будто одержим злобой.

Дюран потер короткую бороду и разгладил усы.

— Когда все было кончено, мы отнесли тело брата в Орзаммар. Но там меня ждала неожиданность, — Эдукан невесело усмехнулся. Было видно, что и по прошествии долгого времени произошедшее гложет его. — Оба моих уцелевших разведчика в один голос обвинили в нападении на брата меня. Будто бы по моему приказу они были вынуждены атаковать Триана! И никто не обратил внимания на то, что делал сам Триан в той части

Троп, где должен был проходить я с моими гномами. Без сомнений, мерзавцы были подкуплены.

Померив ладонью жар, идущий от углей, он вновь взял в руки ложку.

— Меня взяли под стражу. Отец даже не стал разговаривать со мной. Как видно, он сразу поверил чьим-то наветам. Я готов был оправдаться перед судом деширов, перед которым, как был уверен, мне вскоре предстояло предстать. Слово двух простых воинов против слова благородного — у меня были надежды на благоприятный исход дела. Однако и тут все вышло не так, как должно.

Кусланд бросил еще один взгляд на мост. Дракон по-прежнему не появлялся, но тревога не проходила. Очевидно, Кардол думал так же, не желая снимать усиленную охрану.

— Суда не было, — продолжил, тем временем, Эдукан, ладонью стирая усмешку со своего лица. — Точнее был, но быстрый и без меня. Сперва мне подумалось, что это происки сторонников Триана. Ведь Белен предупреждал меня о его недобрых помыслах.

— Твой старший брат злоумышлял против тебя? — еще более удивился Кусланд, отрывая, наконец, взгляд, от построенных гномов. — Но к чему? Ведь он и так должен был сделаться королем. Или вы не ладили?

— Мы не ладили, — Дюран дернул плечами, в который уже раз погружая ложку в почти поспевшее варево. — И Белен не ладил. Никто не ладил с Трианом, но не в том дело. Ты должно быть, не знаешь о наших обычаях, Страж. Король может назначить преемника. Но утвердить его должен Совет деширов. А, поскольку Триан, в силу недоброго характера, грубости и... да простят меня предки, недалекости действительно мало с кем мог поладить, у него было не так много шансов сделаться следующим королем.

— В отличие от тебя.

— Я прослыл хорошим воякой, — принц привстал, заглядывая в котел. — Меня любили в Среднем Орзаммаре, и многие из знати. Белен же был всегда популярен лишь среди простолюдинов и неприкасаемых. Поговаривали, что он якшается с охотницами за знатью и желает произвести какие-то неудобные предкам перемены. Да, следующим королем могли назначить только меня, и Триану было это сильно не по нраву.

Кусланд ощутил нечто, сходное с тем, что он чувствовал при разговоре с ученым гномом при входе в Орзаммар. Менее всего ему хотелось мешаться в гномью политику.

— Однако, возвращаясь к предмету нашей беседы, — вновь понял его Дюран. — Сторонникам Триана незачем было мстить мне после смерти предводителя. Ведь голова была уже отрублена. В то время как то, что происходило и продолжало происходить, выглядело так, будто оно было живо, живее некуда. Оба моих — моих! — разведчика в один голос дали лживые, порочащие меня показания. Судьи в один голос вынесли приговор, даже не дав мне, благородному принцу, возможности оправдаться. Что по нашим законам неслыханно. И, наконец, Триан очень вовремя оказался на моем пути, в полной убежденности в необходимости моей смерти. Зная Триана, он еще долго бы медлил, прежде, чем открыто напасть. Значит, что-то — или кто-то — побудило его так поступить. Кто-то мог быть очень убедителен. И тут я припомнил. Накануне начала моего похода Белен ведь меня предупреждал. О зломыслии Триана. Что могло помешать ему предупредить и Триана о моем?

— Судя по всему, Белен готовился ко всему этому не один год, — Кусланд устало убрал мокрые волосы со лба. — Тебе будет трудно с ним справиться, если захочешь вернуться в Орзаммар.

— Посмотрим, — Дюран поднял светлые глаза. — Сигрун возвращается. Что-то она быстро.

На этот раз гномка была без поножей. Быстрым шагом она направлялась прямо к сидевшим у котла мужчинам. Подойдя, она вновь отвесила шутливый поклон. Кусланд невольно улыбнулся в ответ.

— Ты почему ушла от нашей гостыи? — недовольный прерванной беседой, спросил Эдукан. Сигрун подняла брови и развела длинными, как у всех гномов, руками.

— «Вон пошла», — сказала мне она. Я и пошла.

— Ну, ты хоть устроила ее?

— В лучшем виде! Собрала три женских постели. Они почище, да и не понадобятся никому. Гостыя отдыхает, — молодая гномка бросила взгляд на Кусланда, который, в отличие от принца, с облегчением воспринял ее приход, и смотрел почти с благодарностью. — Еще приказы? Может быть, Стражу чего-то нужно? Не стесняйся. Тут считают, раз я самая младшая, да еще женщина — то могу быть на побегушках.

Последнее гномка, против ожиданий, произнесла не с обидой, а весело. Легкость нрава была в натуре молодой легионерки. Это Айан понял сразу, поневоле подпадая под влияние ее харизмы. В обстоятельствах мрачности и тревоги такие природные качества, да еще у хорошенькой девушки, не могли не радовать глаз.

— Нет, благодарю, — он вновь улыбнулся гномке, поймав ответную улыбку. — Если моя спутница устроена, то мне больше ничего не нужно.

— Иди и будь поблизости, — Дюран мотнул головой в сторону дома. — Может, ей еще что-то понадобится.

— И пошел бы сам сторожить эту человеческую красавицу, — лицо Сигрун поскучнело, впрочем, ненадолго. — А я пока на Стража люблюсь. Никогда не доводилось видеть никого с поверхности, а в особенности — Серого Стража, да еще такого длинноногого!

Айан не выдержал и засмеялся. Сигрун незаметно подмигнула ему, с показной серьезностью глядя на угрожающе приподнимавшегося Дюрана.

— Иди, я сказал! — вид опального принца сделался довольно грозным, и девушка, фыркнув, и не особо торопясь, все же отправилась исполнять его распоряжение. — Вот же, — бросив недовольный взгляд на сей раз на запыленные сапоги Кусланда, пробормотал он. — Отчего это всем этим женщинам так нравятся длинноногие наземники?

— Кто знает, — издали бросила через плечо, как видно, слышавшая его последние слова Сигрун. — Может, оттого, что у них длинные ноги?

— Смотри, Страж, Кардол возвращается, — Айан с некоторым усилием оторвал взгляд от самого отрадного зрелища во всей пещере — фигуры неунывающей гномки, и вновь поглядел на мост. Действительно, лысый гном, оставив у основания переправы через пропасть всего троих, в окружении прочих направлялся к лагерю. — Ну что ж, самое время. Еда поспела, пора и поужинать.

Глава 44

Глава 44

— ...не было бы счастья, да несчастье помогло, Страж, — спустя какое-то время позже делился слегка захмелевший Кардол, сидя рядом с Кусландом и время от времени пытаясь

приобнять того за плечо. В честь приема неожиданных гостей, гномы основательно потрясли собственные припасы, добавив к каше вяленое мясо, сыр и высушенную рыбу, к которой, однако, за исключением Огрена, никто из пришлых не притронулся, с подозрением относясь к способу ее приготовления. Ужин затянулся. Сидевшие тесно один подле другого прямо на земле легионеры оживленно переговаривались с наземными гостями. Появившиеся откуда-то три кувшина с гномьим элем еще более развязали языки.

— Так о чем я... а, да, Страж. Слушай, что говорю. Они там, деширы демоновы, то ли червей пережрали, то ли брагой оппились так, что не просохнуть, а только припасов нет уже три месяца. Три месяца — где это видано? И кому? Нам! Легиону Мертвых! Мы уж и мох глодали, и грибы собирали, и на нагов охотились, и тоннельника Сигрун чуть не сожрали — короче, чем только не занимались. А нам еще тварей бить. Вот как ты себе представляешь, а, Страж? Мы уж дважды отправляли ходоков за провиантом — ан нет жратвы, и как хочешь. Хочешь, камень ешь, хочешь ноги протяни. А потом твари... на приступ пошли. Раз, другой. После последнего раза мало не четыре сотни мертвяков моих пришлось отдать камню. И еды стало вдоволь. Еще надолго.

Кардол вновь приложился к кружке. На этот раз пил он воду.

— А если б не Дюран с его щитовой тактикой построений, так и вообще могли все тут лечь. И припасы порождениям тьмы бы достались. А все, мать их, долбаные лорды. Рекрутов в Легион не было столько же, сколько и задерживают поставки провианта. Дождутся, крысиная отрыжка, пока твари не подойдут к самому Орзаммару и не постучатся в ворота!

— Сколькими воинами обычно располагает Легион? — наученный опытом Орзаммара, Кусланд, несмотря на все уговоры и обиды хозяев, напрочь отказывался даже пригублять гномье пойло, в отличие даже от сидевшего по другую сторону от него Стена, которому, как видно, тоже время от времени требовалось ослабить постоянную настороженность. — Те, что здесь — это все ваши силы?

— Пора на пору не приходится, — Кардол пожал плечами, и взял из мисы ленту сушеного мяса. — Сам понимаешь, все время нужны новые легионеры, мы ж мрем, как мухи. Иной раз бывает до двух тысяч, а иной — едва нашкребется сотня. К Боннамару подходили силами четырех сотен, но, как видишь... Еще три отряда по два десятка на Тропах, далеко отсюда. Два зачищают короткую дорогу к Орзаммару, и еще один — разведывает прямой путь до Кэл Шарока. Ежели они еще, конечно, живы. Про то мы узнаем не раньше, как стронемся отсюда. А это еще не скоро. Не раньше, когда уберутся твари.

— Кэл Шарок? — Айан вежливо отстранил руку Кардола, все пытавшегося заставить гостя попробовать рыбку из подземных вод особого посола. — Это какой-то тейг?

Лысый предводитель Легиона хмыкнул, отправляя в рот отвергнутый гостем кусок.

— И чему вас только, наземников, учат? Кэл Шарок — это первая столица нашей империи. Он находится где-то под горами Охотничьего рога. Столицу оттуда убрали, когда наладили торговлю с Тевинтером. Вовсе уж незапамятные времена, а, Страж?

— А зачем Легиону бывшая столица? — понимая, что, должно быть, спрашивает нечто, должное быть сокрытым от чужаков, не смог сдержать любопытства Кусланд. К его удивлению, Кардол ответил спокойно, так, как не говорят о секретах.

— Так ведь это еще Эндрина приказ. Ты, видать, Страж, не знаешь, как оно все происходило. Тропы-то раньше были куда лучше заселены. Тейги, города... Мы успешно пережили Первый Мор, а уж прижало-то гномов во время Второго. Когда под Орзаммаром и

вовсе сделалось жарко, Тристон, король тогдашний, и приказал завалить все подходы к нему. Еще в ту пору у нас был порох, слышь, ты, серый? — дотянувшись через Командора, лысый гном ткнул в плечо Стена, который хмуро разглядывал лежавший у него на ладони кусок оранжевого сыра. — Это было страшным решением. Хормак, Кэл Шарок, Гундаар — тогда связь с этими городами была потеряна, но пали ли они, наверняка никто не знал. Зато подорвать подходы к ним означало точно обречь их на смерть — ведь, в отличие от Орзаммара, никто из тех несчастных городов не имеет выходов на поверхность. Что не сделали твари, доделал бы голод. Орзаммар остался стоять только на предательстве своих собственных братьев-гномов. Оно не принято об этом говорить, ну да вы, Стражи, не из болтливых, а ты так и вовсе смертник, что решил идти в Боннамар. Тебе, мыслю, что можно сказать.

Он помолчал.

— Однако предки здорово подшутили над нами. Совсем недавно и вовсе случайно получилось выяснить, что из всех брошенных предками городов, Кэл Шарок выстоял. Хотя чего ему это стоило, страшно думать даже мне, Страж, а я свое еще в штольнях отбоился. И все это время он жил, без выхода на поверхность, без сообщения со всем внешним миром, в постоянном окружении тварями. Эндрин пытался наладить отношения с тамошними лордами. Да только они вовсе не рады нас там видеть.

— И это еще мягко сказано, — подал голос сидевший через дерюгу с расставленными на ней закусками один из легионеров, длинная нечесанная борода которого была полуседой, ровно как и шевелюра на всклокоченной голове. — Иной раз можно подумать — гарлокам они рады больше, чем нам.

— А только нельзя этого так просто оставлять, — Дюран, что давно уже перестал есть, и оставался просто для компании, покачал головой, привычным жестом поглаживая короткую светлую бороду. — И мы не оставим. Разберемся с этим Мором, и... надеюсь, у нового короля, кто бы он ни был, хватит сообразительности бросить силы на восстановление связи с Кэл Шароком.

— Было б неплохо, — еще один легионер, молодой, темноволосый гном, все время напряженно прислушивавшийся к беседе, решил, наконец, вставить и свое слово. — Предки не простят, если не воссоединимся с давно потерянными братьями.

— При том, что сами предки это же и устроили, — вполголоса, больше сам для себя, пробормотал Зевран, которого за Стеном было не слышно и не видно.

— Ну, это — дело не сейчасное, — наблюдая, как снявший с шеи амулет с символом Андрасте Страж, перебирает его изгибы, заметил Кардол. — А пока, други, может, восславим предков доброй гномьей песней? Покажем наземникам, что гномы — не только рудокопы да кузнецы, и что не у одних только людей да эльфов есть песнетворцы!

— О, да, песнетворцы гномов — большая редкость, — опять проговорил, и опять — вполголоса, Зевран. — Это стоит послушать.

Однако, дальнейшее не оставило следа от его глумливого настроения. Посерьезневшие легионеры, как один, отставили пищу и кружки, сделавшись напряженнее и суровее. По построжевшим бородатым лицами было видно, что готовившееся прозвучать перед гостями имело для гномов куда большее значение, чем обычные застольные песни и баллады. Дюран начал первым. Голоса его соратников, сперва нестройные, с каждым новым словом делались крепче и сильнее, точно песня была не песней, а частью ритуала, что сближал их, объединял, заставляя чувствовать частью единого целого своего народа.

Где с небесами роднится земля Грозами хмур небосвод, В теле горы край с людьми не
деля Гномий живет там народ.

Воздух горяч в наших залах чудных, Лава и камень кругом, Не светит светил ни дневных
ни ночных В темный суровый наш дом.

Вздригнет гора, и нарушится свод Но не пугается гном, Твердо, умело он грот подопрет
В справном уменьи своем.

В жарких плавильнях работа кипит, Реки металла текут, Сплавы бурлят и порода
шуршит, Тяжек почетный наш труд.

Стук молотков, и мехов громкий сип, Кузен чудных мастерство Люди с наземья — и те
признают, Гномье — прочнее всего!

Нас порождения тьмы не страшат, Что для наземников — Мор, Гному привычно — ни
шагу назад Тварям дается отпор.

Тихую жизнь и беспечность детей, Мирный наземников сон, Эльфов, косситов, и
нравных людей Мертвых хранит Легион.

Тварей удержим на Тропах своих, Наземь не выйдет никто. Храброе войско из гномов
одних Насмерть дерется с врагом.

Крепок, суров наш Орзаммар, Гномов последний оплот, Но уж готовим ответный удар
Тварям конец настает!

Кончится время раздоров и смут, Гномы дождутся гостей, Скоро наземники помощь
пришлют Чудищ разбить поскорей.

Эльфийские стрелы, людские мечи Будут подспорием нам, Выжжем огнем порождения
тьмы Нужно стеречься врагам!

Отзвучавшая последняя строка гномьей песни застала хозяев Подземья, и их гостей
сидевшими один подле другого в молчаливой задумчивости. Слова, пусть грубые и
нескладные, были пропеты с чувством, которое трудно было бы предположить в суровых
детях Камня, в особенности — бывших преступниках, обреченных на смерть. Окончание
песни произвело наиболее сильное впечатление на Кусланда. Прозвучавшая для его
разумения надежда народа гномов не смогла оставить его безучастным.

— Я сделаю все, что смогу, чтобы побудить Стражей оказать помощь Орзаммару в
походах на Тропы против порождений тьмы, — тверже прежнего пообещал он. — У вас есть
мое слово.

— Благодарю, Страж, — за всех ответил Кардол, вновь беря в одну руку — кружку, а в
другую — ломоть сыра. — Для нас...

Заслушавшись легионера, Айан пропустил резкое движение воздуха у своей руки.
Мигом впусая резкий рывок и боль в пальцах заставили его с изумлением отметить, что
амулета Андрасте, подарка матери, который даже Джарвия не стала снимать со своего
пленника, в руках у него больше нет. Вскочивший Командор успел заметить отбежавшего на
несколько шагов голенастого хищного пещерного обитателя с хоботом вместо головы, что
заканчивался кругом острейших зубов. И теперь из этих зубов свисал принадлежавший
Кусланду амулет.

— Это тоннельник Сигрун, — ухмыльнулся Кардол, жестом успокаивая
расхохотавшихся над зрелищем гномов. — Тоннельники, видишь, отчего-то баб жалуют.
Мужу приручать такую тварь бесполезно, только зазря пальцы терять. А женщин, даже девок
больше, они любят. Этот еще и таскает ей всякое барахло. Сигрун-то за воровство к нам
угодила. Небось, нравная тварь попалась, аккурат по натуре хозяйки, — он протянул в

сторону напряженно замершего зверя кусок мяса. — Эй, как там тебя... иди сюда. На. На!

Тоннельник вытянул длинный хобот. Потом, словно передумав в последний миг, отпрыгнул назад. Кардол в сердцах швырнул мясо обратно в мису под новый взрыв хохота легионеров.

— Сигрун! — гаркнул он. Тоннельник шарахнулся, отбегая еще и бездумно пережевывая металл цепочки. Однако, та, которую звали, не появилась.

— Она, наверное, у наземницы, — предположил лысый гном, поворачиваясь к тоннельнику спиной. — Не обессудь, Страж. Лови его сам. У тебя — самые длинные ноги в этой пещере. Справишься.

— Тебе помочь? — поинтерсовался Зевран, покусывая губу, чтобы не улыбаться, и глядя, как огромный Командор подкрадывается к напряженно следящему за ним довольно мелкому тоннельнику.

— Сиди, — решил Кусланд, кидаясь вперед. Однако вспугнутый тоннельник вывернулся из протянутых рук наземника и довольно резво бросился куда-то за развалины. Выругавшись сквозь зубы, Айан побежал за ним.

Глава 45

Глава 45

Несмотря на то, что на нем не было доспеха, угнаться за юркой тварью оказалось непросто. Дважды Айан почти поймал тоннельника, грянувшись в прыжке о камень, но тот всякий раз уходил в сторону, либо высоко подпрыгивал, словно издеваясь. Дарить ему амулет матери Кусланд не хотел, но и ловить быстрого зверя с курицу размером в полутьме среди скал и развалин было тяжело и неудобно. Спустя какое-то время, отбежав от лагеря легионеров на довольно приличное расстояние, Айан готов был уже сдаться и, прекратив преследование, идти назад и требовать возвращения своего имущества у Сигрун, в надежде, что хозяйка сумеет призвать к порядку своего зверя. Останавливало лишь то, что к тому времени амулет мог быть безвозвратно потерян среди скал, и в таком случае найти его удастся разве что хорошо натасканному мабари.

Создатель, однако, снизошел к его отчаянному положению. Возопревший, со сбитым дыханием и злой, вслед за тварью Айан протиснулся в узкий проход в теле горы, который неожиданно привел его в средних размеров каменный мешок, из которого был только один выход. На мгновение Кусланд мысленно возликовал, окрыленный близким счастливым исходом своей нелепой погони. Однако мигом спустя раздавшийся совсем рядом от него девичий взвизг заставил его крупно вздрогнуть от неожиданности и испуга.

Место, куда привел его тоннельник, наверняка, образовалось из какого-то сдвига горы, потому что пол прорезывали широкие и глубокие трещины, а сами стены казались созданными от сколов огромной киркой. В дальнем конце каменного мешка едва слышно журчала вода, образуя, как успел заметить Кусланд, словно бы малую чашу в полу, где она собиралась перед тем, как срываться в одну из расщелин. От воды шел пар. По щиколотку в ней стояла низенькая девушка. В одной из своих длинных рук девушка держала ковш, во второй — мокрую тряпку, которой, по-видимому, обтиралась до внезапного появления незванного гостя.

Не обращая внимания на испуганную молодую гномку, и ошарашенного человека,

злосчастный тоннельник бросился к сложенной у воды одежде и попытался зарыться в нее по самый куцый хвост. Выпущенный из пасти амулет отлетел далеко в сторону и исчез в одной из расщелин в полу. Миг спустя оттуда раздался легкий стук металла о камень.

— Отвернись, сейчас же! — еще раз, уже понятными словами выкрикнула гномка голосом Сигрун, полуотворачиваясь сама и прикрывая одной рукой грудь, другую — прижимая к бедрам. Айан поспешно развернулся, раздираемый сразу двумя желаниями — рвануться к расщелине, в которую упала дорогая ему вещь, и, напротив, броситься вон из пещеры, смущенный видом обнаженного девичьего тела так близко от себя и замороженный им одновременно.

Впрочем, Сигрун пришла в себя куда быстрее наземного гостя. Спустя несколько мгновений, она уже выходила из-за спины Айана, одетая в чистую, но грубую мужскую рубаху, явно с чужого плеча, скрывавшую ее тело почти до колен.

— Вот скажи, ты зачем сюда прибежал? — кутаясь в накинутый на плечи кусок полотна, по-видимому, служивший ей полотенцем, с непритворным возмущением спросила девушка, румянец на щеках которой можно было рассмотреть даже в полутьме. — Разве я не могу хоть ненадолго избавиться от всех вас, и справиться свои дела? Если я живу в компании мужчин, то это не значит, что от меня должно пахнуть так же!

Айан открыл рот, закрыл, закусил губу и ткнул пальцем в разворошенную ношенную одежду молодой гномки, что все еще шевелилась из-за возившегося в ней тоннельника.

— Твой зверь унес мою вещь, — стараясь не обращать внимания на облепившую тело девушки мокрую ткань, Кусланд смотрел на торчавший из-под плаща куцый хвост вороватой твари. — Пришлось его ловить. Не знал, что он приведет меня к... тебе. Я... не хотел мешать.

— Ааа, так это Нюхач виноват, — разом подобрев и даже смутившись, Сигрун вдруг тихо свистнула, и тоннельник, перестав прятаться, подбежал к ней, высоко взбрасывая голенастые ноги. — Ну-ка, где то, что ты утащил? Фу, как неловко получилось. Разве можно воровать... у Серых Стражей?

С трудом удержавшись, чтобы не пнуть зверя ногой, Кусланд кивнул в сторону расщелины.

— Мой амулет улетел туда. Есть у тебя, чем присветить?

Спустя короткое время он уже лежал животом на краю расщелины, подсвечивая прихваченным девушкой из лагеря факелом и вглядываясь в полумрак. Сигрун присела рядом и вгляделась тоже.

— Вот он!

Отдав факел в руки гномки, Айан как мог глубже сполз в каменную щель, пытаясь подцепить пальцами цепочку своего амулета, который упал на крохотный выступ и при одном неверном движении мог соскользнуть туда, откуда его было бы уже точно не достать. После нескольких бесплодных попыток, Кусланд отступился и, отползя от края, сел, отряхивая поддоспешный нательник. Сигрун присела рядом, с сочувствием поглядывая в его огорченное лицо.

— Слушай, Страж, ты не расстраивайся. Давай я попробую достать. Руки у меня длинные. Можно даже и пониже сползти, если ты... ну... поддержишь меня. А то ведь, если упасть туда, да еще вниз головой — косточек будет не собрать. Что думаешь? Сделаем?

— Меча у тебя нет, поддеть? — Кусланд с сомнением оглядел руки гномки, хотя действительно, длиннее человеческих, но все же вряд ли длиннее его собственных. — Как

же мне тебя поддержать?

— Меча нет, есть топор, — Сигрун мотнула головой назад, на ворох своих вещей. — Но им не поддеть. Может быть, мне, в самом деле, сбегать в лагерь за мечом? Я мигом!

— А если к тому времени упадет? — Айан еще раз оглядел фигуру гномки. Та поймала его взгляд и усмехнулась.

— Ты, Страж, не бойся. Руки у меня половчее твоих. Вот, гляди, — она протянула ему раскрытую ладонь. На этой ладони, широковатой, как у всех гномок, но с тонкими, гибкими пальцами, лежали три красивых разноцветных камня — два из них Айан нашел на Тропах и один вынес из лаборатории бывшего хозяина Шейлы. Кусланд схватился за собственный карман и едва сдержал бранное слово — он был пуст. Сигрун опустила глаза, одновременно пожимая плечами.

— Так что, Страж? Будем вытаскивать твою вещицу? Если нет, то вставай да иди отсюда, у меня тут еще дела, которые тебе видеть не обязательно. Если, конечно, ты не любишь смотреть на стирку грязного белья.

— Давай, — решил Кусланд, забирая и вновь пряча свои сокровища. Сигрун огорченно цыкнула щекой, но все же легла чистой рубахой на живот на край расщелины.

— Крепко держи меня, Страж, — она улыбнулась напоследок и скользнула в яму так легко, как, казалось, нельзя было бы ожидать от гномки. Айан едва успел схватить девичьи ноги под коленями. Впрочем, все длилось только несколько мгновений. Немыслимым образом извернувшись, Сигрун выпрямилась, перекатываясь от каменной трещины. В ее пальцах тусклым металлом блеснул амулет Айана.

— Ну и сильнющие у тебя руки, — она растерла кожу в тех местах, где ее сжимали пальцы Кусланда. — И совсем не обязательно было тискать до синяков.

Приподнявшись на коленях, Айан взял цепочку с символом Андрасте из рук молодой гномки. Сигрун ободряюще улыбнулась, отпихивая ногой хобот сунувшегося было опять тоннельника.

— Спасибо. Ловко у тебя получилось, — Кусланд повесил амулет обратно на шею и уперся руками в колени. Подниматься ему отчего-то не хотелось. Сигрун, впрочем, тоже не торопилась отойти, сидя рядом, и ниже натягивая рубаху.

— Это что, — она улыбнулась и потерла лоб. — Ты не видел крыши лотка над прилавком, на котором пекарь раскладывал свою выпечку. Нужно было вскочить, свеситься, схватить булку, прыгнуть вниз и убежать до того, как бы он кликнул стражу. Вот это — было сложно. А если есть время примериться и поблизости ни одного стражника — достать такую крупную побрякушку — легче легкого.

— Это не побрякушка, — Кусланд тронул амулет и спрятал его под нательник. — Это символ веры людей. Меч милосердия, которым была избавлена от огненной пытки Невеста самого Создателя, Благая Андрасте.

Сигрун стерла ладонью улыбку с лица.

— А я-то все гадала, что это за штука, — она пожала плечом, с которого соскользнула рубашка. — Прости. Я не хотела обидеть твою веру. Мы, мохоеды из Пыльного, и о своей-то знаем не много. Куда уж помнить о том, что там у наземников.

Кусланд поднялся и протянул руку. Тонкие пальцы гномки стиснули его ладонь, и мигом позже Сигрун стояла рядом с ним, приходясь макушкой чуть выше его пояса.

— Однако же, высоко вырастаете вы, наземники, — девушка подбоченилась, открыто разглядывая Стража. — А скажи, вам удобно ходить, когда над головой нет камня? Ведь

можно улететь прямо в небо!

— Главное — на ногах покрепче держаться, — Айан не выдержал и вновь улыбнулся, пересиливая желание снова опуститься на колени. Отчего-то с этой девушкой хотелось разговаривать, находясь с ней вровень. — Тогда не улетишь.

Сигрун подхватила с каменного пола полотно, и опять набросила его на плечи.

— И раз ты все дела уже здесь сделал... — она помедлила. Без стеснения поймав направленный на нее взгляд, гномка вздернула тонкие брови.

— Что такое, Страж? Вот на что это ты так смотришь?

Несмотря на то, что на первый взгляд вопрос гномской девушки был несложен, прямо ответить на него Айан не мог. На что, и, главное, почему он смотрит, он бы не мог сказать и сам. Ему действительно нравилось просто смотреть на молодую легионерку. Нравилось так, как он не глядел на девушек никогда раньше. И дело было вовсе не в ее непривычно разоблаченном виде. Должно быть, дело было в том, что рядом с ней он испытывал тепло. Такое, что от него не хотелось уходить никогда, хотелось прижать к себе и унести с его собой — только для себя. Одного.

— Ты хорошо пахнешь, — нашелся Командор, пряча замешательство под усмешкой. Против ожиданий, девушка не стала тушеваться, а взглянула довольно лукаво, вновь отпихивая ногой все не желавшего уgomониться тоннельного хищника.

— Ну, тебе-то того же я сказать не могу, — она бросила на него синий взгляд и обнажила в улыбке мелкие ровные зубы. — Не обижайся, Страж, но если бы тут вились мухи, рядом с тобой они бы дохли!

С этим трудно было не согласиться. Кусланд вздохнул и развел руками, радуясь поводу задержаться наедине с красивой гномкой еще немного.

— Я четвертую седмицу брожу по Глубинным тропам туда, не зная даже толком, куда, — покаялся он, с радостью отмечая, что говорить с Сигрун легко, и его присутствие было ей явно не в тягость. — А спать ложиться приходилось на одно и то же одеяло между дурно пахнущим проводником и косситом, у народа которого мыться вообще явно не в обычае.

— Ты бы мог лечь между своей женщиной и этим вертлявым эльфом, — Сигрун прыснула в кулак, тоже, видимо, довольная тем, что не приходится успокаивать разъяренного ее словами рыцаря, который имел мужество принимать правду, как она есть. — Эти двое пахнут терпимее всех из твоего отряда. Не считая бронто. Он ведь не пахнет вообще. Если только не сунуться к нему в пасть или под хвост.

Айан, усмехаясь, покачал головой.

— Морриган — не моя женщина. Она — из лесных ведм, что умеют обращаться в зверей. А к эльфу во сне лучше не поворачиваться спиной.

— Что же, он — наемный убийца?

— И это тоже, — признал Командор после короткого молчания. Сигрун пожала плечами, оглянувшись на одежду.

— Я могла бы подождать со своими делами, пока ты помоешься, — предложила она спустя какое-то время, пока оба они придумывали, о чем еще можно было бы сказать. — Если, конечно, господину Стражу это нужно. Даже отойду подальше. И отгоню Ньюхача.

Айан бросил на легионерку еще один внимательный взгляд. И как во все прочие разы, Сигрун приняла вызов, глядя в ответ открыто и с долей лукавства. Их бессловесный поединок продолжался несколько мгновений, но, как казалось, сказал им больше, чем все,

что сказано было ранее.

Кусланд стащил нательник, потом — рубаху. Поймал удивленный взгляд девушки, пробежавшийся по свежим шрамам на его шкуре, от не опасных ран, а потому залеченных ведьмой кое-как и, помедлив, подошел к горячей луже.

— Может быть, поможешь?

Спустя какое-то время он стоял на коленях над желобком, старательно намываясь под струями из ковша, которыми поливала его гномская девушка. Многие брызги от воды попадали и на Сигрун, понуждая ее рубаху липнуть к телу, и от того мыться было интереснее вдвойне. Наконец, необходимое было справлено. Растеревшись тем же куском полотна, что служило полотенцем легионерке, Айан посвежел и действительно стал чувствовать себя легче, будто сбросив целую весовую меру грязи.

— Теперь бы в свежее, — с сожалением проговорил Страж, оглядываясь по сторонам, словно это самое свежее белье могло подждать его в каком-то углу. Сигрун дернула плечами, явно давая понять, что тут она ему помочь действительно не может.

— Чего нет, того нет. Так что придется тебе, Страж, возвращаться в лагерь или голым, или грязным. Точно-точно.

Кусланд покачал головой, поневоле пряча улыбку.

— Ты когда-нибудь говоришь серьезно?

— Всегда, — заверила Сигрун, складывая руки на груди и вздергивая острый носик. — Но так, чтобы никого не морило от скуки, когда меня слушают.

Айану чудовищным усилием воли подавил в себе желание схватить девушку в охапку и поцеловать. Исходившее от гномки тепло, ее веселый, приятный голос, лукавые синие глаза и крепкое тело, едва скрытое под облепившей его мокрой рубахой — все это постепенно начинало препятствовать ему здраво мыслить. Молодой Страж чувствовал зов плоти, чем дальше, тем все сильнее. Даже наедине с Лелианой, обнимая ее гибкую талию и целуя красивые полные губы — не чувствовал он того, что испытывал теперь рядом с маленькой, ширококостной, длиннорукой девушкой, которая едва ли могла соперничать красотой со стройной, изящной бардессой, и, вместе с тем, была теперь для него в тысячу раз прекраснее и желаннее.

Сигрун поймала обращенный на нее взгляд. На миг синие глаза гномки сузились, точно в раздумье, а после распахнулись вновь, ловя заигравшие в них отсветы от лежащего в стороне еще не прогоревшего факела.

— Я слышала, что Серые Стражи — бесстрашны, и всегда решительны, — как бы между прочим произнесла девушка, обнимая себя за плечи, и потирая их ладонями. — Или это только в битве?

Веря и не веря своим ушам и, надеясь, что намек он понял правильно, Айан шагнул к собеседнице вплотную. Гномка не отстранилась, по-прежнему глядя на него потеплевшими и блестящими в темноте глазами. Опустившись перед ней на колени, Кусланд осторожно привлек к себе Сигрун и поцеловал в тонкие темные губы, в любой миг ожидая взрыва ее негодования.

Которого, однако, не произошло. Напротив, Айан почувствовал длинные крепкие пальцы на своих плечах, и девушка ответила на поцелуй. Они целовались самозабвенно, словно после долгой жажды на губах другого смогли найти долгожданную влагу. Лишь ненадолго оторвавшись от губ Айана, Сигрун улыбнулась, прижимаясь лбом к его щеке.

— Я все думала, когда же весь из себя такой важный, пришлый наземник, наконец,

поймет, — негромко посетовала она. Кусланд усмехнулся, касаясь губами ее волос.

— Откуда мне было знать? — спросил он в тон легионерке. Сигрун подняла голову, стрельнув быстрым взглядом, в котором вновь было лукавство.

— Догадаться несложно, — гномья девушка прищурила глаза. — Не захоти я остаться с тобой наедине, выставила б тут же, после твоего появления. То есть — попросила бы уйти. Господин Страж.

Айан усмехнулся и вновь потянулся к ее губам. Одновременно они опустились прямо на разбросанные тоннельником вещи Сигрун. Пальцы Кусланда неуверенно и несмело подцепили край рубахи на плече гномской девушки и потянули его вниз.

Сигрун не препятствовала ему в этом, однако по напрягшемуся телу Айан догадался о ее неуверенности. Разорвав поцелуй, он отодвинулся — ровно настолько, чтобы видеть девичье лицо.

— Не... знаю, Страж, — покусывая нижнюю губу, пробормотала гномка. Глаза она держала опущенными — впервые за все время, что они были вместе. Должно быть, стараясь не показать этого, все же девушка была сильно не уверена в себе и своем решении. — Хорошо ли это?

Несмотря на все более накатывавший на его разум зов плоти, Кусланд заставил себя мыслить здраво, еще дальше отодвинувшись от смятенной девушки.

— Скажи слово — и я уйду, — принудив себя едва ли не ко лжи, предложил он.

Сигрун вновь вскинула синие глаза и улыбнулась — хотя и с долей волнения, но уже увереннее.

— Таких слов я говорить не хочу, — тверже прежнего проговорила она, по-видимому, уже без шутки.

— Тогда в этом нет ничего... дурного.

Он вновь склонился к гномской девушке, ловя ее губы, которые ускользали от него, потому что Сигрун захотелось поцелуев не только уст, но и прочего лица и тела. Айан помедлил миг, и все же стянул с одного, а после и второго плеча гномки ее широкую рубаху, до пояса обнажая девичье тело.

На краткий миг ему почудилось, будто само время замерло вокруг них двоих, подернувшись едва заметным бесплотным маревом, и утрачивая свой бег, а после вдруг завихрилось, проносясь вперед стремительнее, чем во время полета на архидемоне. Разум будто унесся следом, оставляя ощущения одному только телу — обжигающие прикосновения кожи Сигрун, ее нежные пальцы и губы, упругая, гладкая, округлая плоть, делавшаяся такой податливой под его жадными ладонями и короткие выдохи, идущие, казалось, из самых глубин естества. На краткий миг выдернув разум из бездонности небытия, Айан заставил себя сдерживать пыл, каким-то чувством понимая, как именно нужно было правильно сделать. Тело девушки крупно вздрогнуло под ним, но Сигрун не издала ни звука, лишь запрокинув голову и судорожно вдыхая. Айан поцеловал ее стиснутые губы, напряженную щеку и, зарывшись лицом во влажные волосы, вновь растворил понимание в том самом зове, что затмевал разум, влек и манил, понуждал и повелевал, и был куда древнее и сильнее того, жившего в его отданной скверне крови...

... Привычная, обыденная реальность, возвращалась не сразу, милосердно щадя тех, кто смог пусть ненадолго, но — по собственной воле отрешиться от нее. Айан и Сигрун лежали на камне среди разметанной одежды, по-прежнему обнявшись и прижимаясь так крепко, словно желая раствориться друг в друге, и жалея о том, что все завершилось, и нужно

вернуться, и жить дальше. Голова девушки-гномки покоилась на широкой смуглокожей груди человека, а синие глаза долго и тянуще глядели в лицо Стража, который так же безотрывно смотрел на нее.

— А ведь я сразу... — ее тонкие пальцы оглаживали расслабленные выпуклости на животе Кусланда, точно стремясь наощупь запомнить каждый изгиб его тела, а голос звучал все еще негромко, но с уже знакомыми шутливыми нотками. — Сразу, как только тогда выскочила на зов Дюрана... Думаю — опять этому надутому принцу что-то надо. Привык он там, чтобы перед ним стелились... Ну, думаю, задать ему не задам, а уж скажу что-то наверняка. И пусть кипит от злости. Тут-то мы все равны, и он тоже. И вдруг — ты стоишь. Ты... весь из себя... такой. Я сразу поняла — ты — это ты. Ну, понимаешь? Одним словом, ты! Знаешь, как так бывает? Хотя, может и не знаешь...

— Я был занят мыслями об архидемоне, — Айан усмехнулся, сжимая пальцы на ее плече. — Перед глазами тогда стояли только несущиеся куда-то своды пещеры и его чешуя, покрытая слоем скверны. Ты уж прости, что не разглядел тебя сразу. Но так ведь и ты не подавала никаких знаков.

— И не подала бы. Ты себя видел? Наземник, длинноногий такой, что — ух! Таинственный Серый Страж, могучий воин, грозный победитель драконов с пламенем на голове...

Почувяв, что гномку опять понесло, Кусланд использовал уже проверенный на Лелиане действенный метод приостановить поток ее красноречия и шуток, накрыв губы Сигрун своими. Девушка привычно не отстранилась, вжимаясь в него горячим телом и отвечая на поцелуй. Айан крепче стиснул ее плечо, с удовольствием проводя ладонью вниз по спине и бедру, и снова начиная чувствовать, как вновь зарождавшийся в нем зов плоти понемногу окутывает разум пока еще едва ощутимой пеленой.

Айан завершил поцелуй, коснувшись губами кончика острого носа. Сигрун глубоко и коротко вздохнула, положив руку ему на грудь, а на нее прикладываясь щекой.

— Что ты намерен делать дальше? — она подняла на него глаза, говоря теперь серьезно. — Когда твой отряд отдохнет?

Кусланд, однако, ее вопрос понял правильно.

— Мы говорили об этом с Дюраном и Кардолом. Мне нужно попасть в Боннамар. Дюран предупредил, что Легион не будет помогать Стражам. Но я бы хотел, чтобы... ты пошла со мной.

Одна из тонких бровей гномки изогнулась. Ее припухшие темные губы тронула едва заметная улыбка, редкая, что была без тени лукавства.

— Не знаю, зачем это тебе. Но все равно. Кардол не отпустит меня.

Айан убрал с ее лба негустую темную прядь.

— У Стражей есть право призыва, — негромко напомнил он. Сигрун усмехнулась, на этот раз грустно, и резким движением головы вернула прядь на место.

— Интересно, как часто Стражи пользовались этим правом, чтобы брать в свое тайное братство любовниц?

Кусланд сдвинул брови.

— Ты не любовница.

— Нет? Тогда кто же?

На этот вопрос однозначного ответа у Айана не было.

— Мне... хорошо с тобой, — нашелся он, наконец. — Не умею говорить о подобном...

И язык у меня тяжелый, и никогда не доводилось... говорить с девушками... о таких вещах до этих пор. Но я хочу, чтобы ты шла со мной.

Сигрун приподнялась на локте.

— Наверное, могучий Страж говорил такое каждой девушке, которую он обнимал.

Кусланд не отвел взгляда.

— Ты — первая девушка, которую я обнял. Родители хотели женить меня. Но... не успели.

Какое-то время гномка испытывающе глядела на него. Айан ждал. Он говорил правду и скрывать ему было нечего. Наконец, взгляд девушки смягчился. Но, вместо того, чтобы вновь прильнуть к нему, легионерка села, прикрыв грудь бывшей некогда чистой рубахой.

— А знаешь, Страж, — Сигрун видимо пыталась вернуть себе свой обычный шуточный настрой, но теперь что-то ей мешало. — Больше всего я боялась, что после... после... этого ты просто поднимешься и уйдешь. Получишь, что тебе нужно, и уйдешь. Вот прямо так. Раз — и все.

— Уйду? — Айан приподнялся тоже, отчего-то предчувствуя недоброе. — Да, уйду. Позже, когда отдохнут мои товарищи. А ты? Пойдешь со мной?

Сигрун посмотрела в сторону. Некоторое время она сидела, перебирая края материи, под испытывающим взглядом наземника. Потом встала на ноги, и набросила рубаху на себя.

Айан резко поднялся. От того, чтобы вскочить, его удержала лишь своевременная мысль о том, куда будет направлен взгляд девушки при такой разнице в росте.

— Я не пойду с тобой, Страж, — Сигрун предостерегающе вскинула руку, предотвращая попытку Кусланда заговорить. — Выслушай меня. Когда я увидела тебя там, у моста, рядом с моими товарищами, на меня будто... Будто помутнение нашло. Хотелось бросить все и бежать к тебе и с тобой. И здесь. Приличные девушки так себя не ведут, — она грустно улыбнулась, обнимая себя руками за плечи. — Даже тряпки из Пыльного, такие вот, как я. Если, конечно, они не охотятся за знатью. Но я не девушка. Так, мясо, падаль. Я в Легионе Мертвых, Страж, и уже мертва. Скоро твари пойдут на еще один приступ и на этот раз я действительно вступлю в Легион Мертвых. До самого конца. И это... что было... уже не будет иметь такого значения.

— Стой, погоди, — Айан дернулся вскочить, но момент для того, чтобы одеваться, был самый неподходящий, однако и стоять перед девушкой обнаженным подходило теперь еще меньше. — Погоди, Сигрун. Я не зря заговорил о праве призыва. Ты ведь можешь уйти из Легиона. Путь Стражей не менее славен... и опасен, если хочешь. Я не... не могу думать о том, чтобы тебя... ты умерла от меча какой-то из тех тварей. Пойдем со мной, прошу тебя. Неужели тебе этого не хочется?

Все время сидевший поодаль Нюхач поднялся и, вскидывая ноги, подошел поближе, вытягивая хобот и обнюхивая рыжие волосы Стража. После того, как пришелец так плотно смешал свои запахи с запахом хозяйки, тоннельник исполнился сильного недоумения, но уже не убегал и не боялся.

— Ты сам понимаешь, что случится, если все начнут делать только то, что им хочется, — гномка покачала головой. Должно быть, никогда до того Сигрун не говорила серьезно так долго. — Кто такие мы будем, если захотим жить только для себя и отринем обеты? Я вступила в Легион Мертвых, и наконец-то стала ощущать... впервые за всю мою жизнь, что я что-то из себя представляю. Что приношу пользу. Что могу спасти чью-то жизнь. И у меня есть долг, Страж. Как и у тебя есть твой. Что будет, если ты о своем

забудешь? Кто такие мы будем, если забудем о своих обязательствах и будем жить лишь своими желаниями? Кто мы будет перед самими собой?

Айан не нашелся, что ответить.

— И, кроме того, Страж. Ведь я, как и любой легионер из моих товарищей — мертва. Нам осталось просто действительно умереть. А ты — принадлежишь к живым. У тебя дело, которое теперь важнее любого из дел в наземном и подземном мирах. Тебе нужно думать только о нем. Уходи, Айан.

Внезапно, она улыбнулась, почти без перехода делаясь прежней Сигрун — легкомысленной и веселой. Хотя теперь Кусланд мог видеть, чего стоило девушке это напускное веселье, в другое время могущее показаться таким искренним.

— Давай, поторапливайся, Страж. Быстрей, найдем твои штаны. Тебя, должно быть, уже ищут силами всего Легиона.

Глава 46

Глава 46

Кардол пришел к собиравшимся в путь наземным гостям, когда их зверь был уже наполовину навьючен. Страж и коссит плотно и по одному привязывали тюки на спину бронто так, чтобы они прикрывали могущие быть уязвимыми места на его шкуре. При помощи заспанного меланхоличного эльфа и Огрена, по-прежнему пахнущего крепко даже для гнома, дело продвигалось споро. Однако что-то в облике главного легионера заставило Айана внутренне насторожиться. Передав мешок, который он держал, в руки невозмутимого Стена, Кусланд вслед за Кардолом отошел в сторону. Лицо гнома было довольно мрачным, и Айану ни с того ни с сего показалось, что ему собрались выговаривать за время, что он провел с Сигрун. Но легионер заговорил совсем о другом.

— Страж, — Кардол выждал, пожевав губами. — Ты уже решил, что будешь делать с твоим... эээ... этим безбородым из твоего отряда? Как его там...

— Леске, — Айан оглянулся на продолжавших погрузку товарищей и неподвижно стоявшую чуть поодаль Шейлу. — Я рассчитывал на то, что он отлежится в лагере и сможет теперь выступить, как обычно.

Гном поднял одну из своих широких кустистых бровей.

— Ты, надеюсь, шутишь, Страж. Идем, я тебе покажу.

Недоумевая, но все более предчувствуя недоброе, Айан вслед за Кардолом прошел в дом, что временно служил местом для сна остатков воинов из Легиона Мертвых, и куда по прибытию гостей определили на постой раненого Леске. Сам Айан все отведенное на отдых время проворочался у костра легионеров, что стояли на страже, и, занятый всем тем новым, что случилось с ним за последнее совсем короткое время, озаботиться здоровьем бывшего хартийца попросту запомнил.

Дом, который занимали легионеры, оказался большим и пустым внутри, за исключением горы скатанных одеял в углу. Почти у самой двери на нескольких, сложенных одно на другое, одеялах, лежал голый по пояс Леске. Одного взгляда на которого хватило Кусланду, чтобы понять, что именно хотел показать ему Кардол.

Мрачный Фарен сидел у края ложа приятеля. На вошедших он бросил короткий взгляд исподлобья, но ничего не сказал.

— Доспех у него был из рук вон плохой, — поморщившись, пояснил старший легионер. — Раз от простого покуса пробило. Должно быть, тварь, которая его цапнула, до того жрала что-то со скверной. Ну, и... и все. День-два. Может, три. Парень крепкий. Не меньше трех. Но и не больше.

Фарен встретился газами с Леске и мучительно скривился.

— Прости, друган, — еле слышно пробормотал он. — Я тебя в это втравил.

— Сам пошел, — Леске с трудом поднял руку, стирая пот с проступившего темного пятна скверны на щеке. — Не на веревке тащили, — он поморщился, со свистом втягивая воздух сквозь зубы. — Предки, как же жжет. Оно и раньше... я думал — яд... а теперь...

Стоявшие над ним переглянулись. Легионер дернул плечами.

— От этого можно исцелиться? — Броска безнадежно посмотрел на Кусланда. — Хоть как-то? Кардол grit — лекарство есть только у Стражей. Если есть — дай, друган. Я... отработаю тебе. Как хошь. Хошь — всю жизнь за тобой на подхвате таскаться буду. Но если...

— То лекарство, что есть у Стражей, помогает не всем. Кого-то — убивает на месте. Я сам видел, как это получается, — Айан отвел глаза. — Да и при мне сейчас его нет. Может, стоит подождать? Я слышал от других Стражей о случаях исцеления от скверны.

— Я тоже слышал, — Кардол мрачно усмехнулся. — Только сам не видал ни разу.

— Так... что... со мной будет? — Леске, закусив губу, попытался сесть. С помощью Броски и Кусланда ему удалось приподняться, опираясь спиной о свернутое одеяло. — Сдохну? И скоро?

Айан, на которого были обращены взгляды бывших хартийцев, развел руками.

— Стражи должны знать о таких вещах. Но я был посвящен за полную временную меру... за час до того, как все прочие Стражи, кроме меня, пали в битве при Остагаре, заступая путь тварей в Северный Ферелден. Мне неоткуда было научиться их примудростям. Я... не знаю, что случается с зараженными скверной...

— Знаю я, — не в пример человеческому, голос Кардола звучал гораздо увереннее. По-видимому, легионеру надоели недомолвки, и он решил положить им конец. — Да, от скверны умирают. Как правило. Те, кто выживают, делаются вурдалаками. Теряют разум, ищут порождений тьмы, и, когда находят, то служат им, покуда не сдохнут. Или, не знаю, до каких пор. Если вурдалака упустить, потом уж не найдешь.

— Погоди, — выпрямившись, Айан бросил на гнома взгляд, полный безграничного изумления. — Разве выжившие сами не делаются порождениями тьмы? Мне говорил Страж, тот, кто выжил вместе со мной. Что твари специально делают из нас себе подобных...

Кардол трескуче хрюкнул носом.

— Первородный Камень! Да вы, Стражи, знаете про скверну и тварей еще меньше, чем пылеглод из неприкасаемых — о праздничных блюдах королевского двора! Твари... из нас... Где вы наслушались таких бредней?

— Я своими глазами видел мясные коконы, в которых заворачивали пленников после проигранной битвы, — Кусланд, как и до него легионер, не мог поверить ушам. — Мне казалось...

— Порождения тьмы действительно иногда берут пленников, — Кардол покосился на Леске, и переступил с ноги на ногу. — И обращают их. Но не в себе подобных. В вурдалаков. Им зачем-то нужны рабы. Из тех, кто раньше был разумен. Обычно берут самых сильных и здоровых. Магов берут всех и всегда. Зачем — не знаю. Но сами твари — не от нас. Твари

рождаются уже такими.

— Рождаются? А...

— А от кого — не знаю, — легионер скосил глаза набок и нехотя добавил. — Ходят слухи. Женщин наших они хоть и убивают, да только в плен берут охотнее, чем мужей. Ну и... думай сам, Страж. Ты, кажется, в Боннамар собрался. Их там раньше были целые орды. Может, и увидишь чего. Из того, о чем тебе и так следует знать больше других.

— Что с Леске? — снова напомнил о себе Фарен, вытирая нос кулаком. — Вы поможете ему, или как?

Командор и старший легионер переглянулись.

— Леске лучше остаться в лагере, — Кардол сказал это уверенно и спокойно, так, что все слышавшие его сразу поняли, что предлагаемое действительно — единственно правильное решение. — Чем камень не шутит, если не помрет, то может, и останется в разуме. Раз о таком говорят, значит, бывали случаи. Подождем. А нет, так и... справим все, как подобает. Не впервой.

— Может быть, подождем, а, Страж? — Броска отвел взгляд от начинавших покрываться пятнами рук товарища, которые тот сжимал в кулаки, видимо, чтобы пересилить ту боль, что все сильнее начинала жечь его изнутри. — Два-три дня — не такой и срок... Ну, пока...

— Слышь, ты, пыльная морда, — рваным движением Леске сильно толкнул Фарена в плечо, спихивая его со своего ложа. — Кончай трепаться. Взятся помогать Стражу — так помогай. Иди, не задерживай его.

— Я чет не понял...

— А че тут понимать? — Леске уронил руку, снова сползая на спину. — Говорю — иди. Я так перекантуюсь. Без твоей озабоченной рожи. Гарлокова отрыжка, даже постонать не постонешь, когда ты тут все время трешь. Иди, говорю. Сдохнуть я и без тебя сумею, а ежели буду живой, то предки пособят — свидимся еще.

— В самом деле, парень. Шел бы ты отсюда, — Кардол подтянул пояс, потряхнув бородой. — Зверь Стражев уже почти навьючен. Тебя одного все ждут.

Фарен стиснул руку кусавшего губы товарища и, хлопнув того по плечу, не говоря больше ни слова, стремительно вышел из дома. По-видимому, опасаясь передумать и оспорить приказ старшего легионера. Кивнув Леске, Айан с тяжелым сердцем вышел вслед за ним.

Глава 47

Глава 47

В другое время неспешно проплывавшие мимо опоры и перила великого моста, могли бы вызвать восхищение и немалый интерес. Однако теперь всеобщая подавленность и близость порождений тьмы не располагала к разглядыванию диковин Глубинных троп. Айан несколько раз оборачивался назад, в надежде, что Сигрун, избегавшая его с тех пор, как они расстались у той самой пещеры, все же выйдет попрощаться хотя бы издали. Однако девушка не появлялась. Впрочем, она могла стоять среди охраны моста. Тяжелый полный доспех легионера с закрытым шлемом скрадывал очертания гномьих фигур, делая их одинаково похожими на мужские. Как бы то ни было, молодая гномка ни словом, ни жестом не дала понять, что изменила свое решение, и Айан ушел с тяжелым, мутным чувством, унося на

душе тревогу и недосказанность, настолько сильно беспокоившие его, что они перекрывали собой даже жалость к умиравшему Леске, и Фарену, вынужденному терять лучшего друга, и не могущего сделать ничего, чтобы этому помешать.

Переодетая в чужую женскую рубаху и самый легкий из найденных у легионеров доспех, Морриган гляделась как обычно. По ее отстраненному, равнодушному виду нельзя было предположить, что лишь дневную меру назад она без сил лежала на камнях, с сорванным нутром и кровавой пеной на губах. Лица Огрена нельзя было различить за наличником закрытого шлема, и даже Зевран гляделся сумрачным и усталым, несмотря на то, что отряд только начинал очередной переход после продолжительного отдыха. Томился ли он по солнечному свету, как эльф испытывая недостаток в нем более других обитателей Тедаса, или причина была в другом, по виду антиванца было не понять. Впрочем, никто особо и не старался этого сделать.

Пройдя на другой берег пропасти, Айан обернулся на мост в последний раз. Фигуры легионеров были едва различимы на другом его конце. Командор был уверен, что видит Кардола, что вышел провожать отряд, и не уходил, продолжая отслеживать их путь. Однако Сигрун не было. Она так и не пришла.

Огромный мост привел на вымощенную крупным камнем обширную площадку перед гигантскими воротами. Весь вид колоссальной крепости поневоле создавал впечатление того, что все, что как-то относилось к Боннамару, не могло быть незначительных размеров. Однако у самых ворот, оказалось, что створки пригнаны так плотно друг к другу, что между ними нельзя было просунуть и клинка. О том, чтобы попытаться открыть ворота вручную, не могло быть и речи.

— Тут не пройти, — до сих пор никак не напоминавший о себе и державшийся позади отряда Дюран приблизился вплотную, коснувшись закованной в броню ладонью огромной двери. — Такие ворота приводятся в действие особыми механизмами. Если те и работают до сих пор, находятся все равно там, с внутренней стороны.

— Что же делать, друг? — Зевран, по настоянию Кардола также вынужденный облачиться в тяжелый доспех, в который раз повел плечами, поудобнее умащивая на них непривычно тяжелое железо.

— Как что — пойдем в обход, — судя по звуку, Огрен передумал харкать в последний момент, вовремя вспомнив про свой закрытый шлем. — Твари как-то оттуда выходят!

— Верно, здесь должна быть лазейка. И не одна, — Дюран отошел от ворот, и окинул взглядом исполинскую стену древнего города. — Не думаю, что порождения тьмы их прячут.

— Тогда пошли, че зря время тянуть, — Фарен поддернул пояс. С тех пор, как отряд покинул стоянку легионеров, он ни на кого не смотрел. — Камень знает, какой этот город большой. Небось, шариться тут будем не один день.

Они двинулись вдоль стены, осматривая ее ниши и углубления. Великая крепость, хотя и выстроенная гномами, издали казавшаяся незыблемой и монолитной, вблизи, однако, была покрыта сетью трещин и даже осыпей. Все признаки указывали на то, что некогда, уже, должно быть, после того, как это место покинули гномы, почва под Боннамаром подверглась смещению, как это иногда бывало с пещерами Троп, где раскаленная плоть земли выходила ближе к поверхности. Однако, щель, широкая настолько, чтобы в нее можно было пройти двуногим и тяжело груженому бронто, нашлась не сразу. Лишь когда великий мост почти скрылся с глаз отряда, растворившись в пещеном сумраке, путники нашли, наконец, нужное им место.

Вероятно, этим проломом в стене часто пользовались, так как края его оказались затерты, а вокруг имелись множественные подтверждения тому, что здесь ходили, и нередко. Никем, кроме порождений тьмы, эти ходки быть не могли, потому Страж и его спутники были готовы к чему угодно. Однако кроме доносившегося из огромной пропасти отдаленного гула, издаваемого тысячами тварей, потрескивания факела в руках Зеврана да гулких звуков, который при дыхании издавал их выючный зверь, более ничего слышно не было. На улицах огромного города-мавзолея стояла тишина.

— Да... — раздалось из-под наличника шлема Огрена.

Больше он не сказал ничего, да этого и не требовалось. Выбравшиеся в пролом путники в молчании созерцали дома, такие высокие, какими люди обычно ставили стены своих замков. Непросто было понять, для чего по замыслу Каридина служили выстроенные под его началом здания. В том, что дома не были выстроены для привычного обитания, не было сомнений. Отряд Стража словно попал в гигантский лабиринт улиц, сотворивших высоченные жилища необыкновенной красоты, в которых нельзя было жить.

— Город Легиона Мертвых, — подчиняясь царившей здесь тишине, негромно пробормотал Дюран, однако, вышло все равно громче, чем в любом ином месте. — Его строил Каридин как памятник защитникам от тварей. Тут все должно быть подчинено нуждам Легиона. Здесь не надлежало обитать семейным гномам. Лишь бойцам и тем, кто справлял бы за них необходимое для жизни... их жизни.

— Только кажется, что это место такое большое, мой друг, — подал голос эльф, тоже шепотом, и тоже — очень громко. — Но присмотришься, изнутри оно меньше Орзаммара. Город — слишком громко сказано. Скорее — действительно — крепость.

— И дрянь какая-то на стенах, — несмотря на бесцветность, в голосе Броски сквозило немалое отвращение. — Смотрите. Там, там... и еще вон там. Что это?

Дома действительно кое-где были покрыты непонятными мясными наростами, похожими на коконы бабочек, либо паучьи яйца, из которых сочилась слизь. В стенах Боннамара сделалось гораздо жарче, чем было у пропасти. По-видимому, те подземные силы, что некогда своим смещением повредили творение Каридина, нарушили и какую-то из вентиляционных шахт, что отводили воздушные потоки и вытягивали лавовый жар. От жары казалось, что можно было почуять гнилостный дух, исходивший от влажно поблескивавшей в свете факелов мясной мерзости.

— Гарлоково дерьмо, что ж еще, — Огрэн дернул себя за висевшую из-под шлема бороду. — Ежели и не найдем мою мохоедку, так хоть недаром сходил. Знать буду, как оно выглядит.

— Ищите следы экспедиции, — напомнил Кусланд, с усилием отводя глаза от поневоле притягивавшей его взгляд дряни. — И касайтесь всего поменьше. Скверна здесь повсюду. А в особенности — в этом мясе. Не надейтесь на броню.

Они двинулись вперед, по узкой улице между двумя стенами — внешней и той, что составляла высокий и длинный каменный дом, назначение которого было неясно даже Дюрану. Добравшись до первого же проулка, свернули в него, инстинктивно намереваясь добратся до центра диковинного города. Тянувшиеся по обеим сторонам квадратные каменные колонны и резьба поневоле заставляли вертеть головами, забывая все прочее, ибо город, посвященный Легиону Мертвых, был действительно красив. Красота эта была схожей, с теми творениями гномьей работы, что им доводилось видеть ранее, однако, размеры, величие и необычность построек вынуждали даже забыть об обуревавших печальных мыслях

и созерцать, дивясь и восхищаясь одновременно.

Зевран оказался прав. Несмотря на высоту зданий, размеры самого Боннамара нежданно оказались не такими большими. Пройдя улицу, и миновав арочный зал, путники вышли к достаточно небольшой, однако, необычной для гномьих городов площади.

Необычность ее заключалась в том, что на этой площади не стояло ни статуй, ни каменных указателей, ни, даже, колонн. Вместо этого центр схождения всех улиц занимал большой рукотворный пруд округлой формы. Из него, приподнятый на камнях иного цвета, возвышался пруд поменьше, также заполненный водой, а еще выше — и вовсе небольшой, размерами более напоминавший круглую бадью в купальне. Из центра бадьи бил фонтан воды. Над поверхностью самого большого и самого малого из заполненных водой прудов, поднимался едва заметный пар.

— Чистая, — стащив перчатку, Зевран в изумлении сунул руку в воду. — И горячая. Но не совсем. В самый раз искупаться.

— Нашел время, — наблюдая, как все, даже невозмутимый коссит, подходят к фонтану, дабы сунуть руки в теплую воду, и смыть хотя бы с них последствия многодневного похода, Огрен приподняв наличник, презрительно сплюнул, и отступил к равнодушному ко всему бронто. — Ты бы еще спать тут лег.

Морриган сбросила обе перчатки, потом наплечники, и с наслаждением погрузив обе руки в воду, омыла лицо. Будто бы смыл раздражение, что уже долгое время не сходило с него, застыв окаменелой маской. Дюран снял шлем, аккуратно поставив его на каменный бортик бассейна, и умылся тоже, отшатнувшись, когда сунувший в воду лицо Фарен обдал его брызгами, помотав мокрой головой.

— Эльф тебя, что ли, делал? — принц смахнул последние капли с бороды, окидывая недовольным взглядом отжимавшего косицы Броску. — Смотри куда трясешь!

— Может быть, что и эльф, — неожиданно согласился Фарен, присаживаясь на край и, зачерпнув воды, принялся намывать крепкую шею. — С кем ток моя мамаша не кувыркалась, спьяну, поди, сама не разбирала, — он ухмыльнулся и вдруг пошел на большую откровенность. — Папаши-то своего я ни разу не видал. Рика, сеструха моя, в одном чреве со мной сидела, и красотка такая, что даж брательник твой, Белен, ее как взял к себе, так уж и не отпускает. Оч может быть, что оба мы — от эльфа. Можешь заранее начинать волноваться, ежели все ж таки породниться нам доведется.

Он демонстративно шмыгнул тонким носом. Дюран выпрямился.

— Ты что несешь, неприкасаемый? — тише обычного проговорил он. Броска дернул плечом, подхватив и вытерев лицо краем выступавшей из-под доспеха рубахи.

— Про Рику, что ль? Говорю ж, сеструха моя, из охотниц за знатью, — безразлично пояснил он. — Три седмицы поджидала под воротами Алмазных залов. Брат, тот, что Хартией тогда заправлял, уж думал гнать ее взащей, потому как хуч красивее гномки нет во всем Орзаммаре, но че ж тут делать, как не везет? А она возьми да подцепи самого Белена. Едва не в последний день. Ну и... крепко запал брательник твой. Уж надул ей пузо, как она мне перед походом шепнула. Как заделается королем, посадит ее с собой королевой. Да, ее, Рику. Тряпку из Пыльного. Вот, терь можешь об этом думать. Ток смотри не переусердствуй. Я-то к этому ни при чем.

Против ожиданий, несмотря на свалившуюся на него новость, выяснять больше Дюран не стал. Отвернувшись, он, по примеру хартийца сел на край бассейна, однако, не трогая воду и, по-видимому, действительно крепко о чем-то задумался. Убедившись, что эти его

спутники не собираются ссориться, Командор, к подавленному состоянию которого прибавились уже знакомые страдания от резкого запаха невымытого проводника, сделал попытку воззвать к голосу совести Огрена, который, единственный из всех, даже не приблизился к воде.

— Вот еще, Страж, — возмущенный его притязаниями, Огрэн попытался скрестить руки на груди, но не вышло. — Занимайся своими делами. А в мои — не лезь.

— Страж говорит дело, — вмешался Стен. Стоя рядом с Шейлой и ростом приходясь вровень с ее головой, он гляделся еще более внушительно и сурово. — Рядом со свежей кучей — и то свежее.

— Всамделе, окунуться б, а, воин? — Фарен вытер шею углом рукава. — Ить не убудет от тебя.

— Неужели тебе самому не приятно быть чистым?

— Когда гном чист — у него зуд по всему телу, — усмехнулся Эдукан, вынимая из крепления топор и пальцами пробуя шатнуть его острый клюв.

Лицо Огрена побурело. Он открыл рот, чтобы ответить всем обидчикам сразу, но внезапно Командор, который сам это начал, резко вскинул руку, призывая всех к тишине. По лицу товарищи поняли, что он не шутит.

— Скверна, — Кусланд выхватил меч, делая знак отряду сплотиться ближе. — Вдруг. Рядом. Среди нас.

Тиская оружие, члены невеликого отряда заозирались, однако, на хорошо освещенной кристаллами, вделанными в стены со всех сторон, площади, не было никого, кроме них. Ведущие к ней улицы тоже просматривались достаточно далеко, чтобы исключить внезапное нападение. Но чутью Стражей принято было доверять. Если Командор слышал поблизости порождения тьмы, значит, так оно и было.

— Странно, — Броска прокрутил в ладонях мечи, делая пробный выпад в сторону. — Никого не...

Лезвие задело словно что-то живое, вырвав дикий взвизг, и обдав Фарена брызгами темной крови. В тот же миг прямо из воздуха вокруг ошарашенной компании стали появляться долговязые и тощие, но к удивлению проворные твари, с узкими зубастыми мордами и очень длинными, вытянутыми ушами.

— Крикуны! — Дюран первым обрушил топор на ушастый череп рванувшегося к нему порождения тьмы. — Они могут обманывать глаз! Стерегитесь!

Необычайная ловкость и словно бы прозрачность тварей, однако, была уже видна всем. Застигнутые у воды, путники, сплотившись, пытались пробиться к одной из стен, чтобы иметь возможность прикрыть спины, и убраться с пути Шейлы. Вновь сделавшаяся молчаливой и малоподвижной с того самого памятного разговора с Командором о невозможности сделать ей смертную плоть, в бою каменная женщина словно ожила, делаясь проворной и быстрой. Каждый взмах тяжелого каменного кулака разил по твари, что падая, уже не поднимались. Воины из отряда Стража едва успевали разбежаться с ее пути. Твари, впрочем, быстро осознали преимущество предполагаемых жертв, словно имели разум для того, чтобы осознавать. Еще несколько мгновений — и крикуны растворились в воздухе так же внезапно, как и появились, успев даже утащить несколько тел дохлых сородичей. Все прочие валялись на площади, размазанные по камням. Над этими стояла Шейла — так же неподвижно, как и до начала стремительной схватки.

— Ушли? — огромная секира Огрена, единственного, кто, кроме голема, успел завалить

тварь своим оружием, подрагивала в его руках. — Совсем, Страж?

— Ушли, — Командор подошел к убитым и склонился над ними, поводя головой. — При Остагаре довелось увидеть немало тварей. Но таких там не было. Клянусь Создателем.

— Это крикуны, — Дюран, морщась, сунул так и не обмоченный в крови топор обратно в крепление. — Встретить их можно очень редко. Даже во время Моров. Появляются и пропадают. Как они это делают — не знает никто.

— Но, как будто, мы им задали! — Броска плюнул на продолжавший истекать соками труп. — Пусть еще только сунутся!

— Все благодаря Шейле, — каменная женщина стояла по-прежнему неподвижно, но Командор чувствовал, что она как будто ждала похвалы. — Спасибо тебе.

На миг вспыхнувшие лириумом глаза голема слегка прижмурились. Вспомнив, что Шейле нравились прикосновения, Айан погладил ее по плечу.

— Да, без женщин мы никогда и никуда, — антиванец сунул мечи в ножны и обернулся. — Верно я говорю, моя прекрасная чародейка?

Его вопрос повис в воздухе. Все еще не понимая, спутники Стража заозирались. Морриган в начале схватки была среди них, о том свидетельствовали следы гари на камнях, там, где падали сгустки творимого ею огня.

Однако теперь ее не было. Когда и, главное, куда могла пропасть закованная пусть и в легкую броню, лесная ведьма, в пылу схватки не заметил никто.

Глава 48

Глава 48

Морриган открыла глаза. В первый миг ей показалось, что от резкого удара по голове, швырнувшего ее в небытие, она ослепла. И лишь позже ведьма поняла — вокруг просто царил темень. Вместе с окончательно проснувшимся сознанием пришли звуки — сопение, чавканье, неясные всхлюпы, сопровождаемые шуршанием и словно бы перекатами — точно рядом, во тьме, тяжело ворочался кто-то очень большой. С трудом присилив себя смотреть, ведьма огляделась. Из темноты проступало нечто дрожащее и влажно чмокавшее. Это что-то колебалось, пульсировало и исходило горячими соками, со всех сторон липко касаясь ее кожи, словно она находилась посреди огромного перебродившего студня. В нос шибанула вонь, густая и мерзкая. Чувствуя все более подступавшую к горлу дурноту, Морриган попыталась поднести руки к лицу, но и тут ее ждала неудача. Запястья были перехвачены мокрыми жилами — и широко разведены в стороны, должно быть, чтобы воспрепятствовать ей сотворить магическое действие. Закусив губу, ведьма для пробы попыталась обратиться в птицу, зверя, но окружавший ее живой кокон словно сжимал тело и мысли, туманил голову и мешал собраться. Морриган пыталась еще и еще, но каждая попытка будто вытягивала из нее силы, те, что еще оставались.

Меж тем, тьма перестала плыть перед ее глазами. Окончательно очнувшись ведьма нашла себя подвешенной на десятках крепких, толстых ремней, или жил, мокрых и терпких. Со всех сторон ее окружала будто чья-то горячая, пульсирующая плоть, обвивала спину, проходя под чревом, стискивала, не давая шевельнуться. Ноги по щиколотку утопали в теплой жиже, обволакивающей и настолько тугой, что пошевелить ими было нельзя, несмотря на упирившиеся во что-то твердое свободные колени, на которых она стояла.

Доспех, одежда и амулеты исчезли, исчез даже гребень с головы, и мокрые волосы Морриган липли к ее плечам и спине, лезли в лицо, мешая смотреть. А посмотреть было на что.

Когда цепкие глаза болотной ведьмы привыкли к темноте, та слегка расступилась, вырисовывая очертания большой пещерной залы, стены которой были сплошь залеплены густо смердевшей мясной дрянью. Дрянь эта спускалась даже с потолка, испаряя тепло и невыносимую вонь. Вся мерзость была словно живой, блестящей в свете редких, проступавших на стене жил лириума влажным маслянистым блеском. Но не она сразу притянула взор магини.

Жилистые наросты, в которые была обернута подвешенная ведьма, находились у самой стены. На противоположной стороне зала, занимая почти половину пещеры, лежала, а может быть, сидела самая громадная и безобразная тварь из всех, что ей доводилось видеть ранее. Сперва Морриган показалось, что она состояла из одних только больших кожаных мешков. Но, взглядевшись, магиня сумела различить верх тулова, что отдаленно походило на невероятно раздутое женское тело, с лысой головой, отвисшей нижней губой, оскаленными зубами и совершенно бездумное. Огромные отвисшие груди, что росли в два ряда, как у свиньи, спускались куда-то под чрево. Само же чрево, настолько большое, что могло вместить, по меньшей мере, две груженых крестьянских телеги, непрерывно колыхалось, бурча и булькая, словно что-то двигалось внутри. Чудовищная женщина, казалось спала, а может быть, полностью ушла в себя, лишь слегка подрагивая, как будто в беспокойном сне. Торчавшие из-под брюха толстые и гибкие, длинные щупальца, довершали картину.

Морриган вновь попыталась выдернуть из оскверненного мяса свои руки. Подгоняемая страхом, она рвалась прочь, однако, ее рывки, казалось, лишь еще туже затягивали путы. Через какое-то время пленница сдалась, опустив голову и сотрясаясь от беззвучного плача. Впервые в жизни она была напугана, и не просто напугана — черный ужас леденил ее грудь жутью, беспроглядной, как темнота оскверненной пещеры. Молодая ведьма не знала, зачем она здесь, но было понятно, что то, что ее ждало впереди, не сулило ничего хорошего. Близость чудовища наводило лишь на одну мысль — этой твари был нужен корм, а корм лучше всего было подавать свежим.

Откуда-то от стены совсем рядом с ней отделилось нечто, в чем вздрогнувшая от нового испуга магиня признала низкорослую гномью фигуру. Когда то и дело приседавший возле мясных наростов некто приблизился, Морриган смогла убедиться, что не ошиблась. Перед ней стояла молодая крупноногая гномка с цветущими по всему телу многочисленными и обширными пятнами скверны. Ее немытое обнаженное тело было дрябло, а оттопыренный живот кожаной тряпкой висел почти до колен. Кубло спутанных, грязных волос казалось совершенно седым.

Ведьма не ожидала, что с ней заговорят, однако, гномка-вурдалак, склонив голову набок, внезапно глухим и дребезжащим голосом исторгла из себя вполне разумное слово.

— Проснулась? Земная... красота...

Усилием воли Морриган вернула себе здравомыслие и холодность рассудка. Осознание того, что в лице женщины-вурдалака, быть может, стояла единственная надежда на спасение, придало ей сил. Нужно было лишь правильно воспользоваться ею до того, как вернуться порождения тьмы. Что-то подсказывало ей, что времени оставалось все меньше.

— Очнулась я, да. Не скажешь, что за место это?

К удивлению, лицо гномки расплылось в улыбке, гадкой, из-за отсутствия многих зубов и похожих на два куска сырого мяса, больших серых губ.

— Говорит! Жаль, недолго... Но хоть так! Хоть так...

— Что это за место? — раздельно и четко повторила Морриган, и тут же понизила голос, устранившись, что спящее чудовище может услышать и проснуться.

Рыхлая гномка подошла ближе и погладила пленницу по мокрым волосам. На несколько мгновений лицо ее сделалось благоговейным, точно от прикосновения к святыне.

— Красота... земная... жаль, недолго... очень жаль.

— Чего жаль тебе? — гася в себе раздражение, спросила Морриган. Рука гномки продолжала поглаживать ее, но ведьма терпела, раздумывая над тем, как уговорить утратившую разум оскверненную женщину ослабить хотя бы часть перетягивавших ее руки мяса и жил.

— Жаль... красоты, — широкая липкая ладонь гладила уже плечо Морриган, перебирая ее волосы между пальцев. — Испортят они... испортят такую красоту.

— Что говоришь ты? Кто они? Порождения тьмы?

— Да-да, они. Они, порождения. Они мерзкие твари, и хозяева... Надо служить... надо слушать... слушаться. Не слушаться — нельзя. Нельзя...

Ладонь гномки коснулась груди ведьмы, и Морриган отпрянула — непроизвольно и брезгливо. Женщина-вурдалак тоже вздрогнула, отпрыгивая. Но беспокойное, ее лицо вновь приняло умиротворенное выражение.

— Есть время, — она снова улыбнулась, складывая большие руки поверх своего отвисшего живота. — Еще есть... Мы будем говорить... Ты хочешь говорить? Да, хочешь. Потом... уже... не сможешь. Говори сейчас.

— Распутай руки мне, — Морриган пошевелилась, стараясь через силу говорить ласково. Она уже поняла, что имеет дело с вурдалаком, чье тело смогло справиться со скверной, но разум, хотя и остался необычайно ясным, все же немало пострадал. — Больно. Портит красоту.

Гномка запрокинула голову и хрипло захохотала. Огромная туша уродливой твари зашевелилась. Впрочем, вурдалак тут же оборвала смех.

— О, нет, — она снова подняла руку и погладила Морриган по мокрой от слизи и испарений щеке. — Это не портит. Они — портят! Они! Да. Они придут и испортят совсем. Руки — не волнуйся. Не важно.

Речь ее делалась как будто более связной. Она в последний раз тронула кожу кривящейся ведьмы и вздохнула.

— Красота. Но ненадолго. Видишь, — гномка обернулась, давая пленнице посмотреть на чудовище, начинавшее ворочаться все больше, — Ларин была... красива. Тоже. Волосы... золотые... маленькая... и смех... «твой смех прекрасный, серебристый, как ручеек в ночи звучит...» Предки... Но они... испортили. Изменили ее. И твою красоту... тоже... испортят. Скоро, совсем скоро. Я, Геспит... снова останусь... одна.

— Сказать ты хочешь, вот это раньше было человеком?

— Гномом, — безумная Геспит, словно по мере разговора вспоминая слова, говорила все складнее и четче. — Все мы — дети Камня. И Ларин. И Геспит. И Бранка...

— Бранка? Бранка та самая, что Совершенная из Орзаммара? Ты из дома ее?

— Да, Бранка. Бранка, моя любовь, — гномка-вурдалак снова тяжело вздохнула. — Жена без мужа, подруга без друзей, Совершенная без истинных ценителей, любовница без любви. Она всех использовала. И свой дом. И Огрена. Даже... даже меня. Смешно, — словно очнувшись, Геспит горько покачала головой, уже не пытаясь дотронуться до изумленной

Морриган. — Здесь повсюду смерть. Но я умираю от чего-то худшего. Ей не была нужна моя любовь, — она дернула лицом, прикрывая ладонью рот. — Камень наказал меня, прекрасная наземница. Столько смерти вокруг. Но я... я умираю от предательства.

— Бранка жива? — Морриган уже удалось справиться со своим голосом. — Где она?

Геспит взглянула на нее из-под грязной ладони, прикрывавшей лицо.

— Я знаю, — она вновь пустила руки, принявшись по очереди массировать каждый из почерневших пальцев. — Знаю, где Бранка. Но хода к ней нет. Она никого не подпустит. И ее не подпустят. Она бесится. Но хода нет. Ни к ней. Ни для нее.

Пленница переступила коленями, сжимая руки в кулаки.

— Сказать не можешь толком, — она с досадой попыталась прокрутить кисти, как перед творением магического действия, но, как видно, руки ее были перетянуты крепко, и разбухли в оскверненном мясе — даже этого сделать ей не удалось. — Тогда отведи к ней меня. Я найду ход.

Гномка сжала губы, с сомнением покачивая головой.

— Они не отпустят. Понимаешь? Они не отпустят тебя. Меня — да. Тебя — нет.

На некоторое время Морриган замерла, поднимая бровь.

— О порождениях тьмы ты говоришь? Зачем нужна я им?

Геспит еще раз обернулась, указывая на тяжело ворочавшуюся во тьме тушу.

— Вот, — она откинула за спину грязные седые волосы. — Вот Ларин. Она была... была как ты. Красива... очень. Она из дома Бранки. Как я. Как и все мы. Бранка... Бранке приказала идти в Боннамар. В Камнем проклятые Мертвые Рвы. Мы не хотели... многие не хотели, но пошли. И... мы... не смогли. Не справились. Их было слишком много. Слишком...

Бормотание гномки вновь делалось неразборчивым. Но до объятой гадливостью ведьмы долетали отдельные фразы.

— Мы пытались убежать, но они нас нашли... Они... схватили всех нас, превратили нас... М-мужчин они убивают... почти всегда. Им нужно мясо, много мяса. А женщин... они... Они забрали Ларин. Они заставили её есть остальных, наших друзей... Не сразу, нет не сразу... Потом, когда она поела, она начала надуваться. Она распухла и посерела. И стала пахнуть как они. Они переделали её по своему подобию...

Собрав все силы, Морриган призвала Тень. Мясо, стискивавшее ее руки, стало нагреваться. Безумная Геспит бормотала рядом, как казалось, все более и более утрачивая связь с реальностью.

— Они берутся из нас... Потому они ненавидят нас... Потому они не могут без нас... Потому они забирают нас... Потому они сытно кормят нас... Они возьмутся за тебя, — на пленницу взглянули затянутые поволокой мутные темные глаза. — Заставят тебя принять их, принять их скверну. А потом... потом они будут кормить тебя. Очень сытно кормить. Они... закроют твоё тело, чтобы ты не могла исторгнуть из себя ничего, чтобы все оставалось там, внутри. Чтобы раздуть твоё чрево... чтобы ты делалась больше и больше. Больше пищи, больше... скверны... Потом... Потом будут растягивать, трогать, лепить, комкать, менять, пока ты не наполнишься ими... И тогда, когда уже будет все готово, они приведут к тебе... такого же как ты, длинноногого. Им нужен такой же, иначе не выйдет. Мужчина, принявший скверну. Ты пожрешь его живьем — кусок за куском... как Ларин пожрала своего мужа. И тогда... тогда ты будешь полностью, как они. И будешь делать их. Новых... Матка!

Чудище, бывшее ранее гномкой, наконец, пробудилось. С сопением распрямившись, оно задрожало, и принялось кхекать, словно чихая или отрывая что-то. Геспит отскочила в

сторону. Глаза ее наполнились страхом.

— Они уже близко, я чувствую. Они... идут. Я... не должна быть так долго здесь. Я...

— Стой! — Морриган рванулась, стиснув зубы. — Помоги мне, и я тебе помогу!

Слышишь? Вернись!

Однако, безумной в пещере уже не было. Чудовищная матка Ларин утробно взревывала, сопровождая это кхеканьем и влажными хлюпами. Откуда-то из темноты слышались приближавшиеся шаги, и Морриган, отчаявшись поджечь свои путы, вновь и вновь пыталась обратиться, гоня прочь из головы рассказами Амелла о том, что даже он, в тесных объятиях скверны, не мог исторгнуть из себя простого магического действия.

Из тьмы одна за другой стали появляться полуодетые фигуры. Пленница задержалась, как попавшая в сети паутины букаха, разом растеряв всю свою холодность. Большая часть порождений тьмы отошла к еще более оживившейся при их виде матке, однако трое направились прямо к оцепеневшей Морриган.

— Страж, — еле слышно пробормотала ведьма, наблюдая, как подходившие вплотную гарлоки тесно обступают ее. — Кусланд, спаси меня!!!

Последние ее слова сорвались на крик, когда самый большой из трех, по всей видимости, эмиссар, запустил лапу в длинные черные волосы Морриган, запрокидывая кверху ее лицо...

Глава 49

Глава 49

Кусланд тяжело опустился на большую каменную скамью, одну из четырех, что окружали открытое пространство между домами. Должно быть, когда-то здесь было что-то вроде городского сада, однако, теперь в больших кадках из белого и зеленого мраморного камня, произрастали одни только мясные коконы, к которым опасались приближаться все, кроме Стража, и ко всему безучастной Шейлы. Помимо привелегии без боязни бродить меж очагов скверны, эти двое также оставались единственно сухими в отряде. Все прочие, мокрые из-за обильного обливания водой из фонтана, дабы исключить оставание мельчайших частиц заразы на доспехах, да еще натертые слизью синего гриба, что, по утверждению Эдукана, препятствовала распространению скверны, гляделись не в пример потрепаннее и жалче. Натруженные многочасовым хождением по Боннамару ступни нещадно гудели даже у самых длинноногих из наземников. За то время, пока шли поиски похищенной ведьмы, город Легиона Мертвых был обойден из конца в конец, по меньшей мере, трижды. Он оказался не большим, но и не малым, и проверить все дома и улицы оказалось делом непростым и долгим.

— Значит, они увели ее дальше, в пещеры, — Эдукан присел рядом, вытягивая короткие ноги. В стороне, где было видимо чище и дальше от мясных наростов, расположились остальные. Бронто глухо постанывал, тяжело отдуваясь. Не решавшиеся оставить, спутники Стража везде таскали его с собой, что было мучением и для них, и для зверя. Но, несмотря на все их усилия, им не удалось найти даже следов похищенной ведьмы. Из-за обилия скверны вокруг, Айан не мог понять, в какую сторону ушли порождения тьмы и, если в начале поисков, у них еще была надежда найти похитителей, теперь, спустя такое продолжительное время, она почти угасла.

— Плохо, — подал угрюмый голос коссит. Говорил Стен нечасто, и уже одно это указывало на самый мрачный настрой.

— Жаль девчонку, — поддержал его Броска, присаживаясь на гранитный уступ, и роняя руки на колени. — Должно быть, ее уже сожрали. Сохрани Камень от такой смерти.

Огрэн всхрипнул — без всегдашней смачности. Несмотря на скрывавший лицо глухой налечник шлема, можно было почувствовать исходившие от него волны дурного настроения. Зевран молчал, оглаживая морду бронто. Его гладкий смуглый лоб перечеркивали две морщины.

— И что мы теперь будем делать, Страж? — негромко спросил он, отирая зудевшую от слизи щеку о плечо. — Мы не можем ее бросить.

— Можем — не можем... Она уже мертва, — Броска скрутил с головы шлем и, взяв его подмышку, сплюнул под ноги. — А не мертва, так уж точно заразилась. И теперь все одно помрет. Как, мать его, Леске. Ваще че мы тут делаем? — он поочередно посмотрел в неприкрытые шлемами лица Кусланда, Эдукана и Зеврана. — По три раза обшарили этот долбаный город. Даж этих... как их... сколов Бранкиных... И их не нашли. Не было ее здесь. А ежели и пришла, все, что от дома ее осталось, еще тогда растащили по норам и сожрали. Как нашу девчонку. Че смотрите? Не так говорю?

Кусланд обернулся на Огрэна. Тот всхрипнул еще раз, дернув прикрытыми железом плечами.

— Нет тут ее меток, — нехотя подтвердил он, глухо вздыхая. — Но чтоб Бранка — и не смогла пометить место, хотя б, где она протянула ноги — в такое не поверю. Здесь она. Иль дальше в пещерах. Хотя нет, нет. Если ушла дальше, оставила бы указатель — как в Ортане. И еще на самом видном месте.

— Страж, — голос антиванского эльфа, поймавшего взгляд Командора, был как никогда серьезен. — Мы не можем уйти без Морриган. Ты представь только, каково ей сейчас.

— Да никаково, — Броска с досадой звякнул шлемом о доспех. — Нет ее уже, как те непонятно? Была, да вышла. И нам пора. Куда еще пойдём? Дальше по Тропам? А толку? Ежели только хошь выйти где-нить в Тевинтере. Ток вряд ли те там особо обрадуются. Хоч тебе, мож, и обрадуются. Слыхивал я, тамошние магистры охотно обращают в рабство эльфов.

— И гномов тоже, — прогудел Стен, единственный из всех, кто оставался на ногах. — Для работы в шахтах.

— И косситов, — Эдукан сорвал очередной сочившийся светящейся слизью грибок, вокруг которого на расстоянии нескольких локтей не было ни крупинки скверны, и принялся натирать им лицо. — Доводилось мне читать о бойцах из вашего племени, которых тевинтерцы стравливают между собой на специальной Арене, чтобы те сражались насмерть...

— У вас тоже есть Арена, — Зевран оставил в покое голову зверя и взялся катать желваки. С момента исчезновения Морриган он не сказал ни одной шутки, что само по себе никогда не было для него свойственно. И вообще сделался немногословен, чего, как казалось ранее, с ним вообще не могло приключиться ни при каких обстоятельствах.

— Не сравнивай, эльф, — Эдукан выпрямился. — Наша Арена — это ристалище доблести. Немногие удостоиваются чести драться на ней. А та, что в Тевинтере — для развлечения праздной толпы и магистров, которые не ведают меры в своей жестокости...

— Как по мне — невелика разница, — Броска шмынул своим тонким носом и

поморщился. — Че там погибель и кровь, че там — все едино.

— Ты неприкасаемый, — опальный принц одарил бывшего хартийца презрительным взглядом. — Тебе не понять.

— Не, благородный. Именно потому, что я неприкасаемый, я в таких делах понимаю куда лучше тебя. Вот брательник твой понимает, Белен. Того и весь Пыльный за него. Да и Средний Орзаммар. Вы, благородные, о честях своих печетесь, а проблем, реальных, в натуре, дальше носов своих не видите и не нюхали, хуч шнобели у вас — будь здоров. Че? Услышал? Услышал. Терь смотри, не лопни от злости.

Эдукан вскочил. Кусланд — тоже, уже не сдерживая лица, перекосившегося в гримасе сильного раздражения. Однако, несмотря на стремительность, ничего больше произойти не успело.

Раздавшиеся словно бы прямо за их спинами шлепки могли издавать только ступни босого, идущего ими прямо по сопливым лужам из скверны. Мгновенно забыв о ссоре, спутники Стража выхватили оружие, оборачиваясь, и обучено занимая круговую оборону вокруг заволновавшегося зверя. Шлепки, меж тем, делались все явственнее. Уже было понятно, что шел кто-то один, и этот один шел прямо на них, не опасаясь и не таясь. Наконец, в пятно света шагнула низкорослая бесформенная фигура. Отблески пламени воткнутого у скамьи факела заплясали в больших полубезумных глазах.

Женщина — а без сомнений, это была женщина, остановилась, не доходя до воинов всего несколько шагов. Ее длинные, покрытые пятнами скверны, руки чуть подрагивали, в такт отвисшему пустой кожаной складкой животу.

— Т-ты кто? — первым решился подать голос Кусланд, когда уже сделалось понятным, что странная женщина-вурдалак пришла одна, не приведя за собой стаи тварей. И, без сомнения, разыскивала она именно их. Точно знала, что найдет всех на этом месте.

Женщина медленно подняла голову. Грязные, полуседые волосы открыли беспокойное опухшее лицо с мутными глазами.

— Г-геспит, — Огрэн шагнул вперед, срывая шлем. — Предки! Геспит! Это ты, мохоедка проклятая? Но... но что с тобой произошло? Что случилось? Где Бранка? Она жива, моя лапушка? Жива?

Гномка-вурдалак шагнула вперед. Ее большие серые губы тронула почти осмысленная улыбка.

— Огрэн. Не думала... увидеть тебя... здесь. Ты... всегда был просто надутым пивным бочонком. Бранка... удивилась бы... удивится тоже.

— Ты из дома Бранки, — Кусланд помнил имя поэтессы, не раз слышанное в проклятиях, что посылал на ее голову рыжий проводник. — Где ваша Совершенная? Она не погибла? Ты можешь нас к ней привести?

Взгляд дрожащих глаз обратился к Айану. Лицо Геспит помрачнело.

— Столько крепких, могучих мужчин... не уберегли одну слабую девушку, — она клацнула зубами, заставив собеседников непроизвольно вздрогнуть. — Упустили... а беспокоитесь об одержимой, которая уже... пропала... для мира.

— Ты знаешь про Морриган? — пальцы эльфа выбивали нервную дробь на рукоятях его мечей. — Видела ее? Она — у тварей?

— Да, — вурдалак впервые ответила на вопрос прямо. — У... тварей. Они... они послали меня, Геспит. Послали за ним. За тобой, — длинный заскорузлый палец уткнулся в грудь Кусланда. — Они... им нужен длинноногий. С круглыми ушами. Человек. Не ты и не

ты, — она помотала головой в сторону эльфа и коссита. — И не вы... низкорослые. Нужен человек. Иначе не выйдет. Иначе все зря...

— Что — зря?

— Все. Все, что они делают. Что они... будут делать. Им... нужны новые. Много. Для... для войны. Нужны новые матки. Поэтому они забрали... ее. Она превратят ее... Но без такого же, как она, мужчины, ничего не... не получится. Поэтому они послали меня за ним.

Воины переглянулись.

— Тебя послали за мной? — Айан недоверчиво прищурился, осмысливая услышанное. — Чтобы превратить Морриган в... в матку? А матки... делают... новых порождений тьмы? Создатель милосердный! Но почему они не пришли за мной сами?

Геспит опустила руку, отступая на шаг.

— Всех увел Большой Хозяин. Всех... оставил лишь тех, кто следит за маткой... кормит ее. Заботится о новорожденных. Вы и ты убили... многих. Их, оставшихся, больше вас. Но они слабы. Знают, что не одолеть. Они хотят тебя в ловушку.

— Почему же ты не делаешь, как они говорят? — вмешался Эдукан, с брезгливостью разглядывая отвисшие едва не до пояса кожаные мешки, что ранее были грудями гномки. — Ты ведь вурдалак. Такие, как ты, служат порождениям тьмы. Отчего предупреждаешь нас?

Безумная женщина усмехнулась.

— Вурдалак я. Служу. Но наземница говорит — вы можете помочь... пробиться... к Бранке. Хозяева... не могут, а вы... да. Я, Геспит, хочу... нужно к Бранке. Она знает — зачем. Потому и не пускает. Но вы поможете... Я... отведу.

Глава 50

Глава 50

Стена, к которой пришли спутники Стража, следуя за своей более чем странной, проводницей, располагалась в самой дальней части Боннамара, сливаясь со скальной грядой, за которой, как им казалось раньше, ничего не было. Впрочем, они уже имели возможность убедиться в способности тварей умело прятаться, когда, по пути сюда, по указке Геспид, подожгли с виду не примечательную жижу из густой скверны, что преграждала выход из города дальше, на Тропы. Даже несмотря на предупреждение гномки, вид выскакивавших прямо из пламени визжащих порождений тьмы, породил страх и омерзение. С трудом им удалось расправиться с этой засадой, впрочем, расставленной на них очень ловко. Не будь они предупреждены заранее, так или иначе, но, отправившись в путь, угодили бы прямо в нее.

— Хозяева вырыли яму, — окинув равнодушным взглядом догоравшие разбросанные големом останки порождений тьмы, бросила Геспит. — Натаскали жижи... скверны. Мне сказали: пришлые не знают — увязнут. Будет много мяса... свежего мяса. Только длинноногий... с круглыми ушами. Должен остаться жив. Он — для матки. Земная красота... его съест, — гномка вздохнула, махнув рукой. — Торопиться вам нужно. Начали уже с ней. Разум оставит ее... скоро.

Торопиться пришлось недалеко. Геспит подошла к самой стене и, пошарив за ней, с усилием отогнула несколько толстых жилистых мясных наростов, открывая узкий проход в глубокую нору. Однако, по мере того, как они протискивались во тьму вслед за гномкой,

сбивая со стен мясные побеги, и перемазываясь в скверне с головы до скользивших в жиже ног, проход делался все шире, перерастая в пещеру. Здесь уже было так жарко, словно в непосредственной близости протекали раскаленные соки земли. Само дыхание под закрытыми шлемами обжигало, как испарения плавильных печей, и лишь мысль о том, что нагретый металл защищает от заразы, бывшей здесь везде, удерживала воинов от того, чтобы сорвать его с головы.

Издали, все приближаясь, доносились утробные взревы, шлепки чего-то большого и тяжелого по жидкой скверне, громкое бурчание и похожие мокрые звуки. Иногда сквозь них прорывались как будто бы голоса, или, быть может, даже приглушенные вскрики. Но последнее могло и показаться. В непрестанно доносившихся влажных бормотании, чмоках, всхлюпах и гулких столах было непросто различить иные звуки и, в особенности, речь.

Меж тем, добравшись до края пещеры, оканчивавшегося переходом в другую, куда более темную, Геспит сделала им знак остановиться. С проворством, которое трудно было бы предположить в ее неуклюжем обрюзгшем теле, гномка в мгновение ока оказалась у входа и, заглянув куда-то во тьму, приглашающе мотнула головой.

— Идите. Справитесь. Только... не подходите к... Ларин. Не любит... чужих... плевать... будет.

Кусланд первым шагнул в пышущий жаром и теплыми испарениями проход. После того, что уже довелось увидеть, казалось, удивиться ему было бы непросто. Однако увиденное в едва разбавленном полумраке новой пещеры на несколько мгновений заставило его замереть в оцепенении от ужаса и омерзения.

Скверна, разросшаяся и застарелая, была здесь уже везде — стены и пол пещеры полностью скрывались под ней, топорщась надоевшими мясными цветами и целыми коконами, из которых стекала и отваливалась цельными кусками невообразимая желеобразная дрянь. Царившие здесь духота и вонь, казалось, могли сгноить любые внутренности. Однако не это поразило застывшего Командора.

Большую часть пещеры занимало громадное, непонятное существо, что могло бы выбраться из его самых жутких кошмаров. Огромное кольчатое тело, несколько отливавших гноем и слизью, до неимоверности раздутых брюх и подрагивавшие в жиже щупальца — все это придавало твари сходство с исполинской гусеницей, если бы не ее самый верх, венчавшийся торсом, что был отдаленно схож с женским. На теле чудища тряслись два ряда огромных, сочившихся скверной сосцов, уже явно указывавших на то, что что-то женское в нем все же имелось. Существо вяло шевелилось и взгуркивало. Внимания на вошедших оно не обратило вовсе, будто бы будучи полностью поглощенным собой.

Несколько мгновений Страж был настолько занят созерцанием твари, что не сразу понял, что в пещере был кто-то еще. Лишь несколькими мгновениями позже, обернувшись на раздавшийся откуда-то сбоку полузадушенный стон и звуки борьбы, сумел разглядеть в стороне то, что было не частью чудовища.

Среди зарослей скверны, вросшая в нее руками и ногами, на коленях стояла Морриган. Хотя стояла — сказать было бы неправильно. Молодая ведьма непрерывно корчилась, пытаясь высвободиться из лап или хотя бы отвернуться от обступивших ее порождений тьмы. Крепко ухватив за пропитанные слизью мокрые волосы, рослый гарлок не давал девушке опустить лица, притиснув одним боком к себе и пытаясь помешать вырываться. Другой топтался рядом, разжимая пальцами ее израненный рот и пытаясь наклониться к ней, чему Морриган отчаянно пыталась противиться. Где-то в темноте копошился третий,

что-то делая между разведенных бедер пленницы. Сознание Кусланда еще выхватывало раздутый, точно она уже носила дитя, грузно провисший живот ведьмы, в то время как его тело уже в несколько прыжков преодолело расстояние, отделявшее от мучителей. Никто из тварей не был вооружен, потому, к моменту, когда, вслед за Стражем, в пещеру пробрались его спутники, все было кончено. Эдукан придержал эльфа, дернувшегo было помогать Кусланду, который, стоя по колено в жидкой мерзости, вырезал полубессознательную Морриган из цепких мясных захватов и отрицательно мотнул головой.

— Слишком много скверны.

Айан подхватил ведьму на руки, но та из последних сил оттолкнула его. Упав на колени, Морриган сунула пальцы в рот, и ее вырвало той же мясной мерзостью, что была вокруг. Не глядя, она приняла от Кусланда флягу и, давась, стала жадно глотать бывшую в ней воду. Потом заставила себя вырвать еще и еще. Айану смутно припомнилось похожее — когда он и Алистер так же спасли из плена Дайлена Амелла. С трудом Страж и все-таки подоспевший Зевран смогли заставить тряскую и кацавшую зубами Морриган подняться. Переглянувшись с эльфом, Кусланд отрицательно покачал головой.

— Никаких следов скверны. Ничего. Не знаю, как такое могло получиться, но... она не заражена.

Они дернулись на звук. Лежавшее в пещере чудовище заволновалось. Гуркая и хлюпающая чаще обычного, оно дрожало и перекатывало свое раздутое тулово, поводя в сторону короткими жирными руками и вскидывая морду. Нижняя самая толстая его часть напряглась, высвечиваясь жилами. Чудище волновалось все сильнее, взрывая и мотая башкой. Щеки-брыла тряслись, из безгубого рта летела пена вперемешку с тягучей слюной.

— Что это? — одними губами переспросил Зевран, глядя на тварь во все глаза. — Как...

Он не договорил. Огромное, бурчавшее брюхом порождение тьмы напряглось. По его тулову словно пробежали волны. С хриплым ревом оно стало исторгать из себя огромные куски густого дерьма, делая омерзительную вонь пещеры еще гаже. От натуги морда твари сделалась лиловой. Воины отряда, безумная Геспит, и даже Морриган замерли, в безмолвии созерцая испражнение чудища, надутые бока которого опадали по мере того, как в едва проглядывавшейся тьме пещеры появлялись все больше продолговатых затянутых мокрой пленкой из скверны кусков. Наконец, чудище выдавило из себя последнее, и, утомленное, замерло, свесив руки и тяжело и часто дыша. Его жирный верх и заметно уменьшившееся тулово были мокрее обычного, исходя стремительно выступавшей, блестящей жижей.

— Чтоб меня... мне... великие предки!

Впервые в жизни не сумев выругаться так, как того требовало его естество, Огрэн в растерянности тискал секиру. Зевран с силой закрыл глаза, заставив себя моргнуть. Несмотря на то, что лица их были скрыты под наличниками шлемов, коссит, бывший хартиец и гномий принц казались не менее изумленными увиденным. Их изумление усилилось, когда исторгнутые куски дерьма начали понемногу шевелиться, взрывая изнутри затягивавшую их пленку...

— Это генлоки! — очнувшийся Дюран крепче перехватил рукоять топора. — Гниль пещерная, так вот, как делаются эти твари!

Выползавшие из обвисавшей лохмотьями пленочной мерзости порождения тьмы казались еще бестолковее и тупее, чем являли себя без Зова архидемона. Но телесный вид был таким, какими привыкли их видеть люди — разве что без доспехов. Твари бесцельно копошились, неосознанно пытаясь ползти к своей чудовищной матери. По-видимому, те

зачатки разума, что даровал им Зов, еще не успели пробудиться в них.

Всеобщее оцепенение длилось недолго. Первой очнулась Морриган. Желтые, уже осмысленные глаза ведьмы, сверкнули. Стряхнув пальцы Зеврана, она шагнула вперед и вскинула руки. Между ее ладоней, уплотняясь и рассеивая все набиравшую силу, сплетались нити жаркого пламени. Огонь в руках ведьмы рос, полыхая уже ярче большого костра, и бросая уродливые тени на стены и высокий потолок пещеры. Когда казалось, что пламя было готово поглотить всю ее фигуру, Морриган размахнулась, и швырнула полыхавший сгусток в копошившихся порождений тьмы...

Морриган открыла глаза. В первые мгновения ей показалось, что она досматривает успевший измучить старый сон — о том, что Кусланд пришел и спас ее. Всякий раз, когда она выныривала из глубин небытия, ей снилось одно и то же — лицо Кусланда, его меч и трупы тварей у их ног. Вот и теперь измученному рассудку ведьмы привиделось — на грудь и руки больше не давили путы из чьих-то жил, раздутое чрево не оттягивала насильно вталкиваемая рвотная жижа, а низ не тянуло тупой надсадной болью. Морриган вновь зажмурилась, а потом резко подняла голову.

Она лежала на полуистлевшем тюфяке, накрытая чьим-то плащом. Большая комната с высокими потолками, выстроенная, без сомнений, гномами, освещалась от сложенного в ее центре очага, над которым висел знакомый котелок. Возле костра, уткнувшись лбом в колени так, что его светлые волосы скрывали лицо, сидел Зевран. В руке у него подрагивала длинная ложка. Чуть поодаль, поджав ноги, друг напротив друга сидели гномы и втроем резались в карты.

Кусланд и Стен тоже сидели рядом. Коссит натягивал ремень из сбруи бронто, а Страж попытался штопать его толстой иглой с продетыми в ее ушко сушеными наггими жилами. Сам бронто грузно шевелился в другом углу, время от времени наполняя комнату сопением или грумканьем. В самом воздухе же ощущался запах гари, который натягивало как будто из незабранного дверью проема.

— Очнулась... земная красота.

Раздавшийся совсем рядом знакомый хрипловатый шепот заставил Морриган вскинуться. Геспит сидела почти у ее изголовья. Полубезумная гномка выглядела не в пример лучше, чем при первой встрече с ведьмой. Длинная рубашка Кусланда скрывала ее обезображенное тело, вымытые, насколько это было возможно, лицо и руки вкупе с забранными в хвост расчесанными волосами, внезапно заставляли подумать о ее возрасте — поэтесса едва ли была старше самой Морриган. Должно быть, даже разум ее, при отсутствии рядом тварей и постоянном соприкосновении с другими разумными, просветлел, насколько это вообще было возможно.

Зевран обернулся. На его усталом лице появилась улыбка. Убедившись, что ведьма действительно пришла в себя, Кусланд бросил упряжь Стену. Подойдя к Морриган, прижимавшей к груди плащ, он присел рядом и, убрав волосы, коснулся ее лба.

— Ты действительно здорова, — чувствуя на себе взгляды, он, в свою очередь, пытливо взглянул в лицо сузившей глаза ведьмы. — Геспит говорит — тебя кормили скверной, чтобы... чтобы заставить тебя измениться. Даже коснувшись скверны, можно заразиться ею. Как так вышло, что ты... это магия?

Некоторое время Морриган продолжала смотреть, с возраставшим раздражением ощущая взгляды мужчин уже на себе. Потом, понимая, что Страж не отстанет, досадливо дернула головой и, приподняв волосы, показала маленькое кольцо серьги в верхней части

уха. Серьга эта была украшена крохотными камнями разных цветов, расположенных причудливым, едва видимым узором.

— То мать моя дала, — опуская руку, просипела магиня, стараясь, чтобы голос ее звучал ровно. — Сказала — со Стражем ты идешь. Где Стражи — там и скверна. Должна быть у тебя защита. И все. Не ведаю я больше того, что рассказала вам.

По лицу Айана не было видно — поверил он, или испытывал сомнения. Но больше не сказал ничего, оставив ее в покое и выпрямляясь. Было похоже, что, несмотря на происходящее, мысли Стража блуждали где-то далеко, и ход их вовсе не был никак связан ни с Морриган, ни, даже, с новым способом защиты от скверны, который он вот-вот мог открыть. Во всяком случае, пока его интерес казался полностью удовлетворенным. Однако, в комнате он был не один.

— Мне, вапщет, другое интересно, — Броска в свою очередь хмыкнул, прижимая карты к груди. — Давно уж думаю. Ежели твари всех баб, которых ловят, обращают в таких вот чудищ, отчего ж вот эта, — он кивнул в сторону поведившей головой Геспит. — Осталась, как была? Чеж она рядом с той, которую спалили, новых генлоков не делала?

На некоторое время повисла тишина. Ее нарушил эльф. С силой проведя тыльной стороной ладони по лбу и щеке, он стер с лица улыбку, возвращая на него выражение крайней усталости и равнодушия.

— Она бесплодна, — Зевран отвернулся к котлу, игнорируя отвисшие в изумлении бороды гномов. — Это единственное объяснение. Я, во всяком случае, другого не вижу.

Геспит посмотрела на Броску. Толстые темные губы дернулись то ли в ухмылке, то ли просто в судороге.

— Длинноногий... красивый, остроухий прав, — она глубоко вздохнула, выдыхая воздух на Морриган, которая, кутаясь в плащ, с брезгливым видом отодвинулась к краю ложа. — Они пытались... пытались обратить много... долго. Боль... много боли. Очень много. Растянули чрево, растянули... все. Но детенышей не было. И превращения не случилось. Геспит стала не нужна. Ни им не нужна. Ни Бранке...

— Стой, погодь, — по-видимому, разговор между спутниками Стража и безумной женщиной случился только теперь. Должно быть, ранее было не до того. — Погодь, — Огрэн бросил свои карты, поднимаясь. — Ты, мохоедка... поэтесса, чтоб тебя. Говори теперь, куда подевалась моя лапушка! Где, мать ее, Бранка?

Глава 51

Глава 51

— Здесь.

Воины в молчании созерцали грот, куда привела их поэтесса. Для того чтобы сюда попасть, им пришлось довольно долго идти дальше от Боннамара в сторону Диких Троп. Впрочем, дорога была не в худшем состоянии, чем в городе Легиона Мертвых. Было видно, что когда-то ею часто пользовались. Геспит вела своих спутников через поросшие съедобными грибами и мокрым кислым лишайником гроты, которые, должно быть, ранее были полями, где выращивали пищу для легионеров. Несмотря на обилие мясных цветов и скверны в самом Боннамаре, здесь их не было совсем. Причиной тому были, скорее всего, те самые источавшие слизь синие грибы, которые произрастали меж съедобных во множестве.

Воздух был влажным и душным. Похоже, где-то неглубоко протекали горячие воды, потому что путников то и дело оевало мокрым жаром.

— Ну, точно парная, — вслух бормотал антиванец, в который раз смахивая пот со лба. Превшие под доспехами гномы вторили ему согласным пыхтением. Даже Морриган, облаченная только в рубаху, то и дело вынуждена была утирать лицо и шею.

Но, в конце концов, путники были вознаграждены. Съедобные растения кончились. Дорога привела их к незамеченным в дальнем конце пещеры воротам, не каменным, а, против обыкновения, железным. Должно быть, оттого они теперь и валялись сорванными около проема, который поставлены были закрывать. Чуть поодаль, почти скрытые под грибной порослью, были сложены три кучи горелых камней.

— Здесь, — повторила Геспит, простирая руку в эту сторону. — Трое. Мвин, Закар и Тельм. Их приложило, когда они открывали ворота. Ловушка... Успели отдать их камню. Хотя и не совсем... совсем как надо. Бранка... торопилась.

— Бранка шла за Наковальней? — Кусланд выглядел мрачным и каким-то больным. Впрочем, остальные из его отряда едва ли гляделись лучше, хотя, против опасений, скверной не заразился никто. Синие грибы и доспехи Легиона хорошо сослужили свою службу.

— Наковальня, — Геспит кивнула, косясь на темный вход. — Бранка, моя любовь... одержима. Наковальня — вот ее демон. Использовала... всех. Вышла за пьяницу. Чтобы никчемный муж не помешал ей... ее исследованиям. А воины из его касты... присоединились к ее дому. Ей нужно было много, много воинов... — не обращая внимания на покрасневшее от гнева лицо Огрена, полубезумная гномка тяжело и шумно вздохнула. — Глупая поэтесса долго... копалась в библиотеке... в свитках древних. Поэтесса знала... старый язык лучше любого летописца. Ведь она — из касты ученых. Геспит считала, что это — во имя любви. Все — во имя любви... и нежности. Но Бранка... Бранке не нужна была ее любовь. Бранка... привязала телесно... но предала, как только ей потребовалась жертва... жертва для тварей. Цель была близка... Поэтесса... и старый язык больше были не нужны.

Кусланд переглянулись с Эдуканом, а антиванец — с Морриган.

— Хош сказать, что промеж вас была любовь? У тебя и Совершенной? Ну, дела... — Броска покосился на рыжего проводника, подбородок которого подрагивал, заставляя подпрыгивать косицы в бороде. Мясистое лицо Огрена то краснело, то бледнело. И, против обыкновения, сказать что-то теперь он не пытался. — Я-т думал, такое только у наземников бывает, и то не соседей, а тех, что к этим... как их там... Антиве иль Орлею ближе.

— Геспит стала не нужна, — тем временем продолжала гномка, отстраненно, будто вновь погружаясь в муть бездумья. — Но нужны были другие. Чтобы пройти по Тропам. Через тварей... хозяев. Чтобы войти в Зал Каридина, проникнуть... Защититься. Они гибли... погибли все, чтобы дать ей пробиться. Но она не пробилась, — запрокинув голову, Геспит вдруг рассмеялась — хрипло и торжествующе. — Она не пробилась, нет. Она прошла Преддверие. Комнату Испытаний. Прошла по телам последних из своего дома. Но дальше не смогла. Ее не пускает. Не пускает!

— Подожди. Ты сказала — Комната Испытаний? — Дюран в изумлении поднял светлые брови. — Так она существует?

— Что за Комната? — избегая смотреть на все еще менявшего цвета Огрена, мрачно поинтересовался Кусланд. Эдукан пожал плечом.

— О ней рассказывали легионеры. Из тех, кто постарше. В особенности, когда случалось время, и поблизости не было тварей, — он невесело усмехнулся. — Хотя бывало

такое, конечно, нечасто. Рассказывали, разумеется, не только о Комнате. О многом. Но о Комнате я запомнил, потому что по легенде она находится именно здесь, в Боннамаре. Каридин придумал ее сам для любого, кто осмелится войти. Любого легионера, — уточнил он.

Броска посмотрел в сторону темного проема.

— А че в ней такого? — без особой приязни спросил он. — На кой она была легионерам?

— Этого никто толком не знал, — после некоторого молчания, во время которого, по-видимому, решал, стоит ли отвечать неприкасаемому, проронил, наконец, опальный принц. — Как будто бы эта Комната... Если пройти ее из конца в конец, любой, вступивший в Легион мог его покинуть.

Кусланд остро взглянул на него.

— Покинуть Легион? — с непонятым интересом переспросил Командор, кусая губы. — Вы же... гномы... считаетесь умершими после вступления. Я думал... мне говорили — Легион можно покинуть только после смерти.

Дюран снова пожал плечами — на этот раз обоими.

— Страж, я не знаю, что имел в виду Каридин, существовала ли вообще эта Комната, и та ли Комната сейчас находится перед нами. Я слышал, что, пройдя Комнату Каридина, легионер мог с полным правом вернуться к жизни. Это... подобно второму рождению. Если был достоин. И все. Что бы это могло значить — не знаю. Мне не рассказывали.

Командор обернулся к Геспит, которая, отсмеявшись, вновь ушла в себя, перетаптываясь в опасной близости от неподвижной Шейлы. Сама же каменная женщина после визита в нору порождений тьмы сделалась еще отстраненнее и словно бы неживее, чем казалась ранее. Айан поймал плечо безумной поэтессы и встряхнул, заставив посмотреть на себя.

— Геспит, что там, дальше? — он давно уже чувствовал, как огромная толща камня все сильнее давит ему на плечи. Но отчего-то теперь это ощущение сделалось совсем невыносимым. — Что говорила Бранка? Там — Наковальня Каридина? Почему она шла по телам ее спутников? Что значат все твои слова?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Гномка поджала толстые серые губы.

— Бранка торопилась, — повторила она неожиданно внятно и почти спокойно. — Твари шли следом за нами. Растеряли всех воинов... Весь дом. Но дошли. Твари... не былс конца. Они хотели нас... жаждали обладать нами. Мужчинами и женщинами. Но женщинами — больше. Мужчин они убивают... К ним милосерднее. А женщин... Нас оставалось только трое. Геспит, Ларин и Бранка. Бранка знала... И потому очень торопилась.

Она обернулась к темному проему, указав на него рукой.

— Когда дверь, наконец, сняли, Мвин, Закар и Тельм были уже мертвы. Остальные — начали умирать там. Геспит... я... слышала крики. Первых, тех, кто вошел в эту комнату. Они перекрывали даже шум битвы. Мы, те, кто остались, отбивались от... тварей. А Бранке все торопилась...

Кусланд терпеливо дожидался продолжения. После путаного рассказа вурдалака никто из прочих тоже не спешил идти в темный провал.

— Они так и не добрались до... до Совершенной, — Геспит покачала головой, несильно потряхивая ею. — Я потом часто приходила сюда. Звала ее. Но она... она не отвечает. Я,

Геспит, не могу идти к ней сама. Не дойду. Твари не дошли. И я не дойду. Но мне очень надо к Бранке. Очень. Земная красота... обещала мне. Вы, Стражи, дойдете. Ведите. Я... пойду за вами.

Кусланд обернулся на вспыхнувший в руках ведьмы огонь. За время разговора успевшая незаметно для всех сползти со спины бронто Морриган стояла теперь у самого темного проема, опершись на его край. Впрочем, пещера внутри уже не казалась такой темной. Она переливалась великим множеством мелких огней, дробившихся отсветами от пылавшего в руках магини сгустка горячего света. Подошедшие ближе воины в изумлении созерцали зал, невеликий, в сравнении с прочими пещерами, которые им пришлось миновать, однако довольно протяженный. Пол и потолок диковинного зала были выложены гладкими зеркальными плитами, а стены — словно поросли длинными и узкими кристаллами, столь беспорядочно и, одновременно, плотно, что с того места, где стояли путники, было не разглядеть, являлись ли они рукотворными, или в этом месте пещера сама украсила стены подобным.

— На первый взгляд ничего опасного, — как и прочие, войти, однако, Зевран не торопился. Хотя зал оказался не просто не страшен, а даже красив, в его красоте было что-то настораживавшее. Ведь если верить словам безумной проводницы — остатки гномов из своего отряда Бранка потеряла именно здесь.

— Ну как жишь не опасно, — сунувшийся в проем Броска мотнул головой на разбросанные на гладких плитах многочисленные кости — от полусгнивших, с остатками одежды, доспехов и плоти, до выбеленных временем и гладких. Кости были везде, но более всего — в самом начале пути, перед входом. — А эти отчегой-та передохли?

Морриган размахнулаась и метнула клубок огня, что по-прежнему перекачивался у нее между ладоней, в проем. Несмотря на то, что руки ведьмы были по-прежнему слабыми и сильно дрожали, пламя беспрепятственно пронеслось через весь зал и рассеялось, не долетев всего с десятков шагов до его конца. На несколько мгновений свет огненного заклятия выхватил из темноты плотно закрытую противоположную дверь и два больших, вполовину гномьего роста, рычагов на двух противоположных от нее концах зала у самых стен.

— Давайте, попробуем вот так, — в свете огня, что вновь сотворила ведьма, антиванец подобрал средних размеров булыжник и бросил его между двух лежавших друг на друге вповалку полуистлевших порождений тьмы.

Зал оставался по-прежнему спокойным и тихим. Отвлечшийся от переживаний Огрэн упрямо шмыгнул носом.

— Гарррлокова отрыжка, и долго нам тут стоять? Пустите меня, если сами...

Ему пришлось посторониться, пропуская Стена. Говоривший еще меньше голема коссит с трудом нес перед собой кусок скалы размером с голову бронто. Остановившись в проходе, он с усилием уронил свою ношу в комнату в двух-трех шагах от двери.

Никто не успел толком понять, что произошло. Под весом скалы плита неожиданно легко ушла в пол, а вслед за этим над ней словно что-то мелькнуло. Стоявшие в дверях отпрянули от внезапно ударившей во все стороны колкой крошки, которая разлетелась от покореженного как будто бы множественными ударами долота каменного куска.

— Теперь-то уж ясно, — уверенно завершил сомнения Зевран, стирая кровь с рассеченной щеки. — Обычная комната с ловушками. Это вроде как вы говорили — кто пройдет до конца, тот переродится? Создатель всемилостивый, ну, разумеется, что если пройти на другой конец этой мышеловки и остаться в живых, то это действительно можно

приравнять к второму рождению.

— И чего делать? — мрачно сопя, Огрен поочередно оглядел всех спутников, кроме Геспит и Шейлы. — Тут даже вот она, — он дернул бородой в сторону невозмутимого голема, — не пройдет. Дальше двух-трех шагов. Раскрошит — потом не соберешь.

— Бранка знала, — вновь ожила безумная поэтесса, без опасений разглядывая идеально подогаанные друг к другу острейшие кромки зеркал и вновь теперь сложенные острия кристаллов, что были прочнее и тверже самого гранита и действительно могли в два-три удара разбить даже тело Шейлы. — Комнату можно... усыпить. Если... едино... моментно... прикрыть оба... Глаза Каридина. Но только одновременно! Иначе не выйдет...

— Какие еще глаза?

— Наверное, она имеет в виду вон те рычаги, — Кусланд указал в едва разрежаемую светом полутьму в конце комнаты. — Это их нужно нажать одновременно.

Морриган устало усмехнулась.

— Я погляжу, что сделать можно, — размахиваясь и бросая огнем в одно из дохлых порождений тьмы, из-за чего то внезапно вспыхнуло, словно факел, медленно проговорил она.

Сбросив с плеч рубаху, ведьма с третьего раза обернулась все-таки птицей и, тяжело взмахнув крыльями, с трудом поднялась под самый потолок Комнаты.

Мигом позже она с криком упала обратно, на зеркальный пол, зажимая расплоскованную руку. С потолка, словно из пустоты, невообразимым образом капало красным.

— Замри! — мигом оказавшийся в дверном проеме Зевран предостерегающе поднял обе ладони. — Замри, моя чародейка. Не сходи с этой плиты!

Пошатываясь и кусая губы, обнаженная Морриган поднялась на ноги. До безопасного места, где стояли ее спутники, было три шага. Но, чтобы их сделать, нужно было надавить своим весом еще на одну плиту.

— Что случилось? — Кусланд посмотрел вверх, однако, по-прежнему не видел ничего, кроме потолка. — Там что-то есть?

— Зеркала, — морщась, ведьма провела окутанными голубым сиянием пальцами вдоль линии пореза. — Там зеркала тоже. Как мечи. Не видно их отсюда.

Она перетекла в форму большой черной кошки и, совершив прыжок, выпрямилась у ног Кусланда уже человеком, одновременно подхватывая с пола свою рубашку. Эдукан хмыкнул, с все большим интересом оглядывая фигуру облачавшейся ведьмы.

— Никогда не завидовал вашим наземным магам, — он покачал головой. — До сих пор.

— Нужно что-то решать, мой Страж, — Зевран со вздохом распустил ремень, снимая тяжелый наплечник. — Боюсь, что наш пахучий друг прав — Шейла здесь не пройдет. Эти камни, как я понимаю, алмазы? Они раздробят ее еще до того, как она дойдет до середины комнаты. При условии, что это — единственный вид ловушек в этой... Комнате.

— И что ты предлагаешь? — Айан еще раз взглянул на изломанные кости порождений тьмы, и с силой потер костяшками пальцев нахмуренный лоб. Ему до гарлоковой плечи надоело таскаться по Глубинным тропам по колено в дерьме и скверне в погоне за неуловимой Совершенной, много недель подряд не видеть неба и все время чувствовать страх за себя и своих спутников. Встреча же, а потом и расставание с Сигрун окончательно лишили его душевного равновесия. Осознание того, что цель их путешествия была так близка, но одновременно с тем, так недостижима, приводила его в ярость и, одновременно,

заставляла чувствовать усталое бессилие. Единственное, что приходило ему в голову — это все-таки отправить в комнату смерти Шейлу, хотя не мог не признавать правоты товарищей — до конца пути могучая, но медлительная и неповоротливая голем могла и не дойти. Помимо того, если они поняли все правильно, то для отключения ловушек действительно необходимы были не один, а двое.

— А что тут предложить, мой Страж? Ни ты, ни твой суровый сородич, никто из этих неповоротливых гномов, простите, мои друзья, не сможете пройти здесь и четверти пути.

— А ты сможешь? — уже понимая, к чему он клонит, угрюмо спросил Айан. Эльф дернул плечами, со стуком сбрасывая на пол нагрудник и берясь за тяжелые гномьи поножи.

— Ничего не могу обещать, — он потряс ногой, сбрасывая задрезавший по камням доспех. — Однако...

— Однако не торчать жешь нам тут до старости, — поддержал его Броска, в свою очередь скидывая собственный нагрудник. — Чей вы смотрите? Там два рычага. Хуч поперек себя растянишь, до двух сразу он не достнет. В особенности, ежели придется силой налечь.

Зевран сбросил сапоги, наблюдая, как Броска делает то же самое.

— Ты гном, — только и обронил он, глядя на бывшего хартийца со смесью уважения и сожаления. — Ваша реакция — хуже. Тебе не дойти, мой друг.

— Ты б придержал язык и беду не кликал, генлокова задница, — Броска еще раз крепче перевязал волосы и, шмыгнув, вытер под тонким носом. — А то давай наперегонки? Кто последний — тому шалобан? А? Спугался?

— Друзья, — Кусланд стиснул зубы, давя вздох. — Будьте осторожны.

— Не бойсь, — Фарен подмигнул Стражу, потом антиванцу. — Эт вон пусть эльф боится. Лбы-то у них слабые. Кабы не шибко-то шалобаном его приложить... А, эльфенок? Готов?

Вместо ответа Зевран показал в улыбке белые зубы и без предупреждения мягко спрыгнул босыми ногами на первую плиту.

Глава 52

Глава 52

Товарищи напряженно следили за каждым движением как эльфа, так и самой смертоносной комнаты. Однако, после прыжка Зеврана, все осталось на месте. Ни один из скрытых здесь механизмов не пришел в действие.

— Повезло, — коротко выдохнув, антиванец обернулся к изготовившемуся прыгать тоже Броске. — Друг мой, не нужно лишнего риска. Просто держись за мной и ступай по проверенным плитам.

— Само собой, — Фарен обвел взглядом валявшиеся то тут, то там раздробленные останки порождений тьмы. — На рожон не полезу, не бойсь. Иди, остроухий. Я прям за тобой.

Зевран медленно и осторожно потянул из ножен оба своих меча. Присев на проверенной плите, он сперва провел лезвием над следующей и, убедившись, что от такого действия ничего не происходит, с силой надавил обоими остриями на гладкую зеркальную поверхность.

Он едва успел отшатнуться, ничком падая на пол. Свистнувшие сверху каменные брусья с силой впечатались в то место, куда только что упирались его мечи. Антиванцу удалось спасти только один из своих клинков. Другой отнесло далеко в сторону, где он замер, остановившись об изъеденный ржавчиной пробитый в нескольких местах доспех порождения тьмы.

— Сюда, стал быть, нельзя, — заключил Броска, вытаскивая свой меч и перебрасывая его ассасину. — Держи, Зев.

Поймав гномий клинок за рукоять, эльф тем же способом проверил следующую перед собой плиту. Она оказалась надежной, и Зевран со всеми осторожностями шагнул вперед.

— Не так далеко до конца, как кажется с порога, — Броска уже был там, где только что стоял антиванец. — Слышь, Зев. Глянь. Мне мож и кажется, но эти... которые опасные. Они чуток повыше. Зришь?

Зевран вытянул руку с зажатым в ней мечом, и осторожно тронул острейшую грань лезвия зеркала, выставленного ребром так, чтобы, не зная, можно было бы раскроить себя об него пополам, просто сделав шаг вперед.

— Как будто бы ты прав, — осторожно протискиваясь между режущих кромок, признал он. — Но разглядеть, какая из них действительно поднимается выше — непросто...

Он шагнул еще. Потом на следующую плиту. Плиты молчали. Пробиравшийся вслед за эльфом Броска, несмотря на то, что его дорога, проверенная антиванцем, становилась куда безопаснее, был хмур и сосредоточен, и не менее хмурыми были взгляды дожидавшихся за порогом зала товарищей. Путь вперед мимо невидимых зеркал, могущих висеть как сверху, так и быть вделанными снизу и приходящих в движение каменных молотов заставлял соблюдать предельную осторожность.

— Этот ваш Каридин был настоящим извра... сумасшедшим, — стремительно уворачиваясь от брызнувшей сверху струи прозрачной жидкости, которая в несколько мгновений оставила выеденный след на полу, с шипением впитываясь в его зеркальную поверхность, Зевран в прыжке перемахнул через опасную плиту. — Иначе не объяснить...

Он резко дернулся назад, спасаясь от молниеносно рухнувших сверху алмазных штырей, что на полпальца не достали до его груди. При этом, сам того не желая, наступил на чуть выступавшую плиту, через которую совершил прыжок лишь несколькими мгновениями ранее.

Плита перевернулась, точно крышка на вскипающем горшке. Пол мгновенно ушел из-под ног Зеврана. Уже в падении, он попытался бросить свое тело в сторону, но успел только уцепиться за край провала. Зеркальная плита скользила под его пальцами, не давая опоры. Антиванца спас лишь его невеликий в сравнении даже с человеческим, вес. Человеку, а тем более, гному, было бы не удержаться в провале тех нескольких мгновений, за которые Броска успел оказаться рядом и, в свою очередь уворачиваясь от струи брызнувшей в него кислоты, поймать уже исчезающие за краем пальцы эльфа. Ко всему прочему сверху его приложило перевернувшейся плитой, которая норовила встать на место.

— Вот жешь... з-задница бронторожья, — Фарен перехватил запястье антиванца другой рукой и медленно потянул его вверх, чувствуя затылком все более настойчивые попытки древнего механизма уложить плиту на место — то самое, в котором теперь зиял провал. Зевран вцепился в ладонь и плечо гнома, чувствуя ногами поднимавшийся снизу жар. Теперь, когда пол вскрылся, сделалось видно, что на самом деле толща пола Комнаты висела будто бы над чашей, что образовывала здесь пещера. Чаша эта была заполнена раскаленной

плотью земли, что мерно текла куда-то беспрерывным потоком.

— Что ж, зато теперь понятно, отчего здесь нечем дышать, — пробормотал антиванец больше для себя, вползая вслед за Броской на уже проверенную плиту. Ничем более не удерживаемая зеркальная пластина над провалом встала на место с хрустящим стуком. — Спасибо, друг гном.

— Да чевой там, — Броска поднялся, балансируя вытянутыми в стороны руками, в опасении ненароком шагнуть куда-нибудь еще и с силой потер ушибленный затылок. — Это хорошо, что ты тудой свалился, а не я. Тебе б меня было не вытащить.

— Как у вас там? — донесся до них голос Кусланда. За то время, что потратил Броска на помощь бывшему ассасину, Айан успел забраться на три плиты внутри комнаты. Дальше дорогу он не помнил и оттого оставался на месте, с облегчением видя, что его помощь не понадобилась.

— У нас тут порядок, — Броска посторонился, давая подняться Зеврану. — Стой, где стоишь.

— В самом деле, мой Страж, — антиванец поморщился, оглядывая оставшийся им путь. — Не ходи сюда. Мой спаситель немного неповоротлив, но ты в своих доспехах еще неповоротливее его. И возвращаться не нужно. Просто стой!

Кусланд опустил уже было занесенную над полом ногу и замер. Зевран и Фарен вновь двинулись вперед, уворачиваясь от приходивших в движение стен, падающих с потолка дробящих каменных и алмазных штырей и балок, высматривая на пути острейшие зеркальные ловушки и стремительно перепрыгивая через открывающиеся в полу провалы. Не останавливаясь и почти не прерываясь, они словно исполняли какой-то особый танец — повторить который решился бы далеко не каждый. И далеко не каждый из решившихся дожил бы до его конца. Стоило признать — без особого вреда для себя пройти комнату Каридина мог бы лишь ловкач, обладавший бы эльфийской гибкостью и силой гнома. Любой прочий едва ли мог бы рассчитывать на счастливый исход.

Наконец, совершив последний прыжок, Зевран мягко приземлился на плотную плиту — не зеркальную, а гранитную. Мигом позже рядом с ним тяжело упал Броска. Оба — и гном, и эльф гляделись так, будто множество раз за короткий промежуток времени попеременно получали то помилование, то смертный приговор, стоя уже на эшафоте. Но дело было почти сделано.

— Давай, друг мой, — Зевран мотнул подбородком в сторону одного из рычагов, рукояти которых, как теперь уже было видно, и в самом деле неизвестный — хотя, быть может, и известный, мастер сделал в форме глаз. — Закончим это дело.

Он и с трудом поднявшийся Броска, рубаха на котором была пропитана кровью и расплосована в двух местах, когда хартиец неверно рассчитал направленность взмаха появившегося словно изнеоткуда зеркального лезвия, встали каждый у своего рычага. По знаку Зеврана оба глаза одновременно были опущены вниз.

Послышался трущийся скрежет. Стремительно обернувшиеся эльф и гном увидели на месте плотной каменной двери пустой проем. За ним виднелась пещера, бывшая в несколько раз большей, чем Комната Каридина. Насколько было можно судить от дверей, она довольно ярко освещалась множеством прорезывавших стены и пол лириумных жил.

— Ну, чего там, уже можно идти?

Кусланд обернулся на насупленного Огрена и молча сделал приглашающий жест рукой. Несколько минут спустя они, тщательно обходя никуда не убравшиеся зеркала, уже входили

в заполненную лириумом пещеру.

Посреди зала лежали обломки большой статуи, которая при беглом взгляде напоминала исполинскую гномью голову, отчего-то с четырьмя лицами. Рядом из двух более или менее равных обломков был сооружен длинный стол. На этом столе валялись несколько свитков, две толстые истрепанные книги и писчие принадлежности. У стола неподвижно застыл каменный голем. Чуть поодаль, ближе ко входу, стояли еще двое. Между ними поигрывала жезлом курносая гномка с впалыми щеками. Кольчуга на ней висела мешком, а выглядывавшие из-под тусклого железа рукава гляделись несвежими и рваными. Отросшие темные волосы небрежно перехватывал кусок кожаного ремня, какими обычно повязывали головы кузнецы. Глаза гномки были сужены, а длинные худые пальцы беспокойно перебирали наверх жезла повиновения големов. Было件件件, что она без колебаний отправит против неожиданных гостей своих каменных воинов в любой момент.

— Бранка! — растолкав Кусланда и Броску, Огрэн выскочил вперед. Его обвислые усы встопорщились, и даже борода, казалось, встала дыбом. — Бранка, мать твою за ногу! Ты... ты жива, про... проклятая м-мохоедка! Ты... я... Я, мать твою, весь зад истер, потому что места себе не находил! Какого гарлока ты до сих пор здесь торчишь?

Совершенная гномов, единственная из ныне живущих, предостерегающе вскинула жезл, делая знак ринувшемуся к ней мужу остановиться. На ее обкусанных губах появилась сухая усмешка.

— Надо же, — низким, неприятным голосом, медленно, словно заново вспоминая речь, проговорила она. — Ты все-таки пришел сюда и нашел меня, Огрэн. Странно, но ты оказался не таким ничтожеством, каким я всегда тебя считала. А это кого ты с собой притащил?

На несколько мгновений повисла тишина. Первее всех успел понять, что должно было случиться, гномий принц. Шагнув вперед, он перехватил запястье Огрэна у самой рукояти его секиры и чувствительно сжал.

— Держи себя в руках, воин, — негромко приказал он. — Если она бросит против нас големов, мы погибли.

Взгляд Бранки переместился на него. Набрякшие безресничные веки дрогнули.

— Эдукан? И ты здесь? Не могу постичь, как мой никчемный муж мог заполучить такого важного помощника. Разве только если... Ну, конечно. Тебе самому нужна моя помощь.

— Нет, — Дюран еще раз сжал плечо красного, как вареный наг, Огрэна, который дрожал мелкой дрожью от мясистого лба до кончиков своей бороды. — Помощь требуется не мне, а моему брату Белену. Он уговорил Серых Стражей отправиться в экспедицию на твои поиски, Совершенная.

Бранка встретилась глазами с Айаном. Тот коротко поклонился — приветственно, но без почтения.

— Здравствуй, Совершенная Бранка. Рад видеть тебя живой. Я — Командор Серых Стражей Ферелдена Айдан Кусланд. Принц Белен обеспокоен твоей судьбой, и всего твоего дома. Он связался со Стражами и попросил найти тебя на Тропах и помочь вернуться в Орзаммар. Теперь путь свободен. Мы можем идти в любое время, когда ты будешь готова.

Совершенная усмехнулась снова. Усмешка ее по-прежнему оставалась неприятной, однако жезл она опустила.

— Долгие периоды, что заменяют нам, гномам, день и ночь, я оставалась здесь, в Боннамаре, наземник. И никто не приходил, чтобы мне, — она качнула головой, — помочь.

Не знаю, какой твой интерес в этом деле. Но ты зря пришел ко мне, Страж. Я здесь по своей воле. И не покину это место до тех пор, пока не получу то, ради чего ушла из Орзаммара.

— Ты говоришь о Наковальне Пустоты? — Айан в свою очередь поймал за локоть решившегося все-таки заговорить Огрена. Однако, это уже не помогло.

— Бранка! — видимо, делая над собой усилие, чтобы не дать волю гневу, он с силой сжал в кулак протянутую к рукояти секиры ладонь. — Ты себя послушай! Что случилось с той гномкой, на которой я женился когда-то? Да ты была девочкой, на которую посмотришь — и видишь, какая она необыкновенная. А с тех пор, как ты узнала об этой треклятой Наковальне, ты сделалась как одержимая! Посмотри, женщина, что ты натворила. Ты ж убила весь свой дом. И ради чего? Где она, твоя гарлокова Наковальня? Она, небось, давно рассыпалась, иль Каридин ее в дерьме утопил. Туда ей и дорога. Пошли, говорю, обратно. Делать тут больше нечего.

Гномка дернула щекой, стирая брезгливую гримасу, которая все больше искажала ее лицо по мере того, как говорил ее муж.

— Тебе не понять. Ты же никогда ничего не понимал, — она тронула одно из колец на жезле, и каменные воины пришли в движение. Сопровождаемая ими, Бранка отвернулась от пришлых и пошла через выложенную тесаным камнем дорогу к противоположной стене зала, туда, где высились не замеченные во тьме путниками ранее двери. Гостям волею-неволей пришлось следовать за ней. Совершенная подошла к самой двери, которая имела такой вид, словно ее долгое время пытались, но не сумели выбить осадным тараном, и ткнула жезлом в сторону видневшегося между створок отверстия для ключа. Отверстие это было как будто бы в форме оголовья жезла, однако Бранка досадливо мотнула головой.

— Последний оплот защиты Каридина, — Совершенная резко обернулась к гостям, и ее тусклые глаза сверкнули по-волчьи, зло. — Геспит сумела раскопать его переписку с королем. Под конец жизни Каридин выжил из ума, и требовал уничтожения своего величайшего творения. В последнем письме он настаивал на этом — чтобы разобрать Наковальню и обломки отдать Камню. Хвала предкам, что они даровали королю разум не поддаться тому же безумию!

— То есть, ты уверена, что Наковальня Пустоты находится за этими дверьми? — бывший принц приблизился к плотно закрытым створкам, и провел освобожденной от перчатки рукой по их поверхности. — Почему?

— Помимо переписки с королем, Геспит, поэтесса из касты ученых, нашла еще кое-что, — Бранка постучала жезлом об колено, не сводя глаз с пришлых гостей. — Послание Каридина. «Оплот великого зла — за Комнатой его создателя. Молю тебя, о Неизвестный, приди и помоги закончить то, чего никогда не стоило начинать». Подписано оно именем Каридина, и, хотя подпись доподлинно похожа на те каракули, какими Каридин марал все его бумаги, почерк, тем не менее, не его. Словно мастер был нетверд на руку, когда писал это, и оттого поручил написать кому-то другому, а сам лишь расписался.

— Ты уверена, что документ — подлинный?

Бранка дернула плечом.

— Так указала Геспит, а она... была очень полезной долгое время. Жаль, что эту тряпку пришлось скормить гарлокам раньше, чем в ней отпала полная нужда. Вот уже сколько времени я не могу разобраться, — Совершенная с силой пнула исполинскую каменную створку, — какого нагьего дерьма мой жезл не подходит к этому замку. Геспит сказала, что по инструкции, оставленной Каридином, дверь, за которой он спрятал Наковальню, откроет

только жезл повиновения големов! Вот он — жезл. Но им невозможно открыть эту дверь. Как будто моему жезлу чего-то не хватает.

— Быть может, стоит спросить у самой Геспит, — Эдукан, все более воодушевляясь открывавшимися перед ним возможностями, обернулся к группе. Кусланд, Броска, Зевран, Морриган и даже Огрэн и Стен завертели головами. Однако, безумной поэтессы среди них не было. Когда и куда она ушла — не заметил никто.

— Если бы могла, я бы спросила, — Совершенная горько поморщилась, опуская жезл к полу. — Теперь — бесполезно. Эту дверь не пробить. Я долгое время пытаюсь решить загадку Каридина, но...

— Сбрендил ты со своей загадкой, — Огрэн сделал еще одну попытку воззвать к разуму своей жены. — Идем домой, Бранка. Х... хоть бы она пропала, эта наггова Наковальня.

— Мож, не зря ее запечатал Каридин? Ежели оно все правда? — рискнул подать голос Броска. И, видя, что взгляды обратились на него, пояснил. — Он, Совершенный то есть, мог знать чета, че не знаем мы. Эт как теперь помню — случилась у нас, в Пыльном, история. Был один такой, Палек, парень, канеш, лихой. На Тропы хаживал в обход Главных-то ворот, как по Верхнему Орзаммару — ни тварей не боялся, ни зверья, ни завалов, ни провалов. Все слышь, к заброшенным тейгам ходил, да добро таскал оттудать всякое. Ну, как водится, толкал его и жил се лучше какого ни есть дешира. Просились к нему, канеш, чтоб, знач, тоже до тейгов наведываться, да тольк он никого никогда с собой не брал — ходил все сам. Ну и раз принес он, знач, что-то вовсе небывалое. На порошоквый лириум похоже, ток не лириум то был. Щепоть в жратву — и реакция, что у тоннельника в период случки, сила бронто и спать не надо три периода. Да и потом вроде как устаешь поменьше. Наши, из Хартии, понятное дело, обрадовались — ну как жишь, с такой силищей можна было враз скинуть деширов и весь Орзаммар поставить на колени. Ток через десятка полтора периодов с теми, кто порошок-то принимал, делалось неладно. Они, слышь, хуч и не слабели, да ток тупели на глазах. Шкура, опять же, лопалась, висела лохмами. И морды менялись — у бронто — и то краше. Потом и вовсе... кароч, Берат, он тогда еще Хартией заправлял, велел их перетравить к гарлокам, потому как с мечами к ним приближаться уж опасались, и — концы в лаву. И пральна сделал. Видал я мельком последнего, кого не сразу со всеми порешить удалось — страх, и тока. Кароч, что хочу сказать... Големы — оно, канеш, и хорошо, да ток Каридин, небось, тожа был не дурак. С чегой-та он решил разломать свою Наковальню, или что?

— В общем, — выслушав неприкасаемого, отрывисто выплюнула Бранка, скрещивая руки на груди. — Вы все мне тут не нужны. Помочь не можете, а просто так здесь делать нечего. Возвращайся домой, Огрэн, — она нетерпеливо мотнула головой в сторону выхода из зала. — Возвращайся, и навсегда забудь, что это был дом Бранки. Возьми себе другую жену. Если хоть кто-то захочет пойти за такой вонючий бурдюк с элем, как ты. Деширам можете передать, что вам угодно. Мне нет разницы, кто будет занимать трон Орзаммара. Если не принести Наковальню, сам Орзаммар исчезнет через два-три поколения. А до тех пор все будет только хуже. И хуже.

— погоди, Бранка, — успел все-таки вставить Кусланд, снимая с пояса собственный жезл. — Мы нашли вот это на Тропах. Это может взять в руки только маг, — поспешно объяснил он. — Быть может, им стоит попробовать открыть эту дверь?

Впервые на почерневшем осунувшемся лице гномки мелькнула тень заинтересованности.

— Тебе удалось удивить меня, Страж. Я не смогла бы узнать в тебе мага, — она еще раз окинула Кусланда уже куда более внимательным взглядом. — Мы можем проверить и твой жезл. Приложи его к отверстию для ключа. Не думаю, что этим ты можешь причинить какой-то вред.

Обойдя големов, заступавших ему путь, Айан приблизился к двери и, помедлив, вложил наверхье своего жезла в нужную выемку. Внезапно жезл словно дернуло вперед, так резко, что Стражу едва не вывихнуло плечо. Выпустив его из рук, Кусланд отпрыгнул от двери, и вовремя, потому что исполинские створки вздрогнули и, под рокот и щелчки невидимых механизмов, стали медленно открываться.

Взглядам гостей пещеры предстал просторный, как и многие другие, зал, служивший вместилищем огромной кузни, совмещенной с обширной мастерской. В дальнем конце зала, можно было разглядеть обрыв, напротив которого куда-то вниз падал лавовый поток. Потянуло нестерпимым жаром. По левую руку от входа стена была испещрена выбитыми на ней в камне письменами. Рядом стояли несколько высоких шкафов, в которых в правильном порядке лежали книги и свитки рукописей. Зал выглядел так, как будто в нем непрестанно шла работа, прервавшаяся лишь незадолго до появления незваных гостей. И в самом деле, откуда-то из-за станков доносился шум, как будто кто-то с силой бил кувалдами по камню пола.

Звук становился все ближе и, спустя несколько мгновений, к вломившимся в его покои гостям вышел огромный голем. Этот голем был намного больше всех прочих, виденных Стражем и его спутниками до сих пор. В отличие от Шейлы и безмолвных воинов Бранки, он был не из камня, а отлит из металла, и его тусклая поверхность взблескивала в далеких отсветах лавового жара. С равными периодами по телу голема пробегали короткие синие и белые молнии. Голем слегка покачивался на мощных ногах, подрагивая, словно дышал. Одна из чудовищных рук крепко сжимала тяжелый молот.

— Приветствую, гости, — от раздавшегося из недр его махины низкого рокочущего голоса вздрогнули все, не исключая даже бронто, до того мерно пережевывавшего свисавшие из-под его морды побеги пещерного вьюна. — Уже долгое время я слышал ваши попытки проникнуть в мою обитель, однако, до сих пор они не были успешны. И, тем не менее, вы здесь.

— Голем, — жезл повиновения в руках Бранки повернулся, смещая одно из находившихся на нем колец. — Мне нужна Наковальня Каридина. Если она здесь — отведи меня к ней.

Против ожиданий, хозяин этой странной обители остался на месте. Из-под железной маски, заменявшей ему лицо, раздалось нечто, более всего похожее на горький выдох.

— Как я и предполагал. Вы — не те, кого я ожидал все это время. Вы пришли за тем, что я не могу вам дать.

Кусланд и Зевран переглянулись. Бранка в волнении выступила вперед.

— Ты хочешь сказать, что Наковальни здесь нет? Ты лжешь, голем! И... ты не повинешься моему жезлу!

Голем покачал огромной головой.

— Следуй за мной, женщина, — приглушеннее обычного пригласил он. — Я покажу тебе кое-что. И вы все, — он обратил безглазое лицо на остальных. — Идемте. Я отведу вас туда... куда вы так хотели попасть.

— Погоди, — опередив Кусланда на долю мгновения, опальный гномий принц поднял

руку в приветствии. — Кто ты? Ты не похож на другие творения Каридина. Ты был оставлен здесь? Для чего?

Несколько долгих мгновений голем хранил молчание. Затем из-под наличника маски раздалось нечто, более всего напоминавшее смешок. Усиленный отражением об металл, он получился достаточно громким.

— Прошу меня простить, — пророкотал хозяин зала. — За долгие века я отвык от общения с живыми гномами... людьми, эльфами и... — он приподнял голову, так, как если бы скользнул взглядом сперва по Кусланду, затем — по молчавшему чуть поодаль Стену, — косситами. — Я не был создан творением Каридина. Меня ковали ученики. Уже позже я смог усовершенствовать себя до того состояния, в котором вы видите меня теперь. Мной невозможно управлять при помощи этого, — он мотнул головой на жезл повиновения в руках Совершенной. — Я один из тех немногих, кто сумел сохранить свой разум и сам руковожу своей волей.

— Сохранить разум? — при этих словах Кусланд оторвал взгляд от подрагивавшего в железной руке огромного молота и посмотрел в прорези его безликой маски. — Ты хочешь сказать, тебе каким-то образом был сотворен разум при создании?

Голем отрицательно качнул головой.

— Милостью предков, разум был дарован мне при рождении, как и любому другому гному, — и, видя, какое впечатление оказали на пришельцев его слова, поманил их за собой свободной рукой. — Я вижу вы, все же, не понимаете, о чем я говорю. Пойдемте, я покажу вам.

Вслед за хозяином этого странного дома, гости прошли мимо его кузницы и мастерской и, миновав склад множества самых разнообразных кузнечных изделий, многие из которых горели вкраплениями чистого лириума в металл, и глубоко изгрызенную кирками стену зала, точно кто-то добывал руду прямо здесь, они вышли на край обрыва.

Глубоко внизу мерно двигалась жидкая плоть самой земли. Но взоры пришлых были обращены не вниз. Прямо перед обрывом на четырех мощных опорах из металла, чьи крепления терялись где-то в полутьме у потолка пещеры, висела широкая платформа. На ней горела сине-красным лириумным огнем огромная наковальня. От обрыва к платформе вел подвесной веревочный мост, в отличие от всего прочего, что было сделано здесь, довольно ветхий и ненадежный на вид. Не было похоже, чтобы наковальню такого размера можно было переместить с платформы на твердую почву без того, чтобы сперва не поправить к ней пути.

— Вот то, чего вы пытались добиться столько времени, — голем простер руку с не присущей таким, как он, усталостью в голосе. — Наковальня Пустоты, Наковальня Каридина. Когда-то она была создана с целью спасения... спасения всего того, что составляло суть нашей жизни. Саму жизнь наших Троп, которые с каждый десятилетием делались все менее нашими.

— Да, это она! — лицо Бранки, до того сухое и осунувшееся, вспыхнуло. Глаза ее заблестели, точно один вид Наковальни вдохнул в них жизнь. — Столько усилий, столько лет поиска и ожиданий... И все не даром. Слышал, ты, бюрдюк с вином? — она резко обернулась к насупленному Огрону. — Это все было не даром! Каридин создал на ней сотни големов, которые когда-то могли держать тварей вдали от наших тейгов! Такие, как они, практически несокрушимое оружие!

— Орзаммар будет спасен, — Дюран улыбнулся сквозь светлые усы. Лицо его, до того

волевое и жесткое, на несколько мгновений расслабилось, точно опальный гномий принц хотел улыбнуться, но раздумал в последнюю минуту. — С возрожденными големами мы вернем себе Тропы! Ты ведь сможешь заново овладеть секретом их создания, Совершенная?

— Здесь наверняка есть какие-то записи, — Бранка с силой провела руками по бедрам, словно вытирая ладони перед тем, как взяться за молот. — Каридин запечатал свое творение, но не уничтожил его. Значит, он все же не хотел, чтобы секрет его творения был утерян...

— Или что-то помешало ему его уничтожить.

Завороженные мерцанием Наковальни, гости вновь обратили взоры на хозяина зала.

— Ты ведь знаешь, как делать големов, — Зевран мотнул подбородком в сторону покачивавшегося моста. — Ты пробыл тут столько лет. Каридин вложил в твою железную голову все свои секреты. Но не велел никому раскрывать из каких-то глубинных гномьих соображений. Я прав, мой железный... друг?

Из недр живого металла вновь раздался словно приглушенный гмык.

— Ты прав в одном. Я знаю секрет создания големов, — он повернул маску своего лица к дернувшейся Бранке. — Не нужно просить. Я поделюсь им с вами. Быть может, хоть он заставит вас по-другому посмотреть на эту... эту вещь.

Он замолчал, однако, никто, даже Бранка, не попытался вставить хоть слово. Было понятно, что много веков просуществовавшее творение давно сгинувшего Совершенного действительно собиралось поведать им нечто важное, быть может, взаправду открыть один из величайших секретов, способных привести к переменам в теперешней жизни гномов — и не только их.

— Как я уже говорил, я не был создан машиной, такой, какой видите вы меня сейчас, — голем заговорил спустя долгое время, и его падавшие слова казались едва не тяжелее, чем вес всего его чудовищного тела. — Я родился в тейге Ортан, в ту пору бывшем едва не центром столицы нашего королевства, королевства богатого и процветающего. Даже надменные люди вынуждены были тогда считаться с нами. Но, несмотря на то, что гномы были сильны, я, как и все мы, вынужден был бессильно наблюдать, как год за годом отдают камню все больших моих соотечественников, и как все большие наши территории мы уступаем той погани, что постепенно надвигалась на нас из глубины всегда бывших нашими Троп. Твари, которых люди называли порождениями тьмы, нападали на наши поселения, убивали гномов сотнями. Сама земля превращалась в отраву там, где проходили они. Наши воины храбро сражались, но нужны годы, чтобы вырастить нового воина взамен павшего. А твари словно плодились уже готовыми к битве...

— Так и есть, — вмешался Броска, потирая не прикрытый доспехом бок. — Мы видали...

Встретившись взглядом с Морриган, он умолк, не договорив.

— Гномам нужны были воины, — продолжал тем временем странный голем, и в его рокочущем голосе все сильнее звучала нота печали. — Такие, которых можно было бы сделать. Каких непросто бы было убить. Которые могли бы спасти гибнущие тейги, — он гулко вздохнул, так, словно ему нужно было дышать. — Я долго ломал голову, как можно было бы добиться таких воинов и заполучить их. Я экспериментировал с броней, машинами, пытался создать механических защитников, но, увы — даже совершенные, они оставались всего лишь машинами. Даже обогащенный лириум тройной перегонки не мог вдохнуть в них того, чего я добивался — разум и саму жизнь.

Он снова умолк. Гости ждали продолжения с напряженным вниманием.

— И, в конце концов, я понял, — голем поднял голову, и прорези его безликой маски взблеснули. — Великие свершения невысказаны без великих жертв. Камень и сталь не оживут, если не вдохнуть в них душу. И... я решил вдохнуть душу в камень.

— Погодь, стой, — Броска переглянулся с Зевраном, потом Кусландом. Вид его был растерянным и неверящим одновременно. — Ты хоч сказать что... Ты так гришь, будто ты и есть... был тот Совершенный, который...

— Я — Каридин, из касты кузнецов Ортана, — голос того, кто называл себя Каридином, звучал спокойно, и, отчего-то, никому не пришло в голову усомниться в правдивости его слов. — Как я уже сказал вам, я создал эту Наковальню, чтобы выковать на ней совершенного воина. Воина, который мог бы в одиночку противостоять десятку тварей. Когда я брался за дело, я верил в то, что у меня получится. Что мою руку направляют сами предки. Я верил в гномий гений и в справедливость своих деяний. И даже когда я узнал, что... что бессилён вдохнуть жизнь в то, что никогда не было живо, я не опустил рук. Я... нашел способ. Подошел к этому делу с другой стороны. Поскольку к камню нельзя было добавить жизни, я добавил к жизни камень.

— Ты хочешь сказать, что все големы, что когда-либо были созданы тобой — это... были живые гномы?

Кусланд сам не знал, что его голос может звучать так — растерянно, холодно и зло. Даже потеряв родителей, пережив предательство быть брошенным на поле боя и саму смерть, ранее он так не говорил. Голем, ранее бывший Совершенный Каридином, покачнулся.

— Сперва это были добровольцы. Только добровольцы, которые отдавали себя, чтобы встать на защиту наших тейгов. После специальной обработки тел, я заливал в них кипящий лириум специальной обработки — в глаза, носы, рты и уши, до тех пор, пока они не наполнялись им. Разумеется, нужно было тщательно подготовить будущие заготовки — они должны были оставаться живы до самого конца. Процесс длителен, но несложен, достаточно тщательно соблюдать пропорцию и очередность действий, с учетом погрешности в результате индивидуальных особенностей каждой плоти. Когда все пустоты оказываются заполнены лириумом, необходимо вбивать камень в плоть, и уже при этом нужна аккуратность. Очень легко нанести повреждения большие, чем требуется, — Каридин говорил уверенно и ровно, поочередно поворачивая маску лица к каждому из слушателей. — Лириум — добрая субстанция, но необходима еще клейкая вязка, иначе камень или металл не срастутся с плотью. У меня нет записей, но я помню, как делать — даже несмотря на то, что не делал этого уже много веков, — он помедлил. — Вы все пришли сюда за Наковальней. Но все ли вы готовы повторить мою работу? Кто из вас хочет попробовать сделать первого голема? Или, быть может, кого-то интересует вечная жизнь, абсолютная мощь? Может, кто-нибудь из вас сам желает лечь на Наковальню?

— Ты долго не выходил из своей мастерской, мастер, — установившуюся было тишину прервал голос Бранки. В отличие от других, не было похоже, чтобы слова Каридина произвели на нее особое впечатление. — Былой мощи больше нет. От гномьих королевств осталось всего два города — Кэл Шарок и Орзаммар. Из первого почти не доходит вестей, а второй задыхается, прижатый к самой поверхности проклятыми тварями. Недалеко то время, когда люди, столько веков отмахивавшиеся нашими жизнями от порождений тьмы, которых сами же и вызвали, вынуждены будут принять нас на свои земли, либо перебить всех гномов

и самостоятельно пытаться противостоять чудовищам. Единственная надежда Орзаммара на спасение — это твоя Наковальня. Ты спрашиваешь, готова ли я повторить твою работу? Укажи мне, что делать! Если сотни жизней нужно будет принести в жертву тысячам — я это сделаю! В конце концов, сам ты не удержался от того, чтобы улучшить свою плоть. Разве не так, Совершенный Каридин?

— То был не мой выбор, — голос Каридина, до того ровный, посуровел. — Как бы ни был я ослеплен гордыней и одержим своими безумными идеями, никогда я не использовал принуждения в своей работе. Все заготовки под будущих големов были добровольцами. Я говорил с каждым. Предупреждал, что в процессе слияния с камнем либо металлом от великой боли большинство теряет разум и остается лишь заставлять их повиноваться при помощи жезла. Что сам этот процесс необратим. Что после они перестанут быть собой и сделаются просто вещью, которой останется лишь быть сломанной в войне с тварями — и более ничего. Кто-то уходил. Но большинство все же оставалось. Из-под моего молота вышло очень, очень много каменных и стальных воинов, благодаря которым наша армия получила огромную поддержку и передышку в вечной войне.

Кусланд смотрел в землю. Хотя он понимал мотивы Совершенного гномов, глядеть на него ему не хотелось.

— Но, даже чудовищно сильные и выносливые, големы, все же, не неуязвимы, — продолжал тем временем Каридин, постепенно начиная говорить словно бы для одной только Бранки. — Со временем король стал требовать от меня больше, а потом еще больше таких солдат. Добровольцев не находилось столько, сколько было нужно, и он стал посылать на Наковальню преступников, неприкасаемых, своих политических противников... Я воспротивился этому. Я стремился достучаться до него, говорил, требовал, умолял. Я пытался побудить его присутствовать при единственном разе сотворения голема, чтобы убедить отказаться от его страшных приказов. Но предки оставили меня. Вместо того чтобы образумить короля, они обратили на меня свой заслуженный гнев. По его приказу я сам попал на Наковальню.

— Дааа, — протянул Броска, потирая теперь уже затылок под липшими к нему истрепанными косицами волос. — Но ежели ты сумел унести сюда и спрятать твою Наковальню, ежели ты не хошь, чтоб на ней больше ковали големов — отчего б те ее попросту не скинуть в лаву? Чеж ты заперся на столько-то лет один на один с этой... штуковиной? Те че — помощь нужна?

К удивлению, Каридин снова утвердительно качнул головой.

— Ты прав, неприкасаемый. Я хотел уничтожить Наковальню с тех пор, как на нее пролилась кровь первого насильно обреченного на превращение гнома. Но долгое время это было не в моей власти. После моего отказа ковать големов, Наковальню отобрали у меня. Уже после обращения мне чудом удалось унести ее и запереться здесь. Но уничтожить ее сам я не могу. Сердечник каждого голема куется на этой тысячу раз проклятой Наковальне, и его природа препятствует каждому ее детищу причинить ей вред. Поверь, я очень пытался, но... Я пытался по-всякому, даже пошел на хитрость. Поместил ее на платформу с ненадежными креплениями, которые ослабляются одним движением рычага. Поверь, я многократно сам пытался повернуть этот рычаг, но... Не могу. Я этого сделать не могу. Кто-то должен это сделать за меня.

— И ухнуть в лаву, — Огрэн харкнул в сторону. По-видимому, за то время, пока он слушал рассказ Каридина, сплевывать по своей всегдашней привычке он забывал, и в этот

раз у него получилось больше обычного. — Ты, вроде, умный гном, а выдумал какую-то дурость...

— Я делал это для себя, — огромный голем пожал плечами. — Хотел уйти вместе со своей Наковальней. А теперь... я вынужден просить об этом кого-то из вас. Если вы не желаете позволить злу этого творения распространяться и дальше... Прошу. Помогите мне. Неужели среди вас не найдется хоть кого-то...

Раздавшийся вслед за этим треск перекрыл даже его рокошущий голос. Стремительно обернувшись, гости и хозяин увидели стоящую у Наковальни неизвестно как прошмыгнувшую мимо них незамеченной Геспит. Обеими руками безумная поэтесса сжимала упомянутый Каридином рычаг и с усилием медленно его проворачивала.

— Не смей!

Прежде, чем кто-то успел ее остановить, Бранка в три прыжка оказалась на середине веревочного моста. Она почти успела добежать до края платформы, когда заржавелый рычаг наконец-то провернулся.

Утяжеленная весом огромной Наковальни и двух гномьих женщин, платформа рухнула вниз. Миг спустя тяжело всплеснувшая жидкая плоть земли приняла в себя то, что попало в нее. Лишь глыба Наковальни некоторое время оставалась над поверхностью лавы, но потом постепенно погрузилась и она.

Огрэн пал на колени перед обрывом. Его всегда красное мясистое лицо покрылось зеленоватой бледностью.

— Мать честная...

— Камень да примет своих дочерей, — Эдукан тяжело вздохнул, и отпрянул от пышущего жаром края. Обернулся к застывшему Огрэну и досадливо дернул щекой. Мимолетно переглянувшись Кусланд и Зевран одновременно сотворили в воздухе символы Андрасте. Стен разлепил потрескавшиеся губы.

— Эбост иссала, — тяжело вздохнув через нос, проговорил он. Застывший, подобно Огрэну, Каридин, выронил свой молот и, покачнувшись, сделал шаг по направлению к своим гостям.

— Не знаю, кто была та женщина, но я благодарен ей, — он повел головой в такт своим словам. — Жаль, что вместе с ней погибла и другая. Сочувствую тем, для кого они были дороги. Но я... рад, что все так получилось. Теперь и я могу... обрести, наконец, свой покой.

Гости Каридина, все, кроме стоявшего на коленях с низко опущенной головой Огрэна и шевелившейся больше обычного Шейлы обменялись летучими взглядами. Кусланд опомнился первым.

— Погоди, Совершенный, — он запнулся взглядом об Огрэна, но продолжил, понимая, что, в отличие от гнома, который уже обрел то, за чем шел сюда, он своего еще не получил. — Все свершилось быстро. Мы не успели рассказать тебе, кто мы, и зачем вломились в твой дом, — он мотнул головой за плечо. — Ту женщину, что пришла сюда за твоей Наковальней, звали Бранкой. Твои сородичи гномы почитали ее Совершенной, как и тебя, Каридин. Она была одержима Наковальней, но одержимость ее имела под собой весомую природу. Орзаммар действительно погибает. Твари давно выжимают его на поверхность. Теперь дела еще хуже — в Орзаммаре нет короля. Деширы не могут решить, кто будет править остатками гномов. Пробудился еще один древний дракон, и он уже вырвался из пещер в верхний мир. Грядет новый Мор, Каридин. Чтобы с ними сладить, нам, Серым Стражам, нужна помощь гномов. Если, да поможет нам Создатель, мы остановим

Мор здесь, в Ферелдене, я клянусь благочинной Андрасте, что сделаю все, чтобы потом помочь гномам уничтожить тварей, всех, до единой. Но теперь ваша очередь помогать мне. Идем со мной в Орзаммар. Ты — Совершенный, твоего слова послушают на Совете. Назови гномам их короля и пусть распря окончится, наконец.

— Страж говорит дело, Совершенный, — Эдукан кивнул, и, бросив последний взгляд на пропасть, подошел к говорящим ближе. — Дешеры вовсе не вовремя затеяли свои дразги. Орзаммару нужен сильный король, как никогда. Или никакого Орзаммара уже не будет. Нам нужна твоя помощь. Одно твоего слова будет достаточно, чтобы члены Совета признали одного из претендентов королем.

Каридин долго молчал.

— Нужно, чтобы я поддержал какого-то конкретного короля? — спросил, наконец, он.

Эдукан сузил глаза. Его благородное лицо на несколько мгновений приобрело жесткое, хищное выражение.

— Орзаммар нуждается в сильном короле, — еще раз, приглянувшись на стоявшего рядом Кусланда, повторил он. — Короле, который удержит народ гномов от падения. Который бы начал делать шаги для очищения Троп от тварей. Решительные шаги, а не то, что... было до сих пор. Я, Дюран Эдукан, второй сын Эндрин Эдукана, ныне покойного правителя Орзаммара, мог бы назвать на Совете Деширов такого короля.

Каридин кивнул, словно получив подтверждение своим мыслям.

— Я тебя слышал, принц Дюран. Услышь и ты меня. Я не пойду с вами в Орзаммар, — он поднял железную руку, останавливая речи вскинувшихся было одновременно при его словах собеседников. — Не пойду. Я очень, очень устал. Все эти долгие годы я жил, имея перед собой одну только цель — уничтожение своего проклятого творения. Только это держало меня в жизни и разуме. Теперь, когда Наковальни больше нет — я хочу уйти вслед за ней. Я очень долго этого ждал, и с каждой минутой мое нетерпение становится все острее, — он уронил руку, и она с железным скрежетом чиркнула по его телу, упав почти до колена. — Простите мне эту мою последнюю слабость. Но помочь я вам могу. Вы получите то, за чем сюда пришли, ибо говорить можно не только словом, — он наклонился и поднял выроненный ранее молот. — Ждите меня здесь. Я скоро вернусь.

Глава 53

Глава 53

Сильным рывком высвободившись сразу из десятка клейких нитей, что оплели его плечи и руки, и уже тянулись к голове, Алистер с размаху рубанул по толстой цветоножке огромного древесного кокона. Миг спустя тот вспучился изнутри и, после второго взмаха меча, шлепнулся на землю, вываливая из себя мокрого и тяжело дышащего Йована. Маг крови поднялся на трясущиеся ноги и с размаху ударил собственным коротким мечом по потянувшемуся и к нему клейким нитям. После чего, бросив несколько диких взглядов по сторонам, словно высматривая что-то, подхватил край плаща Серого Стража и порывисто вытер им лицо.

— Эта дрянь жжется, — пояснил он, вытирая еще и руки.

Алистер дернулся в сторону, вырывая свой плащ, и, наступив на подбиравшийся к его ногам толстый побег еще одного кокона, с силой провернулся по нему кованым сапогом.

После чего в несколько прыжков догнал уже успевших уйти вперед мага и эльфийку.

— Нерия! — взмолился Йован, на ходу отбиваясь от не оставлявших его в покое клейких нитей, что тянулись к путникам со свисавших со всех сторон ветвей. — Ну, когда уже будет можно? Ведь никаких нет сил!

— В самом деле, — Алистер поймал сорванную с его головы шапку, которая уже исчезала среди шевелившихся веток, и брезгливо водрузил обратно на голову. — Когда?

Молодая эльфийка, что пробиралась через заросли на два шага впереди и уворачивалась от голодных деревьев стремительнее и ловчее сопровождавших ее мужчин, обернула к ним раскрасневшееся сердитое лицо.

— Тише вы, оба! Хрустите, как галлы в сухостое эльфийского корня! Ведь услышат же! Проснутся! И тогда никакой магией их не успокоишь.

— Да кого? — невозможность воспользоваться магией и тянувшиеся отовсюду живые древесные побеги чем дальше, чем все более заставляли Йована испытывать глухую неприязнь и злобу. Маг едва успел пригнуться, пропуская над собой какую-то темную тень. Живой искаженный лес, чем дальше, тем становился надоедливее. Первоначальный испуг, что сопутствовал их углублению в искореженную бесконечными магическими войнами людей и эльфов, и истончением Завесы чащу, прошел, и ловушки Бресиана вызвали теперь только раздражение. Запрет Нерии на любое использование магии подогревал эти чувства, и в Йоване, и в измазанном в древесных соках, с трудом отклеивавшем от себя смоляные лапы хищного кустарника Алистере, который не умел применить магию сам, но чем дальше, тем больше тяготился тем, что ее не применяли другие.

— Объясни, отчего я не могу...

— Потому что множественные разрывы в Завесе приманили сюда множество демонов из Тени, — яростным шепотом пояснила уставшая не менее своих спутников Нерия, которая отвлеклась на Йована и тут же получила веткой по лицу. — Вот... Создатель! Они вселялись в деревья, но не все остались сильванами. Некоторые из них настолько сильны, что, после долгих усилий, смогли вырваться из древесной плоти, и... Ты желаешь попробовать меряться силами с таким демоном? В Бресиане, здесь?

Йован промолчал, снова рубанув по ветке, впрочем, ничем ему не угрожавшей. Некоторое время они прошли в молчании, стараясь шуметь как можно меньше. Постепенно спускавшиеся под сень проклятых деревьев сумерки и, вместе с ними все более подступавший холод, заставляли спутников чаще вертеть головами в поисках места, которое Нерия могла бы счесть подходящим для задуманного ею.

— Когда их не ждали, они сами пришли, — проворчал Йован, переступая через упавшую сухую разлапистую ветку и нервно оглядываясь на загоревшиеся в полутьме переплетения сучьев чьи-то красноватые глаза. — А теперь нужно звать. Отчего они до сих пор не почуяли нас? Почему не идут? Ведь уже смеркается. Мы полдня идем через лес!

— Они напали на нас, потому, что следили за дорогой, и ждали путников именно там, — Алистер тоже обернулся на надвинувшиеся глаза и продемонстрировал неясной, размытой тени их владельца крепкий рыцарский кулак. — Наверное, ею часто пользуются долиицы. Обратни подстерегали эльфов, но попались им мы.

— Все равно это очень странно, — Нерия не оглядывалась, пригибаясь от тянувшихся к ней ветвей, уже довольно заметно истрепавших ее толстую тугую косу. — Ведь долиицы утверждают, что, оказывается, обратни давно жили в лесу. Никто, правда, не помнит, когда они пришли, и никто не знает, откуда. Но до недавнего времени они не нападали. Наоборот,

убегали и прятались при встрече с охотниками. Никто даже не думал, что они разумны. Создатель, никто даже не знал, что они — оборотни! Долийцы даже не сочли нужным предупредить нас, ведь они были не опасны и... Стой!

Йован, первым перебравшийся через поваленное дерево, и уже готовый было спрыгнуть на открывшуюся в чаще небольшую поляну, послушно замер. Нерия подобрала ком земли и, примерившись, бросила его на покрывавшую поляну густое переплетение жухлых травяных стеблей.

Послышался всплеск. Расступившиеся травы приняли добычу в открывшуюся пасть темной воды. Алистер сплюнул под ноги и отмахнулся от прозрачных клейких нитей, вновь потянувшихся к его голове откуда-то сверху.

— Поищем другое место, — сипло предложил он и прочистил горло. — Если есть в этом лесу хотя бы одна нормальная поляна.

— Здесь есть поляны, как и в любом другом лесу, — Нерия присела на то самое дерево, с которого так и не спустился Йован, и, закусив губу, принялась быстро переплетать растрепанную косу, в раздражении дергая себя за волосы. — Но помощи нам Создатель найти такую до темноты!

— А когда найдем? — Йован все-таки спустил обе ноги с бревна, однако, стараясь не выпускать поляну-ловушку из виду. — Что будем делать тогда?

— Ты знаешь, что, — эльфийская девушка в нескольких коротких движениях перетянула заплетенные волосы полоской мягкой кожи. — Будем звать оборотней.

Стоявший над ними с обнаженным мечом в руке Алистер бросил озабоченный взгляд на небо, почти скрытое разлапистыми коричневыми ветвями.

— Помоги тебе Создатель не ошибиться, — с немалой тревогой в голосе проговорил он.

Уперевшись посохом в покрытую лесным сором землю, Нерия устало поднялась на ноги.

— Если я ошибусь, значит, нам предстоит пережить очень тяжелую ночь, — глядя мимо потиравшего пальцем лоб Алистера, признала она. — И, когда, милостью Создателя, завтра мы вернемся к долийцам, Лелианы уже там не будет.

Поиски нужного места заняли весь остаток вечера. Лишь когда замыкающий их невеликий отряд Алистер перестал различать маячившую перед ним на расстоянии пяти шагов долговязую фигуру Йована, Нерия, наконец, остановилась.

Выбранная ею поляна была куда большей, чем та, которая чуть было не проглотила неосмотрительно сунувшегося на нее мага крови. Дошагав до ее середины, эльфийская магиня воткнула глубоко в землю чадивший факел и, вытащив из-за спины посох, обернулась к спутникам.

— Страж, — она кивнула на по-прежнему подрагивавший в руке Алистера обнаженный меч. — Начерти три круга. Один внутри другого. Как можно ровнее. Каждый должен быть на три шага шире предыдущего. Нужно сделать это красной сталью. Ее свойства схожи с теми, которые дарит серебро. И торопись. Разве ты не слышишь?

Йован, непрерывно бросавший боязливые взгляды на темневший вокруг лес, достал свой кинжал. Двигаясь за испарывавшим почву Алистером, он кропотливо прокапывал собственной кровью свежую рану на теле земли. Падая, капли его крови едва заметно вспыхивали крохотными красными искрами.

— Быстрее, Страж, — поторопил он, оглядываясь через плечо. Последние лучи вечерней зари давно догорели, и на потемневшем небе одна за другой начали

проклевываться звезды. Бесперерывно идущий по лесу треск, хруст и трение, в ночную пору усилился, точно спавшие днем деревья начинали просыпаться ночью, и вот-вот готовы были покинуть свои извечные земляные делянки, чтобы наброситься на неосмотрительно задержавшихся в их владениях гостей. — Быстрее, мы и так уже почти опоздали!

Становилось все холоднее. Хотя на пожухлых листьях и сухой траве снега не лежало, резкие порывы ветра несли с собой мельчайшие частицы льда, впивавшегося в неприкрытую кожу и забирающуюся под одежду мокрым и липким искателям приключений. В лесу стонало, трещало, взревывало. Могло показаться, что за деревьями ходит кто-то большой, и чем дальше, тем ближе он подходит к открытой взглядам со всех сторон поляне.

— Да быстрее же!

Алистер закончил первый круг, и шагнув вовнутрь, взялся за другой. К его удивлению, Йован, тщательно обтерев кинжал о боковину своей куртки, подождал подошедшую к нему Нерию и, полоснув по ее руке остро отточенным лезвием, занялся прокапыванием эльфийской кровью второго круга. Девушка покорно следовала за ним вдоль начерченной Алистером полосы, и алые капли ее крови часто взблескивали в свете восходившего ночного светила.

— Готовься, Страж, — на миг оторвавшись от своего занятия, Йован вскинул взгляд на перепрыгнувшего внутрь второго круга, и взявшегося за третий Тейрина. — Сейчас будет твоя очередь.

— Мы поместим твою кровь внутрь третьего круга, — Нерия ободряюще улыбнулась, но тут же испуганно вздрогнула, оборачиваясь на особенно громкий треск. Звук этот раздался совсем рядом, как будто бы прямо за окружающими поляну деревьями, и даже Алистеру, у которого магическое чутье отсутствовало напрочь, сделалось понятно, что это — не просто ветер, и даже не просто живые, искаженные ветви. — В твоей крови нет магии, и она едва ли сможет остановить хотя бы даже слабого демона. Но кровь есть кровь. Она послужит дополнительным препятствием, если они захотят войти в круг...

Из-за деревьев за спинами людей что-то охнуло, или осело, и раздался глухой ревуший то ли вздох, то ли зевок. Нерия быстро отступила внутрь третьего круга. Алистер сам шагнул к побледневшему так, что это было видно даже в темноте, Йовану.

— Бери, сколько нужно, — он закатал рукав, протягивая обнаженную руку. — И говорите мне, что делать.

— Делать пока не надо, — выдавливая его кровь через порез, и стараясь не вымазаться в ней, пробормотал Йован, вздрагивая всякий раз, когда со стороны леса раздавались словно бы тяжелые шаги невидимого чудовища. — Но не убирай оружия. Теперь ночь. Как только Нерия позовет оборотней, помимо них на след магии явятся все, кто способен ее ощутить. Я поставлю заслон на крови. Но... я не настолько хороший малефикар. Если кровь пропустит демонов — придется сражаться. Будь к этому готов.

Алистер порывисто вздохнул. Йован закусил губу, отступая внутрь третьего круга. Его руки окутались грязновато-красным свечением, и таким же свечением отозвалась пролитая на землю кровь. Очерченные круги замерцали, словно свет шел из-под самой земли.

Убедившись, что защита на крови была установлена, Нерия опустила свой посох к малой куче сухих сучьев и листьев, которые она успела нагрести, пока ее спутники доделывали третий круг. Во вспыхнувший лесной мусор эльфийка бросила прядь срезанных у Лелианы волос, и костерок полыхнул с внезапной яростью, разбросав трескучие искры. В тот же миг лес пришел в движение.

Со всех сторон к замершей в ожидании поляне устремились пока еще невидимые, но оттого не менее опасные лесные обитатели Бресилиана. Сбившиеся в центре защитного круга, спина к спине, два мага и рыцарь в безмолвии наблюдали выскальзывающиеся из чащи едва заметные тени, выползавшие корявые пни, за которыми тянулись связки из длинных крысиных хвостов, скачущих мелких ушастых чуд. Твари постепенно перебирались к центру поляны. Со всех сторон взблескивали красные и зеленые угли глаз, щерились клыки, слышалось хрипящее дыхание и утробные взрыки.

— Мы столько времени шли через их лес, — голос Йована дрожал. — Где они были раньше?

Алистер и Нерия бросили на него два мгновенных взгляда.

— Хотите сказать, я просто не видел? А вы? Вы их видели, что ли??

Самая нетерпеливая тварь — похожая на поросший землей и мхом ушастый хвостатый куст, сунулась к самой кромке мерцавшего кровью мага первого круга. Вспышка противной Создателю магии демонов на миг озарила темную поляну и всех столпившихся на ней людей и нелюдей. Обожженная тварь отскочила с воющим воплем и, распугивая остальных, заметалась из стороны в сторону. Из нее во все стороны сыпались искры.

— Ссмертные. Да ессшеее три. Зссабавно.

Завывающая тварь продолжала кататься по прихваченной морозом колкой траве, но прочие расступились, являя взглядам знакомого Алистеру похожего на жирную пиявку демона.

Демон был невыразимо гадок. Мокрая темная слизь темными сосульками свисала из-под полуистлевшего капюшона, которым была прикрыта его голова. Из-под дрожащей на ветру ветхой материи пронзительно светился один глаз. Второй был скрыт складками студенистой кожи.

Нерия и Йован не сознавая того, ближе придвинулись друг к другу. Алистер, напротив, выпрямился, крепче стиснув меч. Вид мерзкого слизня против воли пробудил его воспоминания о Башне Круга и о той бойне, что устроили среди заключенных в ней магов и рыцарей вырвавшиеся на свободу демоны, подобные представшей перед ними твари. Откуда-то из глубины его естества поднялась волна настолько удушающего раздражения и ярости против проклятой твари, что лишь полчища собравшейся на поляне нечисти удержали бывшего храмовника от того, чтобы, забыв обо всем, броситься на нее с оружием в руках.

— Зссабавно, — повторил демон, всколыхнув края своего капюшона, но, впрочем, не пытаясь приблизиться к краю внешнего круга. — Не зснаю, зсачем вы позвали нассс, ссмертные... И зсачем отгородились древней магией. Магией, которую даровали вам мы, и чьи законы хорошо извесстны нам. Ссстоит мне зссахотеть — и ваша зссащита падет. Но, перед тем, как я выберу плоть одного изссс вассс, я желаю зсснать — что зсссоставило вассс ссделать то, что вы ссделали?

— Йован, — ровно попросил Алистер, не отводя взгляда от колыхавшегося в нескольких шагах от границы первого круга демона. — Зачаруй мой меч на огонь.

Тот с сожалением покачал головой, стряся с нее капли пота.

— Прости, Страж. Зачарование предметов доступно только Усмиренным. И очень сильным магам стихий. Таким, как Дайлен. Я... не могу. Слишком много сил уходит на...

— Не желаете разсссговаривать, — демон чуть отодвинулся в тень. — Ну что жшшше... Мне осстается только ждать... И выбирать, чье изссс ваших тел ссделается моим приссстанищем. Пожалуй, твое, — Алистер поморщился, поймав на себе горящий

жадностью взгляд демона. — Такое ссильное, такое молодое... Я чувствую, как бегут ссоки в твоих жилах. Я чувствую нетерпение... Чувсствую голод... Да будет это чувсство приссуе им всем. Да будет голод!

Взрыки, повизгивания и скрежет, издаваемые десятками обступивших магические круги гадов, возросли во много раз. Словно одурманенные, твари сорвались с места одновременно. Дико завывая и яростно рыча, они атаковали магический круг с разных сторон.

Йован закричал, падая на колени. Сбегавшие по его рукам потеки крови вспыхнули ярко-алым, так же, как и непрерывно мерцавший теперь первый круг. Нерия подалась вперед, выдергивая посох из земли. Алистер вбросил меч в ножны и сорвал из-за спины унесенный из лагеря долийцев охотничий лук.

Первая стрела глубоко впиалась в чье-то мохнатое тело одновременно с тем, как поднятые со всех концов поляны булыжники обрушились на обезумевших тварей. Но, несмотря на жалившие их стрелы, сыпавшиеся заклятия и отчаянные усилия грызущего губы Йована, беспрестанно что-то шептавшего про себя со смеженными веками и судорожно сжатыми кулаками, мохнатые, корявые и слизкие тела со смесью ярости и безумия продолжали кидаться на отбрасывавшую их, сыпавшую искрами защиту, которая раз за разом делалась тусклее и слабее. Множество тварей, подобно первой, катались по подернутой инеем, изрытой лапами и копытами земле, полыхая и тлея, однако, это не остужало пыл других. Подгоняемые чудовищным, безумным голодом, искаженные обитатели Бресиана раз за разом бросались на магию Йована, пробивая в ней бреши, которые затягивались все медленнее.

Наконец, вспыхнув в последний раз, первый круг, напитанный кровью Йована, погас. Пальцы Алистера, вздернутые над колчаном, встретили пустоту. Взятый запас стрел кончился. Нерия повела посохом, смахнув пот со лба, и тяжело дыша. Выхвативший меч Тейрин и эльфийка, в руках которой блеснули два длинных кинжала, отступили к бормотавшему то ли заклятия, то ли молитвы магу крови, изготовившись встретить оружием оставшуюся на поляне нечисть, которая уже кидалась на второй круг.

— Прости, Страж, — Нерия мгновенно провела по лбу рукавом, стирая вновь выступавший пот. — Этот демон заставляет их чувствовать голод... голод к нашей плоти. Через этот круг мне его не достать магией стихий. А силы природы, к которым взываю я, так же безвредны для него, как и наше оружие.

— Тогда пусть Йован уберет защиту, — Алистер оглядывался вокруг, однако, несмотря на целые груды косматых и склизких туш, которых сбили его стрелы и магия, их число еще оставалось достаточным для того, чтобы расправиться с незваными гостями, навалились они скопом. — И ты ударишь по нему стихией.

— Не все так просто. Я не знаю, насколько этот демон искажен, и какова его сила. Моей магии может не хватить, чтобы покончить с ним одним ударом. И... этот демон — демон голода. Голодом он заставляет этих тварей жаждать разорвать нас на куски. От него нас защищает кругом крови. Однако, как только защита падет, мы будем чувствовать... то же самое. Тот же голод, Страж.

Алистер бросил на нее изумленный взгляд, на миг отрываясь от кидавшихся на второй круг звериных туш.

— Ты хочешь сказать что... мы бросимся друг на друга?

Ответить Нерия не успела. Вспышка ослепительного света на миг озарила все вокруг и — потухла, рассыпавшись зелено-голубыми искрами. Теперь на пути демона и подчиненных

ему тварей горел всего лишь один круг. Йован бессильно уронил руки, кровь на которых спеклась, точно долгое время он держал их над огнем.

— Простите меня, — еле слышно прошелестел он, поднимая лицо к равнодушному ночному светилу. — Я сделал все, что смог. Я — очень слабый маг...

Демон голода раскинул в стороны исходившие мокрой тьмой ветхие руки. Уже было яростно бросившиеся к третьему кругу твари замерли каждая на своем месте. Они непонимающе вскидывали морды, словно очнувшись от непонятого сна, или, что вернее, наваждения. Демон подплыл ближе к последней защите, оставшейся между ним и вожделенной плотью и затрясся. Алистер понял — это значило смех.

— Глупые, ничтожные ссмертные, — гигантское тело черной пиявки колыхалось в ладони от подступившего к краю круга лица Стража. Алистер до боли в пальцах тискал меч, со злым бессилием понимая бесполезность своего оружия в битве с бесплотным порождением Тени. — Вы не предуссмотрели... Крови двух сслабых магов не осстановить... Мы, демоны, ссоздали эту магию, и мы зсснаем ее зссаконь! Теперь ваша защита пала. Кровь ссмертного, у которого нет ссвязи с Тенью не причинит вреда такому, как я. Она даже не обожжет! Осстановить выссшего демона Тени сспособна лишь кровь молодого дракона. Но в этой чассти мира ссмертных нет молодых драконов! Готовьссся. Сскоро ты будешь принадлежать мне — телом и душой...

Он стремительно скользнул вперед. Алистер вскинул перед собой меч, однако, не успел сделать ни единого бесполезного взмаха. Последний круг, прокапанный его собственной кровью, при соприкосновении с плотью демона, полыхнул свирепой красной вспышкой. Черная пиявка без единого звука рассыпалась в прах.

— Что это было?

Забыв об усталости, Йован вскочил на ноги, ошарашенно разглядывая разносимую порывами ветра кучку грязного черного праха. Лишившиеся своего предводителя твари, хотя и не думали никуда деваться, но все же кидаться на защитный круг уже не пытались.

— Поразительно, — Нерия спрятала кинжал и подобрала свой посох. — Впервые вижу такое... чтобы высший демон сдох так от одного только прикосновения к кругу на крови человека, у которого даже нет связи с Тенью. Должно быть, он был сильно искажен, и сам не знал природы своего искажения.

Она взмахнула посохом. Вновь взвившийся в воздух рой камней обрушился на головы тварей. Утратившим чувство безумного голода, искаженным зверям Бресилиана этого оказалось достаточно. Большинство из них бросились обратно в чашу. Лишь некоторые отбежали недалеко, то ли еще надеясь на теплое мясо гостей, то ли дожидаясь, когда можно будет поживиться холодным, разбросанных по поляне мёртвых туш своих сородичей.

— Хвала Создателю!

Йован, все еще сотрясаясь, обнял себя за плечи. Нерия нерешительно поставила свой посох на жухлую траву.

— Я могу позвать еще раз, — неуверенно произнесла она. — Но...

— Не надо звать!

Люди и эльфийка стремительно обернулись. С дальнего конца поляны, знакомыми скачущими прыжками к ним приближались огромные согнутые волки. Добравшись до границы третьего круга, звери остановились. Передний, рыжий, с проседью, самец, на несколько мгновений замер, затем, к удивлению прищельцев, оперся на задние лапы и с усилием распрямился в человеческий рост. Его сопровождающие последовали этому

примеру.

— Не надо, — рыкаяще повторил рыжий, и прочие оборотни зарычали и заскулили, выражая согласие с его словами. — Мы... уже... здесь. Мы... торрропились, как могли. Мы не ожидали... — он шагнул к кругу и поочередно оглядел каждое из обращенных к нему лиц. — Но мы хотим... мы готовы... мы будем говорить. Кто из вас будет говорить со мной?

Глава 54

Глава 54

Говорить, однако, не пришлось. Пришлось много слушать. С трудом подтянув под себя скрещенные ноги, Алистер сидел на собственном брошенном наземь плаще, чувствуя слева жилистый бок все еще подрагивавшего от пережитого напряжения Йована, а справа — тепло от тела молодой магини. Отстраненно, на задворках разума, ему думалось, что даже для искаженного, колдовского леса, картина, которую являли собой двое людей и эльфийка, сидевшие лицом к лицу напротив стаи огромных, странно изломанных волков, представляли собой довольно диковинное зрелище. Эти мысли, однако, копошились размыто и вскользь. Все прочее существо королевского бастарда занимало раздражение, поселившееся в его настроениях давно, и проявлявшее себя в нем все увереннее. Явившийся на зов магии могучий рыжий волчий самец говорил, Алистер слушал, и существо его все сильнее поддавалось пагубному чувству досады, перетекавшей в настоящую злобу.

Бегун, как звали рыжего, громко и торопливо рычал, стремясь поскорее вывалить на гостей то, что давно уже накопилось у всего его племени, однако, только теперь получило возможность быть донесенным до кого-либо. Говорил он, обращаясь ко всем, однако, взор горевших со страшной морды зверя человеческих глаз с мольбой был обращен только на Алистера и именно на него. Все прочие оборотни тоже смотрели на Алистера, из последних сил гасившего недовольство под маской ровного внимания. К тому, что Стражи вызывали трепет и почтение у всех разумных тварей Тедаса привыкнуть было можно. Но потребность быть за главного в сложных ситуациях и то, что люди, звери и сами обстоятельства подталкивали его к тому, чтобы много думать и принимать решения, от которых зависели многие судьбы, приводили Алистера в ярость, которая понемногу начинала пугать его самого. И, одновременно, молодой Страж с изумлением и ужасом чувствовал, что эти новые, несвойственные ему чувства, что-то меняли в нем, словно разрушая выстроенную когда-то и неизвестным ему кем-то стену, открывая путь для чего-то нового. Чего — пока понять он не мог. Эти внутренние перемены по-настоящему пугали Алистера, и лишь долг держал его на месте, заставляя внимательно и, по возможности, спокойно выслушивать самого необычного собеседника из всех, что до сих пор посылала ему судьба.

— ... мы очень простить нас... просим, — на удивление чисто выговаривая человеческие слова, точно никогда не прекращал пользоваться речью, говорил, тем временем, Бегун. — Но не умели мы по-другому. Кто нас слушает? Никто нас не слушает. Никто совсем. А слушать надо. Ну, надо слушать. Отчаялись мы все. Нет сил терпеть. Доколе? Ну, доколе терпеть нам муки эти. И мы-то ладно. А волчата, детки наши? Ведь ни за что они страдают, ни за что. Скулят и мучаются, бедолаги. Ты пробовал проклятие, Страж Серый? Ведь жжет оно, страшней, чем серые туманы леса этого, что исторгает из себя древесная грибница в час летнего стояния светила по ночи в зените, так сильно они жгут. И

нет конца и края. И только смерть освободит. А жизнь на что похожа? Ведь люди мы, хотя и родились зверями! И все лишь по злобной воле одного!

Алистер вздохнул — неслышно и тоскливо.

— Вы... хотите сказать, что начали нападения, чтобы привлечь внимание? Ну, разве... так можно?

Бегун двинул ушами, дергая мордой в сторону нервно оглаживавшей косу Нерии.

— Пытались по-другому. Мы к эльфам подходили. Но страшен вид наш. Стрелы только приносили мы в шкуре нашей — только толк такой и был. Боялись нас охотники ушастые. А может, он им приказал. Не ведаем. Но нас не слушали они. Всегда стреляли раньше.

Теперь вздохнула и эльфийка.

— И потому вы начали нападать, — больше сам для себя пробормотал Йован.

— Начали, — морда оборотня дернулась сверху вниз, демонстрируя согласие. — Мы думали — проклятие заставит их говорить. Напали и послали гонцов. Но снова стрелы принесли. Вот все, чего добились.

— Погоди, погоди, — Алистер поднял обе руки, чувствуя, что вот-вот — и его гнев и раздражение найдут выход наружу. — Ты рассказываешь путано. Давай по порядку. Вы — не волки. Вы — люди. Это то, что я понял. Расскажи, как вы стали такими.

Морды повернулись к нему. Горящие желтые глаза замигали. Пасти ощеривались, и вновь смыкались, пряча страшные клыки.

— Мы расскажем, конечно, — Бегун подскочил, но вновь сел, вытягивая перед собой лапы. — Послушай, Страж. Это обида. Или месть. Месть, да, это правильно. Много поколений назад — мы не можем посчитать, сколько, — мы жили тут, в лесу. На окраине. Не мы — предки жили. И долильцы жили тоже. Да. Так было. Но потом. Что-то случилось. Страшное. Мы не знаем — что. Мы. А предки тоже не знали. Но рассказывали. Эльфы дескать, особо к ним не ходили, да и они к эльфам. Дела не было. Но, бывало, все же пересекались, да. Как без этого. А то раз нашли наши в лесу двух эльфов. Сами мы не видели — предки рассказали потомкам, а те — нам. Нашли. Одного недобитого, а с ним девчонку, — речь оборотня, до того торопливая, но плавная, делалась все более отрывистой. — И будто бы вышло плохое. Недобитый-то умер, а девчонка была не в себе. Кто и что сотворил с ними — не ведали предки. Вовсе не ведали, откуда им. Много ли кто там ходит, за лесом. Порадовались, что эльфам досталось, а не нашим, да на случай всяк охотников во все стороны разослали — пришлых найти, да проследить, чтоб до нашей деревни не добрались. А то и вовсе... прибить, чтобы не натворили чего еще. Да только их не нашли. А еще какое-то время спустя прибежал он.

Оборотень умолк. Алистер поднял брови.

— Досказывай, — потребовал он, переглянувшись с Нерией. — Кто он?

— Он, эльф магийский... маг эльфийский, — поправился Бегун. Зубы его клацнули и сидевший ближе всех к волкам сын Мэрика невольно вздрогнул. — Дети то были его. Брат и сестра. В горе великом к предкам не говорил, а все вопрошал у девчонки, кто совершить такое мог. Но разум ее уж покинул. Не могла сказать она. Предки ж рядом были. Решил он, что дело это было их рук.

— Так это он вас обратил?

— Да, Страж, — желтые глаза мигнули. Остальные волки поддержали вожака горестным, но сдержанным ворчанием. — Ушел он. Детей забрал. А после уж вернулся. Уж как вернулся он, его сразу не признали. Явился волком белым, да великим. Серед деревни он

возник, и ни единой собаки не потревожил. Стоял и ждал, покуда предки соберутся. А после объявил он о своем проклятии. За эльфов поругание, детьми что ему приходится, он проклял всех, кто человеком был среди предков наших, в нашей же деревне. Ни старика, ни сосунка не пожалел. Как только волю объявил, так кинулся в толпу на предков. Покусы его страшные с ума людей сводили, да в зверя перевертывали. Бросались на друзей своих и родичей, и их же в волка обращали. А разум как вернулся — так все очнулись уж волками. Такими, как теперь. Пытались предки ловить Белого Волка, эльфа клятого. Кричали издали с невинности своей. Да только он не слушал.

Алистер с усилием опустил брови. Даже раздражение уступило место великому удивлению.

— И с тех пор множество поколений вы живете волками? — Он потер висок, потом сдвинул шапку, с силой проводя руками по отросшим волосам. — О, Создатель. Но это же... и в самом деле... несправедливо! Но... зачем вы трогали эльфов? Как могут они вам помочь? Тот, кто проклял вас, должно быть, давно уже умер.

Бегун снова вскочил. Сделав круг, как гоняющаяся за хвостом собака, он снова принудил себя сесть. Его сородичи волновались, но, видимо, изо всех сил старались вести себя, как люди.

— Жив. Белый Волк жив до сих пор, — рыжий коротко выдохнул через пасть, обдав Алистера запахом сырого мяса и крови. — Мы знаем, мы следили. Выследили его. Он живет, пока живо проклятие. Но мы знаем. Мы знаем, что снять проклятие должен не он. Нужна другое!

Обращенные люди поддержали слова Бегуна жалобным воем.

— Что вам нужно? — Морщась, вынужденно спросил Алистер. Бегун снова вскочил.

— Мы проследили за ним. Проследили до самого места. Он ходит туда. Не может не ходить. Проклятие обратило нас, но и его тоже! Должен он приходить туда, да, должен. Но нам туда хода нет. Идти туда может только тот смертный, в чьих жилах кровь людей и эльфов от добровольного союза. Такое наложил заклятье он, не думая, должно быть, что может хоть когда подобное меж этими двумя случиться.

— Погодите, — Алистер опять вскинул руку. Ему требовалось время, чтобы разобраться в пространных и путаных речах вожака оборотней. — Дайте, я перескажу, как понял своими словами, а вы меня поправите, если ошибусь. Много лет назад какой-то эльф без вины наложил проклятие на вашу деревню. Он сделал вас такими, какие вы теперь. Эльф этот жив до сих пор, как и проклятье. Вы знаете, как его снять, и для этого вам нужен человек, рожденный от эльфа в первом поколении. Все верно?

— Так бормотал сам Волк, к себе обращаясь, — Бегун мигнул и закашлялся, щелкая зубами. — Сокрушался он, что ранее быть того не могло, чтобы эльфийская дева по желанию собственному с человеком легла. А теперь такое сплошь и рядом, и от союза такого рождается все больше людей, а эльфы канут в небытие. Часто приходит он к месту тому, да сам себе воет. А после уходит, в долищев лагерь, где его не достать. Помогите нам, Страж, — грязные, поросшие жесткой рыжей шерстью лапы с когтями сложились в молитвенном жесте. — Не можем мы леса покинуть. Страшен вид наш, гибель сулит раньше, чем с людьми заговорить успеем. Но ты — человек. Пойди, приведи того или ту, кто был рожден от ушастых. Как снимет проклятье, подруга твоя исцелена будет вновь. Как все мы.

Над поляной повисло молчание. Даже зимний ветер утих. Выглянувшее из-за тучи

ночное светило ярко освещало каждый волосок на головах людей, и каждую волчью шерстинку. Отступившийся было мороз постепенно крепчал.

— Помоги, Страж, — еще раз попросил рыжий вожак, по-волчьи опираясь об изрытую траву передними лапами. — Хотим мы быть людьми. Не звери мы. Не звери! Спаси нас, Страж. Коли нужны тебе солдаты — с тобой пойдём мы, как один. Все, кто ходить способен. Но приведи ты нам сначала того, кто был рожден от эльфа и человека в добровольной связи. Лишь он проклятие способен снять!

Алистер переглянулся с Йованом, потом с Нерией, которая ответила ему тревожным взглядом. Эльфийская девушка даже приоткрыла рот, но так ничего и не сказала. Сын Мэрика поднялся на ноги. Бегун поднялся тоже. Словно перед шагом с обрыва в глубокую холодную воду, Алистер вздохнул, глубоко и глухо.

— Создатель, — еле слышно пробормотал он. — Не нужно далеко ходить, — громче и, обращаясь к волкам, нехотя проговорил Серый Страж. — Я не помню своих родителей. Но мой опекун говорил, что отцом моим был его родственник и друг, а матерью — эльфийская служанка, что постель стелила в его покоях.

Глава 55

Глава 55

...Еще один переход через Бресириан дался легче предыдущего, несмотря на то, что усиливавшийся холод заставлял неметь неприкрытую кожу, хрустел под ногами, забирался под куртки. Однако теперь, в окружении волков, гости леса могли не бояться его многочисленных ловушек и опасных обитателей. Стая оборотней надежно защищала наконец-то обретенных возможных спасителей и от тех, и от других. Бегун даже вызвался нести Нерию на спине, однако, эльфийка отказалась, предпочитая довериться своим ногам. В молчании и быстро оборотни вывели гостей из чащи, остановившись на самом краю огромной пролешины среди деревьев. Впереди на целую меру пути простиралась равнина, над которой удлиненными волокнами висел синий туман. Далее, за туманом, снова тянулся лес, как казалось с их места, еще более темный, чем тот, который они покинули только что.

— Туда, — проследив за взмахом волчьей лапы, взоры гостей обратились к выступавшим из тумана очертаниям каменного круга. Напрягая глаза, удалось рассмотреть поставленные одну на другую гигантские каменные глыбы, вытесанные так, как не строили ни гномы, ни люди. Среди камней, в самом центре, в небо уходил неширокий, в обхват руки эльфийской девы, тусклый в туманном мареве луч.

— Что там? — одними губами спросила Нерия. Ее пальцы мимо ее воли тискали плечо Йована. Другая рука магини лежала на поясе, ближе к рукояти висевшего на нем ножа. — Что там такое?

Оборотень взрыкнул. Другие вторили ему сдержанным ворчанием.

— Это — какое-то место силы древних эльфов, — переборов звериное клочкотание в горле, пояснил Бегун. — Исток проклятия. Здесь оно черпает магию. И пока жезл там — проклятию сняту не быть.

— Жезл? — Алистер сдвинул брови. — Какой жезл? И что нужно сделать, чтобы вам помочь?

Волки заволновались, хрипя и взрыкивая. Было видно, что, несмотря на все усилия

оставаться людьми, звериною в них было, все же, больше, чем они стремились показать.

— Мы не знаем точно, — Бегун дернул ушами и вновь обратил взор желтых, горящих глаз в туман. — Знаем про жезл. Вложил он его в силы источник, и злобой питает заклятье. И вытащить должен его тот, кто от эльфа рожден человеком. Такова природа магии его. Больше ничего сказать не можем. Не маги мы.

— Я маг, — Йован осторожно повел онемевшим плечом, высвобождая его из пальцев девушки. — Однако тоже не ведаю природы такого магического... магического свершения. Это... наверняка из забытой магии Арлатана. Может, ты, Нерия, сможешь рассказать об этом больше?

Молодая эльфийка зябко поежилась.

— Это место... я что-то чувствую, — нехотя призналась она. — Но объяснить, что это... не могу. Бегун прав, здесь источник силы. Такие встречаются. Но я не знаю, как и для чего ими пользовались эльфы Арлатана. У них было многое, знание о чем давно утеряно. Может быть, если мы подойдем ближе...

— Время не ждет, — Алистер качнул головой в сторону ночного светила. — Лелиана вот-вот обратится.

— Проклявший вас маг оставил свой жезл без защиты? — наученный горьким опытом брожения по Бресилиану, осведомился Йован у вожака волков. Тот снова гулко рыкнул.

— Мы не знаем, — признался он. — Мы не можем подойти. Нас не пропускает! Но сам он подходит. Точно подходит. И вы подойдете. Не пускает только нас. Иначе зубами бы мы тот жезл перегрызли проклятый!

Волк согласно завыл, давясь и взрыкивая. Не желая слушать такое дольше и в стремлении покончить как можно скорее с загадочным проклятием деревни, Алистер осторожно ступая, и глядя себе под ноги, двинулся через густую синюю пелену.

Нерия сняла с плеча свой посох, и его навершье ярко засияло. Однако, из-за плотного тумана, лежащий перед ними путь просматривался так же плохо, как и ранее.

— Нет нужды скрываться, — пояснила эльфийка в ответ на настороженные взгляды спутников. — Здесь все так пропиталось магией, что мою никто не почует.

— Идем скорее, — нервно потребовал Алистер, не менее чем прежде тяготившийся навязанной ему необходимостью командовать. — Быть может, этот маг поблизости. Он может пожелать помешать нам разрушить его... магию.

Едва угадывавшиеся в темноте очертания каменного круга делались все ближе. Двигаясь вперед, человеческие и волчьи фигуры разрывали волокна стелившегося над равниной тумана, который так же плотно смыкался за их спинами. Неясным шумом доносились звуки окружавшего пролешину леса, однако, в пелене тумана было тихо. Лишь раздавалось хриплое дыхание и сдержанные взрыки сопровождавших гостей проклятых волков, да приглушенные шаги человеческих ног.

Остатки каменных стен надвинулись вплотную. По мере приближения к ним туман отступал. На границе выложенного плоскими плитами изломанного и неровного круга, пелена тумана делалась совсем зыбкой. Здесь оборотни остановились.

— Дальше не пойдем, — Бегун распрямился и воздел лапу, указывая на уходящий впереди в небо столб света. — Вон, там. Иди, вытащи, Страж, от эльфа и человека рожденный. Мы подождем. Мы не уйдем! Мы будем тут.

Алистер снова неслышно вздохнул и поднял голову. Взгляд его пробежался по оплетенным побегам толстой лозы изразцовым колоннам, остаткам каменного свода, что

раньше поддерживали они. Последними он осмотрел осыпавшиеся и раскрошившиеся под напором и тяжестью побегов той же лозы, некогда бывшие гладкими ступени, после чего обернулся к также молча осматривавшимся магам.

— Вы должны пойти со мной, — стараясь, чтобы его голос звучал уверенно и спокойно, потребовал он. — Я не маг и могу не понять того, что там... может понадобиться.

Окутав себя красноватым защитным свечением, Йован первым шагнул за границу тумана. Выждав, он сделал приглашающий жест рукой. Алистер и Нерия следом за товарищем ступили на гладкие плиты первых ступеней, между которых, несмотря на сильный мороз, пробивалась трава.

— Иди, Страж! Скорее!

Оборотни заметно заволновались. Их мохнатые фигуры мелькали то тут, то здесь появляясь в тумане. Они загребали когтями, взблескивали желтыми глазами, вскидывали морды к ночному светилу. Понимая их нетерпение, гости, тем не менее, поднимались по ненадежным, крошившимся под их ногами ступеням не спеша и с осторожностью, промедливая перед каждым новым шагом.

— Маг мог оставить ловушки, — пригибая голову, чтобы пропустить свисавшие с очередной колонны гроздь живой зеленой лозы, высказала общие мысли Нерия. — Вроде той, которая не пускает сюда наших... мохнатых друзей.

Однако против ожиданий до верха каменных ступеней они добрались без приключений. Должно быть, неведомый маг, обезопасив место силы древних эльфийских чародеев от оборотней, не мог предположить, что кто-то еще осмелится подобраться так близко к источнику его проклятья. Либо то, что он приготовил для непрощенных гостей, еще ждало их наверху.

Подъем не занял много времени. Преодолев два десятка ступеней, они оказались на неровной площадке, выложенной теми же гладкими плитами, что и все вокруг. Посреди площадки переливалась отражавшимися в ней отблесками света поверхность неглубокой выемки в камне, заполненной водой. Вставленный в скрытое под водой крепление, наверху в небо был установлен тонкий металлический жезл, длиной не более руки взрослого мужчины. По жезлу бежал синий огонь, отсвет которого направленным лучом упирался в покрытое россыпью звезд ночное небо.

— Вытащить жезл, — Алистер посмотрел сперва на Йована, потом — на эльфийскую магиню. — Кажется, об этом они говорили.

Маг крови пожал плечами. Нерия предостерегающе подняла руку.

— Сначала омой лицо в полных ладонях из этой лужи, — медленно, словно прислушиваясь к чему-то, проговорила она, полуприкрыв глаза. — Но так, чтобы в руках осталась вода. Воду выплеснешь обратно в... просто выплеснешь обратно.

Алистер снова поднял брови, но спорить не стал, справедливо рассудив, что эльфийской магине было виднее. Стащив перчатки и опустившись на колени перед выемкой, он сделал, как ему велели, умудрившись умыться так, чтобы капли с его ладоней упали обратно в воду. И не успел удивиться, когда горевший по поверхности жезла синий огонь по мельчайшим водным частицам перекинулся на его руки. Яркое синее пламя не обжигало — оно было холоднее самого холода. Алистер закусил губу. Кисти его рук в мгновение ока словно онемели.

— Мне... уже можно вытаскивать?

Нерия прислушалась снова. Некоторое время она молчала, прикрыв глаза и беззвучно

шевелия губами. Алистер терпел, не смея даже сжать руку в кулак, и до крови кусая собственные губы.

— Не знаю, — наконец, сдалась девушка, открывая глаза. — Мне кажется, тут что-то еще, но... Попробуй. Вреда не будет. Тебе вреда быть не должно. Наверное...

Бросив еще один взгляд вниз, на поднятые к нему морды оборотней, Тейрин осторожно спустил в воду сперва одну, затем другую ногу. Пламя охватило погружившуюся до колен в воду плоть, причиняя немалую муку. Подавляя рвущийся наружу стон, и желая покончить со всем поскорее, Алистер шагнул вперед и схватился за жезл обеими руками.

В следующий миг его отбросило в сторону, на стоявшую там Нерию. Впервые за все время Тейрин успел порадоваться, что он не в броне. К счастью, высокая, крепкая эльфийка, спихнув Алистера, вывернулась из-под его широкой спины и вскочила на ноги сама, не дожидаясь помощи от застывшего Йована.

Колдовской огонь погас. Алистер тоже поднялся сам, растирая кисти и бросая косые взгляды на продолжавший полыхать эльфийский жезл. Йован топтался рядом, не зная, что предпринять, кому первому помочь, и стоило ли помогать вообще.

Оправившая на себе полушубок Нерия по примеру Алистера стащила перчатки. Присев над еще не улегшейся после Тейрина древней водой, она коснулась ее поверхности ладонью, в другой руке крепко сжимая посох. Ее спутники и волнующиеся волки внизу тревожно ждали результатов.

— Страж, а ты точно уверен, что твоей матерью была эльфийка?

Алистер неопределенно передернул плечами.

— Она умерла в родах, так мне сказали, — поморщившись, нехотя поделился он. — Отца я не видел ни разу. Все из того, что я знаю о своей семье, я узнал от опекуна. Ни в чем я не уверен.

— Союз эльфийки и человека, — отстраненно проговорила молодая магиня, пропуская воду через пальцы. — Добровольный союз, — она выпрямилась, беря посох подмышку, и вытаскивая нож. — Это... может помочь. Если не уберет, то ослабит магию. Йован... подойди.

Алистер в легком недоумении наблюдал, как заново вскрывшие раны на ладонях маги поочередно опускают кровоточащие руки в воду, а затем расходятся, оставляя по себе на плитах мокрый след. Но еще больше он удивился двум дорожкам синего пламени, что по этому следу сбегало с жезла, перекидываясь на посохи замерших в разных частях площадки друг напротив друга магов. Пламя вокруг самого жезла сделалось как будто на малую меру тусклее.

— Скорее, Страж! — морщась, как от боли, крикнула Нерия, изо всех сил удерживая пылающий посох обеими руками. — Вытаскивай!

Алистер опомнился. Торопливо опустившись перед лужей, он еще раз омыл лицо, выплескивая воду обратно и коротко охнул, когда ярко полыхавший синий огонь набросился на его мокрые руки. С плеском спрыгнув к жезлу, он еще раз примерился, сделал глубокий вдох...

— Стой!!!

Вздрагнув, Алистер так и не коснулся огненной поверхности оружия древних. Внизу среди притихших, расступившихся перед ним темных мохнатых туш, стоял огромный белый волк.

Волк этот был воистину огромен. Не вставая на задние лапы, он мог холкой достать

Стражу до плеча. От него не исходило сияния, однако, казалось, что весь он был пронизан светом, позволявшим видеть каждую его шерстинку, от морды и до хвоста. Зверь этот был прекрасен и ужасен одновременно. Его заостренные уши стояли торчком, верхняя губа была вздернута, приоткрывая длинные, длиннее ножа Нерии, клыки.

— Стой, — повторил волк, делая шаг вперед. Обратни вокруг зашевелились, угрожающе ворча. — Ты не смеешь этого делать, Страж. Я не отменял своего проклятия. Они родились животными и сдохнут животными. Это их сущность, и этого не изменить, — он помедлил. — Я... я же согласился помочь тебе, Страж. Зачем ты пришел сюда мешаться в мои дела?

Некоторое время над руинами древних эльфов стояла тишина, прерываемая только хриплым дыханием, угрожающим звериным ворчанием и треском колдовского пламени. Обратни подбирались ближе, постепенно окружая незваного гостя, однако, не было похоже, чтобы он сколько-нибудь боялся их.

— Постой, — Алистер сузил глаза. Понимание к нему приходило привычно медленно, но верно. — Я уже говорил с тобой. Ты... ты... это ты! Эльфийский маг! Затриан! О, Создатель, неужели это и в самом деле ты?

— Затриан? — Нерия со стоном разлепила искусанные губы. — Ты проклял всех этих людей? Ну, конечно! Кто еще кроме тебя в лагере долийцев живет так долго! И кому бы еще на это хватило силы! Но... как можно было быть настолько жестоким? В чем эти люди провинились перед тобой?

Белый волк ощерился. Вне всяких сомнений, пришлый Страж угадал правильно. Мерцающая в свете синего огня шерсть на зверином загривке встала дыбом.

— Не твоего ума дела, отступница, судить, прав я или нет в своих решениях, — Затриан щелкнул зубами, делая к лестнице еще шаг и медленно пригибаясь, словно перед прыжком. — Я издали почуял вас здесь! Я помог вам, и вот, что получил взамен! Правы мои соплеменники, утверждающие, что дел с людьми водить вообще нельзя, а те эльфы, которые живут среди людей — уже не эльфы! Вы пришли помочь этому зверью — что ж, это был ваш выбор! А теперь я...

Он не договорил, срываясь с места и делая гигантский прыжок. Однако, за миг до того, как лапы волка оторвались от земли, сбоку на него налетел Бегун, а за ним — другие. Вскоре рев, вой и грозное урчание катавшейся в тумане своры оборотней перекрыл все ночные звуки леса и даже гудение близкого синего пламени. Алистер снова обернулся к жезлу. Шероховатая поверхность эльфийского оружия легла под ладонь, вновь обжигая стылým холодом.

— Страж! — в несколько толчков расшвыряв повисших на нем волков, Затриан вскочил и бросился к лестнице. Но не добежал до нее нескольких скачков. Полуоглушенный Бегун успел кинуться сзади, повалив Белого Волка на камень плит. — Послушай, Страж! Эти звери не все рассказали тебе об их проклятье! Да ты слушаешь, или нет!

Удар страшной силы отбросил оборотней от белого врага. Через несколько мгновений в клубах сероватой пыли на месте Волка стоял эльф Затриан — обнаженный, в небрежно брошенной на плечи волчьей шкуре. Затриан выглядел так же свежо и молодо, как и в лагере долийцев, где гости увидели его в первый раз. В руках у него не было посоха, однако, не похоже было, чтобы он в нем нуждался. Замерцавшее вокруг его рук пламя — настоящее, жаркое, заставило подступавшихся было, припадавших на лапы и поскуливавших оборотней отступить.

Медленно, ступень за ступенью, Затриан приближался к замершим гостям своего леса. Алистер все еще стоял в незамерзающей луже, обеими руками ухватившись за эльфийский жезл. Синий огонь по-прежнему плясал по его незащищенной коже, не причиняя ожогов, однако, последние слова эльфийского мага задержали его руку. Алистер вдруг осознал, что хочет услышать то, что скажет ему Белый Волк. Слова о том, что об их проклятии волки рассказали не все, каким-то образом зацепились за его издерганное сознание.

— Вы спрашиваете, в чем провинились они, — обойдя корчившегося, но не выпускавшего из рук посоха Йована, полуголый маг медленно приблизился к кусавшему губы Алистеру. — Я не смогу вам объяснить. У вас ведь нет детей. Вы не находили своих детей замученными до смерти, обесчещенными, истерзанными проклятыми, вонючими ублюдками-шемленами. Лица ваших детей не стоят каждую ночь перед вашими глазами, а их стоны не звучат в ушах...

— Наши дети так же стонут и страдают, — Бегун, на ходу харкая набившейся ему в пасть белой шерстью и подволакивая заднюю лапу, ходил у самой границы тумана, не имея возможности проследовать за своим врагом. — Они воют и плачут, они испытывают муку, как и все мы! Предки клялись, что не трогали твоих детей, эльф! Но даже если бы трогали! Они уже ответили бы за свой грех, будь он ими причинен. А при чем тут мы? Мы уже родились такими! Мы страдаем безвинно! Ты — еще больший палач, чем те, кто тронул твоих детей! Ты — мерзавец и трус! Иди сюда, трус! Иди, и сразимся! Будь ты проклят, проклятый эльф! Я разорву тебя на части! Спускайся! Рразорву!!!

— Видишь, Страж, — Затриан кивнул с присущим ему внешним спокойствием, словно не дрался только что с десятком ненавидящих его оборотней и не стоял в окружении двух корчившихся от причиняемой его заклятием боли магов и одного воина. — Они — звери. Будь они хоть трижды другой формы, это не отменит их звериной сущности. Их подлости, злобы, жажды крови. Сейчас их внешняя форма идет в полном согласии с тем, что внутри. И дети их, и дети их детей — все они будут такими, пока не сдохнут в последнем поколении. Им не помочь. Отпусти жезл. Идем в лагерь. Я...

— Затриан, опомнись! — Нерия разлепила побелевшие губы. Рук она, впрочем, не опускала, из последних сил сдерживая себя от того, чтобы бросить полыхавший синим огнем посох, что оттягивал на себя часть защитной магии жезла. — Ты говоришь ужасные вещи. Ты проклял невинных, и от твоего проклятия страдают не только люди, но теперь даже эльфы. К чему это? В чем они виноваты перед тобой? Сними это проклятие, слышишь! Или мы снимем его сами!

— Никому из вас его не снять, — Затриан усмехнулся, бросив взгляд на с ненавистью глядевших на него волков и шагнул ближе к Алистеру. — Кроме тебя, Страж. Но и ты не захочешь этого делать, когда узнаешь природу этой магии до конца.

— Говори, — почти простонал Йован, вскидывая лицо и прокусывая губу. — Но предупреждаю — если будешь нам мешать, я остановлю тебя, клянусь Создателем!

— Если бы я захотел вам помешать, даже совместно вы бы ничего мне не сделали, — эльф улыбнулся молодыми губами, суживая глаза и встречаясь с таким же настороженным взглядом Алистера. — Вы трое... как и те глупые собаки — слишком слабы передо мной. Но, пожалуй, только чтобы показать, как вы, шемы, трусливы и мелки... Я позволю вам попробовать разрушить структуру моей магии.

Он еще раз посмотрел вниз.

— Этот жезл достался мне от предшественника, одного из последних мастеров магии

Арлатана, — Затриан поймал обращенный на него взгляд эльфийки. — Да, эта вещь... одна из немногих оставшихся теперь вещей, что в полной силе скрывает мощь эльфийских королей. Сила мага, завладевшего этим жезлом, увеличивается многократно. Ни один шем не коснется жезла невозбранно. И лишь шем, что родился от добровольного союза эльфийской девы и человека может снять то проклятие, что по моей воле держит жезл. Когда-то я считал, что проклятие мое — до конца времен...

Он поник головой. Йован переступил ногами по истрескавшимся плитам. Больше всего ему хотелось разорвать мучительный контакт с древним эльфийским артефактом, и ударить Затриана заклятием крови в обращенную к нему спину. Алистера одолевали те же желания и нетерпение, поступить так же, но — мечом. Меж тем, эльф, похоже, множество столетий делившийся лишь сам с собой о туманившей его разум беде, говорил едва слышно, обращаясь к Тейрину и, при том, ни к кому в отдельности.

— Когда я прибежал, сын был уже мертв, — тихо рассказывал Затриан, и странно было смотреть на его красивое молодое лицо, даже глаза которого не выдавали числа прожитых им столетий. — Совсем еще дети... Дочь... дочь была беременна. От шемлена! Одного из тех, кто надругался над ней. Одного из этих мерзких ублюдков! Я... она не перенесла позора. Она убила себя. Себя и этого выродка внутри... И я решил. Искупить эту кровь, эту боль сможет лишь такой же выродок, но — от добровольной связи. Никогда, думалось мне, такому не бывать! Никогда эльфийская дева не ляжет с вонючим шемленом и не будет зачинать от него по своей воле. Но я недооценил. Недооценил подлости проклятых людей. Как мог знать я, что придет время, и дочери моего народа с радостью будут стелиться под... под наших врагов?

— Времена меняются, Затриан, — лицо Нерии кривилось, и голос ее дрожал. По замерзшим щекам бежали слезы. — Когда-нибудь настанет и такое время, что эльфы и люди будут жить в мире и согласии. В нашей деревне мы уже живем так, а люди по доброй воле принимают моего отца, эльфа, за главного над собой. К чему избегать мужчину, который отличен лишь формой ушей? Что может помешать такой, как я, полюбить Йована, который добр и честен, или благородного и смелого Алистера?

Некоторое время Затриан, обернувшись, смотрел на Нерию в упор. Лицо его брезгливо кривилось.

— Времена и вправду меняются, — спустя очень долгое молчание, проронил, наконец, он. — Но есть вещи, которые остаются неизменными. Это подлость и трусость шемленов. Хочешь увидеть истинное лицо человека? — эльфийский маг с нехорошей усмешкой обратился к Алистеру. По взмаху его руки, синий огонь, столько мучивший рыцаря и его спутников, погас, оставив только синеватое свечение вокруг жезла. — Защиты больше нет. Ты можешь снять мое проклятие, ублюдок от шлюхи и порочного шема!

Боль утихла. Мыслить сразу сделалось легче и яснее. Алистер покрепче стиснул руки на жезле. Оскорбления эльфом неведомых родителей он снес молча. В отличие от мага, он не искал ссоры, понимая, что для нее сейчас было не время. Однако что-то в словах Затриана по-прежнему не давало ему покоя.

— Досказывай об этом своем проклятии, — сдвинув брови, потребовал он. — Ты ведь не просто так позволяешь мне его снять. Что случится потом?

Усмешка Затриана сделалась еще неприятнее. В который раз уже Алистер с недоумением задавался вопросом, как при первой встрече он мог обмануться спокойствием и уверенностью его лица.

— Потом эти звери, — он небрежно кивнул на ходящих вдоль полосы тумана волков, — облиняют и примут другую форму. Проклятие с них будет снято. Но оно никуда не денется. Весь его груз будет нести тот, кто его снимет. Ты, шемлен.

Алистер спал с лица. Нерия и Йован порывисто переглянулись.

— Если ты сейчас тронешь мою магию, они из стаи сделаются кучкой голых дрожащих шемов, — Затриан брезгливо передернул лицом. — Они сами не знают, чего хотят. Рожденные волками, они не понимают, что такое — быть двуногим. Сейчас это то, чего они жаждут более всего на свете. Но познав, к чему именно стремятся, когда им придется всему учиться заново, когда у них ничего нет для жизни человеком — они взвоют куда более, чем воют теперь своими звериными глотками. И они возненавидят тебя. Того, кто вырвет их из их скотского мира. Того, кто сделает их несчастными. А ты до конца своей жалкой жизни будешь бегать по этому лесу в шкуре белого волка. Они будут ненавидеть тебя. Ты будешь один, шемлен. В волчьем теле, без человеческой речи, без своего племени, которое отвергнет тебя и тебя же начнет травить. И этого будет уже не снять. Никому. Даже мне. Ну, так что, — он поднял бонкую бровь, скрещая руки на груди. — Ты все еще намерен вытащить этот жезл? Нет? Где же твои благородство и смелость, Страж? Или они у шемленов кончаются там, где начинается страх?

— Ты прав в своих обиде и боли, эльф, — справившись со своим лицом, и понимая, что если хоть на миг он задумается, то в первый же миг найдет с полсотни доводов, чтобы не делать того, что собирался, глядя в глаза Затриана, медленно проговорил Алистер. Лицо и голос его были мрачными, щеки и лоб — цвели малиновыми пятнами. Однако, сам облик королевского бастарда был спокоен. — Но в слепой жажде мести ты не прав. Ты не прав в твоём мнении о всех людях. И ты не прав в твоих мыслях обо мне.

Крепкие жилы на руках рыцаря напряглись. Мигом позже выдернутый из воды жезл полетел под ноги Затриану.

Стукнувшись о камень приподнятой здесь плиты, жезл звякнул в последний раз и погас. Зато тело продолжавшего стоять по колено в воде Алистера словно изнутри озарилось тем же синеватым свечением.

Страж закричал, хватаясь за грудь и живот, и сгибаясь в три погибели. Мигом позже он рухнул на колени, подняв тучу брызг. Йован поймал за кисть ринувшуюся к нему Нерию и силой удержал на месте. Не переставая кричать, Алистер ткнулся лбом в камень и, корчась, заскреб пальцами по своей коже, словно пытаясь соскрести с нее что-то, невидимое глазу.

— Прекрати это! — Нерия вырвала руку, нацеливая на Затриана свой посох. — Или я убью тебя! Слышишь!

— Я не могу, — с застывшим лицом наблюдая за тем, как ломает тело пришлого шемлена, одними губами ответил эльфийский маг. — Это был его выбор. Он его сделал.

Однако чем дальше, тем корчи Алистера становились все легче. Через некоторое время Страж умолк, и теперь только тяжело и быстро дышал, по-прежнему лежа в воде и упираясь в камень лбом. Наконец он открыл глаза и, содрогаясь, то ли от холода, то ли от пережитого, опираясь руками в камень, с усилием приподнялся.

— Не может быть...

Затриан вскинул обе руки. Они стремительно покрывались морщинами. Кожа высыхала и скукоживалась, цвела пятнами и словно всасывалась в его кости. Через миг эльфийский маг упал на бок, подтягивая ноги к животу. Еще несколько мгновений назад бывшие молодыми и крепкими, быстро истончавшиеся ноги не держали его. Но в ввалившихся глазах

не было страха — только искреннее, всепоглощающее недоумение. Собравшись с последними силами, он просипел в лица склонившихся над ним Нерии и Йована с ужасом и гадливостью взиравших на его превращение.

— Я не... понимаю... силы проклятия хватило бы... на армию огров. Магия не могла свалить с ног... разве что... дракона...

Голос эльфа утих. Остатки его плоти стремительно обращались прахом. Нерия переглянулась сначала с Йованом, потом с Алистером, который, придерживая живот, подхромал поближе.

— Кто-то из вас, магов, понял, почему он умер..? — все еще хриплым от недавнего крика голосом, осведомился сын Мэрика, кивая на останки и пытаясь стряхнуть со щеки замерзшие на ней капли воды. — Я уж приготовился... ну, как он и сказал. Сделаться волком и...

— Что-то у него пошло не так, — Йован поморщился, сверху вниз глядя на постепенно уносимый ветром прах. — Ты снял проклятие, Страж. А оно держало нить его жизни. Оттого он умер так быстро, и так... страшно. Но я готов поспорить на что угодно — этот Затриан был уверен, что обратит тебя в зверя, а сам и дальше будет...

— Алистер, — Нерия, бросив свой посох, в волнении стиснула обе руки сына Мэрика в своих ладонях. — Это было так... так... Это был по-настоящему королевский поступок! Я... мне жаль, что вышло именно так, с Затрианом и этими людьми. Но...

— Эй!

Оборотни, о которых забыли, никуда не исчезли. Разомкнувшие руки Алистер и Нерия в легком изумлении оглядывали столпившихся у начала ступеней жмущихся друг к другу абсолютно голых восьмерых мужчин и двух женщин, которые то тискали себя за плечи руками, то в восторге оглядывали эти самые руки, ноги, и лица друг друга, трогая волосы и выгибаясь, чтобы рассмотреть те части тела, что были недоступны их взору.

— Эй! — крупный, рыжий с проседью мужчина, чей возраст уже перешагнул за середину жизни, обнимая себя за плечи, поставил ногу на первую ступень, растирая немеющую на морозе кожу. — Прославленные маги, и ты, наш спаситель, Серый Страж! Может, у кого-то из вас найдется... излишек одежды... Или, хотя бы, помогите развести нам костер?

Глава 56

Глава 56

Дайлен с размаху грянулся спиной о ствол попавшегося на пути дерева, сил огибать которое уже не осталось. Он задыхался. Болезнь, пустившая в него когти в поместье де Монфоров, все усиливалась жаром, хрипами в груди и головной болью, от которой мутился рассудок и двоилось в глазах. Амелл смертельно устал. В довершение к бедам прибавились тошнота и лихорадка, которая давала о себе знать слабостью в коленях и дрожью. Хотелось лечь куда-то, где бы было хоть сколько-нибудь тепло и пить горячую воду, а больше не хотелось ничего.

... По воле провидения, либо из-за сильных морозов, согнавших стражу орлесианского вельможи со стылых стен, ему удалось уйти незамеченным. Остаток ночи гость, едва не сделавшийся тевинтерским рабом, потратил на то, чтобы оставить как можно больше мер

пути между собой и поместьем де Монфора. В стремлении уйти и затеряться, Амелл не стал задерживаться на Имперском тракте, а пересек его наискось и сильно углубился в Долы, чтобы сбить со следа возможных преследователей. В лесах, которые виднелись за грядой холмов даже с возвышения некогда проложенного древними тевинтерцами пути, как он знал из путеводителей, встречалось опасное зверье и даже отдельные эльфийские кланы, извести которые у орлесианских властей не доходили руки. А потому идти туда представлялось ему теперь наиболее надежным способом избежать получения к уже имевшемуся ошейнику еще одного.

Однако, лишь углубившись в лес, Дайлен понял, что просчитался. Несмотря на то, что чем дальше он шел, тем гуще и дичее становились места, сам лес даже после многих мер пути вовнутрь, нельзя было назвать чащей. Лес орлейских Долов, редкий и высокоствольный, с кое-где встречавшимся голым кустарником, был светлым и хорошо просматривался на большое расстояние. Вчерашний снегопад прекратился, и утро встретило обессиленного, больного и утомленного до крайности Стража ярким солнцем. Следы Дайлена, которые он оставлял в глубоком снегу, выдавали его нахождение даже без песьего нюха, а идти по самому снегу было настоящим мучением. Местами Дайлен проваливался по пояс, с тоской вспоминая о своих неудобных, но надежных плетенках и многократно проклиная все на свете. Болезнь его усиливалась. То и дело вытирая текущий нос и попеременно чихая и кашляя в рукав, он кутался в куртку, уже не имея сил благодарить Создателя за то, что надоумил накинуть верхнюю одежду на плечи прежде, чем ночью подойти к окну.

Прислонившись спиной к дереву, Дайлен с отчаянием огляделся. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулся все тот же высокоствольный лес зимнего Орлея. По верхушкам гладкокорых елей прыгали белки и какие-то другие мелкие грызуны, которых ферелденец не узнавал. Доносились голоса редких зимних птиц. С пригорка, на который, собирая последние силы, взобрался Амелл, уже не было видно белого камня Имперского тракта. Только лес и холмы — на многие меры пути.

Он запрокинул голову, прикрыв глаза и притиснув кулак к груди. Несколько мгновений простоял молча, слушая только сипение и клекот собственной глотки и ощущая укусы мороза на коже горящих щек и лба. Нужно было решать, что делать дальше. Дайлен чувствовал свое тело и понимал, что без теплого очага, постели и горячего питья, а еще лучше — хорошего мага-целителя, долго ему не протянуть. И, хотя он отчаянно бездельничал на лекциях целителей в башне Круга, не нужно было быть прилежным учеником, чтобы знать — когда внутренний огонь разогреет соки плоти до густоты, жизнь его оборвется сама, без помощи лукавого орлесианского лорда или его помощников. Но в стране, где каждый без усилий мог признать в нем чужака, во владениях де Монфора, без оружия, денег и вдали от человеческого жилья, ничего из того, что могло бы спасти ему жизнь, у бывшего мага не было. И это он тоже очень хорошо понимал.

Открыв глаза, Дайлен еще некоторое время смотрел на колючую верхушку дерева, под которым стоял. Затем повернул голову, оглядывая пройденный им путь. Еще миг спустя взгляд его застыл.

Далеко внизу, по цепочке следов, которые хорошо были видны на снегу, в его сторону быстро двигался отряд из четырех людей и трех псов. И хотя раньше приходилось видеть таких только на картинках, Амелл сразу признал в белоснежных легконогих собаках знаменитых орлесианских гончих, могущих брать след и не терять его даже на льду или в

сугробах. В том, что люди эти не были простыми охотниками, сомневаться не приходилось. Все они были одеты в меховые куртки со знакомым ему гербом дома де Монфор.

Один из взбиравшихся на холм людей поднял голову. Дайлен поспешно отступил за дерево, однако, раздавшиеся вслед за этим крик дал явно понять, что его заметили. Тем более что по оставленному следу его мог найти даже слепой, и он сам проложил для своих преследователей дорогу.

Сорвавшись с места, Дайлен побежал в сторону, противоположную той, откуда приближались орлесианцы. Снег как будто бы сразу сделался еще глубже, а боль в груди — острее. Подгоняемый криками и песьим лаем, спотыкаясь и падая, он добрался до дальних деревьев, за которыми ему издалека мерещился спуск с холма и замер в отчаянии и страхе.

Спуск с холма не был таким же пологим, как и подъем. С этой стороны возвышенность круто обрывалась вниз. Внизу перед Дайленом несла еще не замёрзшие воды неведомая лесная река. Шум ее он слышал еще издали, но за криками орлесианцев, лаем их псов и стуком собственной крови в ушах загодя не обратил на него внимания.

Дайлен порывисто обернулся. Фигуры преследователей теперь бежали, растянувшись по одному, по оставленному им следу. Впереди людей, взрывая снег, неслись собаки. Расстояние между ним и охотниками де Монфора стремительно сокращалось. Линия обрыва была обширной, и Амелл видел, что не успеет вернуться, чтобы попробовать спуститься с холма в другом месте.

Все его усилия оказались напрасными. Преследователи приближались — быстро, но уже не так поспешно, видя, что жертва никуда не уйдет. Оружия они не доставали тоже. Ферелденец был безоружным, а значит, опытным охотникам, какими были люди герцога, можно было попробовать взять его голыми руками.

— Эй, собачник! — бежавший впереди орлесианец, высокий и жилистый, в отороченной мехом куртке и вооруженный коротким луком, казалось, вовсе не был утомлен погоней, точно это не он шел за беглецом почти полный зимний день. Дыхание его не было сбитым, а голос звучал спокойно. — Иди сюда сам. Ты уже набегался.

Дайлен отступил к самому краю обрыва. Перед его мысленным взором встали светлые глаза виверна — свирепые и беспощадные. Образ отрешенно-учтливое лица Сирила де Монфора и его неприятная, жесткая усмешка дорисовались следом. Амелл ощутил, как только что горевшие огнем потроха смерзаются от страха.

— Ты оглох, что ли, собачник? — орлесианцы были совсем близко. Их псы рассыпались полукольцом, уже не лая, но подступая к загнанной дичи с предупреждающим злым рычанием. — Иди, говорю, сюда. Приказ господина доставить тебя живьем. Но живьем — не значит невредимым. Целый день носимся за тобой, как угорелые. Не зли нас еще больше, слышишь?

Дайлен в отчаянии бросил еще один взгляд назад. Одновременно он с ужасом ощутил, как почва под его ногами проседает. Очевидно, он слишком близко подобрался к краю и стоял уже не на земле, а на слежалом снегу.

Мигом позже огромный сугроб под его ногами обвалился и вместе с комьями снега он полетел вниз.

Глава 57

Холодная вода обожгла его, словно кипятком. Дайлен сильно ударился локтем и спиной о стремительно пронесившуюся мимо льдину и ушел под воду, скользнув пальцами по ее краям. Через несколько мгновений он вынырнул и, совершив отчаянное усилие, вцепился в другую льдину, побольше первой и не такую покатую. Мокрый лед накренился, но выдержал его вес. У Дайлена не было сил влезть на льдину целиком, он только хватался за ее края потерявшими чувствительность пальцами, изо всех сил стараясь, чтобы его вновь не утащило под воду. Склон с преследовавшими его орлесианцами остался далеко позади. Стремительная зимняя река несла его все дальше, сталкивая с другими льдинами и заливая холодной водой. Задыхаясь и кашляя, Дайлен пытался подгрести к какому-то из берегов и, наконец, ценой невероятных усилий, ему это удалось. Точнее, долгое время не замечавшая отчаянных и жалких усилий человека обуздать ее силу, река сама вышвырнула кусок льда, за который, несмотря ни на что, продолжал цепляться Амелл, на отмель.

Дайлен отпустил, наконец, льдину, и, сминая тонкую корку лежавшего тут наста, выполз на пологий берег и лег щекой в снег. Он не чувствовал своего тела. На несколько мучительных мгновений ему казалось, что он устал дышать. Лишь когда плясавшие перед глазами стеклистые снежинки стали сменяться стремительно подступающей темнотой и неожиданным теплом, он спохватился в последний миг, с мучительным всхлипом вернув себя в реальность.

Оскальзываясь и преодолевая сильную тупую боль в онемевшем теле, Дайлен принудил себя подняться. Несколько затуманенных смерзавшейся влагой взглядов, брошенных по сторонам, уверили его в том, что преследователей нигде не было видно. Хотя, если бы теперь он мог мыслить о чем-то кроме темной ледяной пустоты, Амелл не был бы уверен, что с чистым сердцем отказался от тевинтерских каменоломен, пыточной де Монфора или даже постели хозяина-магистра, если в каком-то из этих мест было хоть сколько-нибудь теплее, чем в морозном зимнем лесу.

Думая и не думая одновременно, Дайлен побрел по оледеневшему берегу, сам на ходу покрываясь льдом и едва переставляя деревянные ноги. Мимоходом, сильно дернув рукой, так, что она оказалась у него перед глазами, он обнаружил смерзшуюся кровь. Подняв и вторую руку, Амелл смог убедиться, что ее пальцы также были раздроблены. Когда это случилось, он не помнил. Должно быть, при столкновении льдин. Боль не ощущалась, и случившееся с ним увечье по-настоящему удивило, выведя из состояния тупого равнодушного умирания. Дайлен огляделся — на этот раз куда более осмысленно. Он уже успел на значительное расстояние отойти от берега. Здесь, по-видимому, бывали сильные ветра, так как весь снег лежал тонким слоем, перемежаясь с настом и льдом, и следов на нем почти не было видно. Это открытие приободрило Дайлена. Сунув руки подмышки, он нашел там только лед. Однако и это не смогло уже сколько-нибудь огорчить его. Амелл снова побрел вперед, не думая, не чувствуя и ни на что особо не надеясь. Наткнувшись на осыпь, он также без особых сомнений стал взбираться на нее.

Даже его губы успели покрыться льдом к тому моменту, как двигавшийся медленными рывками, как умирающий силван, Дайлен увидел в промежутке между двух холмов впереди неширокую расщелину. Ему показалось, что из расщелины едва заметно валил пар. А значит, там могло быть тепло.

По-прежнему ни о чем не думая, и ничего не опасаясь, поскользываясь, поднимаясь, падая и снова поднимаясь, Дайлен добрался до вожделенной трещины в камне и, собрав

последние силы, кое-как протиснулся в нее.

Края не расщелины а, скорее, трещины в каменном боку холма, были покрыты скользким льдом, оттого Амелл порядочно ободрался, однако и проскользнул вовнутрь достаточно быстро. Со стуком грянувшись о пол, он некоторое время с изумлением рассматривал обширный зал, от всего облика которого веяло тленом и запустением. Местами одетые в камень стены проседали, из-за чего, по-видимому, и образовалась трещина, через которую он попал сюда. С усилием поднявшись и по-прежнему ощущая себя будто сделанным из дерева, Дайлен огляделся и, переставляя ноги быстрее, чем до того, направился к темневшему на противоположной стороне зала проходу, откуда ему чудилось идущее тепло.

По мере того, как он пробирался уже по древнему, затянутому паутиной коридору, вокруг действительно становилось заметно теплее — точно впереди и где-то внизу стояла большая раскаленная печь. Лед с лица и рук Дайлена стремительно скапывал, а сама кожа обретала мучительную чувствительность. Амелл не обращал на это внимания и не останавливался. Пробираясь по стенке, собирая на себя грязь и паутину, он стремился к теплу, вождедея его так, как до того не вождедел ничего в мире. Очнулся он только тогда, когда, не глядя себе под ноги, споткнулся обо что-то объемное и, не удержавшись, растянулся на полу.

Не сумев подавить вопль, Дайлен некоторое время корчился на каменных плитах, тиская пострадавшие ладони и кисти рук, чувствительность к тупой боли которых увеличилась от холода во много раз. Когда боль, все же, отступила, Амелл поднял глаза и едва сдержал новый крик — прямо перед ним застыла мохнатая многоглазая морда огромного подземельного паука. Тварь была дохлой, но по всем признакам сдохла она совсем недавно. Из того, что успел услышать, будучи среди Стражей, Дайлен помнил, что такие твари водились только в местах большого скопления скверны. И, одновременно с этим пониманием, виски его задубевшей, но постепенно оттаивавшей головы, сдавило от знакомой боли.

Амелл поднялся — так быстро, как смог. Скверна здесь была, и много, он это чуял всем пропитанным ею собственным существом. Еще немного покопавшись в порядке подстывшей памяти, Дайлен вспомнил также, что, однако, несмотря на общую приверженность к этой дряни, пауки и порождения тьмы не ладили между собой и, если в каком-то месте жили одни, встретить в том же месте, но других, было невозможно.

Тем не менее, вперед он уже не торопился, несмотря на то, что теперь его влекло туда еще сильнее. Неясный шелест в голове перерастал в шепот, а потом и вовсе грозил сделаться криком. Однако пока этого не произошло, Амелл принудил себя склониться к пауку, насколько мог в его состоянии внимательно осматривая его.

Тварь была убита совсем недавно, в том не было сомнений. Но руку к этому приложили не порождения тьмы. В боку паука прочно засели две стрелы, изготовленные хорошим мастером, но явно короче человеческих. Содрогаясь и капая на пол, Дайлен поднял лицо и посмотрел вглубь темного прохода.

Теперь только до его постепенно оттаивавшего рассудка достучалась очевидная вещь — он уже довольно далеко отошел от трещины в стене, из которой лился свет, однако, темнее не становилось. Впереди был какой-то иной источник тепла, света и — скверны.

Судорожно втянув воздух сквозь зубы, Дайлен захромал туда.

Через десятка полтора шагов коридор резко повернул за угол и взгляду Стража открылся

круглый каменный зал. Зал этот был нешироким, но очень высоким, потолком уходящим, должно быть, к самой вершине холма. Посреди зала на круглом постаменте, к которому вела лестница из семи ступеней, стояли две огромные каменные статуи, вытесанные и отшлифованные с немалым мастерством. Определить, какой именно народ приложил руку к созданию статуй, было трудно. Стилль вытески был не гномий, и мог принадлежать работе как человеческих, так и эльфийских мастеров. Головы статуй были слишком высоко, чтобы разглядеть форму ушей. Да и не каменные уши интересовали сейчас Дайлена.

Между статуй, удерживаемое каменными руками, переливалось зыбкой поверхностью странное зеркало. Голубовато-серое, мерцающее и словно затягивающее одновременно, казалось, оно не умещалось в своей раме, очерчиваясь, но не ограничиваясь ею. На бегущую по краю камня туманную дымку хотелось смотреть неотрывно, забыв о холоде и опасности, забыв обо всем. Зеркало это и было источником света и тепла странного подземелья.

Помимо гнетущего желания устремиться вперед, чтобы непременно коснуться завораживающей поверхности зеркала, у Амелла возникло смутное чувство того, что он должен был что-то слышать о подобном и раньше. Скорее всего, в Круге магов читали лекции о таких вещах. В мучительно задержавшейся памяти даже всплыло незнакомое и непонятное, явно не человеческое слово элувиан, когда внимание Дайлена, а, вместе с тем, и нужные воспоминания, были перебиты раздавшимся откуда-то из-за зеркала глухим стоном.

Придерживая живот и поясницу, кривясь при каждом шаге, Амелл обошел постамент. Об опасности ему по-прежнему не думалось. По счастью, опасности и не встретилось. За постаментом, на ступенях, лежало тело одного только молодого эльфа.

Эльф этот был прямой противоположностью всем его сородичам, которых Дайлену доводилось видеть ранее. Хотя и бессознательно расслабленные, черты его хранили отпечаток жесткости и решительности. Татуировка покрывали всю верхнюю часть лица, что встречалось только у долийцев. Полные некрасивые губы были плотно сжаты, очерчивая жесткие, даже жестокие складки у рта. Темные волосы были длинее, чем отращивали городские, и собраны сзади на эльфийский манер.

Пока Амелл, греясь от источавшего тепло и свет, оскверненного зеркала, разглядывал эльфа, лицо последнего дернулось. На миг раскрыв глаза, тот коротко выдохнул, резко повернув голову на другую сторону.

— Тамлен! — разобрал Страж, наклоняясь ближе. — Не подходи! Не подходи... туда...

Дайлену предостережение показалось убедительным. И, одновременно, слабый, идущий от мерцавшей поверхности Зов, словно бы усилился многократно.

Амелл посмотрел на зеркало. Его иссиня-серые, отливавшие фиолетом глубины, притягивали. Не замечая, что он делает, бывший маг сделал шаг по направлению к зеркалу, затем еще и еще... Поднявшись по ступенькам, Амелл понял, где он находится, только когда подергивающаяся рябью, колеблющаяся поверхность, оказалась у него перед глазами. Недоумевая от того, как такое могло получиться, Дайлен поднял искалеченную, пульсирующую уже нешуточной болью руку и, повинувшись неизвестно чему, опустил ее в плотный жидкий туман.

Поверхность тумана чуть заметно всколыхнулась. Цвет тумана вокруг покрытых кровавой коркой расплюснутых пальцев мага потемнел и на миг Дайлен ощутил мокрый жар. Память заботливо выдала душное воспоминание о полной такого же жара пещере под мостом крепости Остагар, и Амелл отпрянул, вырывая руку и разворачиваясь к зеркалу спиной. Испуг пронзил его мгновенно, подобно удару молнии.

— Тамлен... Тамлен говори... он смотрит. Смотрит оттуда! Нельзя, нельзя смотреть... иначе он... придет... и выберется оттуда... выберется оттуда... нужно разбить... разбить! Тамлен, ты должен...

Несмотря на то, что колебавшаяся в полушаге от него поверхность зеркала исходила теплой мокротой скверны, и от нее шел жар, Дайлен почувствовал, как спина его смерзается от страха. Пока был обернут к непонятному артефакту лицом, он не вглядывался в его глубины. Теперь же откуда-то взялась непоколебимая уверенность, что стоит только обернуться — и он увидит кого-то, обязательно опасного и страшного, кто ждет только того мига, когда безоружный, избитый и больной, потерявший свою магию маг окажется к нему лицом, чтобы броситься и навсегда покончить с ним и, может быть, со всем миром...

Будь Дайлен хотя бы немного менее утомлен или болен, бредовость его мыслей была бы ему очевидна. Однако, по-прежнему едва имея силы думать и отчаянно боясь, подзуживаемый полусумасшедшим громким шепотом бессознательного эльфа, он поступил так, как велел ему подстегивавший ужас...

Раздробленные пальцы с трудом подцепили с пола увесистый обломок, упавший, должно быть, с потолка. Коротко размахнувшись, Дайлен, не глядя, с силой метнул его через плечо.

Ожидаемого грохота не последовало. Полуобернувшийся Дайлен успел заметить, как колеблющаяся скверна проглотила камень, словно прорва.

Еще миг ничего не происходило. Потом на гладкой поверхности зеркала, в том месте, где сгинул обломок, словно надулся пузырь. Мгновение спустя он лопнул, во все стороны разметывая и расплескивая брызги, осколки и ошметки тумана...

Дайлен очнулся лежащим на полу рядом с эльфом, который так и не пришел в себя. Приподняв голову, он покосился назад. Осколки зеркала, некогда колдовского, валялись на постаменте, ступенях и полу вокруг него. Несколько наиболее крупных осколков оставались в раме. Стекло зеркала было мутным, и едва ли в нем можно было различить собственное отражение. Слышанный Стражем Зов тоже исчез, как исчезают звуки за плотно прикрытой дверью.

Однако, если кто-то в зеркале действительно сидел, наружу он так и не выбрался. Амеллу теперь того и было достаточно.

Дайлен поднялся, скривившись от боли в руках. За то время, пока он лежал без памяти, в зале успело сделаться заметно холоднее. Падавшие откуда-то сверху редкие лучи света едва разгоняли царивший теперь вокруг полумрак. Одежда бывшего мага подсохла, однако, хрипы в груди, тошнота и слабость никуда не делись. Вдобавок ему сильно хотелось пить.

Приложив горячую руку к горячему лбу, он некоторое время сидел, прикрыв глаза, и пережидая толчки крови в ломивших висках. Потом обратился к бессознательному эльфу.

После уничтожения странного, пропитанного скверной, зеркала, молодой долиец успокоился и больше не метался, умиротворенно умирая на полу. На его лбу и щеках, как теперь уже было видно Дайлену, цвели глубокие пятна скверны. Скверна была и внутри эльфа. Очевидно, он так же, как после него человек, касался поверхности зеркала, однако, в отличие от Стража, заплатил за это куда более высокую цену.

Дайлен положил руку на его плечо и встряхнул. Выждав, встряхнул еще, уже сильнее. Голова эльфа мотнулась. Глаза блеснули под опущенными веками всего только на миг.

— Там.... лен...

Амелл дернул щекой, одновременно прижимая кулак к груди, и пытаясь вдохнуть

глубже сквозь свист и сопротивление своих воспаленных воздушных мешков.

— Тамлен-шмамлен, — оценивая разглядывая крепкую фигуру эльфа, ворчливо повторил он.

Глава 58

Глава 58

Терон открыл глаза. Его взгляд уперся в низкий деревянный потолок, темнее и явно старше, чем был в аравеле, который он с рождения делил с семьей Тамлена и Лисы. Места здесь было гораздо больше, даже несмотря на то, что почти все свободное пространство было заставлено ящиками и бочонками. Под потолком вдоль стен висели пучки сушеных трав. Из мебели в повозке было только ложе, на котором лежал охотник, и неширокий стол у дальней стены.

Откинув укрывавшую его светлую шкуру, Терон поднялся. Его шатнуло, однако, даже это не вызвало того удивления, которое он испытал, очнувшись в лагере клана. Последним его воспоминанием было, как он и друг его Тамлен, преследуя на беду свою столкнувшихся с ними в лесу людей, наткнулись на расщелину меж холмов. Припомнилось, что трусливые шемлены были тут же позабыты. Тамлен, как всегда, был любопытен, и Терону не хватило осторожности, чтобы уберечь друга от приближения к древнему и, вне всяких сомнений, опасному артефакту. Едва только ладони Тамлена коснулись странного, живого зеркала, Терон ощутил дурноту. Еще он помнил, как надвинулся старый, весь в трещинах, каменный пол и исчезнувшую в яркой вспышке фигуру друга. Но как, во имя богов...

— О, ты уже проснулся, — занавешивающий вход полог откинулся, пропуская вовнутрь Мерриль. Ученица Хранительницы была явно не так уравновешена и отрешена, как обычно. Ее глаза поблескивали, а щеки покрывал лихорадочный румянец. — Мы возились с тобой всю ночь, и только под утро смогли, наконец, понять, что нам удалось тебя вернуть... — она мотнула головой, словно возвращая в нее какую-то свою мысль, от обдумывания которой ее отвлек вид Терона. — Слушай, какую изумительную вещь вы нашли! Это... это ведь... это просто немыслимо! Подумать только — настоящий Элувиан! Творение древних! Я... я не могу поверить в такую удачу!

— погоди, — охотник вскинул руку ладонью к раскрасневшейся соплеменнице. — Как вы нас нашли? Что с Тамленом? Он здоров?

— С Тамленом? — перебиравшая какие-то травы на столе Мерриль запнулась, и это запинание отчего-то очень не понравилось замершему в ожидании Терону. — Ааа... его там не было. Шемлен, который принес тебя в лагерь, отвел охотников на место, где тебя нашел. Маретари... она все там очень внимательно осмотрела. Я сама там была. Тамлена мы не видели. Но ты не волнуйся. Охотники его ищут. Они еще со вчера прочесывают лес. Он обязательно найдется! Ох, дален, ты разве не слышишь, что я говорю? Ты и твой друг — вы нашли настоящее чудо в лесу! Я не успокоюсь, пока... пока не исследую его, и...

Терон стиснул зубы. Он никогда не любил разговаривать с Мерриль. Но теперь ему захотелось ее ударить.

— Тамлен пропал, а ты болтаешь какой-то вздор, — цепляясь за стены, он добрался до выхода. — Я поговорю с Хранительницей Маретари. Где она?

— Хранительница куда-то ушла с пришлым шемленом, — если ученица и заметила его

грубость, то ничем это не показала. Подойдя к пологу, она откинула его, махнув рукой в сторону обступавшего лагерь со всех сторон холмистого леса. — Туда. Не велела никому идти за ними, кроме тебя, если ты очнешься раньше, чем они вернутся. Тебе можно. Даже нужно. Они оба хотят поговорить с тобой.

— Меня в лагерь принес шемлен? — совсем запутался охотник, которому все, что он слышал, нравилось все меньше и меньше. — Какой еще шемлен? Кто он?

— Он не просто шемлен, а еще и Серый Страж, — Терон уже устал раздражаться и удивляться, но при последних словах Мерриль, честно вытаращился на нее. — Да такой... хорошенький! Маретари велела тебе явиться к ним, как только ты сможешь ходить.

Утро выдалось морозным. Несмотря на то, что нового снега не напало, старый никуда не делся, похрустывая под ногами мелкой белой пылью. Пыль эта была везде — на земле, кустах, тесно стоявших друг подле друга аравелях, светлой шерсти ходивших в загоне галл, даже эльфах, занимавшихся своими привычными делами. Выйдя из жилища Хранительницы, куда, по-видимому, его принесли для загадочного лечения, Терон некоторое время стоял на пороге, привыкая к холоду и слепящему белому сиянию снега. Что-то ему не нравилось в том, что происходило. И дело было не в исчезновении Тамлена, не в явившемся в лагерь шемлене, который, по утверждениям Мерриль, долго тащил охотника откуда-то без разрешения, и даже не в странно-возбужденном поведении самой ученицы-магини. Что-то было в нем, Тероне, что-то враждебное будто бы поселилось в нем и, пользуясь тем, что его не было видно и слышно, разрасталось внутри — стремительно и неуклонно. Это что-то отзывалось слабостью в коленях, дрожании рук и вкрадчивой тошноте, подступавшей к самому горлу. Все чутье его говорило о большой беде, но определить ее сам он не умел. И потому изо всех сил спешил к разговору с Хранительницей.

... Идти через лагерь было сущим мучением. Всегда любивший поболтать с сородичами Терон теперь вынужден был отвечать всем и каждому, кто пытался обратиться к нему с сочувствием по поводу его тяжелой потери, и это раздражило и без того тяжелое настроение ничего не понимающего охотника до крайности. Впервые в жизни он постарался остаться незамеченным — не в лесу, где можно было наткнуться на подлого или вооруженного шемлена, а среди своих же сородичей. Терон переживал и маялся. Он не понимал, что произошло тогда в странном зале у реки, и ни от кого не мог получить внятного ответа, куда делся его товарищ, и как он сам вернулся в лагерь. Все, что ему смогли сообщить — к сородичам его принес Серый Страж, который сам был едва жив. Но как человек, пусть и Страж, смог найти дорогу в их хорошо укрытый лагерь, и как пропустило его защитное заклятие, наложенное самой Хранительницей — оставалось загадкой для сородичей Терона, а значит, и для него самого.

Выбравшись из лагеря, охотник двинулся через заросли и, спустя какое-то время, уже выходил на знакомую ему поляну. Поляна эта была избрана Хранительницей для справления ее магических ритуалов и, как правило, редко кто-то кроме Хранительницы или ее учеников допускался сюда.

Терон замер на краю, не смея без приглашения подойти поближе. Тем более, решительный поначалу, теперь он не торопился к разговору с Маретари, опасаясь услышать для себя наихудшее. К тому же, судя по ее виду и виду стоявшего рядом с ней рослого шемлена, старой магине было сейчас не до Терона.

Появление охотника осталось незамеченным. По-видимому, выбравшие запретную поляну местом своей встречи собеседники были на самом деле очень заняты.

Прислушавшись, Терон разобрал отдельные слова, и, чем больше он слышал, тем более сильное недоумение его одолевало.

Шемлен стоял к нему спиной, и потому лица он не видел. Пришелец был довольно росл для эльфа, но в среде своих он вряд ли мог бы похвастаться самым высоким ростом. Тем не менее, фигура его поневоле внушала уважение — темноволосый шем был достаточно широкоплеч и, одновременно, строен, чтобы угадать в нем воина, обладающего если и не силой быка, то проворством достаточным, для победы в схватке. Хотя, не видя его движений и походки, сказать о пришельце что-либо, как о воине, было бы сложно. Но, вне всяких сомнений, Страж, если это действительно был Серый Страж, воином должен был быть хорошим — не зря же об их Ордене ходило столько слухов и легенд.

Но теперь он занимался делом, для воина вовсе не приличествующим — он то и дело поводил плечами, щупал ткань кожи и отряхивал на бедрах черную мантию, в которую был облачен. Словно эльфийская дева, что надевает свой первый праздничный наряд, и проверяет, достаточно ли хорошо сидит на ней сшитое собственноручно платье.

— Я... благодарен тебе за подарок, почтенная Хранительница, — донеслось до охотника. — Вещь эта теплая, хотя и черна, как изнаночная шкура молодого дракона. — Однако, не сочти за неблагодарность или грубость... Быть может, найдется в лагере вашем эльф моего роста, который мог бы одолжить мне одежду проще, но — со штанами? Я еще в Круге магов все эти роботы ну так уж наносился...

— Это — не обычная роба, Страж, — в голосе Маретари послышался смешок. — История ее удивительна, но дарю я ее тебе не ради истории. Она черна, как душа рыцаря, из храмовников, который ее создал, но прочна, как камень крепости цитадели, потому что на самом деле прокладка ее — из выделанной кожи молодого дракона. Оттого ни холода не познаешь ты, пока ты в ней, ни самого лютого жара.

Серый Страж с любопытством взглянул вбок, на обтянутую темной кожей дракона руку и провел по ней кончиками пальцев.

— По виду не скажешь, — пробормотал он.

— Я рассказала не обо всех свойствах этой мантии, — Хранительница обхватила себя за сухонькие плечи. — Ты ведь маг-оборотень, не так ли. Не спрашивай, откуда я узнала. Единожды обратившемуся уже никогда не отменить, не снять звериного клейма со своей души. Не будем об этом, — она предостерегающе вскинула руку, видя, что пришлый Страж желает что-то спросить. — Тебе нужно знать одно. При обращении эта мантия делается твоей второй кожей. Ее не нужно снимать.

Это был поистине ценный дар. Очевидно, шемлен тоже так подумал.

— Это ценный дар, — слово в слово повторил он мысли охотника. Теперь голос его звучал совсем по-другому. — Не обделяешь ли ты свой клан, Хранительница, тем, что преподносишь это мне?

Маретари покачала головой.

— В нашем клане уже долгое время не рождалось мага, способного к превращениям. Но даже если бы Творцы даровали кому-то это проклятие, ни один Хранитель не оденет магическую вещь, сделанную шемом. А этот кожаный доспех изготовил рыцарь вашей Церкви. Я... пыталась отдать этот артефакт в другие кланы. Но никто его не берет. А тебе он может пригодиться, Страж.

Последние слова, по-видимому, убедили пришлого шемлена. Спорить он перестал. Между тем Хранительница встряхнула сухонькими руками, вызывая на них магический свет сразу

четырёх аур стихий.

— Я готова к тому, чтобы сделать, о чем ты меня просишь, Страж. А ты готов ли?

Тот не ответил, но, по-видимому, дал понять о своей готовности как-то иначе. Маретари кивнула.

— Помни, Страж, — спокойно проговорила она. — Ты очень долгое время не слышал Тень, и мог разучиться управляться с нею.

Пришлый глубоко вздохнул.

— Я не причиню вреда ни тебе, ни твоему клану, — он стиснул собственные кулаки, по-видимому, в большом волнении, одновременно зачем-то запрокидывая голову назад и открывая шею. — Обещаю.

Маретари шагнула к нему вплотную. Подняв руку, она словно бы поочередно коснулась пальцем чего-то, недоступного взгляду охотника.

Страж поспешно вскинул руки вверх, подхватывая тонкую полоску металла, упавшую в его ладони. А в следующий миг он припал на колени, упираясь обеими ладонями в снег.

— О, Создатель! — донеслось до Терона.

К изумлению охотника, снег вокруг пришлого шемлена мгновенно стаял, словно под воздействием сильного тепла. Несколько мгновений Страж сидел, низко опустив голову. Затем оттолкнул от себя землю, выпрямляясь. От его кистей к плечам пробежали две мгновенных струи огня и — погасли.

— Я... не знаю, как благодарить тебя, почтенная Хранительница, — хрипло произнес он, пряча что-то в складки мантии. Другой рукой он потирал горло и шею. — Если я хоть чем-то смогу...

Маретари устало усмехнулась. Посмотрев поверх плеча гостя, она встретила глазами с Тероном и сделала ему приглашающий знак подойти.

Глава 59

Глава 59

Серый Страж обернулся и в первый миг Терону показалось, что с шемленом к нему обернулись все беды его жизни. Мигом позже он поднял взгляд на шемленское лицо и окончательно уверился в первом впечатлении.

— Здравствуй, дален, — голос Маретари звучал, как всегда — приветливо и спокойно. — Я рада видеть, что ты оправился настолько, что смог подняться. Позволь представить тебе гостя нашего клана. Это — Дайлен Амелл, маг и Серый Страж. Он принес тебя в наш лагерь, где мы с Мерриль смогли немного тебе помочь. Страж, — она обернулась к потиравшему запястья шемлену. — Это — Терон. Другие охотники зовут его Махариэлем, Остроглазым. Терон — лучший наш лучник.

Серый Страж чаяний Терона не оправдал. Вместо мужа достойного, благородного, быть может, даже, бородатого, средних лет и некой внутренней силы, какими представлял себе Стражей охотник, перед ним стоял юнец, едва ли старше его самого. С лицом и в самом деле «хорошеньким», разве что не смазливый, юнец был надменен, самоуверен и смешон — как, впрочем, и все шемлены. Даже одежда на нем была не своя — фигуру Стража облегал доспех, хранившийся в клане на протяжении нескольких десятилетий. Доспех этот был переделан из собственных лат полусумасшедшим беглым рыцарем Церкви, все

добивавшимся любви одной из учениц старого Хранителя, что берег клан еще до предшественника Маретари. Рыцарь этот прожил подле клана не один год, то пропадая, то появляясь вновь, и все выжидая случая расположить к себе эльфийскую красавицу. Наконец, объявившись в последний раз, он явил неприступной магине свой дар — слияние магической сущности с доспехом тех, кто всегда шел против нее. Переделанные, обработанные лириумом латы могли бы считаться творением истинного искусства, однако, не в глазах эльфийки. Терон плохо помнил, чем закончилась эта история, но в том, что достояние клана, каким бы оно ни было, не должно было из него уходить, был уверен. В результате, он исполнился еще большего недоверия против без стеснения оглядывавшего его шемлена, будь он хоть трижды Серый Страж.

— Рад встрече, Терон Махариэль, — тем временем, заговорил шемленский юнец, который словно бы пытался сладить со своим лицом и не мог — оно все норовило расплзтись в широкой улыбке, которую было не сдержать. — Признаться, когда я нес тебя сюда, я не думал...

— Как ты нашел наш лагерь, шемлен? — мрачно перебил Терон, стараясь не смотреть в сторону укоризненно сдвинувшей брови Маретари. — Он хорошо укрыт от таких, как ты. Мы долго выбирали место для зимовки. Даже охотники орлесианских вельмож и их проклятые гончие...

— Так вот, когда я нес тебя сюда, — ничуть не растерялся пришелец, которому последние слова эльфа, по-видимому, помогли перестать улыбаться, — я не надеялся, что ты останешься в живых. Рядом с тем странным зеркалом было слишком много скверны. Оно словно излучало ее. Тебе много досталось. У вас в клане хорошие целители. Я сам был болен, когда сюда пришел. Хвала Создателю — мне помогли...

— Ты не ответил про то, как нас нашел, — снова перебил Терон, глядя на собеседника уже с открытой враждебностью. — Как ты прошел через охранные заклинания?

— Ты сам указывал ему путь, дален, — вмешалась Хранительница, не желая, видимо, допускать ссоры между лучником своего клана и пришлым. — Когда Страж принес тебя, ты бредил. Заклятия пропустили нашего гостя потому, что он держал тебя на руках...

— Нес на спине, — негромко подсказал Страж, не опуская удерживаемого Тероном взгляда.

— Нес на спине, — со вздохом поправилась старая магиня. — От соприкосновения с тобой, охранное заклятие посчитало его своим.

— А как же Тамлен? — Терон упорно не желал опускать глаз первым, несмотря на то, что под насмешливым взглядом пришельца, чувствовал себя все более неловко. — Пусть он расскажет, что там произошло. У зеркала мы были вместе!

Страж, которого звали Амеллом, глубоко вздохнул.

— Я не знаю, что произошло с твоим другом, — терпеливо, как ребенку, пустился в объяснения он, и тон его голоса ярил Терона больше, чем вид самого шемлена в лагере долищев. — Я нашел там только тебя. Погоди, — видя, что охотник вновь порывается перебить, вскинул руку он. — Дай мне закончить. То зеркало. Хранительница Маретари зовет его элувианом. Я не знаю, что оно такое. Но оно словно состояло из... из летучей скверны. Ты заразился скверной через него. И погибал, когда я нес тебя в лагерь.

— Мы с Мерриль смогли остановить распространение скверны, дален, — вмешалась старая эльфийка, глядя с сочувствием. — Но это ненадолго. С каждым часом болезнь будет становиться сильнее... пока не победит.

Терон поверил сразу, еще до того, как отзвучало последнее слово. Это многое объясняло. Внезапно на плечи словно навалилась свинцовая усталость, и только присутствие рядом ненавистного шемлена удержало охотника от того, чтобы сесть прямо в снег и отрешиться ото всего, что ждало его в грядущем.

— Мне известно, что у Стражей есть лекарство, — Меритари положила руку на плечо Терона, но смотрела при этом на пришельца. — Ты спрашивал, чем можешь отплатить мне за помощь. Прошу тебя, Страж Амелл, спаси охотника моего клана Терона от гибели. Я оттянула сколько могла распространение болезни. Но исцелить его я не в силах.

Терон и пришлый Страж встретились глазами. Впервые с момента их сближения тот, кого звали Амеллом, отвел взгляд.

— Я тоже, — имея в виду исцеление, негромко проговорил он. — Лекарство есть, но оно хранится в крепости Стражей, в Монтсиммаре. Даже если мы выйдем прямо сейчас, мы не успеем добраться до города раньше, чем... чем разрастется скверна.

Терон, до сих пор не терявший слабой надежды, горько ухмыльнулся и, уже не таясь, сел прямо в снег, уронив руки на колени.

— От вас, шемленов, никакого толка, — пробормотал он в сердцах, но без особого чувства, так как был слишком подавлен. Страж промолчал. Он принимал если не справедливость объяснения, то чувства охотника. Однако, в отличие от молодых собеседников, эльфийская магиня, похоже, не собиралась сдаваться так быстро.

— Погоди, Страж. Скажи, сколько времени есть у Терона до того, как скверна приведет к его гибели?

Охотник держал голову опущенной, поэтому он скорее угадал, чем увидел цепкий оценивающий взгляд, которым окинул его пришлый юнец. Если пришелец и удивился вопросу, виду он не подал.

— Будь он человеком, либо гномом, я бы сказал... не менее трех дней, — вдоволь помолчав, наконец, медленно проговорил шемлен, словно бы продолжая к чему-то прислушиваться. — Но эльф... Мое слово — два дня. Потом... возможно, лекарство Стражей уже не поможет. Мне... очень жаль... Терон Махариэль. Если бы я мог, я...

— Ты сможешь ему помочь, если доставишь в Монтсиммар, — Маретари сняла руку с плеча сына своего клана и твердо взглянула в глаза Стражу. — Пообещай мне, Дайлен Амелл, что ты сделаешь все возможное, чтобы спасти Терона, если я помогу добраться до вашей крепости за два дня.

Пришлый шемлен и эльфийский охотник взглянули на нее с одинаковым изумлением.

— Как это возможно? — только и спросил Амелл. Маретари нетерпеливо дернула головой.

— Пообещай, Страж.

Тот изумленно кивнул. Не было похоже, чтобы он до конца понимал, чего от него хотела Хранительница, и что было у нее на уме.

— Я обещаю. Но добраться до Монтсиммара за два дня невозможно даже на лошади!

Похоже, однако, что Терон что-то понял. В порыве чувств лучник вскочил на ноги.

— Нет, Маретари! — он сделал отвращающий жест рукой. — Не делай этого! Моя жизнь не стоит того, чтобы доверить шемленам наш секрет. Ведь это не только наша тайна, но и их тайна тоже! Я... я отказываюсь! Лучше я умру здесь, чем ехать в проклятый шемленский город и...

— Это мне решать, дален, — Маретари выдержала взгляд охотника потом твердо

взглянула на пришлого гостя. — Я уверена, что Страж достаточно выдержан и благороден для того, чтобы не рассказать об увиденном, если мы о том попросим.

Заинтригованный Амелл кивнул еще раз.

— Я сохраню вашу тайну, в чем бы она ни заключалась. Но должен предупредить, — он обернулся к молодому эльфу, глядевшему на него со смятением и неприязнью. — Лекарство, которое есть у Стража, дается не просто так. Принявший его сам становится Стражем. И этого уже не отменить. Никак. Поэтому после лечения — если... Терон выживет — к клану вернуться он уже не сможет.

— Я догадывалась, — раньше, чем охотник успел вставить хоть слово, спокойно произнесла Маретари. — Но если это нужно для его спасения — я даю свое согласие.

Только что страстно намеревавшийся говорить Терон поперхнулся словами.

— Хранительница... — наконец, выдал он из себя, чувствуя все более разрастающуюся пустоту внутри. — Ты... изгоняешь меня? Я больше не член клана?

Маретари искренне, неподдельно вздохнула.

— Дитя, мое сердце скорбит при самой мысли об этом. Но...

— Хранительница, дело касается только меня. И мне решать, как поступать в этом случае, — Терон злобно покосился на скрестившего руки на груди пришлого мага. — Идти с шемленом и жить среди шемов я не желаю. Если Творцами было predeterminedено мне умереть от скверны, значит, так тому и быть!

— Дитя, — Маретари покачала головой. — Будь благоразумен.

— Ты должен идти, — тот, кого звали Амеллом, перенес свой вес с ноги на ногу. Его рослая, затянута в черное фигура, слегка покачнулась. — Потому что это касается не только тебя.

Эльф стремительно развернулся. Его страх и отчаяние, наконец, нашли свой выход.

— Не вмешивайся не в свое дело, шем, — почти яростно выкрикнул он. — Тебя это точно не касается!

— Ошибаешься, — Амелл опустил скрещенные руки и сдвинул брови. — Меня это касается, как Серого Стража. Ты пойдешь со мной, эльф. И как можно скорее.

Пальцы Терона схватили пустоту в том месте, где всегда висел его лук.

— Ты не заставишь меня силой следовать за тобой!

— Да если будет нужно, я тебя волоком потащу в Монтсиммар! — вышел из себя Дайлен, который и так по его меркам явил неблагодарному эльфу чудеса своего терпения. — Или ты предпочел бы остаться здесь и заразить скверной весь свой клан?

Похоже, затеяв спор со Стражем, о таком охотник не думал. Возможность навредить сородичам сразила его сильнее известий о смертельной болезни. Маретари еще раз молча стиснула его плечо.

— Поди попрощайся с родичами, дален, — она тяжело вздохнула, снимая руку и поднимая лежавший тут же на снегу посох. — Я пока позову наших... друзей.

Сделавшийся молчаливым охотник, не глядя ни на Стража, ни на Хранительницу своего клана, и не споря более, быстро и угрюмо ушел в сторону стоянки. Маретари дернула худой щекой, поворачиваясь к гостю.

— Прости его, Страж. Он... из тех молодых, кому в бедах и лишениях нужно кого-то винить. Но твой Орден не пожалеет, если примет его. Ведь вы принимаете лучших из лучших, а Терон — словно уже родился с луком. Когда... смирится, он сделается хорошим Стражем.

Амелл склонил голову в знак того, что принимает ее слова.

— Перед посвящением в Стражи я сам был полон горечи к судьбе и очень озлоблен. Мне понятны его чувства. Однако, прости мне мое нетерпение, как ты собираешься помочь нам в столь короткий срок добраться до Монтсиммара? Отсюда конными ехать... не менее недели.

— Если знать тропы, конными можно доехать и за четыре дня, — Маретари оперлась на свой посох и от его наверхья к ее рукам побежали струи зеленого тумана, словно побеги лозы. — Если на лошадях. Но ведь ездить можно не только на лошадях. Кому как не Стражам знать об этом. Ведь это именно вы когда-то летали по поднебесью на грифонах.

— С тех пор прошло не одно столетие. Грифоны вымерли. Не хочешь же ты сказать, что вам удалось найти живого?

Маретари улыбнулась и, повернувшись к лесу, дважды легонько стукнула посохом о снег. При этом зеленый туман словно стряся с колдовского дерева и, вопреки дувному от леса стылому ветру, устремился к темневшим деревьям.

— Они здесь, недалеко, — непонятно пояснила Хранительница. — Но им тоже нужно время, чтобы...

Из глубины леса послышался хруст. Хруст этот быстро приближался. Дайлен невольно сделал шаг назад, поднимая руки. Среди стремительно нараставшего треска валежника и ломающихся сучьев теперь можно было различить и гулкий топот, а спустя несколько мгновений на поляну перед магами выскочил огромный ослепительно белый конь.

Конь этот был воистину совершенством среди подобных ему. Огромное и мощное, каких никогда не видел раньше Амелл, тело, одновременно было изящным, словно вышедшим из-под резца древнего эльфийского мастера — когда у эльфов еще были мастера. Жесткая грива серебрилась на ярко-белой бархатистой шкуре. Большие вытянутые к концам глаза были отчего-то темно-синими, почти фиолетовыми. Но удивительнее всего в облике необычного коня были не они, а тонкий крученный рог, не длиннее половины локтя взрослого мужчины, росший из лошадиного лба.

— Клан наш до самого начала этого Мора обитал в землях Коркари в Ферелдене, — не дожидаясь вопросов пришельца, пояснила Маретари, протягивая руку и касаясь головы явившегося на ее зов зверя. Впрочем, у Дайлена даже мысленно не поворачивался язык называть зверем того, кто стоял сейчас перед ним. — Однако порождения тьмы пришли и вырезали почти всех наших эльфов. Лишь немногим удалось бежать сюда, в землю, которую когда-то даровала нашим предкам сама ваша человеческая пророчица Андрасте. Мы спрятались здесь, в ущелье между холмов, где почти нет дичи, зато и человеческих охотников не встречается тоже. Мы надеялись, что здесь мы в безопасности. Что нас не найдут. Но мы ошибались. Нас все-таки нашли.

Она улыбнулась.

— Они пришли к нам в первую же ночь. Последние из своего клана, как и мы. Они разрешили нам жить на этой земле и взамен не попросили ничего. Но бывает так, что им нужна помощь. И тогда они приходят и я и Мерриль помогаем им. Иногда помощь нужна нам. Здесь нет понятия о долге. Они просто приходят тогда, когда они нужны.

Глаза двух пришельцев встретились. Дайлен ощутил прикосновение к своему разуму — без запрашивания разрешения и без сомнений в таком праве. Белоснежный конь пытался соприкоснуться с ним так, словно по-другому не могло быть. Решать, впускать ли его, нужно было теперь, в сей же момент.

Неслышно вздохнув, Амелл усмирил силу крови, что препятствовала вторжению — и тут же растворился в чужих сине-фиолетовых глазах. На несколько мгновений мир вокруг померк, виски словно сдавило невидимыми обручами и — отпустило. Схватившись за голову, Дайлен некоторое время переживал последствия отзвуков тонкой песни в ушах — невнятной и, одновременно, чарующей. Белый конь спокойно переступил огромными — гораздо больше обычных — копытами по снегу. Потом обернулся к Маретари.

— Это вожак племени единорогов, давних союзников и последнего наследия павшего Арлатана, — голос Маретари посуровел. — Он обязался доставить тебя, Страж, и сына моего клана Терона Махариэля в человеческий город Монтсиммар за два восхода. Но ты должен пообещать, что никому не откроешь его тайны и приложишь все усилия к тому, что после исполнения им обещания он сможет уйти и никто не задержит его.

Взгляды гостей клана эльфов снова встретились. И, как и в прошлый раз, они поняли друг друга без слов.

Глава 60

Глава 60

Старший Страж и первый секретарь Стража-Командора Герод Карон отошел от узкого окна и, вернувшись к Командорскому столу, со вздохом опустился в кресло. Долгий зимний день уже клонился к закату, но город не думал ложиться спать. День последнего солнцестояния, издревле празднуемый в Монтсиммаре с большим размахом, не был обойден вниманием горожан и в этом году, несмотря на все чаще доходившие сообщения о Море, начавшемся в землях соседнего Ферелдена. Даже из Крепости были видны мелькавшие огни факельных шествий и взрывы цветных фонариков, слышались звуки музыки, песен и доносились дымы, мешавшие в себе запахи серы от хлопушек и пряный дух жареного мяса. Город гулял и праздновал, но настроение заместителя уехавшего в Вал Руайо Стража-Командора было далеким от праздного.

Пятый Мор, в начало которого не верил никто, кроме самих Стражей, зимой притих, словно затаившийся зверь, но никто из слышавших проснувшегося дракона не верил в его миролюбие. Уртемиэль что-то затевал — настолько темное, что сам до конца не мог понять своих замыслов, а через это — и отчаянно слушавшие его в своих снах Стражи. Положение ухудшалось то, что собирать силы и идти навстречу Морю не было никакой возможности, поскольку не было возможности проверить состояние дел в Ферелдене, ровно как и просто направить туда разведчиков. После мутной истории с внезапной смертью лояльного к делу Стражей короля Ферелдена, по приказу королевского регента отрядам из Орлея категорически запрещался въезд в Ферелден и императрица Селина, во избежание ненужного ей сейчас конфликта, вынуждена была поддержать этот запрет. И, хотя Орден Стражей не подчинялся даже действующей императорской власти, нарушение приказа было крайне нежелательным. Зная об этом, Страж-Командор дневал и ночевал в императорском дворце Вал Руайо, пытаясь воздействовать на Селину с тем, чтобы найти разумные рычаги влияния на резко и небезосновательно настроенного против помощи из Орлея ферелденского регента Логейна, но пока безрезультатно.

Распахнувшаяся дверь отвлекла заместителя отсутствовавшего Командора от дальнейшего погружения в мрачные мысли. В кабинет быстро вошла стройная узкобедрая

эльфийка с очень длинной талией. Решительно прошествовав к заложенному бумажными стопками столу, она коротко кивнула.

— Старший Страж. Вернулся отряд Страуда.

Карон, отрешенно пропускавший через ладонь ворох пустых кожаных папок, в изумлении поднял светлые брови.

— Отряд Страуда? Так внезапно? Они должны были вернуться не раньше, чем через три недели.

— Только что въехали в ворота. Страуд просил передать — с ними раненый претендент. Он болен скверной. Может умереть с минуты на минуту.

Тут уж действительно появился повод для настоящего изумления.

— Оскверненный претендент? Страуд хорошо знает правила. Что заставило его притащить осквернённого претендента — сюда?

Эльфийка пожала плечами.

— Я не успела расспросить, Старший Страж. Страуд просил подготовить все для посвящения — как можно скорее. Мне нужно твое подтверждение.

После мгновенного размышления, Карон медленно кивнул.

— Начинайте подготовку. Страуд не из тех, кто поддается минутным порывам и делает что-то просто так. Если он прервал свою миссию и вернулся с претендентом — значит, на то были веские причины. Где они сейчас?

Эльфийка мотнула головой назад.

— Должно быть, все еще возле ворот. Раненого нужно нести прямо к месту посвящения. Или, если нет, то тогда сразу на костер. Даже вашу Преподобную позвать не успеем.

Заместитель Командора глубоко вдохнул.

— Готовьте все для посвящения, Сидона, — еще раз напомнил он, поднимаясь из-за стола. — Я пойду к воротам. Проверю лично этого... претендента.

Спустившись во двор, заместитель Командора досадливо поморщился на начавший снова падать снег и поднял ворот куртки. Зима постепенно шла на убыль, но так просто сдавать позиций не торопилась. Герод Карон поставил у входа взятый из приемного покоя светильник на длинной металлической ножке и направился в сторону ворот, где пришлые и встретившие их в Крепости Стражи продолжали разгружать фургоны так заранее вернувшейся экспедиции.

Тем не менее, проверять здесь оказалось особо нечего. На низкой крытой повозке, в которой Стражи перевозили провиант, действительно лежал высокий юноша, по возрасту едва ли могущий называться мужем. Он был укрыт двумя плащами почти до подбородка, но его угадывавшееся под отороченной мехом тканью тело казалось сильным и крепким, каким и должно быть у воина-Стража. Судя по наморщенному лбу и зажмуренным глазам, юноша оставался в сознании. Он плотно стискивал губы, видимо, чтобы не стонать. Карон, играя желваками, оценивающе рассматривал пятна скверны на его лице, руках, и видимой коже шеи. Они были глубокими и черными. Опытный с подобным Страж мог убедиться, что дежурная эльфийка не преувеличила. Болезнь у претендента действительно вошла в последнюю стадию и нить его жизни могла оборваться в любой миг.

Командир экспедиции на Глубинные Тропы Страуд был тут же. Он отдавал распоряжения, временами нервно дергая себя за усы и покусывая их кончики, что было признаком немалого волнения. Заметив подошедшего, усатый Страж коротко склонился перед заместителем Командора, как того требовала субординация.

— Может, объяснишь..? — не здороваясь, Карон кивнул в сторону жевавшего губы по-прежнему не открывавшего глаз претендента, который, по-видимому, сильно страдал от жгущей его скверны. — Где вы его встретили? И почему просто не прервали мучений? Он не пройдет посвящение в таком состоянии, это тебе известно не хуже меня. Только переведем на него зелье Стражей.

— Может, в таком случае, дашь мне объяснить? — тем не менее, дождавшись окончания обращенного к нему неприветливого приветствия, ворчливо проронил Страуд, также носивший звание Старшего Стража в своем отряде. — Мы нашли его на тропах с отрядом марчан, которые демоны ведают что там делали, хотя, судя по их набитым сумкам, что-то они там, все же, делали. Марчане перепоручили его нам, а сами вышли на поверхность где-то ближе к границам Виммаркских гор. Мы вынуждены были свернуть экспедицию и спешно идти сюда, чтобы успеть. По дороге наш маг Валтис сам едва не ушел к Создателю, до последнего пытаюсь поддержать в нем жизнь. И если после всех наших усилий, ты полагаешь, что посвящение будет напрасной тратой зелья...

— Погоди, Страуд, — рассказанное ничего не прояснило, а наоборот, еще больше запутало Карона. Впрочем, объяснять Страуд никогда и не умел. — Отчего этот парень так важен? И почему ты, все же, уверен, что он переживет посвящение?

Усатый Страж мрачно усмехнулся, поправляя угол отогнувшегося плаща, которым был укрыт страдающий от скверны гость.

— Во-первых, вчера была неделя с тех пор, как он заразился, а парень все еще жив. У него сильная кровь, в этом можно не сомневаться. А во-вторых... Во-вторых, это сын Малкольма Хоука.

Несколько мгновений длилось молчание.

— Сын... кого? — не сразу понял Старший Страж, однако, через миг до него дошел смысл сказанного. — Малкольма Хоука? Того самого мага, чьей кровью мы... Но откуда тебе про то известно? К тому же, Малкольм Хоук не был марчанином. Если верить слухам, его семья жила в Ферелдене.

— Он и есть ферелденец, — Страуд вздохнул, поймав невидящий взгляд распахнувшихся синих глаз сына знаменитого среди Стражей мага. — Его семья бежала в Марку от Мора. Потом они за каким-то демоном, только сбежав от порождений тьмы, снова отправились к ним же на Глубинные Тропы. И там уже этот... Карвер Хоук заразился скверной. Он был плох, когда его брат... дай, Создатель, памяти, кажется, по имени Гаррет, уговорил нас забрать его с собой. И теперь...

— Там все готово, месье Стражи, — к воротам быстрыми шагами подошел длинноволосый тощий гном с умным и трезвым лицом. Щеки на его худом лице ввалились, из-за чего нависший над верхней губой крючковатый нос казался еще больше, а один из глаз скрывался под многослойной стекляшкой на кожаных ремешках. — Зелья вышло больше одной порции — на случай, если мальчик... парень не сможет проглотить сразу. Можно нести.

Стражи переглянулись. Разговор между ними был не закончен, но временно отложен — и они это поняли без слов.

— Закрывайте ворота, — гаркнул заместитель Стража-Командора, давая знак дежурным. — Сегодня уже посетителей не будет. Вы, — он кивнул топтавшимся вокруг утомленным Стражам из группы Страуда. — Заносите претендента в Зал. Нужно как можно скорее провести обряд посвящения... Если ты, Страуд, настолько уверен, что есть в этом

СМЫСЛ.

Носилки с едва дышавшим и тискавшим одеяло в крепких кулаках потомком Малкольма Хоука вытащили из повозки. Однако, не успели двое усталых и двое свежих Стражей, встречавших отряд Страуда в Крепости, в сопровождении Старших дойти с ними до дверей в главное здание, что было всего в трех десятках шагов от стены, когда в уже закрытые обитые железом внешние ворота раздался новый громкий и решительный стук.

— Месье Карон! — Герод с неудовольствием обернулся на голос дежурного, судя по всему, очень внимательно разглядывавшего кого-то у ворот со стороны улицы. — Здесь человек. Он просит разрешения войти!

Герод Карон проследил взглядом за захлопнувшейся за процессией с носилками дверь и, подавив раздражение, вновь направился к воротам.

— ... пустите или нет, в конце концов?? — хрипло донеслось до него из-за створок окончание чего-то, вне всяких сомнений, грозного, и с резким ферелденским акцентом. — Долго мне еще ждать? Я — Страж Амелл, Амелл, Серый Страж Ферелдена! Со мной претендент, он болен скверной! Пустите, гарлоки вас заберите, а то сейчас высажу эти проклятые ворота к демонам!

— Не так он и долго ждет, этот горлопан, — проворчал оставшийся рядом с заместителем Стража-Командора гном, сдвигая шапку на затылок и вытирая лоб рукавом. — Мы ж эти ворота только что закрыли. Видно, случилось что-то серьезное.

— Впустить Стража из Ферелдена! — не смея поверить в такую удачу, проорал временный командующий Крепости Стражей Монтсиммара в ответ на обращенные к нему слова дежурного. По-видимому, за воротами его слышали тоже, потому что новоявленный Страж Амелл умолк. — Живей!

Глава 61

Глава 61

Грифон был величествен. Он был грозен и красив. Передние орлиные лапы с острыми когтями переходили в гибкое львиное тело. Два огромных сильных крыла были широко раскрыты, словно диковинный зверь готовился взлететь, и точно в этот миг его запечатлел неведомый скульптор. Несмотря на то, что беседа велась уже не первый час, все это время ферелденский гость простоял рядом с изваянием и взгляд его то и дело соскальзывал с лиц говоривших с ним орлесианских Стражей на хищно изогнутый орлиный клюв, острые перья и необычные глаза этого исконного союзника людей, которым неизвестный мастер сумел придать выражение неживотного ума и пронизательности.

— Несмотря на их состояние, оба претендента пережили посвящение. Это хороший знак, — Карон потер переносицу и обратился к ферелденцу, единственному из присутствовавших в кабинете, кто не сидел, а стоял подле статуи грифона, положив руку на его спину. — Страж Амелл, мы все слышали твой рассказ о событиях в Остагаре, ровно как и о позиции тейрна Логейна относительно помощи с нашей стороны. Теперь нам бы хотелось услышать твое мнение.

Пришлый ферелденский Страж и маг Дайлен Амелл, до недавнего говоривший и отвечавший на вопросы более часа, тяжело вздохнул и снял руку со спины статуи.

— Я, как и все присутствующие здесь, знаю — к великому нашему несчастью, природа

архидемона такова, что убить его может только Страж, — он обвел взглядом обращенные к нему лица. — В Ферелдене Стражей нет. Трех недостаточно, чтобы остановить дракона. Моей основной целью прибытия в Монтсиммар было получение официального признания статуса Командора для одного из оставшихся Стражей Ферелдена. Как я уже не раз упоминал, Айдан Кусланд — из высшей знати, происходит из одной из наиболее влиятельных семей и к нему прислушиваются. Назначение его Командором будет способствовать делу Стражей в Ферелдене.

Герод Карон покачал головой.

— Этого мы не можем решить без Стража-Командора и распоряжений из Андерфелса. Или... хотя бы Стража-Командора. Я уже направил ему птицу. Он вернется в Крепость через несколько дней.

— Хорошо, если этот вопрос будет решен, — гость из Ферелдена прислонился к стене рядом с грифоном, складывая руки на груди. — Думаю, излишне будет говорить о том, что назначение орлесианца на эту должность окончательно подорвет доверие к нашему Ордену в моей стране?

Между присутствующими Стражами произошел короткий обмен взглядами.

— Нам это понятно, парень, — все тот же тощий гном хмыкнул, поигрывая скрепленными между собой камнями для высечения искр. — Непонятно другое. Как вы, трое, пусть даже с нашим зельем и Правом Призыва, рассчитываете набрать Стражей за такое короткое время? Мы понимаем не хуже вас — это теперь затишье. А весной они попрут так, что мало не покажется. И после того, как сметут ваш Ферелден, Орлей — следующий на их пути.

— А потому нужно задавить заразу, пока ее еще можно задавить малыми жертвами, — подал голос Страж, самый пожилой из сидевших в кабинете. — Без нашей помощи вы не справитесь. Думай, малый, думай, как нам можно было бы попасть в твой Ферелден!

— Все наши разведчики, которых мы отправляли через Герлен, не возвращались, — пальцы Карона отстукивали дробь по поверхности командорского стола. — Мы подозреваем, что все они сделались жертвами заслонов тейрна Логейна. Но ты, Дайлен Амелл, сумел пройти живым. Быть может, ты подскажешь способ...

Амелл с силой протер лицо.

— У меня были грамоты эрла Эамона, — неосознанно он снова коснулся статуи, что красотой хищных черт притягивала его. — И... сами обстоятельства сложились так, что никто не мог заподозрить во мне Серого, в противном случае меня бы не выпустили из Ферелдена. На выходе в Ферелденскую сторону стражи вдвое больше, чем при воротах Орлея, и среди них рыцарей с гербом Мак-Тиров — весомая часть.

— Рыцари на воротах — это малая беда, — Карон откинулся на жесткую спинку кресла, сплетая пальцы в замок на поджаром животе. — При нужде мы сможем убрать охрану всей крепости без потерь. Но что будет потом? Когда, да поможет нам Создатель, мы все-таки остановим Мор? Логейн не преминет воспользоваться случившимся. Что до ее величества императрицы, при всей благосклонности, что она выказывает Стражам теперь, реакцию на подобное предсказать будет непросто.

Некоторое время между Стражей царило молчание.

— С вашего позволения, подведем итог, — Дайлену Амеллу думалось не в пример легче, нежели до того, когда он вынужден был каждую минуту жизни вырывать у самых разнообразных смертей. — Стражи Орлея готовы в любой миг направить помощь в

Ферелден. Это так?

Карон склонил голову.

— Для начала похода необходимо подтверждение Стража-Командора. Однако решение такое было принято задолго до того, как ты пришел в нашу крепость, брат Страж. Мы уже пытались, как тебе известно, направить большой отряд в поддержку армии вашего короля Кайлана, да примет его Создатель. Но нас не пустили через Герлен. И теперь не пустят. А если направиться по морю... Теперь конец зимы. Время для мореходства непростое, тем более, с встречными течениями с востока, что усиливают ветра. Мы потеряем много времени и не успеем в...

— Редклиф, — кусая щеку изнутри, мрачно подсказал Амелл.

— В Редклиф к сроку. Кроме того, если страже отдан приказ не пускать нас через Герлен, я крайне сомневаюсь в том, что тейрн Логейн позабыл отдать такие приказы в каждом порту Ферелдена. Не по воздуху же нам пробираться в ваши земли. Можно было бы и по воздуху, останься у нас хоть малое племя... — он не договорил, мотнув головой в сторону статуи грифона.

Гость тоже посмотрел на статую и сдвинул брови.

— В Ферелден можно попасть не только через Герлен.

Взгляды присутствовавших в комнате обратились к молчавшей доселе эльфийке. Худая и длинная остроухая Страж чему-то поморщилась.

— Да, не только, — продолжая морщиться, проговорила она. — Есть еще один перевал. Не знаю, где он проходит и существует ли до сих пор. Но я точно знаю одно — если он есть, и если, по воле Творцов, нам удалось бы его найти — зимой он непроходим. Его существование ничем не поможет нам.

Стараясь ступать тихо, Амелл проскользнул в комнату и прикрыл дверь. Однако тут же понял, что предосторожности были излишни. Оба соседа, с которыми приходилось делить отведенное ему жилье, не спали. Один из новопосвященных Стражей полусидел, прикрыв одеялом ноги и, водя пальцем по строкам, читал потрепанную книгу. Второй, обняв себя за плечи, лежал на неразложенной постели, отвернувшись лицом к стене. Глаза его, однако, были широко раскрыты, а кончики острых ушей подергивались как от слишком напряженно сжимаемых челюстей.

— Вечер добрый, — поздоровался Амелл, поймав взгляд одного из парней. Мгновением позже он, ровно как и новопосвященный, испытали изумление, сходное, разве что, с близким ударом молнии.

— Я п...помню тебя, Страж, — высокий темноволосый юноша, сильно похожий лицом на пришлого мага, но крепче телом и выше на пол-ладони, уже был на ногах, по ферелденскому обычаю протягивая руку. — Ты ведь сражался при Лотеринге. Когда на него напали порождения тьмы. Моя семья бежала у тебя на глазах от преследования храмовников! А вас, Стражей, там было трое. Ты — и твои товарищи. Не сочти за дерзость, но... я хорошо запомнил твое лицо.

Дайлен шагнул вперед, кладя руку поверх протянутой руки.

— Я тоже запомнил тебя и твою семью, — не сдержавшись, он усмехнулся. — Пришлось потрудиться, взывая к земле, чтобы дать вам скрыться без потерь.

Юноша замер. Затем, совсем неожиданно, без удивления улыбнулся, с сердечной признательностью положил вторую руку поверх руки Амелла и крепко пожал.

— Не изумляйся, но мы догадывались, что это был кто-то из вас, — продолжая

улыбаться, он кивнул. — И прими мою искреннюю благодарность! Мы потом не раз говорили об этом. Брат с сестрой так и решили, что могущий воззвать к земле мог быть только из Стражей. Моя семья жила в Лотеринге несколько лет, и мы могли догадаться, обитай там другие маги.

Дайлен отпустил руку новопосвященного Стража и, обойдя его кровать, присел на свою, берясь за шнуровку сапог.

— Вместо гостевой комнаты отправили меня сюда, — без перехода ворчливо пожаловался он новому знакомцу, имени которого все никак не мог вспомнить, хотя точно знал, что слышал его ранее. — Говорят — дескать, уведенные против воли и по Праву Призыва долийцы «в группе риска». И что ответственными за посвященных Стражей из долийцев по первости назначается тот, кто сделался инициатором призыва такого проблемного нового члена нашего Ордена. Придется мне наблюдать за ним до самого похода...

— Прости мою настырность, друг, — новопосвященный присел напротив, отталкивая собственное одеяло к краю кровати. — Мое имя — Карвер Хоук. А тво... что?

Замерший с нестянутым сапогом в руках Амелл медленно опустил ногу обратно на пол.

— Карвер Хоук, — это имя Дайлен помнил хорошо, но услышать его здесь и теперь сделалось для него полной неожиданностью. — Ты Карвер, а... а твоего старшего брата зовут Гаррет? Верно ведь, что у твоей семьи два имени?

Младший из братьев Хоук с недоумением мотнул густой черной шевелюрой.

— У отца это было не имя. Скорее — прозвище, которые дают особо отличившимся простолюдинам, чтобы походить на благороднорожденных. А вот у матери всегда было два имени. Она — урожденная Амелл, из киркволльских Амеллов. Мы... постой, — внезапно до него дошел смысл сказанного. — Ты... запомнил моего брата в Лотеринге? Прости меня, если я ошибаюсь, но мне показалось, ты заговорил так, словно знаешь что-то большее о моей семье?

Дайлен снова взялся за сапог и, расшнуровав его, поставил у кровати.

— Несколько недель назад ты и твой брат убили одного знатного орлесианца — герцога Проспера де Монфора, — он поднял голову, исподлобья глядя на встревоженного собеседника. — Если не ошибаюсь, за ваши головы его сын Сирил даст два таких камня, какой вам тогда удалось унести из хранилища его замка в Виммаркских горах.

Карвер Хоук вскочил на ноги. Задетая его локтем книга слетела с прикроватного столика, со стуком и шелестом упав на пол. Лежащий к стене лицом эльф шевельнулся на своей постели.

— Но ведь... Стражи не выдают Стражей!

— Стражи Стражей не выдают, — успокоил его Дайлен, снимая второй сапог и ставя его рядом с первым. — А вот похожие имена могут появиться из небытия, когда их меньше всего ожидаешь. Мое второе имя также Амелл. Дайлен Амелл. Дед мой прибыл в Ферелдег откуда-то из Марки. Похоже, я происхожу из той же семьи, что и твоя матушка. И имел неосторожность упомянуть об этом при де Монфоре.

— Так ты — Амелл? — в порыве чувств только что выказывавший опасения юный Хоук бросился вперед. Не успевший опомниться Дайлен почувствовал себя в чужих медвежьих объятиях. — Ну конечно! Это многое объясняет. И наше сходство, и... Твоего деда звали Андреа Амелл?

— Андреа, — подтвердил Дайлен, с трудом вдыхая в стиснутую сильными руками

нового родственника грудную клетку.

— Мать рассказывала о его побеге из семьи... когда пыталась оправдаться перед самой собой за собственный побег, — Карвер еще раз стиснул его напоследок и, сияя, с маху сел обратно на свою кровать. — Выходит, ты — мой троюродный брат! Или, как еще говорят в Орлее и Марке — кузен. О, Создатель! Кто бы мог подумать!

Радость нового родственника была такой искренней, что Дайлен невольно улыбнулся сам.

— Перед тем, как пожелать исполнить обряд кровной мести за смерть своего отца, что пал от вашей руки, де Монфор рассказал мне о нашей семье. Многого из того, что он мне поведал, я раньше не знал. И все равно — это поразительно. Увидеть тебя — здесь, — Дайлен хмыкнул, расстегивая верхний камзол, под которым виднелась черненная сталь переделанного храмовничьего доспеха. — Из того, что я узнал, мне думалось, что вы с братом должны были вернуться в Киркволл.

Улыбка медленно сползла с лица Хоука. Нагнувшись, он подобрал лежащую на полу книгу и аккуратно вернул ее на стол.

— Все было не так... кузен.

— Сколько помню мою семью — мы постоянно переезжали, — глядя в лицо брата, точно в свое улучшенное зеркальное отражение, рассказывал Карвер. Скрестив ноги, он сидел на самом краю кровати. Дайлен устроился напротив, положив локти на колени, и подавшись вперед. Между братьями, оплывая, догорала последняя свеча, но они ничего не замечали, кроме друг друга. По словам Карвера, его призвание в Стражи состоялось так внезапно, что он оказался оторван от близких и всех, кого знал, слишком быстро и едва сумел опомниться. Встреча с родственником, пусть дальним и узанным только теперь, совсем неожиданно успокоила и заметно порадовала его. Он усмотрел в ней хороший знак начала своей службы для дела Стражей, ровно как и Дайлен, который был по-настоящему рад узнать, что у него оставались еще родичи по крови. Облик Карвера был достаточно убедителен — даже если они оба могли ошибаться относительно происхождения Амеллов, к которым принадлежали, фамильная схожесть их лиц говорила за себя. К тому же приязнь, что сразу же возникла между ними, по мнению обоих не могла быть ничем иным, кроме зова крови, которому они не преминули последовать.

— Про отца я знаю мало. Точнее, он мало о себе рассказывал. Мама — даже она почти ничего о нем не знала. То есть, о его прошлом, — сбивчиво продолжал, тем временем, юный Хоук, по-видимому, не зная толком, с чего начать рассказ, и желая сказать все и одновременно. — Его имя — Малкольм, он был маг, родом из Ферелдена. Но, отчего-то, воспитывался в Киркволльском Круге Магов. Он... бывало, когда Гаррет и Бетани не слушались его, он пугал их храмовниками, которые придут — и утащат в Круг... Ты... был в Круге, брат Дайлен?

Очнувшийся Амелл с усилием заставил себя отвести взгляд от лица Карвера и ответить на его вопрос.

— Я был в Круге девять лет, — он сотворил тусклый шарик лучистого света и, осторожно подцепив его пальцами, положил на ладонь троюродного брата. — Вот, примерно, все, чему меня там научили, если говорить о магии. Когда я только попал туда... проклинал каждый день своей жизни. Но теперь, когда меня уже там нет — начинаю думать, что не все там было плохо. Если не считать... особенностей тамошней жизни, они дают хорошее образование. Вряд ли самые знатные семьи в столицах... хотя бы в Денериме, так

же заботятся о просвещении своих детей.

— Значит, тебе виднее, брат, — дождавшийся рассеивания летучего света Карвер катал в ладонях кусок снятого со свечи грязно-желтого воска, но почти на него не смотрел, во все глаза глядя на внезапно обретенного нового родича. — Но, как бы там ни было, отец пугал этим Кругом — и Гаррет и Бетани действительно боялись храмовников... Боятся до сих пор. Мать моя — Лиандра, урожденная Амелл. В отличие от отца, она часто говорила о прошлом — о том, какое видное положение занимала наша семья в городе Киркволл и о всей той роскоши, в которой она раньше жила. Бетани всегда слушала ее с удовольствием, а Гаррет — с интересом. Им... им нравились такие рассказы. Под их влиянием Гаррет и стал часто говаривать о том, что наше происхождение давало нам право надеяться на больше, чем то, что мы имели.

Собеседник переменил положение, всем видом показывая заинтересованность.

— Наша семья действительно так знатна?

— Была, — Карвер вытянул воск и снова смял его между ладоней. Дайлен поднял брови.

— Если, как ты утверждаешь, мать твоя происходила из знатной и богатой семьи, а отец был беден, да, к тому же, маг — каким образом...

— Мы тоже часто спрашивали их об этом, — новопосвященный Страж улыбнулся, и улыбка его была невеселой. — Это была... романтическая история. Они встретились случайно, но очень сильно полюбили друг друга. С рождения мать жила в роскоши и очень мало знала о жизни таких, как отец. Встреча с ним словно открыла для нее новый, неведомый раньше мир, — Карвер смущенно кашлянул. — Все это я знаю с ее слов. Когда она поняла, что ее родные никогда не согласятся на их союз, мать бежала с отцом в Ферелден. Мы все трое — Гаррет, а потом я и Бетани — родились уже там.

Огонь догоравшей свечи затрещал. Дайлен отвлекся, снимая оплывший воск.

— Бетани очень любила слушать историю родителей — опять и опять. Ее привлекали любовь, преодолевавшая все опасности и приносившая жертвы, а Гаррета больше интересовали почет и знатность Амеллов, — Карвер потер щеку. — Ну, и, конечно, золото... Мы всегда жили бедно. Отец и мать старались всю, но как только, казалось, жизнь начинала налаживаться, как нам вновь приходилось переезжать, часто — в спешке, теряя все, что было нажито.

Дайлену не пришлось изображать сочувствие — оно было искренним.

— Это случилось из-за твоих сестры и брата? Они... чем-то выдавали себя?

— Вам, магам, не нужно объяснять, верно? — юный Хоук скомкал свой воск, прокручивая его между пальцев. — Отец... чувствовал себя виновным за то, что они родились магами. Он все время занимался с ними, изо дня в день, даже в ущерб работе и благосостоянию семьи. Гаррет — старший, мы с Бетани родились следом. Если верить матери, когда отец узнал, что и Бетани также не суждено остаться в стороне от... от всех этих проблем, что преследуют магов, он едва не обезумел от чувства вины. И — проводил с ними долгие часы в то время, как мать билась по хозяйству. Он все обучал их — скрывать то, кем они родились, кем были. Но у них обоих дар магии проявился очень рано, и они то и дело показывали его вне дома. Наша жизнь была... очень непростой. Но, прости, наверное, тебе не интересно знать так много о делах нашей семьи.

Амелл мотнул головой.

— Брат, мне интересно все. Ты представить себе не можешь моего теперешнего изумления и радости, когда, после долгих лет одиночества, я узнал, что у меня есть родичи.

Я хочу знать больше. Прошу, продолжай.

Карвер продолжил. Долгое время Дайлен слушал про тяжелую жизнь мага-отступника с малыми детьми, которые также были магами, и временами ему казалось, что повествование тесно перекликалось с давним прошлым и теми лишениями, что выпали на долю его собственной семьи. Из путаного и сбивчивого рассказа Карвера он все же узнал, что, спустя множество переездов, Хоуки, наконец, обосновались в Лотеринге. К тому времени дети в семье достаточно подросли, чтобы не выдавать себя, и уже могли помогать по хозяйству. Казалось, удача, наконец-то, повернулась лицом к изнуренному тяготами семейству, когда начавшая было налаживаться жизнь вновь показала свои зубы.

— Отец умер за три года до того, как начался Мор, — негромко рассказывал Карвер, впервые за беседу отворачивая взгляд от Дайлена и устремляя его в глубокую ночь за окном. — Мать... тяжело пережила эту потерю. Тогда главным в семье стал Гаррет. Мой брат старался. Изо всех сил. Но крестьянская жизнь, которую вели мы, была ему не по нраву. Это... чувствовалось. Он всегда хотел большего. В Лотеринге ему было тесно. Он все уходил на охоту — думаю, больше для того, чтобы не сидеть во дворе или на поле. Только из-за того, что мать устала от переездов, он не вел при ней разговоров о том, чтобы покинуть нашу деревню и перебраться куда-нибудь поближе к Денериму. А потом... случился Мор. Ты видел сам, как поспешно пришлось нам бежать из Лотеринга. Пожалуй, из всех побегов моей семьи этот был самым тяжелым.

Дайлен молчал. За долгое время, слушая рассказ брата, он не перебивал и почти не шевелился.

— Чудом нам удалось добраться до Киркволла. Мы прибыли на корабле, доверху набитом беженцами от порождений тьмы и Мора, в который уже нельзя было не верить. Марчане не были рады видеть всех нас в своем городе, и большинство беженцев вынуждены были стоять лагерем под городской стеной. В Киркволл нас не пускали. Мать уверяла, что Амеллы — одно из наиболее почитаемых и уважаемых семейств, и все ждала, когда наш дядя, ее брат, придет за нами и проведет через стражу. И, спустя какое-то время, он действительно пришел.

Долго тлевший, огонек свечи, наконец, погас. Дайлен сотворил новый и терпеливо дожидался, пока доставший откуда-то еще одну свечу брат установит ее в еще горячем воске.

— Дядя Гамлен оказался не тем, кем считала его мать. Выяснилось, что после смерти бабушки и деда он успел промотать все семейное состояние и даже потерять их дом, стоявший в одном из самых богатых кварталов Киркволла. Он не мог заплатить за наш пропуск в город.

— Но как-то вы все же прошли.

Карвер смущенно потупился.

— Нам с братом пришлось продать себя... не смотри на меня так! Я имею в виду не бордель, а наемников. Нужно было целый год работать на одного мерзкого типа из Нижнего города, чтобы отдать наш долг, за нас, сестру, мать и пришлую женщину, Авелин, что прибилась к нам еще по дороге. И на жизнь в городе первое время. Мы заняли много денег, но...

Он кашлянул.

— Я хороший воин, брат. Как и Гаррет. Отец учил его не только скрывать магический дар. Мы могли за себя постоять. Но те грязные дела, которые приходилось делать в уплату долга, были настолько омерзительны, что мы... В общем, долго так продолжаться не могло.

Даже для Гаррета многое было... слишком. К тому же, после сонного Лотеринга, где каждый человек был на виду, Киркволл, с его шумом, толкотней, стычками, базарами, гулящими девками, заезжими купцами, заносчивыми богачами и крикливой роскошью действовал на него... не могу толком этого объяснить. Гаррет и раньше хотел больше, чем мог получить. В Киркволле он словно... словно почувал, что он получит все, до чего дотянется. А может, работа у наемников его изменила. Или... подтолкнула. Ты, наверное, не совсем понимаешь, о чем я говорю.

Дайлен подождал, давая брату собраться с мыслями.

— Жили мы в лачуге Гамлена, где начинались портовые кварталы и даже в зимнее время жутко воняло солью и рыбой. Как я говорил, прежний дом дядя пропил, попросту спьяну подмахнув подложные бумаги, по которым дом переходил непойми кому. Когда об этом узнал Гаррет, он... Целую неделю, как только выдавалось свободное время, уходил к тому дому. Дому Амеллов. Никто не знал, зачем, и он не говорил. А однажды вечером явился домой и просто приказал нам — мне и Бетани — идти за ним. Он по-прежнему был старшим в семье, и никто из нас не думал его послушаться.

Карвер смял воск в крепком кулаке.

— За несколько недель служения наемникам мне приходилось делать разные гнусности, но... Как брат пояснил по дороге, ему удалось выяснить, что собутыльники, отобравшие у Гамлена дом, сделали это незаконно. И по бумагам секретариата дом по-прежнему числился за Амеллами. Все, что нам нужно было сделать — отобрать бумаги и вышвырнуть подонков вон из нашего дома. И — мы вышвырнули. Их было больше десятка, и они сделали из нашего дома настоящий бандитский притон. Но благодаря магии брата и сестры, мы справились с ними быстро и... тихо.

— Твои брат и сестра используют магию крови?

Юный Хоук вздрогнул.

— Нет. Никогда. Бетани — очень набожна, она чтит Создателя и читает Песнь Света наизусть. А Гаррет... ему не у кого было этому научиться. Отец, насколько я знаю, не учил их ничему подобному. Но я вернусь к... Тогда, в доме моей семьи, мне и Гаррету впервые пришлось убивать. Потом Гаррет сжег тела — в подвале, в старой печи. Я поразился тому хладнокровию, с которым он это сделал. Нам с Бетани было не по себе, а он... В него словно вселился демон. Хотя я знаю, что имя этому демону — Гаррет Хоук.

— Это у тебя складно получилось сказать, — Дайлен поджал ногу, вновь меняя положение, в котором сидел. Карвер криво усмехнулся.

— Сделанное сошло нам с рук. Мать добилась приема у сенешаля, подтвердила право Амеллов на дом, и спустя какое-то время, мы жили уже в Верхнем Киркволле, в квартале богачей. Гаррет, мать и Гамлен были счастливы. Хотя это не особо что-то меняло. Мы по-прежнему оставались нищими, работали на проклятых наемников и едва сводили концы с концами.

Он прищелкнул щекой.

— Теперь к тому, о чем ты помянул в начале нашего разговора, брат. Ближе к середине зимы к нам пришло приглашение от герцога Проспера де Монфора для старинных друзей его рода Амеллов принять участие в охоте. Само по себе приглашение не показалось нам необычным — возможно, герцог мог не слышать о постигших Амеллов нищете и позоре, либо он отдавал дань традиции, вовсе не рассчитывая, что мы осмелимся явиться. Необычным было то, что сами приглашения в наш дом принесла странная эльфийка. На посланников

родовитого орлесианца она не походила вовсе. Ее звали Таллис. Эльфийка эта открыто призналась, что отобрала наши приглашения у людей де Монфора вместе с их жизнями, и предложила идти к герцогу и взять ее с собой. В благодарность пообещала помочь добраться до замковой сокровищницы. Добычу она предлагала поделить пополам.

Дайлен заинтересованно оживился.

— Вот-вот, — Карвер мотнул подбородком. — У Гаррета сделалось точно такое же лицо. Он всегда был... расчетлив и разумен, но после переезда в Киркволл всем разговорам о золоте внимал с таким же блеском в глазах. Разумеется, за той эльфийкой он пошел. К тому времени мы были сыты по горло приказами наемника и жаждали избавиться от него. В общем... долго уговаривать меня Гаррету не пришлось. Хотя воровство противно Создателю, но, как говорится, у орлесианцев воровать — не грех. Так говорят.

Собеседник улыбнулся расхожей шутке.

— История, что произошла с нами на той охоте, требует отдельного долгого рассказа, — положив воск обратно на стол, Карвер забрал с него книгу и принялся водить пальцем по ее выпуклому переплету. — Скажу только, что мы побывали в сокровищнице и вынесли оттуда столько, чтобы хватило, во всяком случае, откупиться от наемников и даже выбрать кое-какую мебель в наш новый дом. Однако... донести удалось не все. Совсем неожиданно при бегстве мы столкнулись с самим герцогом, что обделывал какие-то темные делишки с куннари.

— С куннари???

— Да, брат. Мы двое — я и Гаррет, не убивали де Монфора. Его люди затеяли потасовку с рогатыми дикарями и перебили друг друга. Победителей там не было. Сам герцог сорвался в пропасть. Мы пытались ему помочь, но... не смогли.

Дайлен в сердцах ударил себя по колену.

— И почему рядом с вами не было никого, чтобы донести весть о вашей невинности до его отпрыска? Из-за всего этого он хотел совершить надо мной обычай кровной мести!

— И над нами тоже, — Карвер потер лоб. — Когда мы вернулись в Киркволл, оказалось, что нам опять придется убивать — снова и снова. Мы откупились от наемников, обставили дом и наняли охрану. Но нас с братом постоянно донимали Вороны, которые устроили на нас настоящую охоту. Мать и сестру не трогали — до времени. Тем более, что сестра почти не бывала в доме. Она работала в бесплатной лечебнице для беженцев в Нижнем Городе, а мать пропадала по давним друзьям, некоторые из которых оказались не прочь продолжить знакомство после того, как в семье вновь завелись деньги. Но... денег требовалось все больше. И Гаррет уже не хотел довольствоваться малым.

— Поэтому вы пошли на Глубинные тропы?

Хоук мотнул головой.

— И поэтому тоже. Нам с братом нужно было где-то спрятаться... и переждать. И раздобыть еще денег — много денег. Сестра и мать наотрез отказались уходить из города. Говорили, что везде будет одно и то же. И, в общем, были правы. А значит — нужны были средства для их защиты. Поэтому на все, что у нас оставалось, Гаррет оплатил хорошую охрану для семьи и купил мне и себе места в экспедиции к древним гномьим тейгам, где, как ходили слухи, были сокрыты немалые богатства...

— Но богатств вы не нашли, зато нашли множество тварей и заразу, от которой ты едва не умер, — подвел итог Дайлен.

— Если бы не Стражи, я был бы мертв, — согласился Карвер, отставляя книгу обратно

на стол. — По правде говоря, я даже рад, что так получилось. Мы с Гарретом не ладили с детства. А в последние месяцы жизнь с ним сделалась вовсе... не по мне. Не знаю, куда еще забросит меня судьба, брат, но, если исключить страх за мать и сестру — для нас с Гарретом все сложилось к лучшему. Ибо клянусь, чем больше я узнавал брата за этот последний год, тем сильнее мне хотелось... о Создатель, мне хотелось идти в храмовники!

Амелл криво усмехнулся.

— Стражи собирают большой отряд, чтобы идти в Ферелден на битву с архидемоном Уртемиэлем. Если хочешь, ты мог бы попроситься тоже. Если, конечно, желаешь возвращения в Ферелден после всей этой... марчанской и орлесианской роскоши.

Карвер оживился — даже больше, чем Дайлен, слушая о сокровищах.

— Ты, наверное, смеешься, брат. Эта роскошь вот у меня где, — он сделал ладонью под горлом. — Гаррет раз и насовсем отбил у меня охоту к... Если этот отряд поведешь ты — я присоединюсь с радостью. Надеюсь, Страуд будет не против.

— Страуд тоже идет, — Дайлен встал и принялся отстегивать ремни своего доспеха. — Весна не за горами, и нам нужно успеть в Ферелден до того, как придет тепло. Но есть большая трудность — через Герлен границу не пересечь. Тейрн Логейн в ненависти к Орлею не желает пропускать в Ферелден отряд вооруженных орлесианцев, пусть и для защиты всего Ферелдена. Мы долгое время изучали все карты, что нашлись в Крепости. Даже направляли гонцов в Круг и Секретариат. Если верить совсем старым начертаниям, Морозные горы можно пересечь в еще одном месте — и место это называется Сулкеров перевал. Перевал этот был заброшен давно — из-за большой опасности его пересечения даже летом. Но... выбора у нас тоже нет.

Юный Хоук хмыкнул.

— Похоже, слухи о том, что Стражи не подвергают себя опасности, а живут в ней — не преувеличены.

Амелл махнул рукой.

— К такому быстро привыкаешь и перестаешь замечать. Главное теперь — сделать дело. Путь на перевал начинается где-то из Долов. Добираться в горы нужно не один день, и немало дней уйдет на поиски самого перевала. Мы, конечно, будем искать, но положение его разнится на большинстве из найденных нами карт...

— Если вы, шемлены, наконец, заткнетесь, прекратите смердеть здесь своими ногами и свечами и дадите мне поспать, утром я отведу вас на этот ваш перевал, — раздалось за их спинами. Давно позабывшие в беседе о бывшем тут же, в комнате, эльфе, потомки семейства Амеллов в один час вздрогнули от неожиданности. — Мой клан прошел по этому перевалу в этом году поздней осенью, когда, согнанные с места Мором, мы бежали в земли наших предков из болот Коркари.

Глава 62

Глава 62

В первый миг, когда из-за поворота расширявшейся дороги показалась большая пещера, в конце которой высились огромные внешние ворота Орзаммара, путникам почудилось, что глаза обманывают их. Измученное многими неделями под землей сознание наземников напрочь отказывалось принимать мысль о том, что бегство из-под чудовищной толщи камня

сделалось столь близко. Даже сопровождавшие экспедицию гномы выглядели потрепанными долгой дорогой. Те же, кто пришел с поверхности, чувствовали себя не в пример хуже. Бывшая и до того неразговорчивой Морриган со времени, когда сопровождаемый Дюраном Эдуканом отряд повернул обратно к Орзаммару, не произнесла ни слова. Ее молчание было столь упорным и отрешенным, что победило даже многодневные попытки встревоженного эльфа разговорить ее. Впрочем, по времени Зевран оставил ведьму в покое. Ему хватало собственных забот. Несмотря на видимое здоровье, антиванец все едино выглядел квелым и больным. Казалось, даже его светлые некогда волосы потускнели, хотя дело могло объясняться проще — водные источники на Тропах встречались, однако, их все равно было недостаточно для содержания себя в чистоте. Но в том, что уроженцу солнечной Антивы не хватало воздуха и света не было сомнений. Большую часть своего времени Зевран молчал, угрюмым видом словно передразнивая и лесную ведьму, мрачно нахохлившуюся на спине бронто, и угрюмого, почерневшего коссита, чьи обострившиеся черты лица все менее напоминали человеческие.

Несмотря на видимо удачный исход экспедиции, на душе у Командора было тяжело. Вопреки его тайным ожиданиям, по возвращению в лагерь легионеров, увидеться с Сигрун наедине ему так и не довелось. Уже сделалось очевидным, что девушка намеренно его избегала. Кусланд не видел для этого причин, и чем дальше, тем помыслы о судьбах мира занимали его все меньше. Всем сердцем он рвался к красивой гномке, и сдержанность, которую нужно было выказывать при невольных свидетелях этих порывов, доводила его до исступления. Оторвав себя от Сигрун, Айан словно открыл в душе рану, что не заживала, сс временем начиная беспокоить его все больше. Мысль о том, что он не сумел поговорить с девушкой не давала ему покоя. А осознание того, что, скорее всего, он никогда больше ее не увидит, приводила в настоящее отчаяние.

— Страж, — голос Дюрана вывел Кусланда из состояния мрачной задумчивости, отдавшись которой, тот не заметил, что ворота Орзаммара надвинулись почти вплотную. — Ты должен объявить, что берешь меня под свою защиту. На случай, если стража откажется пускать меня в город.

Айан угрюмо кивнул.

— Надеюсь, гномы там не перебили друг друга из-за политики, — потирая плечо, вмешался Зевран. Повод от сбруи бронто безвольно свисал из его вялого кулака. — Было бы очень обидно опоздать после того, как мы столько пробродили по этим пом... пещерам.

— Не перебили, — Броска мотнул отросшей бородой в сторону ворот. — Эльф называется. Стражу, что ль, не вишь?

Стража действительно по-прежнему стояла с внешней стороны Первых ворот. При виде возвращавшейся экспедиции гномьи воины заметно оживились, однако, навстречу ожидаемо не двинулся никто. Лишь дождавшись приближения, старший над охранявшими ворота шагнул вперед, коротко склоняя голову.

— Приветствую отряд Стража. Хвала предкам, вы вернулись живыми! По правде говоря, с тех пор, как вы ушли, прошло уже много времени и надежды на ваше возвращение почти ни у кого не оставалось...

Взгляд гномьего воина остановился на лице опального принца и он резко умолк. Несколько ударов сердца все низкорослые стражники смотрели на Дюрана во все глаза, потом, словно опомнившись, почти одновременно отвесили поклон.

— Лорд Эдукан! Милосердные предки!

Дюран переглянулся с Командором.

— Я... благодарен вам, мои добрые гномы. Но с изгнанником не должно обращаться, как с принцем.

Пришел черед стражей ворот переглядываться друг с другом.

— Лорд Эдукан, — голос старшего гнома звучал неуверенно, точно он сомневался в том, не навредит ли сказанное ему самому. — Ты был изгнан и вернулся только теперь. Не знаю, во имя предков, как Стражам удалось спасти тебя... Но из-за своего отсутствия ты, конечно, не мог знать о переменах, которые произошли в Орзаммаре.

— Переменах?

— Это случилось уже после твоего ухода, Страж, — старший над воинами почтительно кивнул в сторону Кусланда, но взгляды его и прочих гномов были прикованы к фигуре Эдукана так, словно перед ними стоял, по меньшей мере, еще один Совершенный. — Лорд Харроумонт и принц Белен... нешуточно сцепились за трон. Харроумонт вменяет в вину Белену слишком многое. Белен не скупится на ответы. Последним, в чем он обвиняет Харроумонта — в очернении тебя, лорд Дюран, перед всем Орзаммаром, что привело к несправедливому смертному приговору. Белен представил Совету неопровержимые доказательства того, что это Харроумонт убедил Триана напасть на тебя, а ты лишь защищался. Оба твоих разведчика уже изменили показания и были казнены за измену, что привела к гибели сразу двух Эдуканов. Исполненный горечи Белен постарался, чтобы твое доброе имя было восстановлено и даже внесено в анналы истории Орзаммара отдельной главой.

Воцарившееся на некоторое время молчание было прервано смешком со стороны сидевшей на спине бронто ведьмы.

— Да, это, наверное, единственная и самая крупная ошибка Белена, — поддержал Зевран, оживляясь на глазах. — По-видимому, дело у них там совсем жаркое, если он решил пускаться в ход сопряженный с таким... риском аргумент!

— Так значит, брат был уверен, что я мертв и потому реабилитировал меня, — длинного слова не понял никто, даже Командор Серых Стражей. Дюран улыбнулся, и улыбка эта неожиданно хищно исказила черты его благородного лица. — Что ж... высшая справедливость все-таки существует. Я сам даже не... смел надеяться на подобный исход.

Глава 63

Глава 63

Улицы были пустынные. За все то время, что путники двигались от ворот к Верхнему Орзаммару, им не встретилось ни души. Однако чем ближе они подходили к Алмазным залам, тем все больше набирал силу несущийся издали сильный и нестройный гул множества голосов. На улицах стали появляться гномы, спешащие в том же направлении, что и отряд. Поймав одного такого за плечо, Кусланд выяснил, что, похоже, то, чего опасался Дюран, и о чем он говорил всю дорогу, произошло. Затяжная борьба за трон между его братом и лордом Харроумонтом перешла в самую острую стадию.

— Уж, почитай, вторые сутки никто в Орзаммаре не работает, кроме стражи и дежурных у печей, — одновременно замирая от чести лицезреть перед собой Серого Стража и сгорая от желания ринуться вперед, к Алмазным залам, наскоро поведал молодой

мастеровой. — Даже неприкасаемые из Пыльного явились, а гнать их теперь некому. Все торчат перед Залом Собраний. Войнов там навалом, со всех домов. Ежели долбанные деширы не решат и на этот раз, то...

— Нужно торопиться, Страж, — раздалось из-под наличника закрытого шлема Дюрана. — Пойдем быстрее, пока предки не пустили свершиться непоправимому.

Кусланд переглянулся сперва со Стеном, потом с Зевраном, грязное лицо которого комкала самая кислая гримаса из всех, что когда-либо на нем появлялись.

— Гномья политика, — только и бросил антиванец, но этого было достаточно. Всех посетила одна и та же мысль.

— Как бы не полечь прям тут, и это после того, как, почитай, все Тропы прошли невредимыми, — бормотал Броска, так же, как и Эдукан, прятавший клеймёное лицо под закрытым шлемом. — Гномьи латники — эт не хилые порождения. Ежели начнется махач...

— Перебирай скорее ногами — и не начнется, — зло пообещал Дюран, переходя почти на бег. — Предки, пошлите Белену еще хоть немного терпения!

— Лорды Ассамблеи, призываю вас к порядку! Этот спор ведет нас в никуда!

Зал собрания деширов был полон гномов, но в сравнении с тем, что творилось на улицах Алмазных залов, казался почти пустым. С трудом сумевший пробиться сюда Кусланд, повинувшись останавливающему жесту Дюрана, задержался при входе в зал. Перед глазами Командора все еще стояли лица гномов, сотни лиц, тысячи лиц. Все они толпились снаружи, занимая улицы, забираясь на выступы стен, едва не сталкивая друг друга в лаву. Давка была чудовищной и, по словам ее участников, началась с того, что, несмотря на протесты Белена, лорд Харроумонт вновь — в который раз — потребовал собрания гномьих лордов. Это собрание было далеко не первым, но некогда рвавшийся в битву Белен необъяснимым образом до сих пор все пытался оттянуть любое заседание. Однако, похоже было, что на этот раз Харроумонт подготовился серьезно. Время собрания, никогда не скрывавшееся, но и не бывшее достоянием широкой гномьей общественности, вдруг сделалось известным каждому. Невесть кем разносились слухи о том, что гномьи лорды не собирались и не собираются избрать нового правителя, поскольку их устраивало воцарившееся в Орзаммаре безвластие. Слухи эти вызывали целую бурю возмущений в среде мастеровых, скотоводов, пицевиков, торговцев и ремесленников, до отвала уже наевшихся беззаконием и беспорядками безвластия. Долгое время живший в неопределенности и томлении, претерпевавший разгул неприкасаемых бандитов народ гномов решил на этот раз все-таки добиться от лордов того, для чего они собрались в самом главном зале королевства. Настроения в разношерстой, запрудившей улицы Алмазных Залов, толпе, бродили самые разные, но цель у всех была одна.

— Тогда к чему тянуть время? — тем временем, голос Белена звучал уверенно и спокойно, вопреки бытовавшему мнению о чрезмерной вспыльчивости, присущей ему во время подобных собраний. — Если уж все уважаемые деширы собрались здесь, значит, так тому и быть. Необходимо, наконец, проголосовать и выбрать законного короля.

— Народ собрался на улицах перед Залом Собраний, — низкорослый и пожилой гном с благообразным лицом и очень длинной, холеной седой бородой воздел обе руки. — Жители Орзаммара больше не потерпят беззакония! Честные гномы готовы уже теперь выступить против тирана...

— Мне известно, что народ сюда собирали твои крикуны, Харроумонт, — прервал его Белен, складывая руки на груди. В отличие от своего соперника, который был стар и носил

лишь богатую матерчатую мантию и накидку, принц явился в Зал Собраний, закованный в доспех. — Ты задурил гномам головы, как когда-то задурил ее моему отцу! Но это тебе не поможет. Всем известно, что законный наследник трона — это я. У моего отца остался только один сын — наследник трона Эдуканов. Кто посмеет оспорить это?

Почувствовав толчок со стороны Дюрана и терзаясь тоскливыми предчувствиями, Кусланд в сопровождении гномьего принца, сошел со ступеней, что вели от входа, выходя и останавливаясь посреди зала. Взгляды расположившихся в круг на трех возвышениях гномьих лордов обратились к нему. Стоявший до того в зале гул утих.

Дюран вскинул голову и обеими руками медленно потянул вверх, снимая, шлем.

— Я, Дюран Эдукан, второй сын почившего в Камне короля Эндрина Эдукана, оспариваю это неправдивое утверждение, — медленно и громко, обводя взглядом всех и каждого из стоявших вокруг него лордов, проговорил изгнанник. Остановив взгляд на застывшем Белене, он слегка склонился. — Приветствую собрание деширов. Я надеюсь, никто не будет оспаривать и мое право находиться здесь?

По рядам замерших лордов побежал, все набирая силу, грозный ропот. Белен и Харроумонт переглянулись. Старый гном нервно вдохнул. Лицо его соперника сделалось одного цвета с его бородой.

Управитель собрания, высокий, благородный гном, шагнул вперед, поднимая руку. Дождавшись, чтобы шум, поднятый появлением бывшего преступника, утих, он сделал приветственный жест в сторону Дюрана и возвышавшегося рядом с ним Айдана Кусланда.

— Атраст вала, лорд Дюран, и ты, Серый Страж. Принц Эдукан, твое возвращение — это поистине чудо, явленное нам милостью предков! — он стукнул по полу посохом, затем поднял его, обводя наверху ряды взбудораженных деширов. — Принц Белен немало потрудился ради восстановления твоего славного имени. Ты вновь в своем праве. От всего Совета прими сожаления о том, что едва не случилось с тобой по нашей ошибке!

Эдукан взял шлем подмышку, делая ответный жест.

— Это — дело прошлое. У меня нет зла к Совету. Напротив — узнав, что Орзаммар раздрают противоречия в то самое время, когда нам, как никогда, необходимо единство, я, как мог скорее, поспешил сюда с Глубинных троп, чтобы помочь моему народу обрести то, что ему сейчас нужно больше всего — твердую, законную власть. Благодарение предкам, Серый Страж и его экспедиция помогли мне успеть в срок.

— Ты уверен, брат, что твое присутствие поспособствует объединению, а не еще большему разделению Орзаммара?

В голосе, наконец, заговорившего Белена, была угроза, которую слышал каждый, у кого были уши. Дюран усмехнулся сквозь светлые усы.

— Серый Страж, которого, не иначе, как сами предки послали в столь тяжелый для нашей родины час, дважды из конца в конец прошел все Глубинные тропы до самого Бонаммара, — Эдукан подождал, пока смолкнут изумленные и недоверчивые возгласы соплеменников, и продолжил. — И вернулся он не с пустыми руками. Волей Камня ему удалось найти двух из тех, кто был назван Совершенными.

— Это невозможно! — все это время напряженно вслушивавшийся в разговор старик в мантии, стоявший на пьедестале напротив Белена, протестующе потрянул бородой. — За несколько поколений у гномов появилась всего одна Совершенная — это Бранка. Если случилось чудо, и Страж нашел ее живой — почему не привел в Орзаммар? И кто тогда этот второй, о котором идет речь? При всем уважении, принц Эдукан...

Распорядитель обернулся, поднимая посох.

— В этом зале сегодня было сказано немало, — он опустил посох основанием в пол, и среди гномьих лордов вновь воцарилась тишина. — Послушаем же Стража, который, как мы все знаем, по собственной воле отправился на Глубинные тропы на поиски нашей Совершенной...

— Все знают, что Страж был нанят принцем Беленом! — не согласился все тот же старик, делая шаг вперед. — Что бы он ни сказал, его мнение нельзя считать объективным!

— Лорд Харроумонт, я призываю тебя к порядку! — распорядитель кивнул мрачному Кусланду. — Прошу, Страж. Поясни нам слова принца Дюрана.

Кусланд, подавив в себе возбужденную нервную дрожь, поднял голову. Он старался, чтобы его голос звучал уверенно и гулко, помогая высокому росту оказывать общее нужное впечатление на стоявших вокруг гномов.

— Приветствую Совет деширов, — он, в свою очередь, скопировал жест Дюрана, с которым тот обращался к гномьим лордам. — Я, Командор Серых Стражей Айдан Кусланд, шесть недель ранее отправился на Глубинные Тропы на поиски Совершенной Бранки по просьбе принца Белена. Мне и моей экспедиции пришлось немало потрудиться в наших поисках. Но мы нашли Совершенную и остатки ее дома в окрестностях Бонаммара, что за тейгом Ортан.

По рядам лордов вновь пробежал ропот.

— К сожалению, мы ничем уже не могли помочь Совершенной, — Айан сделал несколько шагов к распорядителю, протягивая ему жезл повиновения големов, на котором был выбит знак дома Бранки. — Это все, что нам удалось унести. Вы должны нас понять. К тому времени, как мы нашли останки, силы нашего отряда были... на исходе. У Бонаммара мы готовы были уже повернуть назад. Лишь воля providения помогла нам найти... то, что мы искали.

Он сделал паузу, переводя дух.

— Так значит, Бранка была мертва? — распорядитель покачал головой. — Великий Камень! По правде говоря, когда ты отправлялся на Тропы, Страж, мы все надеялись... Мы надеялись, что твоей экспедиции удастся решить судьбу Орзаммара. Слово Совершенного значит очень много для всех нас. Но если Бранка погибла, нам придется самим решить о назначении нового короля, — он посмотрел на Дюрана Эдукана и чему-то поморщился. — Помогите нам предки!

— Погоди, достойный лорд, — Кусланд протестующе вскинул руку. — Я еще не закончил. На Глубинных Тропах за ущельем, что легионеры прозвали Мертвыми Рвами, мы нашли кузню Каридина, Совершенного, которого так чтит твой народ. Сам Каридин встретил нас в своем доме. К сожалению, состояние его было таково, что он не смог идти с нами. Однако, узнав о цели нашей экспедиции и состоянии дел в Орзаммаре, он сделал и отдал нам вот это.

На глазах у изумленных, недоверчиво переглядывавшихся и переговаривавшихся гномов, Серый Страж полез в мешок, который все это время держал в руке, и извлек на свет массивную, отливавшую золотом корону. Приняв ее в руки, распорядитель провел пальцем по клейму и выражение его лица переменялось.

— Это... это действительно клеймо дома Ортан... — подняв лицо, он в растерянности обвел взглядом гномьих лордов. — Но как...

— Это ложь! — выкрикнул один из деширов, выражая, по-видимому, общую мысль. —

Каридин, да упокоит его Камень, не мог прожить так долго!

— Каридин, — перекрывая выкрики, повысил голос Кусланд, — был заключен в тело голема. Так он смог просуществовать несколько веков.

Харроумонт недоверчиво сложил руки на груди.

— Разве может быть такое? Прости мне мои слова, Страж, но ты вводишь Совет в заблуждение!

Распорядитель поднял посох и опустил. Вновь воцарилась тишина.

— Ты можешь чем-то подтвердить свои слова, Страж? — подал голос Белен. Голос его звучал спокойно и немного насмешливо — как всегда. По-видимому, принц уже успел оправиться от неожиданного появления своего не к месту воскресшего брата и, быть может, даже изготовился вытащить очередной из заранее припрятанных к сегодняшнему собранию козырей. — Разве можно живого гнома заключить в тело голема?

Вместо ответа Кусланд и Дюран одновременно обернулись к двери. Послышались грохочущие шаги по изразцовому полу, и в зал вошла Шейла. На несколько мгновений задержавшись у входа, она повертела головой из стороны в сторону, оглядывая в свою очередь в молчании глядевших на нее во все глаза деширов. Получив утвердительный кивок Командора, сошла в зал и, сделав несколько шагов, остановилась рядом со своим хозяином.

— Я Шейла из тейга Кадаш, — гулко и хрипло проговорила она, по-видимому, заранее обговоренное. — Я пришла от Каридина. Каридин сделал корону и отдал ее Стражу на моих глазах. Сделал для достойного. Достойного выбрать Стражу. Так он сказал.

На некоторое время вновь повисла тишина. Пораженные видом Шейлы и всем прочим, что явила вернувшаяся с Троп, как теперь уже было видно, не с пустыми руками, экспедиция, гномьи лорды молчали в ожидании продолжения. Первым опомнился распорядитель. Без нужды стукнув об пол посохом, он прочистил горло.

— Похоже, ты действительно принес важную весть, Страж, — он еще раз осмотрел корону, и передал ее назад, в руки Кусланда. — Что ж, мы голосовали уже множество раз, и так и не смогли принять решения. Сами предки отдают это решение в твои руки. Есть возражения среди почтенных деширов? — он обернулся, оглядывая гномьи ряды.

— Страж — наймит Белена! — лорд Харроумонт всплеснул руками, выдавая крайнюю тревогу. — Лорд Эдукан! — обратился он к молчавшему Дюрану. — Твой отец перед смертью взял с меня клятву, что, пока я жив, я никогда не позволю твоему брату занять трон Орзаммара! Неужели ты... не хочешь ничего сказать?

Дюран посмотрел на застывшего в небрежной позе Белена, который умело скрывал свои возбуждение и тревогу, и перевел взгляд на лорда Харроумонта, сузив глаза.

— Мне известно о последних днях отца лишь то, что долгое время ты один был у его ложа, не допуская никого, а потом мой отец умер, — глядя в лицо старого лорда, громко и зло произнес он. — А потом ты объявил всему Орзаммару будто бы его волю, которую слышал лишь ты один. Но кто еще может подтвердить, что мой отец, да примет его Камень, действительно назначил преемником тебя?

— Это то, о чем я твердил Камень знает, сколько времени, — поддержал брата Белен, нацеливая обвиняющий перст на стушевавшегося Харроумонта. — Докажи, старик, что внезапная смерть отца — не твоих рук дело!

— И разве не твои псы очерняли меня перед Советом? — в тон Белену, продолжил Дюран, вскидывая подбородок. — Если бы не брат, мое имя было бы вымарано в веках!

— Лорд Эдукан! — под направленными на него со всех сторон взглядами, взмолился

Харроумонт, но его голос был едва слышен среди все набиравших силу голосов возмущенных деширов. — Я всегда был на твоей стороне! Вспомни, ведь в младенчестве я качал тебя на руках! Ты сам знаешь, кто виновник всех твоих бед — вот он, стоит перед тобой! Тот, кого ты называешь братом, предал тебя! Он убил твоего брата твоими же руками! Принц Белен в слепой жажде власти норовит подорвать вековые устои, благословленные предками! Он связался с неприкасаемой! Избрание его королем принесет гибель всему Орзаммару! Молю тебя, не дай этому свершиться! Останови убийцу и тирана!

Стук посоха об пол заставил лорда Харроумонта замолчать. Распорядитель устало повернулся к Кусланду.

— Мы слышали всех. Теперь, Страж, яви нам волю Каридина.

Внутренне содрогнувшись, Айан взял корону будущего короля обеими руками. Помедлив, он обернулся к Дюрану.

Белен сделал невольный шаг вперед. Глаза его сверкнули.

— Страж! — предостерегающе выкрикнул он. Кусланд, не глядя в его сторону, передал корону среднему Эдукану. Тот принял ее слегка подрагивавшими руками. Долгие несколько мгновений лорд Дюран, а с ним остальные, замороженно смотрели на творение Каридина. В душе принца происходила нешуточная борьба, и это понимали все.

Наконец Дюран вздрогнул, дернув головой. Взгляд его прояснился и обрел прежнюю твердость. С поклоном он передал корону распорядителю. Его щеки и даже лоб горели нездоровым, лихорадочным румянцем.

— Пусть это будет тот, кто сможет удержать Орзаммар от падения, — негромко проговорил он, но слышали его все. — И пусть он помнит, от чего я отказался, и не будет отвергать моей помощи... отныне и до самого конца.

— Волей, которой наделил меня Совершенный Каридин и Совет деширов, — раньше, чем кто-либо успел понять, что только что произошло, и опомниться, зычно проорал Кусланд, — я называю королем Орзаммара принца Белена Эдукана!

Миг царила тишина, в которой еще звенел отзвук его голоса. А затем половина зала деширов, что стояла за Харроумонтом, разразилась гневными криками, вторая — восторженными.

Белен медленно сошел с пьедестала. С каждым его шагом крики делались все тише. Посохи в руках гномов стали отстукивать по камню — мерно, ожидающе. Принц подошел к распорядителю, высоко поднявшему над головой корону, и преклонил колени.

— Да назовут тебя Хроники достойным, король Орзаммара!

Опущенное на голову Белена массивное золото творения Каридина придало его облику еще большей величественности. Он медленно поднялся, обводя взглядом собрание. Взгляд его остановился на брате. Правильно истолковав значение этого взгляда, Дюран шагнул к новому королю Орзаммара, преклоняя колени.

— Присягаю тебе, король Белен Эдукан, — склонив голову, проговорил он. Вслед за принцем все, бывшие в зале, кроме Кусланда, Шейлы и лорда Харроумонта, последовали его примеру.

— Присягаю... присягаю... присягаю... — каждый из присутствовавших лордов повторил необходимое, видимо, бывшее частью какого-то ритуала. Выслушав последнего, Белен бросил еще один взгляд на своего коленипреклоненного брата, а после обернулся к бывшему сопернику — единственному гному, который продолжал оставаться на ногах.

— А ты признаешь меня своим королем?

Долгую минуту седобородый гном выдерживал взгляд нового владыки Орзаммара. Потом он вздохнул, тяжело опускаясь на колено.

— Присягаю. Славься вовеки в Великих Хрониках, мой король.

Глава 64

Глава 64

— У тебя есть вопросы, Страж.

Дюран не спрашивал, он утверждал. Идущий рядом с ним Кусланд передернул плечами. Вопросы у него действительно имелись, но после посещения Зала Советов и коронации он устал больше, чем за весь переход по Глубинным Тропам, и потому ни о чем не спрашивал. Он погряз в гномьей политике больше, чем рассчитывал, и, к тому же, тревожился, исполнит ли новый король свое обещание о вверении ему армии гномов. Обозленный тем, что вместе со Стражем в Орзаммар вернулась угроза его единоличному правлению в лице популярного среди знати Дюрана, Белен мог отказать в военной помощи. Размышления о том, что долгий чудовищно утомительный поход мог завершиться безрезультатно, угнетали Командора, и без того страдавшего муторной сердечной тоской.

— Для меня было неожиданным твое решение, — вынужденно ответил он гномьему принцу, вслед за ним сворачивая в уже известное ему ответвление коридора дворца Эдуканов. — Мне казалось, ты сам возжелал сделаться королем.

Дюран усмехнулся.

— Я никогда не говорил об этом.

— Ты всячески давал это понять с нашего первого разговора.

Гномий принц покачал головой.

— Не совсем верно, Страж, — он ответил кивком на поклоны охраны у двери, за которой начинался коридор, ведущий в королевские покои. — Не знаю, знаком ли ты с историей гномов. Основателем моего рода, рода Эдукан, был Парагон, герой, что поднял гномов на борьбу с Первым Мором. Тогда, в войне, когда гибли гномы и покрывались скверной наши дома, когда над всеми стоял ужас от появления неведомых тварей, несших болезнь и смерть, Парагон показал себя великим воином, вдохновителем и стратегом. Он помог нашему народу выжить и в искусстве войны не было ему равных. Однако, позже, когда Мор был остановлен, и твари отброшены на Дальние Тропы, благодарные гномы порешили избрать Парагона королем, — Дюран пожал плечами, останавливаясь перед знакомой Айану дверью в кабинет Белена.

— Ну, и что? — угрюмо подогнал Кусланд, в беспокойстве заранее покрываясь гусиной кожей от будущей встречи с королем Орзаммара, которая должна была вот-вот произойти. — Сделался твой предок королем. Как это относится к тому, что ты сам, добровольно, отдал себя в руки своего брата, который уже единожды пытался тебя убить? Да еще подставил под удар лорда Харроумонта, который, я уверен, замешан во многом, однако, в смерти твоих отца и старшего брата уж точно не виноват.

Его собеседник взялся за рукоять двери.

— А то, что герой Парагон, вынужденный до конца отстаивать и опекать жизни соотечественников, принял этот пост с достоинством, но без радости. Парагон был хорошим воином, Страж. И старался изо всех сил быть хорошим королем. Но... воин в нем мешал

королю, а король — не оставлял надежды воину, — он неслышно вздохнул. — Я — воин, Страж. И я честолюбив. Мои происхождение и сословная спесь побуждают меня к великим свершениям, почету и славе. Но я и не глупец. Я вижу, во что превратили Орзаммар деширы в своей собственной сословной спеси. Орзаммару нужны перемены. Я не уверен в том, что знаю, какие, и что смогу их привнести. А Белен... может.

Он отворил тяжелую дверь. Шагнувший вслед за принцем в просторный кабинет Белена, Айан смог убедиться, что в нем ничего не изменилось. Разве что стол был чист, без перьев и бумаги. Сам Белен обнаружился стоящим спиной к столу со скрещенными на груди руками. На голове его уже не было короны. Бывший претендент, а ныне — полновластный правитель всего Орзаммара выглядел бледным. Густая русая борода его потускнела. Во всем облике новоиспеченного короля гляделась тяжелая, точно свинцовая усталость.

— Приветствую, Страж, — он кивнул Кусланду и, опустив руки, оперся ладонями о столешницу. — Я прошу извинить меня за то, что заставил тебя идти так далеко затем только, чтобы услышать мою признательность, но теперь, как король, сам я не могу прийти к тебе. А передать мои слова через посланника, не приняв тебя, было бы... невежливо с моей стороны и справедливо могло показаться тебе черной неблагодарностью.

Командор Серых Стражей слегка склонился, в знак того, что принимает слова гномьего правителя.

— Приветствую, ваше величество. Нужно полагать, что теперь армия Орзаммара присоединится к силам защитников Ферелдена в борьбе против порождений тьмы?

Последнее Айан спросил не без внутреннего трепета. По лицу короля загодя нельзя было прочесть ничего в пользу либо отрицание данного утверждения.

Белен слегка переменял положение, тяжелее опираясь о стол.

— Этим уже занимаются, Страж. Дай нам три полных периода. Обещаю, что на четвертый день, считая от сегодняшнего, на поверхность за тобой выйдут все гномы, которых я только смог бы тебе дать.

Кусланд почувствовал, словно глыба, величиной с пол-Орзаммара, упала с его души. Он с облегчением перевел дух, чувствуя, как тугий узел страха в животе начинает понемногу ослабевать.

— Благодарю, ваше величество.

— Это я должен благодарить тебя, Страж, — молодой гномий король усмехнулся, огладив бороду рукой. На одном из его пальцев поблескивал перстень с выбитой на нем государственной печатью. — Ты помог мне, наконец, приструнить этих высокомерных деширов. Конечно, в конце концов, это сделал бы я сам, но твоя помощь помогла решить все без кровопролития, а это немаловажно для... для начала правления. Ты принес в Орзаммар величайшую реликвию, сделанную руками нашего Совершенного. Ты привел действующего голема, а ведь мы не видели подобных ей уже много веков. И, наконец, ты нашел моего брата, которого я считал погибшим, — последнее Белен сказал немного иначе, чем все прочее. Кусланд переглянулся с Дюраном. К его удивлению, тот усмехался. — Армия Орзаммара — меньше, что я могу для тебя сделать. Позволь заверить тебя в моем высочайшем расположении. Ты — наш герой, Страж. В Орзаммаре ты всегда найдешь помощь, а если понадобится — укрытие, пищу и кров.

— Благодарю, ваше величество, — Кусланд еще раз поклонился. — Если так, я не буду задерживаться больше, чем нужно для изготовления армии для похода.

— Не буду тебя задерживать, Страж, — Белен слегка наклонился вперед, кивая в

сторону двери. — Думаю, ты найдешь дорогу в гостевые покои. Нам с лордом Дюраном нужно... еще поговорить.

Оставшись наедине, наследники имени Эдукан посмотрели друг на друга. Потом старший без улыбки приблизился к напрягшемуся брату и отвесил ему крепкий подзатыльник.

На лицо короля Орзаммара стремительно набежала краска. Белен стиснул кулаки, но, усилием воли, сдержал себя.

— Я говорил, не раз и не два, что не хочу быть королем, — лицо Дюрана было не менее злым. Черты его обострились, очертившись падающей от светильников тенью. — Я обещал поддержать твою кандидатуру на Совете, после того, как Триан будет убит. Какого... почему ты мне не поверил? Тебе так было важно избавиться от меня?

Белен потер ладонью волосы в том месте, куда пришелся крепкий шлепок его брата. Кровь постепенно отливала от его лица, уступая насмешке.

— Ты мог догадаться, что мне безопаснее будет избавиться и от тебя.

— Мог, — Дюран сделал шаг назад и сел в кресло. — Но я предпочел поверить тебе. Ведь ты мой брат. Ближе, чем Триан.

Король Орзаммара усмехнулся острее, прокручивая между пальцев перстень с печатью.

— Именно поэтому ты был бы паршивым королем, Дюран. Если предпочитаешь верить на слово своему политическому сопернику. Ведь все ты понимаешь. У меня тоже было только твое слово. Поэтому я решил перестраховаться. Как дальновидный политик.

— Если ты заметил, именно поэтому я и отдал тебе корону.

Белен вздернул бровь и, обойдя стол, опустился в свое кресло. Братья помолчали, настороженно поглядывая друг друга и внимательно следя за выражениями лиц.

— Нужно полагать, ты бы хотел что-то за это, — нарушил, наконец, молчание Белен. Дюран сцепил ладони.

— То, о чем мы уговаривались, твое величество. Перед самым... инцидентом, который привел к гибели Триана, меня назначили главнокомандующим армией Орзаммара. Я бы хотел вернуть этот титул.

Некоторое время король разглядывал брата, по-видимому, раздумывая, шутит тот или говорит серьезно.

— Ты хочешь получить под свой контроль армию? — наконец спросил он. — Не больше не меньше?

— То, что от нее останется после того, как она вернется с поверхности, — Дюран стиснул колени, наклоняясь вперед. — Более того, я бы хотел набрать новых рекрутов. Многих, очень. И заняться их обучением. Из тех, которые не принадлежат к нашим домам.

— Неприкасаемых?

— Об этом мы тоже договаривались, твое величество.

Белен хмыльнулся. Его хмурое, напряженное лицо, чуть заметно расслабилось.

— И ты уведешь их на Глубинные тропы? На самом деле метишь в Совершенные?

Последнее было произнесено иначе, чем все до этого. Дюран устало улыбнулся.

— Ты — голова Орзаммара. Я — его меч, — он стер ладонью улыбку с лица. — Ведь мы обговорили все это, брат. Глубинные тропы должны снова сделаться нашими — от границы с Ферлденом до Кэл Шарока. Я хочу сделать большее, что смогу, для возвращения величия Орзаммара. Я жажду восстановления силы нашего народа и собственной славы в веках. И для этого мне нужна помощь короля, а не его трон. Жаль, что ты... не поверил мне тогда. Я

никогда не пойду против твоего величества, если... если ты выполнишь твою часть нашего уговора.

Белен молчал, поглаживая бороду. На несколько мгновений на его осунувшемся лице отражалась только многонедельная усталость интриг, подкупов, уговоров, словесных перепалок, угроз, убийств — тайных, и явных, тревог, откровенных страхов, кратковременных мгновений торжества, опустошительных периодов разочарований и множества непростых решений — то, чего он долго не мог позволить себе показать даже тем, кто был достаточно близок к нему. Впрочем, следующий миг убрал с его лица все, оставив обычную насмешливую непроницаемость.

— Ну, и, конечно же, ты получишь мое содействие во всех твоих начинаниях. Ты знаешь сам, что то, что ты затеял, не может не вызвать отторжения, как среди знати, так и среди простого народа. Конечно, ты можешь расправиться с недовольными... одним, двумя, десятью, даже сотней. Быть может даже, ты уже придумал, как это сделать, не утопив Орзаммар в крови. Но подумай, как сможет тебе помочь моя популярность, если я буду всецело поддерживать тебя?

— Не надо разжевывать то, что и так ясно, — Белен кашлянул, потрянув холеной бородой. И, почти без перехода, поинтересовался. — Правильно понимать, что армию для Стража ты тоже решил возглавить сам?

Дюран напряженно улыбнулся — впервые за всю беседу.

— Когда я вернусь в Орзаммар со шкурой архидемона, рекруты сами сбегутся под мое начало. Как только я наберу достаточно, уведу их на Глубинные тропы. Убьем двух резвых тоннельников одним выстрелом, король. Расширим свою территорию, и сделаем это руками той преступной нечисти, что бездельничает нынче в Пыльном.

Белен хмыкнул. Подойдя к настенному шкафу, он вытащил из него два среднеразмерных кубка и небольшой запечатанный кувшин. Не без труда вытащив пробку, он разлил то, что было в кувшине, на двоих, и один кубок передал Дюрану.

— Знаешь, а я ведь едва в штаны не навалил, когда увидел тебя в зале, — неожиданно признался он, первым отпивая густо-бордовую, почти черную жидкость. — Я на самом деле считал, что ты мертв. Как Триан.

Дюран нахмурился, отпивая тоже.

— Говорят в народе, что смерть отца — на твоей совести, — будто бы ни о чем не спрашивая поведал он, но король его понял.

— Это ложь прихлебателей и наемников Харроумонта. После твоего изгнания я так и не смог добиться встречи с отцом. От применения силы меня удерживало то, что это могло быть позже использовано против меня как дополнительное обвинение. О смерти отца я узнал, как и все, от Харроумонта.

Старший Эдукан покачал головой.

— Старый вонючий наг. Он и его охрана выдворяли меня за ворота. У него была возможность дать мне хотя бы меч, не говоря о припасах или, хотя бы, фляге воды. Но вместо того он предпочел пространные речи и заверения, что не даст тебе сесть на трон. Похоже, к тому времени отца он в расчет уже не принимал.

— Как бы то ни было, с ним покончено, — Белен сделал несколько глотков и бросил взгляд на брата поверх кубка. — Будь по-твоему, Дюран. Ты получишь свою армию неприкасаемых, если действительно намерен воевать на Глубинных тропах и не соваться в Орзаммар.

Принц Эдукан кивнул, очертив пальцами короткую бороду. Лицо его оставалось напряженным, но он с силой разгладил глубокие вертикальные морщины, перечеркнувшие его лоб. Белен наблюдал за братом с демонстративно легкой усмешкой.

— Не похоже, чтобы случившееся между нами... недоразумение хоть сколько-нибудь видимо задевало тебя, — как бы между прочим обронил он то, о чем, похоже, думал больше, чем хотел показать.

— Шутишь? — Дюран поднял глаза, до того устремленные в недопитое в кубке. — Когда после суда за моей спиной захлопнулись задние ворота Орзаммара, оставив меня безоружного и раздетого один на один с темнотой, скверной и тварями из мрака, я был готов оторвать тебе бороду и живьем зашить ее в твое же брюхо. Но... — он дернул плечами и поставил недопитый кубок на стол, — с тех пор истекло немало периодов. У меня было время подумать. Теперь же и вовсе все переменялось. Очевидно, что ты нужен мне, а я — тебе.

Белен промолчал.

— К тому же, в наших жилах течет одна кровь. Ближе, чем с Трианом. А кровь не выбирают, — Дюран отодвинул кубок дальше от края стола и поднялся. — Твое величество, нам предстоит еще немало обсудить. Но сегодня был трудный день. Завтра будет не легче. Разреши мне уйти. Я хочу занять свои старые покои — если ты не против.

Новоиспеченный правитель гномьего королевства залпом допил остававшееся у него зелье, смахнув капли с усов.

— погоди, — он поставил кубок на стол ближе к тому, который оставил Дюран. — Хорошо, что ты заговорил о крови. Перед тем, как уйдешь, мне от тебя нужно еще кое-что.

Старший Эдукан бросил на брата вопросительный взгляд. Белен кивнул в сторону двери, ведущей в его спальню.

— Хочу познакомить тебя с будущей королевой Орзаммара.

Глава 65

Глава 65

Айан выдернул шапку из своего походного мешка и, сунув его обратно на повозку, натянул мех поглубже на уши. Несмотря на то, что ночь была как будто теплой, с Каленхада, что лежало по правую руку от изо всех сил торопившегося, а на деле, медленно ползущего по Имперскому тракту гномьего войска, тянуло холодным, промозглым ветром не желавшей отступать зимы. В очередной раз поежившись под плащом, Кусланд оглянулся на растянувшийся обоз.

Хотя прошло уже почти две недели с тех пор, как гномий король Белен Эдукан открыл ворота Орзаммара перед выступившими отрядами воинов, завершение похода обозначилось только к исходу этой ночи. Редкие огни Редклифа дрожали и отражались в по-зимнему волновавшемся озере на далеком еще берегу обширного залива. До города оставалось не более нескольких часов пути. Некоторое время Айан обзирал тащившихся по дороге гномов и повозки, запряженные бронто с завязанными темными тряпками мордами, потом вдохнул и снова стал смотреть на медленно приближавшиеся огни города.

Ловко правя конем между подволакивавших ноги, устало переругивавшихся гномьих воинов, к голове обоза подъехал Зевран. Вычислив между двух повозок Командора, он

придержал поводья, но сходить не стал, пустив лошадь шагом.

— Отставшие уже подтянулись, — доложил он, поправляя сбившийся плащ. — Пришлось, скажу тебе, друг мой, изрядно повозиться. Множество орзаммарских коротышек не привыкли к таким длительным пешим переходам. Вояки они, должно быть, хорошие, но ходки — никакие. И то верно — на том, что приделал им Создатель на месте ног, особо не расходишься, особенно при полном доспехе, пусть даже в мешке и за спиной. Очередь к телегам из тех, кто успел посбивать или натереть ноги — до сих пор едва ли не с четверть всего войска.

Он еще раз обернулся, оглядывая тяжело плетущихся между повозками гномов.

— Не приведи Создатель, порождениям тьмы вздумается атаковать нас прямо сейчас, — пробормотал он. Айан досадливо цыкнул щекой.

— Про стерших ноги докладывают всю последнюю неделю, хотя, мыслю, со многими это случилось еще к концу первого дня похода, — Кусланд похлопал рукавицами одна об другую, не отрывая взгляда от множества отражавшихся в озере огней со стороны невидимого еще пока во тьме Редклифа. — Оттого и тащимся, как беременные наги. На повозках давно бы уже были на месте.

— Так ведь повозок на всех не хватило, мой Страж, — еще раз напомнил эльф известное и без него. — Давно уже гномы подобных вылазок не совершали, что на Тропы, что, тем более, на поверхность. Но, как видишь, мы уже почти пришли. Если верить твоим видениям, мой друг, твари пойдут с юга, а потому дальше нашей армии никуда двигаться не нужно. Отлежатся денек-другой, поприкладывают к мозолям наггов помет и жидкую грязь — и быстро сделаются как новые. Вот увидишь. Хотя... пахнуть лучше не станут.

Кусланд криво усмехнулся, без нужды потирая рукавицей нос. Некоторое время они двигались молча, слушая скрип повозок, гурканье и утробные взревы усталых бронто, крики, ругань и топот тащившихся по дороге гномов.

— Прости мне мое вмешательство, друг мой, — внезапно заговорил Зевран и, дождавшись взгляда Командора, продолжил. — Мне кажется, что с тех пор, как мы покинули Бонаммар, ты словно... не сразу подберу сравнения, мой рыжий Страж. Ты словно унес из этого города печаль, что чем дальше, тем сильнее гложет тебя изнутри, как болезнь. Но я вижу, это не болезнь. Я мог бы предположить... до встречи с тобой мне довелось болеть похожим. Но, зная тебя, я... я теряюсь в догадках. Что или кто стало ее причиной? Знаешь, — он дернул плечом и, оглянувшись по сторонам, оперся на локоть, понизив голос. — Я вырос среди шлюх в борделе. Поверь — слушать я умею, как никто.

Кусланд покачал головой, внимая очередному откровению остроухого убийцы. Но, внезапно, что-то непонятное, душное, ранее прятавшееся там, вдруг резко поднялось из глубин его естества, ударило в лицо, нос и непроизвольно заставило приотвернуть голову. Как в детстве, когда долго сдерживаемые обида или досада едва не прорывались, наконец, неожиданными и нежеланными слезами.

— Я не знаю... — он запнулся, не до конца чувствуя уверенность, что стоит открываться Зеврану. — Непросто... говорить о том... в чем сам не до конца разобрался.

Антиванец неслышно хмыкнул, приспуская капюшон, чтобы лучше слышать.

— Я не знаю, — повторил Айан, уже овладев собой. — Поймешь ли ты, если даже я себя не понимаю. Скажи, эльф, ты... когда-нибудь любил?

Собеседник чуть расслабил лицо. Против ожиданий Командора, на нем не появилось ни тени насмешки или глумливости.

— Любил, мой Страж.

— Я хочу сказать... женщину?

Зевран усмехнулся.

— Любить мужчине можно только женщину, мой Страж. Это... ммм... любиться можно даже с козой, — он помедлил, словно желая сказать что-то еще, но в последний миг раздумав. — Но ты, верно, желаешь знать не обо мне.

Кусланд дернул плечом.

— Я... не понимаю, — в третий раз повторил он, отводя взгляд, в поле зрения которого вновь попало огромное озеро с отражавшимися в ней огнями далеких костров. — Я не могу перестать думать о ней. Это... как заноза. Сидит и... мучает меня. Зевран, — ему не пришлось слишком высоко поднимать голову для того, чтобы вновь посмотреть в глаза конному эльфу. — Ты ведь опытнее меня в подобных делах. Если женщина... девушка сначала дает... дает тебе понять, что то, что между вами... для нее очень важно. Но потом... избегает тебя, будто всего случившегося — не было... Создатель, вразуми меня, что все это значит и отчего она так себя ведет???

Миг Зевран молчал, видимо, о чем-то усиленно размышляя. Потом лицо его озарилось внутренней догадкой, настолько впечатлившей его, что он не сумел скрыть ее проявления.

— Почему ты не позвал ее уйти с тобой? — только и спросил он.

— Я позвал! — Кусланд с силой провел рукой по лицу. — Она отказалась идти! Начала нести какую-то чепуху про верность долгу, про наши предназначения...

— И ты, вероятно, пал перед ней на колени, взял ее руки в свои и, глядя в глаза, с подкупающей искренностью заговорил о своем чувстве? Ты был убедителен, ты дал ей понять, что она, осчастливив тебя своим... вниманием, сделалась для тебя ммм... смыслом твоей жизни? Что без нее тебе не справиться с твоим великим предназначением — спасением целого мира, и ее роль не в том, чтобы прозябать на глубинных тропах, а идти с тобой к свету и новой жизни, дабы... ммм... помочь тебе достичь цели, достойнее которой не рождалось еще под небом Тедаса?

Айан отвернулся. Каждое слово Зеврана, сказанное спокойно, даже участливо, жгло его душу сильнее каленого железа.

— Я не умею говорить так складно, как ты, — угрюмо проговорил он.

— Слова твои должны идти от сердца, — усмехнулся эльф. — А если серьезно, то скажу тебе, друг мой, одну вещь, зная которую можно понять любую женщину и убедить ее сделать то, что тебе нужно. Да так, что она будет уверена, в том, что нужно тебе — это то, чего она сама желает больше всего на свете. Тут все очень просто, мой рыжий Страж. Надо только...

Что именно было надо, Кусланд услышать так и не успел. Внезапно Зевран умолк, поднимая голову. Проследив за его взглядом, Айан увидел несколько далеких огней, стремительно приближавшихся со стороны Редклифа.

— Всадники, — медленно пояснил увиденное пока только им одним эльф. — Много. Восемь. Факелы у шестерых. Еще один держит стяг. Вот что на нем изображено — не вижу, но, полагаю, один из здешних ферелденских гербов...

Похоже было, что в обозе тоже сумели углядеть приближение всадников. От передних к задним нестройным рядам ковылявших по раскисшей снежной грязи тракта понеслось предупреждение. И, хотя мало кто верил в то, что к усталой армии гномов скакали враги, на всякий случай по команде Кусланда воины выстроились в боевой порядок, готовые встретить нападавших с оружием в руках.

Что, впрочем, ожидаемо оказалось ненужным. Спустя некоторое время всадники приблизились настолько, что без эльфийского зрения возможно стало разглядеть двух мабари, поддерживавших корону на их стяге — давний герб Тейринов.

Головной — высокий статный рыцарь в хорошо знакомом Кусланду доспехе, начищенном так, что огни многочисленных факелов отражались в нем, словно в зеркале, поднял руку в знак приветствия. Айан поднял свою, прикидывая, как скоро сюда успеет подъехать Дюран Эдукан, пребывавший теперь где-то в середине шагавшей армии гномов, и которому по положению полагалось первому приветствовать такого пришельца.

Впрочем, рыцарь, как всегда, не особо церемонился. Досадливо смахнув реявший над ним и задевавший плечо стяг, он забросил поводья на конскую спину и тяжело спрыгнул на землю. Шагнув к Кусланду, рыцарь поднял забрало.

Под пушившимися на холодном ветру перьями в обрамлении металла королевского доспеха Тейринов лицо давнего друга на миг показалось странно чужим. Но только на миг. В следующее мгновение незнакомые жесткие складки у рта Алистера разгладились и он бросился вперед, заключая Командора в бронированные объятия.

— Хвала Создателю! Мой друг!

— Алистер! — Кусланд в свою очередь крепко похлопал по закованной в доспех спине побратима, успев принять от него троекратный поцелуй. — Хвала Создателю, ты жив!

— Хвала Создателю! — повторил сын Мэрика, отцеловавшись и до боли сжимая руку друга в своей. — Клянусь Андрасте, я уже начал забывать твое лицо! Великая удача, что тебе довелось вернуться, да еще и...

Запнувшись, Алистер отпустил руку Айана и отступил, окидывая взглядом остановившееся гномье воинство.

— Верно ли, что здесь — вся армия Орзаммара?

— Кроме нескольких отрядов, которые король оставил для поддержания порядка в городе, — Кусланд бросил взгляд в сторону Зеврана, собираясь отправить того за Эдуканом, но эльфа рядом уже не было. — А чем можешь похвастаться ты?

Алистер снова широко улыбнулся, указуя простирая руку на далекие огни.

— Думаешь, это горожанам не спится под утро?

Кусланд сделал знак и обоз медленно двинулся вперед, дальше по тракту. Охрана королевского бастарда, словно почетный караул, выстроилась по обе стороны от дороги, уехав чуть вперед. Алистер пошел пешком рядом с другом, ведя коня под уздцы.

— Долийцы стоят лагерем под стенами замка? — не понял Айан, напряженно вглядываясь вдаль. — Горожане не желают размещать в домах эльфов?

— Долийцы предпочитают зимовать в своих аварелях, — внес ясность потомок Тейринов, уже подуспокоившийся, но вновь начинавший улыбаться, стоило ему только взглянуть в сторону Кусланда. — Их здесь два клана — Бресиалианский и из Диких земель. Помимо долийцев со мной пришли отступники из вольных и племя бывших оборотней. На всех просто не хватает места... Я вижу, нужно рассказать по порядку, — запнувшись о выражение на лице Кусланда, счел необходимым решить он.

Выслушав Алистера, Айан только покачал головой. Отправляя друга к эльфам Бресиалиана, он, положив руку на сердце, не был уверен, что потомок короля Мэрика справится с поставленной задачей. То, что Алистер привел воинов больше, чем он сам, часть из которых была магами, сделалось для него полной неожиданностью. И не только это. Айан хорошо успел изучить своего друга и теперь интуитивно чувствовал — Алистер будто стал

другим. Благородное лицо потомка Тейринов по-прежнему носило отпечаток спокойного радушия. Но Кусланд видел, что с королевским бастардом произошли какие-то изменения, хотя не мог бы сказать наверняка, какие именно.

— Ты всегда теперь едешь при таком параде? Или только в честь нашего появления? — нашелся спросить он, кивая на эскорт и знаменосца. Алистер покосился на свою охрану и махнул рукой.

— Эрл Эамон настоял, чтобы... как можно чаще я показывался на люди в таком вот виде. Дело в том, что с легкой руки Тегана по столице уже всюду ползут слухи о незаконнорожденном сыне короля Мэрика, который имеет прав на трон больше, чем властвующая при регенте королева. Эамон уверен, что слухи нужно подтверждать соответствующим видом. Если кому-то придет в голову явиться сюда, чтобы убедиться воочию. О, Создатель!

Кусланд не выдержав, рассмеялся. Алистер, напротив, словно о чем-то вспомнив, помрачнел, что гляделось нежданно странным в сравнении с его давешней веселостью.

— Не иначе, как сам Создатель поторопил гномов в пути и привел тебя в Редклиф именно сегодня, Айдан, — почему-то собственное имя в устах друга резануло слух. — Ночью от Тегана была птица. Логейн созывает Собрание Земель в Денериме. Скоро. В конце седмицы.

Новость оказала оглушающее воздействие. Айан вскинулся, очумело глядя на посерьезневшего потомка Тейринов.

— Но это ведь... через пять дней!

Алистер кивнул и его лицо еще более помрачнело.

— Письмо Тегана было коротким. Логейн говорит и действует так, словно угрозы со стороны порождений тьмы нет вовсе. Он призывает лордов объединиться против Эамона и «грязного самозванца-бастарда, который знается с остроухими изгоями и сумел подлой ложью втереться в доверие к самой Церкви». По-видимому, последним он имел в виду храмовников, которые уже стоят лагерем под замком Редклиф напротив долищев.

Он помолчал.

— Тейрн Логейн через своих шпионов узнал, что мы оба — я и Эамон — в Редклифе. Оттого он так торопится. В одиночку Теган не сможет убедить лордов на Собрании в преступности помыслов и деяний регента. Мы выезжаем в Денерим сегодня на рассвете. Мой друг, если ты присоединишься к нам — слово Эамона будет звучать весомее перед лордами Собрания. Хотя Кусланды объявлены вне закона, славное звучание этого имени долгие, чем имени Мак-Тиров. Из того, что смог узнать Теган, очень многие не верят в виновность твоей семьи. Как и в предательство Стражей. Уверен, Эамон не будет настаивать, если ты откажешься ехать, и я пойму твое решение...

— Банн Теган упоминал что-либо о семье Хоу? — перебил друга Командор, непроизвольно оглядываясь назад. Хотя в темноте среди повозок и плетущихся в мохнатых верхних одеждах гномов узнать кого-то было трудно, еще издали ему довелось разглядеть конного Зеврана, возвращавшегося к голове колонны в сопровождении Дюрана Эдукана, для которого, как видно, откуда-то тоже выпрягли лошадь. Гномий лорд вынужден был ехать в повозке из-за сильной простуды, что он подхватил третьего дня, и которую даже чародейство Морриган, как оказалось, все же могущее исцелять и гномов, не могло излечить до конца. Кусланд видел принца несколько часов назад, изнуренного жаром, и та поспешность, с которой Эдукан пожелал встретиться с потомком Тейринов, явно

свидетельствовала о том, какое значение он придавал этой встрече.

— Эрл Хоу сейчас — один из главных приближенных регента Логейна и его правая рука, — обрадовал Алистер, тоже оглядываясь на приближавшихся всадников. — Он назначен эрлом Денерима вместо Уриена Кенделса, павшего, насколько смог узнать Теган, в битве при Остагаре. Сын и наследник Кенделса Воган же бесследно исчез. По некоторым сведениям, исчез он — на веки вечные. Люди Хоу умеют заметать следы.

— Я еду с вами, — мысль о том, что горячая вода, поздний завтрак, постель и отдых после долгого и утомительного пути, вновь отодвинулись далеко в бесконечность, уже не волновали Айана в сколько-нибудь значительной степени. Упоминание имени Хоу словно придало ему новых сил. — Когда мы выезжаем?

— На рассвете, — еще раз напомнил Алистер. — Это где-то через две полных временных меры. Малым отрядом, дабы не привлекать внимания и двигаться как можно быстрее. Рысью на четвертый день должны быть уже в Денериме и...

— Приветствую достойного сына людей, потомка Мэрика Тейрина, что род свой ведет от благородного Каленхада! — грянуло со стороны, и гномий лорд Эдукан выехал вперед с приветственно поднятой рукой. — Да будут благословенны пути, что свели нас, как союзников, и пусть в нашем великом деле высшие силы даруют нам победу!

Глава 66

Глава 66

Капитан храмовников и правая рука должного со дня на день прибыть из башни Круга рыцаря-командора Грегора Бьорн Хосек закрыл, наконец, дверь в отведенную ему комнату, поставил свечу на заваленный самым разнообразным хламом стол, и теперь только позволил себе с шумом выдохнуть. День выдался тяжелым. Тяжелее, чем предыдущие. Хозяин замка, благородный эрл Эамон, покинул Редклифф ранним утром четвертого дня, а вместе с ним уехали королевский бастард и Командор Серых Стражей, перевалив все заботы о приеме гномьего войска и расположении его на лагерную стоянку на плечи управителя замка и капитана храмовников. Хорошо справлявшийся с людьми и эльфами, сэр Бьорн едва понимал пришлых гномов, стараясь обойти их военачальника так, чтобы тот не знал ни в чем обиды. Попутно приходилось следить за распределением провианта, содержанием и умножением оружия, лошадьми, коих с храмовниками прибыло немало, а труднее всего — не дать глядевшему исподлобья друг на друга разношерстому войску Стражей сцепиться друг с другом ранее битвы.

Бьорн дернул щекой, делая шаг внутрь комнаты, к укрытой медвежьей шкурой постели. Мигом позже он выхватил меч, выставляя его перед собой.

— Я знаю, ты там, — сообщил он шкафу, темневшему в дальнем углу комнаты. — Выходи. И не вздумай... дурить. Меня магией не проймешь.

Слова, обращенные будто бы к пустой комнате, не остались без ответа. Почти сразу после того, как отзвучал голос храмовника, тяжелая штора, ниспадавшая по обе стороны от окна, без шелеста выпустила из-за себя тонкую женскую фигуру. В несколько быстрых невесомых шагов она вышла на свет и остановилась напротив капитана, поигрывая магическим посохом.

— Не так от магии ты защищен, как мыслишь себе, храмовник, — насмешливо

проговорила гостья, поглядев на острие клинка. Хосек опустил меч и поднял бровь.

— Кто ты? — без сомнения, с полным правом спросил он, обходя стол так, чтобы горящая свеча оказалась между ним и стоявшей в стороне женщиной. — Я не помню тебя среди отступников.

Гостья усмехнулась, делая шаг вперед. Храмовник вновь переместился так, чтобы между ними оставалось пламя свечи.

— Ужель меня не помнишь ты? Тебя узнала сразу я, увидев только. Как ты такого, забыть непросто. Сколько лет бы ни прошло.

Сэр Бьорн нахмурился, в неясном колеблющемся свете единственной свечи напряженно вглядываясь в красивое лицо той, что, усмехаясь полными губами, стояла напротив него. Одно за другим из глубин памяти проступили и ушли в небытие лица молодых крестьянок и юных магинь, припомнилась даже уже сильно подзабытая, полнотелая, еще нестарая горожанка, в доме которой пришлось заночевать на последней стоянке перед многолетним заточением в ферелденском Круге. Но этого именно лица — ни искаженного нечестивой страстью, ни перекошенного в гадливом, беспомощном страдании — он так и не припомнил. Капитан храмовников готов был поклясться перед Создателем, что никогда за всю свою греховную жизнь не держал в своих объятиях этой молодой женщины.

— Вспоминаешь не о том. Гораздо раньше мы встречались, чем стал обнимать женщин ты. Не узнал неужто? Припомни ночь, что изменила жизнь твою.

Некоторое время в комнате висела тишина. Ее прервал храмовник, непроизвольно издавший короткий выдох, явно свидетельствующий о том, что он вспомнил, наконец, где мог видеть свою позднюю гостью.

— С чем ты пришла? — ничем, впрочем, больше не показавший своего волнения, он качнул мечом уверенно и спокойно. Отблеск огня пробежал по длинному широкому острию, на миг высветив выгравированный на лезвии знак Андрасте.

Молодая ведьма, что ребенком еще заманивала в болота на верную гибель целые отряды храмовников, сделала еще шаг вперед. Но капитан так же уверенно переместился за свечу.

— Не стоит, — спокойно предупредил сэр Бьорн, указывая глазами на огонь. — Я знаю ваши уловки. Разговор будет только так. Или убирайся.

— Удивлена я, что уловки знаешь, всю жизнь лишь комнатных магов пестуя, — больше не пытаюсь приблизиться, женщина сложила руки на груди. — Прямо тогда говорить я буду. Назад зим множество, вломившись в дом наш, вещь унес одну ты. Что тебе не принадлежала. Когда хватилась мать моя, что с тобой вместе исчез гримуар черный, в котором мудрость вся ее хранилась, в гневе была она сильном. Проклинала тебя за выходку твою и себя за мягкосердечие, свободу тебе подарившее. Утешала лишь она тем себя, что недолгую жизнь тебе пророчила. Не живут с проклятием, что на тебя наложила. Гримуар же до сих пор не уничтожен. Не порван, не сожжен. То чувствовать может каждый, связь кто с Тенью имеет и касался хоть раз его. Оттого, увидев тебя, и узнав, кто ты, вспомнила я про то, что у тебя осталось и, бросив Стражей, в Круг магов поспешила. Догадывалась, что там только мог книгу эту ты спрятать.

Напряженно слушавший речи ведьмы капитан невольно усмехнулся.

— Потом свою поняла я глупость. Коль скоро так мало храмовников осталось стены Круга охранять, то ценности, что там хрятятся, спрятаны должны были быть крепко. Так и оказалось. Сторожей башни обмануть смогла я легко. Но сколь ни искала я, гримуар черный был мной не найден.

Хосек поднял брови, опускаясь в деревянное кресло. Меч он положил перед собой на стол.

— Рыцарь-командор Грегор, по-видимому, опять был сильно пьян. В Круге остались только его люди. Теперь любая нечисть может пробраться в башню безнаказанной. Забирая оттуда всех моих храмовников, я совершил ошибку. Благодарю тебя за то, что ты указала мне на нее.

Молодая ведьма шагнула к столу. Ее желтые глаза сверкнули.

— Так долго я оставалась там, что почуять могла книгу, будь она в башне. Ее не было. Приставлена я Стражей Серых оберегать в пути. Оставила я так надолго не затем их, чтобы с руками пустыми мне быть. Где книга матери моей, храмовник?

Так же спокойно капитан разгладил короткую светлую бороду.

— Ты смелая женщина, дочь ведьмы. Явиться ко мне, чтобы требовать мою книгу, — особенно выделив слово «мою», он качнул головой. — Зная, что я вспомню, кто ты и что делала, — Хосек поднял глаза. — Ты, вероятно, действительно очень спешила. Иначе могла бы узнать, что захоти я разобраться с тобой, тебя не спасет та же заступничество Стражей, о котором говоришь.

Он резко поднялся. Ведьма непроизвольно сделала шаг назад. Но вызванное неожиданностью, ее замешательство тут же прошло, уступив место раздражению.

— Храмовник, не угрозы твои выслушивать пришла. Вернуть ты должен то, что без права взял.

Капитан хмыкнул.

— Или что? Наложить на меня еще одно проклятие? Ты опоздала, ведьма. Этим меня уже не напугать, — он забрал свечу и, обойдя стол, направился к своей поздней госте. Женщина оставалась на месте, явно не желая отступить, но по ее напряженному лицу было видно, что она была готова к чему угодно.

Подойдя вплотную к ведьме храмовник некоторое время молча стоял напротив нее. Собеседники взаимно пожирали друг друга глазами, но если желтый взгляд ведьмы горел ненавистью, ее противник был внешне спокоен. В неприятном, узком лице храмовника читался глухой, въевшийся в естество гнев и какое-то понятное ему одному внутреннее торжество.

По-видимому, посетительница что-то решила для себя. На миг прикрыв глаза, она, усилием воли, отрешилась от ненависти ко всем таким, как ее собеседник. Ненависти, что была вызвана противостоянием, начавшимся задолго до рождения их обоих.

— Не ругани ради я здесь. Предложить тебе хочу, — она окинула рыцаря с головы до ног понимающим взглядом. — Не знаю, как смог в живых ты остаться. Проклятие матери моей — тяжелое бремя. Не снять магу простому. Но в этом могла бы тебе я помочь.

На этот раз молчание длилось дольше. В лице стоявшего напротив ведьмы храмовника нельзя было прочесть ничего, но она знала, что рыцарь не мог не думать над ее предложением.

— Ты утверждаешь, что сможешь снять проклятие, — наконец хрипло пробормотал сэр Бьорн, по-видимому, больше для себя, и прокашлялся. — Откуда мне знать, что ты не лжешь? Впрочем, я могу это проверить. Сними его сейчас. Хоть на недолгое время. Чтобы мне убедиться, что в твоих словах нет обмана.

— Я не лгу, — молодая ведьма усмехнулась уголком рта. — Но для того, чтобы проклятие снять, нужна мне книга. В ней есть запись об этом чародействе. Я...

— Все, довольно, — до того прислушивавшийся храмовник как-то сник. Во всем его облике появилась едва ощутимая горечь. Сэр Бьорн сделал шаг назад, не отрывая глаз от ведьмы и не опуская свечи. — В книге нет ничего о природе моего проклятия, — он зло дернул головой. — Должно быть, только твоей матери о нем известно. Ты же — молода и знаешь мало. Кто ведает, вдруг, книга тебе нужна только затем, что с ее с помощью ты сможешь сжить матушку со свету и самой сделаться полновластной владительницей всех болот? Вы, ведьмы, как пауки в одном сосуде — одна обязательно желает пожрать другую, — он медленно вернулся к столу. — Благодарю судьбу за то, что я помню тебя среди Стражей, иначе бы тебе не уйти отсюда живой.

Он кивком указал на дверь.

— Уходи, ведьма. Плети свои интриги, пока можешь. Но я — не стану тебе помогать.

Горящие желтым глаза гостьи сузились. Она шагнула вперед, вновь оказавшись в непосредственной близости от капитана.

— Не отворачивайся ты, храмовник. Должна я получить книгу эту. Не себя — мира ради я стараюсь. Понять тебе стоит.

Хосек взглянул на нее исподлобья. Теперь он уже не скрывал своих настроений, искренне тяготясь обществом назойливой посетительницы.

— Рассказывай, — тем не менее, серьезно и терпеливо потребовал он.

Какое-то время женщина молчала, точно прикидывая, стоит ли утерянная важная книга того, чтобы открыться врагу. Потом с усилием мотнула головой.

— Не могу. Нельзя. Верни мне гримуар, храмовник. Взамен проклятие сниму. Слово мое.

Капитан устало хмыкнул.

— Если я не буду знать, зачем, ты попусту тратишь время, ведьма. Лучше... уходи сейчас. Пока ты не сказала чего-то такого, после чего я не смогу тебя отпустить... живой.

— Верни гримуар! Для тебя ценности нет в нем. Ты не способен все равно понять, что там, даже если бы читал его. Я же...

— Я читал эту мерзкую книгу, ведьма, — возвысил голос долго сдерживавший гнев сэр Бьорн. — Именно поэтому пока я жив, она не попадет больше в руки таких, как ты или твоя мать. В последний раз говорю тебе — уходи! Или я...

Он не договорил, но этого и не требовалось. Загорелая кожа гостьи пошла красными пятнами. Однако вид возвышавшегося над ней тяжело дышавшего храмовника внезапно будто успокоил ее. Она подняла руку на уровень глаз капитана. Тот следил за движениями тонких пальцев, точно каждый из них мог его укусить.

— А ведь знаю, каково сейчас тебе, — как будто устав спорить, почти ласково проговорила вдруг ведьма, меняя разговор, но не опуская руки. — Нести тяжело бремя это, рыцарь могучий. Годы, месяцы, дни, каждый сердца удар... — она улыбнулась. — О да, умею я чувствовать... желаний тысячи разрывают теперь даже. Но самое жгучее, что жжет сильнее, чем лириум, что пьешь как воду ты... Что сильнее пламени, которому магов предаете вы неверных... Что жарче светила дневного... — она качнулась вперед, словно пригнувшись и чуть прикрывая глаза. — Да, это похоть, храмовник! Теперь даже желаешь пустить это пламя... И спалить им нас обоих, — гостья открыла глаза, оказавшись вдруг очень близко от замершего Бьорна. — Вижу, тверд. Иной не смог бы слово матери перебить волей только. И книгу не отдашь, задумал так если.

Хосек сглотнул. Внимательно вглядывавшаяся в его лицо ведьма ухмыльнулась.

— Думаешь, победил ты, рыцарь, Церкви верный? Пусть так. Но книга матери моей ненайденной пусть останется. Ни мне. Никому, — она повела плечом. — Ну? Что медлишь ты? Горишь ведь так, что и без магии почуять можно. Так освободи пламя, тебя пожирающее, храмовник. Дай свободу ему!

С последним словом молодая ведьма вдруг резко подалась вперед, впечатывая кончик пальца в покрытый испариной бледный лоб рыцаря и, одновременно, задувая свечу.

Перед взором сэра Бьорна точно одновременно взорвались все звезды. Бросившаяся в его лицо распавшаяся в свирепую пыль ведьма запотрошила глаза, на несколько мгновений лишив зрения и слуха, заставив забыть обо всем. Когда он снова смог видеть и чувствовать, в комнате уже никого не было. Сэр Бьорн встряхнул головой, точно желая сбросить последние крупинки несуществующей пыли, и — вдруг почувствовал знакомое жжение.

К постоянным болям, усиливавшимся после приема очередной порции лириума, он уже успел притерпеться и, как правило, почти их не замечал. Однако, на этот раз исушавшая его изнутри мука не была ровной. Она делалась все сильнее, постепенно из нутра пробирая все мясо до последнего его волокна. Палящий жар поднимался из глубины его естества, пробивая путь на свободу. Не веря себе, сэр Бьорн посмотрел на свои руки. Незащищенная металлом кожа дымилась. Из-под доспеха тоже валил густой дым.

— Проклятая ведьма!

Пламя вспыхнуло, как на просмоленной пакле. Храмовник взвыл, завертевшись, точно гонящийся за хвостом молодой мабари, более походящий теперь на живой факел. В последних крупинках соображения он бросился к ложу, подхватил с пола стоявший у изголовья кувшин с водой и — опрокинул его на себя.

Огонь продолжал полыхать, словно не заметив усилия его погасить, зато храмовник в единый миг ощутил себя мокрым насквозь. Почти ничего не видя за языками пламени, и не понимая от страшной боли, он сорвал с ложа покрывало и набросил сверху. Однако, несколько мучительных мгновений позволили понять, что толку от этого было не больше, чем от воды.

Помутненное болью сознание предложило ему единственный выход. Задыхаясь и натываясь на все подряд, он по стене добрался до окна и распахнул его. Бросившийся в лицо морозный воздух с колкими кристаллами снега ненадолго отрезвили готового уже шагнуть в никуда потерявшего разум рыцаря Церкви. Сквозь полыхание свирепого огня на глаза ему попала вцепившаяся в каменную кладку стены собственная рука. Несмотря на прорывавшиеся из-под нее языки пламени, кожа по-прежнему оставалась чистой, без обугливания и ожогов.

— Морок! Во имя Создателя, это всего лишь морок!

Дверь в комнату распахнулась. Появившиеся на пороге храмовники в изумлении вытаращились на прислонившегося к стене у окна, беспрестанно корчившегося и слепо шарившего перед собой рукой капитана.

— Сэр! — осмелился подать голос один, видя, что их не замечают. — Сэр...

— Огонь! — Хосек из последних сил бросился на звук голосов, наткнувшись по дороге на стол и заставив рыцарей невольно отшатнуться. — Вы видите на мне огонь???

Храмовники переглянулись.

— Никакого огня нет, капитан.

Не доходя двух шагов до двери, сэр Бьорн согнулся в три погибели, прижимая руки в животу.

— Мага! — сквозь стиснутые зубы едва разборчиво простонал он. — Целителя! Живей!!!

Капитан храмовников очнулся. Он лежал на узком ложе, спиной чувствуя мягкие покалывания меха, а бедрами — небрежно наброшенный кусок полотна. Доспех и одежда сэра Бьорна куда-то исчезли, а то, что его окружало, больше всего напоминало чей-то походный шатер. Капитан не помнил, как он здесь оказался. Он вообще ничего не помнил с того мига, когда, растолкав мешавшихся на пороге рыцарей, выскочил в коридор. Но это не беспокоило сейчас храмовника, а нечто, уже давнее, и забытое, точно сон.

Боли не было. Впервые за долгое время его жизни — никакой. Он уже успел отвыкнуть от такого, и это было так непривычно, что почти доставляло неясное неудобство.

Хосек повел головой вокруг и невольно вздрогнул. Перед его ложем стояла очень высокая статная эльфийка и смотрела на него в упор. В руке ее подрагивал черный, точно горелый, тонкий магический жезл.

— Вечер добрый, — быстро оправившись от неожиданности храмовник приподнялся на локтях. Против ожиданий, молодая женщина ответила сразу и без стеснения, точно разговаривать с храмовниками его чина было для нее, вне всяких сомнений, отступницы, привычным делом.

— Уже утро, — эльфийка мотнула головой в сторону полога, что занавешивал вход. — Пришлось возиться с тобой всю ночь. Тебе и твоим солдатам повезло наткнуться на наш шатер. Ваши целители, из Круга, частью ушли в Редклифф еще утром прошлого дня для помощи тамошним больным. А частью заняты в лагере гномов — подземники по сию пору страдают от стертых ног и простуды.

— Мне об этом известно, — сэр Бьорн окинул взглядом свое большое тело с никуда не девшимися из-под кожи уродливыми выпуклостями разраставшегося изнутри большого мяса, что давно уже мучили его, и прищипнул от огорчения. — Но вчера, отдавая приказ найти целителя, я ни о чем не помнил.

— Твои храмовники вынуждены были принести тебя сюда, потому что ты был в беспамятстве, но не без сознания, и все порывался куда-то бежать, — эльфийская магиня вздохнула и потерла плечо. — Слабые заклятия успокоения на тебя не действовали из-за лириума, а сильными было нельзя... Я видела, как ты горел живьем. Признаться... было страшно. Это проклятие энтропии, если тебе о чем-то говорит это слово. Кто-то очень захотел, чтобы ты убедил себя сам, что умираешь, и убил себя своей же рукой.

Храмовник опустил глаза и тронул ладонью участок пораженного болезнью мяса на груди. Тот ответил едва приметной знакомой тянущей болью.

— Этого, к сожалению, я не смогла исцелить, — девушка извиняюще пожалала плечами, проследив за его ладонью. — Вся моя магия ушла в проклятья. На тебе их висело целых три. Кому ты так больно прищемил хвост, солдат?

Хосек усмехнулся. Эльфийка, к его удивлению, усмехнулась тоже, складывая руки, в одной из которых держала жезл, на животе.

— Понимаю, что магам. Но проклятия были необычные. Я таких не видела ни разу. Одно давнее, застарелое, что пустило корни в твое тело и намертво связало с ним душу, поразив самые... чувственные места. Второе по силе — то, которое убивало тебя огнем. А третье... я не уверена, что вполне поняла его природу. Я не занимаюсь магией крови. Оно тоже было наложено давно. Кто-то хотел вызвать твое расположение к себе и, тем самым,

подавить твою волю, заставляя делать что-то, нужное ему, — она дернула плечами.

Рыцарь нащупал под собой мех и сел, прислонившись спиной к одному из стропил шалаша. Эльфийка отбросила жезл и, приблизившись к храмовнику, опустилась перед ним на колени. Ее тонкие пальцы целительницы невесомо пробежались по безобразным выпукостям больного мяса на его груди и животе.

— У меня еще есть время, — бросил храмовник, накрывая ладонью девичью руку и мягко ее убирая. — Но как смогла ты снять проклятие болотной ведьмы? Я... я чувствую — его больше нет. Это поразительно! Словно пелена упала с моих глаз, что мешала чувствовать и мыслить! Я не мог в полной мере насладиться чувствами из-за их многократно усиленной остроты, и едва мог думать из-за моих чувств и побуждений. Долгое время искал мага, которым мог бы помочь. Создатель, я побывал в нескольких Кругах Марки и Орлея, и большую часть жизни прожил среди магов Ферелдена. Но ни одному из них не удавалось сделать то, что совершила ты! Твоя сила настолько велика?

Молодая эльфийка хмыкнула. Храмовник понял ее по-своему.

— Тебе нечего бояться. Даже если бы мне не была свойственна благодарность, для того, чтобы принять решение бросить моих людей на магиню, подобную тебе, мне потребовалось бы куда больше времени.

— Не зазнавайся, солдат, — девушка насмешливо прищурила глаза. — Я никогда не боялась храмовников. Но ты заблуждаешься о моей силе. Ты до сих пор жив благодаря не ей, а вот этому.

Магиня потянулась, поднимая с брошенной на снег шкуры черный жезл.

— Страж Алистер добыл его у Хранителя долийцев ценой большой жертвы. Это древний артефакт... Был, — передав жезл в руки явно заинтересовавшегося храмовника, уточнила она. — Этот сосуд вмещал в себя мощь эльфийских королей — тех, что были магами. Вещи, подобные ему, безвозвратно утеряны множество веков назад. Великая удача была найти его у древнего Хранителя, — остроухая девушка коротко вздохнула. — Этот жезл был отложен для битвы с архидемоном. Вспоминай об этом всякий раз, когда будешь поднимать меч на эльфа.

Она поднялась на ноги, отходя к походному столику, на котором были расставлены какие-то снадобья. Сэр Бьорн оглянулся было в поисках своей одежды, но внезапный приступ дурноты заставил его вспомнить, что, хотя проклятие ушло, болезнь его никуда не делась. Приступ был таким острым, что храмовник счел за лучшее быстро прилечь снова, откидываясь на лежавший в головах травяной мешок. С тревогой оглянувшись через плечо эльфийка мгновенно оказалась рядом, трогая его лоб. От прикосновения теплых пальцев целительницы дурнота постепенно отступала, оставляя по себе только слабость.

— Подожди встать, солдат. Иначе все мои усилия будут напрасны.

Храмовник тяжело усмехнулся, вновь накрывая ее ладонь своей.

— Может быть, они и так напрасны, — он мотнул подбородком на участки пораженного болезнью мяса. — Этого не вылечить ни одному магу. Даже тебе. Ты истратила магию сильного артефакта на старого проходимца, который все равно скоро умрет.

К удивлению сэра Бьорна, который ожидал увидеть огорчение или протест на лице эльфийки, та искривила губы в недевической усмешке.

— Архидемона этой палкой все равно не сбить. А ты, — она стряхнула ладонь храмовника, убирая волосы с его лба. — Ты нужен армии. И отмеренного времени

достаточно, чтобы ты с твоими храмовниками помог Стражам остановить морных тварей. Моими руками Создатель не просто так продлил твою жизнь. Подумай, ведь из отодвинутого срока нужно выжать как можно больше пользы. Так что ты уж постарайся.

Слетавшие с губ целительницы слова были жестоки, но ее пальцы как бы незвучай вдруг тыльной стороной погладили щеку храмовника — ласково и успокаивающе. Сэр Бьорн внимательно взгляделся в подрагивавшие отблесками пламени прозрачные глаза эльфийки — и внезапно ощутил всем своим очистившимся от древнего проклятия разумом что-то новое и доселе никогда ему не ведомое. Теплое и всеобъемлющее, оно опустилось, словно мягкое облако, мгновенно и невесомо проникая в истерзанное естество, даря чувство странного и — будто бы тревожного покоя.

Для отступницы не осталось незамеченным выражение изменившегося лица капитана. Долгую минуту она выдерживала взгляд главного над теми, кто многие столетия безжалостно преследовал таких, как она. Потом склонилась, обвивая крепкими руками шею подавшегося к ней рыцаря.

— Сначала мне просто было любопытно... видеть вас, таких грозных, вблизи, — спустя долгое время разорвав поцелуй, эльфийка вытащила костяной гребень, и тяжелые пряди ее длинных волос упали на грудь капитана. — На храмовников приятно смотреть, когда вы не нападаете. Доспех всегда в большем порядке, чем у обычных стражников, алые мантии, белые плащи... оружие от лучших кузнецов. Отличная выучка — я понимаю в этом толк, — она провела пальцем по губам сэра Бьорна, разглаживая его светлые усы. — Но ты, солдат... Тебя трудно не заметить даже среди твоих бесстрашных воинов. Тот последний раз, когда ты одним ударом сбил в снег огромного оборотня... а потом туда же отправил храмовника, который был виновен в драке между ними... Я — дочь старосты деревни, в которой уже долгое время мирно сосуществуют люди и эльфы. Так было не всегда, и я знаю цену этого мира, и усилия, что требуются для его поддержания. И потому не могу не восхищаться тобой и тем, что и как ты делаешь, солдат.

Последнее рослая эльфийка проговорила уже шепотом, прикрыв глаза, и собираясь вновь приникнуть к губам храмовника. Но тот, повинувшись какому-то неведомому ранее порыву удержал ее.

— Не знаю, что ты навоображала себе, лесная женщина, но ты ошибаешься, — он вновь приподнялся на локте, выдерживая ее вопрошающий взгляд. — Командовать этими людьми — моя работа, которую приходится делать, как привык. Но я не рыцарь без страха и упрека. Я убивал и пытал магов — иногда совсем юных. Только за то, что они родились магами, — он запнулся, не понимая выражения глаз целительницы, которая, как уже делалось понятным, в отличие от большинства женщин, умела открывать свои чувства только когда это было нужно ей. — Я нарушал заветы Церкви, использовал свое положение в особых целях... Иногда даже для того, чтобы против воли принуждать подчиненных мне молодых магинь к противной Создателю связи. И... проклятье! Ты поторопилась составить суждение обо мне, не зная, с кем имеешь дело.

Он умолк, ожидая завершения вот-вот грозившего сделаться невыносимым разговора. Однако, молодая эльфийка вновь удивила его. Вместо гадливости и гнева на ее лице вновь появилась усмешка.

— Нет, солдат. Похоже, это ты так и не понял, с кем ты имеешь дело. Кому, как по-твоему ты только что сделался обязанным жизнью? — она толкнула рыцаря обратно на постель из шкур. — Я — дочь одного из самых сильных магов Тедаса. Мой отец — эльф, —

смог подчинить себе людей, и, к тому же, не самых слабых магов. А во мне течет его кровь, — не стирая с лица усмешки, она тряхнула головой, и длинные темные волосы рассыпались по ее плечам. — Неужели ты думаешь, что я не знаю, кто такие рыцари Церкви? Еще сопливой девчонкой я держала на цепи и убивала храмовников, которые приходили, чтобы убивать меня. Последнему перерезала горло при попытке побега. Ну, как? Ты хочешь говорить еще?

В очередной раз подавив удивление, сэра Бьорн ответил на ее улыбку и отрицательно качнул головой. Эльфийская целительница понимающе кивнула, выпрямляясь и распуская завязки одеяния на груди. И действительно — больше не говорила уже ничего.

Глава 67

Глава 67

Бесснежный, уже по-весеннему теплый день медленно полз к своей середине. Охрана Денерима, та, что была на стенах, и та, что несла караул у поднятых сейчас городских ворот, маялась от вынужденного безделья. Последняя седмица зимы обернулась для обитателей холодного Ферелдена внезапным теплом. Леса и поля еще держались, укрытые подмокшим снежным покровом, но дороги уже раскисли, препятствуя не только повозкам, а и конникам без сложностей и надломов передвигаться между поселениями. Вот почему за день через ворота самого большого города и порта страны прошло едва ли с полсотни человек и эльфов, большинство из которых были работниками окрестных ферм, бредущих из дому, либо возвращавшихся в дома по своим мелким делам. Работы для стражей ворот не было, и те терпеливо дожидались полудня, чтобы уйти, наконец, в тепло казармы и сменить кисшие в холодной снежной каше сапоги.

Однако, скучавшим и подмерзавшим на еще не теплом морском ветру стражам не суждено было окончить непривычно спокойное дежурство в скуке. Солнце уже входило в зенит, мешая дальнему обзору, и поэтому нижним стражам не сразу довелось разглядеть показавшийся на дороге у темневшей далекой кромки леса малый отряд всадников.

Впрочем, особого повода для беспокойства не было — несмотря на убранство и доспех конников, со стен даже издали можно было разглядеть на их щитах высокую башню на красном холме — герб Редклиффа. Во главе отряда крупной рысью скакал уже переваливший за середину жизни седобородый человек с очень усталым лицом — эрл Эамон Геррин, родной дядя погибшего под Остагаром короля, был хорошо известен в столице. Рядом с эрлом ехал высокий статный рыцарь. Доспех Тейринов, бывший, по-видимому, совсем недавно начищенным до блеска, потускнел в походе, но смотрелся сделанным точно по мерке. Каждый, кто вольно или невольно задерживал взгляд на не скрытом забралом лице, на миг-другой замирал, а затем порывался взглянуть еще. Несмотря на безродность, сходство бастарда Алистера с его убитым братом-королем было несомненным.

По знаку охраны ворот всадники придержали лошадей. Уже предупрежденный капитан стражи успел вовремя, чтобы обменяться приветствиями с эрлом Эамоном.

По-видимому, ближайший родственник усопшего короля чрезвычайно торопился в столицу, потому что почти не взял с собой охраны. Эамона и его молодого спутника в королевском доспехе сопровождали только шестеро воинов — по трое с каждой стороны. Еще двое рослых всадников в закрытых шлемах, что ростом и статью не могли быть никем

иным, кроме как наемниками-кунари, и слуга-эльф, лошадь которого была нагружена двумя тюками — больше сопровождающих у эрла не было.

— Мне жаль омрачать твой приезд, благородный Геррин, но у меня приказ, — капитан явно не желал говорить того, что говорил. — По указанию регента все Серые Стражи, которые есть в стране, должны быть арестованы, — он скользнул взглядом по сопровождающим высокого гостя воинам. — Ты, не в обиду будет сказано, известен как давний друг Стражей. Но благородство твое не может быть подвержено сомнению. Мне будет достаточно твоего слова, что среди твоих спутников нет Серых Стражей. В противном случае... прости меня, благородный Эамон, я вынужден буду арестовать всю твою охрану.

Наемники-кунари медленно посмотрели друг на друга и почти одновременно положили руки на рукояти мечей. Эамон предупреждающе поднял руку.

— погоди, добрый капитан. Даю тебе мое слово — среди моей охраны Серых Стражей нет. Теперь освободи путь. Я тороплюсь.

Некоторое время главный стражник, по-видимому, обдумывал уклончивую клятву эрла Геррина. Потом, так ни в чем и не уверившись, все же убрался в сторону, давая дорогу отряду.

— Вы можете проехать. Я сошлюсь на твои слова перед эрлом Денерима.

Эамон прикрыл глаза в знак согласия и тронул поводья. Отряд, уже не спеша, въехал в ворота и застучал копытами по выложенной камнем мостовой, разбрызгивая коричневое крошево мокрого снега.

— Не нравится это мне, — вполголоса проговорил эрл Геррин, обращаясь к своему молодому спутнику. Тот, несмотря на долгий путь и видимую усталость, сидел в седле уверенно и прямо, спокойно выдерживая взгляды горожан и давая им вдоволь насмотреться на свое лицо. — Слишком легко они нас впустили.

— Тейрн Логейн был готов к тому, что мы объявимся в городе, — прогудело из-под наличника державшегося по правую руку наемника-кунари. — Мы постарались проехать по пригородам Денерима как можно шумнее. Слишком многие видели твое появление, благородный Геррин. Поэтому он не мог отдать приказ о том, чтобы убить нас скрытно. А значит, попытается иначе.

— Я тоже думаю, что у охраны был приказ нас впустить, — сглотнув, будто проталкивал в глотку нежеванное яблоко средних размеров, пробормотал главный участник действия. На наконец-то объявившегося достославного бастарда самого Мэрика, о котором всю зиму в столице ходили самые разнообразные слухи, горожане всех мастей уже открыто пялились с разных сторон, пока еще негромко переговариваясь. Некоторые, из тех, кто не был занят, шли за ехавшим шагом отрядом, не спуская глаз с фигуры последнего из Тейринов и пытаясь подслушать обрывки разговора. — И что Логейн еще проявит себя.

— У него не осталось времени, — эрл Эамон кивнул в сторону угадывавшегося за стенами и крышами домов замка, давнего места сборов ферелденской знати. — Собрание Земель назначено на завтра на утро. А это значит, что за неимением лучшего, наибольшие усилия он приложит именно там. Я больше, чем уверен, что Логейн намерен убедить лордов принять его сторону и добиться нашей казни. И наверняка у него для этого в кармане немало козырей. Помоги нам Создатель!

— Басалит-ан, — неожиданно раздалось с другой стороны и из-за их спин. Говоривший с Эамоном кунари оглянулся на соплеменника и, помедлив, приотстал, давая возможность тому приблизиться.

— Тез а? — осторожно переспросил он подъехавшего с другой стороны сородича. — Что-то случилось?

Эрл Эамон и сопровождавший его бок о бок королевский бастард уехали вперед. Кунари заняли свое место позади нанимателей. Некоторое время они ехали молча. Потом заговоривший первым наемник поднял налечник шлема, обращая к своему, по-видимому, более молодому собеседнику точно выгесанное из камня, серое лицо.

— Сопровождал тебя... долго, — подыскивая слова, тяжело заговорил он. — Кусланд — кадан. Кунарон Вхел. Я... мог пройти с тобой до конца. Но бересаад эбасит нехра Кун. Бересаад живет для Кун. Асит тал-эб.

— Погоди, Стен, — с трудом разбирая основательно подученную речь могучих косситов, Кусланд дернулся поднять собственный шлем, но опомнился в последний миг. — Ты хочешь сказать, что... уходишь?

— Да.

Айан догадывался о таком ответе, но все равно он сделался для него неожиданностью.

— Насовсем?

В тяжелом лице коссита ничего не переменялось. Но отчего-то ферелденец был уверен, что ответ на этот вопрос дался ему не так уверенно, как предыдущий.

— Тал. Сай ашкост.

Кусланд пожал плечами. Он не был до конца уверен, стоило ли ему отпускать коссита. На Глубинных Тропах его помощь была существенной, и приступов ярости, послуживших причиной гибели убитых им крестьян не повторялось ни разу. Но все же Айан колебался. Голова его была занята совсем иным. Еще и о Стене теперь думалось с заметным трудом. Должно быть, кунари об этом догадывался, оттого и выбрал для разговора именно это время.

— Меравас, — решил, наконец, Командор, ловя на себе любопытные взгляды горожан Денерима. — Панахадан, кадан. Иди с миром.

Стен медленно кивнул и, больше не говоря ни слова, поворотил коня. Проследив взглядом за тем, как он скрывается в проулке, оставшуюся часть пути Кусланд проехал в молчании. Лишь когда за спинами проехавших под низкой каменной аркой всадников опустились ворота резиденции Эамона в Денериме, он, наконец, отрешился от размышлений о неожиданном поступке коссита.

— Брат! — встретивший их во дворе Теган был одет по-столичному — в шитый золотом камзол, на который сверху был небрежно наброшен отороченный мехом плащ. — Хвала Создателю, вы успели. Я опасался... Впрочем, неважно. Алистер, — он коротко обнял выбравшегося из седла королевского бастарда. Потом оглянулся по сторонам, на спешивавшихся воинов. — А... тейрн Кусланд..?

— Я здесь, банн Теган, — Айан поспешно стащил с головы кунарийский шлем. Брат Эамона понимающе кивнул, не задавая лишних вопросов.

— Я ждал вас еще вчера, — он коротко кивнул в сторону темневших напротив арки дверей. — Прошу, поторопитесь. До Собраниа Земель осталось не так много времени. А нам, помимо насущего, предстоит еще решить, что делать с вот этим.

Отдав поводья подскочившему слуге, Эамон на ходу принял из рук брата узкий и тонкий, сложенный вчетверо лист бумаги. Уже сломанный коричневый сургуч хранил отчетливый оттиск королевского герба Тейринов.

Глава 68

«... смею уверить вас, благородный Эамон, что мой отец, тейрн Логейн Мак-Тир сошел с ума. Гибель моего дорогого супруга развязала ему руки. С поддержкой верных ему дворян и, в особенности, лорда Рендона Хоу, которого он сделал эрлом Денерима, он узурпировал власть в королевстве и... возможно, это только подозрения, но отец творит ужасные вещи. Эрл Хоу — чудовище во плоти. Хоу известно мое шаткое положение как королевы после смерти Кайлана. Его поведение по отношению ко мне ужасно. Вероятно, меня уже сбросили со счетов. Быть может, я ошибаюсь, но вместе они задумали короновать отца на трон Ферелдена. Это приведет к ужасным последствиям, ведь далеко не все поддерживают моего отца. Ходят также слухи о втором сыне короля Мэрика, некоем Алистере Тейрине. О нем говорят разное. Кто-то уверен, что он — последний из выживших Серых Стражей. Другие считают его марионеткой эрла Эамона, который все эти годы по просьбе друга-короля был его опекуном. Но ни у кого нет сомнений в том, что Алистер — хоть и незаконнорожденный, но настоящий сын пропавшего Мэрика. Кто-то очень убедительно постарался распространить и поддерживать этот слух ровно столько, чтобы в него поверили все, от лорда до последнего нищего. Правда это или нет, я не берусь судить, однако, по закону Ферелдена, кровь Тейринов, несмотря на низкое происхождение, дает ему право претендовать на престол. И, коли так, у меня есть, что предложить бастарду Алистеру. Я буду ждать его сегодня в «Покусанном дворянине», в десять вечера, одного. Я также приду одна. Уверена, вдвоем мы сможем справиться с моим отцом и вернем в страну порядок и законную власть».

— Без подписи, — заметил Эамон, следя за пальцами Алистера, которыми тот нервно отстукивал по столешнице. Вокруг стола, заложив руки за спину, вышагивал изрядно истрепавший нервы в походе Айдан Кусланд. Оба брата Геррины казались куда спокойнее своих молодых гостей.

— Это в подписи не нуждается.

— Полагаешь, это ловушка?

— Ну, разумеется, ловушка! — взорвался подскочивший на месте Алистер, выдавая ту же степень тревоги, что и его собрат по ордену Стражей. Несколько листов бумаги слетели на пол. — Неужели вы на самом деле находите, что королева Анора по своей воле пожелает увидеться со мной? Да еще затем, чтобы как-то навредить собственному отцу?

Последнее прозвучало глуше предыдущего. Банн Теган отодвинулся вместе со стулом, давая простор для действий сына Мэрика.

— Может, и пожелает, — философски проговорил Эамон, наблюдая, как Алистер выбирается из-под стола с разбросанными им ранее бумагами в руках. — Если верить Тегану, между королевой Анорой и ее отцом нет согласия.

— Это только слухи, — пожал плечами младший Геррин. — Но из того, что мне довелось узнать, Логейн действительно метит на престол. У Аноры же нет возможности сохранить за собой титул правителя Ферелдена. Люди уважают ее... уважали, как жену Кайлана и дочь героя Дейна. Но теперь Кайлан мертв, а слухи, — он коротко усмехнулся, — все упорнее называют убийцей не Серых Стражей, а ее отца.

Алистер бухнул на стол смявшиеся бумаги и упал в свободное кресло. Эрл Эамон качнул головой.

— Вижу, ты даром тут времени не терял.

— Пришлось потрудиться, — не стал умалять своих свершений Теган. — Выступал на собраниях столичной знати, говорил со многими из тех, кто имеет вес при дворе... И с окрестными баннами тоже, даже с самыми мелкими. Много потратил на распространение слухов среди простолюдинов. Большая часть золота ушла соглядатаям. В каждой таверне, на каждом рынке мои люди. Крикуны, прорицатели, пьяницы, торговцы — все, кто может говорить то, что нужно.

— На болтунов ты, надо полагать, тоже потратил немало?

— На телохранителей — больше, — Теган сгреб брошенные бумаги и вновь уложил их на столе аккуратной стопкой. — Моя деятельность не могла остаться незамеченной для тейрна Логейна, в особенности после того, как на него стал открыто работать эрл Хоу, поднатеревший в подобном лучше меня. Сначала меня предупреждали — четырежды. Я — слишком известен при дворе, к тому же, соблюдал осторожность. Они не смогли найти весомого повода для ареста и потому стали подсылать убийц. К счастью, Антиванские Вороны отчего-то дискредитировали себя в глазах регента, и убийцы были не из их братии. В противном случае я был бы уже мертв. Но, к несчастью, в отличие от меня, далеко не каждый наш союзник мог позволить себе телохранителей.

— Что ты имеешь в виду?

— Некоторые из дворян, что открыто поддерживали нас и выступали с критикой действий Логейна, попросту исчезли, — помрачнел Теган, укладывая руки на стол. — Я не смог найти даже следов ни одного из них. Могу только догадываться, что тут поработали люди эрла Хоу.

Шаги Кусланда оборвались. Поневоле все трое присутствовавших в комнате обернулись в его сторону. Эамон кашлянул.

— А что по этому поводу думает Командор?

Айан опустился в кресло рядом с Алистером. На его смуглом лице застыло злое выражение.

— Думаю, что слишком длинное это письмо, — все же проговорил он угрюмо. — Можно было бы ограничиться чем-то вроде «В десять в «Покусанном дворянине».

— Хорошо, что не в полночь, — со вздохом уточнил Алистер, снова взявшись барабанить. Впрочем, мгновением позже, посмотрев на свои пальцы, он убрал руки со стола. — Не думаю, что встреча будет долгой. Нужно хорошо выспаться перед завтра.

Эамон поднял брови.

— Ты, все же, решил идти?

— Это опасно, — напомнил Кусланд. — Не нужно быть искушенным царедворцем, чтобы уразуметь, что это ловушка.

— Или это настоящий шанс поговорить с королевой с глазу на глаз, — Теган осторожно взглянул поочередно на каждого из собеседников. — Анора, если удастся переманить ее на нашу сторону — очень серьезный союзник. Нужно хотя бы выслушать, что она хочет нам предложить.

Алистер приподнял бровь.

— И заодно выяснить, что в ее понимании законная власть в Ферелдене, а также кто и для кого должен ее возвращать. О, Создатель. Я ведь не могу не пойти. Но... благая Андрасте, помоги мне ошибиться, что ничем хорошим это не кончится.

— Без сомнений, игнорировать ее приглашение мы не будем, — Кусланд в свою очередь

тяжело вздохнул, подаваясь вперед. Скользя глазами мимо лица товарища, он уперся взглядом в собственные сжатые кулаки. — Однако нам не обязательно следовать каждой букве требований этого письма.

Алистер вошел в трактир «Покусанный дворянин», одно из немногих заведений в городе, которое могло считаться благопристойным настолько, что в нем не зазорно было останавливаться приезжим дворянам, поздним вечером. Всю дорогу досюда от резиденции Герринов он и его охранник проделали в молчании. На этом особенно настаивал банн Теган, допуская, что за домом могли следить и любой разговор сделался достоянием эрла Хоу раньше, чем они добрались бы до цели.

После холодной улицы вечерний зал таверны обволакивал душным жаром, вышибая испарину на лбу. Однако, как мог заметить поздний посетитель, несмотря на то, что было сильно натоплено, трещавшие в двух каминах дрова согревали только воздух. За украшенными резьбой столами было пусто — словно каждый вечер кутившие здесь до глубокой ночи постояльцы внезапно приняли общее решение лечь пораньше и выспаться перед тяжелым завтрашним днем, отказавшись даже от ужина.

— Меня ожидают, — чувствуя неловкость и пока еще неясную, но стойкую тревогу, сообщил Тейрин хозяйке трактира — высокой крупной женщине с лисьим лицом. — В десять.

Хозяйка окинула взглядом возвышавшуюся за спиной Алистера могучую фигуру кунари. По тому, как она обошла вниманием собеседника, можно было догадаться, что, несмотря ни на что, сам Алистер не произвел на нее сколько-нибудь весомого впечатления.

Наемник припустил голову. Его лицо скрывал глухой наличник шлема, но сейчас он тоже смотрел на трактирщицу, в чем у последней, отчего-то, не возникло сомнений. Она моргнула, прогоняя откуда-то взявшийся испуг и с усилием заставляя себя вернуться к разговору с ожидавшим гостем.

— Меня предупреждали, что господин будет один.

Бастард допустил на лицо заранее заготовленную усмешку.

— Тебя забыли предупредить об обратном. Можешь пойти и уточнить.

Смерив взглядом на этот раз его, хозяйка ушла. Однако Тейрин успел только переглянуться со своим охранителем, как она вернулась.

— Вас примут, — Алистеру показалось, что голос ее, такой же ровный, тем не менее, теперь звучал по-другому — с толикой тщательно скрываемого волнения. — Следуйте за мной.

Дождавшись, когда она повернется к нему спиной, Алистер украдкой вытер лицо. Вслед за трактирщицей он и его могучий охранник прошли в полутьму коридора, по обеим сторонам от которого находился ряд дверей в комнаты постояльцев. Подобно как и в общем зале, здесь не было ни единого человека, и это уже всерьез встревожило Алистера, на душе которого было и так тревожно. В который раз он мысленно поблагодарил товарища, настоявшего, чтобы на встречу с королевой он пришел не один. Присутствие охранника, пусть даже единственного, придавало уверенности. И, хотя странная сонливость предполагаемых постояльцев таверны не могла его не обеспокоить, кунари все так же невозмутимо двигался следом за нанимателем, ни единым движением не выдавая и тени настороженности. Несмотря на его великий рост, шаги наемника были едва различимы по укрытым дорогами коврами полам таверны.

Остановившись перед последней дверью, трактирщица сделала приглашающий жест,

после чего удалилась без лишних слов. Украдкой снова переглянувшись с охранником и узрев только глухой наличник его шлема, Алистер подавил тяжелый вздох и, придав себе как можно более уверенный вид, шагнул в комнату.

Комната была небольшой, но обставленной так роскошно, как только могла быть обставлена спальная комната лучшего постоянного двора Ферелдена. В стороне один напротив другого на дорогом ривейнском ковре стояли два мягких дивана. Накрытые на изразцовом столике приборы распространяли душистый запах знаменитого тевинтерского напитка, завариваемого из сушеных листьев, и популярного как среди знати, так и простолюдинов Ферелдена. У большого ложа под балдахином лежала шкура сумеречного кота. Ложе занимало четвертую часть комнаты и было покрыто бархатным покрывалом с золотыми кистями. Алистер запнулся взглядом об эти кисти и из-за этого не сразу заметил королеву, что в выжидательной позе стояла, опершись на край кровати, со сложенными на груди руками.

Мигом позже сын Мэрика опомнился и отвесил самый изысканный поклон, на который только был способен.

Королева Ферелдена Анора Мак-Тир, до того полускрытая складками тяжелого балдахина, отошла от кровати, сделав несколько шагов навстречу своим гостям. Вне всяких сомнений, она была одной из самых красивых женщин, которых довелось когда-либо видеть Алистеру. Ее густые собранные волосы отливали золотом, лучистые серо-голубые глаза казались огромными и, на первый взгляд, придавали точенному лицу наивное, почти детское выражение. Тем не менее, каков бы ни был ее действительный возраст, фигура королевы была стройна, а движения сохранили девичью стремительность и гибкость. На первый взгляд, эта женщина являлась самым воплощением грации и изящества, немислимым образом сочетавшей беззащитную непосредственность и внутреннюю силу целеустремленной и властной натуры. Встретившись с ней взглядом, Алистер почувствовал, как шевельнулись волосы на его затылке. Мигом позже пришло осознание подтверждения его опасениям в том, что встреча с королевой Анорой будет не просто беседой, а настоящей схваткой, возможно, самой суровой из всех, в которых приходилось принимать участие до сих пор, и победить в которой будет немисливо сложно.

— Добрый вечер, — королева приветливо кивнула, взглядываясь в лицо Алистера и сцепляя длинные худые пальцы. — Я вижу, ты и есть тот самый бастард самого Мэрика, о котором вот уже который месяц гудит весь Денерим. Что ж, спасибо за то, что пришел. Но ты не внял моей просьбе. Я здесь одна. Ты тоже должен был прийти один.

— Здравствуй, дама Анора, — испытывавший тревогу Алистер без труда подавил вспышку раздражения от нелестного приветствия высокой собеседницы. — Просьба в твоём письме видеть меня одного смотрелась как... пожелание, а не приказ. Я поступил сообразно разумным измышлениям о... собственной безопасности. Путь до назначенного тобой места был неблизким, а ночные улицы Денерима не располагают к одиночным прогулкам.

Анора опустила руки. Ее большие глаза гневно сверкнули.

— Ты, видимо, забываешься, с кем говоришь, бастард, — как и рассчитывал Алистер, она расслышала только сразу возмущившее ее обращение, забыв об остальном. — Я — все еще королева Ферелдена и требую, чтобы ко мне обращались должным образом!

Гость вновь поклонился — ровно настолько, чтобы его жест сочли извинением.

— Прошу простить меня, ваше величество. Однако, смею думать, что... — на миг он запнулся, теряя разбег красноречия, но успел поймать мысль за самый кончик хвоста. —

Смею думать, что вам тоже хорошо известно мое имя. Я бы предпочел отзываться на него.

Некоторое время Анора молчала. По-видимому, ей куда сложнее было справиться с яростью. Но, в конце концов, необходимость говорить с ним помогла превозмочь желание отослать прочь наглеца. Королева выбрала верный способ загасить взаимную натянутость, вынужденно рассмеявшись.

— Верно. Алистер, не так ли? И, все же, я хочу просить тебя выслать твоего... телохранителя хотя бы за дверь. То, о чем я хочу говорить с тобой — не для посторонних ушей. Или разговора не будет. А он... нужен не только мне.

Алистер не стал спорить.

— Как пожелает ваше величество.

Он обернулся к охраннику. Повинуясь его кивку, тот молча покинул комнату, неслышно прикрыв за собой дверь. Анора проводила его взглядом.

— Не пойму, что такого находят в этих кунари, — она улыбнулась гостю, делая указующий жест в сторону дивана. — Присядь, баст... Алистер. В знатных домах Ферелдена в последние несколько лет сделалось принятым пить тевинтерский настой для поддержания приятности беседы. Ты ведь не откажешься от напитка, который разольет сама королева?

Спустя короткое время они сидели друг напротив друга с чашками в руках. Чувствовавший неловкость и волнение Алистер прикладывал огромные усилия для того, чтобы придавать своему облику как можно большую уверенность. Трудно было угадать, что чувствовала его собеседница, но внешне королева Анора казалась приветливой, демонстрируя спокойствие и благожелательность. Взаимное непринятие, возникшее при встрече, по молчаливому согласию было замято.

— Я позвала тебя, потому что меня беспокоит будущее страны, — продолжая вглядываться в его лицо, говорила королева, водя кончиком пальца по кромке чашки. Алистер слушал, боясь пропустить хотя бы слово или неверно истолковать какую-то мысль. — Буду откровенна. Я знаю, что завтра ты будешь говорить на Собрании и твой голос будет иметь немалый вес. Скажи, ты действительно решил... воспользоваться своим якобы правом и претендовать на трон Ферелдена?

Уже поднесший к губам тевинтерский настой Алистер опустил руку.

— Ваше величество, — он выдержал взгляд Аноры, и, боясь запнуться, продолжал. — Мы не на приеме во дворце. Давайте говорить прямо. У меня не якобы, а действительно есть право на престол, как у прямого потомка Мэрика Тейрина. И завтра я заявлю о своем праве на Собрании.

— И у тебя, несомненно, есть доказательства твоей принадлежности к роду Тейринов? Или ты надеешься, что слова Эамона будет достаточно?

Гость поежился. Несмотря на передаваемое из уст в уста достославное самообладание дочери Логейна, сейчас в тоне королевы была откровенная злоба. Впрочем, осознание того, что его — как и многие до того — не до конца принимают всерьез, пробудили ответную злость в душе самого Алистера.

— Как я буду доказывать принадлежность к королевскому роду — это дело мое, — выдержав еще один взгляд королевы, он как можно вольготнее откинулся на спинку дивана, не выпуская чашки из рук. — Но о моих намерениях уже несколько месяцев говорит... весь Денерим. В этом нет секрета. А потому... Я — человек военный, ваше величество. Давайте напрямик — ведь не об этом вы хотели со мной говорить?

Анора аккуратно поставила свою чашку на столик. Так же аккуратно сложила руки на

коленях.

— Хорошо, давай говорить прямо, Алистер. Признаюсь — я знала о тебе задолго до того, как о втором сыне Мэрика заговорили в Денериме. Веришь или нет, но Кайлан очень интересовался твоей судьбой.

Забыв о своей роли, Алистер выпрямился на диване.

— Мой брат... интересовался моей судьбой? — недоверчиво переспросил он, скрывая глубокое изумление. — До Остагара мы виделись с ним только единожды. Эамон пытался познакомить нас, но Кайлан... Коллекция оружия эрла заинтересовала его больше меня.

— Кайлан знал о тебе все до того момента, когда ты покинул обитель Церкви ради ордена Стражей, — Анора улыбнулась — впервые за разговор с толикой превосходства. — А с ним и я. Ты... слишком весомая фигура, чтобы упускать тебя из внимания, Алистер. Я знаю, что тебя намеренно держали как можно дальше от двора, такова была воля Мэрика. И воспитывали в духе смирения — сначала Эамон, потом Церковь. Мне известно, что это... оставило... отпечаток на твоём характере. Скажи, тебе по душе заботы, связанные с управлением государством?

Алистер промолчал. Чтобы его молчание было обосновано, он отпил из чашки. Анора улыбнулась увереннее.

— И, к тому же, ты думал, что случится после того, как ты объявишь себя королем? Пусть даже большинство поддержит тебя на Собрании Земель из уважения к крови Тейринов. Даже если случится чудо и ты сможешь наглядно доказать всем, что ты действительно сын Мэрика. В таком случае, многие действительно отдадут слово за тебя. Многие, но не все. Известно, что ты — воспитанник Эамона. Кто-то из лордов способен истолковать твоё выдвижение, как попытку Эамона узурпировать власть.

Алистер поднял брови, отпивая ещё.

— Что ты будешь делать, когда разговоры будут расти, как грибы после дождя? Когда знать открыто выступит против тебя? Благая Андрасте, мы откатимся к тому ужасному времени, когда каждый воевал с каждым! Ты понимаешь, что это значит для страны? Ферелдену нужен сильный и опытный правитель, который поможет победить Мор и одолеть смуту! Алистер, — Анора поднялась и, обойдя столик, присела рядом с присосавшимся к чашке гостем, кладя ладонь поверх нервно подрагивавшей на колене руки сына Мэрика. — Я знаю, что ты — добрый и порядочный человек. И ещё — что ты податлив для чужого влияния. Ты можешь сказать искренне, что идея занять трон Ферелдена принадлежит тебе, а не эрлу Геррину? Ты желаешь сделаться королем, или этого хочет Эамон?

Алистер отставил опустевшую чашку. Пальцы королевы ласково стиснули его за грубелую, с мозолистыми костяшками, руку.

— Даже не читая ежемесячных отчетов преподобной из твоего монастыря, я сразу поняла, когда увидела тебя, — Тейрин повернул голову к оказавшейся в непосредственной близости от него королеве, чувствуя, как её нежный голос словно обволакивает подернувшееся странным туманом его сознание. — Ты так похож на Кайлана... В первый миг я даже приняла тебя за него. Я... боюсь, что ты будешь править так же, как он. Это будет... незавидной участью для Ферелдена, пойми! Страна... погрузится в хаос. Если только не...

— Если только не что? — с трудом удерживая ясность мысли, переспросил Алистер. Помимо глухого ужаса от того, что сидевшая рядом королева продолжала поглаживать его руку, которую он робел отодвинуть, в голову потомка Тейринов неуверенно вполз новый

страх — что в тевинтерском настое, помимо обычных трав, было что-то еще.

— Если только ты не позволишь мне править вместе с тобой.

Пальцы Аноры с силой сжались вокруг его кулака. Алистер почувствовал, как его снова прошибает пот — теперь уже будто бы от подмешанного в напиток яда, что путал все его мысли.

— Как это? — стараясь четко выговаривать слова, переспросил он. Королева села еще ближе. Потянувшись, она забрала другую его руку в свою.

— Ты ведь на самом деле потомок Тейринов. Для многих лордов, из тех, кто будет завтра на Собрании решать судьбу Ферелдена, это — более важно, чем любые практические соображения. Они выберут тебя. И все же, для предотвращения смуты этого будет недостаточно. Ведь найдутся те, кто будут выступать против. Однако, если королем тебя назову я, против не выскажется никто. Все недовольные промолчат. Вот тебе мое предложение, Алистер. Позволь мне остаться королевой — и я назову тебя своим королем.

Алистер судорожно сглотнул.

— Ты предлагаешь... союз?

— Брачный союз, мой король, — Анора улыбнулась, однако, краем норовившего уплыть сознания опоенный Тейрин успел отметить искусственность этой улыбки. Королева явно заставляла себя говорить то, что говорила, пребывая в восторге от своей идеи не более Алистера. — Я понимаю, о чем ты теперь думаешь. Но разве я тебе противна?

Сын Мэрика несколько раз судорожно мотнул головой. Рука Аноры успокаивающе сжала его ладонь.

— А ты... ты так похож на Кайлана, что... в темноте опочивальни... вас не различить. Мне придется привыкать к тебе совсем чуть-чуть, — она провела тыльной стороной ладони по напряженной щеке одурманенного Алистера. — Пойми, это действительно лучший выход. Ты будешь слабым королем. Но если ты не против отступить в тень и позволить мне и дальше править страной, как это было при Кайлане, — она запнулась. — Я... я помогу тебе с решением всех твоих забот. Мы вернем титулы и земли твоим друзьям Кусландам и вес положения Эамону. Ты сможешь и дальше заниматься делами Серой Стражи — если захочешь.

Алистер с силой протер лицо неудерживаемой рукой. Анора выпрямилась, уже привычным жестом складывая ладони на коленях.

— Это все, что я хотела тебе предложить. Теперь — слово за тобой.

— А... твой отец? — из последних сил удерживая ясность мысли, нашел, как ему показалось, спасительную тему Тейрин. — Ведь это тейрн Логейн убил короля! Я был при Остагаре и видел собственными глазами. Как быть с ним? Ведь он предал Кайлана не для того, чтобы позволить сесть на трон другому королю. Он не будет спокойно смотреть и обязательно захочет помешать этому.

Против ожиданий, королева не выглядела удивленной. На ее лицо набежала тень — но неглубокая. Непохоже было, чтобы сказанное Алистером было ей неизвестно.

— Я знала, — она поджала губы и снова сцепила худые пальцы. — Я... подслушивала разговоры отца и эрла Хоу. Смешно, правда? — однако, королева не улыбалась. — Мне, королеве, пришлось подслушивать в собственном дворце! Отец действительно хочет сделаться королем. Так я поняла. Он уверен, что другие ослеплены и не видят вновь нависшей над нами угрозы со стороны Орлея. И что Мор — это только выдумки Стражей. Эрл Хоу поддакивает ему — но в отличие от отца, который столько воевал с орлесианцами,

что помешался на них, Хоу просто хочет власти. Вдвоем они сеют смуту, — она снова схватила за руки чудом удержавшегося от дрожи гостя. — Помоги мне помешать им, Алистер! Послушай, как будет дело. Отец не захочет твоего выступления. И сделает все, чтобы не дать тебе слова. Насколько я его знаю — он бросит против тебя стражу. Даже если Эамон каким-то чудом сможет протащить своих телохранителей на Собрание — их все равно будет гораздо меньше воинов моего отца. Вас казнят без суда — просто зарежут на глазах у лордов, а отец объявит, что уничтожил изменников, и с точки зрения закона это будет похоже на правду! Вслед за этим отец предложит знати положить конец смуте и выбрать, наконец, короля, который сможет сплотить и защитить королевство.

— Логейна Мак-Тира, — понимающе пробормотал Алистер, на которого свалилось слишком многое, о чем нужно было тщательно и долго думать.

— Да, отец объявит себя королем и многие согласятся, что так будет правильнее всего. Мои возражения будут восприняты, как просто желание, в ущерб стране, удержать власть.

Алистер еще раз протер лицо, на этот раз обеими руками.

— Но ты ведь придумала, как этому помешать, — путающиеся мысли помешали ему соблюсти все правила вежества по отношению к королеве, но, похоже, на этот раз она не придавала этому значения, либо сделала вид, что не расслышала. — Расскажи мне.

— Способ есть, — дочь Логейна переплетала пальцы так, словно желала выкрутить их. Ее немалое волнение делалось все более явственным. — Перед всеми лордами Собрания и Преподобной, что будет присутствовать там, ты должен вызвать моего отца на поединок. Это поединок до победы, суд самого Создателя. Мой отец — хороший воин, но он гораздо старше тебя. Ты — молод и силен. К тому же, Серый Страж. Победа будет за тобой.

Алистер закусил губу.

— А твой отец? Как быть с ним? Его преступления нельзя оставить безнаказанными.

Анора помолчала. Тейрин не торопил ее, борясь с подступающей слабостью и все сиюсь разобраться — была ли она действием яда или просто сильного душевного волнения, что обуревало его всю беседу с королевой.

— Тейрин Логейн — мой отец, и этим все сказано, — проговорила, наконец, Анора, растирая пальцы. — Но даже я понимаю, что он должен заплатить за свои злодеяния. Пусть будет так. Если ты сочтешь его смерть... нужной, ты можешь вершить свою месть. Лучше всего будет, если ты убьешь его в поединке. И, после этого, — она через силу улыбнулась, — я назову тебя моим королем.

— Или убийцей, — собрав волю, Алистер твердо взглянул в ее глаза. — Когда я сделаю всю грязную работу и избавлю тебя от того, кто хочет отнять у тебя твою власть — с чего тебе делиться ею с кем-то еще? Разве не это ты на самом деле задумала, моя королева?

Изменившаяся в лице Анора открыла рот, но сказать ничего не успела. Дверь отворилась и на пороге появилась темноволосая эльфийская служанка.

— Прошу меня простить, ваше величество, — она шагнула в комнату, низко поклонившись. — Уже все готово. Прикажете начинать?

На миг взгляды Алистера и Аноры встретились. В отличие от коварных разговоров, этот взгляд Алистер понял мгновенно и, не думая — бросился к рванувшейся от него королеве. Одновременно он осознал, что не успевает. Яд, который все-таки был в тевинтерском напитке, выпил стремительность из его тела, взамен наливая мышцы слабостью. Пальцы Алистера мазнули по плечу Аноры, а сам он, не удержавшись, свалился на диван, а с него — на пол.

— Помогите! — он крика королевы задрожало тонкое стекло чашек на столике. — На помощь! Сюда!

Отскочившая в комнату служанка не прикрыла дверь. С трудом приподнявшийся, опираясь на диван, Алистер увидел своего могучего телохранителя, который отбивался сразу от множества воинов, что, похоже, заполнили весь коридор. Видимо, они ждали своего часа в комнатах для постояльцев. Именно поэтому в таверне было так пусто в этот вечер. Анора вжималась в угол, заслоняемая телом своей служанки, у которой в руках появился нож. Алистер сделал над собой усилие и выпрямился, в свою очередь вытаскивая висевший у его пояса короткий меч.

— Помогите! — с ужасом глядя на подрагивавшее в руках Тейрина острие, вновь выкрикнула королева, срываясь на визг. — Сюда! Скорее! Сюда!

Алистер сделал еще один мучительный шаг к женщинам и выронил оружие. Он больше не владел собой. Кунари на миг обернулся на грохот упавшего тела и — пропустил удар мечом.

— Да завалите его уже, демоны вас раздери! — перекрывая звон оружия и глухие вскрики явно не желавших шуметь воинов, прокаркал чей-то повелительный голос. — Там королева!

Кунари принял на меч сразу два клинка и отшвырнул нападавших обратно в коридор. Он спиной вперед отступил в комнату, но захлопнуть дверь ему не удалось. Навалившиеся с другой стороны воины продавили себе путь вовнутрь, сорвав дверь с петель. Теперь положение телохранителя значительно ухудшилось — в отличие от тесного пространства коридора здесь он не мог держать оборону, потому что некому было прикрывать ему спину.

Ввалившиеся в комнату воины полукругом двинулись на кунари, который своим телом заступал путь к лежащему навзничь между двух диванов Алистеру. Кунари был сильно ранен — густая темная кровь сочилась из-под пластин доспеха, стекая по металлическому поножу почти до самой щиколотки. Однако, его движения оставались уверенными, словно это не он получил страшное ранение в брюшину, от которой любой человек уже был бы повержен. Воины продолжали входить в комнату. Их число было уже более десятка.

Наконец, вошел последний. Это был высокий и широкоплечий седовласый вельможа, как можно было догадаться по его богатому доспеху. Крючковатый нос был такой длины, что ему мог позавидовать любой гном. Маленькие пронизательные глаза сразу охватили все происходящее — от мелко подрагивавшей невредимой королевы в углу, от которой кунари был отрезан шеренгой воинов, до распростертого на полу, еле шевелящегося бастарда, от которого воины были отрезаны огромной фигурой телохранителя. Сам кунари казался спокойным, несмотря на постепенно расплывшуюся лужу крови у его ноги.

— Эй, серорожий, можешь проваливать, — прокаркал вельможа, нетерпеливо мотнув подбородком. — Нам нужен только ублюдок. Ты — катись на все четыре стороны и живее. Надеяться вам больше не на что. Оба отряда эрла, которые прикрывали ваш приход сюда, уже перебиты. Их тела как раз убирают с улиц.

Кунари ожидаемо не ответил. Он вообще никак не прореагировал на обращенные к нему слова. Вельможа выждал еще с два или три удара сердца и махнул рукой, отдавая команду своим людям.

На телохранителя бросились со всех сторон. В единый миг косит стал напоминать пса-мабари, на котором повисло с десятков волков. Ценой невероятного усилия и лишь благодаря физическому превосходству его расы, ему удалось сразу раскидать большинство наседавших на

него воинов, но нападавших было слишком много и они во что бы то ни стало стремились выполнить приказ. Все это время безуспешно пытавшийся подняться Алистер мог только беспомощно наблюдать с пола, как раз за разом его молчаливый телохранитель разбрасывал воинов вельможи, как они снова кидались на него, толкаясь и мешая друг другу в тесной комнате, но нанося непоколебимому гиганту все больше увечий. Двое или трое валялись под ногами атакующих, и еще один отползал прочь, зажимая рану в боку, похожую на ту, которую нанесли косситу в начале боя, когда закованный в глухую броню серокожий воин, наконец, пошатнулся. Вероятно, во время боя он сильно ослабел от потери крови из первой страшной раны и нескольких иных, что были нанесены ему солдатами вельможи уже теперь. Иначе никак нельзя было объяснить того, что от очередного сильного толчка чьим-то щитом кунари вдруг качнулся назад и упал на подломившееся колено.

Подняться ему не дали. На поверженного коссита бросились с удвоенной силой и спустя несколько мгновений он был обезоружен и лежал рядом с королевским бастардом. К горлу обоих было приставлено с десятков мечей.

— Прикажете убить кунари, эрл Хоу?

— Стой, болван, — седовласый и длинноносый вельможа вышел из-за спин своих воинов, приблизившись к тяжело дышавшему косситу. — Дайте мне сперва взглянуть на его лицо.

Приказ эрла был выполнен тотчас же. С головы кунари сорвали шлем, являя взглядам не серую, по-человечески смуглую кожу и не встречающуюся среди косситов медно-рыжую шевелюру.

— Это не коссит, — королева Анора, покинувшая свое укрытие, с неменьшим любопытством, чем остальные, разглядывала телохранителя ее несостоявшегося супруга. — Это... Благая Андрасте, я же его знаю! Это ведь...

— Младший щенок Кусланда, вот кто это такой! — эрл Хоу торжествующе прицокнул языком. — Я стал подозревать, когда увидел, как ты работаешь правой рукой — это мой прием, я когда-то показал его только Брайсу, а уж он — своим поганым отродьям. Чтоб я был проклят, это действительно ты, Айдан! Во имя всех демонов Тени, я не надеялся на такой подарок судьбы, когда отправлялся на эту охоту!

— Не смей меня перебивать, эрл Хоу, — позабытая королева нахмурилась, поджимая губы. — И вообще, почему ты заставил меня ждать здесь так долго? Еще немного, и я попросту не знала бы, как еще тянуть время!

— Прошу меня простить, ваше величество, — с трудом оторвав взгляд от фигуры тяжело дышащего и сохранявшего молчание врага, эрл Хоу склонил седую голову. — Засады эрла Эамона оказались больше, чем мы изначально предполагали. Особенно пришлось повозиться со второй, которой командовал какой-то эльф. С ним произошла самая большая задержка. В конце концов, нескольким воинам из второй засады во главе с этим же эльфом удалось вырваться из нашего окружения и скрыться в темноте улиц. Но все равно, путь был свободен, и мы смогли поспешить сюда, чтобы арестовать самозванца.

Он умолк и посмотрел на Алистера одновременно с тем, как на него посмотрела королева. Под множественными взглядами бастард стиснул зубы и постарался сохранить на лице отрешенное выражение. Эрл Хоу сделал знак. В несколько минут пленники были вздернуты с пола и надежно связаны. Приблизившаяся Анора уже не с любопытством, а нескрываемым презрением поочередно смотрела то на одного, то на другого.

— Значит, это правда. Кусланды действительно решили идти против законной власти в

Ферелдене и все слухи об их преступлениях — верны, — королева полуобернулась к Эрлу Хоу. — Как по-твоему, стоит предавать дело огласке?

Тот мотнул головой.

— Предоставьте Кусланда мне, ваше величество. Когда-то я выпустил этого щенка из своих рук. Уверяю, больше такого не повторится. Я намерен... наглядно убедить его в том, что остаться тогда в замке с семейством и принять заслуженную кару было для него лучшим решением.

После последних слов врага Айан все-таки поднял голову. Эрл Хоу этого ждал. Весь его облик выдавал плохо скрываемое торжество.

— Тогда забирай и бастарда, — королева напоследок еще раз посмотрела на Алистера, встретившись с ним глазами, и ее собственные глаза вспыхнули злобой и отвращением. — Это мерзавец вообразил, что я могла бы захотеть взять его в мужья! Его! Как будто я не была столько лет замужем за его братцем — таким же ничтожеством, как и он сам! — Анора поморщилась, кривя губы. — Когда-то отец хотел поступить по примеру орлесианцев и оскопить этого выродка, чтобы он не смел претендовать на трон. Жаль, что он отказался от хорошей идеи, — она очаровательно улыбнулась в застывшее лицо сына Мэрика. — Но ведь, время еще не упущено. Почему бы не сделать этого сейчас?

Эрл Хоу приподнял бровь.

— Это пожелание, ваше величество?

Королева медленно кивнула.

— В его пойле было сонное зелье, а не яд, потому что я не хотела для него легкой смерти. Ублюдок, посягнувший на королевскую власть, должен умирать медленно и мучительно, в назидание остальным. Пусть каждый из оставшихся ему дней заставит его пожалеть о том, на что он осмелился. Но... если ты вдруг захочешь оставить его в живых... Позаботься о том, чтобы, если он вдруг все-таки покинет твои подвалы, трон Ферелдена — это последнее, о чем бы он мог помыслить. Все прочее — на твое усмотрение.

Эрл Хоу кивнул.

— Все будет сделано, как нужно. Не извольте ни о чем беспокоиться, ваше величество, — старый вельможа понимающе улыбнулся и эта улыбка — было последнее, что увидел Алистер перед тем, как сознание окончательно покинуло его.

Глава 69

Глава 69

Алистер очнулся оттого, что на голову вылили ведро ледяной воды. Голова была тяжелой, как с похмелья, и такой больной, что открывать глаза не хотелось вовсе. Однако, спустя несколько мгновений сделать это все же пришлось, после того, как на него опрокинули второе ведро. Тейрин протестующе замычал, отфыркиваясь и, все-таки, добился желаемого. Убедившись, что он приходит в себя, на некоторое время его оставили в покое.

Когда вернулось смытое ледяными потоками воды зрение, открывшееся его глазам зрелище не обрадовало. За то время, пока Алистер был без сознания, его одежда исчезла, а сам он оказался накрепко прикручен к решетке с заломленными за спину руками. С трудом повернув голову, он увидел недалеко от себя Айана, который висел на той же решетке. Многочисленные свежие раны, полученные товарищем в драке с наемниками Хоу, были

тщательно промыты, а живот — перебинтован. Несмотря на отчаянное положение, в котором они оба оказались, Алистер нашел в себе силы порадоваться — рана в брюшину оказалась не такой опасной, какой она представилась ему поначалу, в противном случае жизнь Командора оборвалась бы еще в коридоре «Покусанного дворянина», по которому пленников волокли наружу. И их — во всяком случае, прямо сейчас, явно не собирались убивать.

Впрочем, последнее поводом для радости было спорным. Обливший Алистера плотный полуголый муж не мог быть никем иным, кроме палача. На глаза Тейрину попалась дыба, влажная, точно совсем недавно ее тоже обливали водой, несколько деревянных колодок разной высоты и длины, свисавшие с потолка цепи, большая, полная тлевших углей жаровня над широким камином, широкий стол с изготовленными на нем пыточными инструментами — и живот у него подвело от страха. В памяти поднялись последние слова королевы с пожеланием искалечить его перед смертью, и Алистер бессознательно рванулся из пут раньше, чем осознал разумом желание тела оказаться как можно дальше от проклятого места.

Палач, уже собиравшийся разбудить Кусланда тем же способом, что и сына Мэрика, поставил ведро и, вернувшись к Алистеру, молча проверил державшую его веревку. Помимо крепкой пеньки, в три пальца толщиной, оба пленника были притянуты к решетке железной цепью — по-видимому, тот, кто их привязывал, без пренебрежения относился к легендам о нечеловеческой силе и воинском умении Серых Стражей. Постепенно начинавший ощущать свое затекшее тело Алистер чувствовал все усиливающуюся боль в пережатых вывернутых конечностях и мясе живота и груди.

Убедившись, что пленник никуда не денется, палач потерял к нему интерес. Подхватив с пола ведро, он окатил им Кусланда, не заботясь о том, чтобы не намочить перевязку. Айан приходил в себя быстрее. Он дернулся и застонал, глядя перед собой широко распахнутыми и пока еще невидящими глазами. Палач отошел к столу и загремел железьяками, взвешивая некоторые из них в руке и сравнивая между собой. Командор поднял голову со свисавшими с нее мокрыми сосульками волос и, повернув ее, встретился с Алистером взглядами.

— Сколько времени? — едва слышно прохрипел он. Товарищ его не понял.

— Сколько времени мы... были... Собрание Земель — уже началось?

Алистер оторопел. Этот вопрос еще не приходил ему в голову.

— Зря... со мной... пошел ты, — вместо ответа просипел он и закашлялся. — Я мог взять... любого... охранителя эрла Эамона. А теперь Хоу убьет... нас обоих.

Айан дернул плечами, насколько позволили ему оковы и поморщился.

— Зря, — безразлично согласился он, запрокинув для удобства голову и искоса следя за невозмутимо изготавливающимся к работе палачом.

— Ты не понимаешь, — Алистер досадливо мотнул головой и тоже поморщился от боли. — Если к началу новой волны Мора в Ферелдене не останется ни одного Серого Стража...

Где-то в полутьме заскрипела дверь и Тейрин умолк. Один за другим в пыточную вошли несколько охранников с факелами в руках. В доселе освещаемом только от жаровни помещении сразу стало светлее. Пламя выхватило из темноты невидимые прежде каменную площадку и полустертую лестницу, которая вела от двери на самом ее верху к той яме, в которой находились Стражи и готовивший их палач. Потолок в каменном мешке оказался неожиданно высоким.

— Какой-то замок или форт, не иначе, — сквозь зубы бросил так и не выровнявший голос Кусланд. — Не королевский дворец, и даже не тюрьма. Пыточные там другие, я знаю.

— Форт Драккон, если вам будет приятнее находиться в этих стенах, зная их название, — прокаркал знакомый голос. Вслед за своими людьми, двое из которых волокли полуголого, грязного донельзя заключенного с мешком на голове, эрл Хоу спустился с лестницы и, подойдя к пленникам, остановился напротив Кусланда.

— Ну, вот ты и попался, мальчишка, — он ухмыльнулся и, вдруг, без перехода, ударил кулаком в лицо. Голова Айана мотнулась назад. Под сталью боевой перчатки раздался едва слышный хруст.

Алистер злобно дернулся в своих оковах. Новоназначенный эрл Денерима, не глядя, хлестнул его по щеке, но смотрел при этом на Кусланда.

Айан с трудом поднял лицо, выпрямляясь и делаясь выше эрла Хоу почти на голову. Собравшись во рту розовую мокроту он сплюнул несколькими мгновениями позже.

— Я всегда замечал, что тебе нравится иметь дело с беспомощным противником, — превозмогая боль и туман, поднявшийся перед глазами после удара, презрительно бросил он. Несмотря на старания эрла, все его зубы остались при нем. Впрочем, Айан не обманывался в том, что это — очень ненадолго.

— Угадал, щенок, — Хоу ударил еще раз и, пока Кусланд приходил в себя, отошел и сел в низкое деревянное кресло, положив ноги на пыточный стол. — Мне нравится, когда животное уже поймано и можно начинать дрессировку. Так, как было с членами твоего семейства.

Айан не ответил, но его взгляд говорил за себя. Эрл Хоу усмехнулся.

— Чего тарацишься? Не веришь? Ну, твое право, — он сделал знак и заключенного, которого привели стражники, вытолкнули вперед. — А что ты скажешь вот на это?

От сильного тычка заключенный рухнул на колени, едва не ткнувшись в пол головой. Мигом позже его рывком подняли за плечо и сорвали с головы капюшон.

Некогда широкоплечий и крепкий, а теперь — страшно худой, со следами всевозможных пыток, спутанными волосами и клочковатой, грязной бородой, будто бы еще молодой мужчина был незнаком с недоумением вглядывавшемуся в его черты Алистеру. Но на Айана его лицо произвело совсем иное впечатление, которое словно громом пораженный Командор не сумел скрыть.

— Фергюс!

Несчастный пленник вздрогнул, поднимая голову на звук голоса и подслеповато шуря глаза. Потом, разглядев, отшатнулся, наталкиваясь спиной на удерживавших его стражников.

— Ай... дан... — он моргнул, дергая головой, словно пытаясь вернуть себе ясность мысли, сбитую душным мешком и неожиданным появлением брата. — Ты жив! И ты... Я... я до последнего надеялся, что ты... хотя бы ты... проклятие! Что ты отомстишь этому мерзкому ублюдку за... за все. За нас и нашу семью!

Старший сын Брайса Кусланда не был удивлен встрече с братом. Похоже, он пребывал в том состоянии, когда чувства отходят на задний план, вытесняемые усталостью от долгой телесной муки. В голосе его звучала равнодушная досада, как от приключившейся беды, в которую он до последнего не желал верить, и которая все-таки с ним произошла.

— Как видишь, часть твоего семейства здесь, — эрл Хоу пошевелился в кресле, которое скрипнуло под его задом. — Нужно признаться, я приложил немалые усилия к тому, чтобы собрать у себя в гостях как можно больше Кусландов живьем. Но всех, увы, не удалось.

Впрочем, теперь, когда оба щенка старого Брайса у меня в руках, хватит и этого.

Фергюс уронил голову на грудь. По-видимому, когда бы он ни попал в руки Хоу, все это время мысль о том, что брат — жив и на свободе, придавала сил сносить все назначенные ему мучения. Вид связанного Айана подорвал силы узника куда больше, чем все предшествующие пытки.

Айан смотрел на него со смесью жалости и гнева. Хоу не торопился. Он искренне упивался устроенной им встречей.

— Зачем? — наконец, выдавил Командор, обращаясь к нему. — Зачем ты это сделал? Ты был другом семьи. Отец считал тебя своим лучшим другом! Вы даже объявили о моей помолвке с твоей дочерью!

Фергюс хмыкнул, не поднимая головы. Вероятно, он уже знал ответ. Впрочем, эрл Хоу, по-видимому, был в самом благодушном настроении и был не прочь объяснить причину еще раз — для второго Кусланда. Забрав со стола один из разложенных на нем странно изогнутых ножей, он принялся вертеть его между пальцев.

— Говоришь, я был вашим другом? Так это по-дружески твое семейство на протяжении долгих лет отжимало у моего землю за землей, деревню за деревней, присоединяя к своим ненасытным владениям? — он неприятно усмехнулся, дергая уголок рта. — Это по-дружески Кусланды повесили моего отца, эрла Тарлетона, заставив меня предать Империю и перейти на сторону ничтожества-короля? И, наверняка, по-дружески, чтобы еще раз подчеркнуть мое униженное положение и невозможность отказаться, старый Брайс настоял на помолвке моей Делайлы с тобой, тупым, как подземный бронторог, неспособным даже запомнить главные события орлесианской войны, и таким же вонючим?

— Подземные бронтороги не воняют, — зачем-то уточнил Айан, и добавил, не давая себе труда удерживать лицо от гадливой гримасы. — Отец предложил тебе мой союз с твоей дочерью для укрепления дружбы и сближения наших семей. Даже я понял это тогда и не стал перечить! Ты предал отца, твоего единственного друга, потому что других у тебя нет, за ни за что.

— За золото, земли, титул и расположение нового короля, — эрл Хоу бросил нож на стол и выпрямился в кресле. — И не тебе, мальчишка, поучать меня! Кажется, ты думаешь, что я пришел к тебе для пустословия, — он дал знак, и Фергюса ухватили покрепче. Хоу взял со стола другой нож, острее и тоньше и, поднявшись, подошел к старшему Кусланду, остановившись рядом с ним. Но смотрел он по-прежнему при этом на Айана.

— Только потому, что ты — мой гость и доставил мне большую радость своим посещением, я сделаю тебе подарок. Можешь выбрать сам, с кого первого мы начнем работу, — он кивнул на Фергюса. — Я долго ждал, чтобы дать твоему брату посмотреть на то, как я тебя поймаю. Теперь глаза ему ни к чему. Или, — Хоу сделал полупоклон в сторону напрягшегося Алистера. — Ты слышал волю ее величества.

Палач, о котором все успели забыть, взял со стола и бросил на решетку над жаровней странной формы клещи. Фергюс коротко выдохнул. Алистер спал с лица.

— А что ты намерен делать со мной?

Хоу расслабил ремни и стащил боевую перчатку, примеривая нож по руке.

— Пока — ничего, — он поудобнее перехватил рукоять, с миг подумал, и перевернул ее в ладони. — Твои раны должны затянуться. Как прикажешь работать, если любая пытка может отправить тебя к праотцам? Сейчас просто смотри. Увидишь, в ближайшие несколько временных мер скучать тебе не придется. Ну, а потом... потом настанет и твоя очередь. Я

очень зол на тебя, мальчишка. Из-за твоего побега чуть не сорвалось все — абсолютно все! Если бы король Кайлан остался жив... — Хоу злобно дернул ртом. — Тот сброд, который вы согнали под Редклифф, еще доставит множество бед, покарай вас Создатель! И как, прах вас побери, вы смогли привлечь на свою сторону Церковь и ее храмовников?

Айан промолчал. Его терзала жалость к покрытому шрамами и гнойными ранами Фергюсу. Хоу, помимо злобы, каждым новым словом внушал омерзение. Скрипучий голос эрла душил Командора, поднимая из нутра волну мутной, тяжелой ненависти. Чем дальше, тем сильнее казалось, что стоит не сдержаться, дать выплеснуться заполонившему сознание чувству — и эта волна накроет с головой, снесет Хоу и всех его прихлебателей. Чувство это было настолько убедительным и ярким, что мешало слушать эрла и понимать значения его слов.

Похоже, Хоу почувствовал или заметил что-то в облике своего главного пленника, потому что прервал разглагольствования. На глаза ему попался Алистер, который пытался и не мог справиться со своим страхом. Эрл двинул бровью, меняя тему.

— Впрочем, наша беседа — не сегодняшняя. Обо всем этом мы будем говорить с тобой позже. Сегодня ночью у меня мало времени. Через несколько часов я должен быть на Собрании Земель и уверить королеву, что, в случае необходимости, смогу представить главный аргумент Эамона неспособным претендовать на трон Ферелдена в соответствии с законом.

Поймав взгляд Алистера, он сухо усмехнулся. Тейрин моргнул и уставился в сторону, напрягая нижнюю часть лица, точно пытаюсь разжевать щеку изнутри. Несмотря на то, что в подвале не было жарко, по его виску скатилась капля пота.

— Как по мне, то проще было бы просто прирезать этого ублюдка, — продолжая наблюдать за Алистером, прокаркал новоназначенный эрл. — Но, зная Мэрика, вполне возможно, что бастард у него был не один. Если не пресечь такое в зародыше, следующий бастард может появиться когда угодно с невесть какими новыми союзниками, которые захотят помочь ему отвоевать трон и получить свой жирный кусок. Думаю, даже королева, с ее бабьей недалёковидностью, понимает это. Поэтому, после Собрания, я уверен, что она настоит на публичной казни этого вашего... Алистера, — Хоу с усмешкой качнул головой. — Как государственный преступник, посягнувший на власть королевы и ее жизнь, он будет четвертован и поджарен на медленном огне. Мешок с прахом, кажется, положено топить в городской сточной канаве, в которую идут сливы из нужников.

Стражи переглянулись.

— Старого пса Эамона и эту змею, Тегана, ждет та же участь, — Хоу тронул лезвие ножа пальцем. — Как и других мерзавцев, которые решили их поддержать. Что до Кусландов — вы... мои личные... враги. Я казню вас сам, позже... если хорошо попросите меня об этом.

— То есть, ты хочешь пытать нас не для того, чтобы вызнать нужное тебе, а просто ради пытки? — сцепив зубы, угрюмо переспросил Айан. Эрл хмыкнул в ответ.

— Спроси у своего брата, щенок.

— Ты — мерзавец, Хоу, — процедил Фергюс Кусланд, снизу вверх глядя на нависшего над ним эрла. — Ты — мерзость, грязь на теле Ферелдена. Видал я подлецов, но таких... Будь ты проклят. Будь ты...

Он умолк, когда кулак эрла впечатался в его скулу. Хоу запустил пальцы в грязные волосы старшего Кусланда, заставляя того запрокинуть голову.

— Время разговоров вышло. Последний шанс, мальчишка, — эрл больше не улыбался. Получив желаемое удовлетворение встречей двух братьев, Хоу явно устал от разговоров. — Твой выбор. Кого первого? Этого, — он тряхнул головой Фергюса, — или того?

— Все готово, господин, — впервые за все время подал хриплый голос палач, натягивая грубую, кожаную, прожженную во множестве мест, перчатку. — Только это... белобрысого бы лучше на стол. Дергаться будет меньше. Кровь, опять же, удобнее останавливать. Он же живым нужен после всего, или как?

Получив разрешительный кивок эрла, палач в свою очередь сделал знак двинувшимся в сторону Алистера охранникам.

— Нет! — наконец, обрел голос Тейрин, пытаясь вырваться из взявшихся его отвязывать рук. — Создатель! Проклятье! Не смейте! Слышите? Оставьте меня, кабаньи дети! Бычьег навоза вам в постель! Чтоб вы сдохли! Гномьи отрыжки, вашу мать! Пустите меня!

Несмотря на крики и сопротивление, неистово дергавшегося незаконнорожденного сына короля спустя некоторое время все же шлепнули на стол. Убедившись, что троих вполне хватает для того, чтобы сделать дело, эрл Хоу еще раз посмотрел на тяжело дышавшего и глядевшего исподлобья Айана, потом прижал к себе голову Фергюса, которого по-прежнему удерживали двое.

— Ну, щенок, раз ты сам не способен решить, я решу за тебя. Для начала... — он помедлил. — Твоему брату достаточно будет и одного глаза, чтобы досмотреть это представление до конца.

Хоу занес нож. Потерявший всякий контроль над собой Айан выгнулся в железных путах и издал дикий, звериный рык, разом перекрыв им вопли Алистера и возгласы пытавшихся сладить с ним стражников. Кровь прилила к его лицу, перевязка на животе стремительно набухла красным. Почти воткнувшийся нож в глаз старшему Кусланду эрл Хоу замер. Его лицо исказила гримаса боли. Он выронил нож, хватаясь за локоть и с изумлением глядя на свою лишенную перчатки руку, которая покрылась сеткой невероятно раздутых кровяных жил.

— Что это? — морщась, прошипел он, не в силах двинуть рукой. По-видимому, вздувшиеся жилы причиняли ему сильную боль. — Что за..?

Руку эрла словно разорвало изнутри. Кровь забрызгала Фергюса и державших его помощников Хоу, заставив их отпрянуть. Пользуясь тем, что стражники на несколько мгновений ослабили хватку, старший Кусланд вырвался из их рук, подхватил с пола нож и единым скупым движением всадил его в горло ближайшего к нему пленителя.

Удерживавшие Айана путы лопнули. Он упал на пол, сильно приложившись головой и плечом, не сумев сразу справиться с затекшим телом. К нему метнулись палач и один из оставивших Алистера стражников, но рядом уже был Фергюс, завладевший мечом убитого им воина. Несмотря на то, что его руки спереди были скованы короткой цепью, почувствовав в руках оружие, старший Кусланд словно заново родился. Исчезнувшее вмиг равнодушное отупение сменилось сдержанным возбуждением опытного воина. Несколько мгновений, которые потребовались Айану, чтобы подняться на ноги, он сумел удержать атаковавших стражников, до того мига, когда на помощь пришел его брат. Однако, выпрямившийся Командор не успел сделать шага к врагу, как был остановлен окриком.

— Эй, ты! Бросай оружие! Или я перережу ему глотку!

Один из помощников Хоу, пытавшихся совладать с уже разложенным на пыточном столе Алистером, держал меч у его горла. Фергюс скрипнул зубами, следя одновременно за

всеми, кто остался в живых. Весь его вид говорил о том, что вновь сдаться в плен — последнее, на что он мог согласиться.

Впрочем, этого и не потребовалось. Внезапно вжимавший острие в Алистера стражник с воем выронил меч на грудь бастарда. Шатающимися шагами нетвердо отступая от стола, он в ужасе поднял свои руки на уровень глаз. Жилы на них и лице вздувались, как до этого у Хоу.

— Это магия крови! Спаси нас, Создатель!

Тейрин связанными ногами пнул в живот последнего из своих охранников. По мгновенному молчаливому согласию приняв это за сигнал, старший и младший братья Кусланды бросились вперед.

Бой был недолгим. Охранники Хоу были опытными воинами, но ужас перед магией демонов Тени сковывал их движения, заставляя шарахаться от подступавшего к ним Командора. Фергюс, напротив, бросался в битву, как потерявший разум берсерк, стремясь высвободить давно накопленную ярость. Карающий чужой меч в его руке казался ее продолжением. Несколько минут спустя все было кончено.

Старший сын Брайса с силой всадил клинок между пластинами кожного доспеха последнего из выживших людей Хоу и, упершись в него ногой, вытащил меч. Айан, как и его брат, забрызганный красным с головы до ног, вытер кровь со лба, размазав ее по лицу и, не выпуская оружия, шагнул к слабо шевелившемуся Хоу.

Несмотря на страшную рану, лишившую его мяса на правой руке, из разорванных жил которой продолжала толчками вытекать кровь, и, по-видимому, разорванное нутро, эрл Хоу оставался в сознании. Не в силах подняться он тяжело и рвано дышал. Айан склонился над ним, вглядываясь в лицо.

— Маг, — каркающий голос эрла звучал еле слышно. На его губах пузырилась кровавая пена. — Кто бы мог подумать... такой здоровый болван... оказался магом, — он закашлялся, хватаясь за грудь уцелевшей рукой. — Жаль... мы не успели поговорить... подольше. Я бы с удовольствием рассказал тебе... историю пленения твоих родителей, когда... твою мамашу Элеонору...

Айан прозевал появление в руке эрла ножа, но успел перехватить его запястье в момент, когда вложивший всю силу в этот рывок Хоу попытался ударить его в грудь. Вырвав оружие, Командор с маху всадил его в ладонь врага, пригвоздив ее к полу.

— У меня есть идея получше, — дождавшись, когда не удержавшийся от крика Хоу умолкнет, Кусланд склонился ниже, чтобы эрл, чье зрение уже могло подернуться предсмертным туманом, смог в последний раз взглянуть в его глаза, и убедиться, что все сказанное будет исполнено достоверно. — Я сам расскажу тебе историю. Другой семьи. Твоей семьи, Хоу. Сейчас мы пойдем и посадим на трон законного короля из рода Тейринов. Пользуясь его расположением, я наберу в отряд лучших воинов армии Ферелдена и отправлюсь в Хайевер. Я возьму его приступом. Быстро, ведь я знаю свой дом. Возьму в плен твою семью. А потом обещаю твою дочь на глазах у твоих сыновей, связанных их же вонючими кишками.

Молодой Кусланд говорил спокойно и был убедителен. В глазах Хоу — впервые за все время, что его знал Айан, мелькнул страх. Он открыл рот, по-видимому, напрягая последние силы.

— Я не заслужил... Прокляни тебя Создатель, песий выродок! Ты не посмеешь...

Договорить эрл не сумел. Закатив глаза, он уронил голову в лужу успевшей натечь из-

под него крови. Миг-другой Айан бездумно смотрел, как мокнут в красном седые волосы эрла, потом поднялся, опершись ладонями в колени.

— Что? — резко переспросил он у застывшего рядом с ним Фергюса. Тот помедлил, и мотнул головой.

— Ничего, брат. Если то, что ты ему пообещал — клятва, я помогу тебе ее осуществить.

Командор кивнул неизвестно чему и схватился за живот. Под ладонью было липко и мокро. Отодвинувшаяся на время боль разрезанного нутра вернулась с утроенной силой. От Фергюса не укрылось его движение.

— Я прожил с тобой под одной крышей восемнадцать лет, но до сей поры не знал, что ты — маг, — спокойно обронил он. Айан отрицательно качнул головой.

— Только с недавних пор, брат. Мне пришлось присоединиться к Серым Стражам. Так вышло.

Фергюс промолчал. Если у него были еще вопросы, он, похоже, решил оставить все на потом. Вдвоем они разрезали по-прежнему удерживавшие Алистера веревки. Все еще бледный, сын Мэрика сполз со стола и, пошатнувшись, схватился за стоявшего рядом Айана.

— Чтоб их демоны сожрали! Чтоб... — он выдохнул и выпустил командорово плечо. — Все-таки, Дайлен оказался прав. Ты можешь использовать магию крови!

— Это произошло... неожиданно для меня, — признался Айан, одной рукой потирая посиневшее под хваткой Алистера плечо, другой — прижимая к себе сильно намокшую перевязку. — Я сделался так зол... на Хоу и так испугался, что он... искалечит брата, что вдруг стал слышать, как шумят соки в телах... не только Хоу, но и твоём, и Фергюса, и их... Оно просто вырвалось из меня. Я... не уверен, что мог приказывать тому, что происходило.

— Как я понимаю, это тот самый Мэриков бастард, о котором твердил Хоу? — вмешался Фергюс. Наклонившись и отстегнув у одного из убитых пояс с ножнами, он стал прилаживать его на себя.

— Алистер, — дождавшись, пока тот закончит и продолжая бороться с телесной тряской, сделавшейся следствием сильного потрясения, представился Тейрин. Старший Кусланд кивнул, и положил руку поверх протянутой руки.

— Даже если бы ты не был так похож на короля, я бы поверил слову моего брата.

— Алистер — кровный сын короля Мэрика, — коротко посвятил Айан, по примеру брата обирая стражу форта и облачаясь в подранную и окровавленную одежду. — Эрл Эамон намерен добиться для него трона на Собрании Земель, которое начнется, если опираться на слова Хоу, через несколько часов. Нужно непременно успеть на это проклятое Собрание, или... или обречены не только мы, но и весь Ферелден.

Фергюс поднял брови.

— Мор, — еще понятнее объяснил Айан, пытаясь натянуть кожаный доспех стражника, который ему был явно мал. — Логейн поверит в архидемона только когда твари подойдут к воротам Денерима. А пока он будет воевать с Эамоном, Алистером, Орлеем, кем угодно, только не тем, кто представляет действительную опасность.

— Я понял, — на миг поднял руку Фергюс, потом опустил ее и надвинул на голову шлем. — Вы с Эамоном желаете посадить на узурпированный убийцей короля трон Ферелдена второго сына Мэрика. Для этого вам нужно доставить... Алистера на собрание лордов. Это главное, и это пока все, что мне нужно знать, брат. Теперь послушай меня...

— Твою историю я послушаю позже, Фергюс, — отчаявшись облачиться под стражника, Командор просто сунул меч в ножны и прикрепил их на пояс. — Сейчас нам

надо уйти отсюда незаметно. Ты знаешь способ, как это сделать?

— Знаю, и скажу, если ты заткнешься и дашь мне договорить, — сухо бросил старший сын тейрна Брайса, уже полностью облаченный в доспехи гарнизона форта Драккон и в шлеме выглядевший неотличимо от любого из убитых ими стражников. — Клетка, в которой они держали меня, недалеко отсюда — через лестницу и коридор. Лестницу охраняют всего двое, и еще трое — камеры. Если доберемся и освободим узников, наши шансы уйти отсюда возрастут.

— Как раз наоборот, — мрачно вмешался Алистер, которому, в отличие от Айана, доспех стражника также пришелся впору. — В доспехе стражи можно попробовать выскользнуть отсюда незаметно. А узники нас раскроют и толку от них в бою будет немного. Здешней охраны наверняка больше и они вооружены...

Фергюс мотнул головой и сплюнул на распростертое тело пузатого палача.

— Вы друг друга стоите. Скажи, Айан, неужто я глупец? Демон вас зажуи. Если я говорю — нам нужны эти узники, значит, они нам нужны!

В широком коридоре, который оказался сразу за дверью пыточной, было пусто и темно. Двое охранников, конвоировавших огромного заключенного в окровавленной одежде, висевшей на нем лохмотьями, беспрепятственно прошли его до конца, спустились по темной лестнице и оказались перед тяжелой дверью, возле которой подпирали спинами стену два стражника с утомленными лицами.

— Открывайте, — раздраженно потребовал один из конвоиров, стоявший в тени, падавшей от заключенного. — Эрл приказал нам возвращаться быстрее.

— Пароль, — устало потребовал один из охранников, снимая с пояса ключ.

— Антиванская роза, — так же раздраженно выдал говоривший ранее конвоир. Второй удерживал заключенного под локоть и в разговоры не вступал.

— Вот и я говорю — не слишком ли пикантно для пароля, — хохотнул второй охранник под скрежет отворяемого замка. — А они мне — мол, это еще цветочки. А вот при прежнем начальнике охраны, что был тут до того, как сменился эрл Денерима...

— Постой, — внезапно приказал первый охранник, придерживая за плечо одного из конвоиров — того самого, который назвал пароль. — Я тебя узнал! Ты — не из стражи. Ты — заключенный! Эй...

Ничего больше он выкрикнуть не успел. Разомкнувший несвязанные за спиной руки огромный рыжий пленник ухватил за затылки стоявших у двери охранников и ударил их головами друг о друга.

— Создатель воистину наделил тебя силой быка. Двух быков, — поправился один из конвоиров, переступая через распростертые у двери тела. Заключенный пожал плечами и снова сложил руки за спиной.

— Надеюсь, их никто не услышал.

Следующая зала была освещена лучше коридора перед пыточными. По обе стороны крепкие массивные решетки разделяли ее подобием клеток. В клетках на набросанной здесь соломе сидели и лежали не менее двух десятков заключенных. Как можно было заметить даже в неясном свете факелов, многие из них были покрыты шрамами и язвами — зарубцевавшимися и совсем новыми. Кто-то лежал, не в силах подняться — из-за перебитых ног, либо просто истощения. Дух над клетками был тяжелый.

В дальнем конце у стены, под горевшей здесь большой лампадой, стоял деревянный

стол. Двое сидевших за ним друг напротив друга стражников вяло резались в карты. Третий спал, уронив голову на руки.

При появлении конвоиров один из игравших в карты охранников нехотя поднялся с лавки и, прихрамывая, двинулся им навстречу.

— Что, уже? Так быстро? — по-видимому, издали узнав заключенного, без интереса спросил он. — Проклятие, говорил я Ортису, что камеру нужно подготовить заранее. Ну, давайте его... ну, что ли, вот сюда.

— Э, а что там был за шум у дверей? — подал голос оставшийся за столом картежник, поправляя пояс с мечом так, чтобы не давил на живот. — Вот новое дело, и месяца не прошло, как выдали доспех, а в пузе уже жмет! Надо завязывать с пирогами.

— Как обычно, — пожал плечами тот конвоир, что удерживал заключенного под локоть. И, без перехода, врезал возившемуся у двери клетки охраннику между глаз.

Пузатый любитель пирогов вскочил, но тут же завалился обратно, гулькающе дергая горлом, из которого торчал пыточный нож. Спящий охранник сонно вскинул голову, но получив по ней рукоятью меча, уронил обратно на стол.

Несмотря на довольно поздний час, никто из заключенных не спал. Все узники, даже те, которым ходьба причиняла немалую муку, оказались перед решетками раньше, чем нагнувшийся над телом охранника лже-конвоир подобрал оброненную им связку ключей.

— Эй, вы кто? Выпустите нас отсюда!

— Помогите!

— Не бросайте нас!

— Эй, Воган, ты еще жив? — перекрывая шум голосов, гаркнул второй лже-конвоир, снимая факел со стены. Растолкав заступавших ему дорогу двух изможденных узников, заросших такими же ключковатыми бородами, как и у самого конвоира, вперед вышел крупный молодой мужчина с капризным лицом, одетый, в отличие от прочих, в подобие бывшего некогда роскошным дворянского одеяния.

— Он жив, что ему сделается, этой скотине, — раздалось из камеры напротив. Приникший к решетке коротко стриженный эльф в досаде стукнул по ней кулаком. — Мы тут передохнем, а он еще всех переживет!

— Кенделз? — не обращая внимания на эльфа, огромный рыжий узник, которого привели лже-конвоиры, с изумлением оглядел того, кого звали Воганом. Воган бросил ответный взгляд и вдруг широко и неприятно усмехнулся.

— О-о-о, кого я вижу. Да это же второй сын самого тейрна, Айдан Кусланд собственной персоной! Ну, теперь не нужно гадать, за кем явились избавители, а, Фергюс?

— Кусланд? — кусавший губы молодой и светловолосый заключенный, ухватился за решетку, чтобы не упасть. — Господин Айдан, ты помнишь меня? Я — Осуин, сын банна Сигурда из Пика Дракона! Мы охотились вместе на празднике осени в прошлом году!

— А я — банн Лорен из Хафтен Ривер, — седой и низкорослый старик с благородным лицом и свисавшими усами тоже вцепился в клетку, словно опасаясь, что если он разожмет пальцы, явившиеся избавители растают в воздухе. — Именем Создателя, откройте замки! Я оказался здесь за то, что выказал поддержку банну Тегану на малом собрании! Меня выкрали прямо из гостевого дома!

— А я — Ирминрик, — подал голос третий, одетый лишь в набедренную повязку, крепкий, но истощенный не менее прочих заключенный. — Я храмовник, прах побери! Люди Хоу схватили меня и бросили сюда, чтобы я не доложил Церкви о том, что они

посмели отнять пойманного мною малефикара! Прошу вас, благородные сэры, откройте эту проклятую клетку! Храмовники неподвластны эрлам! Верховная Жрица должна узнать о том, что здесь творится!

Переодетый конвоиром Фергюс Кусланд нашел среди ключей нужный и, подняв, показал его Вогану, а заодно и всем другим напряженно следившим за ним заключенным.

— Ты говорил, что стоит отомкнуть клетку, и ты сможешь выбраться отсюда невредимым, потому что знаешь о запасном секретном ходе, что прорыт где-то здесь, близко. Это так?

— Так! — загорелся Воган Кенделз, толкая локтем соседа. — Это в одной из пыточных, за очагом. Я покажу! Открой клетку! Поторопись, кость тебе в глотку, если вы не перебили всех демоновых стражей в этом форте, скоро будет смена караула!

— Не выпускайте этого мерзавца! — возмущенно донеслось с другой стороны. В глазах того же молодого эльфа была неприкрытая ненависть. — Этот ваш Воган — сын старого эрла Денерима! Он... он похитил и обесчестил мою невесту! В день нашей свадьбы! Я пытался его убить, но... это по его приказу я здесь.

— Как видишь, за исключением этого эльфа и храмовника, здесь только дворяне, — негромко проговорил Фергюс, отворяя решетку, за которой стоял Воган. — Хоу бросил их сюда под разными предлогами. Мы много говорили между собой, когда я сидел здесь. Никто из них не был арестован официально. Но теперь — даже если нам всем посчастливится сбежать отсюда живыми, а власть в стране останется в руках тех же — деваться все равно некуда. У этих людей будет два выбора — либо бежать из Ферелдена, либо...

Он криво усмехнулся.

— Пусть Алистер поговорит с ними, брат. Подумай, какую пользу вашему делу смогут принести эти дворяне, если все вместе выступят на Собрании Земель против Логейна.

Старший Кусланд кивнул выходящим из отомкнутой клетки узникам, и перешел к следующей двери.

Айан и Алистер переглянулись. Командор медленно усмехнулся. Впервые за долгое время без тени горечи в лице.

Глава 70

Глава 70

— Милорды и миледи, присутствующие на этом Собрании! Тейрн Логейн в слепой гордыне узурпировал власть и посягает на установление своей диктатуры в нашей стране! Мы всегда гордились нашими традициями, что сильно отличаются от законов и традиций других стран, и делают Ферелден непохожим на прочие — истинным прибежищем свободы в Тедасе! Наши законы — это общие законы, а короли — выборные короли! О Ферелдене с восхищением и завистью говорят даже в Вольной Марке — о правдивости наших дворян и справедливости судов! И вот на это теперь желает посягнуть тейрн Логейн!

Главный зал дворца Денерима скупо освещался косыми лучами утреннего солнца, падавшими в узкие окна. Место собрания ферелденской знати не могло претендовать на изысканность орлесианских дворцов или роскошь резиденции правителей Антивы. Если бы не размеры, более всего оно напоминало обеденный зал постоянного двора, без мебели и очага, но с двумя низкими балконами по обе стороны от главной низкой части зала,

устланной красной ковровой дорожкой от двери до самого подножия трона. Впечатление о тесноте усугублялось тем, что зал был полон. Из самых отдаленных баннорнов явились даже те дворяне, которые никогда ранее не чтили Собрание своим присутствием. Усилия, предпринимаемые Теганом по привлечению внимания к событиям в стране, оказались не напрасны. Хотя, могло случиться так, что сами люди чувствовали важность грядущего Собрания и его исхода, что мог войти в историю, а потому ранее невиданными толпами заполнили сборный зал.

Выслушавший очередные наветы на Стражей и выкладки Логейна о необходимости укрепления власти бесправной ныне королевы, эрл Эамон заговорил сам. И с той самой поры говорил уже более нескольких мер времени. Говорил, и сам не верил в свои слова. Он до последнего ждал возвращения молодых союзников, не желая верить в то, что предложенный редко ошибавшимся братом план по их поддержке со стороны верных эрлу людей, был провален. И лишь только когда, после долгой и томительной ночи, уже под утро из двадцати пяти отправленных человек вернулись только трое, во главе с сильно раненым и мрачным донельзя антиванским убийцей, Эамон понял весь ужас создавшегося положения.

Но выбирать уже не приходилось. Заявленное участие в Собрании Земель должно быть отыгранным до конца, пусть даже партия с выверенным планом действий без Алистера и его участия была заранее проигрышной. Даже при наличии живого и здравствующего потомка Мэрика и его поддержки младшим сыном всеми уважаемого тейрна, Эамон сильно сомневался в успехе предпринятого ими рискованного действия. Теперь, когда Алистер был, скорее всего, мертв, надеяться было вовсе не на что. И все же старый эрл считал себя обязанным отправиться в зал Собрания и отстаивать там права сына своего друга — пока существовала малейшая надежда на то, что он все еще пребывал среди живых.

— Хорошая речь, Эамон, — слушавший не перебивая тейрн Логейн — высокий и сухощавый, несмотря на возраст, еще не потерявший силы и воинской хватки, похлопал в ладоши. — Однако в этом зале нет дураков, которые бы на нее повелись. Только что ты сыпал беспочвенными обвинениями в мой адрес, такими абсурдными, что повторить их у меня не поворачивается язык. Нелепость этих обвинений снимает с меня саму необходимость в их парировании! Но, все-таки, из уважения к твоему старинному роду и тому, что преданный Стражами король Кайлан — твой племянник, был женат на моей дочери, я отвечу на единственное и самое вздорное обвинение. В том, что, якобы, я отнял трон у Кайлана для себя. Это не так. Я положил жизнь на избавление Ферелдена от жадных щупалец Орлея — и мне удалось это совершить! Ферелден свободен! Я намерен и дальше охранять всех вас от любой угрозы, а также помогать в правлении моей дочери — нашей королеве Аноре. А ты — ты хочешь посадить на трон марионетку! Твой так называемый принц Алистер даже не нашел в себе смелости, чтобы явиться на наше Собрание. Это ли не говорит о его подлинной натуре — даже пусть он на самом деле является сыном короля Мэрика? Где же он, твой благородный незаконнорожденный принц? Пусть он сейчас объявится и заявит о своих правах сам, прямо и открыто, как и положено будущему королю. Может быть, в этом случае я бы воспринял его всерьез! А пока...

Договорить ему не довелось. Прикрытые створки низких дверей в залу распахнулись. Обернувшиеся на грохот дворяне в немом изумлении созерцали появившихся в проеме двух покрытых грязью и кровью людей, один из которых был почти на голову выше другого. Прошло несколько мгновений прежде, чем по рядам гостей и придворных, что стояли ближе всех к выходу из зала, пробежал шепоток узнавания.

— Фергюс и Айдан Кусланд? — Преподобная Мать, по положению занимавшая место на низком балконе над залом, приподнялась со своей скамьи. — О, Создатель, что произошло?

Кусланды склонили головы в знак уважения к старшей церковнице. Но ее вопрос так и остался без ответа, потому что в следующий миг под недоуменными и встревоженными взглядами лордов в залу шагнул третий — высокий светловолосый человек с суровым и, как показалось сразу многим, знакомым лицом. Человек этот был не менее грязен, чем явившиеся в столь неподобающем виде на Собрание Земель наследники тейрнера Хайевер, но, в отличие от них, не был вымаран в крови. Окинув взглядом сразу всех в свою очередь разглядывавших его дворян, светловолосый гость вскинул бровь и уверенно направился к центру зала, туда, где стоял занимаемый теперь королевой Ферелдена трон.

Пропустившие его вперед Кусланды двинулись следом. За ними в дверь стали входить другие люди — грязные, полуголые, покрытые засохшей кровью, грязью, свежими и подсохшими ранами и язвами, с обмороженной кожей, кашляющие и источающие зловоние. Числом не менее двух десятков, они прошли мимо молча расступавшихся перед ними дворян, вслед за своим странным предводителем в середину зала. Замыкали это нелепое шествие неожиданно стражники из личной охраны тейрна Логейна во главе с капитаном Коутрен, известной своей беззаветной преданностью регенту. Несмотря на отрешенность ее лица, внимательному наблюдателю могло показаться, что вид у капитана был такой, что она вот-вот заплачет.

Стоявшие у трона стражи шагнули вперед, поднимая копья, но были остановлены взмахом руки Коутрен. Влажные глаза капитана взблеснули. Она отрицательно качнула головой.

Логейн, казалось, был удивлен таким ходом дела. Однако, странный гость, в котором многие угадали того самого бастарда, о котором столько времени говорил весь Денерим, полуобернулся к собравшимся и заговорил прежде, чем регент успел открыть рот.

— Приветствую почтенных и благородных лордов... и миледи Собрания Земель, и... прошу простить за... наше внезапное вторжение, — он запнулся, но продолжил со все возрастающей уверенностью в голосе. — Я — Алистер Тейрин, кровный сын Мэрика Тейрина, покойного короля Ферелдена, да примет его Создатель, пришел, чтобы говорить о вине тейрна Логейна Мак-Тира в предательстве моего единокровного брата короля Кайлана, которое привело к его смерти. Я был при Остагаре и своими глазами видел, как армия Ферелдена, которая должна была прийти на помощь отряду короля, ушла, так и не попытавшись вступить в бой. Это может подтвердить Айдан Кусланд, сын убитого в Хайевере тейрна Брайса.

Голос того, кто называл себя Алистером Тейрином, звучал спокойно и будто бы негромко, но в установившейся тишине его слышали все, до последнего человека. По рядам придворных вновь пробежал шепоток. Рыжий Кусланд подтверждающе кивнул головой.

— Это было именно так.

— Неслыханно! — королева вцепилась в подлокотники. Ее пальцы побелели, нежное розовощекое лицо покрыла мгновенная бледность. — Это оскорбление Собрания Земель! Кто допустил сюда этого... этого наглеца? Стража!

— Простите, ваше величество, — капитан Коутрен вышла вперед, склоняясь перед королевой. — Пряпятствовать этим людям войти в зал Собрания было бы нарушением закона.

Бросив на нее презрительный взгляд, регент Логейн сделал знак. Стоявшие у трона телохранители королевы двинулись к напрягшемуся Алистеру. Братья Кусланд почти одновременно шагнули им навстречу, заступая дорогу и кладя руки на рукояти мечей.

Предчувствуя кровопролитие, придворные из тех, кто стоял ближе к трону, попятились. Преподобная Мать поспешно вскинула руку.

— Тейрн Логейн! Именем Создателя, я призываю тебя к терпению! Ваше величество, — она обернулась к кусавшей губы королеве. — Здесь — братья Кусланд, сыновья тейрна Брайса. Их род — второй по знатности в королевстве после рода Тейринов. Быть может, разумно будет выслушать, отчего и с чем они явились на Собрание в таком виде?

— При всем уважении, тут нечего слушать, ваше преподобие, — Логейн брезгливо дернул губами. — Этот самозванец собрал каких-то оборванцев и набрался наглости явиться сюда не иначе, как будучи в сговоре со всей дворцовой стражей! Иначе я не могу объяснить...

— Мы тоже имеем право быть здесь, Логейн! — подал голос один из явившихся на Собрание оборванцев, который стоял в толпе таких же, как он, позади игравшего желваками Алистера. — И не делай вид, будто не узнаешь нас! Мы — не нищие, а честные дворяне Ферелдена, брошенные в тюрьму по твоему приказу за то, что посмели усомниться в твоём объяснении о гибели нашего короля!

На миг в зале установилась тишина. Она была прервана женским возгласом, в которое слились горечь и радость одновременно.

— Банн Лорен! — выбравшаяся из толпы лордов коротко стриженная девушка бросилась к спутнику Тейрина, обнимая и прижимаясь к его груди. — Дедушка! Мы сбились с ног, разыскивая тебя! — она подняла лицо. — О, Создатель! Ты ранен!

— Все это время я провел в пыточной, где эрл Хоу пытался донести до меня пагубность моих заблуждений, — старый банн погладил внучку по светлым волосам. — Впрочем, мне повезло, я остался жив, благодаря помощи достойного Алистера и молодых Кусландов.

— Чепуха! — в тоне Логейна было столько презрительной уверенности, что она могла бы убедить кого угодно. — Ты был арестован за пособничество врагам короны. Ты сам подтверждаешь, что подрывал устои государства и власти, занимаясь подстрекательством и смея сомневаться в преступном деянии Стражей! Ведь именно из-за их предательства, которое увлекло короля в бессмысленную атаку, Кайлан был убит...

— Серые Стражи были преданы вместе с королем, — возвысил голос Алистер Тейрин. — Какой, объясни, им толк предавать короля и гибнуть в той же атаке вместе с ним? Ты забываешь, что я присутствовал на военном совете перед битвой, которая сделалась для короля Кайлана последней. Вы уговорились о том, что отряд короля, состоявший в большей степени из Серых Стражей — непревзойденных воинов, которые могли защитить моего брата на поле сражения — завлекал тварей в ловушку. А ты с большей частью армии по сигналу должен был ударить им в тыл! Сигнал на башне был подан вовремя. Но подмога к королю так и не пришла!

— Кайлан не желал слушать моих тактических выкладок! — не выдержал регент, бросая на Алистера гневный взгляд. — Я пытался отговорить его от этого безумного плана, который был подсказан ему Стражами! Я спас армию Ферелдена, уведя ее в тот миг, когда сделалось понятным, что ввяжись мы в бой — и разгром будет неминуем...

— Ложь, — вмешался Осуин. Молодой сын банна Пика Дракона, прихрамывая и придерживая грудь и живот, точно опасаясь, что опустит он руки — и вслед за ними упадут и

потроха, подошел и остановился рядом с сыном Мэрика. — Я оказался в пыточных форта Драккон, откуда меня любезно вызволил Алистер Тейрин, из-за своего друга. Он был в армии регента при Остагаре. Мы... выпивали вместе в «Покусанном дворянине», где он... хватил лишнего и на весь зал признался, что его отряду был дан приказ отходить задолго до того, как твари ударились в позиции короля! Нас взяли тут же — за распространение порочащих регента слухов. Они пытками пытались заставить меня назвать сообщников! Мой товарищ уже у Создателя. Я готовился отправиться за ним, если бы не вмешательство Тейрина.

— Осуин, мальчик мой! — седой и седобородый, но еще не старый банн вцепился в перила балкона, на котором стоял в толпе таких же, как он, привилегированных лордов. — Что творится в нашей стране? Благородных дворян хватают прямо на улицах, по смехотворному поводу, не извещая родственников! Я обращался, куда только можно, чтобы найти сына, и в первую очередь — в городскую канцелярию! Почему мне не предоставили информацию, если мой сын все это время был под арестом?

— А я был похищен прямо из-под Остагара, — мрачно проговорил Фергюс Кусланд, не отводя глаз от стражников, и не отнимая ладони от рукояти меча. — По приказу короля я привел отряд из Хайевера и тут же по совету тейрна Логейна, что был высказан прямо при мне, король отправил меня на разведку в Дикие Земли. Якобы для того, чтобы я, как прибывший недавно, осмотрелся на местности. Я взял с собой только двоих из моего отряда, чтобы не привлекать внимание тварей, если они бы нам встретились. Но едва только мы отошли от лагеря, как попали в засаду. Людей, а не порождений тьмы. Наемники, как позже я понял, работавшие на Хоу, убили моих солдат, а меня самого доставили в форт Драккон, я провел долгое время без предъявления обвинений, до самой этой ночи. Позже я узнал, что это было сделано для того, чтобы Хоу мог безбоязненно вершить свою месть моей семье.

— Все наши истории похожи, — еще раз напоследок проведя рукой по волосам внучки, и отстранив ее, вновь выступил банн Лорен. — С нами, дворянами, обошлись хуже, чем с преступниками! Видит Создатель, мы всегда были преданы короне! Но даже последний паршивый эльф имеет право на честный суд при аресте. Мы же были лишены и этого. Разве такое — не противоречит законам Ферелдена? Законам, которые нарушались с твоего соизволения, Логейн, в то время как ты все твердишь, что защищаешь нас!

Тейрн Логейн скрестил руки на груди. Несмотря на то, что вместо одного Эамона теперь ему приходилось стоять под градом обвинений с разных сторон, держался он достойно.

— То, что нам пришлось здесь выслушать, вне всяких сомнений, возмутительно, — медленно проговорил он, по-видимому, тщательно взвешивая каждое слово. — Однако, я не был осведомлен о происходящем. Рендон Хоу, который теперь занимает пост эрла Денерима...

— Занимал, — перебил Алистер. Несмотря на то, что королева Анора сидела на троне не более, чем в двух десятках шагов от него, и не сводила глаз, внимание сына Мэрика было приковано к Логейну.

— Что ты хочешь этим сказать, бастард?

— Мое имя — Алистер, — напомнил Тейрин и сдержанно продолжил. — Эрл Хоу мертв. Он не сможет подтвердить твои слова.

— Ты посмел поднять руку на благородного эрла?

— Эрла Хоу убил я, — угрюмо пояснил Айан. — Пользуясь доверием моего отца и

находясь у нас в гостях, Хоу и его люди захватили замок Хайвер и вырезали всю мою семью. Я спасся только вмешательством Командора Серых Стражей Ферелдена. Все прочие, не исключая даже моего племянника — малолетнего Орена, были убиты. Хоу пал по праву кровной мести от моей руки.

Новость эта вызвала удивление — но не более. Похоже, вести о гибели тейрна Брайса и его семьи давно уже были на слуху в Денериме.

— Ты лжешь! — резко возмутился один из придворных, высокий и лысый человек с узкой бородой. — Зачем ты лжешь? Семья тейрна погибла от рук разбойников. Эрл Хоу сделал все, чтобы спасти Брайса Кусланда, своего друга! Он — достойный человек и никогда не нарушил бы закон гостеприимства!

— Еще как нарушил, — Воган Кенделз подбоченился, всем видом выражая возмущение. — После назначения его эрлом Денерима — весьма спешного и странного, если учесть, что после смерти отца эрлинг должен был перейти ко мне — он явился со своими мордоротами. Будто бы в гости. Но, как только они оказались в моем доме — я был схвачен и брошен в тюрьму, в ту же самую тюрьму, куда сам же отправлял всякий эльфийский сброд! Каково? Странно, что об этом неизвестно регенту. Все-таки, мое исчезновение не должно было остаться незамеченным, а?

Некоторое время Логейн молчал. Он слышал шепот негодования, что постепенно нарастал в среде лордов, и ему требовалось время, чтобы вернуть самообладание, которое постепенно стало изменять ему. Потом заговорил — негромко, но в установившейся тишине можно было разобрать каждое его слово.

— Я уже объяснил до того, как меня перебил этот наглец, — он, не глядя, кивнул в сторону Алистера, — я не знал о том, что творил Хоу.

— Так это не ты назначил его эрлом Денерима?

Логейн поднял руку.

— Дай мне договорить, милорд Кенделз.

— погоди, тейрн, — Преподобная Мать, рядом с которой уже продолжительное время стоял возмутительно грязный, заросший человек с изможденным лицом, о чем-то ей нашептывавший, вновь подняла руку. — Касательно Хоу, помимо того, что уже было сказано, только что мне сделались известны другие, возмутительные вещи. Эрл Хоу задержал храмовника Ирминрика, который конвоировал изловленного им малефикара на суд Церкви, после чего храмовник был брошен в тюрьму! О судьбе малефикара до сих пор ничего не известно. Что ты можешь сказать на это?

Если до этого лорды сдержанно и негромко выражали возмущение услышанным, то после слова Преподобной зал загудел, словно рой рассерженных пчел. Встревоженные и смущенные дворяне заговорили одновременно, в и этом гуле утонули голоса и тейрна, и его обвинителей.

— Прошу вас, благородные господа! К порядку! — сумев, наконец, перекричать взволнованное собрание, Логейн понизил голос. — Послушайте меня. Если бы я узнал обо всем этом раньше, Хоу был бы наказан. Но, — он снова поднял голову, — каковы бы ни были его преступления, его убийство было против закона. Вы, почтенные лорды, должны были подать жалобы. Хоу предстал бы перед судом.

— Ты ведь понимаешь, что подавать жалобу, будучи прикованным цепью к стене клетки — невозможно? — пользуясь восстановившейся тишиной, вновь пошел в наступление Алистер. Он чувствовал на себе ненавидящие, недоверчивые и недоумевающие

взгляды, и это приводило его в смущение, вызывая лихорадочный румянец на щеки. Но, помимо этих, были и другие — многие дворяне смотрели на него со смесью благодарности, надежды и даже смутного доверия, но абсолютно все — с немалым интересом. И, отчего-то, это придавало сил и уверенности в себе. Алистер чувствовал, что он завоевал внимание и, хотя толком не представлял, как вести беседу дальше, намерен был идти до конца. Прекрасно осознавая, что от завершения этой беседы зависело его будущее и будущее всех доверившихся ему людей.

К счастью, тейрн Логейн, не желая того, помог ему. По-видимому, сам вид Алистера вызывал в душе регента настоящую бурю. Логейн шагнул в сторону напряженно ожидавшего его следующего движения Тейрина. Похоже было, что он едва сдерживается.

— Ты, — регент запнулся, не сразу найдя слов для продолжения. — Ты явился сюда, чтобы взять то, что тебе не принадлежит и собрал для этого ложь со всего Ферелдена! Ты называешь себя именем моего друга короля Мэрика, которого не смеешь марать своим грязным ртом! Я хорошо знал Мэрика. Если бы у него был еще один сын, он бы объявил об этом открыто! Ты можешь быть чьим-то бастардом, даже, самого Эамона. Да хоть моим! Но ты не принц!

— Ты знаешь, что это не так, Логейн, — загремел со своего места эрл Эамон. — Не опускайся до лжи. Ты знал об Алистере. Посмотри в его лицо — это же вылитый Мэрик! Он больше похож на Мэрика, чем был когда-либо похож Кайлан! По закону королевства трон должен перейти к наследнику, в чьих жилах течет кровь королей. Мэрик был другом — твоим и моим. Отчего теперь ты чинишь препятствия его сыну?

— Он действительно похож на молодого Мэрика, — подал голос один из старых дворян, стоявших на балконе рядом с креслом Преподобной матери. — Это трудно не заметить.

— Мало ли на кого он похож! — высокая седовласая дворянка сделала рукой отвращающий жест. — Если он не самозванец — пусть докажет! А пока этого нет — как мы можем доверять ему? Он может быть кем угодно, хоть сыном конюха!

— Мы с тобой, тейрн Логейн! Пусть представит доказательства!

Логейн усмехнулся.

— Если бы он был истинным сыном моего друга короля, Эамон, я бы первым присягнул ему на верность. Но в этом щенке нет ничего от Мэрика, — он обернулся к Алистеру. — Ты слышал Собрание, бастард. У тебя есть доказательства отцовства Мэрика? Или все разговоры о твоём происхождении — пустая выдумка?

— Доказательства есть у меня.

Взоры дворян вновь обратились к Эамону. Облегчая обзор тем, кто стоял позади и не мог разглядеть происходящее в должной мере, эрл высоко поднял зажатый в кулаке пожелтевший от времени лист бумаги со свисавшими с нее взломанными королевскими печатями.

— Прошу тебя, Преподобная, — Эамон прошел к присевшей обратно на скамью служительнице Создателя и протянул ей свиток. — Прочти эту бумагу.

Пожилая служительница с неудомением, но бережено приняла в руки истончившийся лист. Медленно отвернула печать.

— Я, Мэрик Тейрин, король Ферелдена, сим передаю младенца в руки Эамона и свидетельствую о том, что то есть мой кровный сын. Поручаю моему другу эрлу Геррину воспитывать его, как собственное дитя, но не допускать ко двору, дабы не нанести вреда моему старшему сыну Кайлану, который должен унаследовать мой трон.

— Подпись короля, — забывшись, завершил освобожденный храмовник Ирминрик, которому бумага была видна через плечо Преподобной. — И его печать!

— Бумага подлинная, — бросив строгий взгляд на рыцаря Церкви, завершила старшая служительница. — Она может служить доказательством.

Дворяне вновь заговорили. Всюду видя обращенные к нему лица, Алистер чувствовал, как его сотрясает нервная дрожь.

— Бумага не может служить доказательством того, что ребенок, о котором говорится в ней — это непременно Алистер, — королева Анора поднялась со своего трона и, прошествовав через зал, остановилась рядом со своим отцом. — Речь могла идти об ином младенце. У тебя есть другие доказательства, Эамон? Из тех, которые бы напрямую указывали на принадлежность этого Алистера к королевскому роду?

Умолкнув, королева обернула лицо в сторону своего соперника. Алистер вновь ясно увидел в ее больших серо-голубых глазах свою долгую и мучительную казнь, и это неожиданно подняло в нем волну новой, уверенной злости.

— Дозвольте, ваше величество, — эрл Геррин принял от молчаливого Тегана и поднял перчатку от доспеха из необычного желтого металла. — Ваше величество узнает эту вещь?

Несмотря на то, что некоторые дворяне отстояли далеко от места, с которого говорил Эамон, показываемую им вещь признали сразу многие.

— Я узнаю ее, — Логейн пожал плечами. — Это перчатка от королевского доспеха. Кайлан был облачен в него в компании при Остагаре. Ты хочешь сказать, что вы нашли часть его брони? И что с того..?

Он запнулся. Эамон кивнул, давая понять, что регент уразумел все верно.

— Позолоченный дар Тевинтерского посла королю Мэрику, — эрл Геррин поднял перчатку выше, чтобы ее увидели все те, кто еще не рассмотрел. — Для завершения зачарования этого доспеха тевинтерцы испрашивали разрешения у Преподобной Матери Денерима Оланы, да примет ее Создатель — и получили его. Эти доспехи были зачарованы без помощи лириума, не Усмиренным и не гномом, а мастером зачарования Клементом Януарием, практикующим малефикарум. Зачарованы на кровь — кровь самого Мэрика. Только его потомки могут носить эту броню — и тебе об этом хорошо известно, Логейн.

В зале вновь повисла тишина. Королева Анора нервно переводила взгляд с перчатки покойного мужа на Алистера, а от него — на отца. Логейн молчал.

— Алистер должен развеять наши сомнения, — курносая молодая дворянка, что стояла на балконе с противоположной стороны зала, приглашающе простерла руку. — Мы все свидетели. Пусть кровь Мэрика покажет себя.

Алистер обернулся к балкону. Несколькими мгновениями позже в руки его с сухим треском упала перчатка.

По залу пронесся общий вздох.

— Королевская кровь! — стоявший рядом с Преподобной жрец Создателя вцепился в перила балкона, впериваясь взглядом в ремни перчатки, которые затягивал надевший ее Тейрин, и всем телом подаваясь вперед. — Мы спасены! Пророчество гласит, что Драконья гора Денерима проснется в день, когда умрет последний король Ферелдена, потомок Тейринов! Проснется, и дым, и пепел снова закроют небо, а пламень поглотит весь город, до самых Южного Предела и Амарантайна! Хвала Создателю, надвисшая над нами беда миновала — у Ферелдена есть новый король!

— Какая чушь, — говорившая ранее седовласая дворянка громко хмыкнула. — Это всего

лишь легенда!

— Ты поклялся присягнуть мне, если я докажу тебе, что во мне течет кровь Тейринов, — Алистер обернулся к Логейну, демонстрируя перчатку. Голос бастарда звучал сурово. Теперь, когда доказательства его принадлежности к королевскому роду были предоставлены и никто не взялся их оспорить, он чувствовал себя гораздо увереннее и это придавало его речам звучности и силы. — После смерти моего брата бездетная королева Анора не имеет прав на престол. Я заявляю о своем праве занять трон моего отца, как последний из оставшихся в живых Тейринов. Ты присягаешь мне на верность, тейрн Логейн?

Крутившая пальцы королева сжала их в кулаки. Собравшиеся лорды молчали, не зная, на что решиться, и ожидая ответа регента. Логейн молчал тоже, крепко сжав губы и глядя в пол. На его лице поочередно сменялись бледность и краснота.

— Отец! — не выдержала Анора и этим возгласом словно разбудила его. Логейн вздрогнул и поднял голову.

— Я положил жизнь на то, чтобы защитить эту страну и ее жителей, — медленно и тихо проговорил он, глядя в глаза Алистеру, который, однако, твердо и без усилий выдерживал этот тяжелый ненавидящий взгляд. Ему тоже было за что ненавидеть Логейна. — Последние несколько лет мне приходилось смотреть за тем, как рушится все то, что было достигнуто мною, и Мэриком — рушится из-за таких, как ты, бастард! Серые Стражи отвлекали короля от дел своими вздорными затеями. Серые Стражи вздумали вернуть в страну орлесианцев — якобы для укрепления наших рубежей! Я уверен, стоит отдать трон тебе — и года не пройдет, как Ферелден вновь окажется под Орлеем. Пока я жив — такому не бывать!

— Тейрн Логейн, я призываю тебя...

— При всем уважении, Преподобная, — Логейн вскинул руку. — Это внутреннее дело Ферелдена. Я, как регент при королеве Аноре, обязан следить за безопасностью государства! Я говорю, появление этого человека — угроза, подрывающая основы правления! Властью, данной мне моим положением я приказываю...

— А теперь послушай меня, регент Логейн, — успевая догадаться, что еще миг — и дело, несмотря ни на что, будет проиграно, гаркнул Алистер. По-прежнему охранявшие его с обеих сторон Кусланды шарахнулись в стороны. Анора вздрогнула. Уже почти отдавший приказ тейрн подавился последним словом. — Ты — лгун, потому что отказываешься от своего слова, и трус, потому что желаешь подавить правду силой. И коли так, наш спор не разрешить на словах, потому что слова для тебя ничего не значат. Тейрн Логейн Мак-Тир, — все так же зло, но потише проговорил он, — вызываю тебя на поединок чести. И пусть правоту кого-то из нас решает Создатель!

Королева Анора резко обернулась в его сторону, видимо, желая что-то сказать, и — передумала в самый последний миг. По-видимому, возмущение, поднявшееся в ее душе оттого, что ненавистный бастард все-таки воспользовался советом, едва не лишило ее здравого смысла. В рядах дворян поднялся шум — и тут же утих. Логейн, казалось, был смущен, но недолго.

— Да будет так! — он вытащил из ножен клинок. — Разойтись! А ты, бастард... Посмотрим, окажется ли твой меч острее твоего языка!

Алистер обнажил оружие. Пространство перед троном опустело почти мгновенно — все, не исключая королевы и Кусландов, отошли назад.

— Что ж, если я — трус, тогда испытаем отвагу нашего лже-короля, — регент повел мечом, поймав на него солнечный блик. — Бой до смерти, щенок!

Алистер едва не пропустил его первый удар, в последний миг приняв его на свой меч. Но, в следующее мгновение, преодолев неприятное чувство испуга, бросился вперед сам, атаковав отброшенного регента.

Поединок был яростным и долгим. Противники расходились и сходились, нанося и парируя удары, то сближаясь, то оказываясь в противоположных концах площадки. Ни Алистер, ни Логейн не жалели себя — не давая передышки, они бросались друг на друга с яростью, которую долго питала застарелая ненависть, и которая теперь получила выход. Меч в руках более стремительного Тейрина взблескивал вокруг регента, жаля всякий раз, когда Логейн не успевал парировать его удары. Однако, броня явившегося на Собрание Земель в полном парадном доспехе тейрна была куда прочнее кожаного нагрудника Алистера, и пропущенные им удары не могли причинить ему пока сколько-нибудь весомого вреда.

— Я не позволю орлесианцам через тебя захватить мою страну, щенок! — в очередной раз ударившись в лезвие меча сына Мэрика, и пытаясь вдавить того в пол до подломления коленей, прошипел регент в перекошенное Алистерово лицо. — Чего ты добиваешься? Хочешь... проклятие! Хочешь пустить сюда этих гундосых распутных мерзавцев? Чем они купили тебя, ничтожество? Почему... сейчас... совесть ферелденца?

— Да раскрой ты глаза, слепец! — не выдержал Алистер, вновь отбрасывая противника. Не удержавшись, тот припал на колено, но тут же тяжело вскочил. Грудь Логейна под доспехом тяжело вздымалась, лицо уже не меняло цвета — его сплошь покрывали красные и лиловые пятна. — Какие еще орлесианцы! Грядет Мор, Мор, понимаешь, ты, глупый старик! Трон нужен мне, чтобы отстоять страну и дать отпор порождениям тьмы, чего ты делать не собирався!

Логейн снова поднял меч обеими руками, но тут же отпустил одну, хватаясь за грудь. В его открытый рот воздух входил со свистом.

— Лжешь, щенок! Тебе меня не запутать! Ты...

Алистер повернулся, пропуская мимо себя бросившегося на него Логейна, и тут же пригнулся, когда меч регента свистнул у него над головой. Легкий кожаный доспех едва ли мог защитить его от выпадов тяжелого двуручного меча, кваного из красной стали, но давал преимущество в быстроте. Тейрин оказался рядом с врагом раньше, чем тот развернулся, и, не успевая поднять клинка, изо всех сил ударил его кулаком в лицо.

Логейн слепо отмахнулся мечом, заставив Алистера отступить. Впрочем, ненадолго — выставив перед собой руку, на которую была надета перчатка Кайлана, тот вновь двинулся вперед, занося меч.

Однако так и не ударил.

С тейрном творилось странное. Алистер заметил это, и потому сдержал руку, не решаясь напасть. Едва не получивший мечом наотмашь, Логейн не дернулся и даже не отшатнулся, продолжая стоять, опустив плечи и как-то согнувшись. Взгляд его помутнел. Меч в руке просел, ткнувшись острием в пол. Несколько ударов сердца регент оставался на ногах, придерживая левую сторону груди, потом пошатнулся — и грузно осел на колени.

Анора в волнении шагнула вперед. Ее отец выронил меч из ослабевших пальцев, продолжая другой рукой тискать доспех на груди. По-видимому, удар противника пробудил застарелую болезнь, сделавшись причиной его внезапной слабости. Алистер встал над ним, не зная, как ему поступить. Логейн некоторое время созерцал его ноги, потом, набравшись сил, с трудом поднял тяжелую голову.

— Ну же, — синеющими губами прошептал он, роняя руку, которая так и осталась

висеть бессильной плетью вдоль тела. — Заверши... то... что начал.

Нужный ответ нашелся сам собой. Алистер отрицательно мотнул подбородком.

— Это суд Создателя. Да будет на все его воля. Не моя.

Логейн попробовал усмехнуться немеющим лицом. С третьего раза у него вышло.

— В тебе действительно... есть что-то от Мэрика. Зря я... сомневался в тебе... Алистер Тейрин... король... Ферелдена.

Он замолчал. Мигом позже лицо его исказила мгновенная судорога и герой Дэйна завалился набок. Анора пробежала мимо Алистера и, упав на колени рядом с отцом, с усилием перевернула его на спину.

Широко открытые глаза тейрна Логейна Мак-Тира еще ловили отблески лучей яркого утреннего солнца. Но жизни в них уже не было.

— Лекаря! Живей! Пусть придет целитель!

Капитан Коутрен неслышно подошла к распростертому Логейну. Помедлив, она присела по другую сторону от регента и, проведя рукой по его лицу, прикрыла глаза.

— Боюсь, уже поздно... Анора. У тейрна была грудная жаба. Он... предчувствовал... свой... конец.

Коутрен резко поднялась, отворачиваясь и зажимая рот рукой. Алистер вложил меч в ножны и обернулся к балкону, где сидела Преподобная Мать.

— Мы скорбим по герою Дэйна, который больше не увидит солнца Тедаса, — поднявшись со скамьи и возложив руки на перила, медленно проговорила служительница, уразумев значения обращенных на нее взглядов. — Но такова воля Создателя. Воистину, это был высший суд. Алистер может по праву занять трон своего отца.

— Подождите! — Анора вскочила на ноги, покачнулась, но удержала равновесие. — Кто это решил? Разве было голосование? Так нельзя!

— Так решил Создатель! — возвысил голос Фергюс Кусланд, кивая на тело Логейна, которое укрывал своим плащом один из телохранителей королевы. — Все это видели, у кого есть глаза. Кто мы такие, чтобы противиться его воле?

— Дама Анора, будь благоразумной, — Эамон скрестил на груди руки. — Еще при жизни Кайлана Совет трижды поднимал вопрос о твоём отстранении. Теперь все разрешилось. Тейрины должны править Ферелденом.

Лицо Аноры исказилось. В волнении она переводила взгляд с фигуры на фигуру стоявших в зале людей, и тревога ее чем дальше, тем больше перерастала в отчаяние.

— Дама Анора, — пересилив в себе рожденное прошлой ночью отвращение к этой женщине, обратился к ней Алистер, скрывая навалившуюся на него смертельную усталость за маской отрешенности. — Твой отец, тейрн Логейн Мак-Тир, перед смертью признал меня своим королем. А ты? Ты присягнешь своему новому королю?

Свергнутая королева вскинула подбородок.

— Ты пока еще не король, — она помолчала, по-видимому, прикладывая не меньше усилия, дабы заставить себя сказать то, что собиралась, чем до нее Алистер. — Но... послушай. Вспомни то, о чем я тебе говорила. О том, что может случиться, теперь... И... мое предложение. Оно еще в силе. Ты ведь помнишь о нем?

Алистер замешкался и качнул головой.

— Я помню обо всем, — он бросил быстрый взгляд на прислушивавшихся к их разговору дворян и немного смягчил голос. — Поверь, я не забуду никогда и ничего.

Последнее было сказано спокойно, даже отрешенно. Но Анора поняла правильно. Она

сделала невольное движение, чтобы отшатнуться, лишь мигом позже беря себя в руки.

— Я спрашиваю еще раз, дама Анора, — Алистер дернул горлом, чтобы сохранить звучность голоса и ясность речи. — Ты присягнешь мне, как своему будущему королю?

Анора привычно сцепила пальцы. На тело отца она уже не смотрела.

— У Ферелдена единственная законная королева — это я, — с новым усилием проговорила она, перекрывая голосом поднявшийся в среде дворян ропот. — Ты глупец, если думаешь, что я когда-то присягну тебе. Моей верности ты не получишь! Лучше убей меня сразу, как моего отца!

Алистер приобернул голову и встретился глазами с Айаном. Молодой Кусланд ободряюще кивнул. Тейрин обернулся к Коутрен, которая с застывшим лицом и мокрыми щеками продолжала стоять над мертвым телом тейрна Логейна в окружении верных ей людей.

— Уведите даму Анору, — негромко приказал он. — Она под арестом до моего распоряжения.

Среди дворян вновь поднялся негромкий шепот. Стоявшие у тела регента охранники переглянулись.

— Коутрен!

В голосе Аноры было уже настоящее отчаяние. Капитан стражи резким движением вытерла лицо и сделала знак своим солдатам. Двое воинов из бывших уже телохранителей Логейна вышли из шеренги и встали по обеим сторонам от свергнутой королевы.

— Слушаюсь, ваше величество.

Слова капитана были обращены к Тейрину. По ее кивку Анору вывели из зала. У самого выхода бывшая королева задержалась. Ее взгляд нашел лицо Алистера. Но больше она не сказала ни слова.

— Милорды и миледи, прошу вас не расходиться, — эрл Эамон вновь поднял руку, призывая к порядку. — Преподобная, — он обернулся к стоявшей рядом с ним старшей служительнице Создателя. — За королевским венцом уже послано. Желает ли ты сама провести обряд коронации?

Глава 71

Глава 71

Немощная дорога убежала вперед далеко за холмы, кое-где еще покрытые подтаявшими снежными нашлепками, а где-то — словно подернутые зеленоватой дымкой от начавшей пробиваться травы. Ветви попадавших навстречу деревьев еще не набухли почками, но их потемневший и влажный вид явно говорил об уже начавшемся движении соков под корой.

Конная армия короля Ферелдена месила копытами дорожную грязь, не мешкая двигаясь на юго-запад. Помимо всадников, лошади несли мешки с провиантом — еще до начала похода король решил, что времени оставалось в обрез, и обоз мог задержать подмогу ровно настолько, сколько времени могло не хватить Редклиффу для того, чтобы выстоять под ударом проклятых тварей.

Из-за узости плохой дороги армия растянулась длинной шеренгой, которую непросто было охватить глазом целиком. Ехавший в голове войска рядом с королем Айан Кусланд время от времени привставал на стременах, оглядываясь назад, но из-за деревьев и частых

поворотов Имперского тракта, вдоль которого тянулась дорога, редко удавалось увидеть больше, чем до середины второго наряда конников.

Кусланд повел плечом, затекшим от многочасового удерживания тяжелого штандарта, и в который раз за день покосился на короля. Лицо его величества под поднятым забралом шлема сохраняло настолько неопределенное выражение, что понять, о чем думал друг, было непросто. Временами Алистер морщился, когда его неразлучный еще с бресилянского похода черный жеребец резче обычного ступал в ямину, либо перешагивал выбоину. Но это было все, что позволял себе король, за исключением косых взглядов, которые он кидал на покрытые потеками некогда белые стены полуразрушенного Имперского тракта.

— Что? — не выдержал Айан, когда король, в очередной раз поморщившись, переменял положение в седле. Шел четвертый день похода, и до сих пор Алистер, хотя и бесстрастный, все же ехал прямо. — Ваше величество что-то гнетет?

Тейрин покосился на него, потом, полуобернувшись, оценил расстояние до державшихся на почтительном отдалении в пять-шесть шагов конников, и рукой в боевой перчатке стер незнакомое выражение со своего лица.

— О, Создатель, — едва слышно пробормотал он, но, все же, ответил. — Ты погляди, Айан. Двигаемся так быстро, как можем. Но четвертый день пути — а позади только две трети Западной дороги, пропади она пропадом. И все потому, что весна, и эта проклятая дорога раскисла, как бараний студень!

Он мотнул головой в сторону тянувшейся по правую руку стены.

— Рядом — Имперский тракт. Будь он в порядке, добрались бы вдвое скорее. День, даже час промедления, может стоить нам потери Редклиффа и всей армии союзников! Только потому, что к ним вовремя не успеет подкрепление. Ну не глупо — прокладывать немощеную дорогу вместо того, чтобы содержать в порядке мощеную? Как-то раньше я об этом не задумывался, — он раздраженно качнул перьями нашьлемника. — Если, да будет на то воля Создателя, удастся возвратиться в Денерим с победой, обязательно не поленюсь подняться в башню к Аноре. О ней все говорят, что она — мудрая правительница. Вот и попрошу поделиться секретом — что такого мудрого в том, что в стране — ни одной дороги, по которой весной, осенью, либо после дождя лошади не увязают в грязи по колено, а повозки — по самые оси!

Дослушав Алистера до середины, Айан догадался, что дело было не только в плохой дороге. Впрочем, из слов короля достаточно ясно можно было уразуметь — в чем еще.

— Архидемон последние несколько ночей беспокоит и меня, — тем не менее, негромко признался он, качнувшись в сторону короля, и опираясь локтем о колено. — Он явно готовится к чему-то. Уже совсем тепло. Тварей больше ничего не держит под землей. Они ударят — и очень скоро, я уверен. Но мы успеем. Да и Редклифф — в хороших руках. Принц Эдукан — прирожденный стратег. Если верить Кардолу, предводителю гномьего Легиона Мертвых, он способен расставить десять воинов так, чтобы они могли сдерживать сотню. В помощниках у него — сэр Хосек с его храмовниками. Помимо них, город защищают маги и долиийские лучники. Ты сам их привел. Если спросишь меня, за Редклифф беспокоиться нужно, но не сверх меры... Но ты ведь думаешь не только о нем.

Последнее не было вопросом. Король досадливо дернул щекой и вновь переменял положение в седле. Впрочем, похоже было, что невысказанное Айаном предложение поговорить было сделано вовремя. Некоторое время он колебался, подбирая, о чем говорить первом и, наконец, озвучил то, что, по-видимому, донимало его больше всего прочего.

— Мой новый дом, — Алистер открыл рот, собираясь добавить, но вместо этого снова прикрыл и глубоко втянул воздух сквозь стиснутые зубы. — Дворец в Денериме, демон бы его побрал. Прибежище лицемеров и лжецов. За два дня, что я там провел, у меня появилось навязчивое желание, от которого никак не избавиться — спалить его дотла вместе со всеми, кто там обитает. И никогда не отстраивать заново.

Тейрин умолк, видимо, подыскивая слова.

— И вообще — я не хочу быть королем, — еще раз оглянувшись на свою армию, понизив голос, признался он. — Создатель, о чем я только думал? На Собрании Земель, и позже, на коронации... сейчас уже кажется — все было как во сне. Словно это происходило не со мной. А теперь... Я... я просто не знаю, с чего начать. С чего начинают короли? — он похрустел поводящими. — Я же ничего не знаю и не умею. Может, Анора была права? Такой правитель, как я — опозорится на весь Ферелден. Да что там — на весь Тедас!

— Нашел, кого слушать, — нахмурился Айан. Его товарищ снова вдохнул сквозь сжатые зубы.

— Прости, друг, — он махнул рукой. — Я не жалуясь. Просто... тогда, на Собрании Земель, мной двигал гнев и... если хочешь, чувство мести. К тому же, ее величество сумела убедить меня в том, что сделаться королем — для меня единственный шанс дожить до смерти, какой бы она ни была, единым куском.

Кусланд не выдержал и рассмеялся. Алистер улыбнулся за компанию, вновь переменяя положение в седле.

— С тех пор, как ты и Фергюс открыли передо мной двери зала Собрания, я — больше не Алистер. Я — его, прах побери, величество король Ферелдена. Нужно сохранять суровый и умный лик, создавать видимость того, что я всегда знаю, что делать. Как будто я в самом деле знаю. Все смотрят на меня... Эти люди на улицах Денерима. Помнишь наш выезд? Они все смотрели и... верили... радовались новому, молодому королю. В народе ведь любят молодых королей? А я... О, Создатель — неприметный Алистер — в центре всеобщего внимания! Я... просто не знаю, справлюсь ли со всем этим. С великой ответственностью, что лежит на мне... за всю страну.

Высказав, наконец, до конца то, что мучило его, Алистер умолк, привставая на стременах, но только для того, чтобы угнездиться удобнее, чем сидел до того.

— Без привычки поначалу за любое дело браться тяжело, — Айан пожал плечами, с усилием поднимая и перекладывая все-таки штандарт в другую руку. Теперь между ним и королем развевалось знамя Ферелдена. Кусланд поднял голову и, прикинув на глаз, приподнял его выше. — Кому угодно. Будь я на твоём месте, справился бы не лучше. Потом, когда вернемся в столицу, разгребем придворный гадюшник Аноры, вникнем во все эти дела... помоги нам Создатель, и, со временем, забудем, что знали другую жизнь.

Алистер помолчал. Непохоже было, чтобы слова товарища особенно убедили его в чем-то, но все же, лицо молодого короля было уже не таким мрачным, как ранее.

— Я верно понял, что ты... намерен помогать мне? — наконец, спросил он, глядя на дорогу, поскольку на ней вновь стали появляться глубокие выбоины, заполненные жидкой грязью. — После войны — ведь ты не собираешься возвращаться в Хайевер?

— Я — Серый Страж, ваше величество, — напомнил Айан, чувствуя при этих словах легкое стеснение в груди. — С твоего позволения, тейрнир отойдет Фергюсу. Мы уже говорили с ним об этом. У нас, Стражей, есть свои дела. Нужно будет наладить здесь, в Ферелдене, опору. Возможно, крепость и не менее нескольких деревень вокруг — для ее

содержания, и... Благая Андрасте, да что ты все время ерзаешь? Или ты подхватил от кого-то дурную болезнь?

Король дернул щекой и, сдвинувшись вперед, качнулся в седле.

— Если бы, — он криво усмехнулся, но тут же вздрогнул, когда жеребец оступился, угодив копытом в продавленную чьей-то повозкой колею. — На прошлой стоянке хуторянка угощала нас яблочным квасом — неужели не помнишь?

Командор кивнул, разминая затекшую под весом штандарта руку.

— Ну, и... я тогда выпил целый жбан. Одно из немногих преимуществ бытности королем. Яблочного кваса можно выпить сколько хочешь.

Кусланд снова кивнул. Мигом позже он уразумел.

— Гном-проводник, который вел нас по Глубинным тропам, решал подобное быстро и без особых сомнений, — решил поделиться он. — Хотя времени, чтобы остановиться и справиться нужду без того, чтобы задерживать идущую за ним армию, было у него более, чем достаточно.

Алистер поднял брови.

— Ты что же, предлагаешь мне последовать его примеру — да еще не спешиваясь? Храни Создатель, если и есть в Тедасе счастливы, которые могут облегчаться подобным способом, то я точно не из их числа!

— погоди, — Командор вскинул руку, делая знак остановиться. Король, а вслед за ним понемногу и прочие конники придержали лошадей.

— Слышишь?

Король и Командор Серых Стражей переглянулись. Потом Айан передал штандарт подоспевшему капитану первого наряда и, тронув лошадь, двинулся вперед.

В этом месте дорога резко извивалась, зажата с одной стороны холмом, что порос высоким кустарником, а с другой — стеной Имперского тракта, сильно приподнятого здесь, по-видимому, из-за заболоченной низменности, куда с холма стекала вода. Увидеть то, что творилось за поворотом дороги, было невозможно. Из-за скорости движения армии король не высылал обычных в таких случаях разведчиков вперед. Вот почему раздавшиеся из-за холма звуки, словно приближалось нечто стремительное и, по-видимому, огромное, бряцавшее оружием и сбруей, заставили короля и ожидавшего рядом с ним капитана переглянуться в крайней тревоге.

— Укрепить строй, — распорядился Тейрин, бросая взгляд на продолжавшего удаляться в сторону поворота Кусланда. — Командор! Вернись! Если это — порождения тьмы...

Айдан достиг поворота и, натянув поводья, осторожно выглянул из-за края стены тракта. Мигом позже он ударил лошадиные бока, срываясь с места, и скрылся за поворотом дороги. Одновременно округу огласили его крики.

— Стойте! Остановитесь! Стоять!!!

— Кому он, ваше величество? — забывшись, прокричал со своего места капитан. Алистер в сердцах дернул поводья, но тут из-за стены опять показался скачущий назад Айан. Звуки приближающегося войска надвинулись вплотную. Казалось, можно было различить шлепки копыт по разбрызгиваемой грязи, хрипы загоняемых ездовых тварей и звон от сотрясения оружия и брони.

— Отходите! — проорал Кусланд, приближаясь на всем скаку и сам понимая, что это было невозможно. — Как можно дальше! Они торопятся всей оравой! Могут не успеть остановиться! Это не порождения тьмы!

Из-за поворота показались передовые из непонятного невидимого ранее войска. Это были крепкие боевые кони рыцарей Церкви. Сидящие на их спинах храмовники натягивали поводья, останавливая лошадей постепенно, что было единственно правильно, поскольку остановись они внезапно — надвигавшаяся позади крупной рысью конная орда попросту втоптала бы их в грязь.

Алистер резко обернулся. Зажатые с двух сторон, его всадники не могли развернуться за такое малое время. Впрочем, по счастью, этого не понадобилось. Завидев перегородившую дорогу армию короля, храмовники сами прикладывали отчаянные усилия к тому, чтобы остановиться. Немалую подмогу оказал в этом крутой поворот дороги, перед которым притормаживали торопившиеся позади конники, и из-за которого одно войско сумело остановиться напротив другого, не доехав всего на несколько лошадиных мер.

Передовой храмовник, приземистый и широкоплечий, сорвал шлем с головы, явив теплому весеннему ветру покрытое сетью морщин благородное лицо с набрякшими веками, бледным лбом и багровыми щеками. В седле за ним, цепляясь за храмовничью талию, сидел сухой бородатый старик с большим испитым носом.

— Рыцарь-командор Грегор! Первый чародей! — король с облегчением подъехал ближе в сопровождении Командора, вид которого на глазах отходил от заполошности. Но радоваться Кусланд не спешил. Он обводил взглядом гарцующих на месте лошадей, которые до того скакали быстро, но в неслыханном для храмовников беспорядке, воинов Церкви, ни один из которых не сидел в седле в одиночестве, дополняемый магом, гномом, либо, даже кем-то из долийцев, и исполнялся самых мрачных предчувствий. Разглядев же среди лошадей тонкорогих галл, самые крупные из которых также несли на спинах по два долийца, он понял — случилось что-то страшное. Что-то, что заставило армию стронуться из-под Редклиффа, и, загоня лошадей, двинуться... Куда?

Похоже, Алистера одолевали те же мысли. Он бросил несколько взглядов на тяжело ходившие, покрытые испариной лошадиные бока встреченной армии и обернулся к трущему лицу и тяжело переводившему дух Рыцарю-командору храмовников.

— Что у вас стряслось?

— Приветствую ваше величество, — не выказывая удивления и демонстрируя явную осведомленность о недавних изменениях в управляющей верхушке страны, устало проговорил Грегор. — И тебя, Страж-Командор. Рад видеть вас в добром здравии. Мы получили птицу с извещением две ночи и день назад, и торопились, как могли.

Алистер и Айан переглянулись. Грегор непонимающе переводил взгляд с одного на другого.

— Мы торопимся в Редклифф, — наконец, проговорил король. — Что случилось такого, что вы ушли из города?

Ближайшие всадники, слышавшие эти слова, загомонели. Миг или два Грегор смотрел на короля, потом перевел взгляд на такого же непонимающего Командора, и скрипнул зубами.

— Создатель милосердный. Так вы не знаете??

Из-за великой спешки ни Айан, ни Алистер не удосужились поздороваться с Первым Чародеем, но, похоже, его беспокоило не это. Ирвинг наклонился к притороченной к упряжи суме и, покопавшись, вытащил оттуда малый и очень мятый лист бумаги.

— Прочтите, ваше величество.

Алистер принял бумагу, развернул и с трудом вчитался в едва различимые строки.

Письмо было очень коротким, но за малое время, что потребовалось ему для прочтения, лицо короля сделалось бледным до серого. Он вскинул глаза.

— Если я понял верно, твари появились возле Денерима через день после того, как армия покинула столицу, — подтверждая ход его мыслей, мрачно проговорил Грегор. — Банн Теган успел закрыть ворота и отбить первую, самую страшную атаку. По-видимому, тварей так много, что гонца за вами он направить не смог.

— Порождения тьмы атаквали Денерим??

— Это случилось три дня назад, — пересилив себя, Алистер обернулся, словно желая охватить взглядом весь проделанный ими путь. — Уже три дня город в осаде. А мы тем временем как ни в чем не бывало, торопимся в Редклифф! Создатель, за три дня с осажденным Ордой Денеримом могло случиться что угодно. Если тварей ведет архидемон...

В строю ведомой храмовниками разношерстной армии возникло беспокойство. Отодвигая с дороги взмыленных лошадей и галл, вперед вышел широкогрудый гнедой могучий жеребец. В седле перед его высоким светловолосым всадником сидела эльфийка с таким отрешенным лицом, точно она грезила наяву, а душа ее бродила в Тени. Обеими руками эльфийка сжимала магический посох, привалившись к груди храмовника, точно силы давно оставили ее. Широко открытые глаза девушки смотрели в никуда. Позади храмовника на лошадином крупе примостился еще один эльф. Этот также подпирал фигуру рыцаря Церкви, но — с другой стороны. Узкое лицо старого эльфа было таким же отрешенным, как у девушки, и утомленным, точно он не ехал, а всю дорогу бежал за конем.

— Приветствую ваше величество и Стража-Командора, — прогремел, не снимая шлема, храмовник, в котором оба давних знакомых без труда угадали сэра Бьорна. — Прошу простить мою дерзость, но нам нельзя останавливаться. Маги создали сеть, которой питают силы лошадей. Они держат ее уже несколько часов, и это стоит им немалых усилий. Когда сеть уберут, мы не сможем двигаться так же быстро, как до того. Нужно ехать, пока маги еще в состоянии помогать ездовым тварям.

— Нужно перестроить сеть, — моргнув и, как будто, снова вернувшись в мир смертных, едва слышно проговорила эльфийка. — Чтобы солдаты его величества могли двигаться с той же скоростью, что и мы. Пусть часть магов смешается с их рядами.

Алистер кивнул, выражая согласие. Получив приказ, капитан королевских конников поскакал к хвосту последнего наряда с тем, чтобы развернуть армию короля в сторону Денерима.

— Силы магов и лошадей будут сильно подорваны, — негромко пробормотал Алистер, возвращая бумагу Ирвингу. — Но даже если гнать рысью всю дорогу, мы сможем прибыть под стены Денерима не раньше, чем послезавтра к вечеру.

— Даже если мы будем гнать рысью всю дорогу, город все равно останется стоять без помощи без малого седмицу, — угрюмо подсчитал Кусланд, рассматривая крепко зажатые в кулаке поводья. — На ночевке перед самым Денеримом устроим долгий привал. Тогда и отдохнем. Мы оставили Денериму слабый гарнизон — проклятье, ведь мы были уверены, что твари ударят на Редклифф! И... не поторопимся сейчас — может случиться, что торопиться будет уже некуда.

Глава 72

Стылый промозглый ветер налетал порывами, сбивал с ног и норовил стащить в пропасть. От скрытого снегом, покатога края до уходившей в небо скальной стены с извивавшейся вдоль нее узкой горной тропой было не более трех шагов. Колкий снег впивался в неприкрытую кожу, запорашивая, заставляя слезиться глаза. Обледенелый камень скалы, прижавшись к которой, передвигались Стражи, скользил под пальцами, не давая опоры. Хуже всего было то, что камень тропы, покрытый толстым слоем снега, не просматривался под ногами. Малейший неверный шаг мог стоить обрушения снега под тяжестью идущего и долгого падения в пропасть.

— Сулкеров перевал, — бормотал, по-видимому, не осознавая себя, Карвер Хоук, заслоняясь рукой и отплевываясь от попадавшей в рот снежной пыли. — Проклятый Сулкеров перевал...

Бредущий перед ним Дайлен нагнулся и с усилием откинул пласт твердого наста из борозды, протоптанной теми Стражами, которые шли впереди. Высотой почти до пояса взрослому человеку, борозда была узкой. Ее края норовили обрушиться перед каждым новым проходцем в цепи.

— Эй, Дайлиэн, — Амелл, единственный во всем отряде, кто, благодаря подарку Хранительницы Маретари, не продрог до самых костей, нехотя обернулся. Эльфийский вариант своего имени он не любил, но предпочитал отзываться, чтобы не вступать в лишние перебранки с Тероном Махариэлем, который оказался на редкость сварливым даже для долийца.

— Дайлиэн, — громко повторил Махариэль, потому что после первого раза он закашлялся, и кашлял долго. — Передай дальше — после вон того выступа надо идти, прижавшись спиной к скале. Тропа там очень сужается. Уступ не шире полутора шагов. А кое-где — шага. Но сейчас снег, не видно. Попадают в пропасть все твои... мои... наши братья-Стражи.

Предупреждение запоздало только на миг. В следующее мгновение Страуд, который шел первым в цепи Стражей, остутился и, вскрикнув, с огромным пластом снега рухнул в пропасть.

— Держааать!!!

Веревка, за которую был привязан Страуд, резко натянулась. Ее рывком бредущего вслед за старшим Стражем гнома сбilo с ног и поволокло к зияющему провалу. Но поставленный третьим в цепи Карвер уже успел сориентироваться, с силой вгоняя в каменную стену заготовленную заранее кирку, которую нес в руке. Его рвануло вперед, за ту же веревку, которой были привязаны попавшиеся в снежную ловушку Стражи, но молодой Хоук, стиснув зубы, удержался, вцепившись в обледенелую рукоять кирки обеими руками.

Веревка, которая отделяла от смерти скрывшихся в снежном провале Стражей, задергалась. Видимо, повиснув над пропастью, они искали опоры. Пальцы раздираемого на части под их весом Карвера соскользнули с кирки, и его тоже поволокло к обрыву, но рванувшийся следом Амелл перед самым краем в прыжке поймал брата за руку и плечо. Бросившийся следом эльф Махариэль и еще несколько Стражей из тех, кто был ближе, оттащили уже перевалившегося было за край Хоука от пропасти. Надсаживаясь и взрывая снег, они втащили обратно сперва гнома, потом человека.

Щеки низкорослого бородатого гнома алели густо-багровым, но Страуд, напротив, был бледен, как вершины Морозных гор. Некоторое время посидев прямо в снегу и отдышавшись

от едва не приключившейся смерти, он тяжело поднялся. Лица окружавших его лучших воинов Тедаса были едва различимы в метели. Он бросил еще один взгляд — на тропу, которая едва не стала последней в его жизни, и передернул плечами.

— Говорил я вам, что этот проклятый перевал даже летом почти непроходим, — проорал Махариэль, чтобы за свистом ветра было слышно всем. — А теперь и подавно! Тропа здесь не шире шага на полумеру пути. Да еще вниз по склону! Я же еще на той стороне предупреждал — пока снег не сойдет, сюда лучше не соваться!

— Мы можем попробовать сбросить снег с помощью магии, — эльфийка Сидона, чью худобу не могла скрыть даже мохнатая длинная шуба, поплотнее запахнула воротник. Кирку она держала подмышкой. — Мы ведь уговаривались об этом.

— Когда мы уговаривались, я не видел здешних уступов, — Страуд мотнул головой в метель. — Начнете тут колдовать, как бы не струнули верха. Накроет нас всех, как...

Он не договорил. Стражи из тех, кто стоял ближе и мог слышать слова старшего, вслед за ним подняли взгляды к сплошь укрытым снегом уступам склона. Те выглядели угрожающе.

— Нужно поднять слишком много снега за раз, чтобы не вызвать лавину, — Сидона обернулась, силясь разглядеть других товарищей по Ордену, живой цепью растянутых по узкой тропе. Запорошенные фигуры Серых Стражей жалась к обледенелой стене, по-видимому, довольные даже такой передышкой — в шаге от пропасти и на стылом ветру. Стоявшие ближе вытягивали шеи, стремясь понять причину остановки. Но большая часть проходцев была занята тем, что пыталась согреться, потирая плечи, руки и лица. — Мы могли бы... можно было бы попробовать объединить силы магов в нашем отряде. Но даже если вызвать сюда всех, им просто не хватит места. Тут слишком узко!

— Я предупреждал, — еще раз напомнил Махариэль, растирая побелевшую щеку.

Амелл, который все это время, хмурясь, продолжал рассматривать склон, оторвался от своего занятия.

— Я могу попробовать расчистить дорогу, Страуд, — он поймал и расцепил защелку своего крепления к общей веревке. — Сниму снег со склонов до... полной... безопасности. Но вам всем лучше отойти подальше... на случай, если я все-таки не справлюсь с лавиной.

Карвер и Терон переглянулись.

— Ты с ума сошел, — Старший Страж вскинул руку в указующем жесте. — Видишь, сколько здесь снега? Я не уверен, что вы, маги, даже совместно уберете все раньше, чем нас накроет сверху, — он опустил руку и оттянул рукав, чтобы выбить остатки забившейся в него еще при падении ледяной крошки. — Нет, я не разрешаю. Пусть передадут по цепи — позовем всех, кто умеет призывать Тень. И...

— Сидона права — мы все здесь просто не поместимся. Тут едва можно разойтись троим, — Дайлен распустил завязки своего плаща, опуская меховой капюшон и высвобождая для лучшей видимости лицо. — Нескольким магам трудно работать сообща в таком деле. Даже если мы сговоримся заранее, как нужно делать, каждый все равно видит это по-своему. Малая ошибка может смести в пропасть всех.

Страуд запрокинул голову, еще раз оглядывая нависшую над тропой скалу. Потом его взгляд сместился на свежий провал там, где снег обрушился под его весом, и Старший Страж мотнул головой, прогоняя воспоминание о недавнем смертном страхе.

— Дай мне попробовать, — ферелденец стоял уже рядом, в полушаге от пропасти, для верности придерживаясь за плечо брата. — Мы слишком много времени потратили на

дорогу. Там, в предгорьях, весна. Нам нужно торопиться.

Страуд нервно раскрутил смерзшийся ус.

— Сам знаю, — он с досадой качнул головой. — Ладно, пробуй. Но если что не так — сразу назад, понял? Без геройства, — старший Страж обернулся к замерзающему отряду. — Отходим! Всем! Отойти назад! Сидона, держись поближе. Будешь страховать этого сумасшедшего собачника.

Амелл усмехнулся. Поймав на себе выразительный взгляд Махариэля, усмехнулся уже с большим удовольствием.

— А мне что? Мне ничего, — долиец сплюнул в пропасть. — Если ты прямо сейчас упадешь вниз вместе с кучей снега, другого дорогого наставника мне выдадут еще не скоро. Хоть ненадолго вы, шемл... братья по Ордену, оставите меня в покое!

Подчиняясь приказу Страуда, цепь Серых Стражей медленно отползала назад, уходя дальше от опасного места. Но Карвер еще медлил, задерживая остальных. Через его лоб пролегла морщина.

— Мне кажется, ты... проклятие, Дайлен! Можешь считать меня безвольным сопляком, но я боюсь за тебя. Ты стал мне ближе, чем были брат и сестра... Ближе... Да единственный родич, который меня вообще когда-то замечал — это ты! Не смей тут сдохнуть. Понял?

Дайлен положил руку поверх руки брата. Он не мог не признаться себе — приятно было слышать такое.

— Доверься мне, — только и бросил он. Молодой Хоук горько дернул щекой.

— Гаррет вечно говорит то же самое. А потом обязательно случается беда.

Амелл хмыкнул.

— Но ведь Гаррет все еще жив.

Карвер безнадежно махнул рукой. Он, а за ним Страж-гном и замыкавший теперь цепь Страуд медленно и осторожно отошли на расстояние, которое могло быть безопасным при сходе лавины. Теперь фигура ферелденского мага в развевавшихся на ветру полах плаща была едва различима в метели. Амелл стоял будто бы на самом краю снежной впадины и словно что-то прикидывал про себя. Глядел он при этом не вверх, а отчего-то вниз.

— Чего он тянет? — Махариэль, который, как уже успел узнать Карвер, имел угрюмый характер, но при том, к своей и всеобщей досаде, был чрезвычайно болтлив. — Ждет, пока мы все замерзнем?

Его недоумение, ровно как и всех прочих в отряде, кому видна была площадка со стоявшим на ней Амеллом, усилилось, когда маг развернулся и сквозь снег побрел к ним обратно, цепляясь за обледеневший край скалы.

— Что, передумал? — мрачно проорал Страуд, когда понял, что ферелденец способен слышать сказанные против ветра слова.

Дайлен мотнул головой и, придерживаясь за трещину во льду, через Карвера перебрался ближе к Сидоне, у которой на плече был привешен магический посох.

— Дай мне эту палку.

Получив нужное, он по протоптанной в снегу тропе снова вернулся к провалу. Несколько мгновений постоял на его краю, примериваясь, потом утвердился покрепче и поднял посох, наверху указывая на покрытый снегом склон.

С их места отряду Стражей было плохо видно происходящее. Метель и создаваемый ею туман укорачивали человечесь и гномье зрение. Вот почему первыми, кто увидел начало, были Сидона и Терон.

— О, Великий Волк!

Снег, что могучими пластами устилал скрытую им тропу, уступы и тело склона, больше не лежал неподвижно. Он страгивался, стекал все укрупнявшимися струями, но не падал вниз, а задерживался в воздухе перед тропой, на которой стоял Амелл. Таких струй становилось все больше. словно гигантские змеи, оставлявшие по себе мохнатый снежный след, они поднимались в воздух и, закручиваясь в спираль, перетекали во все прираставший снегом огромный ком. Ком не был однородным. Он постоянно вращался мириадами снежных завихрений, которые поднимались в мутное серое небо и возвращались в тело исполинского снежного шара. Казалось уже, что этот шар был больше самой горы.

Сидона, как и прочие, в безмолвии созерцавшая чудовищную магию ферелденского Стража, фигура которого была едва различима в метели, тронула за плечо застывшего Страуда.

— Склон!

Очнувшийся от ошарашенного созерцания исполинского снежного шара, старший Страж перевел взгляд на лежавшую перед ним дорогу. Снег с нее был полностью сдут. Черный камень тропы, которая оторачивала гору точно каймой, был обнажен, позволяя видеть все трещины и осыпи, которые ранее были прикрыты снегом.

Страуд снова посмотрел на шар и вздрогнул. За малое время тот словно сделался в два раза больше и все продолжал прирастать новыми снежными наносами с тела горы. Ферелденский маг вращал наверх посоха и огромная разуплотненная махина снега и пурги вращалась вслед за ним.

— Чувствуешь ветер? — свистяще прошептал на ухо Карверу Терон Махариэль. — Засасывает!

Метель, ранее летевшая в лицо, действительно изменила направление. Теперь она словно подталкивала под колени, мягко увлекая в сторону пропасти, в которой уже неповоротливо и тяжеломерно вращался огромный снежный шар.

— Всем! Укрепиться! Живей!

Голос Страуда унесло в противоположную сторону. Ветер налетал уже сильными порывами, норовя оторвать спешно вгрызавшихся в камень кирками и зацепами людей и сбросить их с тропы. Далеко впереди Амелл, заслонившись рукой, а в другой крепко зажав посох и воздев его над головой, продолжал собирать снег с уступов, обнажив, должно быть, уже половину горы.

— Если вся эта прорва снега разом рухнет, — мрачно предположил Страуд, не надеясь, что его расслышат даже цеплявшиеся друг за друга рядом гном и эльфийка. — Храни Создатель там, внизу, на многие меры пути оказаться человеческому жилью...

Он умолк, потому что в этот миг Амелл воздел другую руку. В воздухе ослепительно полыхнуло. Несколькими мгновениями позже проморгавшиеся Стражи увидели небывалое — чего более не могли надеяться увидеть где-либо еще за всю свою жизнь. Огромный, как гора, плотный снежный буран, постоянно вращавшийся и будто дышавший, как живой, со всех сторон был объят огненным ореолом. Огонь становился все гуще и плотнее. На прижавшихся к скале орлесианцев повеяло жаром.

— Это невозможно! — скинувшая руки, чтобы заслониться от теперь уже горячего воздуха эльфийская магиня, с усилием протерла рукавами шубы взопревший лоб. — Ни одному магу не под силу такое! Он... он надорвется! Я...

Продолжавший вращаться снежно-огненный шар прорвало плотным горячим дождем.

Дождь падал сплошными струями, что испарялись на глазах, распространяясь и растекаясь громахавшими тяжелыми тучами. Тучи эти разрывало горячим темным туманом и вновь смыкало, опуская в стороны и вниз. Порывы ветра, то холодные, то горячие, налетали теперь на тропу с разных сторон, но отчаянно цеплявшиеся за скалу Стражи уже не давали застичь себя врасплох. На их глазах снежный ком стремительно таял, уже не напоминая гору, скорее — большой холм. Тучи от него продолжали расходиться, громахая уже где-то внизу, над предгорьями, весенней грозой. Амелл продолжал стоять у края пропасти, посылая миру Тедаса волны магии Тени. Даже издали можно было ощутить его напряженную, нечеловеческую сосредоточенность.

— Не знаю, как ему это удалось, но он может вот-вот потерять сознание, — Сидона опустила руки, и, сощурившись, взгляделась в фигуру мага. — Это... я даже не могу представить, как он это... сделал!

— Да, колени у него подгибаются, — подтвердил остроглазый, как все эльфы, Терон. — Как бы не свалился, в самом деле. Не самый плохой шемл... Серый Страж. Бывают и хуже.

Словно в ответ на его слова Дайлен пошатнулся и припал на колени. Посох откатился к стене, а сам маг вцепился в мгновенно смерзшийся лед на тропе. Более ничем не сдерживаемые остатки снежного кома рухнули вниз. Дайлен несколько раз с силой тряхнул головой.

— У него мрак перед глазами! — Карвер рванулся, едва не сбив с ног Махариэля, которого дернуло вслед за ним. Молодой Хоук с досадой поймал свое крепление к общей веревке и дернул за него. Смерзшийся механизм ответил хрустом.

— О, Создатель! Да помогите же ему!

Стоявший на четвереньках Амелл поднял лицо. Лишь Сидона успела заметить помутненный взгляд. Оттолкнувшись ладонями, ферелденец попытался приподняться, оперевшись на каменную стену, но промахнулся мимо нее рукой. Его ладонь скользнула по камню. Потерявшего равновесие Дайлена сильно качнуло в сторону пропасти и налетевшим сильным порывом ветра просто, как будто он был снежным пластом — сбросило вниз.

— Брат!!!

Карвер, наконец, с треском вырвал свое крепление. Но было поздно. Падавшее тело одетого в черное Дайлена было хорошо видно с их места. Оно стремительно несло вниз. Разорвав плотный темный туман, обреченный ферелденский маг скрылся за тучей и пропал с глаз.

Некоторое время ошарашенные Стражи стояли неподвижно. Карвер с перекошенным лицом застыл в опасной близости от края тропы. В его руках подрагивало сломанное металлическое кольцо.

Но никто не успел обменяться даже взглядом. Внезапно плотную пелену облаков под ними разорвало стремительно взлетевшей снизу темной тенью. Уставшие изумляться Серые Стражи в немом недоумении смотрели на приближавшегося к ним черного могучего орла с звериным телом. Взмаху покрытых острыми перьями черных крыльев мог позавидовать юный дракон. Грифон — а зверь не мог быть никем иным, кроме грифона, стремительно добрался до людей, сделал круг над тропой, овеяв тех, кто был ближе, воздухом от тяжелых взмахов и — рухнул на ту самую расчищенную площадку, с которой несколькими мгновениями позже сорвался ферелденский маг.

Бросив короткий взгляд на застывшего Карвера, потом — Сидону, Страуд сделал осторожный шаг к перетаптывавшемуся и оскальзывавшемуся лапами на камнях грифону,

которому было явно тесно на площадке. Считавшийся давно вымершим хищник не выказывал дурных намерений и, похоже, вообще не обращал внимания на людей. Он был занят тем, чтобы угнездиться на уступе. Кое-как утвердившись на упругих когтистых лапах, он напряжился. Мгновенно распавшись на угольно-черный дым, зверь взвился в небо на высоту человеческого роста и так же стремительно собрался в человека. Дайлен Амелл покачнулся, но уже твердо вцепился в скалу, явно не собираясь повторять своего падения.

— Шут! — опомнившись от потрясения, гаркнул Страуд, не опасаясь лавин, несмотря на то, что метель утихла, и его голос эхом отразился о ближайшие скалы. — Шут гороховый! Какого демона ты творишь, сумасшедший собачник! Спустимся в низину — я тебя выдеру! Клянусь Создателем, я найду самую толстую палку и сломаю ее об тебя!

Карвер закрыл рот и как мог быстро по узкой тропе добрался до брата. С его помощью Амелл добрался до Страуда, придерживая плечо.

— Вывихнул от страха, — едва ворочая языком, признался ферелденский маг, чувствуя себя неловко под направленными на него взглядами. — Я же только... только над формой работал, и то — не больше седмицы. Никогда раньше не пробовал летать. Я... прости меня, Страуд. Клянусь именем Андрасте, я не специально прыгнул в пропасть. Голова кружилась так, что вообще было не различить, где верх, а где низ...

Сидона взяла из рук Карвера свой посох. Его наверху было оплавлено.

— Я никогда не видела ничего подобного, — негромко проговорила она, трогая пострадавший металл. — Ты словно черпал магию не из отмеренного тебе Создателем предела сил, а из самой Тени...

— Так и было. Но я могу творить такое только с магией стихий, — Амелл покосился на Страуда и глубоко вздохнул. — Должно быть, со стороны кажется, что я снял слишком много снега, а можно было меньше. Но когда я попытался счистить только нижние склоны, начались снежные оползни. Мне не оставалось ничего больше, кроме как подхватывать и их тоже. Ну, а... спустить такую глыбу снега на тех, кто живет внизу, я не мог. Поэтому пришлось разогреть... Но ведь никто не пострадал. Ни у нас, ни там.

Страуд медленно, через силу кивнул.

— Ладно, — нехотя признал он. — Я погорячился. Похоже, у тебя в самом деле не было выбора. К тому же я... был удивлен тем, что увидел. Такой маг, как ты, может в одиночку разогнать целую армию тварей.

— Если такой маг, как я, получит стрелу в горло, он умрет, как любой другой человек, — Дайлен оправил на себе долийский подарок и дрожащими руками затянул покрепче пояс с креплением. — Быть может, теперь, когда отряд отдохнул, можно двигаться дальше? Я... я чувствую — нам очень нужно спешить.

Глава 73

Глава 73

В предгорьях царила весна. Полуденное небо отливало лазурной синевой, лишь слегка подернутой белой облачной рябью. Из набухших почек кое-где проклёвывалась зелень листвы. Зелень была и под ногами — пробивалась из влажной, дышащей свежо и пряно земли. За растянувшейся белой громадой Имперского тракта виднелись прибрежные холмы и ровная гладь Каленхада. Воды великого озера казались уже не зимними, серыми, а

порыжелыми от глины, которую со склонов смывали потоки от таявшего снега. По правую руку от остановившегося передохнуть, обмороженного и едва живого от усталости отряда орлесианских Серых Стражей, туда, куда змеей убегал Имперский тракт, на холмах располагался Редклифф. Серая громада замка хорошо проглядывалась с того места, где они стояли.

— Небольшой город, — поделился наблюдениями один из Стражей, молодой и носатый, с сильным орлесианским акцентом. — Домов почти не заметно.

— Сам город — дальше, за замком, — упираясь ладонью в колено и морщась от боли в спине, вывернутом плече и где-то под брюхом, уточнил Дайлен Амелл, единственный из отряда хорошо знавший эти места. — Если смотреть отсюда — видна только малая доля.

— Ты родился здесь, брат? — Карвер, как всегда, был рядом со своим чудесным образом обретенным родичем.

— Да, здесь, — Дайлен с натугой выпрямился и указал на замок. — Обойти можно только справа. За резиденцией эрлов тракт вильнет и пойдет дальше, на Лотеринг. Там будет большой, широкий спуск, со ступеньками. И рядом пологий, для повозок и всадников — прямо к Редклиффу.

Страуд, все время разговора воевавший со сломанной пряжкой заплечного ремня, не мудрствуя, перетянул ремень петлей. Его небритое усатое лицо было жестко обморожено, как и лица большинства совершивших тяжкий горный переход Серых Стражей. Щеки ввалились. Подняв голову, он некоторое время вглядывался вперед, на круживших над замком птиц.

— Сколько отсюда да замка? — отрывисто бросил он.

— Не больше часа пути, — Дайлен повел плечами, потом не выдержал, дернувшись рукой к зудевшему пространству между лопатками, но натолкнулся на металл доспеха. — Зато у эрла имеется знатная купальня. Выпарим из себя весь мороз этого проклятого перевала.

Терон Махариэль, который, несмотря на постоянные выпады против отпрысков семьи Амелл, постоянно держался рядом с ними, презрительно хмыкнул.

— Да, тебе было бы неплохо ею воспользоваться. От тебя несет хуже, чем от Карвера.

Братья переглянулись. Страуд метнул на эльфа мрачный взгляд.

— Ты себя-то нюхал, брат Страж? — не выдержал другой орлесианец. Молодой, высокий и белокурый, он мог бы показаться красавцем, если бы не мощные надбровные дуги, поневоле наводившие на мысль о впрыске косситской крови в человеческую. Увидев этого орлесианца в первый раз, Дайлен впервые за все время засомневался в том, что почтенный тейрн Брайс не был отцом его друга. Кроме роста и нехарактерной для рыжих смуглой кожи, Айан Кусланд ничем не напоминал коссита. Белокурый Арлен Венье же выглядел так, словно только что спилил рога. Впрочем, уши у него были абсолютно круглыми, а сложение — изящным. Напрямую же выспрашивать подробности его происхождения Дайлену было неловко.

— Нет, а зачем? — непрошибаемой уверенности долийца мог бы позавидовать осадный таран. — Как бы я не пах, от вас, людей, смердит сильнее.

Страуд махнул рукой. Стражи поднимали с земли сброшенные полупустые мешки и устремлялись вдоль Имперского тракта, к едва различимому впереди Редклиффу.

— Почему ты его не одернешь? — белокурый Арлен поддернул мешок и, ускорив шаг, пошел рядом с Амеллом. — Как наставник ты имеешь право.

Ферелденец смерил хмурым взглядом спину вышагивавшего впереди всего отряда Махариэля.

— Узнаю в нем раннего себя, — наконец, нехотя проговорил он, поскольку Венье еще ждал ответа. — Он сам поймет... когда придет время.

— Эй, Дайлиэн!

Дайлен дернулся, но смолчал и здесь. Мигом позже до него дошло, что сказано это было совсем другим тоном, чем все прочее до сих пор.

— Дайлиэн, — опять позвал долиец и, дождавшись, пока Амелл и встревоженный Страуд догонят его, указал вперед. — Видите дымы?

Из-за замка и впрямь выползло марево едва заметного человеческому глазу, рассеивавшегося в воздухе темного дыма.

Твари напали неожиданно.

Еще сколько-то времени назад капитан Харрит проверял бдительность стоявших у входа в Церковь храмовников, и задержался, чтобы отчитать младшую сестру за плохо выметенный церковный помост.

А в следующий миг из портовой части города, той, что примыкала к глинистым холмам, раздались полные ужаса женские крики.

Со стороны пристани появилось несколько бегущих женщин. Они волокли за руки детей. Вслед за ними из-за домов показывались высокие и низкорослые, перемазанные в глине фигуры, кое-как увешанные разномастной броней, но — с оружием в руках.

Харрит стоял далеко, и ему никогда раньше не доводилось встречаться с порождениями тьмы. Но он сразу понял, кого видит перед собой.

Капитан храмовников Редклиффа оказался в непрестом положении. После бойни, устроенной в Редклиффе демоном, который вселился в сына эрла, подкреплений он так и не получал. Для поддержания порядка в небольшом, но все же городе, ему было оставлено всего шесть воинов. Остальных увел рыцарь-командор Грегор в спешном марше на Денерим. В замке эрла был гарнизон, но стражники не успели бы добраться сюда, даже если бы уже бежали на помощь.

— Тревога! Порождения тьмы! Тревога!

Харрит резко обернулся. Дверь Церкви грохнула, выпуская последнего из вверенных ему шести рыцарей. Капитан ткнул перстом в самого младшего, сэра Райстка, который был посвящен только этой весной. На лице мальчишки замешательство мешалось с отчаянной отвагой.

— Ты. Беги, собирай всех, кого успеешь, и уводи к замку. Его стены будут защитой от тварей. Ну!

Собиравшийся, по-видимому, возразить, храмовник, натолкнувшись на яростный взгляд капитана, мгновенно передумал. Хлопнув глазами, он со всех ног, насколько позволял ему тяжелый доспех, бросился к встревоженным домам. Харрит снова обернулся к порту. Крики перемежались ревом порождений тьмы, хрустом и треском ломаемого дерева. На глазах храмовников рослая проклятая тварь догнала убегающую женщину и полоснула ей по спине мечом. Где-то у самой воды уже пылал чей-то дом, вознося в небо темно-синий дым от тлевшей влажной крыши.

— За мной! Задержим их!

Рыцари Церкви двинулись навстречу бегущим горожанам и преследовавшим их тварям.

Они понимали, что их цепь сдержит тварей лишь в одном месте и — лишь на малое время. Порождений тьмы становилось все больше. Они выбирались из-под настилов и свай, перепрыгивали через ограды. В городе запылал еще один дом, потом еще и еще. Несмотря на то, что была ранняя весна, и стены домов были пропитаны зимней сыростью, занимались они хорошо, давая много дыма.

— Спасите! Во имя Создателя, спасите!

Мелькнуло перекошенное лицо старухи с безумными глазами. В ее руках бился, заходясь в крике, завернутый в тряпки младенец. От кузницы на подмогу храмовникам бежал старый оружейник Оуэн. Наспех нахлобученный шлем хлопал кожаными подвязками по морщинистым щекам. В руках кузнец некрепко сжимал меч и щит.

Еще несколько женщин и ребенок пробежали мимо выстроившихся на площади рыцарей Церкви. Последним оставалось лишь благословлять предусмотрительность эрла Эамона, приказавшего разобрать только часть осенних баррикад. Город готовился к осаде, и теперь укреплениягодились. В этом месте порождения тьмы могли пройти только мимо них. О том, что путь от порта был не только через площадь, Харрит предпочитал не думать. Ровно как и о том, что этот бой был последним в его жизни.

Первых тварей храмовники встретили мечами. Вид уродливых гарлоков, гнилых и вонючих, кое-где покрытых мерзкой слизью, разносящей заразу, ошеломил рыцарей, но лишь на несколько мгновений. Бронированный строй храмовников обучено встал стеной, выставив щиты и отбиваясь от наскაკивавших на них тварей. Порождения тьмы налетали, как бешенные псы, размахивая оружием — плохим и хорошим, большинство из которого было сделано людьми и, видимо, когда-то отнято у них же. Они все прибывали. Дым от горящих домов стелился над землей, взлетая в небо, и вновь с порывами ветра опадая на храмовников, которые теперь отмахивались от нападавших почти вслепую. Крики горожан, хриплый вой порождений тьмы, звон оружия и рев пожара — все это давно смешалось для капитана в один непрерывный кошмар, в котором тонуло понимание, оставляя только воинское умение рук, которым для того, чтобы рубить и колоть, не нужен был разум.

Он не помнил, сколько продолжалась битва. Кто-то падал — справа и слева от него. Кто-то кого-то тащил в сторону — по-видимому, кроме кузнеца Оуэна к битве присоединились еще несколько оставшихся в Редклиффе старых или немощных мужчин. На капитана из дыма бросались все новые и новые твари, и иногда чудом остававшемуся в живых храмовнику в полубреду казалось, будто вокруг — кромешная ночь, а он снова отражает атаку мертвецов, поднятых проклятым демоном. Харрит не помнил уже никого и ничего, даже собственного имени. Он отбивал удары, уворачивался, хрипя и взреывая, точно сам уже был не человеком, а проклятой тварью. Рядом хрипели и выли, звенело оружие, кто-то надсадно вопил так же, как вопил, наверное, и сам капитан, крича и сам не слыша своего крика...

И вдруг все кончилось.

Чудовищный сноп огня, прилетевший откуда-то из дыма, из-за спин яростно кидавшихся тварей, ударился в кучку сгрудившихся у баррикады людей. Взрывом их разметало по камню площади и — для сэра Харрита пришла внезапная тишина. Звуки не пропали, но отодвинулись так далеко, что он едва их различал. Лежа на камнях, он бессмысленно и тупо смотрел, как в открывшуюся брешь хлынули порождения тьмы, как одна из тварей подбегает к нему, заноса топор для последнего удара...

И опрокидывается навзничь с торчащей из глазницы стрелой. Мигот спустя следующий

рванувшийся к капитану гарлок споткнулся, потеряв разбег, и рухнул рядом. Третьего частично опомнившийся Харрит встретил мечом и, увернувшись от косого взмаха, полоснул тварь по ногам, откатываясь в сторону.

Стремительная темная тень пронеслась над ним в дыму. Изумленный храмовник застыл в одной позе, опершись на локоть одной руки и сжимая меч в другой. Прямо перед ним на камень площади упал огромный черный грифон и, разуплотнившись дымом куда более черным, чем тот, который нагонял ветер от горящих домов, собрался в человеческую фигуру.

Человек-грифон, показавшийся смутно знакомым, шагнул вперед, навстречу порождениям тьмы, которые довершали расправу с защитниками города. Он резко мотнул головой — и сильным порывом ветра тварей рвануло назад, отбрасывая на колья баррикады.

— Во имя Создателя!

Маг-оборотень стремительно пошел навстречу набегавшим новым тварям, вскидывая обе руки. Между его ладонями затрещали переплетения фиолетовых молний. Пригнувшись, маг швырнул этот клубок, словно закатывая мяч, под ноги близким порождениям тьмы.

Все разрастаясь, клубок стремительно пробежал по влажному камню, заполняя собой все пространство за баррикадой, по которому к ее брешу бежали проклятые твари. Попадая в фиолетовую паутину, те замирали, не в силах сделать больше ни движения и, дергаясь, оседали наземь обугленными, дымящимися тушами. Маг увернулся от второго снопа пламени, первый из которых ранее разбил защитников, и, сотворив заклятие, швырнул его в единственную тварь, которая не поддалась его молниям — отстоявшую чуть далее, на обломках чьей-то телеги.

Могущее творить магию порождение тьмы смело с его насеста, впечатав в стену дома. Явившийся из ниоткуда маг-оборотень коротко оглядел место недавней схватки, тяжело пытавшегося подняться на ноги храмовника. И, не говоря ни слова — побежал куда-то в проулок.

Опираясь на меч, Харрит подтянул сперва одну, затем другую ногу. Медленно выпрямился и замер на некоторое время, перенеся большую часть своего веса на оружейную рукоять. Звуки вернулись, но стали глухими, точно он их слушал из кожаного мешка.

Рядом шевельнулись, и капитан, все еще не понимая, что делает, машинально вырвал меч из расщелины между камнями и с силой воткнул его в шею обезноженного им, но не убитого гарлока. Потом снова выпрямился, чувствуя боль во всем теле. Со стороны улицы, ведущей в порт, появилось еще несколько порождений тьмы. Они приостановились, должно быть, пораженные открывшимся перед ними видом их обугленных сородичей. Харрит поднял меч. Смерть не ушла — она лишь отодвинулась, следуя своей непонятной прихоти...

Свистнула стрела, обдав храмовника холодком рассекаемого воздуха, и двинувшийся к нему гарлок упал, царапая живот. Обернувшись, Харрит разглядел сквозь дым приближавшиеся вниз по улице фигуры в походных доспехах и меховых плащах. Воспаленный взор храмовника различил на груди переднего эмблему — хорошо известную каждому в Тедасе.

— Серые Стражи! Создатель, откуда?

Из-за спины усатого, изможденного Стража выдвинулся молодой эльф, на ходу натягивавший большой лук. Харрит скорее почувствовал, чем узнал руку лучника, которая уже трижды успела спасти ему жизнь.

Приостановившись возле едва стоявшего на ногах храмовника, усатый Страж махнул рукой. Обходя его, остальные бросились в открытую брешь, на поредевших порождениях

тьмы. Усатый шагнул вплотную к капитану и, приблизив лицо, почти обнюхал его, бесцеремонно схватив за грудки.

— Удивительно, — выпустив храмовника, сквозь зубы выплюнул Страж. Говор у него был чужим, но не по-орлесиански гундосым. — Повезло тебе, церковник. Ты залит поганой кровью с головы до ног. Но внутри скверны нет. Пока нет.

— Доспех мой... был благословлен... благословлен самой Верховной, — сглотнув, Харрит пошатнулся и схватился за край баррикады, чтобы не упасть. — Должно быть, он ограбил меня... Но, во имя Создателя, откуда... здесь... вы?

Глава 74

Глава 74

Карвер добежал до конца переулка, на который указал выживший храмовник. Здесь дома сильнее, чем в других местах пострадали от пожара. Новопосвященный Страж поскользнулся, проехавшись подошвами по жидкой грязи, хотя нигде больше в городе не было мокро. Удержавшись за установленную тут треногу для чистки подошв, он задрал голову. Крыши домов выгорели почти начисто, но обугленные балки стен еще тлели, словно на могучее пожарище из неоткуда обрушилось с полсотни бочек воды. Без сомнений, он был на правильном пути.

— Дайлен! — позвал он, оглядываясь вокруг. — Дайлен!

Карвер замер, прислушиваясь. Со стороны площади доносились неясные звуки — по-видимому, большинство орлесианцев уже вернулось к ожидавшему их Страуду. Туда сходились и выжившие ферелденцы. Здесь же, на узком сыром пяточке между домами, даже солнце светило будто тусклее. Потрескивали до конца не загашенные бревна. Где-то капала вода. В одном из темневших проемов скорчилось тело горожанина. Несчастный лежал ничком, даже в смерти мучительно выгнувшись. Из его спины был вырван кусок мяса. Рядом с ним медленно замерзались его убийцы. Без сомнений, оба гарлока сдохли в тот самый миг, когда кто-то, походя, превратил их в ледяные глыбы. Однако, они продолжали оставаться на ногах. Один — с мечом, высоко занесенным над головой.

Сильно пахло гарью.

— Дайлен! — еще раз требовательно проорал Карвер, пытаясь заглянуть в один из проемов. — Страуд велел всем собираться на площади. Как можно скорее!

Он снова умолк. Его призыв, как и предыдущий, остался без ответа. Но внутри крайнего дома Стражу померещился шорох.

Вытащив меч, молодой Хоук медленно двинулся в эту сторону. Добравшись до вырванной двери, которая валялась перед домом, а потому обгорела меньше, чем стены, Карвер вошел в разрушенное пожаром жилище.

На полу у самого порога застыл еще один гарлок. Из его грудины торчал толстый кусок льда. Карвер переступил черездохлое порождение тьмы и, неслышно перешагивая через валявшийся всюду мусор от обвалившейся крыши, добрался до входа в соседнюю комнату.

Дайлен обнаружился тут же. Стоя на коленях перед полуобгоревшей постелью, он прятал лицо в мокрую и вонючую простыню. Голова его дергалась, вжимаясь все глубже, точно брат пытался выгрызть зубами паразитов, шныряя они здесь.

На кровати лежала мертвая девушка. Карвер привык слышать в историях про мертвых

дев, что смотрелись они так, будто спали. Но не эта. Смертная судорога выгнула ее тело, рот был полуоткрыт, словно, уже не живая, она продолжала кого-то звать. Звать, а не кричать бездумно — отчего-то молодому Стражу это представилось именно так. Грудь ее была расплосована почти до самого бедра. Плотная ткань некрашенного платья пропиталась темно-красным так, что некрашенными оставались только рукава. Из огромной полуоткрытой раны проглядывались внутренности. Дайлен комкал скрюченными пальцами уже никому не нужную постель, корчился и молчал. Из-за того, что он по-прежнему не поднимал лица, хотя не мог не слышать вошедшего, Карверу стало не по себе.

— Дайлен, — позвал он еще раз и едва не подавился языком, получив ответ. Никогда юный Хоук не слышал такого глухого воя от спокойного в всегдашней самоуверенности Амелла.

— Она ждала, — донеслось как будто из самой утробы родича, потому что маг не поднимал головы. — Она одним своим образом... смогла вернуть мне... разум. Подарила мне... А я... О чем я только... Кейт меня... ждала, а я...

Карвер топтался рядом, не зная, что сказать и как утешить брата. Он был наслышан о Кейтлин, уже приглашен на будущую свадьбу и ждал встречи с ней с немалым любопытством. К тому, что встреча будет такой, он не был готов. Никакие слова не шли ему на язык.

Бормотание Амелла постепенно сделалось несвязанным и смолкло. Хоук закусил губу, прикидывая, как еще раз напомнить о приказе старшего Стража.

Внезапно в большом шкафу, который стоял в дальнем углу комнаты и совсем не был затронут пожаром, что-то упало с глухим стуком.

Карвер схватился за меч. Дайлен поднял всклокоченную голову и, рывком вытерев красное, помятое лицо, дернул рукой.

Дверцы шкафа распахнулись. Из них в куче тряпья на пол вывалился полузадушенный Бевин.

Страуд пересчитал своих людей. Все Стражи, за исключением Хоука и Амелла, были на месте. В стороне у баррикады мрачная Седона отдавала распоряжения подтянувшейся из замка страже. Горожане уже трудились под руководством чудом выжившего старого кузнеца Оуэна, обрушивая часть домов. Те жилища, которые стояли ближе к порту, были осквернены порождениями тьмы и по указанию Стражей должны были быть преданы огню, чтобы не дать распространиться заразе.

— Где Амелл? — старший Страж с силой протер воспаленный глаз основанием ладони. Он очень устал, но не мог позволить себе даже присесть, пока ситуация окончательно не разрешится. — Каким он демоном там занят? Нужно поскорее спалить эту часть города, пока скверна, охраня нас Создатель, не попала в воду. Но так, чтобы город не занялся весь. Здесь нужна его магия. Где их носит, этих... этих родственников?

Троюродные братья показали из проулка, ведущего к площади, спустя только четверть временной меры. Маг шел неуверенно, спотыкаясь. Издали его можно было принять за потерявшего посох слепца. Карвер нес на руках бессознательного ребенка. Не приближаясь к ожидавшим их Стражам и храмовнику Харриту, Хоук отделился от Амелла и ушел со своей ношей в сторону церкви. Дайлен подошел и безучастно остановился среди товарищей. Мгновенно оказавшийся рядом Терон недоверчиво взглянул в бледное, в пятнах, лицо.

— Ты ревел, что ли?

Амелл не ответил, похоже, вообще не услышав обращенного к нему вопроса. Страуд хмуро обернулся к сидевшему на перевернутой вверх дном бочке капитану храмовников, который уже успел избавиться от доспеха. Одежду, впрочем, он не переменял. Смывая остатки скверны, на рыцаря Церкви вылили не менее трех ведер воды, и вид у храмовника был взъерошенный и мокрый.

— Я уже сказал. И повторю еще раз для тех Стражей, которые не слышали. Пятого дня из Денерима была птица. Банн Теган сообщил, что город осажден порождениями тьмы — Денерим, а вовсе не Редклифф, как предполагал Страж-Командор Кусланд с самого начала. Армия, которая была собрана для противостояния порождениям тьмы, под предводительством рыцаря-командора Грегора в срочном порядке ушла к столице. Сегодня будет пятый день. Если они не подошли к Денериму сегодня, то, значит, подойдут завтра утром.

Страуд дернул щекой, окидывая взором усталых, потрепанных, обмороженных и угрюмо взиравших на рыцаря Стражей.

— Даже если мы выступим прямо сейчас, мы не успеем в Денерим к началу битвы, — мрачно проговорил он.

— Погодите, — Харрит привстал, придерживая помятый бок. — Вы хотите сказать, что... собираетесь оставить Редклифф без помощи? Эти твари отбиты, но ведь могут прийти новые! У города всего защитников — я, Райстк и двадцать стражников из замкового гарнизона, половине из которых — за пятьдесят!

— Наш долг — убить архидемона, — Седона, которая закончила отдавать распоряжения, подошла и остановилась рядом со Страудом, опираясь на посох. — За этим мы пришли в Ферелден.

— Но нам не успеть, — Страуд с досадой ударил по колену перчатками, которые он держал в руке. — Разве что на крыльях.

Он умолк и, осененный внезапной мыслью, посмотрел на Амелла. Миг спустя бледный маг оказался в кругу общего внимания. На него смотрели все, даже сразу уразумевший идею старшего Стража храмовник.

Из-за церковных дверей показался молодой Хоук и быстрым шагом направился к отряду. Но Страуда он больше не интересовал. Его взор был обращен на Дайлена.

— Я сейчас же полечу в Денерим, — не поднимая глаз, бесцветно пообещал Амелл, не дожидаясь слов. — Если еще можно успеть к битве — я успею.

Он дернул горлом. Протолкавшийся к нему Карвер стиснул братово плечо.

— Я и сам хотел предупредить тебя о том, что должен лететь... погоди, я закончу. Только что мне был дан знак. Я часто молил о вразумлении, к чему мне дарована такая сила. Ведь магия и маги противны Создателю, — кашлянув, Дайлен прочистил горло и заговорил громче. — Сегодня Создатель явил мне свою волю. Я понял... многое, недоступное моему разумению раньше. О том, почему погибла моя семья и почему... моя родная сестра пала от моей же руки. Теперь, когда мертва и... моя невеста, у меня больше не осталось привязанностей, — он положил руку поверх руки Карвера и снял ее со своего плеча. — Мы все знаем, что уничтожить оскверненного бога может только Страж. Воля Создателя, чтобы архидемона убил я. И, стоит смотреть истине в лицо — мне уже приходилось убивать высшего дракона, и я единственный из вас, кто способен это сделать.

Струдившиеся вокруг орлесианские Стражи молчали. Далекое не все из них понимали до конца, о чем говорил ферелденец, но с тем, что лишь он мог успеть в Денерим до начала

схватки — и сразить безумного дракона Уртемиэля, трудно было спорить.

Страуд медленно кивнул.

— Ты знаешь, что случается со Стражем, который убивает архидемона? — только спросил он.

Дайлен потер кисть обмороженной руки, с которой местами слезала кожа.

— Прошлый Страж-Командор Ферелдена рассказал мне об этом еще до посвящения, — маг снова прочистил горло. — Это не мое решение. Такова воля Создателя.

— Тогда отправляйся, — старший Страж мотнул головой в сторону неба. — Торопись. И да направит твою руку благая Андрасте.

— Подождите, — Карвер снова схватил за плечо Дайлена, разворачивая его к себе. — Ты... тебе потребуется помощь. Я полечу с тобой. Страуд, — он резко обернулся к старшему. — Разреши!

Усатый Страж дернул плечами.

— Чем больше наших примет участие в битве — тем больше у нас возможности убить проклятого дракона. Летите вместе. Не тратьте время. Мы выступим вслед за вами, как только убедимся, что этому городу больше ничего не угрожает.

Амелл не стал спорить. Он махнул рукой, жестом побудив всех, даже брата, отойти на некоторое расстояние. Привставший Харрит вновь увидел обволокнувший мага угольно-черный дым, из которого вышел уже не человек, а грифон.

Карвер обвел взглядом молчаливых орлесианцев, храмовника, кивнул Страуду. Потом с внутренним замиранием сердца повернулся к ожидавшего его зверю. После недолгого замешательства, Дайлен осторожно припал на передние, полуптичьи лапы, делаясь ниже и давая брату возможность взобраться на его спину.

— Храни вас Создатель!

Черный грифон поднялся на лапы. На его спине Карвер судорожно вцепился в длинные, в локоть взрослого мужчины, черные перья. Тяжело подпрыгнув, грифон взмахнул огромными крыльями и, разметав не успевших убраться Стражей потоками воздуха, взмыл в весеннее небо.

... Мигом позже он рухнул обратно. Сброшенный на камни Карвер больно ушиб ладонь. Выпрямившийся человеком Амелл схватился за плечи.

— Слишком тяжело, брат.

Хоуку помогли подняться. Прихрамывая, он шагнул к ожидавшему его родичу. Братья смотрели друг на друга краткий миг, потом так же коротко обнялись. Ни говоря больше ни слова, Дайлен отвернулся, собираясь вновь распастись дымом, но в последнее мгновение натолкнулся на еще один взгляд. Глядевший с завистью эльф Махариэль отвел глаза, против обыкновения, промолчал. Но за это краткое время наставник его понял.

— Полетишь на мне, вместо Карвера, — не спрашивая и не ожидая возражений, проговорил он. — Такой вес мне по силам. Будет нужна твоя помощь.

Глава 75

Глава 75

Вечерний лагерь, разбитый в нескольких полных временных мерах пути от Денерима, был тихим — насколько тихим мог быть военный лагерь большой и разномастной армии.

Тихо потрескивали дрова, булькало варево над кострами, негромко пофыркивали кони. Люди, гномы и эльфы не заводили разговоров сверх необходимого. Все были утомлены несколькими днями непрерывной оголтелой скачки и подавлены грядущим завтра. После единственной, добравшейся до Редклиффа птицы, вестей из Денерима больше не поступало. И, хотя об этом не говорили вслух, многими владели мрачные предчувствия — о том, что город, оставленный так надолго с малым гарнизоном, мог и не выстоять под натиском порождений тьмы. Назавтра могло случиться так, что оказывать помощь будет попросту некому.

Лелиана сидела у дальнего костра, давно и бессмысленно натачивая меч. Меч уже был так остер, что мог перерубить в полете волос, но бывшая орлесианская бардесса все водила и водила точилом. Ее отросшие рыжие волосы падали на красивое угрюмое лицо, пухлая нижняя губа была закушена. Временами девушка обращала взор блестящих глаз на разбитый в центре лагеря королевский шатер, край которого был виден с ее места. Потом опускала голову ниже и вновь принималась за свою бессмысленную работу.

За спиной прошелестело и кто-то сел рядом. Лелиана недовольно повела плечами. Она с умыслом устроилась на ночлег дальше от центра лагеря, чтобы избавиться от любого общества настолько, насколько это было возможно. Однако когда она обернулась к нарушителю своего уединения, ее удивлению не было предела.

— Морриган? Создатель, откуда? Я думала, ты покинула Стражей. Тебя не было видно так давно!

Лесная ведьма усмехнулась, стягивая на плечах края теплого плаща.

— Не рада ты мне.

Лелиана тряхнула волосами.

— Нет, что ты. Я рада, что ты жива. Просто... не думала, что когда-нибудь увижу тебя снова, — взгляд ее перестал отражать безысходность и немного потеплел. — погоди, если ты пришла, у меня для тебя есть подарок.

Бардесса пошарила в сумке, которая лежала тут же, и извлекла из нее ожерелье. Несколько переплетенных веток тончайшей деревянной лозы смотрелись, как настоящие. В лозе в трех местах цвели «ягоды» — полудрагоценные красные камни.

— Конечно, не золото, но редкость, — отложив меч и точило, бывшая послушница потянулась и, при непротивлении ведьмы, застегнула украшение у нее на шее. — Такого теперь почти не делают. Алистер выпросил это у долийского мастера для меня. Они согласились — слишком многим были ему обязаны. Ну, и... среди долийцев уже ходил слух, что Алистер может стать королем. А кто отказывает королям?

— Алистер, говоришь, выпросил вещь эту?

— Да, Алистер, — Лелиана дернула щекой и снова погрузилась. Она не стала снова брать оружия в руки, и просто сложила их на коленях. Меч и точило так и остались валяться на земле.

Морриган, трогавшая закрепленное вокруг ее шеи украшение, подняла глаза.

— Вижу, в печали ты. Беда у тебя случилась?

Вместо ответа бывшая послушница спрятала лицо в ладонях. Рыжие волосы вновь упали на ее лицо и руки. Однако голос звучал на удивление спокойно.

— Случилась... Я ждала его. Считала дни до нашей встречи. А он... он ведет себя так, будто... Он даже не заехал ко мне поздороваться после Орзаммара. Сразу умчался в Денерим. И теперь... он не спрашивал обо мне. Совсем! Мы столкнулись случайно, на

стоянке. Представляешь?

Глядя в сторону, Морриган приподняла бровь.

— Случайно?

— Ну, не случайно, нет. Я искала его. Искала, чтобы... Ну, ты понимаешь. Чтобы наконец увидеть его! А он...

Последнее прозвучало уже не так отрешенно, как вначале. Как она ни старалась, голос Лелианы сорвался. Орлесианская бардесса не договорила, тянуще всхлипнув. Впрочем, не было похоже, чтобы она плакала. Несмотря на укрытое в коленях лицо, ее плечи не тряслись.

— О Кусланде говоришь ты? Любишь до сих пор его?

Лелиана не ответила. Морриган помедлила и положила руку на ее плечо.

— Пустое. Забудь. Не мучься. Все равно его уж нет считай. Последнюю доживает он ночь.

Бывшая послушница подняла лицо.

— Что ты такое говоришь? С чего ты решила, что мы проиграем битву? Тебе что-то известно?

— О битве — ничего, — Морриган пожала плечами, скрещивая руки. — Но ведомо, как умирает архидемон. Знала ты, что для того, чтобы дракона оскверненного убить, Страж нужен Серый?

Лелиана задумалась и мотнула головой. Темноволосая ведьма подняла тлевшую у костра палку и сунула ее одним концом в огонь.

— Когда Думат, Дракон Тишины, что из богов проклятых первым восстал, был убит, наконец, — людей ликование предела не было, — проговорила она, следя за расцветанием углей. — Но недолго радовались они. Спустя время короткое, вернулся дракон. Вернулся в славе великой, как прежде. И убивать сначала его приходилось.

Бардесса молчала, ожидая продолжения. Морриган смотрела в костер, и языки пламени отбрасывали блики на ее лицо.

— Снова и снова убивали Думата, но возвращался он. Возвращался таким, как был. Отчаялись многие тогда. Помыслили, что из-за сущности божественной неуязвим проклятый. Пока удар последний Стража рука не нанесла.

Морриган дернула щекой, думая, похоже, о чем-то своем.

— Не вернулся после этого дракон. И Страж погиб.

Лелиана нахмурилась.

— Может, это просто совпадение?

— Историю прочих Моров хорошо ли знаешь? — ведьма подтолкнула палкой уголек, и тот рассыпался на несколько углей поменьше. — Никто из архидемона убийц не выживал. Хотя о том немногие ведают. Я секрет этот от матери услышала.

Бардесса стрельнула глазами в сторону королевского шатра. В него меньше меры времени назад удалились король, Страж-Командор и тейрн Фергюс Кусланд. Тейрн уже покинул шатер, но Стражи Алистер и Айан по-прежнему оставались внутри.

— В скверне дело все. Через скверну дух архидемона в ближайшее тело переселяется из тех, кто осквернен. Если в порождение тьмы вселится, то завладеет тушей твари безмозглой без вреда. И вновь драконом обратится. Но в Стража тело войти попробует если — случится иное. Ведь у Стражей души есть. Душам бога проклятого и смертного в одном теле не вместиться.

— Архидемон погибнет!

— Да, но и Страж погибнет тоже, — Морриган бросила палку в огонь и взглянула в обеспокоенное лицо бардессы. — Двум душам в теле одном не бывать. Друг друга уничтожат они. И Кусланд твой умрет. Оболочка останется только. Души же вовсе не будет. Словно не родился.

Лицо Лелианы на миг сделалось диким. Она сглотнула, закусив губу.

— Пусть так. Но с чего ты взяла, что дракона убьёт Айан? Да еще завтра?

— Завтра — или позже, но убьет непременно. Мор не кончится, пока архидемон не повержен, — ведьма пожалала плечами. — А значит, покажись он — Стражи охоту начнут. Если твари под городом стоят — их множество. А множеством дракон только повелевать в состоянии. При Денериме он, сомнений нет. С нами же Стражей двое всего. Как думаешь, позволит Айан Алистеру удар нанести последний, если выбирать у них возможность будет?

Бардесса спрятала в ладонях нижнюю половину лица.

— Айан не даст умереть королю, — выпустив припухшую губу, наконец, негромко проговорила она. — Он скорее принесет в жертву себя. О, Создатель! Я... я не хочу... Я бы сделала все, что угодно! Разве ничего нельзя сделать? Но... но это ведь неправильно!

Некоторое время Морриган молчала, не опуская взгляда с взволнованного лица Лелианы. Потом неопределенно улыбнулась.

— Сделать можно. Но что за дело тебе? Ведь не любит тебя он. Не вздыхает о тебе и близко, как вздыхаешь о нем ты.

Рыжая бардесса вновь закусила губу.

— Ты не понимаешь, — глядя в сторону, с усилием проговорила она. — Мне... мне все равно... Нет, не все. Конечно, не все равно, любит ли он меня. Я знаю, что не любит. Но... я хочу, чтобы он жил! Пусть он живет! Я... я за него отдам что угодно! На что угодно пойду! Морриган! — Лелиана обернулась к ведьме, которая наблюдала за ней с непонятной усмешкой. — Если ты знаешь, как этому помешать... как помешать его смерти... Говори сейчас.

Морриган снова тронула подарок рыжей бардессы. В ее желтых глазах на миг отразилось пламя.

— Есть магии древней способ один. Можно дитя зачать — от Стража, — медленно, обдумывая каждое слово, проговорила она. — И ритуал провести особый. Я знаю, какой. Уже сделано все. На сроке малом души у ребенка не будет. А вместо нее манок я сделаю — чтобы архидемона душа к манку этому устремилась. Тогда Страж не погибнет, а погибнет архидемон. Душа же его, от скверны очищенная, в ребенке возродится. И жив останется Кусланд твой.

Некоторое время Лелиана молчала, обдумывая услышанное. Лицо ее отражало смешение самых разных чувств.

— Ты что... ты подготовилась? Ты знала, что будет нужно... заранее?

Морриган вновь пожалала плечами.

— Отправляясь со Стражами, знала я. То была идея матери моей. Но незачем ей дитя получить это. Моим только будет.

Рыжая бардесса закусила палец.

— Но... разве это не выпустит в мир другое чудовище? Взамен поверженного?

— Не выпустит, — вытянув руки над костром, Морриган потерла ладонью об ладонь. — Душа бога проклятого очистится через рождение жизни новой. А ребенок — обычным будет. Лишь силу получит такую, какая Амеллу, магу могучему, и не снилась. Защитой он будет

мне. Устала я от храмовников скрываться. Уйду и никто знать о нас не будет. Плохо разве это?

Лелиана медленно вынула палец изо рта и прищурилась.

— Странно... если все так, как ты говоришь — зачем ребенок с такой магической силой понадобился твоей матери?

Лесная ведьма взялась поправлять шнурок, охватывавший ее лодыжку.

— Не говорила мне она. Быть может, за тем же, что и мне. А может, дурное замыслила. Но спрячу я дитя. Убежище есть. Она не найдет.

Лелиана охватила голову руками, упершись локтями в колени.

— Ну, пусть так. Если я помогу тебе... Ни Айан, ни Алистер никогда не согласятся на такое, если узнают, что душа древнего бога... прости меня, Создатель, возродится. Пусть даже очищенной от скверны. Они не согласятся, Морриган. Это великий грех... нет, никто из них на это не пойдет.

Ведьма оставила плетение и, выпрямившись, поймала синий взгляд бардессы.

— А зачем кому из них об этом говорить?

Глава 76

Глава 76

— Значит, это ловушка? И выхода нет?

Алистер кивнул, точно ему подрубили шею. Некоторое время Айан смотрел на него, потом принялся дергать крепления нагрудника.

— Зачем..?

— Если это моя последняя ночь — не хочу проводить ее в латах.

Его величество король Ферелдена неловко покосился на собственный доспех, сложенный у стены шатра.

— Может так получиться, что завтра архидемона убью я, — наблюдая, как Кусланд отсоединяет сегмент брони, предположил Тейрин. — И тогда...

Он так и не договорил. Спустя некоторое время Айан снял всю верхнюю часть доспеха, оставшись в плотной шерстяной рубахе, и взялся за поножи.

— Я догадывался о чем-то подобном, — проговорил Командор, когда Алистер уже смирился с тем, что новость подействовала на друга удручающе и тот не желает продолжения беседы. — Еще там, при Остагаре. Помнишь, когда мы нашли Дайлена? В ту ночь ты начал открывать мне тайны Стражей. Я еще тогда почувствовал — ты сказал мне не все. Должно быть, худшее приберёг напоследок. И действительно — куда уж хуже. Если убить архидемона могут только два человека во всей армии, и то — ценой своей жизни. При том один из этих воинов — король.

Он сложил доспех в одну груды у походного королевского ложа, которое было собрано из прелых листьев и накрыто одеялом. Кое-как утвердив нагрудник, чтобы добиться ровной поверхности, поставил сверху плоское деревянное блюдо с кусками жареного мяса и хлеба.

Алистер присел на ложе по одну сторону от импровизированного стола. Айан уселся напротив прямо на землю, подстелив под себя сброшенный плащ.

— Создатель милостив, — завершая так и не случившийся разговор, проговорил он, забирая с блюда сочащийся кусок кабанятины. — Главное — убить завтра эту тварь. А какой

ценой... все в его руках.

Алистер положил мясо на хлеб. Он был голоден, но аппетит не приходил. Что до побратима, не было похоже, чтобы Айан жаловался на отсутствие желания поесть. В несколько минут блюдо опустело.

— Сейчас бы морсу — запить это дело. Или вина, — Алистер откинулся на ложе, наблюдая, как товарищ обглаживает кость. Айан кивнул, собираясь ответить, но в этот миг полог распахнулся, являя взглядам Стражей взлохмаченную, возмущенную Лелиану.

— Ваше величество! Скажи этим... возле входа! Чтобы они меня пропустили!

Алистер опомнился, подхватываясь на ноги.

— Пропустить ее! Проклятье... Ну, что хорошего в том, чтобы быть королем, если собственные друзья должны пробиваться ко мне с боем?

Лелиана, наконец, прорвалась в шатер. В ее ногах путалась черная кошка. Одной рукой бардесса поправляла волосы, в другой у нее было плотно закрытый кувшин.

— Фух, — она улыбнулась Кусланду и отвесила королю шутовской поклон. — Ну, вы тут закрылись. «Сказано тебе — никого не велено пускать, кроме прочих генералов», — явно передразнивая кого-то, доложила бардесса. — А мне вот тут удалось добыть кое-что у наших друзей долийцев. Найдутся у твоего величества кубки? Или чашки? Или что-нибудь?

Черная кошка, явившаяся в шатер вместе с девушкой, прыгнула на королевское ложе и свернулась на нем в кольцо, обвернув себя хвостом. Алистер полез в мешок и добыл две чашки из тонкой меди.

— Больше нет, — покаялся он. Лелиана отмахнулась, разливая на двоих.

— Буду прямо из кувшина, — она подняла сосуд с остатками жидкости. — За победу!

Принесенное бардессой оказалось вином настолько превосходного качества и изумительного вкуса, которого не доводилось пробовать даже сыну тейрна. Оторвавшись от своей доли, Айан с изумлением поднял брови.

— Откуда ты это взяла?

— Что, вкусно? — бардесса улыбнулась. — Ну так говорю же — долийцы угостили. У них обычай... вроде бы — распить такое перед боем. Говорят, что это укрепляет дух.

— Никогда не слышал, — Алистер отпил еще, чувствуя, как по телу разливается тепло.

— Лелиана, ты пришла только, чтобы нас угостить?

Голос Командора звучал буднично, даже учтиво, но что-то в его тоне заставило бардессу посмурнеть. Однако мигом позже она снова улыбнулась.

— Вообще-то, не совсем. Ваше величество, — она кивнула Алистеру, — не будет возражать, если я ненадолго похищу у тебя Стража-Командора? Нам... нужно поговорить.

Айан с трудом сдержался от горестной гримасы.

— А может, потом? — решил схитрить он. — После боя?

— Я тебе удивляюсь, — почувствовав тычущуюся под ладонь голову кошки, король погладил зверя по гладкой темной шерсти. — Красивая женщина вызывает тебя на... разговор, а ты хочешь ночь перед битвой посвятить горестным вздохам в палатке зануды-Алистера?

— Айан, прошу тебя, — Лелиана поставила кувшин рядом с деревянным блюдом, на котором были сложены кости. — Это ненадолго!

Командор бросил взгляд в сторону друга. Тот, однако, не внял его безмолвной мольбе.

— Иди, Айан, — Алистер встретился взглядами с Лелианой, которую еще со времени памятного похода к долийцам научился понимать с полуслова, и понимающе подмигнул. —

Мое величество попытается поспать. Иначе завтра всю битву буду клевать носом. И доклююсь, не приведи Создатель.

Под двойным напором Кусланд не смог устоять.

— Ладно, — сдался он, поднимаясь. Стряхнув сор со своего плаща, Командор набросил его на плечи. — Только недолго.

— Как получится, — обрадованная своей победой, Лелиана благодарно подмигнула Алистеру в ответ. — Пойдем, Айан!

Дождавшись, пока сияющая Лелиана и недовольный товарищ покинули его шатер, Алистер еще раз погладил заурчавшую кошку. Потом, поднявшись, дотянулся до светильника и убавил тлевший в нем огонь. Не остановившись на этом, король отодвинул доспех Айана, который по-прежнему возвышался посреди палатки, и стоящую на нем посуду, к груди своих лат. Оглянувшись вокруг, как будто кто-то, кроме оставшейся в палатке кошки, мог его видеть, Алистер полез в походный мешок и достал малый королевский венец.

Внезапно проснувшаяся жажда деятельности на этом не закончилась. Потерев шею, точно ему стало жарче, король запрокинул голову, несколько раз глубоко вдохнул и опять прибавил огня в светильнике. Выудив из груди металла свой щит, он водрузил венец на голову и, вытянув перед собой щит обеими руками, посмотрелся в него, как в зеркало. Воровато оглядевшись, поправил венец на голове и попеременно скорчил сперва серьезную, после грозную, а потом и глупую рожи. Дернув щекой, он сбил венец набок. При этом немного развернулся к светильнику, поймав на его бронзовое окаймление яркий блик. Щит отразил его лицо со сдвинутой набок короной, укрытый одеялом ворох листьев и обнаженную женщину на этом походном ложе.

Алистер выронил щит. Тот с глухим стуком упал прямо на королевскую ногу, застав Тейрина скорчиться, выпучив глаза и натянув жилы на шее, чтобы удержаться от крика. Женщина мгновенно оказалась рядом и, упав на колени, пробежала пальцами по больному месту. Почувствовав облегчение, Алистер отпустил сапог и, столкнувшись лицом к лицу со своей гостьей, резко отвернулся, заслоняясь рукавом.

— Во имя Создателя, Морриган! Как ты... я... о, Создатель!

Он сорвал с себя плащ и, сильно зажмурившись, наощупь поймал женские плечи и укутал их в плотную ткань. После чего осмелился, наконец, открыть глаза. Руки Морриган легли поверх его рук, по-прежнему стягивавших на ней края плаща. Желтые глаза горели каким-то глубинным светом, какого раньше он в них никогда не замечал. Хотя, раньше он и не стоял так близко от нее.

— Здравствуй, Алистер, — полные губы девушки улыбнулись и улыбка эта, против обыкновения, не содержала насмешки.

Алистер резко вырвал руки и, просочившись мимо ведьмы вдоль стены шатра, поспешно отскочил к своему ложу. Его щеки и даже лоб покраснели.

— Как ты сюда попала? Создатель, охрана там что, уснула?

Морриган переступила босыми ногами по холодной земле.

— Кошкой прошла. Не стали они зверя задерживать. На рыжую отвлеклись.

Алистер уже пришел в себя от потрясения, вызванного неожиданным появлением обнаженной ведьмы в его шатре. Он глубоко вдохнул сквозь стиснутые зубы и, не сдержавшись, вновь потер шею, оттянув ворот рубахи.

— Говори, зачем ты здесь. И уходи. Завтрашний день может стать для меня последним. Сегодня я хочу покоя.

Морриган снова улыбнулась и шагнула в его сторону. Алистер попятился.

— Верно говоришь. Пришла оттого, что последним день стать может. И для тебя. И для меня, — она сделала еще шаг и, оказавшись вплотную к Тейрину, положила руки ему на грудь. Полы плаща распахнулись, вновь позволяя видеть ее тело. — Ночь эту провести с тобой хочу я.

— Что??

Алистер снова сделал попытку отскочить. Под его ногу попался край одеяла и король, оступившись, припал на колени. Попытавшись подняться, он вновь почувствовал на себе прикосновение. Отчаянный всегдашний страх перед Морриган придал ему сил. Алистер вскочил, сбрасывая руки ведьмы.

— Я... не желаю выслушивать твои насмешки. Уходи, не то тебя выведет моя охрана.

Улыбка Морриган погасла. Но вместо того, чтобы послушаться приказа, она присела на одеяле, подобрав ноги. Отчего-то Алистеру вспомнилась желтоглазая кошка, которая обворачивает себя хвостом.

— Не насмехаюсь я. Пришла потому, что завтра убить и тебя, и меня могут. Сжался, Алистер. Того сдержать не могу больше, что душу мою давно грызет, как зверь терзает жестокий добычу. Не гони, прошу!

Тейрин сдвинул брови. Едва заметно родившийся в глубине его естества жар разгорался все сильнее. Рука потянулась тереть шею.

— Я не понимаю, о чем ты толкуешь, — стараясь удерживать голос спокойным, медленно проговорил он. — Я не понимаю твоей игры. Ты... о, Создатель, ты говоришь, что ты... Но ты же всегда меня презирала. «Дурак ты, Алистер, ты уж извини», — передразнил он, вновь возвращая себе часть уверенности. — Какого демона теперь ты делаешь в моем шатре? Или ты изменила свое мнение теперь, когда я стал королем?

Морриган слегка переместилась на одеяле. Ее желтые глаза сверкнули.

— Дурак ты, Алистер, как был, так остался, уж ты извини, — глядя в темнеющие от гнева глаза Тейрина, она неожиданно грустно усмехнулась, качая головой. — Гневаться погоди. Выслушай сперва.

Она оперлась рукой об одеяло. Плащ полураскрылся, показав немного, но достаточно, чтобы заставить Алистера закусить губу и отвернуться.

— Говори, — после размышления, разрешил он и сам удивился своему решению.

Морриган повела головой. Ее густые темные волосы змеей скользнули по груди и плечам.

— Когда брат твой Кайлан-король войска привел к Остагару, вы, Стражи, в его пришли сопровождении, — заговорила она, ловя взгляд Тейрина, который он волей-неволей к ней обращал. — Тогда мать моя, Флемет, велела — найди Стража среди них белобрысого. Алистера. И смотри за ним. Короля он сын незаконнорожденный. Большая ему уготовлена судьба.

Алистер сглотнул. Жар в его теле разгорался. Он снова оттянул ворот рубахи. Голос ведьмы звучал успокаивающе и обволакивал, словно свивальники младенца.

— Повинуясь матери, в Остагар направилась я в птицы малой облике, — продолжала меж тем Морриган, вновь меняя положение на ложе. — Стражей шатры быстро нашла. И среди них белобрысого. Тебя, Алистер.

Король не заметил, как ведьма вновь оказалась на ногах. Морриган медленно приблизилась к нему. Оставленный светильник у ложа зажигал вокруг волос и фигуры

девушки словно огненный ореол.

— С того дня самого покой был у меня отобран навеки. Каждый день и ночью наблюдала за тобой я. Как говоришь и смеешься. Как ешь и спишь. Видела я миг тот, когда с Кусландом ты повстречался. И всю дорогу по землям диким следила. Как твари напали. Как в болоте утонуть вы пытались. Как развалины нашли. Помогала, как могла я Стражам.

Рука ведьмы легла на его грудь и, помедлив, скользнула под рубаху. Алистер хотел отстраниться, но вдруг понял, что у него не хватает сил. Жар в теле стал горячее, вспыхивая в тех местах, где его кожи касались пальцы Морриган.

— Долго понять не могла. Верить отказывалась, — другая рука девушки, оглаживающая спину онемевшего короля, надавила чуть сильнее, и Алистер вдруг осознал, что обнаженное горячее тело Морриган уже тесно прижимается к его горевшей коже под задранной рубахой. — И потом... когда с вами я пошла... Нельзя ведьме гордой чувств иметь. Любовью телесной соблазняют ведьмы, но не любят сами. Оттого насмешничала я. Оттолкнуть пыталась. Не хотела, чтобы догадался ты и посмеялся над чувствами моими...

Алистер почувствовал, как у него перехватило дыхание. Он опомнился оттого, что на землю упала его рубаха. Губы Морриган ласкали его тело, ее руки обвивали, прижимая к себе с почти неженской силой. Жар сделался невыносимым, изыскивая выход и мешая думать. Алистер запрокинул голову, глотая холодный воздух весенней ночи, но это не принесло облегчения.

— Я... все равно не понимаю, — собрав все силы, он уклонился от губ ведьмы, которые уже были готовы накрыть его губы, поднимая лицо. — Не могу... поверить. Ты... почему сейчас..?

Морриган прижалась всем телом, вжимая щеку в ложбину на его груди. Теряя разумение, Алистер коснулся ее тяжелых темных волос, жадно вдыхая аромат просыпавшегося весеннего леса, пьянившего воздуха просторов Диких Земель и запах женщины — впервые так близко от себя.

— Пусть убьют завтра. Но ночью этой хочу твоей быть, — Морриган на миг отстранилась, взглянула в глаза. — Не любишь меня, знаю. Боишься. Не веришь. Завтра прогнать можешь, презрением облив. Но сегодня... сегодня не гони меня, Алистер. Не гони... мой король!

Горячие пальцы ведьмы вцепились в его запястье. И веря, и не веря ей, и едва понимая, Алистер опустил след за девушкой на ложе. Морриган распустила завязки королевского плаща. Поймав дрожащую руку Стража, она прижала ее к своей груди.

Их губы встретились. Алистер почувствовал под другой ладонью бедро прильнувшей к нему Морриган и уже не обратил внимания на руку ведьмы, которая сорвала с его головы королевский венец и отбросила далеко в сторону.

Айан Кусланд подхватил привалившуюся к нему Лелиану и бережно уложил головой на дорожную сумку. Прикрыв девушку плащом, он неслышно поднялся. Он стыдился того, что сделал, но оправдывал себя тем, что применил магию крови интуитивно, и это получилось едва ли не против его воли. Командор не понимал, что требовалось творить, он просто чувствовал, как — и отпускал свою магию, которая оказалась в нем сколь неожиданно сильна, столь и непонятна.

По его воле едва начавшая говорить Лелиана уснула — и он знал, что девушка будет спать до утра. Быть может, в другое время он бы не отказался от ночи любви — но не теперь. Образ Сигрун, не отодвинувшийся, мучивший его днями и ночами, едва оставалось хотя бы

немного времени на размышления, делал все попытки Лелианы сблизиться ненужными и раздражающими. Теперь же, когда от смерти его отделяли всего несколько временных мер, любовь с нелюбимой женщиной — было последним, чего ему хотелось. В пользу Лелианы не заговорил даже странный жар, разгоревшийся в нем после того, как он выпил принесенное бардессой вино. Гнетущее состояние было слишком велико, чтобы думать о женщине — иной, чем веселая, синеглазая гномка. Да и Сигрун теперь едва ли смогла его зажечь — впрочем, на месте Лелианы она бы вряд ли пыталась. Отсроченная близкая смерть была не лучшей любовной приправой. Айан это чувствовал, и то, что этого не чувствовала Лелиана, будило в нем лишь глухое недовольство.

Убедившись, что девушка в безопасности, Айан прошел мимо нее и направился обратно к королевскому шатру — мимо спящих в палатках, на одеялах, а иногда — и просто на земле людей и гномов, укрытых плащами. Долийцы и маги, как он знал, расположились в другой части лагеря. Айан был уверен, что Алистер еще не лег и хотел провести остаток ночи в его шатре.

Королевский шатер еще светился изнутри — по-видимому, Алистер действительно не спал. Охрана на входе гляделась усталой, но носом не клевала. Стража-Командора никто задерживать не стал и Кусланд, зевая, мягко шагнул в палатку, задерживая за собой полог.

Мигом позже он оказался снаружи раньше, чем успел понять причину. Лишь спустя мгновение память услужливо проявила перед ним картину. Алистер действительно не спал. Кусланд успел заметить обнаженную, покрытую испариной, несмотря на холодную ночь, спину короля, к которой прижималась светлокожая женская нога. Шею Алистера обхватывали тонкие руки, и его лица, которое он прятал у груди своей гостьи, видно не было. Но вот лицо самой гостьи с высоты своего роста Айан различил более, чем хорошо — и оно повергло его в смятение. Больше, чем гибель родителей. Больше, чем посвящение в Стражи, полет на архидемоне и встреча с Сигрун. Пожалуй, самое сильное смятение в его жизни.

Кусланд повернулся спиной к недоуменно поглядывавшей на него охране и сделал несколько шагов от шатра. Он не знал толком, где ночевал Фергюс, а потому, не мудрствуя, решил вернуться к Лелиане. Однако почти сразу натолкнулся на фигуру, которая вынырнула из-за леса палаток, стремительно и многоопытно пробираясь сквозь спящие тела так, чтобы ни на кого не наступить.

— Страж-Командор, — сэр Бьорн склонил голову в приветствии. — Знаю, мы на вечернем совете уже приняли план завтрашней атаки. Но есть кое-что, что я хотел бы еще раз обсудить с тобой и королем.

Айан оглянулся на шатер и качнул головой.

— Король занят. Но я готов тебя выслушать. Королю я обязательно передам... потом.

Сэр Бьорн тоже посмотрел на шатер и поднял бровь.

— Хорошо. Прощу в мой шатер. У меня с собой нет карты. Нужно еще раз уточнить по ней.

Глава 77

Глава 77

— Строиться! Выходи строить!

Разбуженный Алистер резко сел на постели. Хотя назвать постелью то, на чем спал король, было нельзя. Он провел ночь в груди разбросанных по шатру листьев, завернувшись в одеяло. Мгновенно припомнив вчерашнее, Тейрин с беспокойством огляделся.

Морриган исчезла.

— Подъем! Строиться!

Снаружи было еще темно, но уже не тихо. В звуках просыпавшегося лагеря слышалось бряцание сбруи, треск, звон оружия и голоса из множества десятков глоток.

— Подъем!

Голос — смутно знакомый, отодвинулся в сторону. Неведомый призывальщик пошел дальше по лагерю, поднимая всех, кто еще не поднялся. Однако на смену ему пришел тяжкий, нарочито громкий топот, раздавшийся прямо у входа в королевский шатер. Топот, отметившись на пороге, замер. Полог откинулся. Алистер дернулся, но вместо кого бы то ни было, вовнутрь осторожно, словно чего-то опасаясь, шагнул Командор. Оглядевшись и как будто не обнаружив какой-то опасности, он вздохнул, как показалось Алистеру, с едва заметным облегчением. В предрассветных сумерках лицо друга казалось деловитым и спокойным.

— Милостью Создателя, доброе утро, — предпочитая не заметить наготы короля, Кусланд прошел мимо него к сложенному с вечера доспеху. — Давай, я помогу облачиться твоему величеству, а потом ты поможешь мне. Рассвет будет меньше, чем через временную меру. Мы выступаем... уже сейчас.

Зарево можно было увидеть еще издали. Рассвет уже наступил, но небо было затянуто облаками и солнце не показывалось. На северо-востоке облачная хмарь отливала багрянцем. Но не светом первых лучей зари, а гарью огромного пожарища. С пригорка, на котором приостановились первые ряды конного войска защитников Тедаса, уже были видны самые высокие башни Денерима. Над городом стоял темно-сизый дым. И в этом дыму, то взмывая под темно-багровые облака, то вновь пикируя вниз, носился...

— Архидемон! — выдохнул рыцарь-командор Грегор, который оказался в непосредственной близости от короля. — Спаси нас Создатель!

— Какой огромный, — Лелиана, сидевшая за спиной Командора, и державшаяся за его доспех, прикрыла губы кончиками пальцев. — О, благая Андрасе, какой же он огромный!

Кусланд поднял забрало, всматриваясь во взмахи исполинских крыльев, которые были видны даже с их места. Каждый взмах словно раздувал пламя над крышами Денерима, заставляя его вздыбаться вверх, посылая в небо пласты жирной копоти. Армия Стражей встревоженно шевелилась, прикладывала ладони к глазам, приподнималась на стременах.

— Они уже в городе.

Алистер сцепил зубы. Он понял, что эта короткая фраза, заставившая смерзнуться его потроха от чего-то более глубокого, чем страх, вырвалась у него самого. Кусланд покосился, но ничего не ответил. Зато ответил Бьорн Хосек, незаметно подъехавший со стороны.

— Хорошо.

Забыв даже изумиться, король обернулся к нему.

— Что же тут хорошего?

Храмовник простер руку, указывая на дымы.

— Смотрите, ваше величество. Огни. Видно, что они загорелись только теперь, потому что горит ярко и высоко. Ничего не могло гореть с такой силой целую седмицу. А значит,

твари взяли город сегодня ночью, а может, вчера. Но не раньше. Мы успели.

— Действительно, Ал... ваше величество, — осмелилась влезть в разговор Нерия Сурана, которая сидела в седле за капитаном и крепко обнимала его за талию. — Судя по дымам, горит только та часть, которая ближе к нам. Значит, не весь город еще взят!

— Узковатое место, — вмешался Грегор, имея в виду дорогу к Денериму. Несмотря на то, что дорога и вырубка вокруг нее были широки, с обеих сторон их стискивали молодые деревца, к холмам переходившие в более старые, между которыми невозможно было пройти конникам.

Алистер поморщился.

— Если, помоги нам Создатель, удастся отстоять Денерим, прикажу вырубить вокруг него деревья до самого этого холма.

— Давно нужно было так сделать. При Мэрике этого безобразия не было.

— Мудрая политика королевы Аноры — украсить окрестности столицы рощей из молодых деревьев, которые цветут весной, дабы восхищать их видом гостей Ферелдена, — Кусланд бросил вопросительный взгляд на Грегора.

Тот понял правильно невысказанный вопрос.

— Из-за узости дороги мы не можем развернуть полноценный строй... если он понадобится, — рыцарь-командор кивнул на храмовников, которые стояли в авангарде правильными рядами. — Придется делать клин уже. Это... скажется на его ударной силе.

Алистер оглянулся на ожидавшую приказов армию защитников Тедаса. Первыми удерживала отдохнувших за ночь коней бронированная шеренга рыцарей Церкви. За некоторыми из храмовников в седлах сидели маги, как те, что были узниками Круга, так и отступники. Позади множественных рядов всадников в блестящих доспехах и алых плащах перетапывались, поводя тонкорогими головами, долийские галлы. Эльфы на их спинах в последний раз проверяли луки и короткие мечи. Ополчения людей и гномьей пехоты не было видно из авангарда — по замыслу полководцев, пехота должна была войти в город после того, как дорогу расчистит конница.

— Верное решение, — коротко согласился присутствовавший на военном совете Дюран Эдукан, который уже справился с поразившим его на поверхности недугом. — Гномы — скверные наездники. Наша битва — на земле.

— ... Еще долго ждать?

Кусланд мотнул головой. Его смуглое лицо по-прежнему хранило ровное спокойствие.

— По уговору, он уже должен появиться.

Все слышавшие его одновременно посмотрели на дорогу. И — словно по магическому действию, через несколько мгновений на ней действительно показалась размытая фигура.

Идущий приближался быстро, почти бегом. Спустя какое-то время уже можно было разглядеть завернутого в плащ невысокого человека. Когда же он подошел на расстояние менее четверти меры, стало очевидным, что это был все-таки эльф. Оценив направление, эльф свернул к королевскому стягу и скоро уже стоял напротив командующих армией, переводя дыхание. Из-под сброшенного с головы капюшона показались растрепанные светлые волосы.

— Говори, — потребовал Тейрин, вглядываясь в перекошенное лицо бывшего ассасина. Тот еще раз глубоко вздохнул, и выпрямился, держась за грудь.

— Почти поймался, вашества, — он прочистил горло и заговорил уже спокойнее. — Но не заметили, нет.

— Ты был в городе?

Зевран поднял брови, но удержался от всегдашнего сарказма.

— В город не попасть, ваше величество. Он окружен тварями. Мерзкие создания и воняют хуже, чем... — некоторое время он молчал, видимо, подыскивая сравнения. Так и не найдя, сплюнул и продолжил. — Главные ворота высажены, но, похоже, они еще не рассредоточились по улицам, судя по тому, что большая часть все-таки стоит под стеной.

— Много их под стеной?

Антиванец дернул плечами.

— Я полмеры времени считал. Насчитал около пяти... да, пяти тысяч. Но, может, больше. А может, и меньше. Было бы удобнее, не приходись мне прятаться, и если бы они не копошились.

По рядам воинов пробежал короткий шепоток. Даже совместно в армии Стражей не набралось бы и двух тысяч воинов.

Мрачный король кивнул, приглашая лазутчика подойти поближе.

— Расскажи, на что похож их строй.

Выслушав антиванца, Алистер повернулся к храмовникам. Рыцарь-командор Грегор пожал плечами.

— Значит, клин все-таки выстроим, — он досадливо прищипнул щекой. — Хотя для него здесь и очень узко. Но, как бы то ни было, при везении он разорвет их передние ряды. Если ударить конными, мы сможем их рассечь. Я предупредил магов. Они будут наготове помочь нам.

Бьорн Хосек промолчал. Лица его под закрытым шлемом видно не было.

Король обернулся в другую сторону. Кусланд указал взглядом на город и на миг прикрыл глаза.

— Пора, — неслышно подсказал он.

— Ваше величество, храмовники готовы, — раздалось из-за плеча. — Прикажете начинать?

Тейрин мотнул головой, трогая коня и выезжая вперед. При виде развернувшегося к строю короля, негромкие разговоры утихли. Над всей огромной армией повисла тишина. Слышно было, как кричат переполошенные птицы и отдаленно гудит погибающий Денерим.

Алистер еще раз долгим взглядом окинул откликнувшихся на зов Стражей воинов. Рыцари Церкви, немногие из уцелевших рыцарей и стражников Редклиффа и нескольких сопредельных баннорнов, немногочисленная конница Денерима, непокорные долийцы, маги и отступники, и гномьи воины Орзаммара — все они пришли победить или умереть. Пришедшая на ум мысль о том, в скольких семьях после этой битвы не досчитаются отцов, сыновей и дочерей, братьев и сестер, на миг поселила в груди молодого короля холод. Но Алистер тут же укрепился. Если защитники, что были теперь в его армии, не отдадут свои жизни в этой грядущей битве, они все равно погибнут позже — и уже вместе с семьями и всем миром.

А значит, это была не жертва. Ферелден стоял во главе защитников — защитников всех земель, сколько их было под солнцем Тедаса.

— Воины! — он направил коня вдоль рядов ожидавших атаки всадников. — Перед нами встала во всей своей мощи орда порождений тьмы. Смотрите же на них, но не поддавайтесь страху! Пусть их больше — но мы сильнее! Потому что дух наш силен! И правда — на нашей стороне! Мы, люди, гномы и эльфы, позабыв все свои разногласия и преодолев множество

трудностей, пришли сегодня сюда вместе! И это уже великая победа — победа единства! Мы объединились во имя благой цели, лучше и благороднее которой не было, нет и никогда не будет!

Он выхватил меч и вздел его над головой. Ряды бойцов взорвались ответным ревом. Алистер несся крупной рысью, и десятки лиц перед его глазами сливались в сотни.

— Нет более благородной битвы, чем битва за свою землю! Нет большей чести на земле, чем пасть в бою, защищая своего товарища, свою семью, и весь мир! Я говорю — победа! Мы победим! И мир запомнит нас героями!

— Победа!!!

Кусланд опустил забрало, заворачивая в сторону. Хосека рядом с ним уже не было — он занял свою позицию на противоположном фланге. По предварительному уговору в центре остался рыцарь-командор Грегор, который возглавлял атаку.

— Во имя Тедаса! — в последний раз проорал король и взмахнул мечом. По его сигналу передние ряды храмовников тронулись малой рысью, постепенно увеличивая скачку с пологого склона холма. От громоподобного рева сотен глоток кружившие над их головами птицы прыснули во все стороны.

— За Тедас!!!

Глава 78

Глава 78

Денерим был обречен.

Теган понял это раньше других, раньше, чем дело стало совсем плохо. Он держал город вторую неделю — вторую неделю ферелденцы защищали столицу силами малого гарнизона и самих горожан против многотысячной орды тварей. Оружие взяли даже женщины, а тем, кому его не досталось, швыряли с горевших стен камни — которые подкатывали путавшиеся под ногами подростки и дети. Камни брали из близлежащих домов, многие из которых уже лежали в руинах. Прилетавшие из-за стен в ответ огромные горючие шары, которые сотворяли маги-эmissары, крушили все, от построек до попадавших под них защитников и скотины.

Теперь было не до розней — и ничтожные городские эльфы бились бок о бок с людьми и оказавшимися в столице гномами, по мере своих слабых сил помогая отбивать атаки подступавших чудовищ. Порождения тьмы вырубали рощу вокруг Денерима и по сделанным ими же кривым, кое-как сколоченным стремянкам, лезли на стены без передышки, день и ночь. Защитники спали урывками, и почти не ели. Теган распорядился выстроить несколько линий баррикад, таких же, при помощи которых удалось спасти Редклифф. Однако, то, что было удобно на вотчине Эамона, в столице оказалось сложнее — город был куда больше, улицы — заковыристее, и о многих ходах через трущобы не знали даже их обитатели. Перекрыть все было невозможно.

И все же, город держался. Полубезумные от усталости, страха, голода и отчаяния горожане живой силой сдерживали порождений тьмы у внешней стены. За неделю Теган потерял у этой самой проклятой стены больше трети населения Денерима. Такой лютой осады — и самоотверженной, ожесточенной обороны, Тедас еще не знал. Банн Геррин мрачно подозревал, что и не узнает, ибо вот-вот все разумные свидетели этого

запредельного противостояния падут перед все пребывавшими новыми ордами чудовищ.

Но, вопреки всему, город держался. Город держался семь дней. Пока не появился дракон.

Дракон решил исход сражения за неполных несколько часов.

Стоявший до последнего Теган велел отходить к первой баррикаде, потом ко второй. Носившаяся над ночным городом огненная смерть в виде огромного, бурого и невыносимо уродливого дракона, рушила, выжигала и превращала в руины все то, что уцелело за семь дней непрерывной осады. Людей и эльфов оставалось совсем мало, да и те, что оставались, были не бойцами. Положивший почти весь гарнизон Геррин видел это ясно, несмотря на то, что от усталости и потери крови мир в его глазах давно уже двоился и троился.

Теган знал, что Денерим обречен. Еще в начале осады он, одну за одной, направил трех птиц с просьбой о помощи. Он не был уверен, добралась ли хотя бы одна из них. Если не добралась и помощь не придет прямо теперь — до ночи город падет весь.

Теган знал, и все равно гнал обессиленных защитников сражаться.

Последняя ночь была самой страшной в его жизни. После ночи обороны Редклиффа от восставших мертвецов, банн Геррин никогда бы не подумал, что в его жизни будет ночь еще более страшная. Но, волей судьбы, последняя ночь осады Денерима стала для него — и всех тех, кто еще жил, воплощенным кошмаром наяву.

К утру наступила короткая передышка. Архидемон по-прежнему носился от стены к стене, от башни к башне, иногда дыша огнем. Но твари временно прекратили приступ. Должно быть, проклятый дракон, изучая обстановку сверху, менял расположение сил порождений тьмы. Не в силах этому помешать, Теган оставил изнемогавших защитников на позициях у баррикады. Ему пришлось на ум взобраться на самый верх одной из башен, что попадались ближе ко дворцу. Оттуда он намеревался увидеть и оценить число заполонивших город тварей.

Пошатываясь и придерживаясь за грудь, банн Геррин поднялся по крутым ступенькам и, выбравшись на площадку, некоторое время пытался отдышаться. Сказывались почти бессонная неделя и полученные множественные ранения в прошедших битвах. Отдышавшись, он выпрямился во весь рост, несмотря на то, что это было опасно — башни, особенно их вершины, были отчего-то первой добычей для архидемона. Выпрямившись, Теган вцепился в край каменной кладки, что оторачивала башенную площадку по кругу.

И обомлел.

Орды порождений тьмы по-прежнему стояли под городом и бесчинствовали в самом городе, убивая всех, кого могли найти. Однако его поразило не это, а показавшаяся совсем рядом, на холме, ведущем к Денериму, бело-алая полоса.

Полоса все ширилась. С его места ему было плохо видно, но он и так знал, что это было такое.

Конница рыцарей Церкви. Не покидавший Денерима с зимы Теган не мог представить, что их будет так много.

Конница приостановилась. Напрягая глаза, Теган жадно вглядывался в тех, кто все-таки успел к гибнущему городу. Полоса конников была сплошной, однако, не везде бело-алой. Сбоку она была разбавлена королевскими конниками, а позади...

Позади стоял кто-то еще. Теган не мог разглядеть, но это было уже не важно. Важно, что защитников явилось почти втрое меньше, чем пришло тварей.

И еще дракон.

Некоторое время полоса стояла. По-видимому, чего-то выжидая. Теган тоже ждал, и в его груди пекло — то ли от сильнейшей кровопотери, то ли от нетерпения. Конники стояли, не перестраиваясь. Над их войском не было стягов, и банн Геррин понимал, почему — под стягами обычно идут вожди. Архидемон, которому сверху было виднее, чем всем другим, не должен был знать, где их вожди.

А потом вся обширная лошадиная и людская масса все-таки струнулась.

Сначала медленно, но помалу разгоняясь с холма, рыцари Церкви неслись, постепенно выстраиваясь в клин — их могучее и страшное оружие. Наблюдавшему Тегану с тревогой думалось о том, что армия храмовников была слишком зажата тесной вырубкой дороги на Денерим. У самого Денерима рощи уже не было. Там стояли основные силы порождений тьмы, которые теперь спешно разворачивались к новому противнику. И там же было множество поваленных деревьев, пней, повозок, которые притаскивали твари, и прочего, что могло помешать ударной коннице храмовников, и даже сломать ее строй.

Было очевидно, что архидемон заметил подкрепления к защитникам еще раньше Тегана. Твари под стенами быстро перестраивались. Задние почти одновременно, не иначе, как по команде проклятого бога, натянули луки, давая первый залп в сторону надвигавшейся на них лошадиной и людской массы. На короткое время в небе стало темно от взвившихся стрел.

С замиранием сердца Теган ждал, когда стрелы достигнут цели — и проредят строй атакующих. Однако, за несколько мгновений до того, как на бронированные головы и плечи храмовников и их лошадей опустился смертоносный дождь, над их несколькими передними рядами вспыхнул красноватый ореол с синим окаймлением. Попадавшие в это свечение стрелы рассыпались в прах. Изумленный и не верящий глазам банн Геррин успел разглядеть магов, которые сидели на лошадях за спинами некоторых из храмовников. Судя по взблескам их посохов, магов было не менее трех десятков.

Твари дали еще один залп. Теперь к стрелами присоединились и огненные шары эмиссаров. Однако выстроенная магами защита выдержала и это. Храмовники приближались. Еще чуть более десятка ударов сердца — и их клин врежется в первые ряды порождений тьмы и, вне всяких сомнений, разметет их, рассекая армию тварей. Которые мгновенно потеряют свое преимущество.

Занятый попытками взглянуть в происходящее далеко за стеной, банн Геррин перестал следить за архидемоном. А меж тем, колоссальный дракон никуда не делся. Должно быть, Уртемиэль понял, чем грозит его армии не захлебнувшаяся атака храмовников. И — сложив крылья, камнем упал вниз.

На глазах у застывшего Тегана, огромная туша дракона что было лета ударилась в самый центр стремительно разогнавшегося клина, размазывая по земле головных храмовников, сметая силу их строя. Миг спустя проклятый бог вновь взмыл в алевшее небо, оставляя под собой проплешину из разбросанных, разорванных и раздавленных людей, строй которых...

... не смешался. В который раз измученный этим зрелищем больше, чем неделей обороны обреченного города Теган не мог поверить своим глазам. Похоже, этот маневр предводителя проклятой орды не стал неожиданностью для атакующих. Над флангами рыцарей Церкви, наконец, взвились стяги с гербами храмовников. И головные под стягами стали на скаку стремительно сближаться, увлекая за собой прочих. К моменту, когда бронированные конники врезались в первые ряды порождений тьмы, клин, хотя и не столь убойный, был восстановлен.

Несмотря на его значительно уменьшившуюся силу, клину храмовников все же удалось

то, для чего он был построен. Силы тварей были расколоты на две части. Рыцари Церкви продолжали продвигаться вперед, хотя их кони постепенно увязали в сплачивавшихся рядах порождений тьмы. Теган оставался на башне до тех пор, пока головные храмовников не достигли разбитых ворот Денерима. Потом он был вынужден уйти — державшие город твари вновь пошли на приступ. Требовалось его присутствие внизу.

Глава 79

Глава 79

Алистер Тейрин сумел по достоинству оценить историческую осведомленность капитана храмовников Хосека и его тактические советы. О том, что архидемон мог атаковать несущийся конный строй и смять его разбег, король узнал от Айана Кусланда, а тому, в свою очередь, поведал сэр Бьорн, который когда-то давно читал о подобном в библиотеке Круга. Вот почему нападение дракона не сделалось для них неожиданностью. После удара Уртемиэля капитан храмовников повел своих людей на соединение с противоположным флангом, который вел подконтрольный ему выживший в башне Круга храмовник Алесар. Алесар был также посвящен в возможность лобовой атаки чудовища. Благодаря общим усилиям им удалось удержать строй, пусть даже его разбег значительно ослабел в результате такого спешного и внезапного для всех, кроме вождей, перестроения.

Опережаемые несущимися из-за их спин стрелами долийцев, храмовники вломились в ряды тварей, рассекая их на две части, и все продолжали увязать. Однако впереди теперь был не погибший под когтями архидемона рыцарь-командор Грегор, а его капитан. Эльфийка-магиня в седле за его спиной прикладывала отчаянные усилия к тому, чтобы удержать защитную ауру вокруг ударной группы сэра Хосека, которая, с трудом прорубаясь и теряя все больше рыцарей, все же, пробиралась к воротам. За ними все утончавшейся лентой просачивались королевские конники, постепенно оставаясь и увязая в схватке с подступавшими с двух сторон тварями, которые были разделены, но не сделались от этого менее опасными. Сам король двигался в почти сплошном море из наскაკивавших порождений тьмы. Он больше не скрывался — и стяг Ферелдена, что удерживал рядом с ним тейрн Фергюс Кусланд, развеялся почти у самых городских ворот, вдохновляя тех, кто бился в задних рядах.

— Нужно продержаться до подхода гномов, — проорал капитан, когда их с королем ненадолго притиснуло на расстояние, возможное для того, чтобы слышать друг друга через вопли, рев, оружейный лязг, залиvistое ржание, крики и ругань сражавшихся, и грохот взрывов. — А потом уже прорываться за ворота! Похоже, там — едва ли меньшая орда, чем здесь!

Словно в подтверждение его слов, со стороны ворот показался крупный отряд тварей, по всей видимости, направленный, чтобы заступить дорогу пробивавшимся людям.

Однако, задолго до того, как первые отряды армии Стражей добрались до города и столкнулись с поджидавшими их свежими подкреплениями порождений тьмы, произошло событие, едва не переломившее ход сражения.

Большую часть порождений тьмы, что были сосредоточены вокруг передовых отрядов храмовников и короля, составляли гарлоки — рожденные от людских маток, в рост средневысокого человеческого мужчины. Откуда среди них одно за другим вынырнули три

огромных, синих, рогатых порождений тьмы, что были вдвое выше любого человека и могучих в своей тупой свирепой мощи, никто из сражавшихся заметить не успел. Расшвыривая оказавшихся на их пути более мелких проклятых собратьев и сотрясая землю своей поступью, они устремились к отчаянно сражавшейся группе людей — там, где под стягом Ферелдена поблескивал позолоченный доспех самого короля.

Случайно обернувшаяся Нерия Сурана с отчаянным усилием метнула в одного из них замораживающим заклятием, угодив в голову. Лапы чудовища переплелись, и оно с разбегу грянуло о не успевших разбежаться гарлоков. Но двое других продолжали нестись на отряд короля.

Конники оцетинились копьями, но, с ходу напоровшееся на них первое чудовище, почти смело сразу шестерых рыцарей из отряда Денерима, и второе успело проскочить в образовавшуюся брешь.

Эльфийская магиня отчаянно закричала. Сэр Бьорн с его отрядом был отрезан и у него не было возможности прийти на помощь так быстро, как это могло понадобиться. Фергюс Кусланд, который был отброшен уже издыхавшей рогатой тварью, изо всех сил пытался выбраться из-под упавшего коня. Его оруженосец, что подхватил королевский стяг, прилагал все усилия для того, чтобы помочь тейрну подняться до того, как его бы затоптали свои же конники. В несколько мгновений едва успевший обернуться король столкнулся с рогатым чудовищем один на один. А в следующий миг когтистая лапа, ухватив Алистера Тейрина поперек туловища, легко, точно куклу, вздела его в воздух.

И — битва вокруг замерла. Сражавшие продолжали сражаться, убивать и умирать, кричать и падать, звенеть оружием и отбивать удары. Но все они будто застыли, ибо то, что творилось у них на глазах, могло сделать битву переломной — прямо здесь и прямо сейчас.

Тварь дернула королем, поднеся его к самой морде. Потерявшего шлем Алистера обдало зловонием. Рогатое порождение тьмы торжествующе взревело, оплевывая Тейрина брызгами слюны, кусками гнилого мяса, скверны и еще неизвестно чего. Мышцы чудовищной лапы угрожающе напряглись. Тем, кто был ближе, не беспочвенно показалось — еще миг, и каменной твердости синие пальцы сломают спину человека, как солому.

Однако, этот миг так и не пришел. Торжествующий рев внезапно оборвался клокочущим хрипом. Король, который ухитрился не потерять меча, прокрутив в руке, с силой всадил его под челюсть твари, так, что острие прошло через пасть и вонзилось в голову. Хватка чудовищных пальцев ослабела, и Алистер, который уже соскальзывал вниз под тяжестью собственного доспеха, успел выдернуть меч и полоснуть по открывшемуся горлу.

Они упали почти одновременно. Избежавший смерти король, не удержавшись, грянулся на спину, но тут же с усилием перекатился из-под ударившейся о землю туши уже дохлой твари.

— Защищать короля! — грянул помятый, но уже взобравшийся обратно в седло тейрн Кусланд. — Круговая оборона!

Те всадники, что были ближе, опомнившись, сплотились вокруг Алистера. Протолкавшийся к нему Фергюс протянул руку, рывком помогая подняться.

— Их слишком много, ваше величество, — криком доложил он, потому что от возобновившегося шума битвы не слышал самого себя. — Если гномы сейчас же не оттянут на себя хотя бы часть...

Он не договорил, вздергивая лицо к небу. Пронесшаяся над ними тень не могла принадлежать птице — ибо была слишком велика, но и слишком мала для дракона. Те из

сражавшихся, которые видели ее, в свою очередь задирали головы, не жалея даже платить жизнями за проявленное любопытство.

Ибо посмотреть действительно было на что.

Как из древних легенд в небе над битвой на спине большого черного грифона парил Серый Страж. Страж был один, как и грифон, но это не умаляло величественности зрелища. На фоне благородного зверя и едва различимой фигуры того, кто стоял на защите самого мира, терялся даже носившийся над городом архидемон.

Откуда явился загадочный Страж на мифическом звере, оставалось загадкой. Грифоны в Тедесе вымерли так давно, что многим казались лишь детской сказкой. Уже много столетий нигде и никто не встречал ранее этих тварей. Рассказывали, что когда-то Серые Стражи умели приручать грифонов, дабы иметь возможность сражаться в воздухе с проклятыми драконами, но это было тьму веков тому назад.

Меж тем еще несколько мгновений Страж в бездействии сделал несколько кругов над сражавшимися. А потом внезапно вильнул куда-то в сторону, направив своего зверя к самому краю поля, там, где находились силы тварей, которые еще не вступили в битву и ожидали своего часа, чтобы свежей ордой обрушиться на уже сильно прореженный строй конных защитников. На глазах у всех он пронесся в бреющем полете над рядами порождений тьмы. А вслед за ним, возникая из неоткуда, к земле неслись десятки огромных огненных камней.

Алистеру Тейрину, сражавшемуся рядом с ним храмовнику Хосеку и бывшему в отдалении Стражу-Командору Кусланду, которого одного охраняли лучше короля, эти камни были знакомы.

— Не могу поверить, — пробормотал сэр Бьорн, сшибая конем и стремительно опуская палицу на голову рослого гарлока. — Неужели это вернулся мальчишка?

— Амелл! — забыв о королевском достоинстве, заорал Алистер, отмахиваясь щитом, и тут же нанося удар своим крепким двуручником, которым легко орудовал одной рукой. — Ворота!

Камни падали в самую гущу порождений тьмы, взрываясь, как бочки с гномьим порохом. В несколько мгновений посеяв хаос и перебив врагов больше, чем головной отряд сэра Бьорна, крылатый Страж вновь взмыл в воздух. Это отчего-то далось ему видимо нелегко, точно грифону пришлось поднимать тройную ношу. Однако, атакующие конники взорвались ликующими криками, и им ревом вторили стремительно подходившие сзади гномы.

— Ворота! — орал король, понимая, что паривший высоко маг не мог его слышать. — Дайлен, ворота!

Хотя Амелл, если это был он, действительно не слышал Тейрина, очевидно, он понимал и сам необходимость расчистить путь. Он снова направил крылатого зверя — теперь уже к городской стене.

— Проклятие! — Хосек отшвырнул вцепившегося в его локоть низкорослого врага, а Нерия вмиг превратила того в опавший студень. — Дракон!

То, что происходило в воздухе, хорошо было видно с земли — и людям, и эльфам, и гномам и проклятым тварям. Осознав опасность, которую несла его орде одна-единственная фигура крылатого мага, Уртемиэль рванулся к нему, на лету выдавая длинную струю зеленовато-синего, клубящегося пламени.

Тем не менее, Дайлен не повернул своего зверя прочь, и они стремительно сближались.

Очевидно, маг был настроен непременно смести силы свежего отряда перед воротами, чтобы дать, наконец, атакующим прорваться в Денерим. Даже если за это пришлось бы заплатить своей жизнью.

— О, Создатель! — Айдану Кусланду, как и всем, было видно происходящее. — Что он...

В последний миг поднырнув под струю пламени, сидящий на спине грифона Страж накрылся плащом, и тот загорелся. Страж на лету принялся сбивать пламя, из-за чего, по видимому, не мог творить магию. Но его грифон продолжал приближаться к воротам, оставляя хлопавшего крыльями Уртемиэля в опасной близости позади себя.

Огромный дракон пронесся над сражавшимися и, сделав круг, стал снова сближаться с наглой букахой. Однако, грифон был уже у ворот. Сидевший на его спине Страж продолжал воевать с горевшей на нем одеждой. Было непонятно, отчего он попросту не вызовет на себя заклятие воды. Очевидно, что при всем этом он не смог бы сделать того, для чего едва не сгорел заживо — убрать живую стену из тварей на входе в город.

Но всадник и тут поразил сражавшихся, которые уже не столько сражались, сколько следили за тем, что летало над ними. Страж действительно миновал выстроенные у ворот отряды порождений тьмы без вреда для последних. Однако, могучий огненный вал, что катился вслед за гонимой им волной воздуха, обрушился на тварей, подобно смерчу.

Такого было не создать даже всем магам совместно, что еще оставались живы в чудовищной схватке. Огонь шел сплошной стеной, страшнее, чем при извержении огненной горы, быстрее, чем при лесном верховом пожаре. И вдруг — оборвался так же внезапно, как возник. Но тот, который уже был зажжен, продолжал полыхать на слепо мечущихся, опалевших от боли созданиях Уртемиэля. Все до единого порождения тьмы, которых дракон нагнал под стену города, превратились в живые факелы. Их строй был безнадежно сломан.

Это не минулось и грифону. Его полет, из ровного и стремительного, стал напоминать порхание больного мотылька. Как-то неуклюже припадая то на одно, то на другое крыло, он попытался взмыть в небо — и чуть не упал. Уртемиэль был уже рядом. Он снова выпустил струю пламени, в котором, к ужасу защитников, исчез и крылатый зверь, и его героический всадник.

— К оружию! — заорал первым из всех людей опомнившийся Тейрин, подавая собственный пример. — Путь свободен! На Денерим!

— На Денерим! — подхватили сотни людских глоток. Мечи, палицы и копья заработали с утроенной силой. Как бы то ни было, Серый Страж уничтожил не менее десятой части проклятой армии, и оставлять его жертву напрасной было грешно.

Глава 80

Глава 80

Выдохнутое драконом пламя погасло. Под ликующие крики снизу, грифон и его всадник вынырнули из него живыми, хотя и сильно пострадавшими от огня. Страж сбросил плащ, высвобождая длинные волосы и крепкую, но явно низкорослую фигуру, более приличествующую эльфу, чем человеку. Однако долго разглядывать его дракон не дал. Видя, что его атака не достигла цели, он снова выдохнул пламя, но на этот раз, уже оправившись, грифон резко уклонился и понесся прочь, отчаянно работая обожженными крыльями. За

ним, не жалея кожаных взмахов, гнался огромный дракон. В несколько мгновений они облетели всю огромную площадь битвы и скрылись среди подсвеченных багровым облаков.

— Мальчишка отвлек внимание архидемона! — возглавлявший теперь атаку храмовников капитан взмахнул палицей. — В ворота! Живей!

На ходу добивая все еще метавшихся либо катавших по земле порождений тьмы, головные отряды человеческой конницы ворвались в полуразрушенную арку, что некогда нависала над городскими воротами. За их спинами уже подросла гномья пехота и вломила в задние ряды тварей. Эльфийские лучники все еще держались подальше от рукопашной. Легкие, словно тени, их галлы пронеслись мимо сражавшихся, позволяя всадникам всаживать стрелы прицельно, в упор. Люди дрались отчаянно. Развевавшиеся почти у самых ворот знамя Ферелдена и храмовничье знамя с гербом армии Церкви придавали им сил. Не менее отчаянно и яростно вздымались вверх гномьи мечи и топоры, с хэканьем опускаясь на гнилые головы тварей. Архидемон был отвлечен и не мог отдавать приказы сразу всем своим войскам, координируя их действия. Постепенно тварей за стенами стали теснить, пока еще неуверенно, но все же медленно выдавливая их к границе вырубленной рощи.

— Вперед! — хрипел король, орудуя мечом и щитом, и увлекая за собой прочих. — Вперед!

На денеримской площади, прямо за воротами, развернулась, должно быть, самая страшная схватка из всех в этой битве. Твари наскакивали безоглядно, по-видимому, получив приказ архидемона держать площадь любой ценой. На каждого атакующего приходилось по десятку порождений тьмы. Те маги, которые еще оставались в живых, укрываясь за спинами храмовников, старались изо всех сил, однако, даже совместно у них не получалось и десятой доли того, что до того творил крылатый Страж. Рев, крики, звон, стук, грохот и дикое ржание — все это сливалось в чудовищный гул, в котором вязли мысли людей, борющихся, как в бреду. В какой-то миг, когда Айдан Кусланд и Алистер Тейрин оказались рядом, кони их уже ступали не по камням мостовой, а по сваленным друг на друга телам, многие из которых были еще живыми.

— Смотри! — Командор орал во всю мощь своей глотки, но до сражавшегося всего в паре людских шагов от него Алистера едва доносились отголоски его слов. — Смотри на небо!

Король задрал голову. Небо, до того багровое, несмотря на восстававшее где-то за тучами солнце, наливалось лиловой чернотой. В нем, то здесь, то там, полыхало — но не молнии, а взблески чудовищного пламени. Временами в разрывах черной хмари виднелись взмахи исполинских крыльев, но тут же пропадали с глаз. Вероятно, архидемон продолжал охотиться на крылатого врага — а может, сам улепетывал от него. Громыхавшие в небе взрывы могли быть следствиями сильнейшей магии разрушения, если разве что не сам Создатель решил явить оскверненному Тедасу свой гнев.

Прошло довольно долгое время. Битва на площади почти утихла — атакующие не сумели взять ее всю, а оттесненные твари продолжали удерживать подходы ко внутреннему городу, когда архидемон снова вырвался из-за облаков. Один, без Стража. Те, кто мог кинуть взор в небо, зрели укрывавшие некогда сплошную чешую драконьей шкуры цельные проплешины, вмятины и ожоги. Проклятый бог заметно припадал на правое крыло. Убил ли он Стража, либо тот ускользнул, но по многим признакам можно было понять — Уртемиэль пребывал в бешенстве. Если до того он сеял разрушения лениво, словно играя со смертными

и будучи уверен в легкой победе, то теперь огромный дракон словно обезумел. Он бил грудью и хвостом, крушил стены и башни, топил все вокруг во всепожирающем пламени.

— Он здесь все разнесет!

Алистер дернулся, почувствовав крепкий хлопок по спине. Кусланд убрал руку, указывая на оставшийся целый участок крепостной стены, что окружала королевский замок.

— Нужно пробраться туда до того, как дракон разрушит и ее. Будем действовать по плану сэра Хосека.

Король бросил взгляд на храмовиков и конных латников Денерима, которые продолжали сдерживать тварей. Положение продолжало оставаться тяжелым. Для того, чтобы достичь замковой стены, которая была выше городской, требовалось миновать добрую половину города.

Но иначе до архидемона было не добраться. Пусть даже крылатый Страж чудом оставался жив, ему, без сомнений, требовалась помощь.

Алистер обернулся к Айану и они крепко обнялись, громынув доспехами.

— Прощай, брат, — слова Кусланда были по-прежнему спокойны, несмотря на творившееся вокруг них. Похоже, он уже принял то неизбежное, что должно было свершиться в ближайшие часы, и принял с достоинством. — Задайте им здесь.

Тейрин глубоко вздохнул.

— Ну... прощай. Да... да пребудет с тобой Создатель. Пусть он направит твою руку!

Айан поднял забрало. Алистер запомнил смуглое, залитое потом, осунувшееся лицо побратима — и последнюю улыбку, которая внезапно смягчила его резкие, точно высеченные из камня черты.

— Командор! — прогремел издали могучий призыв сэра Бьорна. — Пора!

Он и еще около полутора десятков его людей, которых он отобрал лично еще до начала похода, ожидали у дальнего края площади, который был уже отбит у тварей. В седлах за спинами нескольких храмовников сидели маги. Сейчас они изо всех сил удерживали огненный коридор, который не могли преодолеть порождения тьмы. Две линии высокого пламени сквозь ряды тварей пересекали площадь и убегали ко вторым воротам, которые вели от площади к жилым кварталам.

Кусланд опустил забрало и, не говоря боле ни слова, повернул коня, поскакав к ожидавшим его храмовникам. Королю с его места было видно, как товарищ обменялся с сэром Бьорном несколькими короткими фразами, после чего отряд капитана в сопровождении Серого Стража тронулся. В несколько мгновений он исчез между струй огня. Огненная дорога, которую больше не питала магия, гасла вслед за ними.

— Поможем Стражу-Командору! — криком призвал король, привлекая внимание державших оборону людей и направляя их в нужную сторону. Сердце его защемило в неуместной теперь, но неизбежной тоске. — В атаку! За Денерим!

Глава 81

Глава 81

Твари приближались. Свергнутой королеве это было хорошо видно с высоты той башни, в которой она теперь вынуждена была обитать. Аноре было страшно — как никогда в жизни.

Все в обреченном городе имели хотя бы призрачную возможность спастись, и лишь она была заперта, как крыса, под самой крышей королевского замка.

Эрлина, верная эльфийская горничная, которая теперь была бессменной компаньонкой бывшей королевы, все время сидела у окна, отслеживая то, что творилось в городе. Сама королева к окну приближалась редко. Она ходила взад и вперед по комнате. Стражи под дверью не было уже третий день. Должно быть, об опальной королеве и ее служанке попросту забыли. Благо еда и питье, которые приходилось беречь, еще оставались.

— Конники короля! — Эрлина отвлеклась от окна, оборачивая к Аноре просветлевшее лицо. — Конники короля уже в городе! С ними рыцари Церкви! Мы спасены!

Мерившая шагами комнату королева замерла. Ее темное от страха лицо исказила гримаса ненависти.

— Спасены? Не смеши! Этот тупой отпрыск выродившегося рода привел людей на смерть! Вот увидишь — сейчас они...

Раздавшийся за дверью шум, который более всего напоминал звук шагов, заставил ее умолкнуть, не договорив.

Шаги были быстрыми и мелкими. Так не мог ходить человек или даже эльф. Разве что гном, не кажись многочисленные идущие такими легкими.

— Не шевелитесь, ваше величество, — едва слышно пробормотала Эрлина, отступая к самой стене. — Если это... они могут нас не услышать.

Рев сразу нескольких нечеловеческих глоток по другую сторону двери стал ей ответом. В дверь ударили — раз, потом другой. Эльфийка выхватила кинжал. Она и Анора отступили к самому окну.

— Спаси нас, Создатель!

Дверь рухнула. Из-за нее внутрь с ревом ломанулись низкорослые темные фигуры.

Бывшая королева и ее служанка с визгом бросились в разные стороны. Анора вжалась в угол, с ужасом закрывая глаза под вздевшимся над ней кривым мечом.

Однако меч так и не опустился. Что-то с шумом упало у ее ног. Открыв глаза, бывшая королева увидела издыхавшее порождение тьмы, что еще продолжало дергаться на полу. Появившийся в дверях вслед за тварями среднерослый воин в изорванной куртке стражника, оставив нож в затылке одной из тварей, подхватил с пола кривой меч и полоснул по спине другой.

Эрлина, выставив нож и тяжело дыша, смотрела на расплывшуюся лужу скверны. Ее убийца подобрался еще ближе, чем тот, который попытался убить опальную королеву. Служанку спасла только стремительность и — спинка деревянного кресла, на которую пришелся первый удар проклятого оружия.

— Это были разведчики, — меж тем, не обращая внимания на смятение женщин, воин забрал свой нож и отер его о куски шкур, в которые была одета одна из тварей. — Наверное, сделали подкоп где-то внизу. Кроме них другие порождения тьмы пока сюда не добрались. Но могут добраться в любое время. Вам двоим можно укрыться в задней комнате караульного помещения. Оно закрывается изнутри на засов — я видел сам, когда побывал там. Поторопитесь!

Он сунул меч за пояс, собираясь уходить. Однако в последний миг Анора поймала его за рукав.

— Кто бы ты ни был — ты говоришь, что порождения тьмы вот-вот вернуться. Ты должен проводить нас в безопасное место!

Мужчина качнул головой, высвобождаясь из женских пальцев.

— Я тороплюсь.

— Но ведь караульное помещение — внизу! — старательно обходя дохлых порождений тьмы, Эрлина приблизилась и остановилась рядом с госпожой. — Разве ты идешь не туда? Прости меня, добрый господин, но мне показалось, что ты... такой же узник, как и мы? Разве ты не спасаешься из башни?

Незнакомец покачал головой.

— Да, я — узник. Мне удалось освободиться лишь недавно, как и вам. Но теперь, когда я свободен, а порождения тьмы уже в городе, мой долг — попытаться убить архидемона, который наверняка стоит во главе этого нашествия.

Анора и Эрлина переглянулись.

— Серый Страж Риордан, — в подтверждение их догадки воин коротко склонил голову. — По нуждам Ордена пришел из Орлея в начале этой зимы. Брошен в тюрьму тейрном Логейном по вздорному обвинению в государственной измене, — он вздохнул. — Прошу меня простить, миледи, но я действительно очень спешу.

— ... тьма на этого архидемона!

Поднимавшийся впереди храмовник споткнулся и ругнулся опять — на сей раз грязнее. Его можно было понять — при полном доспехе и оружии рыцарю пришлось разменять не один десяток ступеней. Как и самому Командору, который ближе к верху лестницы начал сильно выдыхаться. Даже легкая эльфийка Нерия тяжело дышала, перебирая руками по стене, как и ее отец, который при каждом шаге опирался на собственный посох. О том, как себя чувствовал сэр Бьорн, который нес на плечах Первого Чародея Ирвинга, оставалось только догадываться.

Но они были почти у цели.

Весь путь до замковой стены стал для отряда сопровождавших Стража-Командора храмовников кошмаром наяву. Уже через несколько улиц, потеряв больше половины рыцарей и почти всех магов, они вынуждены были скрываться проулками, оставив на поживу порождениям тьмы своих лошадей. Кусланд тщательно обходил стороной рыскавших всюду тварей, но их было так много, что храмовникам то и дело приходилось ввязываться в новые стычки. Если бы во время одной из таких схваток воля Создателя не столкнула их нос к носу с отрядом отчаянного городского эльфа Дарриана — того самого, который вместе с Кусландами и заточенными дворянами бежал из форта Драккон — истрепанные, израненные и измученные храмовники до цели могли и не дойти.

Дарриан и его эльфы только им известными путями — через проулки, задние дворы и сточные канавы, проводили храмовников почти до самой стены. Эта часть города еще не была занята порождениями тьмы. Откуда-то с других улиц можно было слышать стук и голоса — то возводились баррикады под командованием банна Тегана. По словам эльфа, сам банн руководил обороной города от самого начала.

Но на встречу, даже короткую, времени не было. Архидемон бушевал по-прежнему, явно намеренный стереть город в прах. Крылатый Страж не показывался. Должно быть, его уже не было в живых. Вся надежда оставалась теперь на Стража-Командора — и на безумный план капитана Хосека.

Перед дверью, которая вела на крышу, все, кто оставался в живых из отряда, остановились перевести дух. Снаружи доносился свист, грохот и далекие крики —

проклятый бог Уртемиэль все являл городу свой безудержный гнев. Единожды содрогнулась даже кладка стены, внутри которой они поднимались. Однако, похоже, их задело только отмахом чудовищных крыльев. Либо дракон, не сумев разрушить сходу, решил оставить эту твердыню с тем, чтобы вернуться позже.

— Она когда-нибудь угомонится, эта тварь?

Бормотание рыцаря внутри доспеха получилось неожиданно гулким. Храмовник сорвал шлем, являя разбавляемой факелами полутьме грязное молодое лицо с горевшим взором.

— Только когда мы сами ее угомоним, — капитан Хосек поймал взгляд Командора и решительно мотнул головой в сторону двери. — Все вы помните, что нужно делать. Вперед.

Один за другим они выскочили на довольно просторную каменную площадку — как раз то, что было нужно по их замыслам. Оглядевшись, сэр Бьорн деловито принялся отдавать распоряжения. Храмовники разбежались к зубцам, а трое оставшихся в живых магов — Первый Чародей Ирвинг, староста деревни отступников и его дочь, вместе с Командором укрылись у каменной кладки, которая предохраняла от падения со стены — там, где она еще сохранялась.

Дракон теперь опять носился над двумя сражавшимися армиями. Однако огнем он не дышал — как видно, защитники Тедаса и порождения тьмы так перемешались между собой, что опалить одних, не задев других, едва ли было возможно. Капитан Хосек, который убедился, что приготовления идут, как подобает, прихрамывая и держась за грудь, подошел к Командору. Айан, не отрываясь, следил за полетом Уртемиэля. Во всем городе и в его окрестностях по-прежнему творилось невероятное. Там убивали и умирали, рубили, кололи, падали, хрипели, кричали, ревели и визжали. Но стержень всего этого страха был один. Кусланд знал, что стоит убить дракона — и твари дрогнут. Уртемиэль заставлял поганых чудищ атаковать до последнего.

— Интересно все-таки, кто был на том грифоне, — громко, чтобы перекричать гул снизу и со всех сторон, вслух подумал храмовник. — Я готов поклясться — едва ли в Тедасе нашелся другой такой могучий маг, кроме мальчишки Амелла.

— Вам было известно о могуществе Дайлена? — несколько удивился Кусланд, следя за архидемоном.

— Мне было известно обо всех, — усмехнулся капитан и посмотрел на эльфийку. Нерия ответила ему спокойным взглядом и улыбнулась.

— Готово, капитан! — тот самый молодой храмовник, уже без шлема, подскочил, указывая на притаившихся каждый у своей позиции храмовников. Рыцари Церкви действительно постарались, замаскировавшись настолько, насколько было возможно на замковой стене, которая хорошо просматривалась с воздуха. — Можно начинать!

Кусланд и Хосек, не сговариваясь, бросили взгляды на сражавшийся и погибавший город. Потом обернулись друг к другу.

— Удачи, Командор, — храмовник дернул углом рта и вновь посмотрел на Нерию.

— И тебе, сэр Хосек.

Айан отошел. Капитан обернулся к магам.

— Действуйте, — коротко приказал он.

Бледный Ирвинг и эльф Вилфред встали у края площадки по обе стороны от Нерии. По молчаливому сговору старики и девушка одновременно вздели свои посохи.

Вспыхнувшая между тремя наверхьями сфера в несколько мгновений разрослась, опускаясь на удерживавших ее магов. Мигом позже из нее вырвался луч и, пронесясь над

всем Денеримом, ударил в бок зависшего над городом дракона.

Паривший Уртемиэль в ярости обернул покрытую шипами голову. Спустя мгновение он уже несся к обидчикам. Каждый взмах его крыльев покрывал расстояние сразу в несколько кварталов.

— Приготовиться! — прокричал Вилфред, хотя маги и без того были готовы. — Давай!

Свет от охватившей магов сферы на миг стал ослепительным. Дракон, который почти достиг замковой стены, замер, очумело мотая головой и хлопая крыльями, точно с лету натолкнувшись на невидимую преграду.

— Вперед!

Рев сэра Бьорна на короткое время заглушил даже звуки битвы. Едва не сносимые с площадки ветром от взмахов чудовищных крыльев, храмовники выскочили из своих укрытий. По знаку руки капитана в воздух взвилось с десятков плотных металлических тросов с заточенными крючьями на концах.

Два или три крюка безвредно скользнули по драконьей шкуре, но прочие, кованные из красной стали с продольными вкраплениями из цельного лириума, закаленные на оскверненной крови Айана Кусланда, плотно вонзились в прозоры чешуи на груди дракона и за его кожистые крылья.

— Тяните!

Раздавшийся вслед за этим чудовищный рев потряс стену — от вершины до самого основания. Дракон рванулся прочь, но стальные тросы другими концами через толстые клеммы были прикреплены к зубцам. Несколько зубцов вырвало из камней, между которыми они были вделаны, обдав стоявших рядом храмовников каменной крошкой. Но другие остались нерушимы, удерживая хлопавшего крыльями дракона у замковой стены.

— Тяните, мерзавцы! Мать вашу, тяните!

Храмовники налегли на тросы. Те, у кого тросы были оборваны, приходили на помощь товарищам, которые оказались ближе. После перехода через захваченный тварями город, живых рыцарей Церкви оставалось ничтожно мало и человеческими силами у них не было сил противостоять чудовищной силе проклятого бога. Но они старались и могли удержать его — как можно ближе, до тех пор, пока...

— Командор!

Тянувший за свое крепление Кусланд мгновенно оценил расстояние, на котором дракон находился от площадки. Даже в прыжке он бы не смог достичь Уртемиэля. Тем более теперь, когда его движения сковывал доспех.

С металлическим звяком лопнул трос, потом еще один. Взбешенный дракон выдохнул пламя. Мерцавшая вокруг магов сфера их сберегла, но храмовникам, которые не были защищены ничем, изрядно досталось. Кто-то из рыцарей упал, запеченный в собственном доспехе. Другие невольно отшатывались, заслоняясь руками. Крепления остались удерживать лишь несколько человек.

Уртемиэль рванулся. Камни из каменной кладки разлетелись в разные стороны, выворачивая оставшиеся зубцы. Лопнул последний трос — и дракон устремился прочь, унося на свисавших с него путах двух рыцарей, в одном из которых Кусланд успел увидеть капитана.

В последний миг один из уцепившихся за тросы храмовников разжал руки. Рывком его перебросило через стену, и он чудом успел уцепиться за самый ее край. Кусланд, Нерия, ее отец староста Вилфред и оказавшийся поблизости глазастый рыцарь со страшными ожогами

на лице с трудом втащили его обратно на площадку. Когда Страж бросил взгляд на архидемона, тот был уже далеко.

Глава 82

Глава 82

План по захвату дракона изначально был невыполним. Впрочем, капитан и не надеялся, что силами даже двух десятков рыцарей и нескольких магов сумеет удержать безумного Уртемиэля у стены. Посвященный в тайну Стражей, он лишь стремился к тому, чтобы дать возможность Стражу-Командору подобраться так близко, чтобы можно было нанести удар.

Но даже это его потрепанным храмовникам оказалось не под силу.

Капитан предполагал такой исход. Однако обрыв последнего крепления все равно стал для него неожиданностью. Еще мгновение назад он был обернут к Стражу Кусланду, а в следующий миг — уже несся над крепостной стеной замка, изо всех сил вцепившись в трос, конец которого засел в драконьем мясе проклятого бога. Сэр Бьорн успел заметить, как соскользнул с троса последний из его людей, как рыцарь падает в бездну, и потом — он остался с буйствовавшим архидемоном один на один.

Уртемиэль чувствовал засевшую в теле занозу огромного крюка, на другом конце которого болтался тяжелый человек. Его полет сделался порывистым и рваным. Дракон кидался из стороны в сторону, бросался на крыши высоких домов, налетал на стены, стремясь сбить ненужный груз, однако, побитый, измочаленный храмовник все еще держался крепко.

Капитан понимал, что в его положении единственная возможность умереть с пользой — добраться до самого дракона. Оправившийся от неожиданности и испуга, сэр Бьорн подтянулся, стараясь уцепиться за покрытый слоем скверны бьющийся драконий бок. Несколько раз его бесплодно побило уже об дракона и еще — едва не приложило с чудовищной силой о камень одной из дворцовых стен. Однако храмовник не сдавался. Стараясь не глядеть на мелькавшую под ногами чудовищную высоту, он раз за разом пытался вскарабкаться на обезумевшего от ярости архидемона, хватаясь руками и ногами, скользя, и вновь пытаясь найти опору и уцепиться. Пока наконец не схватился за шип на лилово-коричневом боку.

Уртемиэль издал яростный рев, выдыхая пламя. Но его ярость напротив, помогла храмовнику, давая короткую передышку. Испепелявший чью-то крышу дракон завис, хлопая крыльями. Сделав над собой чудовищное усилие, Хосек перенес вес своего тела на другую руку, ту, которой он держался за шип. И, качнувшись, забросил себя на тело дракона.

Чудом он не потерял зажатого подмышкой троса. Под ногу попался другой, скользкий от скверны шип, и только эта ненадежная опора спасла его от сползания вниз. Торопясь и соскальзывая, храмовник вскарабкался выше, используя прочие шипы, которых на Уртемиэле росло порядком. И, наконец, добрался до самого гребня, намертво укрепившись между крыльев.

Дракон сорвался с места. Однако прицепившаяся наглая смертная букаха нашла довольно удобную ложбину. Вытрясти ее было сложно. Дракон с маху бился о стены теперь уже спиной, проносился сквозь языки высокого пламени. Храмовник не падал, словно прилипнув к его шкуре. И — медленно, но верно пробирался вперед, выше, к самой голове.

Капитан Бьорн знал о необходимости нанесения последнего удара архидемону кем-то из Стражей. Но он все еще не мог придумать, как помочь Командору. Возможность ранить проклятого бога настолько, чтобы сбросить на землю или иначе вынудить прекратить полет, исключалась. Знаменитая кожа дракона на спине росла не пластинами, а сплошняком, и была воистину непробиваемой; храмовник лишь зря затупил лезвие меча. Тщетно он выискивал зазоры — их не было. Трясшийся и подпрыгивавший на спине архидемона Хосек уже задумывался было о том, чтобы подобраться как можно ближе к голове дракона и попытаться выбить глаза, когда внимание его было отвлечено иным.

Утремизель вновь носился у королевского замка — чем-то величественное сооружение привлекало его. Капитану казалось, что он мог разглядеть мелькавшие на стенах и в бойницах лица воинов, однако большая часть увиденного превращалась для него в пестрое размытое пятно. В один из таких моментов, когда дракон проносился у одной из башен, оттуда вниз стремительно бросился человек.

Миг спустя он ударился о дракона и, скользнув руками по его покрытой скверной чешуе, полетел в пропасть. Кинувшийся вперед Хосек успел поймать его за кисть, но не удержал. Смелчак соскользнул, схватившись за ладонь храмовника и изо всех сил стискивая пальцы. Уртемизель, почувствовав на себе еще одного седока, взревел вновь, выпуская струю синего пламени.

— Ищи на что опереться! — проорал Бьорн в ошарашенное лицо того, кого от смерти отделяла лишь сила его руки. — Или он сейчас...

Дракон с силой грянулся о камень. Так и не успевшего найти опоры смелчака расплющило между чешуей архидемона и крепостной стеной. У Хосека осталась только его рука — целая почти до самого локтя.

Выбросив ее, храмовник решил продолжить опасный и почти безнадежный путь к голове метавшегося дракона. Однако обстоятельства преподнесли ему новую неожиданность.

... Откуда снова вынырнул крылатый всадник, сэр Бьорн заметить не успел. Мелькнувший перед его взором некогда величественный грифон теперь больше напоминал ошмаленную курицу. На его шкуре жирно поблескивали кровью обширные проплешины ожогов. Всадник был полугол и тоже сильно обожжен. Теперь он вновь преследовал дракона, и с его места капитан увидел уже совершенно определенно — это был эльф. Прокопченное молодое лицо было искажено гримасой ненависти, а в руках...

В руках немислимым образом удерживавшегося на спине грифона эльфа был большой и крепкий долийский лук. Наконечник четырехгранной, толстой стрелы отливал багровым. За ним тянулся едва заметный багряный след.

С проклятиями магии крови Хосек был хорошо знаком. Глядя на стрелу эльфийского мага, он мог бы поклясться — ее наконечник был зачарован на крови Серого Стража.

Взгляды эльфа и храмовника встретились. Глаза Стража ошарашено расширились, но только на миг. Потом он снова перенес внимание на свою мишень.

Сэр Бьорн не сразу понял, куда метил эльф. И лишь когда пущенная с тетивы стрела нашла свою цель, он догадался.

Рев дракона, переходящий в бессильный вой, потряс до основания половину Денерима. Изо всех сил цеплявшегося за шипы Уртемизеля храмовника встряхнуло раз, другой... Архидемон тряс огромной головой, судорожно дергая крыльями. Одна из его глазниц была пуста изначально, словно когда-то давно какой-то смелчак был умел или удачен настолько,

чтобы подобраться к самой голове дракона и выковырять ему глаз мечом.

Из второй глазницы теперь торчала стрела, которая вошла в незащищенную драконью плоть по самое оперенье. Эльф, который только что сделал лучший в своей жизни выстрел, едва успел убраться из-под взмахов чудовищных крыльев, но его все равно снесло в сторону. Уртемиэль крутился на месте, как обезумевший мабари, нырял под воздушные потоки и взмывал в багровое небо, дергался в стороны и зависал.

Но сделать уже ничего не мог. Нанесенная в его единственное уязвимое место рана не затягивалась. Проклятая на крови Серого Стража стрела сделала свое дело, и сделала как надо. Дракон ослеп.

А вместе с ним и тысячи проклятых тварей, которых он вывел из-под земли.

Порождения тьмы по-прежнему видели происходящее вокруг, но они потеряли связь со своим божеством. Ослепленный дракон не зрил картины боя и не мог отдавать приказов. Но проклятый бог, пусть даже незрячий, по-прежнему оставался опасен.

Последняя мысль отрезвила замершего храмовника. Сэр Бьорн огляделся в несколько рывков головы. Определив нужное направление, он подтянул к себе и с силой дернул за трос, который все еще удерживал намотанным на руку.

Ощутивший новую боль, полубезумный от потери обоих глаз Уртемиэль дернулся в эту же сторону. Воодушевленный успехом, Хосек дернул за крюк еще раз и — едва не направил тяжело хлопавшего крыльями дракона в камень городской стены. В последнюю минуту архидемон резко взмыл вверх, а храмовник, с трудом увернувшийся от покрытого проклятой слизью шипа, в который чуть не влетел головой, рискнул высунуться, чтобы попробовать поймать один из свисавших с бока дракона тросов — но уже с другой стороны.

Похоже, Страж, который наматывал круги вокруг потерявшего себя от боли Уртемиэля, понял его затруднение. Не веря глазам, капитан смотрел, как грифон приблизился к летевшему косо на острые шпильки чьих-то крыш дракону. После нескольких бесплодных попыток крылатый всадник сумел поймать конец одного из засевших в противоположном боку архидемона крючьев и — перекинуть его храмовнику.

Почувствовав в своих руках такие поводыя, сэр Бьорн окончательно утвердился в том, что ему нужно было делать. Он обернулся, прикидывая расстояние до стены, на которой оставил свою группу и Командора. И — изо всех сил натянул один из тросов.

Архидемон, который ощутил новую резкую боль, попытался уменьшить ее, сильнее захлопав крыльями и выгнувшись к больному месту. Несмотря на то, что дракон был огромен, кованые гномами крючья, которые были закалены на крови Стража, довольно плотно вошли под драконью шкуру и причиняли немалую боль. Уртемиэль рванулся, прокрутившись вокруг себя и — снова сорвался с места. Однако теперь его полет не был хаотичным. Удерживаясь на его спине, и до упора натянув тросы засевших в драконьем мясе крючьев, капитан храмовников с чудовищным трудом, но все же направлял архидемона туда, куда ему было нужно — к замковой стене. Крылатый Страж, не совсем понимая, куда правил пустивший в ход всю свою нечеловеческую силу Бьорн, улавливал общее направление, помогая магией крови. В несколько десятков взмахов драконьих крыльев, которые показались отдавшему себя этим мгновениям храмовнику вечностью, Уртемиэль все-таки с силой грохнулся на вздрогнувшую площадку замковой стены.

От удара Бьорна швырнуло на самую голову оглушенного дракона. Не понимая, что делает, и действуя по наитию, храмовник схватился за его выбитые глазницы, упираясь ногами в костигребня. Почувствовавший тяжесть очумевший дракон поднял голову — и тут

же уронил ее обратно, когда на его нос из неоткуда свалилась тяжелая каменная глыба.

С трудом различавший мир сквозь красное марево капитан сумел разглядеть на площадке подступавших к дракону храмовников, Нерию, которая в союзе с двумя стариками спешно плела магическую сеть, рыжую орлесианскую бардессу, что была ранена перед самым восхождением на башню, и оттого оставалась внизу, но, теперь, похоже, нашла в себе силы подняться на самый верх — и Стража-Командора. Последний с серым, как у косситов, лицом, медленно, точно во сне, вытаскивал из-за спины узкий и длинный меч.

Архидемон вновь дернул головой. Похоже, хотя и ослеплённый, дракон уже приходил в себя. Хосека вновь подбросило вверх и с силой приложило животом о костистый гребень.

— Командор! Скорее! Он сейчас поднимется!

Его окрик — осмысленный, человеческий, пробившийся через звуки битвы, рев пожара, вопли порождений тьмы, удары крыльев и клекот архидемона, словно отрезвил Серого Стража. Уже не медля, он вырвал оружие из ножен и — всадил его в глазницу бьющегося дракона.

Уртемиэль стрекочуще зашипел, выдыхая вонючий дым. Он резко дернулся, вскидывая голову вместе с торчащим из нее мечом и — уронил ее обратно. Сэра Бьорна, наконец, сорвало с дракона и отбросило к осыпавшейся ограде площадки, о которую храмовник ударился спиной. Но руки Кусланда словно прилипли к мечу. Его подбросило вместе с головой архидемона, и приложило о камень, но Страж не выпустил оружия из рук.

Дракон взревел — в последний раз, яростно и скорбно. В том месте, куда был воткнут клинок Стража, замерцало. Свет из раны становился все ярче, заполняя все вокруг.

С шумом на площадку шлепнулся черный грифон. Прокатившись вместе с всадником и сбив по дороге двух храмовников, грифон окутался черным дымом и через несколько мгновений остановился у самых ног лежащего в обломках стены сэра Бьорна уже человеком. Дайлен Амелл неуклюже поднялся на четвереньки и, очумело оглядевшись, с трудом встал на ноги, припадая на один бок и вызывая между ладоней струю плотного огня.

— Нееет! — заорал он так, что на миг перекрыл все звуки, даже нарождавшийся в ушах каждого странный шум. — Айан! Это моя смерть! Мояаа!!!

Он бросился вперед. Яркость света сделалась невыносимой. Полыхнула свирепая вспышка — и раздавшимся вслед за этим взрывом людей разметало далеко по сторонам.

... Первым, что увидел капитан после того, как к нему вернулось зрение, было небо. Его все еще закрывали облака, но они постепенно расходились. Багровая чернота исчезла. Небо снова становилось небом — с его лазурной, яркой, весенней синевой.

Выглянуло солнце. Налетевший ветер еще нес с собой запах гари и крови, но был уже по-весеннему свеж и горьковато пах соленым морем.

Магия пятого архидемона Уртемиэля исчезала вместе с его смертью. Сам проклятый дракон дохлой громадой лежал на проломленной замковой стене.

Главное дело было сделано. Пятый Мор завершился.

Хосек шевельнулся. Тело пронзила резкая боль в спине и ногах. Капитан послушно замер. Не признаваясь в этом никому, даже себе, он намеревался найти смерть в этой битве. То, что он до сих пор оставался жив, было нелепостью, исправить которую храмовник был не прочь.

Но его чаяньям не суждено было сбыться. Со всех концов широкой каменной площадки доносились шорохи по камню и звон доспехов поднимавшихся на ноги людей. Страж-эльф, что долгое время рассекал воздух на спине Дайлена Амелла, уже стоял на ногах в десятке

шагов от храмовника. Его лицо было покрыто ожогами. Те волосы, что сохранились на голове, слиплись от крови.

Послышался частый шелест быстрых шагов — и перед глазами сэра Бьорна появилась Нерия. Девушка где-то потеряла посох, и теперь у нее за спиной болтались лишь сломанный лук и пустой колчан. Эльфийка хотела броситься к нему, но храмовник успел предостерегающе вскинуть руку.

— Стой, — вынужденно прохрипел он. — Я... покрыт скверной... до ушей... проклятье...

На него выплеснулось ведро холодной воды. Сэр Бьорн вскинулся, и тут же выгнулся дугой. В его спину точно вогнали раскаленный прут. Старый Ирвинг, опираясь на посох, как на клюку, вскинул руку, и на капитана, смывая остатки скверны, вновь опала вода — в этот раз теплее.

— Не вставай! — пальцы эльфийской целительницы знакомо пробежались по его груди. — Я сейчас...

Сделав над собой усилие, Хосек подтянулся и сел. Полыхнувшая боль тут же утихла, уменьшившись до терпимой. Коротко кивнув заботливой магине, рыцарь посмотрел поверх ее плеча.

Дайлен Амелл, покрытый ожогами и кровью, как и явившийся с ним эльф, в странном темном доспехе, нетвердо подходил к дохлой громаде архидемона. Почти одновременно с ним, подволакивая ногу, в эту же сторону ковыляла рыжая орлесианская бардесса Лелиана.

Но их целью был не дракон.

В отличие от прочих, Стража-Командора Кусланда отбросило взрывом не больше, чем на два десятка шагов. Он лежал лицом вниз, вытянувшись на камнях, и поджав под себя ногу. Его выбившиеся из-под шлема рыжие волосы шевелил гулявший по верхам стены все еще холодный весенний ветер.

— Айан!

Лелиана добралась до Стража-Командора первой и упала рядом с ним на колени. Однако повернуть его у девушки не хватило сил. Подоспевший на помощь маг с усилием толкнул товарища на спину и, отстегнув, стащил с его головы глухой шлем.

— Айан! — рыжая лучница убрала мокрые волосы со лба Кусланда, оглаживая ладонью его лицо. — Айан, очнись! Все кончено, он мертв! У тебя получилось! Айан!

Амелл выронил шлем и тот покатился с коротким стуком. Закусив губу, маг резко осел на камень подле товарища. На его обожженное лицо, вытесняя малиновую красноту, вползала синеватая бледность.

— Айан! — Лелиана примерилась, и хлестнула по обострившейся щеке Кусланда. — Айан! Не пугай меня! Хватит... ты слышишь? Айан!

— погоди, — кусая губы, Амелл поймал ее руку в полете за следующей оплеухой. — погоди. Не... не надо. Все кончено, Лели. Архидемон мертв. Айан... и Айан тоже. Ты не знаешь...

Бардесса вырвала руку, коротко рассмеявшись. Но тут же оборвала себя, прикрыв пальцами губы. Бросив взгляд на распростертого на камнях Кусланда, она помотала головой.

— Я знаю, знаю, — она посмотрела на Дайлена, по щеке которого, пробивая себе путь через кровь и копоть, ползла слеза, и дергано, неуверенно улыбнулась. — Жертва Стража, и все такое... жутко секретное. Но Айан не умер. Нет. Она сказала — поможешь мне... поможешь мне, и Страж не умрет. А умрет архидемон... Айан жив, он жив, посмотри!

Она снова принялась трясти Кусланда. Амелл закусил грязный палец и коротко, лающе всхлипнул, точно прочищал горло. Лелиана дергала тело Командора, наотмашь хлестала его по щекам, звала, прикладывала ухо к груди и снова била, не обращая внимания на подходивших, обступавших ее людей, на коленопреклонного Дайлена, который, никого не стесняясь, трясся, комкая в ладонях лицо. Где-то еще гремела битва, слышались крики, рев и звон, а Лелиана не замечала ничего, снова и снова пытаюсь разбудить того, кого она смогла полюбить — единственного, пожалуй, за всю ее недлинную и нечистую жизнь.

Потом она задрала перекошенное лицо к разъяснившемуся небу и страдающе, по-звериному завывала.

Глава 83. Эпилог

Глава 83. Эпилог

— ... и она сказала — если будет ребенок... ребенок от Стража... она обещала, что душа архидемона после его гибели устремится в этого ребенка. Где бы она ни находилась. Я... мне казалось — это дурно, это против заветов Создателя... Но я так... я так люблю Айана. Я... не могла... не могла позволить ему умереть. Понимаешь? Только не ему!

Красивое лицо орлесианской бардессы распухло от слез. Она стояла, прислонившись плечом к стене и то и дело вытирая под носом насквозь мокрой тряпкой. Рядом подпирал ту же стену хмурый Дайлен Амелл. Его сложенные на груди руки то и дело сами собой смещались для того, чтобы тереть плечи. Лицо мага почернело и осунулось. Глаза горели как угли — то ли от того, что Страж тоже оплакивал свое горе, то ли от долгой бессонницы.

После победы над пятым из проклятых богов прошло уже почти четыре дня. Все это время Дайлен был занятее, чем все в городе вместе взятые. Единственный, кто не боялся скверны, он был вынужден ходить по домам и выжигать очаги заразы — вместе с тушами дохлых порождений тьмы. При том необходимо было умудриться не поджечь половину города, из-за чего вслед за огнем приходилось вызывать воду — а потому Страж-маг был очень занят все эти дни и почти не спал.

Другие не спали тоже. Гигантские костры с трупами тварей день и ночь полыхали у городских стен. Для их поддержания вырубали всю насаженную вокруг Денерима рощу. Оставшиеся в живых люди, гномы и эльфы работали не покладая рук, разбирая завалы, туша пожары и спасая то, что можно было спасти. Но большее внимание уделяли телам. Тварей уничтожали тут же, по возможности сжигая на месте, но погибших горожан и защитников выносили за стену и укладывали на сложенные здесь поленья. Погребение должно было быть единственным для всех — как завершение того, что принес Мор.

Меж тем молчание затянулось. Дайлен переменил положение у стены и все-таки потер плечо.

— Дальше, — угрюмо приказал он.

— Дальше, — Лелиана не сдержалась, и снова всхлипнула. — Ну, как дальше... Айан бы никогда не согласился... на... такого... ребенка. И Алистер бы не согласился. Стражи... никто из Стражей не стремится к смерти, но они к ней всегда готовы. Они бы отказались, оба. Это и так понятно... И тогда мы... мы придумали план. Айан и Алистер вечно ходили вместе. Везде... Нужно было их разделить. И я... отвлекла Айана. Увела его из королевского шатра, чтобы он не мог помешать. А Морриган... Я... я не знаю, что у них произошло с

Алистером. Я... уснула. Быть может, ничего не случилось? Или... что-то пошло не так...

Она умолкла, даже сквозь слезы углядев изменившееся выражение лица мага. Черты Дайлена исказила такая гримаса, что Лелиана невольно забыла о своем горе и попятилась.

— Вы... — по-видимому, горло Амелла сдавило, и он не сразу смог вытолкнуть из него то, что хотел сказать. — Вы... дуры вы, курицы безмозглые! Мало того, что ты, бывшая послушница, презрела Песнь и все заветы! Решилась на... на такой грех, который страшно держать даже в мыслях! Собственными руками взрастить нового архидемона, скрытого от взора Создателя! Так ты еще и... вы с этой ведьмой... Не смогли ваше страшное деяние совершить как надо!

В ярости он ударил кулаком в стену, но тут же поморщился, хватаясь за запястье. Потом поднял взгляд на непонимающее лицо бардессы и поморщился сильнее.

— Что ты пялишься на меня, как глупая корова? Ты же сама сказала — для того, чтобы зачать ребенка, способного вместить душу архидемона, нужен Серый Страж! Страж, гарлок вас зажуй! А если вам нужен был именно Страж, тогда какого... какого рожна твоя Морриган отправилась за этим к Алистеру?

И, видя, что его по-прежнему не понимают, заорал, уже не сдерживаясь.

— Мы целую ночь забирались за проклятую гору, к гробнице, где был захоронен прах Невесты Создателя, неужели не помнишь? Прах, который может излечить любой недуг, любую болезнь! И скверну тоже! Морриган исцелила Алистера своими руками!

В синих глазах Лелианы дрожали слезы, но само лицо застыло, как орлесианская маска. Похоже, до нее, наконец, начало доходить, кто был виноват в смерти ее возлюбленного.

— Так значит... значит Алистер больше не Серый Страж? В этом все дело? Если бы Морриган легла с тобой или Айаном... Айан бы остался жив? Значит, Морриган меня не обманывала? Она... она просто ошиблась?

На несколько мгновений между ними царил тишина. Потом собеседник бардессы с шумом вдохнул.

— Значит-значит... тупые ослицы, — Дайлен с силой провел ладонью по лбу и волосам. — Сама судьба воспротивилась вашим мерзким планам. Айан... вот Айан сделал все как надо. Он навсегда... останется... в истории Ферелдена, как... как герой. А я... я должен был быть на его месте. Я не успел... на какие-то несколько мгновений. Я... никогда не успеваю. Проклятье! Никогда...

Он не сумел сдержать голоса под конец. Лелиана, по лицу которой снова потекли слезы, качнулась вперед и, обхватив его за шею, прижалась к груди. Дайлен вжал ее в себя и некоторое время они стояли молча, в объятиях друг друга — разные люди, сплоченные одним великим горем. Должно быть, на короткое время каждый из них ушел в себя, поэтому тому, кто неслышно приблизился к ним со стороны входа, пришлось повторить свой деликатный кашель трижды прежде, чем он был услышан.

— Я... прошу меня простить, добродетельный Страж, и ты, прекрасная дева, но мне не к кому больше обратиться. Королю понятное дело, что не до меня, а прочие и слушать не будут, — ушастый светловолосый проситель склонил голову в знак неподдельной почтительности. — Страж... пусть между нами были разногласия, но ты единственный, кто меня помнит, и может подтвердить, что... В общем, Командор... — в голосе эльфа из Антивы, который был известен Дайлену под именем Зевран, ничего не изменилось, лишь необычная серьезность тона могла свидетельствовать о его глубокой искренности. — Айан Кусланд был моим другом. Пожалуй, единственным человеком во всем Тедасе, которого я

мог бы назвать другом. А потому... Вы ведь сейчас идете к погребальному костру. Весь город идет. Но к телу Командора пустят только...

Он помолчал. Потом дернул щекой и вновь коротко поклонился.

— Страж. Немного найдется во всем мире тех, кого я о чем-то попросил. Но тебя попрошу. Помоги мне пройти к... моему другу Айану. Я... хочу вместе с вами... зажечь его последний огонь.

Конец второй части

Больше книг на сайте - Knigolub.net